

Эдвард РАДЗИНСКИЙ

Эдвард
РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

РАСПУТИН

Эдвард Радзинский

Распутин

ЭДВАРД
РАДЗИНСКИЙ

Распутин

АСТ
Астрель
Москва

УДК 821.161.1-311.6Радзинский Э. С.

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Р 15

Радзинский, Э. С.

Р 15 Распутин / Эварда Радзинский. – М: АСТ: Астрель, 2011. – 576 с.

ISBN 978-5-17-069813-4 (ООО «Издательство АСТ»)(ВСР)

ISBN 978-5-271-33257-9 (ООО «Издательство Астрель»)

ISBN 978-5-17-073260-9 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 978-5-271-34836-5 (ООО «Издательство Астрель»)

ISBN 978-5-17-065224-2 (ООО «Издательство АСТ»)(Метропресс)

ISBN 978-5-17-073525-9 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 978-5-271-34793-1 (ООО «Издательство Астрель»)

ISBN 978-5-17-073259-3 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 978-5-271-34834-1 (ООО «Издательство Астрель»)

И опять мерещится все та же ночь – финал истории трехсотлетней империи в грязном подвале. И опять падает навзничь царь, и две девочки стоят на коленях у стены, закрывшись руками от пуль, и комендант Юровский вбегает в пороховой дым дострелить ползающего по полу мальчика...

Только теперь в этом дыму я вижу еще и бородастого мужика, который столько сделал для того, чтобы случился этот подвал! И который знал, что он случится!

УДК 821.161.1-311.6Радзинский Э.С.

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-069813-4 (ООО «Издательство АСТ»)(ВСР)

ISBN 978-5-271-33257-9 (ООО «Издательство Астрель»)

ISBN 978-5-17-073260-9 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 978-5-271-34836-5 (ООО «Издательство Астрель»)

ISBN 978-5-17-065224-2 (ООО «Издательство АСТ»)(Метропресс)

ISBN 978-5-17-073525-9 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 978-5-271-34793-1 (ООО «Издательство Астрель»)

ISBN 978-5-17-073259-3 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 978-5-271-34834-1 (ООО «Издательство Астрель»)

ISBN 978-985-16-9711-9 (ООО «Харвест»)(ВСР)

ISBN 978-985-16-9712-6 (ООО «Харвест»)

ISBN 978-985-16-9713-3 (ООО «Харвест»)(Метропресс)

ISBN 978-985-16-9714-0 (ООО «Харвест»)

© Радзинский Э.С., 2007

© ООО «Издательство Астрель», 2011

«СТАРЕЦ»

29

«НАШ ДРУГ»

83

ЮСУПОВСКАЯ НОЧЬ

475

ПРИЛОЖЕНИЕ

560

Пролог

Охота за документами

ТАЙНА

Накануне Рождества Христова, 19 декабря 1916 года (в том последнем декабре Романовской империи) в Петрограде на речке Малая Невка всплыл труп — покрытый ледяной коркой, с изуродованным лицом. Поражали руки — связанные руки были подняты. Будто там, подо льдом, избитый и простреленный человек все еще жил, все пытался освободиться от пут...

Как напишет в отчете полиция, множество людей с флягами, кувшинами и ведрами устремились в те дни к реке. Они черпали воду, где еще недавно плавало страшное тело, они словно надеялись зачерпнуть с водой и дьявольскую, неправдоподобную силу этого таинственного человека, о котором знала вся Россия.

Я всегда опасался писать о нем. И не только потому, что в теме есть привкус вульгарности: Распутин — один из самых популярных мифов массовой культуры XX века. Опасался, потому что не понимал его, хотя прочел о нем множество книг. Многие написаны были весьма добросовестно, но под пером исследователей исчезало главное — его тайна.

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

Его лицо (запечатленное на множестве фотографий) довольно одинаково описывается людьми, встречавшимися с ним: обветренное, опаленное солнцем морщинистое лицо пожилого русского крестьянина — узкое, с крупным бугристым носом, полными плотоядными губами и длинной бородой. Волосы разделены на пробор и начесаны на лоб, чтобы скрыть (по словам его дочери) странную шишку высоко на лбу, напоминающую зачаток рога... Его глаза, также одинаково описанные разными свидетелями, притягивают даже на фотографиях. «Этот мгновенно загорающийся магнетический взгляд светлых глаз, в которых смотрит не один зрачок, а весь глаз» (Жуковская); «глубоко сидящие глаза... долго выдержать его глаза невозможно» (Джанумова); «гипнотическая сила, которая светилась в его необыкновенных глазах» (Хвостов)...

Но далее начинается тайна: очевидцы описывают совершенно разное. В свое время я не без удовольствия выписал все эти противоречия: «высокий», «невысокий», «по-крестьянски опрятный», «грязный и неряшливый», «худой», «коренастый с широкими плечами»... Певица Беллинг, много раз видевшая Распутина, пишет о его «гнилых зубах и зловонном дыхании». А писательница Жуковская, весьма близко его знавшая, сообщает: «Зубы были у него безукоризненные и все до одного целы, а дыхание совершенно свежее... белые хлебные зубы, — крепкие, точно звериные...» «Рот был очень велик, но вместо зубов в нем виделись какие-то черные корешки», — пишет его секретарь Симанович. «Крепкие белые зубы» увидел у Распутина его почитатель Сазонов...

Он зыбок, он странно меняется. Очень точно сказала о нем великая княгиня Ольга, сестра последнего царя: «Он менялся, как хамелеон». О том же пишут и другие: «Когда вспомнишь эту его диковинную особенность мгновенно изменяться... сейчас сидел простой, неграмотный мужичок, грубоватый, почесывающийся, и язык у него еле шевелится, и слова ползут неповоротливо... и вдруг превращается он во вдохновенного пророка... и... новый скачок перевертыша, и с диким звериным сладострастием скрипят белые зубы, из-за тяжелой завесы морщин бесстыдно кивает какой-то хищный, безудержный, как молодой зверь... и вот уже... на месте распоясанного охальника сидит серый сибирский

РАСПУТИН

ПРОЛОГ

странник, тридцать лет ищущий Бога по земле», — вспоминала Жуковская.

Но главная его тайна, которую я никак не мог понять, — это ослепление Царской Семьи.

«Старец» — так называла Распутина императрица Александра Федоровна. Но как она, прочитавшая множество книг о православии, знавшая жития знаменитых старцев, могла называть «старцем» мужика, погрязшего в блуде и пьянстве? Она не верила рассказам о нем? Не верила — кому? Придворным? Это понятно. Отчетам полиции? это объяснимо. Не верила Романовской семье? Матери мужа-царя не верила? Это объяснить труднее, однако все-таки можно. Но как она могла не верить своей сестре? Любимой и воистину святой старшей сестре Элле, с которой была так близка? А может быть, она попросту *не хотела верить?*

А сам царь? Почему он соглашался с ослепленной женой? Неужели все дело было в том, что Распутин спасал их больного сына? И этого достаточно, чтобы возникло восторженное поклонение, точнее — обожествление? Чтобы возник пугающий симбиоз: религиознейшая семья, однолюбые царь и царица, их чистые дочери — и рядом похотливый мужик, чьи проделки были притчей во языцех? Неужели здоровье ребенка заставило их молчаливо согласиться на уничтожение престижа династии, на неминуемую катастрофу, о которой им все без исключения твердили? Согласиться забыть свой долг перед страной?

Тогда пойдем и пожалеем добрых и несчастных родителей. Но как относиться к властителям — виновникам катастрофы, постигшей Россию в 1917 году и унесшей не только их жизни, не только жизнь их мальчика, но жизни миллионов их подданных?

Или была какая-то совсем *иная* причина их удивительной веры в этого человека? Совсем *иное* объяснение его поступков?

В начале века, когда всплыл страшный труп, все было так ясно: Распутин — слуга Антихриста. Так говорила тогда и верующая, и неверующая Россия... чтобы спустя 80 лет вновь задавать себе вопрос: кто же он все-таки был — Григорий Ефимович Распутин?

ТЮРЕМНЫЙ «БАЛ»

Я давно понял: только когда найду «То Дело» — смогу попытаться ответить на этот вопрос. Я знал, что «То Дело» должно существовать.

В 70-х годах, когда я писал книгу о Николае II, мне, естественно, приходилось обращаться к бумагам Чрезвычайной комиссии Временного правительства.

В марте 1917 года, после победы Февральской революции, в казематах Петропавловской крепости стало многолюдно. Сюда, в камеры русской Бастилии, где при царе сидели политические преступники, были доставлены те, кто их туда сажал. Люди, еще недавно вершившие судьбы России — бывшие премьер-министры Штюрмер и Голицын, министр внутренних дел Протопопов, руководитель департамента полиции Белецкий и сменивший его на этом посту Васильев, министр двора престарелый граф Фредерикс, председатель Государственного Совета Щегловитов, дворцовый комендант Воейков, ближайшая подруга царицы Вырубова, и прочие, и прочие, — собрались в крепостных камерах, вечно сырых от наводнений. Как напоминало это общество недавние балы в Зимнем дворце...

4 марта 1917 года Временным правительством была образована «Чрезвычайная следственная комиссия по расследованию противозаконных действий министров и прочих должностных лиц царского режима». И теперь в Зимнем дворце, куда столь недавно министры являлись в орденах и лентах, заседал Президиум Комиссии, а следователи выезжали вести допросы в Петропавловскую крепость. Протоколы обрабатывал первый поэт России — Александр Блок. В своих записных книжках он описал и атмосферу допросов, и Зимний дворец с пустым тронным залом, «где вся материя со стен была содрана, а трон убран, потому что солдаты хотели его сломать».

Протоколы допросов готовились к изданию — вся страна должна была узнать, что же творилось там — за кулисами режима, в таинственном Царском Селе. И одним из главных вопросов,

РАСПУТИН

ПРОЛОГ

на который должна была ответить Комиссия, был вопрос о деятельности полуграмотного русского мужика Григория Распутина.

«13-Я ЧАСТЬ»

Президиум Комиссии и 27 ее следственных частей с марта 1917 года и вплоть до Октябрьского переворота вели непрерывные допросы своих блестящих заключенных.

Особая следственная часть, имевшая выразительный номер 13, специально занималась «обследованием деятельности темных сил». На политическом жаргоне того времени «темными силами» именовались Распутин, царица и приближенные к ним лица. Влияние Распутина на бывшего царя — вот что было основным содержанием работы 13-й части. Во главе ее стоял Ф.П. Симсон — бывший председатель Харьковской судебной палаты. Допросы вели однофамильцы Владимир и Тихон Рудневы и Григорий Гирчич, следователи, прикомандированные к Комиссии из провинциальных судов (тут идея была: провинциальные следователи не связаны с находившейся под следствием столичной правящей верхушкой).

А потом грянул переворот, и захватившие власть большевики покончили с Временным правительством. И вчерашние министры отправились в те же камеры Петропавловской крепости. Там их не без юмора встретили царские министры, которых они так недавно туда посадили...

Прекратили большевики и деятельность Чрезвычайной комиссии. Но часть допросов важнейших царских министров все же решили опубликовать к 10-летию революции. Издание должно было «показать маразм царской власти», которой руководил невежественный развратный мужик Григорий Распутин.

К тому времени обрабатывавший стенограммы допросов Александр Блок уже умер (но успел увидеть, как «мировая революция превратилась в грудную жабу»). Издание осуществил один из самых видных деятелей Комиссии П. Щеголев. До революции

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

он был редактором знаменитого журнала «Былое». Этот печатный орган «совсем революционного настроения» не раз закрывался царскими властями. Лев Толстой говорил: «Если бы я был молод, то после чтения «Былого» я взял бы в обе руки по револьверу»... При царе Щеголев успел побывать и в камере Петропавловской крепости, где впоследствии сам допрашивал посадивших его туда. Но после прихода большевиков вчерашний неподкупный Щеголев весьма переменился — стал послушным помощником новой власти, выступал экспертом на процессах, устроенных большевиками.

Семь маленьких томиков «Протоколов Чрезвычайной следственной комиссии» — вот и все, что было опубликовано Щеголевым из огромного материала допросов. Эти томики и стали на долгие годы главной документальной основой всех книг, написанных о Распутине.

ИСЧЕЗНУВШЕЕ «ДЕЛО»

Только спустя почти четыре десятка лет к ним прибавился еще один поразительный документ о Распутине, и тоже из материалов Комиссии.

В 1964 году вышел сенсационный номер журнала «Вопросы истории», и его жадно читали тогда не только специалисты. Там впервые начали печатать «Постановление следователя Чрезвычайной комиссии Ф. Симсона о деятельности Распутина и его приближенных лиц и влиянии их на Николая Второго в области управления государством», хранившееся прежде в секретной части Архива Октябрьской революции (ныне Государственный архив Российской Федерации). Это постановление и было итогом работы 13-й части.

Я прочел этот номер позже, когда начал работать над книгой о Николае II. Содержание «Постановления» произвело ошеломляющее впечатление. В нем Симсон щедро цитировал показания лиц из ближайшего окружения Распутина: его издателя Филиппова; его друга Сазонова, на квартире которого прожи-

РАСПУТИН

ПРОЛОГ

вал Распутин и с женой которого он находился в самых тесных отношениях; знаменитой Марии Головиной — верной обожательницы Распутина, ставшей невольной причиной его гибели; петербургских кокоток, с которыми мужик был связан нежными узами; и так далее...

Но в изданных Щеголевым «Протоколах» все эти показания отсутствовали. Ибо это были показания людей, *любивших Распутина*, чья точка зрения была неприемлема для Щеголева.

Впрочем, вырванные цитаты, которые приводил в своем отчете Симсон, мало что меняли. В «Постановлении» он старательно защищал ту же идею, которую проводил Щеголев в своей публикации: рисовал все тот же образ развратного мужика, обезумевшего от пьянства и вседозволенности, который руководил и Царской Семей, и согласившимися прислуживать фавориту коррумпированными министрами.

Было ли это всей правдой показаний, полученных в 13-й части? Я имел право усомниться, ибо к тому времени уже знал о непримиримых разногласиях внутри Комиссии. Один из следователей, Владимир Руднев, демонстративно покинувший Комиссию, уже в эмиграции написал о причинах своего ухода: «В августе 17 года я подал прошение об отчислении меня *ввиду попыток председателя Комиссии Муравьева побудить меня явно к пристрастным действиям*».

И я отправился в архив, чтобы целиком прочесть показания, которые так пристрастно цитировал Симсон. Каково же было мое изумление, когда в фонде Чрезвычайной комиссии я их не нашел.

Эти документы исчезли.

Итак, исчезли показания ближайших друзей Распутина. А ведь в них-то, возможно, и было самое интересное! Ведь эти показания давали люди, видевшие его каждый день, те, кто согласились в силу каких-то причин преданно служить ему. В них могла быть разгадка — подлинный портрет, который я для себя уже назвал «Живой Распутин»...

Эти исчезнувшие показания и стали для меня «Тем Делом». Так началась моя охота за документами.

ПИСАТЕЛЬ ГРИГОРИЙ РАСПУТИН

В архиве я нашел довольно скудный «фонд Распутина». В нем были знаменитые телеграммы, которые он посылал царю и царице. Заботливо сохраняемые ими вплоть до революции, они были изъяты Чрезвычайной комиссией и впоследствии неоднократно публиковались в разных изданиях.

И там же я нашел некие загадочные и никогда не печатавшиеся телеграммы, посланные Распутину за подписью «Душка». Эти телеграммы (к которым мы еще вернемся) проливают особый свет на отношения Распутина и царицы...

Там же хранились и произведения самого Распутина — и самое сильное, самое таинственное, так и не изданное при его жизни «Житие опытного странника». И еще три (опубликованных прижизненно): «Великие торжества в Киеве» (во время этих торжеств был убит премьер Столыпин), «Благочестивые размышления» (сборник поучений) и «Мои мысли и размышления» (рассказ о поездке в Иерусалим). Разумеется, малограмотный Распутин сам их не писал. Он говорил, а некто за ним записывал (и с любовью записывал!). Мы еще вернемся к удивительному соавтору (точнее — соавторше) Распутина...

Изданные сочинения после революции были изъяты из библиотек и переправлены в закрытые хранилища. Они цитировались в книгах иностранных авторов о Распутине. Но его сильная, народная русская речь меркнет при переводе. Переводить его должен поэт.

Можно представить обольщение, которое испытывали слышавшие эту речь, видевшие «пронзительные волчьи глаза»... И опасные прикосновения его «электрических» рук — он часто дотрагивался до собеседников во время поучений...

ФАЛЬШИВЫЕ ДНЕВНИКИ

И тогда же в архиве я нашел «Дневник Распутина». С подзаголовком: «писанный под его диктовку Крамер Л. П.» Неопубликованный дневник Распутина! Это было счастье! Но восторг

РАСПУТИН

ПРОЛОГ

погас быстро. Многие истории и их герои в этом дневнике совпадали с тем, что я уже прочел в щеголевских «Протоколах». И все, что доказывала тогда большевистская историческая наука: разврат «старца», продажность высшего петербургского общества, жалкий тупой царь — все старательно было собрано в дневнике.

Вот Распутин поучает царя — стучит кулаком, объясняет глупому самодержцу загадку русского народа: «Ты как учить мужика думаешь? Через жопу?.. Жопу ему драть хочешь, а в голове у него такая злоба вырастет...» И далее поясняет: «С царями... (так Распутин называет императорскую чету. — Э.Р.) не разумом надо, а духом... Они разума не понимают, а духа боятся»... Повелевает он и покорной царицей: решил Распутин заключить мир с немцами, и она благоговейно становится перед ним на колени, обещает немедля сделать... И конечно же — разврат с «прогнившей аристократией»: «Повезла мама (царица. — Э.Р.) меня к Кусихе (баронессе Кусовой — Э.Р.) в Павловск... Там еще генеральша была... Липучие они обе, как мухи... Сама ко мне липнет, а все боится, как бы не узнали».

Да, это была всего лишь идеологическая подделка. Недаром в подзаголовке «писанный под его диктовку» позже кем-то было стыдливо вставлено слово «якобы» — «якобы писанный под его диктовку».

Определить авторов этого документа нетрудно. Ибо они уже успели прославиться подобной подделкой, имевшей в те годы фантастический успех у читателей.

В 1927 году на страницах журнала «Минувшее» начал печататься «Дневник Вырубовой». Вся страна с упоением читала этот дневник, раскрывавший интимные подробности «разложения режима, так недавно правившего Россией».

Правда, очень скоро поползли слухи, что Вырубова тут была совершенно ни при чем. Авторами занимательной подделки называли двух знаменитостей: все того же издателя «Протоколов Чрезвычайной комиссии» Щеголева и известного писателя Алексея Толстого («красного графа», как часто его звали).

До этого Щеголев и Толстой уже успели вдвоем сочинить нечто похожее. Это была пьеса «Заговор императрицы» — о по-

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ РАСПУТИН

пытке Распутина произвести дворцовый переворот и сделать правительницей страны Александру Федоровну. Пьеса имела «анафемский успех» в Москве и Ленинграде, шла там одновременно в шести театрах.

И в 1927 году, когда праздновалась десятая годовщина падения царского режима, мощная идеологическая кампания по дискредитации царизма не смогла обойтись без Щеголева и «красного графа» (и они — без нее). Это был типичный социальный заказ: Щеголев предоставил материалы, Толстой написал — так появился лжевырубовский дневник. И огромный его успех, видимо, подсказал новую работу — «Дневник Распутина» должен был стать продолжением «Дневника Вырубовой». Однако благодаря общительному (и часто пьяному) «красному графу» история фальшивки перестала быть тайной, так что об издании «продолжения» нечего было и думать. И, возможно, тогда ценивший литературные мистификации Щеголев и отдал «Дневник Распутина» в архив — пусть полежит до лучших времен...

И подделка осталась пылиться в архиве.

НЕДРЕМЛЮЩЕЕ ОКО ПОЛИЦИИ

Но, пожалуй, самыми забавными документами о Распутине, которые я прочел тогда в архиве, были тома донесений агентов полиции, наблюдавших за ним. Эти «агенты наружного наблюдения» должны были ежедневно писать отчеты обо всех передвижениях Распутина по городу, опознавать и описывать его бесчисленных посетителей (которые тут же попадали, как в капкан, под надзор полиции). Отмечались любые отлучки Распутина из квартиры, время его возвращений, адреса визитов и встречи по дороге. Ни один государственный деятель того времени не имел такого подробного «жизнеописания», как полуграмотный мужик Григорий Распутин...

Но находящиеся в архиве тома — всего лишь жалкие остатки. Часть полицейских документов погибла во время Февральской революции, когда горели охранные отделения, часть уничтожи-

РАСПУТИН

ПРОЛОГ

ли сами высокие чиновники, ибо они тоже посещали Распутина, и он бывал у них. Министр внутренних дел Хвостов показал в Чрезвычайной комиссии: «При оставлении мной должности Штюмер (премьер-министр. — Э.Р.) брал к себе документы, особенно о Распутине... главный интерес был к ним. *Все тут же сожглось*»...

Но и оставшиеся донесения раскрывают безумную мозаику распутинских дней — посещения ресторанов и цыганских хоров, встречи с министрами и политическими деятелями, пикантные сцены на кухне, подсмотренные агентами из-за отсутствия занавесок, мешанина его посетителей: кокотки, княгини, банкиры, дельцы, набожные почитательницы... Все фиксируют агенты: имена, время прибытия и ухода дам (подчас после ночи с мужиком)...

ЕЩЕ ОДИН ДНЕВНИК

Но исчезнувшее «То Дело» не выходило у меня из головы. После начала перестройки я возобновил поиски. В начале 90-х тщетно искал его в Петербурге.

В Историческом архиве, расположившемся в роскошных зданиях бывших Сената и Синода (куда столь многих назначил простой мужик), из распутинских документов сохранилась только маленькая ученическая тетрабочка с портретом Пушкина и надписью «Девник» (то бишь «Дневник»). В свое время обнаружение этой тетрабочки вызвало волну статей в крупнейших газетах мира: найден дневник Распутина! На самом же деле наш герой заносил в эту тетрабочку (чудовищными каракулями) свои поучения. Название «Дневник» он, видимо, дал для важности, зная, что и царь, и царица ведут дневники.

И наконец в бывшем Музее Революции, помещавшемся в особняке балерины Кшесинской, я увидел еще одну сенсацию последнего времени: обнаруженные в 90-х годах фотографии из следственного дела об убийстве Распутина. Это вид двора Юсуповского дворца, по которому в декабрьскую ночь 1916 года бежал

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

Распутин, пытаясь спастись от своих убийц, и фотографии его трупа, вытасченного из реки, — изувеченного лица с запекшейся кровью и обнаженного тела с пулевыми отверстиями. Сам протокол вскрытия тела еще в 30-е годы хранился в Военно-медицинской академии, но вдруг таинственно исчез. Впрочем, тогда исчезали не только документы. Вскоре исчезли и многие сотрудники, которые видели этот акт, — было время террора... Правда, осталось официальное свидетельство о сожжении трупа Распутина после Февральской революции.

Все это было интересно, но... никаких следов пропавших документов из 13-й части — следов «Того Дела» — я по-прежнему не нашел.

«БОЛЬШАЯ ГРУДА ПЕПЛА»

В начале 90-х годов вышла моя книга о Николае II. Не обладая достаточным количеством материалов, я писал в ней о Распутине мало и осторожно. Тогда же на телевидении появилась моя передача «Загадки истории». После выхода книги на меня обрушился поток писем с просьбами сделать передачу о Распутине. И я решил снять историю его гибели.

Я попытался найти для передачи хоть какие-нибудь новые свидетельства о нем — помимо бесконечно цитируемых и переходящих из одной книги о Распутине в другую. Тогда я и вспомнил о рукописи, которую студентом видел в Архиве литературы и искусства. Это были воспоминания Веры Александровны Жуковской, молодой писательницы (родственницы знаменитого ученого Н.Е. Жуковского), о ее встречах с Распутиным. Однако эротика этих воспоминаний, весьма напоминавшая романы Арцыбашева, заставляла подозревать, что все это — литературный вымысел. Желание проверить подлинность фактов в рукописи заставило меня вспомнить о «Том Деле»...

Ибо, как писала Жуковская, попасть к «старцу» ей помог Александр Степанович Пругавин, знаменитый знаток русского сектантства. Более того, она утверждала, что впоследствии сама приводила Пругавина к Распутину. Как легко можно было про-

РАСПУТИН

ПРОЛОГ

верить достоверность ее истории! Ведь показания Пругавина о Распутине цитировались в постановлении Симсона, значит, они были и в «Том Деле»... Я должен был его найти!

Работая над передачей, я, естественно, думал и о бумагах Вырубовой. Несколько ее допросов опубликованы в щеголевских «Протоколах», но их должно было быть куда больше. Ибо, как отмечал следователь Руднев, 13-я часть «обратила особое внимание» на деятельность ближайшей подруги царицы и главной почитательницы «старца».

После гибели Распутина Вырубова жила вместе с Царской Семьей в Александровском дворце. В конце февраля 1917 года, когда восставшая толпа уже заполнила улицы столицы, наследник и великие княжны заболели корью. Заразившись от них, Подруга лежала в жару, без сознания. Очнулась она уже в осажденном дворце, безнадежно тонувшем в море революции. Света не было, лифт не работал, царица металась между больными. Но едва оправившись, Вырубова начала жечь свои бумаги...

В конце марта Вырубову арестовали. Она предстала перед Чрезвычайной комиссией. В опубликованных показаниях на вопрос следователя: «Почему вы сожгли целый ряд документов?» она ответила: «Я почти ничего не жгла... сожгла только несколько последних писем императрицы, не хотела, чтобы они попали в посторонние руки».

Я хотел в это поверить. Может быть, действительно, главное ей удалось спрятать? Ведь не сожгла она впоследствии письма царственной подруги из тобольского заточения, несмотря на все призывы Аликс уничтожить их! И возможно, унесла она драгоценные документы с собой в ту ночь, когда ей удалось бежать из красной России по опасному льду Финского залива.

Вырубова — одна из очень немногих, кто был близок к Царской Семье и уцелел. Она прожила до 1964 года и благополучно умерла в Финляндии. Естественно, я отправился туда.

В Хельсинкском Национальном архиве мне показали ее полицейское досье. Там была запись допроса Вырубовой, произведенного финскими властями в городе Териоки — в карантине для беженцев. Финны понимали всю важность ее показаний. Как

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

сказано в деле, «показания направлены премьер-министру и президенту».

Но ничего нового Вырубова финнам не сообщила. Ее ответы были добросовестным повторением ее же показаний Чрезвычайной комиссии: «Нет, царица не была в связи с Распутиным» и так далее... В досье были также бесконечные прошения о гражданстве, но ей, «большой почитательнице Распутина», финны постоянно отказывали. Мотив — «занималась политической деятельностью». В 1934 году за нее тщетно просил бывший царский кавалергард, ставший финским маршалом, барон Маннергейм. Но лишь спустя пять лет, когда он стал всемогущим лидером страны, его рекомендация возымела действие.

В 1923 году Вырубова написала и опубликовала на Западе свои воспоминания. Она хотела скрыться под девичьей фамилией «Танеева», но издатели не согласились. Никаких черновиков этих воспоминаний в архиве я не нашел.

В Финляндии она стала «тайной монахиней» (с правом жить дома, а не в монастыре, из-за инвалидности — ее изуродованной ноги). Я связался с монастырем, где приняла она тайный постриг, но и там ничего не обнаружил. Вырубова доживала свой век одиноко, почти ни с кем не общаясь. Я было подумал, что она дала некий обет молчания, но это оказалось не так...

В 1937 году, остро нуждаясь в деньгах, она пыталась издать новую редакцию своих воспоминаний и даже заключила контракт с финским издательством. Но пока писала, началась война. Когда-то Первая мировая разрушила империю и жизнь могущественной Подруги «царей», теперь Вторая разрушила надежды изгнанницы получить немного денег... Воспоминания о царе и царице России, воевавшей с Германией, оказались «не ко времени» в Финляндии — союзнице Гитлера. А после войны, когда НКВД хозяйничал в Финляндии и эмигрантов почти открыто вывозили в СССР, Подруга, вероятно, попросту боялась напоминать о себе. Только в 1953 году — в год смерти Сталина — она передала в издательство законченную книгу. Но и тогда ее не напечатали — видимо, рукопись не показалась издателю новой по сравнению с прошлым изданием.

В начале 80-х, уже после смерти Вырубовой и ее финского издателя, его дочь, разбирая бумаги отца, нашла конверт с фото-

РАСПУТИН

ПРОЛОГ

графьями. На нем было написано: «Фото Анны Вырубовой с ее подписями на обороте». Нашла она и рукопись ее воспоминаний. В 1984-м книга была издана. Она не стала событием, ибо в ней, повторяюсь, не было нового. Но фотографии в книге — поражают. Особенно одна, где Александра Федоровна сидит в шезлонге на фоне Царскосельского парка... Какая грусть, какое безнадёжное лицо у императрицы...

Прочтя эти мемуары, я окончательно понял: никаких документов Вырубова с собой не вывезла. Неужели она действительно все сожгла в Зимнем дворце? Я тогда еще не знал, что «То Дело» (которое я вскоре увижу!) даст мне разгадку.

«То Дело»: «Комендант Александровского дворца подполковник Коровиченко в присутствии дежурного офицера и члена исполкома Царскосельского гарнизона произвели осмотр помещений, которые занимала в Царскосельском дворце Анна Александровна Вырубова... В камине спальни госпожи Вырубовой *найдена большая груда пепла от сожженных бумаг...*»

Из показаний Александра Оамерга, «исполнявшего должность скорохода при бывшем высочайшем дворе»: «Лакеи передавали мне, что 3 или 4 марта в камине ее (Вырубовой. — Э.Р.) комнаты они нашли большую кучу пепла от сожженных бумаг. Судя по количеству пепла, можно думать, что *было сожжено очень много бумаг*».

В отличие от предусмотрительной Подруги, царица, к великому счастью, не смогла сжечь большинство писем, ибо в них была ее любовь — бессмертная любовь к «дорогому Ники». Письма, которыми обменивались Аликс и Ники в дни войны, сохранились. И в них бесконечно упоминался Распутин. Если до 1914 года о его отношениях с Царской Семьей можно судить по показаниям свидетелей, то с первого дня войны о своих отношениях с Распутиным заговорят сами «цари».

Но комментировать эти письма мне помогла еще одна свидетельница...

Хозяйка маленького домика, затерянного в Канаде, сухонькая старушка, одетая в грубую черную юбку, потертый свитер и тя-

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

железные коричневые туфли, когда-то владела дворцами, ей прислуживали десятки лакеев. Она умерла в 1960 году — как и Вырубова, сумела перешагнуть середину века. На ее похоронах в православном соборе в Торонто собрались остатки первой — величественной — русской эмиграции. От умершей остались старая мебель и огромный портрет Александра III, напоминавший о былом.

Это была великая княгиня Ольга, родная сестра последнего русского царя Николая II, младшая дочь Александра III. Ее память поразила журналистку, записавшую ее мемуары. Я пользовался этими воспоминаниями — еще одним голосом навсегда исчезнувшей России.

ВОСКРЕСЕНИЕ РАСПУТИНА В НОВОЙ РОССИИ.

Но «Того Дела» я и тогда не нашел... Однако в 90-х годах выплыли из небытия документы о Распутине, хранившиеся в Тобольском и Тюменском архивах. Были найдены метрические книги Богородицкой церкви, по которым стало, наконец, возможно установить точную дату его рождения. В Тюменском архиве нашлись «Дело Тобольской духовной консистории о хлыстовстве Григория Распутина» и «Дело о покушении на убийство Григория Распутина».

Я благодарю оба этих архива, переправивших мне ксерокопии хранившихся у них бесценных документов.

В последние годы Григорий Распутин начал «воскресать» в России. И в этом «воскрешении» немалая заслуга самого Распутина, вернее, его сочинений. В годы перестройки они вновь явились на свет, были напечатаны и произвели огромное впечатление: прекрасный народный язык, исчезнувший в годы «новояза», и великие библейские истины, забытые в стране, где незнание Библии было почти всеобщим, завораживали.

Новая «распутиниана» началась со справедливого ощущения, что образ Распутина, созданный в течение нашего столе-

РАСПУТИН

ПРОЛОГ

тия, — политическая легенда. И показания, опубликованные Щеголевым в «Протоколах Чрезвычайной комиссии», — это в основном тенденциозно подобранные показания его врагов. И в документах, клеймящих Распутина, есть множество несоответствий...

Но «восстановление справедливости» вылилось в нашу любимую «легенду наоборот»: «святой черт» Григорий стал «святым старцем» Григорием!

Русские мифы о демонах и святых... сколько их в XX веке: «кровавый Николай» — «святой Николай»; «святой Ленин» — «кровавый Ленин»; «отец и учитель» Сталин — «монстр» Сталин... И все эти новые исследования о Распутине закончились излюбленной версией о «жидомасонах»: «масонами был создан миф о Распутине — миф, имеющий целью очернить, дискредитировать Россию, ее духовное начало».

История продолжала улыбаться. Перед революцией и после нее тогдашние националисты обвиняли Распутина в том, что он агент масонов, что «черные силы масонства» воспользовались его влиянием на царя и царицу для выполнения своей программы. Теперь он был объявлен жертвой масонов. И если прежде Распутина называли «еврейским прихвостнем, окруженным евреями-секретарями», в нынешней России некто Н. Козлов счел убийство Распутина «ритуальным»: оказывается, Распутина убили евреи через руководимых ими масонов.

Так возник новый миф о крестьянине, хранителе исконных русских ценностей — православия, самодержавия и народности, — подвергшемся травле врагов правосудия, мечтавших «развернуть Россию на Запад». Все стало просто, пошло и скучно.

Но создатели этого мифа могли утверждать все, что хотели. Могли называть ложью донесения агентов охраны, заявлять, что никогда Распутин не пьянствовал, не творил блуда — был чистым и добрым христианином.

Они имели на это право, ибо все порочащие Распутина сведения черпались из показаний его врагов. Показаний его друзей не было.

Не было «Того Дела».

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

«ТО ДЕЛО»

Готовясь к телевизионной передаче об убийстве Распутина, я ознакомился с архивом семьи Юсуповых.

Архив этот нелепо разбит на две части: основной фонд хранится в Российском Государственном архиве древних актов. Здесь — история возникновения несметных богатств древнего Юсуповского рода. Потомки татарских владык, перешедшие на службу к московским царям, за три века стали богатейшими землевладельцами: тысячи десятин земли принадлежали будущему убийце Распутина. В XIX веке стали они и крупнейшими промышленниками. В 1914 году их доход составил полтора миллиона золотых рублей. Богатейшая семья России!

Другая (небольшая) часть фонда хранится в Историческом музее. В этих двух хранилищах я и нашел переписку между Феликсом Юсуповым и его женой Ириной. Сохранились и письма к сыну Зинаиды Юсуповой — одной из главных ненавистниц Распутина.

Заговор против «старца», тайна отношений Феликса и Марии Головиной и, наконец, новая картина убийства Распутина открываются в этих письмах...

А потом подошел день съемки в Юсуповском дворце.

Этот дворец полон тайн. Впрочем, тайны — в традициях Юсуповского рода. Прабабка убийцы Распутина была одной из красивейших женщин Европы. В ее апартаментах после революции большевики нашли потайную дверь, а за ней — гроб с истлевшим телом мужчины. Феликс впоследствии писал о ее любовнике-революционере, узнике Свеаборгской крепости, которому прабабка устроила побег и скрывала во дворце и до его смерти, и после.

В 1925 году в московских палатах XVII века, принадлежавших Юсуповской семье, строители обнаружили, что штукатурка под парадной лестницей несколько отличалась по цвету от стен. Пробив дыру, они проникли в кладовую, заставленную сундуками. Когда зажгли свечу, все вокруг заблестело — золото, серебро, фамильные драгоценности были свалены в открытых сундуках хозя-

РАСПУТИН

ПРОЛОГ

евами, поспешно покинувшими страну. Там же найдены были и семейные документы, вошедшие потом в Юсуповский фонд.

День съемки оставил странное ощущение.

Утром я был приглашен на ланч к принцу Майклу Кентскому, гостившему в те дни в Петербурге. Потомок короля Георга V (двойника Николая Второго) принц Майкл похож на последнего русского царя — и чертами лица, и, что важнее, глазами: то же нежно-печальное выражение, описанное во множестве воспоминаний. После встречи с родственником и ликом последнего царя я и поехал на съемку во дворец, где убили того, кто его погубил.

В Юсуповском дворце все сохранилось: я спускался по той же лестнице, на которой стояли великий князь Дмитрий Павлович и остальные убийцы, судорожно прислушиваясь к звукам, доносившимся из подвала. Я вышел в тот же двор, в который выбежал, надеясь спастись, истекавший кровью Распутин. А потом я вернулся в тот же подвал, превращенный Феликсом в изящную столовую, где князь стрелял в мужика... Сейчас здесь находились восковые фигуры, изображавшие Феликса и Распутина.

Меня закрыли в подвале, я остался один. Это было странное чувство: мне показалось, что я знаю этот подвал, хотя прежде никогда здесь не был. Где-то я уже видел это небольшое пространство, окна, чуть возвышающиеся над землей, сквозь которые видны только ноги прохожих, мощные стены, не пропускающие звуков...

Да, то был двойник подвала в Ипатьевском доме, где расстреляли Царскую Семью.

Ночью после съемки я вернулся в Москву. На следующий день была премьера «Хованщины» в Большом театре, куда меня пригласил мой друг Мстислав Ростропович, дирижировавший оперой. Я глядел на сцену, на костюмы времен Московского царства, которые так любили носить на «исторических» балах Николай и Александра... Мне показалось, что вчерашний день продолжается.

И он продолжился.

По окончании оперы я пошел поздравлять Ростроповича. И тогда в артистической, набитой людьми, он мне сказал:

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

«Я приготовил тебе такой подарок! Ты сойдешь с ума! Ты просто умрешь! Ты должен немедленно приехать ко мне в Париж!»... Он сделал паузу, но я уже знал, что он скажет.

И он сказал: «Я купил тебе на аукционе «Сотбис» документы... целое огромное дело. И знаешь — о ком?» Я знал. И он закончил: «О Распутине! Это допросы в Чрезвычайной комиссии Временного правительства. Причем — множества людей, которые его знали».

Самый длинный день в моей жизни закончился.

В парижской квартире Ростроповича висят занавеси из Зимнего дворца с царскими гербами, а на стене — знаменитый серовский портрет Николая с невыразимо грустными глазами...

На столе лежал огромный том. Я открыл... Показания Филиппова, Сазонова, Вырубовой, Головиной... Это и было «То Дело», выдержки из которого цитировал следователь Симсон!

«То Дело», которое я столько искал!

КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ

На типовой обложке — надпись: «Чрезвычайная следственная комиссия по расследованию противозаконных действий министров и прочих должностных лиц царского режима». Почти пять сотен страниц со штампами Комиссии. Все протоколы подписаны допрашиваемыми. Здесь автографы Вырубовой, знаменитых почитательниц «старца» Ольги Лохтиной и Марии Головиной, шефа жандармов Джунковского, полковника Комиссарова, тибетского врача Бадмаева, министра внутренних дел Хвостова, главы Московской охраны Мартынова... И автографы следователей 13-й части — обоих Рудневых и Гирчича.

Какое это было чтение! В «Том Деле» оказались сенсационные показания епископа Феофана — знаменитого церковного иерарха, аскета, благодаря которому (как часто утверждалось ранее) Распутин проник в Царскую Семью; показания монахов из далеких сибирских скитов и Верхотурского монастыря, где началось таинственное преображение Распутина... И, наконец,

РАСПУТИН

ПРОЛОГ

столь важные и желанные для меня показания *тех, кто ценил и любил Распутина*, без мнений которых трудно написать беспристрастную биографию его.

Первый среди них — Алексей Фролович Филиппов, издатель и «искренний почитатель Распутина», как справедливо называют его приверженцы новых легенд о «святом Григории». Но Филиппов был не просто «почитателем» — он был яростным защитником Распутина. Есть показания и Георгия Петровича Сазонова, другого «горячего почитателя Распутина», как его (опять же справедливо) характеризуют те же новые поклонники «старца». И знаконца Распутина — одного из таинственнейших людей Петербурга — врачевателя Бадмаева, лечившего тибетскими травами важнейших царских сановников. И показания дам, подозревавшихся в самых близких отношениях с Распутиным: баронессы Кусовой, певицы Варваровой, вдовы есаула Воскобойниковой, кокоток Трегубовой и Шейлы Лунц. И, наконец, несколько длиннейших допросов его знаменитых поклонниц: Марии Головиной, «львицы петербургского света» Ольги Лохтиной, которую (как утверждали газеты) знакомство с Распутиным превратило в юродивую. И конечно же подруг царицы — Вырубовой и Юлии Ден.

«То Дело» позволило удостоверить и правдивость воспоминаний Жуковской, ибо в нем есть подробные показания самого Александра Степановича Пругавина. Знаток русского сектантства подтвердил все, о чем писала Жуковская: и свою помощь при ее знакомстве с Распутиным, и их совместные посещения «старца», и рассказы о нем Жуковской (как оказалось, впоследствии легшие в основу повести Пругавина о Распутине). Более того, эротизм писательницы, как считает Пругавин, «заставил ее стараться... до конца понять» загадочное учение «старца». Так что она хорошо знала, о чем писала...

И еще один источник, о котором идет речь в «Том Деле». Враг Распутина, монах Илиодор, опубликовал за границей свою знаменитую книгу о «старце» — «Святой черт». Многие историки считали ее лишь пасквилем, не заслуживающим внимания. Но в «Том Деле» имеются мнения о книге людей, в ней упомянутых. Оказалось, в главном Илиодор правдив: письма Государыни и великих княжон у него действительно были, и цитирует он их

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

правильно. Был у него и дневник Лохтиной — это подтвердила на допросе она сама. Ознакомившись с книгой Илиодора, и Лохтина, и епископ Феофан делают лишь частные замечания. Так что и этим источником пренебрегать не следует.

ДОМ ИЗ НЕБЫТИЯ

Среди документов, которые я получил из сибирских архивов, была опись имущества, принадлежавшего Распутину, сделанная тотчас после его гибели, — подробное описание его легендарного дома в Покровском. Теперь я знал каждое кресло в его комнатах, ковры, часы — всю эту «городскую обстановку» на втором этаже, где жили «дуры» (его петербургские поклонницы), и вековой крестьянский быт в комнатах его семьи...

Я видел то, что видел он. Я слышал его речь, которая звучит в его сочинениях. Я знал, каким видели его те, кто ему поклонялись. *Живой Распутин...*

Я мог начинать.

Эта книга — как бы завершение следствия о таинственном человеке, начатого Временным правительством в 1917 году. Своеобразное «Дело о Распутине», где свидетельствуют только те, кто его действительно знал.

И главное — в ней впервые зазвучат голоса тех, чьи показания оказались в «Том Деле».

Когда-то, завершая книгу о последнем царе, я опрометчиво написал: «Неужели никогда не закончить мне эту книгу?»

И вот опять толпа прежних знакомцев ворвалась в мою жизнь. И опять мерещится все та же ночь — финал истории трехсотлетней империи в грязном подвале. И опять падает навзничь царь, и две девочки стоят на коленях у стены, закрывшись руками от пуль, и комендант Юровский вбегает в пороховой дым дострелить ползающего по полу мальчика...

Только теперь в этом дыму я вижу еще и бородатого мужика, который столько сделал, для того чтобы случился этот подвал! И который знал, что он случится!

Часть первая
«СТАРЕЦ»

Глава 1

ЗАГАДОЧНЫЙ СТРАННИК

ЛЕГЕНДАРНЫЙ ПЕРИОД

Темна бóльшая половина его жизни... В 1917 году следователи Чрезвычайной комиссии беседовали с односельчанами Григория Распутина – безуспешно пытались восстановить его раннюю биографию. Но создали лишь идеологическую версию о вороватом и пьяном с юности мужике. Мало помогают и написанные в эмиграции воспоминания дочери Распутина Матрены – плод общей фантазии ее и помогавшей ей журналистки.

Между тем в архиве существует собственный рассказ Распутина об этом периоде. В 1907 году, уже став своим человеком в Царской Семье, он говорил «царям» о своих странствиях по Руси. Тогда, очевидно, и было решено записать его рассказы. «Житие опытного странника» – так называлась запись... Но будем помнить: он излагал то, что хотели услышать его царственные почитатели – некое «Житие святого Григория», проще говоря, тоже легенду. Однако в этой записи мы можем найти следы самого интересного – таинственного преобразования Распутина. Добавлением будут служить те немногие документы о его прошлом, которые находятся в сибирских архивах.

ИСЧЕЗНУВШИЙ
ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Григорий Ефимович Распутин родился в слободе Покровской Тюменского уезда Тобольской губернии. Это затерявшееся в сибирских просторах маленькое село расположилось на берегу полноводной реки Туры, на большом тракте.

По этому тракту, протянувшемуся на многие сотни верст, гнали ямщики своих лошадей от уральского городка Верхотурья с Николаевским монастырем (который впоследствии так полюбил Григорий) по берегам Туры через Тюмень к Тобольску. По нему же через Покровское, мимо Распутинского дома, в страшном 18-м году поедет на Урал — на смерть — Царская Семья.

Загадочен сам день рождения нашего героя. До последнего времени биографы Распутина называли самые разные даты — в периоде с 1860 до 1870 года. Советские энциклопедии дают: 1864–65 годы.

По сей день в селе Покровском сохранились развалины Богородицкой церкви, в которой его крестили, а в Тобольском архиве — часть метрических книг из этой церкви. В одной из них есть запись о бракосочетании крестьянина Ефима Яковлевича Распутина, 20 лет, с девицей Анной Васильевной, 22 лет, дочерью крестьянина, которое состоялось 21 января 1862 года.

Анна исправно рожала дочерей, но они умирали. Наконец 7 августа 1867 года она родила мальчика, Андрея — вскоре умрет и он. (В семьях Гитлера и Сталина все дети, рождавшиеся до них, тоже умирали, будто Бог предостерегал от появления младенцев на свет в этих семьях.) И наступил 1869 год...

До этой даты в метрических книгах нет сведений о рождении Григория. Так что *ранее 1869 года он не мог родиться*, и данные в наших энциклопедиях неверны. Но... все книги, датируемые этим и последующими годами, из архива исчезли!

Но в Тобольском архиве уцелела книга переписи жителей села Покровского за 1897 год, где рядом с именем Григория Распутина в графе «Год, месяц и день рождения по метрике», заканчивая все предположения, значится *10 января 1869 года*. 10 января — день святого Григория, потому его так и нарекли.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«СТАРЕЦ»

Кстати, путаницу с датой своего рождения старательно создавал и... сам Распутин. В «Деле Тобольской консистории» (в 1907 году) он заявляет, что ему 42 года (прибавляет себе 4 года). Через семь лет, в 1914-м, во время следствия по делу о покушении на него Хионии Гусевой он говорит: «Зовут меня Григорий Ефимович Распутин-Новый, 50 лет» (прибавляет 5 лет). В тетради, куда царица заносила изречения «старца», с его слов записано: «Уже я прожил 50 лет, шестой десяток наступает». Запись датирована 1911 годом, то есть Распутин прибавляет себе 8 лет.

Впрочем, его упорство прибавлять возраст нетрудно понять — ведь царица называла его «старцем»...

Старчество — особый институт русской церковной жизни. В былые времена старцами называли монахов, чаще всего — отшельников. Но к XIX веку так зовут уже монахов, «отмеченных особым знаком», которые благочестивой жизнью, постами и молитвами заслужили право быть «избранными Богом». Всевышний дал им силу пророчествовать и врачевать. Это «водители душ», заступники за людей перед Богом. Но «старец» в народном сознании — всегда человек в летах, старик, много переживший и отринувший все земное.

И «старец» Распутин стеснялся своих отнюдь не старых лет. Ведь он был моложе царя... Оттого он и прибавлял себе годы, что было нетрудно при его морщинистом, рано постаревшем крестьянском лице.

Отец Распутина, как показывают свидетели, допрошенные в Чрезвычайной комиссии, много пил, но потом совладал с собой, обзавелся хозяйством — владел земельным наделом, зимой занимался извозом, а летом, как все крестьяне Покровского, промышлял рыбной ловлей и подрабатывал грузчиком на пароходах и баржах.

ПОСТЫДНАЯ ФАМИЛИЯ

Его фамилия происходит от стыдного слова «распута». Трогательные попытки исследователей Распутина образовать его фамилию от «распутицы» или «распутья» особого доверия не вызывают.

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

«Распутин... происходит от нарицательного «распута» — *безнравственный, непутевый*» (В. Никонов, «Словарь русских фамилий»).

«Распута» — *беспутный, непутевый, распутный человек*. Иногда служило мужским личным именем. При Иване Грозном на Белом озере жил крестьянин Василий Кирьянов, давший своим сыновьям имена Распута и Беспута» (Ю. Федосюк, «Русские фамилии»)... Это весьма сомнительное для «святого человека» значение фамилии и станет причиной того, что царь попытается ее поменять.

Рос он невзрачным, тщедушным юношей, но уже тогда завораживал странным гипнотическим взглядом. И была в нем какая-то нежная мечтательность, вызывавшая насмешки грубых сверстников и притягивавшая девушек (по показаниям односельчан, его не раз заставляли с молодыми девками и не раз били).

Собирая по крохам биографию молодого Распутина, я нашел в газете «Новое время» за 1912 год статью известного журналиста М. Меньшикова о своей беседе с Распутиным. В ней — воистину поэтический рассказ самого «старца» о своем отрочестве: «В 15 лет в моем селе, когда солнышко сильно грело и птицы пели райские песни... мечтал я о Боге... Душа моя рвалась вдаль... я плакал и сам не знал, откуда слезы и зачем они... Так прошла моя юность... в каком-то созерцании, в каком-то сне. И потом, когда жизнь коснулась меня... я бежал куда-нибудь в угол и тайно молился»...

Из дневника хозяйки знаменитого петербургского салона, генеральши Богданович: «26 февраля 1912. Обедал с нами Меньшиков... сказал, что видел Распутина... что он верующий, искренний и прочее».

«РАДОСТЬ СТРАДАНИЯ»

В бумагах Чрезвычайной комиссии есть показания односельчан Распутина о его греховной юности: «Отец посылает его... за сеном и хлебом в Тюмень, верст за 80, а возвращается он пеш-

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«СТАРЕЦ»

ком, идет эти 80 верст без денег, и побитый, и пьяный, и порой без лошадей».

В этом невзрачном молодом крестьянине жила опасная сила, находившая выход в пьянстве и драках. Тесно ему было от этой звериной силушки, как от тяжкого бремени...

«Неудовлетворен я был, — рассказывал Распутин Меншикову, — на многое ответа не находил *и начал я попивать*». Пьянство было нормой крестьянской жизни. Пил отец, таким же становился и сам Григорий. Теперь все чаще нежная мечтательность, за которую звали его презрительно «Гришкой-дураком», сменялась страшным буйством. И уже другой односельчанин описывает «Гришку буйного, наглого, с разгульной натурой», который «дрался не только с посторонними, но и с родителем».

«А все-таки в сердце помышлял... как люди спасаются», — рассказывал Распутин в своем «Житии». И это, видимо, было правдой. Тупая жизнь односельчан — крестьянский труд от зари до зари, прерываемый пьянством, — какая это жизнь...

Тогда что же такое жизнь? Он не знает. И продолжается пьянство. Денег на загулы не хватало, начались опасные дела... Его односельчанин Картавцев показывал на допросе: «Я поймал Григория на краже у меня остожья... Разрубив остожье, он сложил все на телегу и хотел увезти. Но я поймал его и хотел заставить везти краденое в волость... Он хотел бежать и желал было ударить меня топором. Но я в свою очередь ударил его колом и так сильно, что у него из носа и рта потекла кровь ручьем.... Сначала я думал, что убил его, но он стал шевелиться... И я повез его в волостное правление. Он не хотел идти... но я ударил его несколько раз кулаком по лицу, после чего он сам пошел в волость... После побоев сделался он каким-то странным и глуповатым».

«Ударил колом... потекла кровь ручьем», драки кровавые, беспощадные — в Сибири привычное дело. Распутин был телосложения отнюдь не богатырского, но, как мы увидим далее, *обладал необыкновенной физической силой*. Так что побои пожилого односельчанина вряд ли произвели на него особое впечатление. Недаром, как описывает Картавцев, он тотчас продолжил воровские дела: «Вскоре после кражи жердей у меня с выгона была похищена пара лошадей... Лошадей караулил я сам и видел, что к ним подъезжал Распутин со своими товарищами... но я не при-

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

дал этому значения... Через несколько часов после этого я обнаружил пропажу лошадей».

Лихие товарищи уехали в город продавать лошадей. Распутин же, по словам Картавцева, почему-то не поехал с ними, вернулся домой.

Что-то и вправду произошло с Григорием во время побоев. И объяснением Картавцева — «сделался он каким-то странным и глуповатым» — тут не обойтись. Не смог понять простоватый мужичок темной, сложной натуры Распутина. Видно, когда удар колом грозил погубить его, когда кровь залила лицо, Григорий испытал нечто... Избитый юноша ощутил в своей душе *странную радость*, то, что сам он потом назовет «радостью смирения, радостью страдания, поношения»... «Поношение — душе радость», — объяснял он через много лет Жуковской. Вот почему так покорно пошел Гришка на расправу в волостное правление. И потому после второй кражи не поехал в город продавать лошадей.

Может быть, с этого момента начинается его преображение. И односельчане, судя по всему, почувствовали перемену. Недаром после кражи лошадей, когда решался вопрос о высылке Распутина и его товарищей за порочное поведение в Восточную Сибирь, «по приговору общества выслали товарищей, а он уцелел»...

Пришла пора жениться — еще одни рабочие руки взять в дом. Жена его Прасковья (Параскева) Федоровна — из соседнего села Дубровного. Была она старше его, но в деревнях часто выбирали жену не за молодость и красоту, а за «крепость», чтобы могла хорошо работать и в поле, и дома.

Ему 28 лет, а он все еще живет в семье отца. По переписи 1897 года он не являлся самостоятельным: семью составляли «хозяин Ефим Яковлевич Распутин, 55 лет, жена его Анна Васильевна... сын Григорий, 28 лет, жена его Прасковья Федоровна, 30 лет». Все числятся земледельцами, и все неграмотны.

Прасковья была примерной супругой — родила Григорию сына и двух дочерей. Но главное — была хорошей работницей, а руки в распутинском хозяйстве были очень нужны. Ибо сам Григорий уже стал часто отсутствовать — ходил по святым местам. Его преображение окончательно свершилось.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ «СТАРЕЦ»

«Я пришел к заключению, что в жизни Распутина, простого крестьянина, имело место какое-то большое глубокое переживание, совершенно изменившее его психику и заставившее обратиться к Христу», — напишет впоследствии следователь Чрезвычайной комиссии Т. Руднев.

ТАЙНА НАЧИНАЕТСЯ

«Я жил, как говорится, «в мире» до 28 лет... был с миром, любил... то, что в мире», — рассказывал Распутин. 28 лет — рубеж, после которого и свершилось преобразование.

Как и отец, он подрабатывал ямщиком — возил седоков на своих лошадях по тракту. И однажды пришлось ему вести в Тюмень Мелетия Зборовского, студента Духовной академии, впоследствии епископа и ректора Томской Духовной семинарии. Заговорили они о Боге — и разговор произвел переворот в душе молодого Распутина. Видимо, душа его ждала давно такой беседы — о «Боге милостивом, который ждет возвращения к Себе блудного сына до последнего человеческого вдоха, и в час двенадцатый прийти к Нему не поздно». Мелетий сказал ему главное: «Иди и спасайся».

И захотелось продолжения той беседы... Но от худо образованного сельского священника в Покровском не сумел получить Григорий то, что получил от будущего магистра богословия. И тогда решил отправиться сам на поиски духовной пищи — «ангельского хлеба души человеческой».

Начинается жизнь странника. Сначала идет он в монастыри, близкие от Покровского, — в тюменские и тобольские обители. Во время странствий вдоль берегов полноводной Туры, как он писал в «Житии»: «Я воображал в очах картину самого Спасителя, как Он ходил берегами... *Природа научила меня любить Бога и беседовать с Ним*». Языческое, первобытное поклонение Природе важно для будущих его поучений: Бог, живущий в деревьях, звенящий в голосах птиц и глядящий из каждой травинки на путника...

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

В свое село Григорий возвращается иным. Именно тогда, в странствиях, он *постигает некую мистическую тайну*... И теперь его все чаще посещают видения, они становятся его реальностью. В этих видениях он все яснее «чувствует в себе Божественное»... «Как-то, — рассказывал он, — заночевал в комнате, где была икона Божьей Матери... посреди ночи проснулся и вижу, что икона плачет: «Григорий, я плачу о грехах людских. Иди, странствуй и очищай людей от грехов».

Но в Покровском не поверили вчерашнему пьянице и вору. Смеялись над ним и дома. И вот однажды, во время молотьбы, когда домашние стали потешаться над его рассказами, он «воткнул лопату в ворох зерна и, в чем был, опять пошел по святым местам».

Так он стал новым человеком — бросил пить и курить, перестал есть мясо и сладости. Он стал странником.

В старину странничество было важной частью жизни на Руси. Каждый крестьянин хоть раз в жизни совершал паломничество по святым местам — как правило, ходили в знаменитые монастыри, прославленные мощами великих святых и чудотворными иконами. Паломничали и дворяне (правда, в каретах, а крестьяне шли пешком с котомкой за плечами), и даже русские императрицы — Елизавета и Екатерина Великая. Но в конце XIX века странничество осталось уделом немногих. Святая Русь становилась легендой — уже редкие «Божьи люди» бросали свои хозяйства и дома, чтобы отправиться на поклонение святым иконам и мощам.

В «Житии опытного странника» Распутин рассказывает, как побывал он в киевских монастырях, в московских и петербургских храмах. Он шел пешком из своего сибирского села, шел тысячи верст по бескрайним дорогам с котомкой за плечами, прося о подаянии и ночлеге. И так — от села к селу, от храма к храму, от монастыря к монастырю... И крестьяне в селах почитали за Божеское дело дать ему пищу и приют. Они видели в странниках последних хранителей исчезающей богоугодной старины.

Порой на глухой дороге на беззащитного странника нападали разбойники. Распутин рассказывает в «Житии»: «Я говорил им: «Это не мое, это Божье... вы возьмите у меня все... я вам радостью отдаю».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«СТАРЕЦ»

Наконец на бескрайней дороге показывалось село с церквушкой, и «колокольный звон веселил сердце». Но радость встречи с Божиим Храмом бывала омрачена: «Дьявол о плотском шепчет усталому путнику: «Стань на паперти, собирай милостыню — дорога дальняя, денег много надо... помолись, чтоб тебя взяли обедать и накормили послаще»... Как мне пришлось с этими помыслами бороться...»

МОГУЩЕСТВЕННЫЙ СВЯТОЙ

Распутин знает: главная сатанинская хитрость — убедить людей в том, что сатаны нет. Но для него сатана не просто явь — он все время рядом: «Является в виде нищего, нашепчет усталому, мучимому жаждой страннику, что до деревни много верст пути... но ты осенил себя крестным знамением или запел херувимский стих... смотришь... тут и село».

Один из свидетелей, видевший его после очередного странствия, рассказывал в Чрезвычайной комиссии: «Он показался ненормальным... что-то пел... и размахивал, грозил руками»... Это останется у него навсегда — грозить сатане кулаками, призывая религиозными песнопениями Бога помочь в борьбе с дьяволом. «Враг хитрый... хочет вернуть в свою власть обретшую Бога душу... и люди ему помогают в этом... все следят за тем, кто ищет спасения, как за каким-то разбойником, и все стремятся его осмеять...» — напишет он в «Житии».

Странная нервная организация Распутина причиняет ему беды, особенно весной (весна — время трудное для людей с особой психикой).

«Всякую весну я по 40 ночей не спал, — вспоминал Распутин, — так и проводил время с 15 до 38 лет...» Но в мире видений и чудес, где он теперь живет, излечиться просто: надо только с усердной молитвой обратиться за помощью к святому. И он обращается к Симеону Верхотурскому.

Постоянным местом странствий молодого Распутина был Верхотурский Николаевский монастырь, основанный московски-

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

ми царями еще в XVI веке. Стоял он на холме при слиянии двух маленьких речек, и шли сюда богомольцы со всей Сибири поклониться мощам праведного Симеона.

Симеон Верхотурский стал любимым святым Григория. С ним связывал он зарождение своей загадочной силы.

Симеон родился в самом начале XVII века, жил на берегах той же Туры, странником ходил по окрестным селам или уединялся у реки. (Григорий видел камень под елью, где любил сидеть святой.) Смерть Симеона последовала от чрезмерного воздержания и поста в 1642 году.

Через полсотни лет, как написано в «Житии святого Симеона», «заметили, что его гроб стал подниматься из земли и сквозь расщепившиеся доски увидели нетленные мощи». И начались исцеления на святой могиле. Первый, с кем случилось это чудо, носил имя *Григорий*. Он «взял землю с гроба, отер ею члены и исцелился...» С тех пор паломники со всей Руси шли к могиле Симеона. В начале XVIII века состоялось торжественное перенесение его мощей в Николаевский монастырь.

«Симеон Праведный Верхотурский врачевал мою болезнь бессоницы», — напишет Распутин. До смерти он будет посещать этот монастырь и возить туда своих почитателей.

Симеона он призовет в помощники при первой своей попытке сблизиться с Царской Семей. Икона с изображением святого станет первым его подарком «царям» — Симеон как бы сопроводит его на духовный подвиг. А когда жизнь Распутина пойдет под откос, Симеон сопроводит его и на смерть.

И летом 1918 года, когда погибнет Царская Семья, исчезнут и мощи святого Симеона Верхотурского, выброшенные из храма большевиками...

Во время преображения Распутина начинаются и его пророчества. Он рассказывал Жуковской: «Как посетил меня Господь... накатило на меня... и начал я по морозу в одной рубаше по селу бегать и к покаянию призывать. А после грохнул у забора, так и пролежал сутки... Очнулся... ко мне со всех сторон идут мужики. «Ты, говорят, Гриша, правду сказал... давно бы нам покаяться, а то сегодня в ночь полсела сгорело».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«СТАРЕЦ»

Так начинается слава Распутина и слухи о его чудесах. Епископ Феофан, в то время инспектор Петербургской Духовной академии, говорил о нем тогда: «Дано ему было затворять небо, и засуха падала на землю, пока он не велит раскрыться небесам».

Но теперь из своих странствий он все чаще «возвращался с двумя-тремя странницами, одетыми в полумонашеское одеяние».

У него появились последователи. Точнее — последовательницы...

МОЛЕЛЬНЯ ПОД КОНЮШНЕЙ

Недаром один из последних великих русских святых, живший уже в XIX веке, Серафим Саровский ходил в окружении молодых девушек — найти готовых к религиозному подвигу среди мужиков становилось все труднее... И неудивительно, что Григорий находит горячих поклонниц среди женщин. Среди первых его «учениц» — Дуня и Катя Печеркины (не сестры, как часто пишут в его биографиях, но тетка и племянница), живущие у него «из-за хлеба» (в работницах).

Катя, тогда еще совсем молоденькая, поедет за ним в Петербург, станет его служанкой. Ей суждено будет увидеть лицо убийцы Распутина в ту декабрьскую ночь 1916 года...

Мужчин в «кружке» мало — его родственник Николай Распутин и двое односельчан — Николай Распопов и Илья Арсенов.

Во время расследования Тобольской консистории по обвинению Григория Распутина в сектантстве Николай Распутин покажет: «Моленная находилась тогда под конюшной». И свидетели подтвердят: «Собираются они в большом секрете и в подполе под конюшной поют и читают Евангелие, тайный смысл которого Распутин им объясняет». Но ничего более о «тайном смысле», открытом Григорием в молебне под конюшной, следствие не узнает.

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

Но в Покровском живет он недолго — покидает «учеников» и снова — в путь, по монастырям. Все суровой его странствия... «Теперь для опыта и испытания... не один раз приходил я в Киев из Тобольска, не переменял белья по полугоду... нередко шел по три дня, кушая только самую малость. В жаркие дни налагал на себя пост... не пил квасу, но работал с поденщиками, как и они... и убегал на отдохновение... на молитву», — рассказывал «царям» о своем преображении Распутин.

Но ничего не рассказал он о главном — о потаенных монастырских обителях, затерянных в глухих сибирских лесах, об удивительных верованиях — о том неофициальном «народном православию», которое, видимо, и оказало огромное влияние на полуграмотного сибирского мужика и его загадочное учение...

Потаенная религиозная жизнь столетиями существовала бок о бок с официальной церковью. И эта «другая Русь» поможет приподнять занавес над духовным миром Распутина.

ПОТАЕННАЯ «СВЯТАЯ РУСЬ»

Тысячу лет назад, в X веке, на Руси было принято христианство, но язычество так и не покинуло страну. Любопытный символ: христианские храмы на Руси часто имеют «в основании» святыни языческие. Как сказано в летописи: «Поставиши церковь святого Василия на холме, где прежде стоял кумир Перун...»

Языческие боги, от которых князья силой заставляли отказаться народ, продолжали незримо жить. Например, бог Велес, согласно древним верованиям «ведавший» плодородием, забавно преобразился в «угодника Божия святого Власия Чудотворца». Громышавшего грозами Перуна заменил громышавший грозами Илья-пророк... Языческий восторг перед природой, ее обожествление остались в людских душах. И та легкость, с которой народ после революции согласился по приказу большевиков уничтожать свои великие храмы, весьма напоминала легкость, с которой по приказам князей разбивали и жгли языческие святыни.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

- С Т А Р Е Ц -

Тысячу лет целые края жили, соединяя язычество и православие. И святые целители существовали рядом с древними колдунами: целители лечили, а колдуны отводили (или насылали) порчу.

Заволжье и Сибирь были центрами этого опасного «народного православия».

Когда-то леса Заволжья сплошным массивом тянулись далеко на север. По берегам притоков Волги стояли редкие деревушки, разделенные непроходимыми чащобами. Тамошние православные жили отрезанными от остального «крещеного мира» и своими дикими обычаями походили на исконных обитателей тех мест, диких звероловов — черемисов и вотяков. «Жили в лесу, молились пенью (пням. — Э.Р.), венчались вокруг ели, а черти им пели», — так говаривали про жителей этого края.

В начале XVII века в непролазные дебри стали приходиться новые жители — дети кровавого Смутного времени... Смута закончилась призыванием на царство династии Романовых, и участники недавних мятежей, те, кто запятнал себя разбоем и кровью, бежали сюда от гнева новых царей. В лесных краях укрывались они от кнутов и виселиц. Это была своеобразная «русская Америка».

Вскоре явились и новые беглецы. При царе Алексее Михайловиче прошла церковная реформа: подверглось «подновлению» Святое Писание, и было внесено изменение в обряд «творения креста» — отныне креститься верующие должны были тремя перстами. Но многие объявили новые тексты Писания и новый обряд «прельщением сатаны», по-прежнему крестились двумя перстами и читали только старые «Божьи книги».

Начался великий раскол. Официальная церковь жестоко карала «старообрядцев». И заточения, и казни, и коллективные самосожжения сторонников старой веры — все было... Теперь в бескрайних лесах Заволжья и Сибири возникали их обители, до которых не могла дотянуться рука власти. «После раскола они держат своих попов и знать не хотят наших архиереев», — вынуждены были признать иерархи официальной церкви.

Но с развитием промышленности и вырубкой лесов раскольничьи обители отступали из Заволжья за Урал — в непроходи-

мую сибирскую тайгу. Все триста лет Романовской династии жила неофициальная, но достаточно могущественная тайная «народная церковь».

ЦАРЬ ПРАВИТ ЦЕРКОВЬЮ

То, что начал Алексей Михайлович, — страшно продолжил его сын Петр Великий. Сей царь-реформатор уничтожил древнее патриаршество, открыто издевался над старинными церковными обрядами. Он учредил Святейший Синод для управления делами церкви, во главе которого стоял назначаемый царем обер-прокурор (само иноземное название этой должности звучало оскорблением для верующих).

Отец Николая Александр III был человеком искренне религиозным, но церковь при нем влачила все то же подчиненное власти царя существование. Во главе Синода стоял любимец императора Константин Петрович Победоносцев. Это был умнейший человек, но весь его ум (как часто бывает в России) был направлен на подавление. Малейшее проявление свободы мысли и слова подвергалось его беспощадной атаке. Любой закон, могущий хоть как-то смягчить беспредельную власть царя над церковью, губился Победоносцевым на корню. Будучи обер-прокурором, этот глубоко верующий человек только и делал, что загонял великий, бесконечный мир церковной жизни в рамки беспощадного бюрократизма, заставлял церковных иерархов знать один закон — повеление царя и обер-прокурора. Официальная церковь находилась в состоянии глубокой летаргии.

А между тем общество кипело. Незадолго перед смертью Александр III имел разговор с одним из своих доверенных людей, генерал-адъютантом Рихтером. «Я чувствую, что дела в России идут не так, как следует», — сказал царь и попросил генерала высказать свое мнение. «Я много думал над этим, — ответил Рихтер, — и представляю страну в виде колоссального котла, в котором происходит брожение, а кругом котла ходят люди с молотками. Когда в его стенке образуются малейшее отверстие, они

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

• С Т А Р Ц Е •

тотчас его заклепывают. Но когда-нибудь газы пробьют такой кусок, что заклепать его будет невозможно, и мы все задохнемся!»... И «Государь застонал, как от страдания», — вспоминал Рихтер...

Слабая церковь не могла помочь монархии в случае катастрофы. Люди, стоявшие на распутье, все чаще шли со своими проблемами или в революционные кружки, или к юродивым и старцам, или к сектантам — в затерянные в лесах обители.

ПРОРОЧЕСТВА СТАРЦЕВ И «РУССКАЯ МЕЧТА»

Жизнь Распутина перевалила за половину. Четвертый десяток ему пошел, а он все ходил по монастырям...

Трапезная... Свет лампад, старинные оклады, темные лики на иконах... В три ряда до самых окон — столы, а вокруг них скамьи. Здесь сидит не только монастырская братия, но и пришедшие в монастырь богомольцы — всем нашлось место за трапезой.

Какая галерея лиц, типов... Сколько подавленных или победенных страстей... Сколько поучительных жизненных историй... По лицам научился Распутин читать жалкие людские страсти. Видел он великую силу святости, которая помогала лечить неизлечимые болезни. Но знал он и сибирских колдунов-врачевателей, донесших из языческого прошлого тайны исцелений и заговоров. Тысячи лиц, встреч, исповедей и ночных разговоров...

Во главе среднего стола — старинное кресло, обитое побуревшей от времени кожей. Здесь сидит настоятель. Под киотом с иконами — книги в старых черных переплетах и кандия — медная чашка с крестом, служащая колокольчиком. Сколько раз слышал странник Григорий Распутин ее звон, призывающий к трапезе... Сколько раз смотрел во все глаза на неприметных с виду монахов-старцев, слушал рассказы о духовных подвигах в монастырях...

Великие старцы, достигшие нравственного совершенства и стяжавшие недоступную миру премудрость, жили в монастыре, как самые обычные монахи. Суровые уставы не позволяли выносить за

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

монастырские стены духовные приобретения, оберегали подвижников от мирских соблазнов. Но то, что монах прятал от людей днем, ночью заносилось дрожащей старческой рукой в тетради.

У старцев учился Григорий ласковой, полной любви речи. Услышал он и их пророчества о гибели, нависшей над Романовским царством...

Мы знаем о подобных пророчествах оптинских старцев и Серафима Саровского. Но сколько других прозрений неизвестных старцев погибло в разоренных Гражданской войной и уничтоженных большевиками дальних монастырях!

И это ощущение катастрофы, нависшей над царством, вынес Григорий из своих странствий. Узнал он и о новом духовном сообществе, подчинявшем сотни людей и тайно захватывавшем целые монастыри. Это удивительное движение, могучее фанатичной верой своих членов, кощунственно связало воедино изуверство, блуд и веру в Бога. Оно сыграло свою роль и в судьбе Распутина, и в судьбах империи.

Если другие христианские секты пришли к нам с Запада, то секты хлыстов и скопцов — русское явление. Забитость народа, жестокое угнетение крестьян, преследование старых обрядов родили «русскую мечту» о скором приходе Избавителя. Сначала ждали «земного» справедливого властителя — и оттого на протяжении двухсот лет, в XVII и XVIII веках, в стране непрерывно появлялись самозваные «цари».

Самозванчество было во всех странах, но только в России оно приобрело небывалый размах и пользовалось небывалым успехом. Первый великий самозванец, беглый монах Григорий Отрепьев, объявил себя сыном Ивана Грозного и сумел сокрушить могущественного Бориса Годунова. И правил Московским царством, пока не убили его бояре. Но вместо одного самозванца тотчас явилось множество. Народ охотно шел в отряды этих «царей», и Русь потонула в великих кровавых мятежах Смутного времени.

Больше ста самозванцев объявились в России в течение двух столетий. Один из них, неграмотный казак Емельян Пугачев, к изумлению Европы, едва не победил саму Екатерину Великую!

Одновременно с самозваными «царями земными» появлялись и самозваные «цари небесные»...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«СТАРЕЦ»

«ХРИСТЫ»

Хлысты объявились в России в том же XVII веке — в царствование первых Романовых. Родоначальником хлыстовской секты стал некий Данила Филиппович, объявивший себя «богом Саваофом». Как описывают хлыстовские предания, «сей Данила Филиппович спустился с неба в превеликой славе в огненной колеснице» и остался на земле в образе человека. По той же хлыстовской легенде, за 15 лет до сошествия «Саваофа» Данилы Филипповича родился от столетней «богородицы» «сын божий Иван Сулов». В 30 лет он был позван «Саваофом» Данилой Филипповичем, и тот сделал Ивана «живым богом» — «христом».

Так на грешной Руси появились «бог Саваоф» и «сын его Христос». И родившая «христа» «богородица». Они пришли защитить нищий обиженный народ.

Согласно преданию, первого «христа», Ивана Сулова, бояре схватили, привезли в Москву и распяли у кремлевских ворот. Но он конечно же воскрес. И опять его распинали, и опять он воскресал. Впоследствии и Сулов, и его мать умерли (точнее, «вернулись на небо»), а новыми «христами» и «богородицами» стали другие люди. Но эта тленность хлыстовских «живых богов» совсем не смущала их темных последователей, ибо, по хлыстовским верованиям, с уходом из земной жизни очередного «христа» Святой Дух поселяется в новом теле. Так что много «мессий» жило в то время на горемычной русской земле...

Эта простодушная смесь язычества и православия должна была появиться в темной, беспощадно угнетаемой рабской России. Учение хлыстов открывало перед забитым крестьянином мир беспредельных возможностей, ибо говорило: каждый мужчина может стать «христом», каждая женщина — «богородицей». Надо только изгнать плотский грех, праведной жизнью и молитвами подготовить душу к сошествию в нее Святого Духа — взрастить в себе Христа, стать им. Святой Дух материально вселялся в души людей — эта мистическая буквальность была радостно принята неграмотными крестьянами. И каждая хлыстовская община («корабль», по терминологии хлыстов) имела своего «христа» и свою «богородицу».

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

Народ сначала звал сектантов «христами». Но принятый в секте обряд самобичевания — *хлестания* прутьями и жгутами (восходящий к языческим временам, но причудливо соединившийся с евангельским бичеванием Христа) дал секте новое название — «хлысты». Сами они называли себя «Божьими людьми», позднее — «христововерами».

Подготавливая души для прихода Святого Духа, они, естественно, проповедовали крайний аскетизм, но весьма неожиданно: подавление похоти проходило через... беспредельный разврат. Отказ от плотской жизни в семье в некоторых хлыстовских сектах выливался в беспорядочные половые связи между членами секты — «свальный грех». Это происходило на «радении» — главном хлыстовском обряде, опять же идущем от языческих колдунов и шаманов. Хлысты считали, что во время «радения» на них нисходит Святой Дух. И тогда все члены секты старались зачать как можно более «христов» и «богородиц», ибо эти дети будут рождены от Святого Духа. Зачатие происходило в великом безумии, предваряемом хлыстовской пляской.

Вот описание такого «радения» на маленьком острове в Каспийском море. Когда-то туда бежали старообрядцы, но уже в XVIII веке появились там и беглые хлысты. Их обычаи на острове сохранялись и в 60-х годах нашего столетия.

«В белых льняных рубахах, надетых на голое тело, спускались они в подпол избы... Там, в сухом подполе, зажгли свечи. В полутьме запели духовное, как объяснили потом — стих из пасхального канона: «Зряще веселимся божественно, яко воскресе Христос». После чего маленький старичок с радостными светлыми глазами — местный «христос» — в мерцании свечей пропел хлыстовскую молитву... А потом с юношеской энергией начал «радеть» — вертеться на одном месте, крестясь и беспрестанно хлеща себя по телу. Хор пел молитвы... Все яростнее голоса, все жгуче, страстнее молятся — так, что некоторые уже в голос кричат, рыдают. Но вот старичок остановил свое верчение и дико вскричал: «Братцы! Братцы! Чую — Дух Святой! Бог во мне!» И начал пророчествовать, выкрикивая нечто нечленораздельное, в котором проступали отдельные выкрики: «Ой, Дух!.. Ой, Бог!.. Ой, Царь-Дух!..» После этого и начался общий и главный

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

- С Т А Р Е Ц -

обряд «радения» — всеобщее верчение и пляска... Они верили, что в этом верчении-пляске меж ними появляется Святой Дух, и что в их поту воскресают капли Его пота во время моления в саду Гефсиманском. И, видимо, испытав физиологическое действие верчения, действующее на мозг подобно алкоголю, они называли его «духовным пивом»...

Все летит вихрем. Уже нет вертящихся людей — только волосы развеваются, широкие белые одежды кружатся... визги, крики... Пот течет ручьями — они в нем выкупались, как в бане... Пламя свечей колеблется и гаснет. И в темноте, опьяневшие от неистового верчения, они падают на пол...»

В этот миг на некоторых «кораблях» хлысты и «соединяются в любви». Но «свальный грех» — грех лишь для непосвященных. Хлысты же уверены, что грешат для подавления плоти — чтобы стать чистыми, чтобы воссияла в их душах братская «Христова любовь», освободившаяся от всяких плотских помыслов.

Грехом гнать грех — хлыстовское откровение.

В хлыстовщине — опасная отвага души: не бояться греха. Хлысты учат: за грехом у верующего всегда следует глубокое страдание от содеянного, а следом — глубокое покаяние, великое очищение души, приближающее человека к Богу. Необходимая «гимнастика души»: грех — покаяние — очищение...

Без хлыстовской идеи избавления от греха через грех, без понимания этой «духовной гимнастики», самого сознания важности, необходимости греха — невозможно понять Распутина.

Официальная церковь с самого начала признала опасность секты и боролась с хлыстами. В Москве в 1733 году осудили 78 человек, руководители были казнены, остальные сектанты сосланы в отдаленные монастыри. Была раскопана могила Даниила Филипповича в Ивановском монастыре и сожжен его прах. Но это не остановило хлыстовского движения.

С начала XIX века к хлыстам уже шли не только неграмотные крестьяне. В самом Петербурге, в Михайловском замке, бывшей резиденции императора Павла I действовала тайная хлыстовская секта. Во главе ее была «богородица» Татаринова, урожденная баронесса Буксгевден. При замужестве она перешла из лю-

теранства в православие, и в тот момент «почувствовала, как в нее вселился Святой Дух», познала в себе дар пророчества. В безумных ночных хлыстовских верчениях, сопровождаемых бессвязными заклинаниями баронессы, участвовала высшая петербургская знать: генералы, князья, крупные чиновники — гофмейстер двора Р. Кошелев, министр просвещения и духовных дел князь А. Голицын... Сектанты тщательно охраняли тайну от непосвященных. Все царствование Александра I продолжалась деятельность секты Татариновой. Но обряды, носившие вначале строго аскетический характер, постепенно превратились в оргии. В 1837 году, уже при Николае I, Татаринову арестовали и заточили в монастырь.

И все же знатные люди, принявшие хлыстовство, были исключением. Хлысты оставались прежде всего крестьянской сектой — «странным народным православием».

ИЗУВЕРСКИЕ РУССКИЕ ЕРЕСИ

Идея «очиститься от греха через грех» вызывала сомнение у некоторой части «Божьих людей». И тогда мечта о победе над похотью и блудом, без которой невозможно стать «христом», родила новую, изуверскую идею.

В середине XVIII века из секты хлыстов выделилась секта скопцов. Ее основатель Кондратий Селиванов стал клеймить половую распущенность хлыстов и проповедовать абсолютный аскетизм, который, по его словам, достигался только «огненным крещением» — кастрацией. Основой учения скопцов стала строка Евангелия от Матфея, где Христос в беседе с учениками говорит: «...есть скопцы, которые оскоплены от людей; и есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами *для Царства Небесного*. Кто может вместить, да вместит».

Эти слова были поняты полуграмотными крестьянами как руководство к немедленному действию — начались массовые самоизуверства. Ужасной процедуре мужской кастрации с помощью раскаленного железа (употреблялся и топор) сопутствовала еще

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«СТАРЕЦ»

более страшная операция у женщин — вырезались наружные половые органы, сосцы и целиком груди. Была изобретена «высшая степень» осклопления — отрезание мужского полового органа «под корень»...

Все эти страшные уродования тела совершались членами секты добровольно. Скопцы готовились к вечной жизни и, опираясь все на ту же фразу из Евангелия от Матфея, верили в свои преимущества по сравнению с обычными людьми. И оттого песни на их «радениях» были полны радости и ликования.

Скопчество, как и хлыстовство, не осталось без внимания аристократии. Добровольно осклоплялись помещики, офицеры и даже священники. Сам царь Александр I уделил время беседе с Селивановым. И после этой беседы у скопцов появилась идея: направить своих «христов» на помощь царю, на спасение царства, которое тонет в воровстве чиновников и безверии. Был составлен целый проект грандиозного преобразования России с «Божьими людьми» во главе. При особе императора должен был состоять главный «христос» — сам Селиванов — и при каждом министре предполагалось иметь по «христу». Проект был представлен Александру I в 1803 году. Идея рассердила царя, и автора проекта, польского дворянина скопца Елянского, отправили на покой в монастырь.

Ничего! Еще придет время для «Божьего человека» править страной...

ТАЙНЫЕ СТРАНСТВИЯ ПО ТАЙНЫМ «УГОЛОЧКАМ»

Но скопцы не стали массовой сектой — ею по-прежнему оставались хлысты. К концу XIX века их мощные «корабли» раскинулись по всей Сибири, распространились хлыстовские секты и по европейской России. На Втором съезде РСДРП Ленин говорил о хлыстовской тайной организации, которая уже «охватила огромные массы деревень и хуторов средней части России и распространяется все сильнее и сильнее...»

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

Хлыстовские общины были в Петербурге и его окрестностях, в Москве и в подмосковных городках. Марина Цветаева в автобиографическом очерке «Кирилловны» вспоминает, как в Тарусе поразили ее детское воображение хлыстовские «христос» и «богородица», приходившие в сад Цветаевых собирать яблоки...

По всему маршруту распутинских странствий стояли «корабли» — загадочные общины «христов» и «богородиц». Загнанные официальной церковью в подполье, они выработали правила поведения хлыстов в миру. «Наши», «свои» — так называли хлысты друг друга. Вместо имен они пользовались конспиративными кличками.

«Наши», «свои», клички — все это вскоре зазвучит в царском дворце, все это мы еще услышим и от фрейлины Вырубовой, и от самой царицы.

И в «сочинениях» Распутина мы найдем многие любимые мысли хлыстов, прежде всего — поношение официальных священников и презрение к книжной учености церковных иерархов. «Мне пришлось много бывать у архиереев, много я беседовал с ними... *их учение остается ничтожным, а слушают простые слова твои...* Ученость для благочестия ничего... Буква запугала им голову и свила ноги и не могут они по стопам Спасителя ходить». Оттого-то служители церкви и не могут дать верный совет нуждающимся в пище духовной... И Распутин добавляет важную фразу: «Кто может совет дать, так *они в уголки позагнаны...*»

«Позагнанные в уголки» хлыстовские секты, разбросанные по всей России, поддерживали между собою непрерывающуюся тайную связь. Для нее использовались посланцы — «серафимы» или «летучие ангелы», странники, бесконечно путешествующие между «кораблями».

Может быть, здесь и скрыта загадка первой половины беспоконной жизни «опытного странника»? В «потаенной Руси», в хлыстовской секте он начал свой путь к Богу. Там он познал мистическую тайну — возможность воспитать в себе «христа». Недаром уже тогда, в темный период его жизни, возникло это расследование...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
«СТАРЕЦ»

ПЕРВОЕ ОБВИНЕНИЕ

В 1903 году, когда известность Распутина начинает доходить уже до Петербурга и начинается его первое преследование со стороны церкви, в Тобольскую консисторию доносят о том, как странно ведет себя этот «Божий человек» с женщинами, приезжающими к нему «из самого Петербурга», об их «страстях, от которых он избавляет их... в бане»... И о том, что уже в молодости Распутин «из своей жизни на заводах Пермской губернии вынес знакомство с учением ереси хлыстовской».

В Покровское был послан следователь, однако ничего порочащего он в тот раз не обнаружил. Но с тех пор и до смерти Распутина не оставит имя «хлыста».

Глава 2

ПУТЬ ВО ДВОРЕЦ

ЗАВОЕВАНИЕ СТОЛИЦЫ

Ему исполнилось 33 года. И, видимо, не случайно в это время (возраст Христа) он начинает готовиться к путешествию в столицу, куда уже пришел слух о нем. Он еще молод. Но его лицо в морщинах от солнца и ветра бесконечных странствий. Мужичье лицо, оно порой и в двадцать пять — лицо старика...

В странствиях научился он безошибочно распознавать людей. Святое Писание, поучения великих пастырей, бесчисленные проповеди, им выслушанные, — все впитала его цепкая память. В хлыстовских «кораблях», где соединяли языческие заговоры от болезней с силой христианской молитвы, учился он врачевать. Он постиг свою силу. Ему достаточно наложить на больного свои нервные, беспокойные руки — и болезни растворяются в них.

Накануне Первой русской революции появляется Распутин в Петербурге, чтобы погубить и город, и тот мир, который всего через 14 лет станет «Атлантидой», невозвратным воспоминанием...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«СТАРЕЦ»

В гордую нашу столицу
Входит он — Боже спаси! —
Обворожает царицу
Необозримой Руси...
Как не погнулись — о горе! —
Как не покинули мест
Крест на Казанском соборе
И на Исакии крест?

(Н. Гумилев)

ВСТРЕЧА СО СТАЛИНСКИМ ПАТРИАРХОМ

В столице, наконец, заканчиваются легенды и предположения о Распутине. Начинается его история, подтвержденная показаниями свидетелей и документами.

В Петербург Распутин (по его словам) отправился, имея великую цель — выпросить деньги на строительство церкви в Покровском: «Сам я человек безграмотный, а главное, без средств, а Храм уже в сердце перед очами стоит...»

Войдя в великий город, «перво-наперво в Александро-Невскую Лавру пошел». Отстоял молебен и надумал отчаянное — «направиться к проживавшему в Лавре епископу Сергию, ректору Духовной академии». Воистину безумная выдумка! Вид у него был подозрительный — стоптанные сапоги, нищая поддевка, спутанная борода, волосы, причесанные, как у полового в трактире (так описал Распутина видевший его в том году монах Илиодор). И этот жалкий мужик направляется к покоям епископа и просит швейцара «оказать милость» — доложить о нем Сергию. «Швейцар оказал мне милость — дал в шею. Я стал перед ним на колени... что-то *особенное* понял он во мне и доложил». Так благодаря «чему-то особенному» попал мужик с улицы к самому епископу.

И тотчас его обворожил! Пораженный его речами, Сергей поселил неизвестного мужика у себя в Лавре. И не только... «Вла-

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

дыка, — вспоминал Распутин, — познакомил меня с высокопоставленными».

Среди «высокопоставленных» — знаменитый аскет и мистик Феофан, которого принимают в царском дворце.

Так описал свой приход в Петербург Распутин в «Житии опытного странника». Но легендарный период закончился. В «Том Деле» оказались показания «высокопоставленного» Феофана о первой встрече с Распутиным, совершенно опровергающие его выдумку.

На допросе в 13-й части Чрезвычайной комиссии Феофан, епископ Полтавский, 44 лет, показал: «Впервые Григорий Ефимович Распутин прибыл в Петроград зимою во время русско-японской войны из города Казани *с рекомендацией ныне умершего Хрисанфа, викария Казанской епархии*. Остановился Распутин в Александро-Невской Лавре у ректора Петроградской Духовной академии епископа Сергия».

Так что — не было «несчастливого странника», который униженно молил швейцара «оказать ему милость». Распутин прибыл в Петербург с рекомендательным письмом от одного из могущественных иерархов церкви и конечно же не только незамедлительно был принят Сергием, но и поселен в Лавре.

Кстати, Хрисанф не случайно дал Распутину письмо именно к Сергию. Это имя гремело тогда не только в церковной среде. В те годы 40-летний епископ вел знаменитые религиозно-философские собрания. Они воистину стали событием в жизни общества и... отчаянной попыткой преодолеть губительное разделение официальной церкви и интеллигенции.

Узкий вытянутый зал петербургского Географического общества набит до отказа. Представители духовенства и знаменитые деятели русской культуры говорят о духовном кризисе в стране, об опасной деятельности сект. Интеллигенция с горечью упрекает церковь в том, что она все чаще ассоциируется в обществе с мракобесием, что проповедники не раскрывают пророческую и мистическую сущность христианства, но говорят лишь о «загробном идеале», забывая о земной жизни.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«СТАРЕЦ»

Епископ Сергей, автор смелых богословских исследований, недавно назначенный главой Духовной академии, сумел в накаленной обстановке, в ярости споров найти нужный тон. Он предстал перед собравшимися не исполненным важности иерархом, но просто добрым христианином, который будто говорил: «Любите друг друга, не надо ссориться, и только так спасем страну...»

Всего состоялось 22 встречи, 22 жарких диспута. В апреле 1903 года обер-прокурор Победоносцев запретил собрания.

Удивительны судьбы человеческие! В 1942 году Сталин решит восстановить патриаршество. И первым Патриархом всея Руси станет Сергей.

Хрисанф верно выбрал покровителя Распутину: будущий Патриарх был открыт новым веяниям, народный пророк из Сибири был ему очень интересен. И Распутин не обманул ожиданий — «особенное» в пришельце воистину поразило Сергия. И он представил Распутину «высокопоставленным».

Из показаний Феофана в «Том Деле»: «Как-то он (Сергий. — Э.Р.) пригласил нас к себе пить чай и познакомил впервые меня, нескольких монахов и студентов с прибывшим к нему Божьим человеком или «братом Григорием», как мы тогда называли Распутина... Он поразил всех нас психологической проникновенностью. Лицо у него было бледное, глаза необыкновенно пронзительные, вид постника. И впечатление производил сильное».

В Петербурге уже ходили слухи о необычайном даре Распутина, и «высокопоставленные» захотели пророчеств. И «брат Григорий» потряс их...

«В то время, — продолжает Феофан, — находилась в плавании эскадра адмирала Рожественского. Поэтому мы спросили Распутина: «Удачна ли будет ее встреча с японцами?» Распутин на это ответил: «Чувствую сердцем, утонет»... И это предсказание впоследствии сбылось в бою при Цусиме».

Что это было? Умный крестьянин познал изнутри всю слабость великой страны? Или попросту был в курсе того, о чем писали тогда все русские газеты, — эскадра, составленная из допотопных кораблей, открыто, без всякой секретности плывшая

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ РАСПУТИН

сразиться с современным японским флотом, была обречена? Или... или дано ему было постигнуть тайное?

Далее Феофан рассказал, как Распутин «студентам Академии, которых он видел впервые, верно сказал — одному, что тот будет писателем, другому... указал на болезнь его, а третьему пояснил: «Ты простая душа, но этим злоупотребляют твои друзья...» После этого случая Феофан окончательно поверил в пророческий дар Григория. «В беседах Распутин обнаруживал тогда не книжную начитанность, а добытое опытом понимание тонких духовных переживаний. И *проницательность, доходившую до прозорливия...*»

«ЧЕРНЫЕ ЖЕНЩИНЫ»

Итак, Распутин произвел сильное впечатление на Феофана, который даже пригласил «брата Григория» переехать жить к нему на квартиру. И уже вскоре благодаря Феофану Распутин оказался в одном из самых влиятельных домов в Петербурге — во дворце великого князя Петра Николаевича.

Во дворце главенствовали две женщины — Милица и Анастасия, дочери черногорского короля Николая Негоша. Старшая, 37-летняя Милица, была женой Петра Николаевича. Годом младшая Анастасия (Стана, как ее звали в семье) была замужем за герцогом Лейхтенбергским, имела от него детей. Но с сестрой была неразлучна — дневала и ночевала в ее дворце.

Частым гостем Милицы был родной брат ее мужа, великий князь Николай Николаевич. И очень скоро светские сплетники объявили о романе Станы с великим князем... 47-летний гигант, лихой кавалерист, любимец гвардии — одна из колоритнейших фигур того времени. «Грозный дядя» — так звала его молодежь в Романовской семье — был очень близок к царю.

Но еще ближе к царице были черногорские принцессы. С первых дней в России Аликс столкнулась с холодным недоброжелательством двора, и только черногорки сумели окружить ее теплом и почти рабским поклонением.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«СТАРЕЦ»

Двор почувствовал угрозу. В случае брака Станы с Николаем Николаевичем образовывался влиятельнейший клан — опасный клан... Двор знал и мощь влияния Аликс на царя, и расстановку сил в семье Николаевичей. Князь Петр — безволен и нездоров, а о «Грозном дяде» вдовствующая императрица Мария Федоровна отозвалась так: «Он болен неизлечимой болезнью — он глуп». Скажем уклончивее — по-солдатски прямолинейно... Но оба Николаевича находились под сильным влиянием старшей черногорки — умной и властолюбивой Милицы.

Милица слыла великим знатоком мистической литературы, страстно интересовалась сверхъестественным. Ей послушно следовала сестра Стана — недаром они родились в Черногории, стране ведьм и колдунов. «Черные женщины» — зло называли принцесс при дворе.

И Феофан не случайно был частым гостем во дворце Милицы: «Я больше других интересовался мистической стороной жизни... С особами царствующего дома я познакомился... в бытность мою инспектором Петроградской Духовной академии... Петр Николаевич и Милица Николаевна посещали Духовную академию и встречались там со мною... Я слышал, что особы царствующего дома хотят со мною познакомиться ближе, но, по своим убеждениям, как монах, я избегал этого... Как-то в страстную субботу великая княгиня Милица Николаевна пригласила меня к себе исповедовать ее. Не зная, как поступить, я обратился к митрополиту Антонию и с его благословения поехал к ней. И после этого стал бывать в ее доме...»

Феофану было о чем беседовать с Милицей. «Великая княгиня Милица Николаевна была очень начитана... знала свято-отеческую, мистическую и аскетическую литературу и издала даже собственный труд — «Избранные места из Святых Отцов».

Из дворца Милицы для Феофана лежал прямой путь в царский дворец. «В дом бывшего императора... я был приглашен впервые великой княгиней Милицей Николаевной...»

Так что из бесед с Феофаном его новый постоялец мог догадаться, откуда идет дорога в Царскую Семью. И Распутин понял — скоро и ему «откроется калитка»...

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ
РАСПУТИН

ОЧЕРЕДНАЯ ЗАГАДКА РАСПУТИНА

И действительно, разве мог Феофан, пребывавший тогда в восхищении от сибирского мужика, не поделиться своими восторгами с Милицей, интересовавшейся всем чудесным? «Бывая в доме Милицы Николаевны, я проговорился, что у нас появился Божий человек Григорий Распутин. Милица Николаевна заинтересовалась моим сообщением, и Распутин получил приглашение явиться к ней».

А дальше — все было уже в руках Григория. Конечно, он сумел поразить великую княгиню и вскоре приходил к ней во дворец уже сам.

Из показаний Феофана: «Был он там без меня, и, видимо, привлёк ее внимание, и его не только стали приглашать, но Милица Николаевна меня просила, чтобы я давал Распутину приют у себя, когда он будет приезжать в Петроград».

Но дальше начинается загадка. Согласно многим биографиям Распутина, Милица и Феофан ввели его в царский дворец. Однако в своих показаниях Феофан утверждает иное: «Каким образом Распутин познакомился с семьей бывшего императора мне совершенно не известно. И я *решительно утверждаю, что в этом я никогда ему ничем не содействовал. Догадываюсь, что Распутин проник в царскую семью не совсем прямым путем...* Сам Распутин об этом не говорил никогда, несмотря на то, что он вообще достаточно разговорчив... Я замечал, что у Распутина было сильное желание попасть в дом бывшего императора, и что проник он туда *против воли великой княгини Милицы Николаевны*. Сам Распутин признавался мне, что он скрывает от Милицы Николаевны знакомство свое с царской семьей».

Но как же тогда попал безвестный сибирский крестьянин в Царскую Семью?

Глава 3

В ОЖИДАНИИ РАСПУТИНА

СТРАХ И КРОВЬ ЦАРЕЙ

Семья, с которой познакомился Распутин, ждала его давно. Мистическое ощущение неминуемой катастрофы, владевшее тогда всем русским обществом, жило в этой Семье...

Николай II вступил на трон совсем молодым человеком и мог полагать, что ему удастся отпраздновать славный юбилей — трехсотлетие его династии. Но готовясь к великой дате, Николай, который любил историю (почетный председатель Русского исторического общества), не мог не задуматься о некоторых закономерностях в истории династии за эти 300 лет.

Как мало жили цари из рода Романовых... И как много пролитой крови... Петр Великий казнил сына Алексея, проклявшего, по легенде, и отца, и весь свой род. Жертвами семейных переворотов стали малолетний Иоанн Антонович и Петр III — оба убиты в царствование просвещенной Екатерины Великой... В столь любимом Николаем Царском Селе, где постоянно жила Семья, во дворце стояла мебель времен Екатерины, и в залах пахло теми же духами, что и в ее времена. Все было проникнуто воспоминаниями о великой императрице, в царствование которой... убили двух законных царей!

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

Через весь XVIII век шла эта эстафета семейных убийств, а в первый год нового, XIX века сын Екатерины Павел I был зверски убит участниками заговора, о котором, возможно, знал его собственный сын Александр! Да и как закончил свою жизнь сам Александр I, неизвестно. То ли, как было объявлено, умер в Таганроге, то ли, согласно преданию, в царском гробу похоронили другого, а царь ушел странником в Сибирь и, приняв постриг и имя «старца Федора Кузьмича», остаток жизни замаливал семейные грехи, омрачившие целый век. Во всяком случае, об искуплении этих грехов посмел говорить двоюродный брат Николая II известный историк великий князь Николай Михайлович, веривший в легенду о Федоре Кузьмиче и все пытавшийся отыскать ей подтверждение в секретном семейном архиве.

Да и сохранилась ли сама династия Романовых? Не закончилась ли она в дни царствования Екатерины Великой? В ее воспоминаниях, столь долго хранившихся в секрете в царском архиве, есть намек на то, что несчастный Павел рожден не от мужа, царя Петра III, но от любовника...

Кровь и тайны... Династия, которая была тайной для самой себя... Таково ее трехсотлетнее прошлое.

И сама столица, Петербург, — этот мистический город призрачных белых ночей, воздвигнутый на крови тысяч строителей, замученных жестокостями и болотной лихорадкой... был проклят одной из Романовых! Сосланная в монастырь первая жена Петра Великого Евдокия прокляла новую столицу ужасным криком: «Быть тебе пусты!»

Воспоминания о пролитой крови преследовали Николая с детства. Он рос в Гатчинском дворце — любимом дворце удавленного Павла I. Как вспоминала сестра Николая, великая княгиня Ольга, слуги уверяли, будто видели ночью в дворцовых залах неприкаянный дух убиенного императора. И Ольга, и Ники боялись... и мечтали увидеть призрак прапрадеда.

Но кровь была не только в истории. Николай увидел ее в начале жизни, когда от ран, нанесенных бомбой народовольцев, скончался его дед Александр II. В тот день 13-летний Николай был объявлен наследником престола.

С крови началось его восхождение на трон...

«ИОВ МНОГОСТРАДАЛЬНЫЙ»

С детства он молчалив, замкнут. Мистическое чувство — предопределенность несчастья — жило в юноше. Указанием на ужасное будущее Николай считал саму дату своего рождения — он был рожден «в день Иова Многострадального».

Его разговор с премьер-министром Столыпиным цитирует французский посол Морис Палеолог:

« — Знаете ли вы, когда день моего рождения?

— Разве я могу не знать, Государь? Шестого мая.

— А праздник какого святого в этот день?.. Иова Многострадального. У меня более чем предчувствие... глубокая уверенность: я обречен на страшные испытания».

Как эхо этого разговора звучат строчки воспоминаний великой княгини Ольги: «Он очень часто обнимал меня и говорил: «Я рожден в день Иова Многострадального, и я *готов принять свою судьбу*». Ту же тему продолжает грустная строка из письма царицы от 4 мая 1915 года: «Ведь ты родился в день Иова Многострадального, мой бедный друг...»

Ощущение грядущей гибели преследовало и нервную Аликс. И потому скромная дармштадтская принцесса в ответ на предложение стать женой наследника российского престола (в которого была влюблена) залилась вдруг беспричинными слезами. «Она плакала все время и только от времени до времени произносила: «Я не могу...», — записал Николай в дневнике.

И как доказательство справедливости предчувствий была обильная кровь в день главного события их жизни — коронации, этого мистического обручения с Россией. Давка на Ходынке и сотни трупов, которые всю ночь вывозили с кровавого поля... Нетрудно представить, как все это подействовало на царскую чету, столь склонную к мистике.

И уже в начале XX века предчувствия становятся реальностью. Кровь стала частью российской жизни. Жестоко и часто начинают рваться бомбы русских террористов, гибнут царские сановники... Только в первые годы нового века от рук революционеров погибли министр просвещения, генерал-губернатор Фин-

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

ляндии и два министра внутренних дел. От смерти не спасала теперь никакая охрана...

Приблизились дни печали «Иова Многострадального». В его дневнике — покорные записи после гибели министров: «Нужно со смирением и твердостью переносить испытания, посылаемые нам Господом», «На то Его святая воля». Телец, предназначенный на заклание...

Но ужены его — иной характер. Она будет бороться с судьбой. И она ищет защитника от грядущих несчастий.

В ПОИСКАХ ИЗБАВИТЕЛЯ

Ее тогдашние неразлучные подруги — черногорские принцессы. Как справедливо говорил Феофан, «родившиеся в бедной стране, где аристократия гораздо ближе к простому народу». Они и принесли во дворец эту идею: в простом народе, в простых людях скрыты и правда, и чудо, и сила. Надо только заключить союз с народом напрямую, минуя мздоимцев-чиновников, чванливых придворных. «Народ и царь — и между ними никого»...

Кстати, это была идея, объединявшая всех русских интеллигентов, даже самых радикальных, ненавидевших царей и ненавидимых царями. Все наши «властители дум», столь часто ссорившиеся друг с другом и отрицавшие порой друг друга — Толстой, Достоевский, Тургенев, — все направления русской философской мысли сходились на этой идее: только простой народ, нищий, голодный, неграмотный и забитый, владеет некоей сокровенной истиной. Только там, во тьме нищих изб, остался истинный дух Христа, сохраненный постоянным страданием. Только у него, у простого народа, и следует учиться христианской жизни.

Русский царь исповедовал ту же идею!

Царь с нецарственным обликом, застенчивый, малорослый — он неуютно чувствовал себя на балах, на заседаниях правительства, в обществе царедворцев и министров, где (как ему казалось) его все время сравнивали с умершим гигантом-отцом. Насколько

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«СТАРЕЦ»

было радостней ему с простыми людьми — в атмосфере обожания, преклонения...

Так возник парадокс — царь начал стремиться к общению с простым народом. Один за другим приходят во дворец «народные посланцы» — их находят черногорские принцессы. Великий князь Николай Николаевич сообщает племяннику о некоем маленьком чиновнике Клопове, который жаждет донести до царя народную правду — пишет ему бесконечные письма о казнокрадстве в мукомольном деле. И вот уже письма принесены черногорками, с восторгом прочтены вслух Аликс и Ники... Голос человека из народа услышан, Клопов вызван во дворец. После беседы царь отправляет его по России с самыми широкими секретными полномочиями. Человек из народа должен принести во дворец народную правду о злоупотреблениях чиновников. Но первый опыт встречи с «народным посланцем» окончился конфузом: к сожалению, бедный Клопов не разобрался ни в чем, кроме своего мукомольного дела...

Однако начало положено. Дочь английской принцессы Аликс и сын датской принцессы Ники влюбились в благородную идею единения с простым народом.

В то время Аликс рождает девочек. Одна за другой появляются на свет три великие княжны — Ольга, Татьяна, Мария. Но родить мальчика, наследника, будущего венценосца — царица никак не может. Не может исполнить главного своего предназначения...

Но оказывается и тут могут помочь они — выходцы из простого народа. Ибо народ, в душе которого — Христос, таит в себе *неисчерпаемые возможности чуда*... И теперь во время встреч с черногорками Аликс выслушивает рассказы Милицы о «Божьих людях» и старцах, которым дана свыше особая, великая сила.

Лицо Милицы... «С большими продолговатыми черными глазами, усталыми и гордыми... оно казалось неживым, как лицо старинного портрета... Она была как-то неестественно бледна», — описывает ее Жуковская. Милица щедро открыла перед Аликс мир чудес, потрясший внучку скептической королевы Виктории. В нем все было переплетено — тайны Заратустры; языческий мир Черногории, где в горах, поросших лесами, живут колдуны, которым дано беседовать с мертвыми; и чудеса право-

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

славных великих старцев из русских монастырей. Милица создала этот удивительный симбиоз, объединенный лишь одним — *манящей силой чуда*, которое творят простые люди, живущие далеко от суеты двора — этой жалкой ярмарки тщеславия.

Из показаний Вырубовой в «Том Деле»: «Милица Николаевна и Анастасия Николаевна, в особенности первая... имели вначале большое влияние на царскую семью... так сказать, мистическое влияние... Необыкновенно начитанная в мистической литературе, изучившая даже персидский язык для того, чтобы в подлиннике ознакомиться с персидскими мистиками, она считалась чуть ли не пророчицей».

Аликс умеет дружить, и главное — умеет *беззаветно верить*. Как умела беззаветно верить ее мать Алиса Английская, прославлявшая (точнее — обожествлявшая) немецкого религиозного философа Давида Штрауса.

Так начались поиски «Божьего человека», который вымолит ей сына у Бога.

Сначала во дворце появился Дмитрий Ознобишин, житель города Козельска, которого все называли просто Митя, а также «Козельский» и «Гугнивый» (он плохо выговаривал слова). В делах охраны есть его описание: «Носит длинные распущенные волосы, ходит круглый год босиком, опираясь на посох. Одет в рясу монашеского покроя». После революции газеты, издаваясь над царицей, будут писать об этом ее «избраннике» как о полном идиоте. Вырубова постарается в своих показаниях отделить Семью от жалкого Мити. «Мне кажется, он никогда не был во дворце», — солжет она Чрезвычайной комиссии. Нет, Митя бывал там, и не раз...

Из дневника Николая: «1906, 14 января. Пришел человек Божий Дмитрий из Козельска около Оптиной пустыни. Он принес образ, написанный согласно видению, которое он имел. Разговаривали с ним *около полутора часов*».

И этот полуторачасовой разговор — не случайность. Митя был человеком особенным. «Влияние его на народные массы огромно... он раздает бедным деньги, которые получает от почитателей. Распространен слух, что он обладает даром предвидения и ясновидения», — отмечено в делах департамента полиции.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«СТАРЕЦ»

Из показаний Феофана: «Блаженный Митя» несомненно обладал даром ясновидения, в чем я мог убедиться на собственном опыте: при первом свидании со мною он прекрасно и точно обрисовал обстоятельства моей жизни... Им... поразительно точно был предсказан ход японской войны, в частности падение Порт-Артура...»

Но Митины молитвы были тщетны — мальчика царица не родила.

И тогда появилась «Матрена-босоножка» с иконой. Но одетая в рубище босая женщина, выкрикивавшая, как пифия, малопонятные пророчества, исчезла из дворца так же внезапно, как появилась.

Из показаний Вырубовой: «О Матрене-босоножке я слышала... она приносила в Петергоф икону Государю, но ее саму я не видела». Однако отметим этот повод для появления в царском дворце — *чудотворная икона*, которая поможет родиться долгожданному сыну.

Таков был мир, в котором теперь жили молодые властители России — мир чудес, святых мощей, икон, чудотворцев. Они казались все более странными в Петербурге, где просвещенное общество становилось открыто атеистическим. «Я с удивлением смотрю на всякого верующего интеллигента», — писал Чехов Куприну.

Но царь и царица верили, что их мир продолжается где-то там, за пределами испорченной столицы, в далеких деревнях, разбросанных по бескрайней империи. Мир Святой Руси и простого народа, любящего Бога и царя.

И они ждали посланца из этого мира.

Но этот мир уже исчезал... Писатель и религиозный философ Сергей Нилус (которого Николай и Аликс будут читать в заточении) с горечью записал рассказ знакомой монахини в своей книге «На берегу Божьей реки»: «Приехала... монахиня... и рассказывала, что монахиням не стало никакой возможности ездить по железным дорогам: нет той ругани, насмешки, проклятия, которых бы не изливали на их бедную голову... сатанинская злоба... Приходится...надевать на себя синюю юбку, чтобы похоже

было на мирскую старушку, а то проходу не дают ругательствами на монастыри и на монашествующих... Такова «Святая Русь»! Бедный народ! Жалкая Россия!»... И старцы, жившие в великих монастырях, с болью говорили: «Безбожное. безверное время настало для православной России... одной плотью и ради плоти стал жить русский человек... По названью только слывет он православным христианином, а духом своим уже не тот он стал...» — приводил слова одного из подвижников тот же Нилус.

«ГЕНЕРАЛЬНАЯ РЕПЕТИЦИЯ» ЯВЛЕНИЯ РАСПУТИНА

Черногорские принцессы нашли наконец подходящего чудотворца. Милица, коллекционирующая слухи о сверхъестественном, узнала о чудесах некоего месье Филиппа из Парижа.

Филиппа позвали в Россию. Этот чудотворец оказался привычной для Аликс — он был из европейского мира, который она лишь недавно покинула. И речь Филиппа не утомляла ее, как косноязычие Мити и бессвязные выкрики Матрены.

«Там (во дворце Милицы. — Э.Р.)... царская семья встречалась с прибывшим из Парижа христианским оккультистом Филиппом...» — показала на допросе Вырубова.

Его настоящее имя — Назьер Вашоль, уроженец Лиона. Он был предсказателем и врачевателем, объявлял, что ему дано беседовать с умершими и что живет он как бы на границе миров... «Человек около 50 лет, маленький, черноволосый и черноусый, с ужасным южно-французским акцентом. Он толковал о падении религии во Франции, на Западе... Когда прощались, он попытался поцеловать мне руку, и я с трудом ее вырвал», — брезгливо отметил в дневнике великий князь Константин Константинович.

Филипп сразу почувствовал нервность, страх в душе царицы. Оценив ее религиозность, он попытался примирить свой колдовской мир со Святым Писанием, стал для нее «Божьим человеком, посланным помогать Божественной династии».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«СТАРЕЦ»

Он сумел удовлетворить и ее жажду чуда: щедро использовал полудирковые аттракционы — весь тот потертый багаж, которым пользовались еще в XVIII веке великие авантюристы Казанова и Калиостро. И то, над чем потешались в Париже, произвело неизгладимое впечатление в Петербурге.

Ники, подавленный страстной верой Аликс, разделял ее восторги. Двор насмешливо следил за парижским магом, понимал: это очередная игрушка, придуманная черногорками для царственной подруги. «Милица познакомила императрицу с Филиппом... который знает как лечить все болезни, включая сифилис, — с иронией писал в своем дневнике член Государственного Совета А. Половцев. — И этот Филипп... обещал ей, что она родит сына, а не дочь».

Насмешливые рассказы придворных встревожили «мамá» — вдовствующую императрицу Марию Федоровну. «Она была очень рассержена на Милицу и Стану... По ее просьбе департамент полиции через свою агентуру в Париже решил проверить прошлое Филиппа. Отзыв пришел ужасный — французы назвали Филиппа темным авантюристом. Русский агент в Париже прислал ироническую статью из французской газеты о публичном гипнотическом сеансе Филиппа», — писал Половцев. Но все это несколько не повлияло на Аликс. Она умела верить, умела быть верной, и у нее была стальная воля.

Вообще у царицы было множество прекрасных качеств, отсутствовало лишь одно — умение прислушаться к мнению общества. К сожалению, без этого умения опасно находиться на троне — что доказывает история другой прекрасной женщины со столь же полным отсутствием этого умения — французской королевы Марии Антуанетты.

А двор роптал. Приняли меры. «Великий князь Сергей Михайлович сказал мне, что когда пришел из Парижа отчет от агента, неблагоприятный для Филиппа, император приказал прогнать этого агента в 24 часа», — писал Половцев.

Все это потом повторится в истории с Распутиным — и ненависть большой Романовской семьи, и слепая вера Аликс, и вздорные сплетни... Феликс Юсупов вспоминал рассказ отца: однажды, гуляя вдоль моря в Крыму, князь встретил Милицу, ехавшую с

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

незнакомцем, поклонился, но та не ответила. Через несколько дней при встрече Юсупов-старший спросил: «Почему же вы мне не ответили?» «А вы не могли видеть меня, — сказала Милица, — ведь я была с доктором Филиппом. А когда он надевает свою шляпу, он становится невидимым, и те, кто с ним — тоже».

Или другая веселая сплетня: Филипп поселен в царской спальне — он там колдует, чтобы Аликс родила наследника...

Самое печальное, что эти небылицы (как и впоследствии, в истории с Распутиным) шли из дворцов великих князей, обиженных фавором Николаевичей... И (так же, как и в будущей истории с Распутиным) вдовствующая императрица решила серьезно поговорить с Ники. Царь конечно же обещал матери убрать Филиппа. И конечно же Аликс оказалась сильнее. Она умолила мужа не трогать «Божьего человека» — и все осталось неизменным (как будет не раз в истории с Распутиным)...

И Филиппа они звали так же, как впоследствии Распутина, — «Наш Друг».

ПИСЬМО ТОЛСТОГО

В это время Аликс носила ребенка. И радость — «Наш Друг» предсказал мальчика! Но 5 июня 1901 года она родила... девочку, великую княжну Анастасию.

Из дневника сестры Николая, великой княгини Ксении: «5 июня... Какое разочарование: четвертая девочка!»

И (опять же, как в истории с Распутиным) Романовская семья попыталась заменить опасного мага. Великий князь Николай Михайлович нашел великую кандидатуру. Он отправился к самому знаменитому человеку в России, к опальному Льву Толстому. 6 ноября 1901 года Толстой записал: «На днях явился Николай Михайлович... и непременно желал познакомиться».

Толстой боролся тогда с официальным православием (вскоре его отлучат от церкви, предадут анафеме). И вся либеральная Россия, и весь мир прислушивались к голосу великого старца...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«СТАРЕЦ»

«Я — зараза. Зачем вы ко мне явились?» — спросил Толстой великого князя. Но вместо ответа Николай Михайлович стал долго и туманно убеждать писателя, что «царь очень добрый, отзывчивый человек, а все горе в окружающих». Он так и не посмел объяснить Толстому, что задумал вырвать несчастную Царскую Семью из-под влияния мага. Понимая, что многие идеи опального Толстого (как это ни парадоксально) совпадают с настроениями царя, великий князь решил уговорить его написать письмо Николаю. Толстой согласился. Но вместо ожидаемых высоких толстовских истин о величии души простого народа Лев Николаевич изложил царю политические идеи и щедро грозил политическими катастрофами.

«Любезный брат! Обращаюсь к Вам не столько как к царю, сколько как к человеку и брату... Третью России находится в положении усиленной охраны. Армия полицейских, явных и тайных, все увеличивается, тюрьмы и места ссылки переполнены... голод стал нормальным явлением...» Царь с изумлением прочел это революционное послание и наивно попросил Николая Михайловича успокоить Толстого: столь опасное письмо никому не будет показано.

«Я его об этом не просил», — разочарованно сообщил Толстой Николаю Михайловичу. Впоследствии он... сам опубликовал свое частное письмо к Государю за границей. Правда, смущенно записал в дневнике: «За эти дни вышло мое письмо к Николаю... Если бы против меня были приняты меры... чем жестче, тем лучше, это было бы мне приятно... Но мне кажется, что я поступил неделикатно в отношении Николая и Николая Михайловича».

После этого великий князь потерял к писателю всякий интерес. Теперь Толстой вряд ли мог влиять на царя, который вместо искренности увидел тщеславную игру.

«КАК БОГАТА СТАЛА НАША ЖИЗНЬ...»

Чтобы не сердить «мамá» и родственников, чтобы избежать сплетен двора, Аликс и Ники решают видеться с «Нашим Другом» тайно (как впоследствии и с Распутиным). Теперь, после

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

всех обязательных светских дел, они спешат во дворец Милицы в Знаменке. От мирского, суетного — к черногоркам и «Нашему Другу», в мир чуда.

Из дневника царя: «1901, 13 июля, Петергоф. В 2.30 поехали в Знаменку и сидели до 5 в саду. Наш Друг был с нами...»

«19 июля... Отправились в Знаменку... Весь вечер слушали Нашего Друга. Вернулись домой чудной лунной ночью...»

«20 июля... После обеда поехали в Знаменку и провели последний вечер с Нашим Другом. Помолитесь все вместе...»

Как им не хватает «Нашего Друга», когда он уезжает к себе в Лион!

27 августа Аликс написала Ники: «В субботу в 10.30 все наши мысли полетят в Лион... Как богата стала наша жизнь с тех пор, как мы его узнали... кажется, все стало легче переносить». «Переносить» — значит побеждать предчувствия, нервность. Филипп делает самое важное — он снимает с Аликс ее постоянный стресс, вызванный страхом.

Но главное — он свершил долгожданное чудо! Ники и Аликс счастливы: она беременна, и Филипп определил — будет мальчик. Правда, у докторов после скучных медицинских анализов появились сомнения... Но что значат ученые глупцы с их анализами по сравнению с человеком, общающимся с небом! И Аликс запретила врачам осматривать себя. Ее докторами становятся подружки-черногорки и Филипп. Все вместе они ждут рождения предсказанного наследника. Ее живот счастливо растет...

Прошло девять месяцев. И в августе 1902 года последовало постыдное...

Из письма великой княгини Ксении: «Представь себе, какой ужас... бедная Александра Федоровна оказалась вовсе не беременной... Мама нашла ее в очень грустном настроении... хотя она говорит об этом с большой покорностью судьбе... Какой это должен быть удар по гордости!»

Аликс была беременна... мечтой. Половцев записал в дневнике то, что говорил по этому поводу двор: «30 августа 1902 года... Путем гипнотизирования Филипп уверил императрицу, что она беременна. Поддаваясь таким уверениям, она отказалась от свидания со своими врачами, а в середине августа призвала акушера Отта лишь для того, чтобы посоветоваться о том, что она

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

• С Т А Р Е Ц •

внезапно стала худеть. Отт заявил ей, что она и не была беременна... Объявление об этом было сделано в «Правительственном вестнике» весьма бестолково, так что во всех классах населения распространились самые нелепые слухи, как, например, что императрица родила урода с рогами, которого пришлось придушить, и т. п. Такой эпизод не поколебал, однако, доверия императорской четы к Филиппу, который продолжает в их глазах быть превосходным и вдохновенным человеком... Все это было бы смешно, если бы не было столь грустно».

Родственники забили тревогу. Филипп становится постоянной темой разговоров в Романовской семье (как впоследствии Распутин).

Великий князь Константин Константинович (знаменитый поэт, писавший под псевдонимом К.Р.) записывает в дневнике: «24 августа 1902 г. Сергей (великий князь Сергей Михайлович, друг юности Николая. — Э.Р.) утверждает, что Их Величества впали в мистическое настроение, что они в Знаменке молятся с Филиппом... проводят там долгие вечера... и возвращаются оттуда в каком-то восторженном состоянии, как бы в экстазе, с блестящими глазами и просветленными лицами... Мое мнение, что это больше смешно, чем опасно... но нехорошо то, что они покрывают свои посещения Знаменки тайной...»

«25 августа... Елена, дочь короля Сербии, сказала, что ее брат Юрий попал под влияние Милицы и Филиппа... говорил о том, что миссия Филиппа на земле подошла к концу... что он скоро умрет, но *явится в кругу друзей под видом другого человека*. Что за чепуха!.. Сергей сказал мне... о его большом беспокойстве по поводу визитов императора и императрицы в Знаменку...»

«6 сентября... Захожу к великому князю Владимиру Александровичу... он переходит к жгучему вопросу о Филиппе... Он считает великого князя Николая Николаевича главным виновником сближения... преступником в этом деле... и что проделки Филиппа навлекли на императорскую чету всеобщее посмеяние и поругание...»

Вся семья требует ухода Филиппа (как будет впоследствии требовать ухода Распутина). Но Аликс (и сейчас, и потом) докажет — она умеет верить и защищать тех, кому верит.

ЭЛЛА ИЗ МИРА МОСКОВСКОГО ЦАРСТВА

Выпады родственников мужа Аликс перенесла спокойно — Романовская семья не любила ее, и она платила той же монетой. Но Филипп стал причиной ее первой размолвки с любимой старшей сестрой Эллой — великой княгиней Елизаветой Федоровной. Элла была замужем за дядей Николая — великим князем Сергеем Александровичем. На их свадьбе Ники впервые увидел белокурую красавицу Аликс и навсегда влюбился...

Сергей Александрович — генерал-губернатор Москвы. Древняя столица занимала особое место в жизни Николая и Александры. Ведь Петербург — это город-мираж, выстроенный среди финских болот под руководством французских и итальянских архитекторов, с ненавистной русской душе четкостью и прямизной проспектов, где ангел на колонне перед Зимним дворцом припадает к... католическому кресту. Это — столица западничества, воплощение стремления новой русской аристократии в Европу. Но символом народности оставалась Москва — столица первых Романовых, город бесчисленных церквей и столь милых русской душе невозможно перепутанных улиц... Элла и ее муж были хранителями этого «Царьграда».

Здесь оживала любимая легенда Ники и Аликс о «народных» царях древнего Московского царства, где не знатные вельможи, но люди святой жизни — старцы и юродивые — были главными советчиками Государей. И когда в преддверии трехсотлетнего юбилея династии Романовых, в 1903 году, Ники и Аликс начинают устраивать знаменитые «исторические» балы, в залы Зимнего дворца возвращается старая Москва. Придворные наряжаются в сверкающие золотом боярские платья, а сам Николай является в одеждах любимого предка — царя Алексея Михайловича.

Эллу, глубоко усвоившую идеи православия, не могла не тревожить дружба Аликс с помешанными на мистике черногорскими

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«СТАРЕЦ»

принцессами. Но она понимала одиночество сестры в холодном Петербурге и мирилась с этой дружбой.

Появление Филиппа заставило ее объединиться с остальными Романовыми. Элла знает характер младшей сестры — нападать на Филиппа впрямую, значит, упрочить его положение. И она терпеливо объясняет Аликс, что русские цари не нуждаются в иноземных колдунах, у них есть покровители куда могущественнее — ушедшие на небеса русские святые. Там, в ином мире, они становятся заступниками за своих царей и народ перед Богом. Это великое назначение они осуществляют и в одиночку, и вместе, образуя Охранительный Собор или Золотую Цепь. И их заступничество не раз помогало московским царям, спящим вечным сном в Архангельском соборе...

Эта мистическая идея произвела впечатление на Аликс. Но умная Милица тотчас перехватила инициативу. И уже вскоре состоялся разговор Филиппа с царицей. Он объяснил ей, что неудача с беременностью — всего лишь результат ее слабой веры: как только она засомневалась, как только позвала акушеров — все было кончено. Чудо может возникнуть только при абсолютной вере, но Аликс оказалась пока к ней не готова, потому он и не смог ей помочь... И, к восторгу царицы, Филипп заговорил с ней о том же, о чем говорила так не любившая его Элла: Аликс должна попросить помощи у русского святого, который вымолит ей у Бога наследника. И повторил имя, которое Аликс уже слышала от Эллы.

Это был великий святой, тогда еще не канонизированный официальной церковью, — Серафим Саровский.

ЦАРСКИЙ СВЯТОЙ

Прохор Мошнин (таково мирское имя Серафима Саровского) ушел из дома странником, был на поклонении во множестве монастырей. В родном селе ходил он в окружении девственниц — «Христовых невест». В результате — слухи, расследование, и тайна святости стала предметом полицейского разбирательства.

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

Потом он долго жил в безмолвии и воздержании, «был сыт одним словом Божиим, которое есть хлеб ангельский — им и питается душа»...

Серафим много говорил о святости царской власти, повторял слова Авессы, военачальника библейского царя Давида: «Если бы и всех нас побили, то лишь бы ты, господин наш, был жив... Если же тебя не будет, что будет тогда с Израилем?»

Николаю и Александре стало известно предсказание, записанное его почитателем Мотовиловым в 1879 году. В нем Серафим предрек их будущее царствие и свое грядущее прославление.

Серафим Саровский был объявлен покровителем Царской Семьи. Несмотря на сопротивление Синода, Аликс заставила Ники осуществить предсказание Серафима — он был канонизирован.

16 июля 1903 года императорский поезд прибыл на станцию Арзамас, и Романовская семья пешком двинулась в Саровскую пустынь и Дивеевский монастырь, где жил и молился Серафим. 18 июля после литургии Государь и великие князья с духовенством обнесли вокруг храма гроб с мощами нового святого. Так сбылось еще одно пророчество Серафима, записанное Мотовиловым: «Вот какая радость-то будет!.. Приедет к нам Царь и вся Фамилия».

Правда, было и другое его пророчество, о котором они тогда не знали — «...о грядущих ужаснейших бунтах, превышающих всякое воображение... о реках крови русской». Все это должно было случиться в их царствование.

Мир чудес и предсказаний все более становится для Аликс реальным миром. По вечерам в Сарове она и Ники сидят у камня, где Серафим когда-то возносил молитвы, купаются в водах его источника, уповая на помощь святого и моля о наследнике. Она начинает ждать... Серафим у престола Господня должен за них заступиться! И она родит сына...

Она все более становится царицей из кремлевского терема времен Московского царства.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
«СТАРЕЦ»

ПРОЩАНИЕ С ПЕРВЫМ
«НАШИМ ДРУГОМ»

Вера победила. То, о чем Аликс молила святого Серафима, сбылось. Она дала жизнь красавцу младенцу, сероглазому принцу из сказки, рожденному, чтоб повелевать и вызывать восхищение.

Из записной книжки Аликс: «Наследник Цесаревич Алексей Николаевич рожден в понедельник 30 июля 1904 в 1.15 по полудни...»

Они дали ему имя в честь любимого царя из московской старины — Алексея Михайловича Романова.

А «Нашему Другу» вскоре пришлось вернуться в Париж. Великий князь Николай Николаевич, видимо, не выдержал семейного осуждения. И Филиппу объяснили необходимость отъезда.

Так закончилась генеральная репетиция прихода Распутина во дворец. А двор и Романовская семья сформулировали: «Бедный добрый Ники — он безволен, всем правит она. Он глядит на мир ее глазами».

Филипп (как он и предсказывал) довольно скоро, в 1905 году, покинул этот свет. И царица еще раз убедилась: не зря она ему верила, его пророчества воплощались в жизнь...

Она никогда его не забывала. Спустя много лет она напишет мужу: «Наш Первый Друг дал мне икону с колокольчиком, который предостерегает меня о злых людях и препятствует им приближаться ко мне...» Теперь Филиппу оставалось исполнить свое последнее обетование — «вернуться в другом облике».

Как он нужен был ей теперь! Ибо случилось ужасное — она оказалась причиной неминуемой и, возможно, скорой смерти долгожданного сына. Принц из сказки был болен наследственной болезнью семьи Аликс — гемофилией. Хрупкие сосуды наследника не выдерживали напора крови.

Впрочем, подобной болезнью была поражена сама империя. Ее сосуды износились, стали слишком хрупкими. В самодержавном царстве пролилась кровь.

КРОВАВЫЙ ПРОЛОГ ПЕРЕД ЕГО ПРИХОДОМ

Сначала Николая убедили начать войну с Японией. Военные объяснили, что можно спокойно занять земли в Маньчжурии, и Япония не осмелится на ответный удар. А если и посмеет, то «будет маленькая война и большая победа». «Маленькая война» стала большой и кровавой, «большая победа» обернулась позором поражений. «Больно и тяжело», — записывал царь в дневнике. Но это было только начало...

Наступил страшный 1905 год. Болезнь мальчика, катастрофы на фронте... И новое испытание — невиданная в России за все 300 лет его династии революция! Воистину — «Иов Многострадальный»...

Ужасный год начался с расстрела манифестации рабочих, шедшей к Зимнему дворцу. Семья была в Царском Селе. В их отсутствие перепуганный великий князь Владимир Александрович, командовавший петербургским гарнизоном, отдал приказ стрелять... 9 января Николай записал в дневнике: «Ужасный день... Много убитых и раненых. Боже, как больно... как тяжело».

Революционеры ответили террором. Первая кровь Романовской семьи в XX веке — в Москве разорван бомбой великий князь Сергей Александрович. Теперь Николая преследовало видение: ползающая на коленях в крови, среди останков мужа, простоволосая Элла... А далее — страшные дни, хаос в стране, забастовка на железных дорогах, отрезавшая Петербург и Москву от губерний, митинги с призывами к вооруженному восстанию...

Для черногорских принцесс наступил звездный час. Роман Станы с Николаем Николаевичем был в разгаре, а «Грозный дядя» должен был получить полномочия диктатора — казалось, что это единственный шанс усмирить революцию. Экзальтированным черногоркам грезилась корона, которую сам передаст спасителю слабый Ники...

Но подвел Николай Николаевич — не решился стать диктатором. Армия была далеко, на войне с Японией, и сил подавить

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ «СТАРЕЦ»

восстание у него не было. Вместе с новым премьером, Сергеем Юльевичем Витте, великий князь уговаривает Ники согласиться на Конституцию.

Семья жила в Петергофе, отрезанная от столицы. При дворе уже поговаривали, что на рейде стоит корабль, на котором они готовятся бежать в Англию... Как нужен был царице заступник перед Богом!

«СЦЕНА БЫЛА ГОТОВА ДЛЯ ПОЯВЛЕНИЯ ЧУДОТВОРЦА»

Так написал в своих воспоминаниях Сандро (великий князь Александр Михайлович), друг юности Николая и муж его сестры Ксении. Черногорские принцессы неумоимо искали русского чудотворца. И Милица привела во дворец епископа Феофана.

Из показаний Феофана: «В дом бывшего императора... я был приглашен впервые для беседы по церковным вопросам... Впоследствии меня стали приглашать как для духовных бесед, так и приобщать часто болевшую императрицу Александру Федоровну».

Но прямодушный аскет Феофан не смог заменить лукавого Филиппа. И во дворец Милицы все чаще зовут протоиерея Иоанна Кронштадтского — тогдашнюю всероссийскую знаменитость. Его глубоко почитал отец Николая — протоиерей стоял у постели Александра III в минуту его смерти. Жизнь Иоанна проходила среди народа — в храме и на улице. Ему была ниспослана высшая сила христианина — дар исцеляющей молитвы. К нему за помощью шли те, кто достиг последней черты страдания, когда уже не спасало могущество науки. Он исцелял людей самых разных вероисповеданий — православных, иудеев, магометан. Влиятельнейшая петербургская газета «Новое время» выпустила целый номер (20 декабря 1883 года) с благодарностями исцеленных.

Иоанн исцелил и будущую почитательницу Распутина, юную Анну Вырубову, и Зинаиду Юсупову — мать будущего убийцы Распутина...

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

Но Иоанн слишком суров, слишком обременен обязанностями перед своей паствой. И тогда Милица решилась познакомить Аликс и Ники с человеком, который непременно должен был произвести на них впечатление, которого она давно готовила к этой встрече, — с «братом Григорием», странником из Сибири. Но умная черногорка уже почуяла опасность, и прежде, чем представить Распутина, потребовала с него честное слово, что без нее он не будет встречаться с «царями». Он по-прежнему должен был остаться при Милице, стать новым Филиппом, с которым «цари» будут встречаться только в ее дворце. «По словам Милицы Николаевны, Распутин обещал сам не знакомиться с царской семьей», — показал в «Том Деле» Феофан.

Милица была уверена в успехе мужика. Недаром «брат Григорий» понравился самому Иоанну Кронштадтскому. Недаром Феофан, которого так уважают в Царской Семье, благоговееет перед ним. И как все сходится: прорицатель, врачеватель, человек из народа — воистину посланец Святой Руси!

В середине октября 1905 года наступил самый страшный миг: Николай решился подписать Конституцию. Рушилось трехсотлетнее самодержавие его предков. И все эти дни рядом с ним — черногорки и Николай Николаевич...

Из дневника царя: «17 октября... Завтракали Николаша и Стана (романтическая пара! — Э.Р.)... Сидели и разговаривали, ожидая приезда Витте... Подписал Манифест в 5 часов. После такого дня голова сделалась тяжелою и мысли стали путаться... Господи, помоги нам... спаси и умири Россию...»

«20... обедали Николаша, Милица и Стана...»

21, 22, 23, 24, 25 октября — все эти дни, согласно дневнику Николая, в гостях черногорские принцессы. Видимо, в эти дни Милица и рассказывает Аликс о чудесном сибирском мужике, готовит впечатлительную царицу к встрече с народным пророком.

В рассказах Милицы возникала столь радостная для царицы мистическая переключка между Распутиным и Серафимом Саровским. Как и святой Серафим, «брат Григорий» (так все его зовут, стараясь не употреблять неблагозвучную фамилию) бросил дом и много странничал. Как и святой Серафим, он ходил по деревне, окруженный последовательницами. Как и на свято-

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«СТАРЕЦ»

го Серафима, был на него наговор, и святая тайна стала предметом расследования...

Как должно было забиться сердце Аликс! Все совпадало. Филипп их не оставил, он прислал им защитника, как и обещал, «пришел в другом облике» — именно тогда, когда все вокруг уже советуют подумать о корабле, который унесет их из хаоса в Англию.

Наконец-то закончился страшный октябрь. Как ждала Аликс, что минувший месяц унесет все их беды! И как знаменательно, что в первый день нового месяца они должны увидеть у Милицы удивительного мужика...

Из дневника Николая: «1 ноября... В 4 часа поехали в Сергеевку. Пили чай с Милицей и Станой. *Познакомились с человеком Божьим Григорием из Тобольской губернии...* Вечером укладывался, много занимался, провел вечер с Аликс»... «22 ноября... Поехали... в Царское Село, куда прибыли в 5.20... Приятно было попать в старые, уютные комнаты».

Часть вторая
«НАШ ДРУГ»

Глава 4 РЯДОМ С «ЦАРЯМИ»

ОБОЛЬЩЕНИЕ

В «Том Деле» епископ Феофан показал: «Мне лично пришлось слышать от Распутина, что он на бывшую Государыню *произвел впечатление* при первом свидании с нею. Государь же подпал под его влияние лишь после того, как Распутин его чем-то *озадачил*».

Распутину, этому знатоку человеческих душ, вряд ли трудно было понять, как нуждается в нем царица, как измучена она обрушившимися на них бедствиями, и как действуют на нее его речи о простом народе, который не даст в обиду своего царя. Видимо, это и было главным в их первом разговоре. Об этом он говорил потом Илиодору, который (хоть и весьма примитивно) изложил речи Распутина в своей книге: «Когда революция подняла высоко голову, то они очень испугались... и давай складывать вещи... А я долго их уговаривал плюнуть на все страхи и царствовать».

На царицу это произвело сильное впечатление. С царем сложнее – Николай был «в себе»: слишком погружен в решение сложнейших проблем и, видимо, плохо слушал Распутина. Чтобы «озадачить» царя, нужно было встретиться с ним еще раз...

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

Но Милица, тотчас оценив впечатление Аликс, еще раз предупредила мужика, что он не должен стремиться сам встречаться с «царями» — иначе «он попросту погибнет».

«Предупреждение ее, что Распутин погибнет, я объясняю тем, что при дворе много соблазнов, зависть, интриги, и что Распутин, будучи простым непритязательным странником-богомольцем, в такой обстановке духовно погибнет», — показал Феофан.

Но у Распутина были совсем другие планы. И пребывание на квартире Феофана, связанного с Милицей, его более не устраивало. Ему теперь нужна была свобода действий.

ОЧАРОВАТЕЛЬНАЯ ГЕНЕРАЛЬША

Впрочем, у него уже была возможность выбирать себе пристанище. Его успех в Петербурге был стремительным, со времени своего появления в городе он многое успел. Его почитательница Е. Казакова показала в Чрезвычайной комиссии, что «видела много важных барынь... которые за ним ухаживали, считали его великим праведником, стригли у него ногти и... зашивали их себе на память».

Одной из таких «важных барынь» была петербургская «светская львица», хозяйка модного салона Ольга Лохтина. Ей тогда было уже за сорок, но была она еще очень хороша. В то время она заболела, и лечить ее пригласили Распутина. Так они встретились — всего через два дня после его свидания с Царской Семьей.

В «Том Деле» Лохтина показала: «Распутина я увидела первый раз 3 ноября 1905 г. К тому времени я разочаровалась в светской жизни, у меня произошел духовный переворот, к тому же я сильно болела неврастенией кишок, приковавшей меня к постели. Я могла передвигаться только придерживаясь рукой за стену... Священник отец Медведь (один из верных тогда почитателей «старца». — Э.Р.) пожалел меня и свел с Распутиным... С момента появления в доме отца Григория я сразу почувствовала себя здоровой и с тех пор освободилась от своего недуга...»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

На квартиру к исцеленной и решил перебраться «отец Григорий». Так теперь называет его Лохтина, и так будут называть его почитательницы...

Из показаний Феофана: «Жил у меня недолго, так как я по целым дням пропадал в Академии. И ему стало у меня скучно, и он куда то переехал, а затем поселился в Петрограде у чиновника Владимира Лохтина».

«Это был прекрасный семейный дом. Сама Лохтина была красивая, светская женщина и имела прямо очаровательную дочку», — показал в «Том Деле» полковник Ломан, друг Лохтиных.

Распутин точно выбрал дом — удобный плацдарм, чтобы попасть в Царскую Семью. Муж Ольги Лохтиной — инженер и действительный статский советник (что по табели о рангах соответствует чину генерала, поэтому Лохтину часто называли — и мы будем называть — генеральшей), заведовал дорогами в Царском Селе. Там проводит большую часть времени затворившаяся в «уютных комнатах» Александровского дворца Царская Семья. Болезнь наследника, сделанная государственной тайной, заставляет их жить полузатворниками, оберегая этот секрет.

Проживая в семье Лохтиных, Распутин был теперь в курсе всех слухов из дворца.

Пройдет несколько лет, и фотографии Лохтиной будут печатать крупнейшие российские газеты. Журналисты будут гадать, что произошло с этой очаровательной женщиной, как петербургская красавица превратилась в странную юродивую, разгуливающую в фантастическом одеянии по улицам столицы...

Мужик потряс ее сразу. «Он очень интересно рассказывал о своей страннической жизни, а в разговоре подсказывал грехи слушателей и заставлял говорить их совесть», — показала Лохтина.

Он открыл ей мир Любви и Свободы, где не было быта и денег — только жизнь духа. Всего через несколько дней после знакомства с «отцом Григорием» петербургская барыня отправляется с ним в Покровское. Муж с радостью отпускает ее, чтобы она могла окончательно излечиться у удивительного целителя. Ему и в голову не приходит подозревать влечение красавицы жены к корявому мужику.

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

«По его приглашению я отправилась к нему в гости в Покровское, где я пробыла с 15 ноября по 8 декабря 1905 года... Ехать с Распутиным большое удовольствие, ибо он давал жизнь духу... Дорогою он предсказал забастовку и все говорил: «Только бы доехать». Как только доехали, она началась». Впрочем, забастовку тогда предсказать было нетрудно — ими была охвачена вся страна. Но генеральша так жаждала чудес!..

И в Покровском «жизнь духа» продолжалась. Лохтина увидела смиренную крестьянскую семью: «Уклад его жизни мне очень понравился. Жена, встретив мужа... упала ему в ноги... Смирение его жены меня удивляло. Когда я бываю права, я никому не сделаю уступки. И вот как-то жена Распутина в споре с мужем уступила ему, хотя было ясно — права она, а не он. На высказанное мной... удивление, Распутина сказала: «Мужу и жене надо жить одним сердцем — где ты уступи, где тебе уступят»... Спали мы где придется, очень часто в одной комнате, но спали очень мало, слушая духовные беседы отца Григория, который как бы приучал нас к ночному бодрствованию. Утром, если я вставала рано, то молилась с отцом Григорием... Молитва с ним отрывала от земли... Дома проводили время в пении церковных псалмов и песнопений...»

Но у следователей были большие сомнения в невинности ее жизни в Покровском. И она им отвечала: «Да, он имел обыкновение целоваться при встречах и даже обнимать, но это только у людей дурных появляются дурные и грязные мысли... Совершенно справедливо также, что при одном из посещений села Покровского я мылась в бане с Распутиным и его семьею — женою и двумя дочерьми. При отсутствии дурных мыслей это никому из нас не казалось ни неприличным, ни странным... Что Распутин был действительно старец, убеждает меня и мое исцеление, и те предсказания, которые мне пришлось услышать и которые оправдались».

Так она отметала все подозрения о сексуальных отношениях между ней и Распутиным. Но каковы в действительности были отношения мужика с Лохтиной — его воистину яркой поклонницей? Знать это очень важно, чтобы понять и его учение, и всю дальнейшую его историю. Тем более что в исследованиях новых почитателей «отца Григория» утверждается: все истории о сек-

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

суальных связях Распутина со своими поклонницами выдуманы его врагами.

Но мы дадим слово другу — и одному из самых ближайших. В «Том Деле» есть показания издателя Филиппова: «Будучи у него в 1911 году на Николаевской улице, я неожиданно оказался свидетелем очень тягостной сцены. Придя к Распутину по обыкновению рано утром чай пить... я увидел его за ширмой, которая отделяла его кровать от остальной комнаты. Он отчаянно бил одетую в фантастический костюм — в белое платье, увешанное ленточками, — госпожу Лохтину, которая, хватая его за член, кричала ему: «Ты Бог!»... Я бросился к нему... «Что ты делаешь! Ты бьешь женщину!» Распутин мне ответил: «Она пристаёт, стерва, — грешить требует». А Лохтина, скрывшись за ширмами, кричала: «Я овца твоя, а ты — Христос!» ...Только впоследствии я узнал, что это — госпожа Лохтина, поклонница Распутина, имевшая с ним роман... Она подавала мне такие остроумные, свидетельствовавшие о ее большом уме и светскости реплики, что я был очень удивлен увиденным».

О ее уме и злом остроумии будут с изумлением говорить и другие свидетели. Как же сумел мужик навсегда приковать к себе эту блестящую женщину? Как родилась эта яростная страсть, которая навсегда останется у несчастной генеральши, даже когда мужик уже не будет испытывать к ней ничего, кроме отвращения? Ответ на эти вопросы — в главной тайне этого человека, речь о которой впереди...

В декабре 1905 года Распутин и Лохтина вернулись в столицу. И она была рядом, когда он продумывал свой план, чтобы вновь увидеть Царскую Семью... Феофан был прав — новую встречу с Семейей подготовил сам Распутин.

В «Том Деле» остались показания важного свидетеля. В 1917 году перед следователями Чрезвычайной комиссии предстал полковник Дмитрий Ломан. При дворе он сделал блестящую карьеру: ему было поручено сооружение придворного Федоровского собора — любимого храма Царской Семьи, и назначение это он получил (как покажут свидетели) не без помощи Распутина.

Когда Ломан впервые увидел Распутина, он был всего лишь офицером лейб-гвардейского полка. «Распутина я знаю с самого его

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ РАСПУТИН

появления в Петрограде... В первый раз Распутин попал во дворец таким образом: как-то Государь (передаю это как слух) получил от сибирского крестьянина... это и был Распутин... письмо с просьбой принять его и разрешить преподнести икону по какой-то причине особо чтимую. Государь заинтересовался письмом...»

ПРЫЖОК ВО ДВОРЕЦ

Показания Ломана подтверждает и... сам Распутин. Сохранилась телеграмма, посланная мужиком царю в 1906 году: «Царь-батюшка, приехав в сей город из Сибири, я желал бы поднести тебе икону Святого Праведника Симеона Верхотурского Чудотворца... с верой, что Святой Угодник будет хранить тебя во все дни живота твоего и споспешествует тебе в служении твоём на пользу и радость твоих верноподданных сынов». Эту телеграмму, так отличавшуюся от бессвязных посланий, которыми Распутин будет засыпать «царей», видимо, помогла написать мужику преданная генеральша.

И царь... принял мужика после его телеграммы! Почти точную дату этой встречи (на этот раз воистину исторической) позволит установить взволнованное письмо обычно сдержанного Николая к премьеру Столыпину:

«16 октября 1906 года...Несколько дней назад я принял крестьянина из Тобольской губернии... который принес мне икону Святого Симеона Верхотурского... *Он произвел на Ее Величество и на меня замечательно сильное впечатление... и вместо пяти минут разговор с ним длился более часа.* Он в скором времени уезжает на родину. У него есть сильное желание повидать Вас и благословить Вашу больную дочь иконой. (В то время террористы взорвали дачу премьера, Столыпин чудом остался жив и вынес из развалин раненую дочь. — Э.Р.) Я очень надеюсь, что Вы найдете минутку принять его на этой неделе».

Так ему удалось «зацепить» и царя!

Можно представить, о чем он говорил с «царями». Конечно же был его любимый рассказ о встрече с Богом, о странствиях во имя Божье — обо всем, что было недоступно этим религиоз-

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

•Н А Ш Д Р У Г•

ным людям и о чем они так мечтали. И здесь ему не было равных, здесь он был поэт. Те же мысли он позже изложит в «Житии опытного странника» и среди них — любимую: «Велик, велик есть крестьянин перед Богом!» Мужик — он помогущественнее всех жалких городских интеллигентов, свершивших смуту, а главное — он любит своих царей и не даст их в обиду. Как не даст их в обиду Господь... Народ и царь — между ними никого! Царь и царица услышали то, что так хотели тогда услышать...

И наконец мужик попросил о том, от чего должны были затрепетать их сердца — увидеть мальчика. Он заговорил о его болезни, будто давным-давно о ней знал, просил позволения молитвой облегчить его страдания (потому и принес икону Симеона Верхотурского, обладающую исцеляющей силой).

Судя по всему, его отвели к ребенку: недаром тотчас после этой встречи Николай и написал Столыпину, чтобы тот допустил мужика «благословить Вашу больную дочь иконой». Ибо на глазах «царей», видимо, произошло чудо — то, о чем потом будут рассказывать Вырубова и великая княгиня Ольга, то, что будет происходить потом много раз!

В полумраке комнаты, освещенной лампадами, не мог заснуть, мучился в приступе болезни их «Маленький», их «Солнечный луч». Диковинный мужик спокойно подошел к кровати, крючковатая огромная тень склонилась в молитве... И мальчик на глазах успокоился, тихо уснул, чтобы на следующее утро (чудо! чудо!) проснуться здоровым.

Знал ли мужик таинственные секреты врачевания, с языческих времен охранявшиеся в Сибири? Или воистину ощущал тогда в себе иную, необъяснимую силу, способную исцелять? Нам можно размышлять об этом и сомневаться. У Аликс же сомнений быть не могло. Он пришел — народный посланец, «Божий человек», о котором говорил его предтеча, «Наш Друг». Пришел, чтобы защитить своего царя и спасти наследника священного престола.

Вслед за царем мужика принял премьер-министр. Распутин и к нему пришел с той же чудотворной иконой святого Симеона Верхотурского.

Из показаний Вырубовой: «Покойный Столыпин... после взрыва на даче вызвал к своей пострадавшей дочери Распутина, и тот будто бы молился над нею, и она поправилась».

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

С тех пор царь и царица стали почитать сибирского святого, о котором рассказал им мужик. На личные средства царя была воздвигнута великолепная сень над ракою Симеона.

Крестный ход в дни прославления святого Симеона возглавлял Иоанн Сторожев — священник из Екатеринбурга. В 1918 году тот же отец Иоанн совершит последнюю обедницу и даст последнее благословение Царской Семье — за два дня до их гибели.

В Ипатьевском доме после их расстрела найдут «образ святого Симеона Верхотурского, малого размера, в металлической рамке» — возможно, тот самый, который принес им когда-то мужик.

Теперь они сами зовут Распутина — он стал им необходим. Но «цари» — невольники в своем дворце. После истории с Филиппом они осторожны, и чтобы не возбуждать слухов, мужика зовут вместе с Феофаном — человеком официальным, к тому времени уже ставшим ректором Духовной академии.

Из показаний Ломана: «Кроме официальной аудиенции Распутин был раза 2–3... с Феофаном, но в очень скромной роли — келейника и последователя Феофана...»

Но Распутин просит Феофана не сообщать Милице об этих посещениях. «Сам Распутин сообщил мне, что он скрывает от Милицы Николаевны знакомство свое с царской семьей», — показал Феофан в «Том Деле». И ничего не подозревающая Милица продолжала славить мужика. «9 декабря... Обедали Милица и Стана. Весь вечер они рассказывали нам о Григории», — записал царь в дневнике.

СКАНДАЛЫ В БЛАГОРОДНОМ СЕМЕЙСТВЕ

Однако долго скрывать от Милицы новое знакомство было невозможно. Праведный Феофан не мог лгать — как только слухи из Царского Села дошли до Милицы, он после первого же ее вопроса рассказал правду.

Великая княгиня разгневалась на мужика. Она не понимала, с кем ссорится...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

Из показаний Феофана: «Распутин сообщил мне, что Милица Николаевна прямо ему объявила: «Вы, Григорий, надуватель»... Лично мне Милица Николаевна высказывала недовольство тем, что Распутин проник в царскую семью, и упоминала о своих предупреждениях, что если он это сделает, это будет его гибелью».

Было ли это бессильным раздражением властной Милицы, не сумевшей создать «второго Филиппа», или прозорливостью мистической женщины? Впрочем, в то время ей было уже не до Распутина — в конце 1906 года черногорские принцессы оказались в центре придворного скандала.

Из дневника К.Р.: «6 ноября... Узнал с ужасом от жены, что Стана разводится... и выходит замуж за Николашу!!! Разрешение этого брака не может не представляться поблажкой, вызванной близостью Николаши к Государю... оно нарушает церковное правило, запрещающее двум братьям жениться на двух сестрах...»

Но жених нашел другое, весьма неожиданное объяснение.

«10 ноября... Николаша объявил, что палец о палец не ударил для своей женитьбы... что тут не обошлось без заградного влияния Филиппа».

Это был очередной скандал в большой Романовской семье. Не так давно дядя царя, великий князь Павел Александрович, отбил жену у адъютанта другого великого князя, Владимира, и женился на ней. За что и был выслан из России по повелению царя, ибо согласно законам Российской империи «все члены Императорского Дома лишены права вступать в брак с лицами, не принадлежащими к царствующему или владетельному Дому»... И еще один скандал грозил семье: родной брат царя Михаил надумал жениться на жене лейб-гвардейца из своего знаменитого полка «синих кирасир» — дважды разведенной красавице Наталье Вульферт. Вдовствующая императрица с трудом умолила сына отказаться от безумной идеи... И новый скандал, уже с великим князем Кириллом, сыном другого царского дяди, Владимира Александровича. К этому лихому командиру Гвардейского экипажа ушла жена родного брата Аликс — Эрни, герцога Гессенского. Ники пришлось наказывать и Кирилла. Что делать: отец

Николая беспощадно карал родных за подобные шалости, теперь карать должен был он — глава Романовской семьи.

И вот новый скандал — с «Грозным дядей»... Но каково же было влияние черногорок на Аликс, если царица, преисполненная отвращения к разводам, послушно все стерпела и заставила стерпеть царя, несмотря на грозные призывы вдовствующей императрицы покарать Николая Николаевича и навести порядок в семье!

Запись в дневнике генеральши Богданович от 25 октября 1906 года: «Говорят она (Стана. — Э.Р.) воплотила в себе медиума Филиппа, что он в нее вселился, и она предсказывает, что все теперь будет в стране спокойно... царь и царица верят каждому ее слову... и в ожидании спокойствия веселы и беспечны».

Но черногорская принцесса была тут ни при чем. Генеральша и дворцовые сплетники на сей раз ошиблись. Они тогда еще не знали о мужике, который уже поселился в сердцах «царей». Это он внес в их души спокойствие и уверенность.

ЗАГАДКА НОВОЙ ФАМИЛИИ

Пока Николаевичи с черногорками улаживали свои личные дела, мужик стремительно шел в гору. Уже через два месяца после их второй встречи Государь всея Руси лично занимается переменной фамилии никому не известного крестьянина. По этому поводу он вызывает главу своей канцелярии графа Бенкендорфа — Аликс беспокоит неблагозвучная фамилия, столь неподходящая к облику «Божьего человека».

Распутину предложили написать прошение, и Бенкендорф сообщил министру внутренних дел: «Передавая мне это письменное прошение Распутина, Его Величество изволил выразить особенное желание эту просьбу уважить».

22 декабря 1906 года последовало удовлетворение ходатайства крестьянина Распутина о разрешении впредь именоваться «Распутиным-Новых».

Илиодор пересказывает со слов Распутина версию, которую, видимо, решено было сделать официальной: «Как только я по-

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

казался в дверях, то наследник захлопал ручонками и залепетал: «Новый, новый, новый!»... Это были первые его слова. Тогда царь дал приказ именовать меня по фамилии не Распутин, а Новых».

На самом деле в фамилии «Новых», возможно, был совсем иной подтекст (речь о нем впереди). Но так или иначе, Распутин получил право на новую фамилию.

Однако жизнь не позволила. Жизнь вскоре вернет ему фамилию Распутин.

С появлением Нового началась во дворце и новая — тайная — жизнь...

Только через год Ники и Аликс решатся раскрыть тайну этой новой жизни великой княгине Ольге. «Осенью 1907 года Ники спросил меня, хочу ли я видеть настоящего русского крестьянина, — рассказывала она журналистке в далекой Канаде. — Распутин... повел его (Алексея. — Э.Р.) в комнату, и мы втроем последовали за ним... мы чувствовали себя как в церкви. В комнате Алексея не было электричества, и свет шел только от лампад перед иконами... Ребенок стоял рядом с гигантской тенью, низко опустившей голову... Распутин молился, и ребенок присоединился к его молитве».

Именно тогда она узнала, что Распутин обещал «царям», будто их мальчик излечится от болезни. О том же говорила и Вырубова в своих показаниях: «Распутин предсказал, что мальчик со временем совсем выздоровеет... вырастет из болезни».

Вера в выздоровление сына и дала им спокойствие. И еще — они увидели, как слабеет, гибнет грозная революция. Еще недавно в Петергофе на Николая, как на дичь, охотились революционеры, и Государь всея Руси писал матери: «Ты понимаешь мои чувства... не иметь возможности выезжать за ворота... И это у себя дома!.. Я краснею писать тебе об этом». Еще вчера хаос правил страной. И вот теперь, как и предсказал мужик, революцию удалось смирить. Начинаясь новая жизнь. Все, как предрек им новый человек...

Филипп был прежним «Нашим Другом». Распутин станет новым «Нашим Другом».

В этом, видимо, и заключался для них тайный смысл фамилии.

ЕЩЕ ОДНА
ИСТОРИЧЕСКАЯ ВСТРЕЧА

Всю первую половину 1907 года Распутин продолжает посещать черногорских принцесс. Взрыв ярости Милицы как будто прошел (тем более что «цари» иногда встречаются с Распутиным в ее доме), она как будто простила мужика и не замечает, что теперь «отец Григорий» — тайный и частый гость в царском дворце. И по-прежнему славит провидца перед своими знакомыми, ибо уже поняла: это постоянное славословие нравится царице.

Именно тогда во дворце Милицы и состоялась еще одна встреча, имевшая большое значение для судеб империи.

В то время около царицы появилась молоденькая фрейлина Аня Танеева. Вскоре двор заговорил о пылкой дружбе Аликс и Ани. Милица тотчас начинает приглашать к себе новую фаворитку. Аня казалась наивной девочкой, до смешного копировавшей Государыню, — вела с Милицей бесконечные разговоры на любимые царицей мистические темы. И, естественно, захотела увидеть Распутина. Аня готовилась выйти замуж за флотского офицера Вырубова, и ей необходим был совет «отца Григория».

Из показаний Вырубовой: «С Распутиным я познакомилась в 1907 году за несколько дней до свадьбы у Милицы Николаевны... Причем я слышала, что у нее с ним встречаются Государь и Государыня. Этому знакомству предшествовало чтение мистических книг на русском и французском, которыми меня ссужала Милица Николаевна и в которых доказывалось существование таких людей, которые, благодаря своей жизни, сделались провидцами... В первых числах марта 1907 года Милица Николаевна пригласила меня, предупредив, что у нее будет Распутин. Она приняла меня в гостинной одна, стала рассказывать о том, что бывают люди, одаренные даром свыше и обладающие даром провидения. На эту тему Милица Николаевна говорила со мной около часу и просила меня не удивляться, если она будет христосоваться с Распутиным... Я очень волновалась, тем более, что она сказала: «Попросите у него о чем хотите, он помолится. Он может все у Бога»... Распутин поцеловался с Милицей, а затем она пред-

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«Н А Ш Д Р У Г»

ставила его мне... Меня поразили его пронизательные глаза, глубоко сидящие в глазных впадинах... Я, озабоченная браком, так как очень мало знала своего жениха, спросила, следует ли мне выходить замуж. Распутин ответил, что советует выйти замуж, но что брак будет несчастлив...»

Однако вскоре Распутин перестает посещать Милицу. И черноморская принцесса узнает, что мужик посмел высказать слова неодобрения о браке ее сестры с Николаем Николаевичем. И царица навещает ее теперь все реже и реже...

Такого Милица не прощала.

ПОХОРОНЕННОЕ СЛЕДСТВИЕ

Осенью 1907 года Распутин уехал в Покровское. С ним отправилась Лохтина, а также его молодые поклонницы — незамужняя медицинская сестра Акилина Лаптинская, вдова инженера Хиония Берладская и жена коллежского секретаря Зинаида Манчет (или Манштедт, как она именуется в других источниках).

К тому времени Распутин купил в Покровском новый просторный дом. На родине мужик менялся — простодушный, неграмотный крестьянин оживал в нем, он становился словоохотлив, хватался перед соседями, демонстрировал поклонявшимся ему петербургских «дамочек». Охотно рассказывал он и о «царях» и великих князьях, которые спрашивают советов у него — вчера еще битого и осмеянного односельчанами Гришки...

Но в этот приезд его поджидал печальный сюрприз. Распутин узнал, что в селе появился инспектор из Тобольской Духовной консистории, который уже вызывал на допросы его постоянных собеседников — священников — и расспрашивал их о нем. И вскоре в новом доме был обыск, нашли и забрали письма «дамочек». Потом их самих вызвали к инспектору. И наконец на допрос повели самого Распутина.

Так началось «дело» по уже знакомому ему обвинению в хлыстовстве. Четыре года назад он сумел отбиться от следователей консистории. И вот — его снова обвинили.

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

Впоследствии председатель Государственной Думы Родзянко, бравший это «дело» из Синода, сообщил, что уже вскоре оно исчезло. Но «рукописи не горят»... Нынче, будто из небытия, в Тобольском архиве выплыла папка с надписью: «Дело Тобольской консистории по обвинению крестьянина слободы Покровской Тюменского уезда Григория Ефимовича Распутина-Нового... в распространении им лжеучения, подобно хлыстовскому, и образования общества последователей своего лжеучения. Начато 6 сентября 1907 г.»

В «деле» было отмечено: пока Распутин пребывал в Петербурге, Тобольскому епископу сообщили сведения, касавшиеся таинственного периода его странствий. По этим «собранным и проверенным... сведениям... названный крестьянин из своей жизни на заводах Пермской губернии вынес знакомство с учением ереси хлыстовской и ее главарями». Затем, «проживая в Петербурге, приобрел себе последовательниц, которые, по возвращении Распутина в слободу Покровскую, неоднократно приезжали к нему и подолгу жили в его доме». Также отмечалось, что «письма его последовательниц Х. Берладской... О. Лохтиной и З. Манчтет говорят... об особом учении Распутина», что эти последовательницы «водят Распутина под руки и... на глазах у всех он их часто обнимает, целует и ласкает... В верхнем этаже новоприобретенного Распутиным большого дома поздними вечерами бывают особенные молитвенные собрания... на этих собраниях он надевает полумонашеский черный подрясник и золотой наперсный крест... собрания эти иногда заканчиваются поздно и, по слухам, в бане при прежнем доме Распутина совершался «свальный грех»... Между жителями слободы Покровской ходят слухи, что Распутин учит хлыстовству...»

Кто стоял за этим «делом», понять нетрудно. У Милицы, благодаря ее могуществу при дворе, были прочные связи в Синоде. И она, хорошо знавшая мистические учения, давно поняла тайну удивительного мужика. И это ее раздраженный голос слышен в обвинительном заключении, где говорится о «самомнении и сатанинской гордости» Распутина, о том, что он посмел принять на себя образ «необыкновенного наставника, молитвенника, советника и утешителя», что он, «человек малообразован-

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«Н А Ш Д Р У Г»

ный», решил «рассказывать о своих посещениях дворцов великих князей и *других высокопоставленных особ...*»

На следствии Распутин конечно же отрицал свое хлыстовство. Отрицал и *хождение в баню с женщинами*, то есть то, что впоследствии будет признавать в Петербурге, о чем будет рассказывать знакомым. И «дамочки» за него стояли горой — и Берладская, и Лаптинская, и Лохтина, и находившиеся у Распутина в услужении Евдокия и Екатерина Печеркины ничего, кроме восторженных отзывов о высокой нравственности «отца Григория», следствию не дали. На вопрос инспектора о поцелуях Распутина Лаптинская важно объяснила тобольским провинциалам: «Это обыкновенное явление в интеллигентном кругу...»

Но все это было лишь началом. Приехавший в Покровское инспектор Тобольской Духовной семинарии Д. Березкин в отзыве о ведении «дела» отметил, что следствие произведено «лицами, малосведущими в хлыстовстве», что обыскан был лишь жилой двухэтажный дом Распутина, хотя известно, что место, где происходят радения, «никогда не помещается в жилых помещениях... а всегда устраивается на задворках — в банях, в сараях, в подклетьях... и даже в подземельях (он имел в виду ту самую таинственную «моленную под полом конюшни» в старом распутинском доме. — *Э.Р.*)... Не описаны картины и иконы, найденные в доме, между тем в них обычно кроется разгадка ереси...» и так далее. После чего Тобольский епископ Антоний постановил произвести следствие по «делу», поручив его опытному противосектантскому миссионеру.

Распутин был перепуган, вмиг превратился в бесправного, забитого крестьянина. Но Лохтина оценила ситуацию. Она поняла, что столь мощное давление могло быть организовано только кем-то очень могущественным — из столицы. И только из столицы его можно теперь остановить...

Лохтина спешно выезжает в Петербург. И вскоре... следствие было прекращено, несмотря на недавнее распоряжение Антония. Чье-то очень высокое вмешательство навсегда похоронило в недрах Синода епископское расследование.

Так Милица сделала роковую ошибку. Она решила использовать ситуацию, чтобы поставить на место мужика, она была уве-

рена, что расследование по «делу о хлыстовстве» скомпрометирует Распутина, закроет ему дорогу во дворец. Но она ошиблась, ибо не могла представить себе степень его влияния на Семью.

ПЕРЕВОРОТ ВО ДВОРЦЕ

Конечно же Аликс легко вычислила, кто стоял за кулисами следствия, кто пытался отнять у нее «Божьего человека». И уже вскоре, судя по показаниям Феофана, «испортились добрые отношения между Милицей и Анастасией Николаевной, Петром и Николаем Николаевичем и царской семьей... Об этом мне проговорился сам Распутин. Из его нескольких фраз я заключил, что Распутин внушил мысль бывшему императору, будто они слишком влияют на государственные дела и задевают самостоятельность императора».

Прихвастнул мужик — хотел показать свою силу... На самом деле эта мысль всецело завладела царицей, как только та разлюбила прежнюю подругу. Аликс и в нелюбви — цельная натура. Разлюбить — так пылко, яростно... И Распутин тотчас понял новое настроение «мамы» («мама» и «папа» — так он теперь звал этих мистических родителей, отца и мать Русской земли). Понял он и свою задачу — постоянно внушать эту мысль «мамы» — «папе», ибо Ники очень трудно менял привязанности и, как справедливо отмечала Вырубова, «продолжал верить великому князю Николаю Николаевичу».

Теперь в Царской Семье вчерашние подруги стали именоваться так же, как прежде называли их недоброжелатели при дворе — «черные женщины». И уши царицы тотчас открылись всему, чего она не хотела слышать раньше.

«По временам у меня шевелилась мысль о том, что Милица Николаевна познакомила Государыню с Распутиным для того, чтобы сделать его затем орудием для достижения своих целей», — показала Вырубова в «Том Деле». Теперь Аня «простодушно» рассказывала Аликс то, о чем думала сама царица. И они вместе негодовали на «черных женщин», посмевших организовать по-

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

зорное расследование против «Божьего человека». Новая подруга охотно объяснила, откуда рождаются гадкие слухи про Аликс: «Все, что говорилось плохого про Государыню, исходило теперь от Милицы и Анастасии Николаевны... они говорили о том, что Государыня... психически ненормальна, что она слишком часто видится с Распутиным».

Все поведала царице добрая Аня... И «черных женщин» навсегда отдалили от трона — более Аликс никогда не появится в их доме.

А вскоре генеральша Богданович запишет в дневнике: «Радциг (камердинер Николая II. — Э.Р.) говорил, что между царем и великим князем Николаем Николаевичем полное охлаждение, как между царицей и женой его Анастасией Николаевной».

С черногорками Аликс рассталась без сожалений — ведь теперь она не была одинока. Она нашла ее — свою Подругу. Свою истинную Подругу.

ОПАСНАЯ ПОДРУГА

В марте 1917 года в Чрезвычайную комиссию из сырой тюремной камеры привозили бывшую фрейлину царицы. Следствие пыталось выяснить у нее дворцовые тайны, загадку влияния Распутина. Между тем самой большой загадкой была она сама — Анна Вырубова. Подруга Аликс.

«Недалекая... С трудом сдавшая экзамен на домашнюю учительницу... Ничем не интересующаяся... Трудно понять, какие отношения могли быть у нее с высоко образованной, энергичной царицей...» Таковы многочисленные показания свидетелей о Вырубовой. С этой характеристикой она и войдет в историю.

Между тем достаточно прочитать протоколы ее допросов, чтобы почувствовать, сколь блистательно изворотлива и опасно умна эта женщина. С самого начала следствия она удивительно верно избрала свою роль — ту самую роль наивной, простодушной, недалекой Ани, которую с таким успехом играла в Царской Семье.

Секретарь комиссии, поэт Блок, присутствовавший на допросах, напишет о ней: «Человек в горе и унижении становится ребенком... Вспомни Вырубову. Она врет по-детски».

Что ж, в ее ситуации это была единственно возможная тактика — наивно, открыто лгать, демонстрируя свою детскую беспомощность, глупость и полное непонимание происходившего во дворце. Почти изумленно узнает она от следователя, что, оказывается, ее считали «фанатичной поклонницей Распутина»!

— Так вы утверждаете, что интерес к Распутину у вас был, как ко многим другим в вашей жизни? — возмущается ее ложью следователь Гирчич. — Или все-таки он представлял для вас исключительный интерес?

— Исключительный? Нет! — говорит она очень искренне и, срывая последующие вопросы, вдруг начинает по-бабьи жаловаться: — Жить при дворе, вы думаете, легко? Мне завидовали... Вообще, правдивому человеку трудно жить там, где масса зависти, клеветы. *Я была проста*, так что за эти двенадцать лет, кроме горя, я почти ничего не видела...

Но следует новый важнейший вопрос:

— Почему вы сожгли целый ряд документов?

— Я почти ничего не жгла, — открыто, как бы беспомощно лжет она, заполнившая пеплом от сожженных бумаг огромный камин во дворце.

Ее обвиняют в том, что она вместе с Распутиным назначала министров, принимала участие в политических играх. И опять она изумляется — они с Распутиным разговаривали только о религии.. Ей предъявляют доказательства — ее переписку с Распутиным.

— Почему же люди, не имеющие никакого отношения к политике, интересующиеся только молитвой и постом, находятся друг с другом в переписке политического содержания? — торжествует следователь.

Она только вздыхает и говорит все так же наивно:

— Ко мне все лезли со всякими вопросами...

— Ну лезли, скажем, день, месяц, год; но тут — лезли много лет подряд!

— Ужас что такое! — вздыхает она. — Мне вечно не было покоя от людей!

И после всей этой лжи другой следователь, В. Руднев, допрашивавший Вырубову параллельно с Гирчичем, напишет удивительное: «Ее показания... дышали правдой и искренностью.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

Единственным недостатком показаний были ее чрезвычайное многословие и поразительная способность перескакивать с одной мысли на другую». А ведь Вырубова лгала в лицо и ему.

Почему же он так написал?

Вырубова воистину знала людей и сразу поняла разницу между двумя следователями. И выбрала с ними разную тактику. От дотошного Гирчича можно было оборониться только наивностью, глупостью. Руднева, сентиментального провинциала, который так соскучился по человеческому благородству, можно и нужно было сделать своим союзником. И она демонстрирует простодушную преданность падшей Царской Семье, давая понять, что лжет только ради них. Она дает следователю возможность оценить и свое христианское терпение в тюрьме — об этом ее терпении спешит рассказать Рудневу мать Вырубовой...

Впоследствии Руднев вспоминал: «Ее чисто христианское всепрощение в отношении тех, от кого ей пришлось пережить в стенах Петропавловской крепости... это издевательство стражи, выразившееся в плевании в лицо, снятии с нее одежды и белья, сопровождавшемся битьем по лицу и другим частям тела... Нужно отметить, что обо всех издевательствах я узнал не от нее, а от ее матери... Вырубова подтвердила все с удивительной незлобивостью, объяснив: «Они не виноваты — не ведают, что творят».

При этом она просила следователя не наказывать виновных, чтобы не усугубить ее положения. И даже не выяснив, были ли вообще все эти издевательства, Руднев поверил Вырубовой.

Но свой главный удар она приберегла напоследок. Провинциальный следователь был в курсе того, о чем говорила вся Россия: Вырубова — «наложница царя и Распутина». И как бы заботясь о том, чтобы этот добрый человек узнал о ней всю правду, она настояла на медицинском освидетельствовании. Руднев был потрясен — Вырубова... оказалась девственницей! Теперь он верил ей до конца, он был готов закрыть глаза на «ложь во спасение», которую Вырубова говорила ему в лицо. И он подвел итог: «Никаким влиянием при дворе она не пользовалась и пользоваться не могла — слишком был велик перевес умственных и волевых качеств императрицы по сравнению с ограниченной, бес-

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

характерной, но беззаветно преданной и горячо любившей ее Вырубовой».

Так Руднев писал о самой влиятельной женщине России! Бедный провинциал не мог даже подозревать, какие утонченные психологические игры вела его подследственная. Так он влился в многочисленный хор свидетелей, единодушно твердивших во время допросов о «простодушной и недалекой» Вырубовой. Правда, большинство этих свидетелей погибнет после Октября, а «простодушная и недалекая» уцелеет. Подруга царицы сумеет использовать и пролетарского писателя Горького, и вождя революции Троцкого, чтобы вырваться из камеры. А выйдя на свободу, скрываясь в Петрограде, она сумеет наладить переписку с царицей и даже... попытается ее освободить! И сумеет организовать собственное бегство из большевистской России!

Женщина, назначавшая и свергавшая министров, управлявшая порой и стальной волей царицы, умела выглядеть простой русской дурехой. Эта удобная маска давно стала ее лицом.

ИГРЫ АНИ

Когда Аня познакомилась с Распутиным, она уже была рядом с тронem. Ее отец, маленький толстенький старичок, умевший говорить всем только приятные вещи, Александр Сергеевич Танеев, исполнял должность Главноуправляющего собственной Его Императорского Величества канцелярией. Эта должность была как бы фамильной — ее занимали при трех императорах дед и прадед Танеева. По материнской линии Аня получила в наследство и царские гены — среди ее предков был незаконный отпрыск императора Павла I.

В 1904 году она была представлена Государыне, получила шифр и звание фрейлины. Аликс тотчас поняла — она встретила Подругу. В следующем году Аня уже сопровождает царицу на яхте «Полярная звезда».

«Во время поездки императрица жаловалась, что у нее нет друзей вне семьи... что она чувствует себя чужой...» — говорила Вырубова на допросе. Она сразу поняла свою царственную под-

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«Н А Ш Д Р У Г»

ругу — в своих воспоминаниях наблюдательная Аня точно опишет цельную, властную натуру одинокой Аликс.

Впрочем, наблюдательной она покажет себя только в своей книге... А во дворце у нее была другая роль, единственно возможная при характере Аликс: добрая, простодушная, преданная девочка, глядящая в рот императрице, восторженно поклонявшаяся ее уму, ее религиозности. Так Аня появилась в Царской Семье. И случилось это накануне прихода во дворец Распутина.

И уже вскоре царь запишет об Ане в дневнике: «1906 год. 9 января... завтракали Сергей, А. А. Танеева». «4 февраля. Завтракала А. А. Танеева»... Молоденькая фрейлина стремительно становится действующим лицом царского дневника и всей жизни Семьи. И отодвигает от сердца царицы черногорских принцесс... При этом мудрая Аня ходит во дворец Милицы — прилежно учится мистике, которой так интересуется царица.

В 1907 году Аня выходит замуж, точнее — вынуждена выйти замуж. Слишком опасны слухи вокруг тесной дружбы Ани и царицы — двор ревниво отнесся к новой фаворитке.

Банкир Филиппов, находившийся в центре петербургской жизни, показал в «Том Деле»: «Дружба Вырубовой с Государыней... некоторыми из придворных сфер... объяснялась *близостью на почве сексуальной психопатологии*». О «неестественной дружбе» царицы и Ани не раз напишет со слов придворных в своем дневнике и генеральша Богданович.

Чтобы покончить со слухами, преданная Аня решила принести себя в жертву — выйти замуж за незаметного лейтенанта Вырубова. Скромный морской офицер, правда, владел обширным поместьем...

Из дневника Николая: «1907 год. 4 февраля... Анна Танеева представила своего будущего мужа Вырубова».

Став замужней женщиной, она перестает быть фрейлиной — двор может успокоиться... «Бедная императрица рыдает, как московская купчиха, выдающая дочь замуж», — насмешливо писал Витте в своих мемуарах.

Конечно же царица просит ее поговорить с «провидцем» о грядущем браке. И «простодушная» Аня, сразу оценившая роль мужика во дворце (то, чего не поняла умная Милица), отправля-

ется знакомиться с «отцом Григорием». Она принесет во дворец то, что так хочет услышать Аликс, — самые восторженные впечатления.

Замужество не изменило ни жизни, ни положения Ани.

Из показаний Вырубовой: «В 1907 году я вышла замуж за лейтенанта Александра Васильевича Вырубова, и по возвращении из свадебного путешествия мы сняли дачу сначала в Петергофе, затем в Царском (там находилась Семья. — Э.Р.)... Мой муж был зачислен в походную канцелярию (при царе. — Э.Р.), и в том же году мы сопровождали царскую семью на море». Подруги не расстаются ни на день — для того Вырубов и зачислен в канцелярию.

В то время ее увидела певица А. Беллинг. «Я познакомилась с ней на музыкальном вечере... Она тогда только что вышла замуж и была счастлива... Муж ее, круглолицый брюнет, моряк, не отходил от нее и смотрел ей в глаза. Она без конца смеялась и, казалось, радовалась жизни... «Это ужасно смешно! — говорила она мне. — Вы вышли замуж девятого, а я одиннадцатого». И заливалась заразительным смехом... Но несмотря на ее веселость, ласковый голос, милую улыбку и добрые глаза, не чувствовалось в ней искренности и чего-то такого, что... располагало бы к доверчивости... Однажды вечером, когда я пела... а Вырубова сидела, прикрыв лицо руками и слушала... вошли и доложили, что Анну Александровну «просят». Она заволновалась и заторопилась. Через несколько мгновений она появилась на пороге гостиной в великолепном белом боа на шее, что ее делало очень эффектной, и с пышным букетом алых роз, который она передала мне, горячо поблагодарив, обняв и, как бы страдая, прижавшись к моей голове своею».

Итак, все было — и свадебное путешествие, и счастье, и «смотревший ей в глаза» муж. Но...

«Прожив с мужем полтора года, — показала Вырубова в Чрезвычайной комиссии, — я развелась, так как он, оказалось, страдает психической болезнью... Он уехал в Швейцарию, я забыла, в какой город... в лечебницу; потом мы развелись, так что я его с тех пор не видела».

Следователь Руднев сочувственно вспоминал: «По словам матери Вырубовой, муж ее дочери оказался полным импотентом,

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«Н А Ш Д Р У Г»

при этом с крайне извращенной половой психикой, выражавшейся в различных проявлениях садизма, чем причинял ей нравственные страдания и вызывал чувство полного отвращения».

Но как же — «была счастлива»? Как она могла полтора года жить с садистом и скрывать такую муку? А может быть, Вырубов все же не был законченным психопатом, сгинувшим в швейцарской клинике?

Именно так: бывший супруг Ани обзавелся новой семьей и с 1913 по 1917 год преспокойно жил в своем поместье, пользовался уважением соседей и даже был избран уездным предводителем дворянства. Так что понятно, почему двор весьма недоверчиво отнесся к причинам развода и с еще большим упорством заговорил на прежнюю тему.

И все та же генеральша Богданович записывала в дневнике: «2 февраля 1908 года. Рассказывал Зилотти (помощник начальника Главного морского штаба. — Э.Р.), что всех поражает странная дружба молодой царицы с ее бывшей фрейлиной Танеевой, которая вышла замуж за Вырубова... Когда во время поездки в шхеры лодка наткнулась на камень, эту ночь царская семья проводила на яхте... Царь спал в рубке один, а в свою каюту царица взяла Вырубову и на одной с ней постели спала...»

И далее Богданович излагает причину развода Вырубовой со слов княгини Долли Кочубей — урожденной герцогини Лейхтенбергской, родственницы Романовых: «Неестественная дружба существует между царицей и Танеевой... и что будто муж этой Танеевой... Вырубов нашел у нее письма от царицы, которые наводят на печальные размышления...» Генеральша будет часто возвращаться к этой теме: «6 февраля 1909 года... У молодой царицы сильная неврастения... это приписывают ее аномальной дружбе с Вырубовой. Что-то неладное творится в Царском Селе...»

А может быть, Вырубова действительно питала отвращение к мужчинам? И была по-своему счастлива в браке именно потому, что муж-импотент к ней не прикасался? А когда он попытался преодолеть себя и «направить стрелу в цель», это и показалось ей «проявлением садизма»? Не из-за того ли несчастный лейтенант Вырубов начал «страдать психической болезнью»? Если

предположение верно, становится понятным, почему и дальше в жизни красивой молодой женщины не будет ни одного мужчины, почему и в 1917 году она оставалась девственницей — через десять лет после развода с Вырубовым! В ее жизни будет множество флиртов, но — *демонстративных* флиртов, которые станут частью ее игр.

Я много думал о ее отношениях с Аликс и в книге о Николае II сделал первую попытку их объяснить. В основе дружбы Вырубовой с царицей лежало тайное чувство, глубоко скрытое и подавленное. Оно и притягивало несчастную Аликс, и пугало ее... Но зная религиозность и чистоту царицы, Аня скрывала это чувство и придумала восхитительную игру, которая вначале еще больше привязала к ней подругу...

ТАЙНИКИ ДУШИ

В «Том Деле» я нашел удивительные показания служанки Вырубовой Феодосии Войно: «В царя Вырубова была влюблена, но пользовалась ли взаимностью, не знаю. Она получала от царя письма, и одно такое письмо было перехвачено царицей. И тогда между Вырубовой и царицей произошла ссора, которая, впрочем, скоро прекратилась. Вырубова сама предупредила меня и горничную, что у нее в несгораемом шкафу лежат письма царя, и если она внезапно умрет, то эти письма нужно возвратить царю».

Это могло бы показаться выдумкой, если бы не существовали письма самой царицы. Всю Первую мировую войну Аликс и Ники писали друг другу, их письма стали прекраснейшей повестью о прекраснейшей любви.

Но были в них и загадочные строки. Например, в одном из своих посланий Аликс делает такую приписку: «Милый! Ведь ты сжигаешь *ее* письма, чтобы они никогда не попали в чужие руки?» В другом месте: «Если мы теперь не будем оба тверды, у нас будут любовные сцены и скандалы, как в Крыму... Когда ты вернешься, она будет рассказывать, как страшно страдала без тебя... Будь мил, но тверд. Ее всегда надо обливать холодной водой». Оказывается, некая «она» смела устраивать сцены, скан-

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

дали и преследовать своими письмами царя?! И Аликс, не жалея слов, клеймит ее: «Она груба, в ней нет ничего женственно-го», называет ее «коровой»!

«Она», «Корова» — это... Аня!

Аня понимала, как опасны слухи о сексуальной подоплеке ее любви к Государыне. И придумала отвлекающую игру в подавленную, чистую и безнадежную любовь к Ники — игру, которая успокоила царицу. Так воспитанницы Института благородных девиц, боготворя старшую подругу, одновременно пылко влюблялись в ее избранника.

Нет, нет, конечно же Аня и не думает тягаться с Государыней. Она лишь разрешает себе умирать от безответной любви. Она даже устраивает сцены, но смешные, наивные. Царь должен успокаивать влюбленную Аню письмами, а царица — жалостью. Роль Ани — безопасная «третья», создающая некое чувственное напряжение, поддерживающая огонь великой любви Ники и Аликс.

Да, она была лукава, скрытна, хитра, умна — опасная женщина, посвятившая себя двум страстям. Витте писал: «За Аней Вырубовой все близкие царедворцы ухаживают... Аня устраивает им различные милости и влияет на приближение к Государю тех или иных политических деятелей».

Первая ее страсть — власть, которая сразу пришла к молоденькой фрейлине. Аня — незримая повелительница самого блестящего двора в Европе.

Другая страсть — скрытая навечно — это Аликс. Эта тайная страсть соединялась с тем страшным, плотским, что незримо приходило в Семью вместе с Распутиным. И хотя во дворце он оборачивался святым, царица не могла не чувствовать незримое поле его похоти, его разнузданную силу. И страстные мечты Аликс в письмах к Николаю — это уже не смиренная супружеская любовь, но исступленный плотский зов.

В своих воспоминаниях Вырубова пишет, что после развода она «еще теснее вошла в царскую семью». Она поселилась в Царском Селе рядом с дворцом, в маленьком домике. Теперь подруги были неразлучны.

Из дневника великой княгини Ксении: «7 сентября 1908 года... Поехали повидать Ники и Аликс... Аликс была в саду с Ольгой, Татьяной и неизменной Вырубовой».

МОГУЩЕСТВЕННАЯ ПАРА

Всех, кто был в то время приближен к Семье, царица знакомит с таинственным «старцем».

Из показаний Николая Павловича Саблина, капитана первого ранга, старшего офицера императорской яхты «Штандарт», одного из самых близких к царю и царице людей (в их переписке он часто встречается под инициалами Н.П.): «Кажется, в 1908 году во время плавания на «Штандарте» Государыня... сказала, что есть люди, которые вследствие аскетического образа жизни имеют особую силу, и заявила, что есть такой человек, а именно Распутин, и предложила мне с ним познакомиться».

Так что не стоит верить рассказу Ани, будто следующая их встреча с Распутиным произошла случайно...

Из показаний Вырубовой: «Следующая встреча с Распутиным произошла через год в поезде, когда я ехала в Царское. Туда же к каким-то своим знакомым с какой-то дамой ехал Распутин... Я очень ему обрадовалась и сказала, что хотела бы поговорить о своей несчастной жизни. Распутин дал свой адрес: «Греческий проспект, у Лохтиных»... У Лохтиной я встретила с Распутиным в гостиной. Ольга Лохтина была тогда... еще очень милой светской дамой и не отличалась эксцентричностью, которая развилась у нее потом».

Думается, все было проще: царица захотела дружбы самых дорогих людей. И Аня отправилась к генеральше — в тогдашнюю штаб-квартиру Распутина. Об этом рассказывает в «Том Деле» и сама Лохтина: «С Вырубовой я познакомилась... еще когда не разошлась с семьей. В первый раз она приехала ко мне узнать, когда приедет в Петроград отец Григорий».

Аня знала: каждый, кто хочет быть любимым царицей, должен любить «Божьего человека», постигать и славить его силу. И она тотчас ее ощутила. Она никогда не притворялась, не но-

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«Н А Ш Д Р У Г»

сила маски — просто очередная маска немедля становилась ее лицом. Аня сразу становится самой верной, восторженной, фанатичной поклонницей Распутина. Она поняла и начала играть свою новую, важнейшую роль.

Видимо, тогда же она и создала версию о том, что прозорливый «старец» с самого начала предсказал ей несчастье в браке — а она не послушала и была наказана. Она искренне хотела, чтобы на счету у «отца Григория» было как можно больше чудес, чтобы как можно чаще они с Аликс могли восторгаться этими чудесами. Однако через много лет в своих воспоминаниях она будет холодно и умно разбирать ошибки Царской Семьи в отношениях с Распутиным. Но это потом, когда потребуется быть старой и мудрой. А тогда требовалось быть юной и верящей. И она верила мужику — всем существом.

Лохтина сразу уступила Ане роль главной поклонницы «старца». Поняла: та будет полезней «отцу Григорию». Илиодор писал: «Лохтина смирилась с таким поворотом в своей судьбе».

После разрыва с Николаевичами Царская Семья остается в одиночестве. Друзья детства Ники, великие князья Сергей и Александр Михайловичи, давно отделились. Только Константин Константинович и его жена — желанные гости в Царском. Цитаты из стихов великого князя Аликс заносит в тетрадь наряду с любимыми изречениями. Впрочем, скоро в ее тетрадях будут записи мыслей только одного человека — полуграмотного мужика Григория Распутина. И только двое будут разделять одиночество Царской Семьи — «отец Григорий» и поклонявшаяся ему Подруга.

С падением черногорок Аня унаследовала и важнейшую роль Милицы. Аликс не смеет открыто принимать «старца» — уже пошли при дворе темные слухи о странном мужике во дворце. Но царица не может открыть, что Распутин лечит ее ребенка. Болезнь наследника по-прежнему остается тайной.

И теперь Царская Семья встречается с «отцом Григорием» в маленьком домике Ани. В архиве Чрезвычайной комиссии остались записки Ани к дворцовому коменданту В. Воейкову: «Дорогой Вл<адимир> Ник<олаевич>... старец прибыл на 2 дня, и

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

Их Величества желают его видеть сегодня. Они думают — *лучше у меня*».

Из дневника царя: «6 ноября 1908 года... Мы заехали к Анне... видели Григория и долго говорили с ним...»

«27 декабря 1908 года... Мы пошли к Ане, где видели Григория. Мы втроем освятили ее рождественскую елку, это было очень приятно...»

Но иногда Распутина приходится приводить во дворец — лечить «Маленького». И опять помогает умная Подруга. Это она выработала целую церемонию тайной доставки мужика во дворец.

«Отец Григорий» будто бы навещал няньку царских детей Марию Вишнякову. Это давало возможность избегать записей в камер-фурьерском журнале, фиксировавшем все посещения «царей». «Он заходил к няньке Марии Вишняковой, очень нервной особе и в то время горячей почитательнице Распутина», — глухо говорит Подруга в своих показаниях. И уже от няньки его проводили в царские апартаменты.

Как все это происходило, рассказала в «Том Деле» фрейлина Софья Тютчева — внучка великого поэта и воспитательница царских детей.

«Зимой 1908 года великая княжна Татьяна хворала. Пока ее комнаты проветривались, она лежала в комнате Вишняковой, а я с другими великими княжнами находилась в классной комнате... Обернувшись в полутемном коридоре, увидела фигуру мужика в поддевке. Я сразу догадалась, что это Распутин... Я спросила, что ему здесь нужно. Он ответил, что ему нужно к Марии Ивановне Вишняковой. Я заметила ему, что она занята и сюда входить нельзя. Распутин молча удалился... Я пошла к Вишняковой, укладывавшей в это время наследника... и сказала, что ее искал Распутин... «Ах, уж эта мне Анна Александровна!», — сказала Вишнякова... На следующий день Вишнякова при встрече сказала мне: «Уж и досталось мне за вас от Анны Александровны»... И пояснила, что Вырубова просила ее никогда не говорить о Распутине со мной, так как я не верю в его святость. На другой день Вырубова обедала у меня, и из чувства дружбы я высказала ей свой взгляд на Распутина. К моему крайнему изумлению Вырубова вдруг спросила: «А кто такой Распутин?»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

Тютчева была изумлена, потому что верила в простодушие, наивность молоденькой Ани. Она не знала, какие бездны таились в этой «простой душе»...

ЕДИНСТВЕННЫЙ

Распутин понимал, что ненавидящие его «черные женщины» попытаются использовать против него последнее грозное оружие — Иоанна Кронштадтского. И ждал, и готовился. «Распутин необыкновенно искусно оговаривал... Распутин... отозвался об отце Иоанне Кронштадтском... что последний — святой, но неопытен и без рассуждения, как дитя... Так впоследствии стало уменьшаться влияние отца Иоанна при дворе», — показал Феофан в «Том Деле».

Но мужику повезло: в конце 1908 года отец Иоанн умер. Он был последним человеком, который мог стать преградой влиянию Распутина.

Теперь «отец Григорий» стал единственным.

Из показаний Вырубовой: «И бывший царь, и царица... очень уважали священника Иоанна Кронштадтского. После его смерти Распутин занял его место. Во всех невзгодах жизни, во время частых заболеваний наследника престола, во время обострения сердечной болезни царицы... к Распутину обращались за поддержкой... и бывший царь, и бывшая царица просили его молитв».

И отбросив всякую осторожность, «цари» начинают принимать мужика во дворе.

Из дневника Николая: «4 февраля 1909... В 6 часов к нам приехали архимандрит Феофан и Григорий. Он видел тоже детей...»

«29 февраля... В 2 с половиной к нам приехал Григорий, которого приняли со всеми детьми. Было так хорошо слушать его всю семью...»

«29 марта (Светлое Христово Воскресение)... После обеда я пошел гулять с Дмитрием. Был мороз и много снега». Погуляв с мальчиком — будущим убийцей Распутина — царь узнал, что во дворец приехал и сам «отец Григорий».

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

«После чая наверху в детской посидели с Григорием, который *неожиданно* приехал».

Никто не мог приехать *неожиданно* к «царям» — великим князьям приходилось добиваться аудиенции. Но Распутин — мог...

«26 апреля... От 6 до 7.30 видели... Григория... вечером еще немного посидел с Григорием в детской».

«15 августа... Вечером долго беседовали с Григорием».

Впрочем, царица все чаще называет его «Наш Друг» — как когда-то звала Филиппа...

Слухи о мужике, странном наследнике умершего Филиппа, волновали большую Романовскую семью. 1 января 1910 года великая княгиня Ксения записала в дневнике: «Так грустно, жалко Ники и непонятно». Сестре царя действительно было непонятно, о чем можно часами беседовать с полуграмотным мужиком.

Но Ники и Аликс уже не могут без встреч с Распутиным. И не только потому, что в его присутствии их мальчик мгновенно выздоравливает. Мужик выделяется на фоне дворцовой суеты, интриг и сплетен. Он всегда рассказывает о людях только хорошее, даже о своих врагах.

Они любят слушать рассказы о его странствиях. В них оживают «другие» люди, лишенные ярма — чинов и денег. В них — Бог и природа: встающее над полем солнышко, ночлег в траве под открытым небом — все, о чем царь, так любящий долгие прогулки и простую жизнь, может только мечтать.

И еще: он ничего у «царей» не просил.

«Распутин в этот период своей жизни... нуждался в деньгах, и мне приходилось ссужать его небольшими суммами от 20 до 100 рублей, которые при случае он мне возвращал. Я спросил его: «Неужели ты, несмотря на свою близость к царице, нуждаешься?» Он ответил: «Скупа она... даст 100 рублей, а когда через неделю спросишь у нее опять, она напомним: «Ведь я дала тебе 100 рублей», — показал Филиппов в «Том Деле».

Мужик понял: ей трудно давать ему деньги. Бережливость, а точнее, скупость царицы вошла при дворе в поговорку. И он не просил. И... добился своего — они сами стали предлагать ему

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

награды и деньги, а он отказывался. Знал, как благодарна ему царица за отказ...

Он был для «царей», пожалуй, единственным бескорыстным молитвенником перед престолом Всевышнего.

«Цари» на «исторических» балах надевали маскарадные наряды времен первых Романовых, и Аликс захотелось увидеть Распутина в дорогом «народном костюме». «Она была скупа и не давала деньги Распутину, дарила шелковые рубашки, пояса и золотой крест, который он носил», — вспоминала великая княгиня Ольга. И теперь, приезжая в Покровское, он с удовольствием щеголял в шелковых рубашках с малиновым поясом, в лакированных сапогах... Когда спрашивали, откуда сие великолепие, он рассказывал о «царях», которые любят его и ценят — пусть односельчане не забывают, кем стал Гришка, на которого они доносили церковным следователям.

«Григорий, сказал, указывая мне на свою атласную сорочку:

— Эту сорочку шила мне Государыня. И еще у меня сорочки, шитые ею.

Я попросил показать мне их... Жена Григория принесла несколько сорочек. Я начал рассматривать их...

— Что, на память хочешь взять? — улыбаясь, спросил Григорий.

— Можно хоть одну или две?

— Возьми три!

И он отобрал для меня три сорочки: красную, белую чесучовую и белую дорогого полотна, вышитую по воротнику и рукавам», — вспоминал Илиодор.

ПРЕДСКАЗАНИЕ

Между тем революция становилась лишь ужасным воспоминанием. Наступал долгожданный покой. И для Аликс, так желавшей верить в чудеса нового «Нашего Друга», это была заслуга не премьера Столыпина, виселицами и военно-полевыми судами умирившего Россию, но чудесного «старца», умирившего ее своими молитвами.

Но если Николай в то время стал покойнее, ее по-прежнему мучили приступы неврастения, на первый взгляд беспричинные.

«Болит голова... болит сердце», «мое сердце обливается кровью от страха и ужаса», «когда голова у меня меньше болит, я выписываю изречения Нашего Друга, и время проходит быстрее», «я больна от печальных мыслей» — это из ее позднейших писем. Но тот же страх преследовал ее и в те годы. Постоянная тоска от ужасных предчувствий, постоянное раскаяние — ведь это ее проклятая наследственность губила любимого сына...

Только «Наш Друг» умел гасить ее нервозность речами о прощении и любви, о будущей Божьей награде за все страдания. Своими удивительными руками он снимал сводившие с ума мигрени. Он был так нужен измученной Аликс — не меньше, чем ее обреченному сыну.

Одно из ее писем Распутин покажет тогдашнему своему другу Илиодору. Она старалась писать простодушно, на понятном для мужика языке:

«Я только тогда душой покойна, отдыхаю, когда ты, учитель, сидишь около меня, а я целую твои руки и голову свою склоняю на твои блаженные плечи. О, как легко мне тогда бывает...»

Чтобы ощущать себя в безопасности, ей необходимо было постоянно убеждаться в его особой силе. И потому Аликс и подыгрывающая ей Вырубова будут стараться каждый день увидеть хоть маленькое, но чудо, сотворенное им: он предсказал погоду, он угадал день возвращения Николая домой... Все это осталось в переписке царя и царицы.

Именно тогда Распутин произнес удивительную фразу: *«Покуда я жив, будет жить и династия»*. Об этом вспоминала его дочь: «Сам отец говорил в Царском Селе, что когда его не будет, тогда и двора не будет...» То же самое мы найдем и во множестве свидетельских показаний. «Установлено, — напишет следователь Руднев, — что он говорил Государю: «Моя смерть будет и твоей смертью».

Мужик знал: эти слова царицу не пугали. Наоборот — успокаивали. Ведь Распутин крепок, он должен прожить очень долго. Да и зачем Господу отнимать у «царей» своего посланца?

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

• Н А Ш Д Р У Г •

Но в 1910 году, когда наступил пик его успеха, когда стал он единственным, происходит таинственное: вокруг Распутина вдруг все начинает рушиться...

«ТЕМНЫЕ СИЛЫ»

1910 год был ознаменован весьма немногими событиями, привлечшими внимание российских газет и обывателей.

В Петербурге состоялся первый Всероссийский съезд по борьбе с пьянством — этой воистину «русской болезнью». Вспоминали курьезы из древней истории: как «в одной битве пьяные воины портки потеряли». Обвиняли правительство — за то, что оно зарабатывает на этой вечной беде (после чего оскорбленные представители министерства финансов покинули съезд). Обвиняли сельских священников — за то, что они чрезмерно почитают слова святого князя Владимира: «Руси есть веселие пити» (после чего покинули съезд и представители духовенства).

В Государственной Думе произошел скандал. Известный монархист Марков-второй потребовал принятия новых постановлений против евреев. «Русский народ, — заявил он, — не желает стать рабом иудейского паразитного племени». Председательствующий князь Волконский попытался лишить его слова, Марков-второй назвал князя и протестующих думцев «жидовскими наемниками» и был голосованием исключен на 15 заседаний. «Я рад расстаться с вами на 15 заседаний, жидовские прихлебатели», — заявил он, удаляясь.

На другом заседании один из вождей монархистов, Пуришкевич, сообщил, что левое движение в студенческой среде — это «евреи, а над ними профессора, среди коих тоже немало евреев, потому в университетах и воцарилась анархия». Заявление вызвало очередной думский скандал — с общей бранью и выкриками с мест. Председатель Думы «потерял контроль и выказал полную беспомощность», в результате чего был смещен.

Новым председателем был избран Александр Иванович Гучков. Газеты с удовольствием печатали его биографию. Не было ни одного опасного события в начале века, в котором не уча-

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

ствовал этот сын благополучного московского купца. Он защищал армян во время резни их турками, участвовал в англо-бурской войне (естественно, на стороне буров), а во время русско-японской войны попал в плен к японцам. В Думе прославился блестящими речами и... драками на заседаниях. Он даже умудрился вызвать на дуэль главу кадетской фракции профессора Петра Николаевича Милюкова!

Вступая в должность председателя Думы, Гучков произнес знаменитую речь, где впервые заговорил о *неких загадочных «темных силах»*, объявившихся в самых верхах общества...

В Москве на Ходынском поле, печально прославившемся во время коронации Николая II, состоялись полеты авиаторов. Сергей Уточкин, «герой воздушного простора», сделал несколько кругов на биплане. Сзади на маленьком «велосипедном» сидении для пассажира с трудом уместился московский вице-губернатор Джунковский. Участвовала в этих полетах и женщина-авиатор, черноокая красавица княгиня Шаховская, которая вскоре станет фанатичной поклонницей Распутина.

7 ноября состоялось, пожалуй, единственное историческое (печальное!) событие года. Вся Россия облеклась в траур — на станции Астапово умер Лев Толстой. Николай написал на докладе о его смерти: «Душевно сожалею о кончине великого писателя... Господь Бог да будет ему милостивым судьей».

В Москве, вдали от придворной суеты, жила Элла — великая княгиня Елизавета Федоровна. После гибели мужа она ушла из мира и основала Марфо-Мариинскую обитель сестер милосердия. На могиле Сергея Александровича она написала: «Прости им, Господи, ибо не ведают что творят» и тщетно просила Николая простить убийцу великого князя.

В 1910 году в Марфо-Мариинской обители состоялось ее посвящение на служение Богу. На церемонию приехала родная сестра Эллы — Ирина Прусская. Но другой родной сестры — Государыни — не было. Ходили слухи, что ее отсутствие вызвано недоброжелательством Эллы к странному мужику, проникшему во дворец.

О самом мужике никто толком ничего не знал — были только глухая молва и легенды. И оттого он притягивал всеобщее внимание.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

ХЛЫСТЫ-СПАСИТЕЛИ

В то время Распутин становится воистину моден. Будоражили воображение его таинственная биография (преображение пропавшего человека), дар творить исцеления и пророчествовать и, наконец, таинственный мир Царской Семьи, в который он был допущен. И левые, и правые получили в его лице подтверждение нашей главной идеи — «о драгоценных талантах простого русского человека».

Но еще одна причина его тогдашней популярности выглядит для нас нынче весьма неожиданно — это *слухи о его хлыстовстве*.

Когда-то в юности я разговаривал с другом нашей семьи Сергеем Митрофановичем Городецким. Он был тогда уже глубоким стариком, а во времена Распутина — популярнейшим молодым поэтом, автором знаменитой книги стихов «Ярь». И, усмехаясь в седые усы, Городецкий сказал очень странную фразу, которую я запомнил: «Распутин был в моде и чаровал, потому что был хлыст».

Понял я эту фразу лишь потом... Оказалось, что все знаменитые писатели Серебряного века так или иначе интересовались загадочной сектой хлыстов. Василий Розанов отправляется жить в хлыстовскую общину и пишет о ней. Тогдашние «властители дум» Дмитрий Мережковский и Зинаида Гиппиус живут в 1902 году в хлыстовской секте и пишут Александру Блоку: «Все, что мы там видели... невыразимо прекрасно». И вот уже Блок вместе с Алексеем Ремизовым (как сообщает жена Блока в письме к его матери) «пошли вместе на заседание хлыстов». О хлыстах пишут Константин Бальмонт и Андрей Белый. И известнейший в начале века крестьянский поэт Николай Клюев, создавая себе модную биографию, рассказывает, как странствовал с хлыстами. В 1908 году еще один известный наш литератор, Михаил Пришвин, пишет в записной книжке: «9 ноября... я вместе с Блоком, Ремизовым и Сологубом посетил хлыстовскую общину». И далее: «Многие очень искали сближения с хлыстами».

Почему так случилось?

Это было все то же опущение Смуты, надвигавшейся на страну. Наш великий историк Ключевский предсказывал: «Динас-

тия не доживет до своей политической смерти... вымрет раньше... нет — перестанет быть нужной и будет прогнана. В этом ее счастье, и несчастье для России и ее народа... притом повторное — России еще раз грозит бесцарствие и смутное время».

Именно поэтому вожди интеллигенции на уже упоминавшихся религиозно-философских собраниях пытались найти общий язык с официальной церковью — но безуспешно. И тогда решено было обратиться к сектам. Они верили (хотели верить), что в сектах (и прежде всего в могущественнейшей из них — хлыстовской) простые люди выражают истинные религиозные и народные чаяния. «Хлыстовство, — писал Пришвин, — подземная река... Внутри самой православной церкви... возникает огромное царство хлыстов, неуловимых, неопрделенных».

Так появилась идея: союз между интеллигенцией и «духовной частью» народа (сектантами) сможет воспрепятствовать надвигающейся буре. Секты — как мост в народ... «Нам нужно по-новому, по-своему идти в народ... Несомненно, что-то везде, во всех... совершается, зреет, и мы пойдём навстречу. И... переход к народу будет проще, естественнее через сектантов», — размышлял Мережковский.

Впоследствии интеллигенция будет издеваться над «царями» за их веру в темного мужика. Но тогда, как это ни парадоксально, она поверила в то же самое — в темные секты.

Но для рядового обывателя «хлыст» оставался носителем мистического разврата, религиозным преступником.

МОДНЫЙ «СТАРЕЦ»

Распутин продолжает жить у Лохтиных. Генеральша стала, по сути, его секретарем. В ее салоне он завоевывает себе новых и новых поклонников. Через Лохтиных с ним познакомился Георгий Петрович Сазонов — почтенный либерал, автор множества исследований по экономическим вопросам, издатель прогрессивных журналов, который стал фанатичным почитателем «отца Григория».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

• Н А Ш Д Р У Г •

В 1917 году Сазонов, как и другие поклонники Распутина, был вызван в Чрезвычайную комиссию. В «Том Деле» остались его показания:

«Мы (семья Сазонова. — Э.Р.) старые знакомые семьи Лохтиных — инженера Владимира Михайловича Лохтина, его жены Ольги Владимировны и их дочери Людмилы... Ольга Владимировна позвонила к нам и сообщила, что Григорий Ефимович Распутин просит разрешения приехать к нам...»

Так началась эта дружба. Сазонов описывает Распутина: «Он производил впечатление человека нервного... не мог спокойно усидеть на месте, дергался, двигал руками... говорил отрывисто, по большей части бессвязно». Но «в глазах его светилась особая сила, которая и действовала на тех, кто... особо подвержен чужому влиянию».

В то время вокруг Распутина уже собрался кружок фанатичных почитательниц. «Женщины, окружавшие его, относились к нему с мистическим обожанием, называли «отцом», целовали руку». Но главное, что восхищало глубоко верующего Сазонова (как и его друга Лохтина), — это столь редкая в те годы «искренняя религиозность» Распутина. «Эта религиозность не была напускной, и Распутин не рисовался. Прислуга наша, когда Распутин, случалось, ночевал у нас... говорила, что по ночам Распутин не спит, а молится... Когда мы жили на даче, дети видели его в лесу, погруженного в молитву... Соседка генеральша, которая без отвращения не могла слышать его имя, не поленилась пойти за ребятишками в лес, и действительно, хотя прошел час, она увидела Распутина, погруженного в молитву».

В те годы (до 1913-го), как утверждает Сазонов, Распутин совсем не употребляет спиртного, не ест мяса, соблюдает все посты. «Этот период жизни Распутина я могу назвать периодом стяжания им известной духовной высоты, с которой он потом скатился».

Впоследствии восхищенный Сазонов пригласит «отца Григория» пожить у него — в огромной барской квартире. И мужик повторит свой опыт жизни у Лохтиных. Так будет написано в сводках секретного наблюдения: «В 1912 году он проживал... в квартире, занимаемой издателем журнала «Экономист Рос-

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ РАСПУТИН

сии» Георгием Петровым Сазоновым и его женой. С последней Распутин, по-видимому, состоит в любовных отношениях».

Но, зная искреннюю религиозность Распутина, Сазонов никогда не смог бы в это поверить (как не мог в это поверить и муж Ольги Лохтиной). Ни Сазонов, ни Лохтин не понимали до конца этого загадочного человека.

И отношения Распутина с «царями» по-прежнему окружены тайной. В Петербурге он почти не рассказывает о своих встречах с Царской Семейей — он осторожен. Даже друг Сазонов мало что может об этом поведать, разве то, что мужик называет Государыню и Государя «мамой» и «папой» — ибо они и есть «родители, которых Господь поставил блюсти и заботиться о русской земле»... Распутин еще не начал пить, не стал словоохотлив. Лишь один «сенсационный» рассказ Сазонова о нем отмечен в «Том Деле»:

«С обожанием, по-видимому, относилась к нему царица... Он рассказывал мне следующий факт — он шел по петергофскому парку, а навстречу ехала царица... Завидев его, она приказала остановить лошадей, кинулась навстречу и в присутствии всех, бывших в парке, поцеловала у него руку».

История о целовании рук Распутину «царями» пошла по петербургским салонам и впоследствии не раз возникнет в допросах Чрезвычайной комиссии. Вырубова и другая подруга царицы, Юлия Ден, близко знавшие Распутина и Царскую Семейю, будут это горячо отрицать... Им придется лукавить, ибо не могли они объяснить непосвященным, что смирение гордыни, которое проповедовал мужик, было близко и Аликс, и Ники. Христос, омывающий ноги своим ученикам, и цари, целующие руку простого крестьянина, которая, по словам Распутина, «всех вас кормит», — все это было так понятно религиозной Царской Семейей.

Впрочем, тогда, в 1910 году, у Распутина объявились поклонники еще занимательней — его преданным почитателем становится Владимир Бонч-Бруевич, «Бонч», как звали его друзья, — большой знаток русского сектантства, автор множества работ по церковному расколу и ересям. Но не этим он войдет в историю

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

России. Исследователь ересей был активным членом подпольной партии большевиков, ближайшим сподвижником Ленина — и через каких-то семь лет станет одним из вождей советской России, управляющим делами Совнаркома.

Восторженный интерес большевика-подпольщика к Распутину понятен. В уже упоминавшемся докладе, который сделал Ленин на втором съезде РСДРП, был целый панегирик... секте хлыстов! Владимир Ильич объяснял: «С политической точки зрения хлысты потому заслуживают полного нашего внимания, что являются страстными ненавистниками всего, что только исходит от «начальства», т. е. правительства... Я убежден, что при тактичном сближении революционеров с хлыстами *мы можем приобрести там очень много друзей...*»

Эту часть доклада написал Ленину авторитетный специалист Бонч. И когда против Распутина начнутся гонения за хлыстовство, он тотчас заявит: «Распутин к секте хлыстов не принадлежит». Член одной тайной организации должен был защищать члена другой тайной организации. Должен был защищать возможных «друзей»...

ДВЕ СЕМЬИ

В разгар увлечения мужиком среди его почитателей оказались члены некоей семьи, знакомство с которой принесет Распутину много радости и удач, но впоследствии погубит его.

В 1910 году дочь камергера Мария Головина впервые увидела Распутина. «Чистейшая девушка» (так говорил о ней ненавидевший Распутина князь Феликс Юсупов) сразу становится рабски преданной мужику. Писательница Жуковская описала «Муню» (так называли ее в «кружке» Распутина): «Молоденькая девушка... поглядывала на меня своими кроткими... бледно-голубыми глазами... В светло-сером платье, белой шапочке с фиалками она казалась такой маленькой и трогательной. В каждом взгляде и в каждом слове проглядывали беспредельная преданность и готовность полного подчинения».

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

Тетка Муни Ольга была героиней самого громкого скандала в Романовской семье. Она была замужем за генерал-майором Эриком Пистолькорсом, имела двоих детей, когда начался ее бурный роман с дядей царя, великим князем Павлом Александровичем. Роман окончился свадьбой, за что великий князь был отстранен от всех должностей и выслан за границу. Его сын от первого брака, малолетний Дмитрий, остался в России. Сначала он жил в семье Эллы и великого князя Сергея Александровича, а после его убийства перешел воспитываться в Царскую Семью. В 1905 году Павел Александрович был прощен и с женой вернулся в Россию.

Так Муня и ее мать стали родственницами великого князя. Вскоре они стали и родственницами Вырубовой — ее родная сестра Александра (или Сана, как называли ее в семье) вышла замуж за сына Ольги, Александра Пистолькорса. «Сана... очень миловидная женщина с фарфоровым личиком... производила чарующее впечатление балованного ребенка-эгоиста», — вспоминала певица А. Беллинг.

И эту семью буквально расколол Распутин.

Муня, ее мать, двоюродный брат Александр Пистолькорс и его жена Сана стали фанатичными приверженцами мужика. Но тетка Ольга, ее дочь Марианна и сын Павла Александровича Дмитрий вскоре станут его злейшими врагами.

Впрочем, все это впереди... А пока шел 1910 год. И в том году, когда Муня Головина увидела Распутина, он был ей совершенно необходим. Муня была тогда на грани безумия.

В 1917 году Марию Головину вызвали на допрос в Чрезвычайную комиссию. Ее показаний ожидали там с великим нетерпением — ведь она входила в круг самых близких к Распутину людей. Кроме того, было много сплетен о ее роковой и безответной любви к убийце Распутина, князю Феликсу Юсупову, который будто бы использовал несчастную Муню при подготовке к убийству (эта версия войдет во многие книги о Распутине).

Любовь у Муни действительно была — и воистину роковая. Но... отнюдь не к Феликсу Юсупову. Однако предоставим слово самой Головиной — ее показания есть в «Том Деле»:

«В 1910 году я потеряла человека, которым увлеклась, что неблагоприятно отразилось на моей нервной системе».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«Н А Ш Д Р У Г»

Этот человек и был причиной нежной дружбы, связавшей Марию с самой богатой семьей России — Юсуповыми.

До сих пор в Петербурге на набережной Мойки возвышается дворец, принадлежавший Юсуповым. В нем сейчас та же мебель, те же картины. Те же зеркала хранят отражения исчезнувшего семейства.

Родоначальником Юсуповых был племянник пророка Магомета. Их предки правили в Египте, Сирии, Антиохии. В роду Юсуповых были полководцы Тамерлана и татарские завоеватели Древней Руси. Они возглавляли распавшиеся части Великой татарской орды — правили в Казанском ханстве, в Крымской и Ногайской орде. Повелитель ногайцев хан Юсуф и дал свое имя роду. Удивительна судьба его дочери, красавицы Сумбеки. Ее мужа, ногайские ханы, гибли один за другим в междуусобной резне, но она оставалась царицей, выходя замуж за... убийцу предыдущего мужа. Именно тогда хан Юсуф, опасаясь за жизнь сыновей, отправил их в Россию. Царь Иван Грозный принял их благосклонно и наградил обширнейшими землями. Их дети приняли православие и получили титул князей Юсуповых.

С тех пор Юсуповы занимали важнейшие должности при русских Государях, порой были особо к ним приближены. Во дворце прадеда Феликса, Николая Юсупова, висели бесчисленные портреты его любовниц. И был один двойной портрет в этой амурной галерее — самого Юсупова и Екатерины Великой, изображенных в облике весьма обнаженных античных богов...

За три века Юсуповы стали богатейшей семьей России. Их поместье в Крыму соседствовало с дворцами царя и великих князей. И Царская Семья нередко гостила у Юсуповых.

Мать Феликса Зинаида, одна из красивейших женщин в России, была последней в роду Юсуповых. Отвергнув множество предложений, она вышла замуж за адъютанта великого князя Сергея Александровича, командира кавалергардов графа Феликса Сумарокова-Эльстона. После женитьбы он получил право именоваться — князь Юсупов, граф Сумароков-Эльстон.

У Зинаиды и Феликса родилось двое сыновей: старший — Николай и младший — Феликс. И оба сыграют роковую роль в судьбе русского мужика Распутина.

ИСТОРИЯ ЛЮБВИ И СМЕРТИ

Свою жизнь Феликс Феликсович Юсупов описал уже в эмиграции, в Париже. Еще подростком он начал свое путешествие в порок — на самый край грешной петербургской ночи. Все началось с истории, похожей на юношеский порочный сон: некая молодая пара пригласила похожего на нимфетку мальчика участвовать в своих сексуальных играх... Далее его «воспитывал» старший брат Николай — красавец, кумир семьи, которому Феликс поклонялся и завидовал. Петербургский донжуан продолжил опасные игры с подростком — стал переодевать Феликса в женское платье и вывозить в великосветские притоны.

Петербургская ночная жизнь была похожа на пир во время чумы, где все старались дойти до самого дна. Опиум, кокаин, ночь, превращенная в день, и день, превращенный в ночь... Разгул шел под аккомпанемент цыганских хоров в отдельных кабинетах знаменитых ресторанов. Тогда юный Феликс и испытал странное чувство — радость соблазна женской одежды, восторг от похотливых взглядов мужчин... Так он познал свою природу. «Я всегда возмущался людской несправедливости к тем, кто завязывает особые любовные связи, — писал он. — Можно осуждать эти отношения, но не тех существ, для которых нормальные отношения, противоречащие их природе, остаются запретными».

И стариком он будет вспоминать о победах «прелестной нимфетки». Как на костюмированном балу неотрывно смотрел на «нее» в лорнет английский король Эдуард VII... С каким восторгом и страхом бежала «она» из ресторана от обезумевших поклонников... Бросив роскошную шубу, в одном бальном платье, усыпанном бриллиантами, — по жестокому морозу в открытых санях спаслась тогда «красотка»...

А потом брат Николай соблазнил очередную петербургскую красавицу — графиню Гейден. Но на сей раз он влюбился — что не положено донжуану. Еще недавно в Париже он искал острых ощущений в грязной китайской курильне опиума на Монмартре, возил туда и Феликса... И все разом ушло в прошлое, безумная любовь совершенно изменила жизнь Николая.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

Марина Гейден была женой кавалергарда графа Мантейфеля. Но несчастная женщина, забыв мужа и честь, приехала в Париж и проводила ночи в отеле, где жили Николай и Феликс. Мантейфель потребовал развода. Но его товарищи по службе считали по-другому: затронута честь кавалергардов, и граф обязан вызвать обидчика на дуэль.

В Историческом музее я читал последние письма героев этой истории — финал трагедии.

«Я умоляю Вас, — писала Марина Феликсу, — чтобы Николай не приехал теперь в Петербург... Полк будет подбивать на дуэль, и кончится очень плохо... ради Бога, устройте так, чтобы Ваш брат не появлялся в Петербурге... Тогда злые языки успокоятся, и к осени все уляжется».

Но Николай конечно же не согласился стать трусом — вернулся в Петербург. Если бы Феликс все рассказал властной матери, дуэлянтам не дали бы стреляться. Но Феликс... не рассказал. Сыграли роль понятия о чести? Или...

В его воспоминаниях есть странная запись: «Я... представлял себя предком... великим меценатом царствования Екатерины... Лежа на подушках, шитых золотом... я царил среди рабов... *Мысль стать одним из богатейших людей России пьянила меня...*» Но при жизни Николая он не мог стать «великим меценатом», ибо главным наследником юсуповских богатств был старший брат. Неужели «мысль стать одним из богатейших людей России» не только «пьянила», но и опьянила? И Феликс бессознательно последовал примеру своих ногайских предков, убивавших братьев и отцов в борьбе за власть? И оттого не сказал матери о готовящейся дуэли?..

Но все это только ужасные предположения. То, что было на самом деле, навсегда исчезло во времени.

Николай не сомневался в своей гибели. Он писал Марине в ночь перед дуэлью: «Последней моею мыслью была мысль о тебе... Мы встретились с тобою на наше несчастье и погубили друг друга... Через два часа приедут секунданты... Прощай навсегда, я люблю тебя».

Наступило утро 22 июня 1908 года... Дуэлянты стрелялись с тридцати шагов. Николай выстрелил в воздух. Мантейфель про-

махнулся и потребовал сократить дистанцию до пятнадцати шагов. И опять Николай выстрелил в воздух — не мог он губить оскорбленного им человека. И тогда граф прицелился и хладнокровно застрелил его.

Последнее письмо Николая осталось в юсуповском архиве, Марине его не передали. Осталось там же и ее письмо к Феликсу — тщетная мольба: «Феликс, я должна приложиться к его гробу... я должна видеть его гроб, помолиться на нем. Вы должны понять это, Феликс, и помочь мне. Устройте это как-нибудь ночью, когда все будут у Вас спать! Помогите мне пробраться в церковь, сделайте это для меня, сделайте это для Вашего брата!» Но он не сделал...

Зинаида Юсупова лежала в то время в горячке, приступы безумия будут мучить ее до смерти. А Феликс уже вскоре осматривал свои будущие владения. «Я всерьез воображал себя молодым гонимым, — вспоминал он.

НЕЛЮБИМАЯ

Но оказалось, была еще одна жертва дуэли, еще одна женщина — на сей раз нелюбимая, но любившая. И навсегда сохранившая любовь к Николаю, воистину безответную, о которой тот при жизни даже не подозревал. Это была Муња Головина. В своем архиве Феликс сохранил и ее письмо. Она тоже хотела «припасть к гробу»: «Мне хотелось еще раз помолиться около него. Сегодня прошло две недели этого страшного горя, но оно все растет, не уменьшается, хуже делается на душе с каждым днем».

Погибший Николай связал ее с Феликсом. Навсегда.

«Я так дорожу моей духовной связью с прошлым, что не могу смотреть на Вас, как на чужого... Я никогда так ясно не сознавала, как сейчас, что вся радость жизни ушла навсегда, что ничто и никогда ее не вернет...»

Она решила уйти в монастырь. Мать была в ужасе. Спасительницей выступила ее родственница «с фарфоровым личиком» — Александра Пистолькорс.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

Из показаний Марии Головиной в «Том Деле»: «Жена моего двоюродного брата Александра Пистолькорс была знакома со старцем Григорием Ефимовичем Распутиным, которого в это время считали святым человеком... который может утешить в горе... В первый раз отца Григория я увидела всего на несколько минут, и он произвел на меня прекрасное впечатление. Разговор шел о том, что я хотела уйти от мира в монастырь... Распутин мне заметил на это, что Богу можно служить везде, что жизнь так круто менять не следует».

Муня сразу поверила ему — отказалась от монастыря.

Она занялась спиритизмом, пыталась говорить с убитым Николаем. «В это время я... делала опыты по вызыванию духов... Я была крайне удивлена, когда... отец Григорий спросил меня: «Зачем ты все это?.. Ты знаешь, как готовят пустыnnики, чтобы иметь наитие духа? Как ты среди светской жизни хочешь достичь общения с духом?»... Он посоветовал мне этим не заниматься, предостерегая, что я могу сойти с ума... Распутин понравился и моей матери. Она была благодарна ему за то, что он отговорил меня идти в монастырь... Я виделась с ним еще несколько раз в течение 10–14 дней у Пистолькорс... Вина Распутин раньше *не пил совсем*... проповедовал простоту в жизни, боролся с этикетом и убеждал, чтобы люди не осуждали друг друга... Распутин никогда не питал злобы к людям, которые причинили ему тот или иной вред».

И она решила познакомить «отца Григория» с «самым дорогим для нее после матери человеком» — с Феликсом... «Эта девушка была слишком чиста, чтобы понимать низость этого «святого», — напишет Юсупов впоследствии.

Встреча состоялась.

«Дом Головиных, — вспоминал Феликс, — находился на Зимней канавке. Когда я вошел в салон, мать и дочь сидели с торжественным видом людей, ожидающих прибытия чудотворной иконы... Распутин вошел и попытался меня обнять, но я выскользнул... Подойдя к мадемуазель Г<оловиной> и ее матери, он без церемоний обнял их и прижал к сердцу.. Он был среднего роста, почти худой, его руки были непропорциональной длины... На вид ему было лет 40. Одетый в поддевку, широкие сапоги он выг-

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

лядел простым крестьянином. Его лицо, обрамленное косматой бородой, было грубым — тяжелые черты, длинный нос, маленькие прозрачные серые глазки из-под густых бровей...»

Феликс уже ненавидел его, когда они впервые увиделись, ибо тогда со всех сторон вдруг понеслись слухи о похождениях Распутина. И Зинаида Юсупова, и ее близкая подруга, великая княгиня Елизавета Федоровна, с ужасом выслушивали рассказы о развратном мужике, принятом в царском дворце.

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ВОЖДЬ АНТИСЕМИТОВ

К 1910 году вокруг Распутина сложился особый круг...

Внутри государства, где издревле существует автократия, существует и негласный союз крайне правых сил со спецслужбами. Крайне правыми в России тогда были представители самой родовитой, но, увы, вырождающейся аристократии. Они ненавидели поднимавшийся капитализм, власть денег, приходившую на смену власти происхождения — их власти.

Ненавидели они и евреев, среди которых, несмотря на все их бесправие, было много «новых богачей». Впрочем, еще больше евреев было среди пламенных фанатиков революции. Нищета и унижения превратили запутанных еврейских юношей в бесстрашных бомбометателей и террористов.

Желая ослабить радикальное движение, правые пытались направить ярость голодных толп против евреев. С благословения департамента полиции по стране прокатилась волна еврейских погромов. Пух вспоротых перин, разграбленные дома, убитые старики, изнасилованные женщины... Премьер Витте, с одобрения царя, поручил полиции усмирить погромщиков. И она усмиряла... Каково же было удивление Витте, когда он узнал, что департамент полиции, который должен был бороться с погромами, тайно печатал прокламации... призывавшие к погромам!

Печатал их Михаил Комиссаров, высокий тучный 35-летний полковник, который с 1915 года станет одним из важных действующих лиц в распутинской истории. Комиссаров не был

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

антисемитом — он был всего лишь служакой, выполнявшим чужую волю.

В то же время к уже упоминавшемуся религиозному писателю Сергею Нилусу попадают некие документы под названием «Протоколы сионских мудрецов». В них рассказывалось о зловещем заговоре евреев и масонов с целью уничтожения христианских монархий и основания «еврейского царства».

«Протоколы» были немедленно опубликованы потрясенным Нилусом. По велению царя новый премьер-министр Столыпин приказал произвести расследование. Выяснилось, что «Протоколы» — фальшивка, сфабрикованная российской тайной полицией. За образец была взята другая фальшивка, созданная уже на Западе, — «Завещание Петра Великого», тайный план захвата русскими Европы.

И после разгрома первой революции волна антисемитизма не спадает. Погромные организации — «Союз русского народа», «Союз Михаила-архангела» — набирают силу. В Думе монархисты Пуришкевич и Марков-второй постоянно произносят речи, пронизанные юдофобией. Грядущее трехсотлетие династии подогревает атмосферу...

И Распутин, простой мужик, которого полюбил царь, был создан для того, чтобы возглавить крестовый поход правых против евреев и интеллигенции.

ВОСПИТАТЕЛЬ СТАЛИНА

Именно тогда возле Распутина появляется знакомец Феофана, Саратовский епископ Гермоген. Но если Феофан — мистик, аскет и отшельник, то Гермоген — всецело погружен в церковную политику.

Во время революции 1905 года встал вопрос о восстановлении патриаршества — созыве церковного Собора для избрания патриарха. Царь передал решение на рассмотрение Святейшего Синода, и обер-прокурор Победоносцев тотчас провалил

идею патриаршества, пугая царя тем, что церковь выйдет из подчинения самодержцу. Гермоген же считал, что революция доказала слабость светской власти, поэтому государству необходим второй духовный центр, который, в случае повторения беспорядков, сможет спасти державу от гибели.

Таким центром Гермоген справедливо считал патриаршество. Патриархом он видел самого себя. Ведь недаром носил он имя великого патриарха Гермогена, спасшего Русь в страшное Смутное время! Видел он в этом Божий знак, верил, что предназначен защитить страну от надвигавшегося кровавого хаоса — ибо, несмотря на усмирение революции, старцы в монастырях продолжали предрекать грядущую Смуту...

Из показаний доктора Бадмаева Чрезвычайной комиссии: «Как-то я был у Гермогена и увидел, что Митя (предшественник Распутина, «гугнивый» Митя Козельский. — Э.Р.) стал выделывать руками какие-то выкрутасы. Гермоген улыбался. Я спросил, что это значит. Кто-то из присутствующих сказал: «Это он видит на голове Гермогена патриаршую митру».

Гермоген фанатично боролся с вольнодумством, разрушавшим, по его убеждению, Святую Русь, ратовал за жесткое вмешательство церкви в духовную жизнь страны. Непрестанно требовал Гермоген отлучения от церкви Льва Толстого.

В этой борьбе случился однажды эпизод, на который сам Гермоген вряд ли обратил внимание. Будучи ректором Тифлисской Духовной семинарии, он беспощадно карал воспитанников за «революционный дух», и в 1899 году изгнал из семинарии некоего Иосифа Джугашвили...

Именно Иосиф Сталин восстановит впоследствии столь желанное Гермогену патриаршество. История любит улыбаться.

Из показаний Гермогена: «Познакомил меня с Распутиным отец Феофан, который отозвался о нем в самых восторженных выражениях, как о выдающемся подвижнике». Мужик очень понравился епископу. Гермоген мечтал тогда при помощи «брата Григория» внушить царю желанную мысль о восстановлении патриаршества.

А пока Распутин должен был участвовать в его неустанном обличении вольнодумства. Епископ познакомил «брата Григо-

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«Н А Ш Д Р У Г»

рия» и с другим неукротимым обличителем — молодым монахом, которому за неистовые речи прочили славу русского Савонаролы.

РУССКИЙ САВОНАРОЛА

В 22 года Сергей Труфанов, сын дьячка, принял монашество под именем Илиодора. В 1905 году, в разгар революции, окончил Петербургскую Духовную академию (кстати, именно там он впервые увидел приехавшего в столицу Распутина). В феврале 1908 года иеромонах Илиодор был назначен в Царицын миссионером-проповедником. Там он построил большой храм и начал проносить пылкие проповеди перед толпами почитателей.

Огромный, мордатый, скуластый, с маленькими глазками Илиодор напоминал скорее волжского разбойника, чем благочестивого священника. Но Гермоген любовался грубым обличем монаха-воина. И воистину, вел Илиодор в новом храме непрерывную войну. Громил «жидов и интеллигентов, богачев и чиновников, скрывающих от царя народные нужды». Громил ненавистный русский капитализм. Губернатора Татищева оскорбил и заставил уйти в отставку. Последователи Илиодора клеили на домах его яростные листовки: «Братцы! Не сдавайте Руси врагу лютому! Мощной грудью кликните: «Прочь жидовское царство! Долой красные знамена! Долой красную жидовскую свободу! Долой красное жидовское равенство и братство! Да здравствует один на Руси батюшка-царь наш православный, царь самодержавный!»

Илиодор познакомился с Распутиным в Петербурге, когда «старец» жил на квартире у Лохтиной. Безумная генеральша пришла в бурный восторг от нового знакомца, «отца Григория». С тех пор она служила им двоим — Распутину и Илиодору.

В «Том Деле» Лохтина рассказывает о встрече двух пастырей: «С иеромонахом Илиодором я познакомилась в 1908 или 1909 году... Он, прибыв в Петроград, остановился у Феофана в Духовной академии. По поручению Распутина я зашла к Феофану и

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

пригласила Илиодора к Распутину, который остановился в это время у меня... Илиодор мне очень понравился своей послушностью. Отец Григорий приказал ему сказать проповедь на какую-то тему и тот беспрекословно исполнил».

Илиодор открыл Распутину новые горизонты. Мужик, привыкший к жалкой кучке почитателей, увидел тысячи фанатиков, испытал опьянение от буйных приветствий толпы. Впоследствии Распутин вспоминал: «Он меня встречал с толпами народа, говорил про меня проповедь о моей жизни. Я жил с ним дружно и делился с ним своими впечатлениями».

Добавим — самыми дорогими впечатлениями. В 1909 и в 1910 годах Илиодор гостил у Распутина в Покровском. Там он и показал монаху рубашки, подаренные царицей. И еще то, что не показывал даже Сазонову и Филиппову, которых почитал своими друзьями, — письма царицы и великих княжон. И какие письма!.. Так отчего-то доверял Распутин Илиодору, так они были тогда удивительно близки.

Из Покровского оба возвращаются в Царицын. И опять — скопище поклонников, восторженные крики, все тот же завораживающий восторг толпы.

Илиодор рассказал в своей книге, как ночью 30 декабря две тысячи человек провожали Распутина в Петербург. «Я сообщил народу, что Григорий Ефимович хочет строить женский монастырь, где будет старцем, и просит народ съездить к нему в гости. Люди закричали: «Спаси, Господи! Поедем, поедем с батюшкой! Непременно поедем!»... На вокзале пели гимны и славили Христа. Григорий с площадки вагона начал говорить речь о своем высоком положении; но речь была такая путанная, что даже я ничего не понял».

Распутин всегда говорил отрывочно, путано, таинственно. Но прежде Илиодор его понимал, а теперь вдруг — не понял...

Именно тогда, в 1910 году, находясь в гостях у Распутина в Покровском, монах все для себя решил — и перед возвращением в Царицын выкрал у друга письма царицы и княжон, которые тот так доверчиво ему показывал... В 1914 году Распутин сказал следователю: «Был Илиодор у меня года четыре назад в Покровском, где похитил у меня важное письмо...»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

«Важное письмо» — это письмо царицы, отнюдь не предназначенное для чужих глаз.

Тогда же Распутин спас своего друга. Терпение властей, которое Илиодор столь долго испытывал, наконец истощилось. И губернатор, и сам премьер Столыпин отлично понимали, что деятельность Илиодора закончится еврейскими погромами, а затем — яростным ответом революционеров. В воздухе снова запахло динамитом, замаячил призрак умершей революции... Столыпин принял меры. В январе 1911 года Синод решил перевести Илиодора в захудалый монастырь Тульской епархии.

Но неистовый монах отказался подчиниться — заперся с несколькими тысячами сторонников в храме и объявил голодовку. Гермоген поддержал Илиодора, но монаху это не помогло — царь распорядился немедленно убрать его из Царицына. Но у него был могущественный друг — Распутин. И Илиодор остался в Царицыне вопреки решению царя.

Распутин защищал его удивительно страстно. Илиодор описывает, как некая графиня «только заикнулась» против него — и тотчас «в разговор вмешался Распутин. Он дрожал, как в лихорадке, пальцы и губы тряслись... он приблизил свое лицо к лицу графини, и, грозя пальцем, отрывисто, с большим волнением заговорил: «Я, Григорий, тебе говорю, что он будет в Царицыне! Понимаешь? Много на себя не бери, ведь ты все же баба! Баба!»

И царица согласилась помочь Илиодору — ей понравилось, что молодой священник так почитает «отца Григория». Последовало высочайшее повеление: разрешить иеромонаху пребывать в Царицыне. «Илиодор был оставлен в Царицыне по личному ходатайству Распутина», — подтвердила в своих показаниях Вырубова.

Что-то *очень важное* связывало тогда Распутина с Илиодором. Это «важное» и определило столь доверительные отношения между ними, несмотря на разницу в возрасте. Дружба с Илиодором у Распутина была куда теснее, чем с честнейшим Феофаном, боготворившим тогда мужика, или с полюбившим его Гермогеном, который впоследствии сам отметил: «Распутин... ко мне относился с особой предупредительностью, но... предпочи-

тал гостить в Царицыне у Илиодора». Судя по всему, из-за этого «важного» Распутин, отрицавший любую ненависть, терпел громкие речи Илиодора. И, признавая особые отношения между мужиком и монахом, Ольга Лохтина, посвященная в тайны распутинского учения, будет поклоняться обоим, называя Распутина «Саваофом», а Илиодора — «Христом».

И все же в 1910 году Илиодор решает предать своего друга и покровителя...

ТАИНСТВЕННЫЕ СЛУХИ В РАЗГАР СЛАВЫ

Новый знакомец мужика, Сазонов, «угощал» Распутиным своих друзей. Журналист М. Меньшиков вспоминал: «В 1910 году в разгар его славы... ко мне его привел Сазонов... Моложавый мужичок лет за 40, почти безграмотный... некоторые изречения поразили оригинальностью, так говорили оракулы и пифии в мистическом бреде. Что-то вещее раздавалось из загадочных слов... Некоторые суждения о иерархах и высокопоставленных сановниках показались мне тонкими и верными... Но затем очень быстро и со всех сторон зазвучало... что он совращает дам из общества и молодых девушек».

Да, в 1910 году — уже «со всех сторон зазвучало»...

Но поползли эти темные слухи на полгода раньше. Первым заволновался преданный Распутину Феофан.

В феврале 1909 года он был возведен в сан епископа. Впоследствии Феофан вознегодует, когда пойдут разговоры о том, что епископом его сделал Распутин: «Кандидатура моя в епископы была выставлена иерархами церкви во главе с епископом Гермогеном. Протекцией Распутина я никогда не позволил бы себе воспользоваться... я был известен лично царской семье и раза 4 исповедовал Государыню и один раз Государя... и состоял уже ректором Петербургской Духовной академии».

Разумеется, у Феофана были все заслуги, чтобы стать епископом. Но и то, что он был другом Распутина, конечно же помог

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

•Н А Ш Д Р У Г•

ло — «цари» ценили преданных друзей мужика. И потому Аликс крайне изумилась, когда уже летом того же 1909 года Феофан вдруг начал сомневаться в святости того, кем так недавно восхищался.

Из показаний Феофана: «До нас в Лавру стали доходить слухи, что при обращении с женским полом Распутин держит себя вольно... гладит их рукою при разговоре. Все это порождало известный соблазн, тем более что при разговоре Распутин ссылался на знакомство со мною и как бы прикрывался моим именем».

Феофан, до которого *кто-то* донес эти слухи, пересказал их монахам в Лавре: «Обсудив все это, мы решили, что мы монахи, а он человек женатый, и потому только его поведение отличается большей свободой и кажется нам странным... Однако... слухи о Распутине *стали нарастать, и о нем начали говорить, что он ходит в баню с женщинами...* Подозревать в дурном... очень тяжело...»

В петербургских банях были «семейные номера», и, разумеется, посещали их не только законные супруги. Аскету Феофану было очень трудно обратиться к Григорию, которого он считал человеком святой жизни, с вопросом о банях! Но Распутин, видно, знал о слухах, распространившихся в Лавре, и начал разговор сам.

Из показаний Феофана: «Помог случай... Распутин проговорился, что бывает в бане с женщинами. Мы на это объявили ему прямо, что с точки зрения Святых Отцов это недопустимо, и он пообещал нам избегать делать это. Осудить его за разврат мы не решились, ибо знали, что он простой мужик, и читали, что в Олонецкой и Новгородской губернии мужчины моются в бане вместе с женщинами. Причем это свидетельствует не о падении нравов, а о патриархальности уклада... и особой его чистоте, ибо... ничего не допускают. Кроме того, из жития святых Симеона и Иоанна видно, что оба они ходили в баню намеренно вместе с женщинами, и что за это их поносили и оскорбляли, а они тем не менее были великими святыми».

Вероятно, о святых Симеоне и Иоанне — юродивых, ходивших в баню с женщинами, — заговорил сам Распутин, ибо он и потом часто будет пользоваться этим примером. Ссылаясь на святых, которые испытывали свою добродетель, глядя на обна-

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

женное женское тело, «в свое оправдание Распутин объявил, что он хочет испытать себя, не убил ли он в себе страсти».

Но Феофан предупредил Распутина: «На это способны только великие святые, а он, поступая так, находится в самообольщении и стоит на опасном пути».

Однако слухи о подозрительном хождении мужика в баню со светскими дамами продолжались. И вскоре зазвучали, воистину, «со всех сторон».

С изумлением услышал об этом друг Царской Семьи Саблин: «До меня начали доходить слухи, что он цинично относится к дамам, например, водит их в баню... Сначала слухам я не верил. Казалось невозможным, чтобы какая-то светская дама, кроме, пожалуй, психопатки, могла отдаться такому неопрятному мужику».

Но поговорить с Государыней об этих слухах Саблин не решился. «Малейшее недоверие, тем более насмешка над ним, болезненно на нее действовали... Эту слепую веру ее, как и Государя, я объясняю их безграничной любовью к наследнику... они ухватились за веру... если наследник жив, то благодаря молитвам Распутина... Государю я докладывал: чтобы не дразнить общество, не лучше ли отправить Распутина обратно в Тобольск? Но Государь в силу своего характера давал уклончивые ответы или говорил: «Поговорите об этом с императрицей». Саблин не знал, что Николай в то время уже имел особое оправдание для Распутина и оттого не придавал значения никаким слухам.

Между тем те же слухи дошли и до друга Распутина — Сазонова. Процитируем и его показания: «Ввиду дошедших до нас слухов, что Распутин ходит с дамами в баню, я как-то спросил у него... Распутин ответил утвердительно и прибавил, что и Государю известно... я не вдвоем хожу а... компанией... и объяснил, что величайшим грехом он считает гордыню. Светские барыни, несомненно, преисполнены этой гордыни... и для того, чтобы сбить эту гордыню, нужно их унижить... заставить их с грязным мужиком пойти в баню... Мне... человеку, глубоко знающему народную душу, это показалось понятным... но я... попросил Распутина этого более не делать. Он дал мне слово».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

Через два года полиция зафиксирует посещение Распутиным семейных бань... с женой Сазонова! И придут они туда вдвоем — без «компаний»...

К слухам о банях прибавились слухи о тобольском расследовании. При дворе рассказывали, как Распутин в Сибири основал хлыстовскую секту и... тоже водил своих поклонниц в пресловутую баню.

Видимо, поэтому Николай решил пока прервать посещения Распутина. Аликс попросила мужика не гневаться и молиться за них. Он молился, но гневался. Саблин в «Том Деле» рассказывает, как он был у Вырубовой, когда к ней позвонил Распутин, тщательно добываясь приема: «И с сердцем сказал: «Молиться просят, а принимать боятся».

Аликс решает обелить «Нашего Друга». И придумывает блестящий ход...

ПУТЕШЕСТВИЕ МОНАХОВ

В 1917 году в скиту неподалеку от Верхотурского монастыря, где жил отшельником некий старец Макарий, появились следователи Чрезвычайной комиссии. Макарий, известный святой жизнью, с детских лет был пастухом при монастыре. Месяцами он постился, пас свиней и в густом лесу часами простаивал на молитве. Неграмотный, он знал о Христе только по церковным службам, а молитвы выучил с голоса. Но Макарий считался духовником Распутина, оттого в полуразвалившейся келье и состоялся его допрос. Допрашивать было нелегко — Макарий был косноязычен (впрочем, возможно, он пытался таким образом уклониться отвечать на вопросы).

60-летний монах показал: «Старца Г.Е. Распутина я узнал лет 12 тому назад, когда я был еще монастырским пастухом. Тогда Распутин приходил в наш монастырь молиться и познакомился со мной... Я рассказал ему о скорбях и невзгодах моей жизни, и он мне велел молиться Богу». После чего Макарий постригся в монахи и стал жить отшельником.

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

«Видимо, Распутин рассказывал обо мне бывшему царю, ибо в монастырь пришли от царя деньги на устройство для меня кельи... Кроме того... были присланы деньги для моей поездки в Петербург... и я приезжал тогда в Царское Село, разговаривал с царем и его семейством о нашем монастыре и своей жизни в нем. Каких-либо дурных поступков за Распутиным и приезжавшими к нам с ним... не заметил».

Вот и все, что смогли выпытать у него о Распутине.

Но Макарий не рассказал следователям, что его вызвали в Царское Село совсем не для того, чтобы рассказывать царям о своей монастырской жизни.

«23 июня 1909 года... После чая к нам приехали Феофан, Григорий и Макарий», — записал в дневнике Николай.

Именно тогда Аликс рассказала всем троим о своей идее. Зная «о сомнении по поводу Распутина», которое появилось у Феофана, она задумала познакомить епископа с Макарием, почитавшим Распутина, и предложить всем троим вместе съездить на родину «Нашего Друга». Она верила, что эта поездка снова сдружит Феофана с «отцом Григорием», рассеет все его сомнения, и тогда Феофан своим авторитетом сможет прекратить нараставшие (и уже пугавшие царицу) слухи.

В то время Феофан был болен. Но просьба царицы — закон. «Я пересилил себя и во второй половине июня 1909 года отправился в путь вместе с Распутиным и монахом Верхотурского монастыря Макарием, которого Распутин называл и признавал своим «старцем», — показал Феофан в «Том Деле».

Так началось это путешествие, которое будет иметь для Феофана самые драматические последствия.

Сначала они отправились в любимый монастырь Распутина — Верхотурский. Уже в дороге мужик изумил епископа. «Распутин стал вести себя не стесняясь... Я раньше думал, что он стал носить дорогие рубашки ради царского двора, но в такой же рубашке он ехал в вагоне, заливая ее едой, и снова надевал такую же дорогую рубашку...» Скорее всего, Григорий попросту решил продемонстрировать Феофану милости Аликс — царицыны рубашки. Но, видимо, кто-то очень настроил еписко-

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

• Н А Ш Д Р У Г •

па против Распутина, и теперь он все воспринимал подозрительно.

Дальше — больше. Аскет Феофан был изумлен, когда, «подъезжая к Верхотурскому монастырю, мы по обычаю паломников постились, чтобы натошак приложиться к святыням. Распутин же заказывал себе пищу и щелкал орехи». Мужик, осознавший свою силу, позволил себе не притворяться. Его Бог — радостный, он разрешает отвергать унылые каноны церковных установлений.

Все оскорбляло Феофана. «Распутин уверял нас, что он почитает Симеона Верхотурского. Однако когда началась служба в монастыре, он ушел куда-то в город». Покоробил епископа и двухэтажный дом Распутина — как он отличался от жилища самого Феофана, превращенного им в монашескую келью. Нет, не таким должно быть жилище того, кого столь недавно он почитал...

Обстановку дома Распутина мы можем представить совершенно точно по описи его имущества, сделанной после смерти. Первый этаж, где жил он с семьей, — обычная крестьянская изба. Но зато второй... Тут мужик устроил все по-городскому. Второй этаж предназначался для «дамочек» и гостей, приезжавших из Петербурга. Там он и поселил Феофана. Епископ с негодованием отмечал «мирское»: пианино, граммофон, под который Распутин любил плясать, мягкие, обитые плюшем бордовые кресла, диван, письменный стол... С потолка свисали люстры, по комнатам стояли «венские» стулья, широкие кровати с пружинными матрацами, кушетка — так вчерашний полунищий крестьянин осуществил свое представление о городской роскоши. Величественно били двое часов с гирями в черных деревянных футлярах, и на стене — еще часы... Особенно возмутил Феофана «большой мягкий ковер на весь пол».

Показал Распутин епископу и своих последователей — Арсенова, Распопова и Николая Распутина, «братьев по духовной жизни». Но, как отметил Феофан, «пели они стройно... но в общем произвели неприятное впечатление». Широко образованный мистик, хорошо знакомый с ересями, видимо, почувствовал нечто подозрительное в этих песнопениях...

Вероятно, он попытался беседовать об этом с Макарием, но...

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

«Монах Макарий... является для меня загадкой. Большею частью он говорит что-то непонятное, но иной раз скажет такое слово, что всю жизнь осветит».

Но Макарий, могущий «всю жизнь осветить», в тот раз явно говорил «что-то непонятное»...

Обдумав все увиденное, Феофан заключил, что Распутин «находится не на высоком уровне духовной жизни». На обратном пути он «остановился в Саровском монастыре и просил у Бога и святого Серафима (покровителя Царской Семьи. — Э.Р.) помощи для верного решения вопроса: что из себя представляет Распутин». В Петроград епископ вернулся «с убеждением, что Распутин... находится на ложном пути».

В столице он держал последний совет со своим другом архимандритом Вениамином. После чего они позвали Распутина в Лавру.

«Когда затем Распутин пришел к нам, мы неожиданно для него обличили его в самонадеянной гордости, в том, что он возомнил о себе больше, чем следует, что *он находится в состоянии духовной прелести*».

Это было страшное обвинение.

«Нужна особая духовная высота, чтобы пророчествовать и исцелять... Когда этого нет, дар становится опасным, человек становится колдуном, впадает в состояние духовной прелести. Теперь он прельщен дьяволом, теперь уже силой Антихриста он творит свои чудеса», — сказал мне монах в Троице-Сергиевой Лавре.

«Самонадеянная гордость», «возомнил о себе больше, чем следует», «духовная прелесть»... Феофан и Вениамин странно повторяли все, о чем Милица предупреждала когда-то Распутина. Да, мы легко расслышим в их рассуждениях знакомый голос «черной женщины»!

«Мы объявили ему, что в последний раз требуем от него переменить образ жизни и что если он сам не сделает этого, то отношения с ним прервем и открыто все объявим и доведем до сведения императора».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

Распутин никак не ожидал услышать такое от Феофана. «Он растерялся, расплакался, не стал оправдываться, признал, что делал ошибки... и согласился по нашему требованию удалиться от мира и подчиниться моим указаниям».

Но это было ни к чему не обязывающее обещание. Мужик знал, что царица никогда не позволит ему «удалиться». И дело не только в исцелении наследника — она сама зачахнет без него. Мог он предвидеть и дальнейшую судьбу простодушного Феофана, который так и не понял царицу — он жил в ином... Епископ попросил Распутина «никому не говорить о нашем с ним разговоре». Тот обещал. «Радуюсь успеху, мы отслужили молебен... Но, как оказалось, потом он поехал в Царское Село и все рассказал там в благоприятном для себя и неблагоприятном для нас освещении», — вспоминал Феофан.

Мужику не надо было ничего придумывать. Достаточно сказать царице правду — Феофан не верит в его духовную высоту и не хочет, чтобы он был рядом с «царями». И вчерашнему исповеднику Государыни навсегда закрыт путь в Царское Село.

ДИСПУТ С ЦАРИЦЕЙ

Но кому-то происшедшего показалось мало. Кто-то ждал от Феофана куда большего — и, видимо, сообщил ему новые слухи.

Из показаний Феофана: «Через некоторое время до меня дошли слухи, что Распутин ведет прежний образ жизни и *что-то против нас предпринимает*». Очевидно, все тот же *кто-то* внушает епископу мысль — опередить Распутина. И Феофан спешит, делает этот шаг: «Тогда я решил применить последнюю меру — открыто обличить и поведать все бывшему императору. Однако принял меня не император, а его супруга в присутствии фрейлины Вырубовой».

Присутствие Вырубовой в комнате у царицы все ему объяснило. Феофан уже знал про «хитрую комбинацию: Распутин выдвигал Вырубову... а Вырубова в благодарность должна была поддерживать Распутина».

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

Начиная свой монолог, епископ знал, что обречен. Но долг перед Богом прежде всего. Как в старину пастыри страдали за правду перед царями, так был готов пострадать и он. «Я говорил около часа и доказывал, что Распутин находится в состоянии духовной прелести... Бывшая императрица возражала мне, волновалась, говорила из книг богословских... Я разбил все ее доводы но... она... твердила: «Все это неправда и клевета»... Разговор я закончил словами, что не могу иметь общение с Распутиным... Я думаю, что Распутин, как человек хитрый, мое против него выступление объяснил царской семье тем, что я позавидовал его близости к семье... хочу его отстранить».

Бедный Феофан не понял, что даже не Распутин — сама Государыня думает так.

«После беседы с императрицей ко мне как ни в чем не бывало пришел Распутин, видимо, думавший, что недовольство императрицы меня устрасило... однако я решительно заявил ему: «Уйди, ты — обманщик».

И мужика епископ тоже не понял. Григорий враждовать не любит, он готов унижаться — только бы помириться с добрым, наивным Феофаном. «Распутин упал мне в ноги, просил простить... Но я снова заявил ему: «Уйди, ты нарушил обещание, данное перед Господом»... Распутин ушел, и больше я с ним не виделся».

РАСПРАВА

Феофан знает: Бог не велит ему успокаиваться. И продолжает действовать. В то время он получает «письменную исповедь» одной из раскаявшихся поклонниц Распутина (видимо, все тот же *кто-то* передает ее епископу). Прочтя ее, честный Феофан с ужасом понимает, что Распутин — «волк в овечьей шкуре, сектант *хлыстовского типа*, который учит своих почитательниц не открывать тайн даже своим духовникам. Ибо греха в том, что эти сектанты делают, якобы нет, но духовники не доросли до сознания этого»...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

Феофан решает показать этот документ «царям». «Заручившись письменной исповедью, я написал бывшему императору второе письмо... где утверждал, что Распутин не только находится в состоянии духовной прелести, но является преступником в религиозном и нравственном смысле... ибо, как следовало из исповеди, отец Григорий *соблазнял свои жертвы*».

Но аудиенции у царя добиться не удалось. «Я чувствовал, что меня не хотят выслушать и понять... Все это настолько меня удручило, что я сильно заболел — у меня обнаружился паралич лицевого нерва».

Распутин торжествовал: «мама» могла убедиться — само небо отметило печатью паралича пошедшего против него Феофана! Несчастный епископ уехал поправлять здоровье в Крым, так и не получив ответа от «царей».

Он получит его чуть позже — в ноябре 1910 года Феофана уберут из Петербурга в Астрахань, в губительный для него климат. Но великой княгине Елизавете Федоровне, глубоко уважавшей Феофана, и черногорским принцессам удастся использовать свое влияние, и Синод отправит его туда, где он обычно лечился, — в Крым, епископом Таврическим.

Но Феофан по-прежнему неукротим. Теперь он забрасывает письмами своего друга, епископа Гермогена — хочет включить в борьбу с Распутиным одного из самых влиятельных членов Синода. Но Гермоген понимает: разрыв с Распутиным кладет конец его мечтам о патриаршестве...

Из показаний Феофана: «Когда нехорошие поступки Распутина стали раскрываться, Гермоген долго колебался, не зная как отнестись к этому. Но я... написал ему письмо, чтобы он выяснил свое отношение к Распутину. Ибо если мне придется выступить против Распутина, то тогда и против него».

Из показаний Гермогена: «В начале 1910 года я получил письмо от владыки Феофана... Владыка приводил мне целый ряд фактов, порочащих Распутина как человека развратной жизни. Полученное письмо, а также личные наблюдения послужили поводом к резкому изменению моего отношения к Распутину».

«Личные наблюдения», скорее всего, окончательно сложились в Петербурге, куда Гермоген приехал на сессию Святейшего Си-

нода. Возможно, *кто-то* побеседовал и с ним — объяснил, что пока мужик находится при дворе, столь желанного Собора для учреждения патриаршества не будет, ибо Распутин теперь против.

Об этом пишет в своей книге и любимец Гермогена — Илиодор: «Старец»... говорил: «И без Собора хорошо, есть Божий помазанник и довольно, Бог его сердцем управляет, какой же еще нужно Собор!»

Илиодор был готов присоединиться к Гермогену. Видимо, получив доказательства могущества недоброжелателей Распутина, он решился перейти к ним. И не просто присоединиться к врагам своего вчерашнего близкого друга, но и принести им великий трофей. Именно потому в Покровском он выкрал у Распутина письма великих княжон и главное — письмо царицы, которое, как он считал, докажет ее грехопадение. А это — скандал, развод, монастырь... Вот тогда они, выступившие против Распутина, и окажутся на вершине церковной власти!

А пока Илиодор (в который раз!) использовал доверие и дружбу Григория. На деньги, собранные Распутиным, он успел снарядить судно, обвесил его излюбленными призывами против евреев и революционеров и отправил с паломниками по Волге. И ждал...

Когда же Гермоген открыто выступил против «Нашего Друга», Илиодор понял: пора. И во время проповеди в храме заявил пастве, что ошибался в Распутине, а ныне понял: Григорий — «волк в овечьей шкуре».

Война была объявлена.

ИЗНАСИЛОВАННАЯ НЯНЬКА?

Новый удар по Распутину последовал из... Царского Села! Появились слухи, будто «хлыст» (так его стали вдруг все называть в Петербурге) изнасиловал няньку наследника — Марию Вишнякову.

3 июня генеральша Богданович записала в дневнике: «Она (царица. — Э.Р.) злится на тех, кто говорит что он (Распутин. — Э.Р.) мошенник и прочее... Поэтому Тютчеву и старшую нянюшку Вишнякову отпустили на два месяца в отпуск...»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

Если фрейлина Софья Тютчева была известна при дворе как яростный враг «Нашего Друга», то сообщение о «няньке Мэри» (так звали во дворце Марию Вишнякову) — удивительно. Ведь она считалась одной из самых преданных поклонниц Распутина, и во дворец он попадал, якобы навещая ее.

Сохранилось письмо Распутина к Мэри о воспитании наследника: «12 ноября 1907 года... Показывай ему маленькие примеры Божьего назидания, во всех детских игрушках ищи назидания...» И далее идут слова, свидетельствующие об их очень дружеских отношениях: «Не нашел я в тебе гордости, а нашел ко мне глубокий привет в твоей душе. И вот первый раз ты видела и поняла меня. Очень желал бы я еще увидиться».

Из показаний Вырубовой: «Нянька цесаревича... сначала очень преклонялась перед Распутиным, ездила к нему в Покровское».

И вот теперь по дворцу ползли «неопределенные шепоты»...

Из показаний полковника Ломана: «О том, что Распутин оскорбил честь Вишняковой, были только неопределенные шепоты, определенных обвинений против Распутина предъявлено не было».

Согласно «шепотам», в 1910 году Мэри отправилась на три недели отдохнуть в Покровское вместе с Распутиным, Зинаидой Манчтет, Лохтиной и прочими поклонницами. Ночью Распутин пробрался в комнату Вишняковой и изнасиловал ее.

Одновременно с «шепотами» против Распутина выступила Софья Тютчева. Она заявила, что недопустимо мужику посещать детскую во дворце. Ее заявление тотчас обросло новыми слухами — о том, что в детской развратный мужик... раздевает на ночь великих княжон!

Из показаний Вырубовой: «Вероятно, ему случалось приходить и в детскую, но в циркулировавших в то время слухах, что он раздевал великих княжон, нет ни слова правды. Эти слухи распространяла фрейлина Софья Тютчева...»

В 1917 году в Чрезвычайную комиссию была вызвана Софья Тютчева, 47 лет, бывшая фрейлина. В «Том Деле» я нашел ее показания. О «раздевании великих княжон» Тютчева, естественно, ничего не рассказала. Слухи эти запускались не ею — за ними стояли люди помощественнее...

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

Распутин же действительно приходил к царским детям, беседовал с ними и прикасался к ним. Но... только когда их лечил. Тютчева же выступала против прихода мужика в детскую, так как «считала его человеком вредным, с совершенно определенным уклоном в сторону хлыстовской секты».

Но зато она рассказала о няньке царских детей Вишняковой.

«Придя на детскую половину, я застала там полнейший переполох. Вишнякова со слезами на глазах рассказала мне, что она... и другие поклонницы приняли участие в радениях. То, что она принимала за веление Святого Духа, оказалось простым развратом... Я поняла из ее рассказа, что Феофан, который был их духовником... отсылал их по своему смирению к Распутину, которого считал за Божьего старца. Распутин заставлял их делать то, что ему нужно было, выдавая себя за человека, действующего по велению Святого Духа... при этом предупреждал, чтобы не говорили Феофану, облакая это в софизмы: «Феофан — простец, и не поймет этих таинств, осудит их, тем самым осудит Святого Духа и совершит смертный грех».

И это тоже кем-то было тотчас сообщено Феофану — и потрясло его, вызвало новый всплеск неистового негодования и ужаса. Епископ понял, что погубил души Вишняковой и других несчастных женщин, которых отправлял к Распутину... И Феофан требует от Гермогена немедля выступить против прежнего «брата Григория», которого отныне именует только «Распутиным». Он составляет новое послание царю и умоляет Тютчеву передать письмо. «Я ответила, что ввиду того, что при дворе известно мое отвращение к Распутину, я не считаю возможным принять подобное поручение», — показала Тютчева.

После ее отказа Феофан, видимо, и задумал отчаянное: дожидаться приезда Семьи в Крым и во время проповеди прилюдно обличить «волка в овечьей шкуре».

Между тем, согласно показаниям Тютчевой, «Вишнякова отправилась к царице... Но царица сказала, что не верит сплетням... и запретила говорить об этом».

В тот же день к Тютчевой пришел скороход (должность из средневековой сказки сохранялась при царском дворе) и «передал приказание Государя явиться в кабинет в 6.30 вечера».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

• Н А Ш Д Р У Г •

В «Том Деле» Тютчева излагает свою вечернюю беседу с Николаем:

« — Вы догадываетесь, зачем я вас вызвал... Что происходит в детской?»

Я рассказала.

— Так вы тоже не верите в святость Распутина?

Я ответила отрицательно».

И царь, этот скрытный человек, не выдержал. Он всегда прерывал выпады собеседников против Распутина, сухо говорил, что отношения с мужиком — его личное дело. Но в разговоре с Тютчевой у него впервые вырвалось:

« — А что вы скажете, если я вам скажу, что *все эти годы я прожил только благодаря его молитвам?*..

И он стал говорить, что не верит слухам, что к чистому всегда липнет нечистое, и он не понимает, что сделалось вдруг с Феофаном, который так всегда любил Распутина. При этом он указал на письмо Феофана на его столе. (Так что письма все-таки доходили до царя. — Э.Р.)

— Вы, Ваше Величество, слишком чисты душой и не замечаете, какая грязь окружает вас...

Я сказала, что меня берет страх, что такой человек может быть близок к княжнам.

— Разве я враг своим детям? — возразил Государь...

Он просил меня в разговоре никогда не упоминать имя Распутина. Для этого я попросила Государя устроить так, чтобы Распутин никогда не появлялся на детской половине. До этого царица говорила мне, что после шести я свободна, будто намекая, что мое посещение детей после этого часа нежелательно. После разговора с Государем я бывала в детской во всякое время. Но отчуждение между мною и Семейей росло...»

ЗАГАДКА МЭРИ

Самое удивительное в показаниях Тютчевой то, что она так и не посмела рассказать царю об истории с Вишняковой. Не посмела оскорбить его слух грязными сплетнями? Или... может быть,

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

никакой истории вообще не было, одни «неопределенные шепоты»? Рассказы об изнасиловании Вишняковой есть во многих мемуарах — но сколько в них можно прочесть легенд, связанных с Распутиным!

Нынешние создатели мифа о «святом Григории» объявили историю об изнасиловании попросту вымыслом. Но в «Том Деле» оказались показания Вишняковой. Так что «нянька Мэри» сможет все рассказать сама...

В 1917 году Мэри показала: «Я, Мария Ивановна Вишнякова, православная, живу в Зимнем дворце... комендантский подъезд...» И далее она поведала свою биографию — весьма, на наш взгляд, таинственную, напоминающую типичную историю незаконной дочери знатного отца.

Ребенком она была отдана на воспитание в крестьянскую семью, потом на чьи-то деньги обучалась на курсах детских нянь. Выучившись, безвестная «воспитанница крестьянской семьи» тотчас взята в семью герцога Лейхтенбергского, а оттуда столь же быстро приглашена няней к «царям» как раз перед рождением великой княжны Татьяны. Одна за другой рождались и вырастали царские дочери — и наконец она стала нянькой наследника. Вся жизнь Вишняковой прошла во дворце, и даже после скандала с Распутиным, когда Аликс уволит ее, из дворца няньку почему-то прогнать не посмеют.

Во время истории с Распутиным ей было 36 лет. Как и положено няньке царских детей, у этой красивой, холеной белокурой женщины не было никакой личной жизни. Она оставалась старой девой.

На допросе Мэри оставалась верна своим бывшим хозяевам: «Государь и Государыня были примерные супруги по любви к другу и детям... Весь день она (царица. — Э.Р.) проводила в кругу своих детей, не позволяя без себя ни кормить их, ни купать. До 3–4 месяцев сама кормила детей грудью, хотя и совместно с кормилицей, у царицы не хватало молока... Государыня сама обучала своих детей английскому и русскому, при содействии нянь и княжны Орбелиани, и молитвам...»

Затем Мэри приступает к своей истории: «Как-то весной 1910 года Государыня предложила мне поехать в Тобольскую губер-

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

• Н А Ш Д Р У Г •

нию в Верхотурский монастырь на 3 недели, для того, чтобы в мае вернуться к поездке в шхеры (на яхте. — Э.Р.). Я с удовольствием согласилась, так как люблю монастыри. В поездке должна была принять участие некая Зинаида Манштедт, которую я встречала в Царском Селе у своих знакомых, и она мне очень понравилась... В поездке, по словам Государыни, должны были принять участие Распутин и Лохтина... По приезде на Николаевский вокзал я встретила всех своих спутников... В Верхотурском монастыре мы пробыли два или три дня, а затем направились в гости к Распутину в село Покровское. У Распутина дом двухэтажный, большой, обставленный довольно хорошо, как у чиновника средней руки... В нижнем этаже живет жена Распутина со своими приживалками, в верхнем поселились мы по разным комнатам. Несколько дней Распутин вел себя прилично по отношению ко мне... а затем как-то ночью Распутин явился ко мне, стал меня целовать и, *доведя до истерики, лишил меня девственности...* В дороге Распутин ко мне не приставал. Но, проснувшись случайно, я увидела, что он лежит в одном белье с Зиной Манштедт. Возвратившись в Петроград, я обо всем доложила Государыне... а также рассказала при личном свидании епископу Феофану. Государыня на мои слова внимания не обратила и сказала, что все, *что делает Распутин, свято.* С этого времени я Распутина не встречала, а в 1913 году была уволена от должности няни. Причем мне было поставлено на вид, что я бываю у преосвященного Феофана...»

В конце показаний в сухую запись допроса ворвалась ее подлинная речь, точнее — почти крик: «Более ничего показать не могу. Прошу прекратить допрос, так как я не в силах рассказывать больше о своем несчастье... и считаю себя вправе уклониться от разъяснения подробностей!»

Великая княгиня Ольга вспоминала: «Когда до Ники дошли слухи, что он (Распутин. — Э.Р.) изнасиловал няньку, он немедленно назначил расследование. Девушку поймали с казаком императорской Гвардии в постели...» Так, видимо, сообщили сестре царя.

Так защищала Аликс мужика.

Впрочем, вскоре великой княгине пришлось узнать кое-что новое об «отце Григории» — уже на собственном опыте. Про-

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

изошло это в доме Вырубовой. Распутин был уже своим человеком в Царском Селе, ему были известны все тайны большой Романовской семьи. Он знал, что муж Ольги, принц Ольденбургский, — гомосексуалист, и, видно, сделал из этого свой вывод...

В тот вечер «цари» пришли на свидание с «Нашим Другом». Была приглашена и Ольга. «Распутин... казалось, был очень рад увидеть меня опять, — вспоминала великая княгиня. — И когда хозяйка с Ники и Аликс покинула гостиную на несколько мгновений, Распутин подошел и, обняв рукой мои плечи, начал поглаживать мою руку. Я тотчас отодвинулась, не проронив ни слова».

Принц Ольденбургский, которому Ольга поведала все подробности, «сказал с мрачным лицом, что я должна избегать Распутина в будущем. В первый и единственный раз я знала, что мой муж прав...»

ПРЕОБРАЖЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬШИ

В том же 1910 году муж Лохтиной вдруг прозрел и заявил, что более не потерпит присутствия Распутина в доме. И услышал ответ жены: «Он святой. Ты изгоняешь Благодать». Муж перестал выдавать ей деньги, но вчерашней великолепной мотовке нужны были лишь черное платье и крестьянский белый плат.

Именно тогда Распутин рассказал «царям» о светской даме, променявшей «суету сует» на *новую жизнь*. Конечно же царица заинтересовалась, пожелала познакомиться. Парадокс: положение жены статского советника никогда не открыло бы перед Лохтиной двери самого закрытого двора Европы, но звание верной последовательницы полуграмотного мужика тотчас свершило это чудо!

Свидетельство об этом — в показаниях ее второго кумира, Илиодора: «Она... бросила свет и занималась исключительно тем, что ходила во дворец к императрице... и толковала царям «мудрые изречения» и пророчества «отца Григория».

И не только толковала. Эта женщина, в которой, как бывает на Руси, сочетались пронзительный ум и абсолютное безумие,

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

первая решила записывать за Распутиным (а потом и печатать) его мысли.

Из показаний Лохтиной: «Свои духовные мысли отец Григорий записывал в тетрадочку... Записанное я переписала... и была издана брошюра «Благочестивые размышления» в 1911 году... Ни содержания записок, ни мыслей, в них изложенных, я не перерабатывала. Моя работа свелась к исправлению падежей, мыслей же отца Григория не поправить...»

Действительно, Распутин иногда «записывал мысли» своими чудовищными каракулями. Но долго писать малограмотный мужик не мог, так что Лохтина переносила на бумагу его устные поучения. Это было трудно, ибо речь «Нашего Друга», по всем воспоминаниям, была бессвязна, основное воздействие было не в словах, а в глазах и руках. Гипнотическое влияние его взгляда и легких прикосновений...

Но Лохтина понимала то, что он не высказывал. И, видимо, у нее училась царица нелегкому искусству записывать за «Нашим Другом».

Скоро Государыня вся Руси в совершенстве освоит это искусство — передавать непередаваемое. Научится понимать мужика...

В середине 1910 года муж поставил Лохтиной уже ультиматум: или — или... И она выбрала. «С 1910 года я окончательно разошлась с семьей, которая... требовала, чтобы я оставила отца Григория и не пожелала, чтобы я жила с нею».

Лохтину попросту изгнали из дома, отобрали принадлежавшее ей имение. И хозяйка петербургского салона, оставив любимую дочь, с котомкой за плечами направляется в Царицын к главному другу Распутина («Саваофа») — к Илиодору («Христу»). По дороге генеральша просила подаяние.

Какой интересный выдался 1910 год... В разгар славы мужика нарастает опасная атака против него. И идет она по широкому фронту: Гермоген — Феофан — Тютчева — Вишнякова — изгнание из дома Лохтиной.

В том же году против Распутина развязывается бурная кампания в прессе. Крупнейшие газеты начинают печатать бесчисленные статьи о «малограмотном и развратном мужике-хлысте,

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

имеющем большую популярность в некоторых придворных кругах». Материалы о Распутине становятся сенсацией, на них теперь буквально набрасывается читающая публика. Оппозиционная правительству кадетская газета «Речь» публикует целый ряд таких статей. В довершение всего — мощный залп по Распутину из Москвы, из кругов, близких к великой княгине Елизавете Федоровне. Входящий в ее окружение Михаил Новоселов, ассистент профессора Московской Духовной академии и издатель «Религиозно-философской библиотеки», напечатал серию сенсационных материалов: «Прошлое Григория Распутина», «Духовный гастролер Григорий Распутин», «Еще нечто о Григории Распутине»... В них была опубликована исповедь некоей соблазненной Распутиным девицы, упоминалось о расследованиях Тобольской консистории, обвинявшей его в хлыстовстве...

В 1910 году фамилия мужика начинает приобретать зловещий смысл. «Распутный Распутин» становится нарицательной фигурой.

МУЖИК И ЕВРОПА

Все эти события совпали не случайно. Их причиной был не столько сам Распутин, сколько его новая роль. Ибо весьма могущественные и влиятельные лица заговорили в то время о невероятном: Распутин не только лечит наследника, не только молится с «царями» — он уже вмешивается в высокую политику, чуть ли не диктует императору! Полуграмотный мужик смеет решать судьбы Европы!

В октябре 1908 года телеграф принес в Россию весть: Австро-Венгрия аннексировала балканские территории — Боснию и Герцеговину, где жило множество сербов. И в России, считавшей себя вождем православного мира, тотчас начинается мощное движение в защиту «братьев-славян».

С начала 1909 года — шквал статей в газетах, бурные демонстрации на улицах. Общество требует войны, думские депутаты произносят речи об исторической миссии России — опекать

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

• Н А Ш Д Р У Г •

балканских славян, которых «объединяет с русскими общая вера и общая кровь». В Праге собирается многолюдный Всеславянский конгресс, в котором участвуют депутаты российской Думы.

Волнуются православные Балканы. Здесь опасаются, что Босния и Герцеговина — лишь первый шаг немецкого марша на Восток. Сербия заявляет решительный протест. И повелитель Черногории, отец «черных принцесс», просит решительного вмешательства России. Его поддерживает могущественный родственник, великий князь Николай Николаевич — «главный военный» в Романовской семье. В бой рвутся и генералы, жаждущие загладить позор в японской кампании. Требуется войны и молодая русская буржуазия, опьяненная мечтами о новых сферах влияния, о завоевании черноморских проливов. В России складывается весьма пестрая и, главное, — многочисленная «партия войны».

Но война с Австро-Венгрией не может быть локальной — Германия не собирается оставаться в стороне. 8 марта 1909 года кайзер Вильгельм предъявил России ультиматум: признание аннексии Боснии и Герцеговины или вторжение австрийской армии в Сербию при поддержке Германии.

Мировая война становилась реальностью. И люди трезвые, опытные, понимавшие слабость плохо вооруженной русской армии, этой войны боялись.

Генеральша Богданович писала в дневнике: «13 марта... Не дай Бог нам войны... *Тогда снова у нас будет революция*».

Понимал опасность войны и Столыпин. Премьер не желал идти на риск, мечтал о «двадцати годах покоя для России» после всех потрясений и трудного умирения страны. Он помнил слова Александра III: «За все Балканы я не отдам жизни и одного русского солдата».

Аликс тоже смертельно боялась войны. Она не забыла: японская война кончилась революцией. И еще она знала: в случае столкновения с Германией ее родное маленькое Дармштадтское герцогство станет врагом России.

Но царь колебался — он с удовольствием выслушивал воинственные речи «Грозного дяди». И дело было не только в том, что, по словам Вырубовой, «Государь до последней минуты страш-

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

но любил Николая Николаевича». Просто Ники был истинным Романовым — обожал все военное. Как и его предки, он получил военное образование, прошел подготовку в знаменитом Преображенском полку и до самой смерти сохранил гвардейскую выправку... Российская империя — страна традиционно воинственных царей. Как сказал еще в XVIII веке граф Никита Панин: «До тех пор, пока у нас не родится царь-калека, мы не дождемся перемены во взглядах». Так что в глубине души Николай хотел войны.

И тогда пришел черед Распутина. *Он умел читать тайные желания царицы. Он знал свою роль. И он ее исполнил.* Произошло невероятное — мужик из сибирского села появился на политической арене.

Распутин решительно выступил против войны! Как и положено «Божьему человеку», он пророчествовал — грозил России поражениями и революцией. Впоследствии царица, вспоминая его тогдашние предсказания, напишет Николаю: «Наш Друг был всегда против войны и говорил, что Балканы не стоят того, чтобы весь мир из-за них воевал...»

Она была ему благодарна. И счастлива: оказалось, ее желания удивительно совпали с велениями небес и «Нашего Друга».

Итак, Столыпин, царица, и, наконец, небеса и «отец Григорий» — все были против войны. И царь дрогнул. Вскоре Совет министров согласился признать аннексию Боснии и Герцеговины. Пресса изливалась в ярости и поношениях, вспоминала о крупнейшей военной катастрофе при Цусиме в недавней войне с Японией. «Дипломатическая Цусима» — так называли это решение в обществе.

В то, что царский отказ воевать был продиктован желанием Распутина, верили тогда даже самые проникательные люди. В «Том Деле» издатель Распутина Филиппов цитирует умнейшего Сергея Юльевича Витте: «Несомненно, тем, что балканская война не разгорелась, мы обязаны влиянию Распутина».

Так что в 1909 году черногорки и великий князь Николай Николаевич имели право негодовать. Мало того, что Распутин выжил их из царского дворца — этот малограмотный мужик посмел вмешаться в высокую политику! Он не дал помочь православным на Балканах, не дал помочь родной Черногории!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«Н А Ш Д Р У Г»

Негодовал на Распутина и могущественный премьер. Хотя их позиции по «Балканскому вопросу» во многом совпадали, вмешательство «отца Григория» в политику было невыносимо для Столыпина. Газетные статьи о мужике во дворце подрывали престиж Царской Семьи, плодили опасные слухи. Да и сам Столыпин неоднократно подвергался унижениям. А. Богданович писала в дневнике: «Недели три назад приехал с докладом Столыпин и прождал полчаса... потому что царь находился у жены, у которой в спальне сидел этот «блажка».

С мужиком, а не с ним, премьером, обсуждали судьбу войны на Балканах! Узнал Столыпин и еще одну весть, которая не могла его не встревожить. Оказалось, его политический соперник Витте уже наладил контакт с Распутиным: мужик приходил ко вчерашнему, ныне опальному премьеру.

«Я сказал ему тогда: «Послушай, зачем ты, собственно, ко мне пришел? Если об этом узнают, то скажут, что я через тебя ищу сближения с влиятельными салонами, а тебе скажут, что ты поддерживаешь сношения с вредным человеком»... Распутин предложил мне в беседе очень оригинальные и интересные взгляды», — вспоминал впоследствии граф.

Встреча царского любимца с либералом Витте, который в 1905 году заставил царя даровать стране Конституцию, вызвала панику среди монархистов. Богданович отмечала в дневнике: «Большой опасностью является то обстоятельство, что «блажка» спелся с Витте... Витте хочется снова получить власть».

Столыпину доложили, что мужик встречался не только с Витте. Он уже участвует в обсуждении кандидатур на высшие государственные посты — устраивает смотрины будущему обер-прокурору Синода!

И это было правдой. После всех неприятностей — с расследованием Тобольской консистории, с обвинениями Феофана, с деятельностью сестры Эллы и ее окружения — Аликс боялась, что ее враги используют Синод, чтобы опять обвинить «Нашего Друга» в хлыстовстве. И она решила найти лояльного к Распутину обер-прокурора.

На этот пост начала обсуждаться кандидатура Владимира Саблера. Именно тогда Аликс впервые решила применить удивитель-

тельный метод «проверки» кандидата на должность: его должен был проэкзаменовать «Божий человек». Учитывая особые отношения «Нашего Друга» с небом, его встреча с будущим главой Синода была для Государыни вполне логична.

Встреча состоялась, и Распутин смог убедиться в полном послушании кандидата «папе и маме». И вскоре Саблера, человека с нерусской фамилией (он был из семьи обрусевших немцев), ко всеобщему изумлению поставят во главе управления русской церковью...

ПРЕМЬЕР ПРОТИВ МУЖИКА

Столыпин оценил свое ожидание в царской приемной. Это было не просто унижение, но некий сигнал: у царя сидел «тайный премьер».

К тому времени позиции великого реформатора ослабли. (Это характерно для всех реформаторов в России. Впоследствии одного из вождей монархистов, умнейшего Шульгина, спросят, кому мешал Столыпин, и его ответ будет лаконичен: «Все».) Премьера ненавидели левые, ибо он не раз беспощадно подавлял оппозицию в Думе — чего стоит лишь одна его бессмертная фраза: «Вам, господа, нужны великие потрясения, а мне нужна великая Россия». Премьера ненавидели правые, ибо его реформы предвещали победу капитализма в России — древний Царьград должен был стать Манчестером. Его презрение к антисемитам из «Союза русского народа», предложения отменить «черту оседлости» для евреев (на что царь не согласился) вызывали ненависть у церковных «ястребов» типа Илиодора и Гермогена. Была и еще одна мощная фигура, подогревавшая недовольство — великий князь Николай Николаевич, ибо Столыпин был категорически против участия России в балканском конфликте. И тем не менее премьер держался, потому что его поддерживал царь. Столыпин грозил Николаю социальными катастрофами и голодом, если не осуществляются его реформы. Огромным ростом и зычным голосом он успокоительно напоминал Николаю гиганта-отца, внушал ему уверенность.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

Но Столыпин сделал ход, который вначале казался очень удачным. Ход этот мог вернуть ему популярность, но... оказался фатальным. Премьер выступил против Распутина, заговорил с царем об отношении общества к «Нашему Другу».

Николай от разговора уклонился. Но он помнил, какое впечатление оказал Распутин на Столыпина всего несколько лет назад. И попросил премьера вновь встретиться с мужиком.

Об этой странной встрече Столыпин рассказал будущему председателю Государственной Думы Родзянко. С первой минуты премьер явственно ощутил «большую силу гипноза, которая была в этом человеке и которая произвела на него довольно сильное, хотя и отталкивающее, но все же моральное впечатление». Но, видимо, «моральное впечатление» было столь сильным, что Столыпин, «преодолев его», вдруг начал кричать на Распутина, называть его хлыстом и грозить ему высылкой «на основании соответствующего закона о сектантах». Это была ошибка (как покажет будущее — роковая для премьера).

Распутин имел право быть обиженным. И... спокойным. Он знал: никаких весомых доказательств его хлыстовства Тобольской консистории получить не удалось. Знал это и царь, который в год всеобщей травли «Нашего Друга» ознакомился с его «делом»...

К 1910 году Распутин стал вызывать уже всеобщее недовольство: левых, которые видели в нем союзника Илиодора и антисемитов; правых и монархистов, которым он грозил приходом к власти Витте; «партии войны» и «Грозного дяди»; двора, ненавидевшего мужика-фаворита; церковников, уверенных в его хлыстовстве; сестры царицы, премьер-министра...

Он надоел всем.

Первой конечно же начала действовать самая обиженная и самая страстная — «черная женщина», Милица, близкая знакомая епископа Феофана. Скорее всего, она и была таинственным «кем-то», постоянно открывавшим глаза Феофану, ознакомившим его с ходом тобольского расследования и исповедями дам, «обиженных Распутиным».

Активизировалась и великая княгиня Елизавета Федоровна. Настоятельница Марфо-Мариинской обители уже поняла, что

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

второй «Наш Друг» куда опаснее первого. И то, что против Распутина выступила Софья Тютчева, бывшая в тесной дружбе с сестрой царицы, — не случайно. С Эллой была очень близка и семья Юсуповых. Так в Москве сформировался фронт недругов «старца», который Аликс будет называть «московской кликой». Элла помогла высланному из столицы Феофану получить назначение в Крым. Она верила, что во время пребывания Семьи в Ливадии неукротимый Феофан продолжит свои обличения.

Наступление на мужика продолжил и Столыпин. В октябре 1910 года он приказал департаменту полиции установить за Распутиным наружное наблюдение. С помощью донесений секретных агентов он надеялся наконец убедить царя в распутстве «Нашего Друга».

Но Аликс тотчас ответила. Как сказано в полицейских документах, Распутин «наблюдался лишь несколько дней, после чего наблюдение было прекращено».

Наблюдение отменил сам царь. Он не мог объяснить своему премьеру, что те факты, которые тот намеревался ему сообщить, *ничего для него не значат*. И что ни Столыпину, ни его агентам не дано понять поведение «отца Григория». Загадку его поведения...

Загадку, которую «цари» уже постигли и о которой речь впереди.

ПУТЬ В ИЕРУСАЛИМ

Наступил 1911 год. Чтобы успокоить поднявшуюся волну неприязни к мужику, Семье вновь пришлось перестать звать его во дворец. Снова видется с ним тайно — у Ани...

Из дневника Николая: «12 февраля... поехали к Ане, где долго беседовали с Григорием».

Секрет Полишинеля! При дворе об этих встречах знали все. «Этот мужик Распутин... во дворце не бывает, но у Вырубовой в Царском бывает, и царица часто к этой Вырубовой заезжает... Вырубову продолжают ругать все за глаза, а в глаза за ней ухаживают все... Все эти господа бояться только одного: чтобы не по-

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

терять своих тепленьких местечек, а до России им горя мало», — записала в дневнике А. Богданович.

В феврале 1911 года Аликс завела особую тетрадь.

После расстрела в Ипатьевском доме убийца Царской Семьи Юровский привез в Москву их бумаги. Среди них была тетрадь, которую царица взяла с собой в свой последний дом... И поныне хранится в архиве эта тетрадь в темно-синем переплете, где рядом с каллиграфическими строками Аликс расположились смешные каракули мужика: «Подарок моей сердечной маме. Г. Распутин, 1911, 3 февраля».

Подарок — это его изречения, сказанные во время встреч в доме Ани, которые царица потом старательно заносила своим изящным почерком в эту тетрадь. Лохтина ее многому научила, и она уже сама могла переводить его отрывочные заклинания в нормальную речь.

Большинство записанных царицей поучений — о несправедливых гонениях праведника и о пользе этих гонений для души: «Господи, как умножились враги мои!.. Многие восстают на меня... В гоненьях Твой путь. Ты нам показал крест Твой за радость... Дай терпение и загради уста врагам...» И опять, как заклинание: «Душа моя, радуйся гонениям... рай построен для изгнанников правды...»

«В гоненьях Твой путь», — уже через несколько лет Аликс будет повторять это в Ипатьевском доме... А пока ей все чаще кажется, что она воочию видит евангельские сцены. Видит поношение пророка...

Она спасет! Она заградит! Она умеет бороться!

И нянька Вишнякова, и фрейлина Тютчева, несмотря на благожелательность Николая, расстались с должностями. Детская вновь стала безраздельным царством Аликс. Теперь она могла хоть изредка тайно приводить туда «Нашего Друга», чтобы он лечил ее бедного мальчика и помогал ее дочерям, когда они хворали.

И, может быть, тогда Распутин понял удивительный закон — чем сильнее наступают его гонители, тем жестче будет отпор царицы, тем быстрее они исчезнут из дворца.

И тем прочнее будет его положение...

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

Но Аликс видела: Ники нервничает, ибо все время недовольны его мать и большая Романовская семья. Великий князь Константин Константинович писал в дневнике: «Она (вдовствующая императрица. — Э.Р.) в отчаянии, что они продолжают тайно принимать юродивого Гришу».

«Нашему Другу» необходимо было на время покинуть Петербург. Но отослать его в Покровское означало — уступить врагам. Аликс не умела уступать... И было решено: Распутин, как и должно «Божьему человеку», уедет в странствие, повидать самые дорогие для всякого христианина места — Святую землю. Это — награда за все, что он сделал для Семьи. За все гонения, которые он претерпел.

И Распутин в группе русских паломников отправляется в Иерусалим.

Пусть пока улягутся страсти...

Глава 5

«ВТОРОЕ Я»

ИМПЕРАТРИЦЫ

ЗАГАДОЧНЫЙ СОАВТОР

Из дневника Николая: «4 июня... после обеда мы имели удовольствие видеть Григория после того, как... он вернулся из Иерусалима».

Его впечатления от паломничества в Иерусалим были изданы под названием «Мои мысли и размышления». Филиппов показал в «Том Деле»: «Брошюра издана мною... я не исправлял и не сглаживал афоризмов Распутина и передал их дословно». Однако это не значит, что Распутин сам написал эту книгу — полутрамотному мужику было физически невозможно осилить такой объем текста. В будущем он с трудом будет царапать чудовищными каракулями свои знаменитые записки к министрам — записки всего в несколько слов.

Так что Филиппов «дословно» издал текст, который *кто-то* записал со слов Распутина. Но прежде чем выяснять, кто это был, послушаем голос мужика — восторженную распутинскую речь:

«Безо всякого усилия утешает море. Когда утром встанешь, и волны говорят, и плещут, и радуют. И солнце на море блистает, тихо-тихо поднимается, и душа человека забывает все... и смот-

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

рит на блеск солнца... Море пробуждает от сна сует, очень много думается, само по себе... Боже, дай тишину душевную... На море временная болезнь, на берегу же всегда такая волна... На море всем видна болезнь, а на берегу никому неизвестна — бес души смущает. Совесть — волна, но какие бы ни были на море волны, они утихнут, а совесть только от доброго дела погаснет...»

Сбылась мечта мужика, казавшаяся неосуществимой: он увидел Его город и Его гроб.

«Что реку́ о той минуте, когда подходил ко Гробу Христа... И такое чувство в себе имел, что всех готов обласкать, и такая любовь к людям, что все кажутся святыми, потому что любовь не видит за людьми никаких недостатков. Тут у Гроба видишь духовным сердцем всех людей...»

Но он знает: далее — молчание, далее — Тайна, и должны закрыться уста, охраняя великую минуту встречи с Гробом Господним: «Боже, что я могу сказать о Гробе! Только скажу в душе моей: «Господи, Ты сам воскреси меня из глубины греховной...»

Представим себе его магнетические глаза, наполнившиеся слезами, когда он рассказывал о Святой земле (ибо, как истинный актер, он видел то, о чем говорил), и внимавших ему потрясенных «царей»...

«О, какое впечатление производит Голгофа!.. С этого места Матерь Божия смотрела на высоту Голгофы и плакала, когда Господа распинали на кресте. Как взглянешь на это место, где Матерь Божия стояла, поневоле слезы потекут, и видишь перед собой, как это было. Боже, какое деяние свершилось! И сняли тело, положили вниз. Какая тут грусть и какой плач на месте, где тело лежало! Боже, Боже, за что это? Боже, не будем более грешить. Спаси нас своим страданием...»

Ники и Аликс, так никогда и не побывавшие на Святой земле, увидели ее глазами Распутина. И через несколько лет, готовясь к своей Голгофе, будут вспоминать его рассказы.

Итак, вернемся к тому, что сам Распутин эту книгу написать не мог. И Лохтина ни слова не говорит о своей работе над этим произведением — впрочем, когда-то записанные ей дидактические строки слишком отличаются от вдохновенного текста, который так похож на удивительное «Житие опытного странни-

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«Н А Ш Д Р У Г»

ка»... Видимо, в обоих случаях у Распутина был один и тот же соавтор, способный запечатлеть на бумаге гипнотическую силу его речи.

Об этом соавторе говорит Филиппов: *«Корректурa книги сделана Государыней».*

Конечно! Та, которая записывала, — и правила корректуру! Только царица с ее блестящим литературным даром (перечитаем ее письма) смогла в полной мере передать то, что он рассказывал. И думаю, она работала не одна, а вместе с неразлучной Подругой, так же обожавшей писать. Для царицы эта работа — прикосновение к мистическому, сокровенному. Для Подруги — еще большее единение с Аликс.

ПАДЕНИЕ ВЕЛИКОГО ПРЕМЬЕРА

Но и по возвращении Распутин не мог жить спокойно. Поток поношений против него не прекращался. И опять он диктовал «маме» в тетрадь свои поучения о претерпевших за правду...

Аликс была в ярости. И в конце 1910 года царь пишет резкую записку премьер-министру с требованием пресечь газетную кампанию против Распутина. Но Столыпин попросту проигнорировал царское распоряжение, и травля продолжалась.

Премьер сам готовил решительную атаку. Хотя его попытка устроить официальную слежку за Распутиным и не удалась, секретная агентура Столыпина работала исправно — сведения о Распутине собирались. И в начале осени 1911 года премьер отправился с докладом к царю.

Об этом эпизоде в «Том Деле» есть важнейшие показания Сазонова: *«Интересна его (Распутина. — Э.Р.) борьба со Столыпиным, о которой я в дальнейшем рассказываю со слов самого Распутина. Столыпин требовал от царя удаления Распутина. Он принес на доклад дело департамента полиции о Распутине и доложил все, что ему известно компрометирующего... и о том, что он, к великому соблазну общества, ходит в баню с женщинами. На что Государь ответил: «Я знаю, он и там проповедует Священное*

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ РАСПУТИН

Писание»... И после доклада приказал Столыпину выйти вон, а доклад бросил в камин... Вот почему за месяц до смерти Столыпина я знал... что его участь решена. Сопоставьте с этим такие мелочи, как то, что на киевских торжествах Столыпину не была предоставлена более или менее приличная и удобная квартира, не был дан автомобиль и т. п.»

Столыпина свалила не Дума, не правые и левые, а собственная атака на мужика. Могущественный премьер начал «политически умирать». Аликс пошла в беспощадный поход против врага «Нашего Друга». И уже вскоре Распутин озвучил ее мысль по поводу премьера: «Распутин говорил о Столыпине... что он слишком много захватывает власти», — показала Вырубова.

Мужик знал: слабый царь не прощает обвинений в собственной слабости. Грозный премьер еще оставался на посту, но уже пополз слух о переводе его наместником на Кавказ, что не преминул с удовольствием отметить в мемуарах его вечный соперник граф Витте.

ЗА ДЕСЯТЬ ДНЕЙ ДО УБИЙСТВА

Вскоре в Нижний Новгород выехала удивительная экспедиция — мужик и его друг журналист Сазонов. А незадолго до того между ними состоялся весьма примечательный разговор...

Пост министра внутренних дел — ключевой в правительстве. Один из царских министров скажет впоследствии: «Премьер без этого поста, как кот без яиц». Неудивительно, что любой глава кабинета (и Столыпин — не исключение) старался забрать его себе.

Каковы же были изумление и испуг Сазонова, когда мужик сообщил ему, что получил задание от «царей» подыскать... нового министра внутренних дел вместо Столыпина! Более того — Распутин предложил своему другу подумать, кого лучше назначить! И журналист, преодолев страх, видимо, подумал, потому что вскоре предложенная им кандидатура уже обсуждалась в

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

Царском Селе. Это был Нижегородский губернатор Хвостов, с отцом которого Сазонов был в большой дружбе. Потому-то Распутин и Сазонов отправились в Нижний Новгород — «на смотрины».

Алексей Николаевич Хвостов — огромный, тучный (впоследствии Распутин даст ему прозвище «Толстопузый»), был еще молод — 39 лет. Племянник министра юстиции, он происходил из семьи богатых землевладельцев и был известен крайне правыми взглядами.

Приехавших он встретил весьма неожиданно...

Из показаний Сазонова: «Меня как старого друга семьи принял любезно, а Распутина... очень холодно и, по-видимому, был удивлен нашим визитом... он даже не пригласил... обедать. Мы пробыли у него от поезда до поезда...»

Хвостов в «Том Деле» описал это событие красочней: «За 10 дней до убийства Столыпина в Нижний Новгород, где я был губернатором, неожиданно приехали... знакомый еще моего отца Георгий Петрович Сазонов и вместе с ним Григорий Распутин, которого я ранее никогда не видел... Сазонов, очевидно, чтобы не мешать нашей беседе, оставался в гостиной. Распутин был со мной в кабинете... Распутин говорил о своей близости к царю... и что он прислан царем, чтобы «посмотреть мою душу», и, наконец, предложил мне пост министра внутренних дел».

Естественно, Хвостов сказал, что «это место уже занято».

«Распутин же ответил, что *Столыпин все равно уйдет*... Все это показалось мне настолько странным и необычным, что я не придал значения беседе со мной Распутина, говорил с ним в полуплутовском тоне... и он ушел от меня рассерженным. Я не пригласил его отобедать и отказался познакомить с семьей, о чем он просил...»

Еще бы не странно! Вдруг приезжает непонятная пара: Сазонов — знакомый его отца, всего лишь журналист и издатель, каких много, и мужик — корявый, полуграмотный, о котором ходят какие-то невозможные сплетни, и они всерьез начинают обсуждать с ним... удаление с поста министра внутренних дел могущественнейшего Столыпина!

Хвостов, как и иные «серьезные люди», не знал тогда реально-го положения мужика при дворе и, естественно, не поверил, что судьбу ключевого поста в правительстве царь мог поручить этой нелепой паре. Все это выглядело абсолютно фантастическим. Заподозрив, что его попросту втягивают в какие-то придворные игры, губернатор предпочел вежливо выставить за дверь странных посланцев, но все-таки попросил полицейских агентов проследить за ними. После чего, как показал Хвостов, он «получил из местной конторы копию телеграммы, которую Распутин послал на имя Вырубовой, приблизительно такую: «Хотя Бог на нем и почит, но чего-то не достает», и, видимо, окончательно успокоился, решив, что это интрига Подруги царицы.

Как же был поражен (если не сказать — напуган) Хвостов, когда через десять дней Столыпин был убит! И слова Распутина «Столыпин все равно уйдет» показались ему зловещими...

ГИБЕЛЬ ПРЕМЬЕРА

Из дневника К.Р.: «3 сентября... С ужасом узнали, что позавчера вечером в Киеве... Столыпин был ранен несколькими револьверными выстрелами».

Покушение произошло при весьма странных оплошностях секретной полиции.

В Киеве по случаю полувекового юбилея отмены крепостного права открывали памятник деду Николая, освободителю крестьян Александру II. На торжества приехали царь с великими князьями, а также премьер Столыпин.

Накануне в Киевское охранное отделение явился некий Дмитрий Богров — революционер-террорист, завербованный полицией, но уже несколько лет как прервавший с ней всякие связи. И вдруг он вновь объявился и сообщил, что готовится покушение на Столыпина — в Оперном театре, во время парадного спектакля — и он, Богров, берется его предотвратить.

Глава корпуса жандармов Курлов, глава дворцовой охраны Спиридович и глава Киевской охранки Кулябко — все вдруг ока-

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

зались необычайно доверчивы. Даже не установив за Богровым наблюдения, они не только пустили его в театр, но... пустили с револьвером!

Во время второго антракта царь вышел из ложи. Столыпин стоял у сцены спиной к оркестру, беседуя с министром двора Фредериксом. К нему подошел молодой человек в черном фраке, выделявшемся среди блестящих мундиров. Это и был Богров. Он преспокойно вынул револьвер и дважды выстрелил.

Столыпин успел повернуться к пустой царской ложе и перекрестить ее. Его вынесли в фойе. 5 сентября он умер.

Учитывая опыт предыдущих убийств, когда правые и тайная полиция руками агентов-provokаторов убирали неудобных царских чиновников, в Думе тотчас заговорили об очередной «кровавой расправе». В своей речи монархист В. Шульгин прямо обвинил охранку: «За последнее время мы имели целый ряд аналогичных убийств русских сановников при содействии чинов политической полиции... Столыпин, который, по словам князя Мещерского, говорил «охранник убьет меня»... погиб от руки охранника *при содействии высших чинов охраны*».

Было назначено сенатское расследование действий Курлова и Спиридовича. Но кто-то, видимо, очень заволновался... По повелению Николая дело было прекращено.

Распутин в день убийства был в Киеве и впоследствии написал о торжествах. Это была почти ода, но выпренные славословия мужика мало кто заметил. А вот его предсказание о «скором уходе» Столыпина и известие о встрече с Хвостовым накануне убийства распространились быстро. Более того, пошли слухи, что он прямо предсказывал скорую гибель премьера. Илиодор в своей книге цитирует будто бы слова Распутина: «Ведь я за семь дней предсказал смерть Столыпина»...

Об этом заговорили в петербургских гостиных. Имя Распутина начали связывать с убийством Столыпина, и эти слухи, видимо, произвели сильное впечатление на Сазонова. Журналист испугался: Распутин и, следовательно, он сам были втянуты в опасную игру, а смерть Столыпина показала, чем кончаются такие игры. «Я стал отходить от него, когда стал замечать, что он

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ РАСПУТИН

приобретает влияние на вопросы верховного управления», — показал Сазонов в «Том Деле».

Слухи о том, что Распутин как-то связан с убийством премьеры, вызвали особый интерес у Чрезвычайной комиссии. По этому поводу допрашивали начальника охраны Распутина полковника Комиссарова, но улики не нашли...

Действительно ли Распутин предсказал не просто уход с поста (что было для него просто — он хорошо знал о намерениях Царского Села), но уход из жизни Столыпина? Если так, то и для этого ему не надо было быть пророком. Ибо уже тогда в его окружении появилась крайне загадочная личность — доктор тибетской медицины Бадмаев.

«ХИТРЫЙ КИТАЕЦ»

Петр Бадмаев происходил из знатного бурятского рода, вырос в сибирских степях, кочевал с огромными стадами, затем отправился в столицу. Там он практиковал тибетские методы лечения и держал аптеку. Вскоре перешел в православие, причем его крестным отцом стал сам император Александр III.

В Чрезвычайной комиссии Бадмаев показал: «Я окончил курс Военно-медицинской академии... добровольно не взял диплом, чтобы иметь право лечить по принципам тибетской медицины... затем я стал практиковать в высшем кругу общества». Тибетскими травами он лечил от всех болезней — неврастении, туберкулеза, сифилиса, а главное — возвращал стареющим мужчинам потенцию.

Впоследствии монархист Пуришкевич цитировал то, что Распутин будто бы говорил о Бадмаеве: «У него есть две настойки. Выпьешь маленькую рюмочку одной — хуй делается большим, а есть еще другая: выпьешь совсем маленькую и сделаешься глупеньким, добреньким... и делается тебе все равно».

И в Петербурге в это верили. Впоследствии будет пущен слух, что бадмаевскими травами Распутин опоил царя, чтобы стал он «добреньким и глупеньким»...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

• Н А Ш Д Р У Г •

У Бадмаева лечились «сливки общества»: бывший премьер Витте, митрополиты Киевский и Московский, товарищ председателя Государственной Думы Протопопов... «Хитрый китаец» — так звал Распутин Бадмаева. Ибо, кроме тибетской медицины, у него было еще одно захватывающее занятие — предпринимательство.

Он основал торговый дом «Бадмаев и Ко» — арендовал территории у монголов, основал огромное скотоводческое хозяйство, закупил множество верблюдов. Он предлагал сделать эти земли плацдармом для российского проникновения в Монголию и далее — в Тибет. Он заваливал царскую канцелярию проектами, просил субсидии на реализацию своих невероятных планов. Но тщетно... Постепенно он разорился, вынужден был ликвидировать свое хозяйство.

И тогда появился новый план. В семье Бадмаева из поколения в поколение передавались сведения о забайкальских золотых месторождениях. В 1909 году он основал «Первое Забайкальское горно-промышленное товарищество». Однако Столыпин, к его негодованию, остался холоден и к этим начинаниям. Бадмаев вовлек в дело одного из своих тайных пациентов — великого князя Бориса Владимировича, но... после истории с браком Кирилла клан Владимировичей был в немилости у Царской Семьи. И опять государственные субсидии не были выделены, а Бадмаеву нужны были очень большие деньги. Тогда он сам попытался наладить отношения с Царским Селом и, как отмечено в «Том Деле», послал для лечения наследника «лекарство из трав». Но порошки «были возвращены с благодарностью» — Бадмаеву попросту показали на дверь.

Оставался только один человек, который мог ему помочь, — Распутин. И Бадмаев начинает искать сближения с ним...

Одним из пациентов Бадмаева был глава корпуса жандармов генерал-лейтенант Курлов — тот самый, на которого впоследствии легло главное подозрение в организации убийства Столыпина. И коли убийство воистину затевалось, «Хитрый китаец» мог получить от благодарного больного намек на то, что скоро столь не любимый Бадмаевым Столыпин будет устранен. Так что, завязывая знакомство с Распутиным, великий интриган, как доказательство своих больших возможностей, мог, в свою оче-

редь, намекнуть о близком конце Столыпина, который был смертельным врагом «отца Григория».

И Распутин мог предсказать царице (всегда жаждавшей его предсказаний) скорую гибель ненавидимого ею премьера. Как Божью кару...

МЕСТЬ МЕРТВЕЦА

Гибель Столыпина — водораздел в биографии Распутина. До нее он был тайной, предметом неясных слухов и выдумок, темой для туманных газетных статей. «Серьезные люди» попросту не верили в громадное влияние во дворце какого-то мужика...

Не верил и Московский губернатор Владимир Джунковский. Его родная сестра Евдокия была фрейлиной, подругой Тютчевой и ненавистницей Распутина. Естественно, она рассказывала брату о ситуации во дворце, но... он не поверил. Сам Джунковский, имея придворный чин флигель-адъютанта, приезжал в столицу на дежурство во дворец, приглашался на чаепития с Государем, встречался с придворными, однако, как он писал в воспоминаниях, «считал все слухи выдумкой газет, не придавал им никакого значения... и возмущался, когда его (Распутина. — Э.Р.) имя связывали с именами Государя и Государыни».

Но после убийства премьера Джунковский начинает весьма интересоваться деятельностью Распутина. Так что гибель Столыпина, побежденного безвестным мужиком, заставила «серьезных людей» приглядеться к «победителю»...

Новым премьером был назначен сенатор Владимир Николаевич Коковцов, выходец из старого дворянского рода, человек не блестящий, но исполнительный и честный («всего лишь», как написал о нем Джунковский).

«Столыпин умер, чтобы уступить место вам», — сказала ему Аликс. Она имела в виду — тому, кто будет слушать «Божьего человека», а не преследовать его...

Казалось, со смертью Столыпина миновала самая серьезная угроза Распутину. Но скоро Аликс поймет: произошел парадокс.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

• Н А Ш Д Р У Г •

Гибель могущественного премьера не только не принесла избавления, напротив, после нее случилось непоправимое: из авторитарической системы ушел страх, без которого она работать не может!

Нет, не зря умиравший Столыпин перекрестил царскую ложу. Теперь слабый Ники и его жалкие министры остались один на один с Думой. И мужик, которого уже стало модно ненавидеть, оказался беззащитен в отсутствии страха... Убиенный премьер отомстил всем после смерти!

Первыми в отсутствии Столыпина осмелели церковные иерархи.

ДРАКА ПРОВИДЦЕВ

Феофан был далек от мира. Он умел лишь писать тщетные обращения к царю и просить своих друзей обличить Распутина.

А Гермоген умел действовать. Приехав в Петроград на сессию Синода, он понял — пришло время покончить с Распутиным. Нового премьера он не боялся, и обер-прокурора Саблера, скомпрометированного слухами о связях с Распутиным, — тоже.

Хорошо понимая, кто правит в Царской Семье, Гермоген знал, что обращаться к царю бессмысленно. И он решил сломать самого Распутина: обличить его и заставить добровольно уйти из дворца. На тот случай, если тот не согласится, Илиодор приготовил памфлет «Гришка» — где полностью приводил украденное у Распутина письмо царицы, доказывавшее, как считали монахи и епископы, ее прелюбодеяние с мужиком. Так что Илиодор и Гермоген были уверены: со вчерашним другом будет покончено.

И наступило 16 декабря — день обличения.

Участники собрались в Ярославском подворье, где жил Гермоген. Пришел Митя Козельский, которому до Распутина так верила царица, — длинный, худющий, с высохшей рукой, в убогой, но чистой мужицкой одежде. Пришел Иван Родионов — публицист, близкий к «Союзу русского народа», почитатель Илиодора, помогавший ему писать памфлет «Гришка». Сам Илиодор,

которого Распутин продолжал считать своим другом, должен был к 11 утра привезти Григория.

«Распутин встретил меня очень ласково. Я его пригласил поехать к Гермогену: «Ждет тебя. Так и сказал мне: поезжай и привези... да скорее, хочу с ним повидаться», — вспоминал Илиодор. Сели на извозчика, поехали. Удивительно, но у Распутина, этого интуитивного человека, не было никаких дурных предчувствий (как впоследствии их не будет, когда повезут его убивать). Видимо, он бесконечно доверял Илиодору, и это доверие усыпило его звериную чуткость... По дороге Григорий с наивным изумлением рассказывал о роскоши нового царского дворца в Ливадии, «как «папа» сам меня водил по дворцу... потом вышли мы с ним на крыльцо, и долго на небо смотрели...»

Наконец приехали. Участники действия ждали их с нетерпением... Когда Распутин раздевался в передней, Илиодор саркастически сказал Родионову: «Посмотрите, Иван Александрович, на старческое рубище!» «Ого! Шапка стоит по меньшей мере 300 рублей, а за шубу здесь надо отдать тысячи две. Вполне подвижническая одежда!» — ответил Родионов. И только тут Распутин заподозрил неладное. Но было поздно...

«Исторический час наступил. Гермоген, я и все свидетели собрались в парадную комнату. «Старец» сел на большой диван. Митя, прихрамывая и помахивая отсохшею рукою, ходил взад и вперед около Григория... Все молчали... А потом произошло... нечто невероятное, смешное, но в то же время и ужасное. Митя с диким криком: «А-а-а! Ты — безбожник, ты много мамок обидел! Ты много нянек обидел! Ты с царицею живешь! Подлец ты!» — начал хватать «старца»... Распутин попятился назад к дверям... а Митя... тыкая ему пальцем в грудь, еще громче, еще неистовее кричал: «Ты с царицею живешь! Ты — антихрист!» И тогда Гермоген в облачении епископа взял в руку крест и сказал: «Григорий, пойди сюда!...» Распутин приблизился к столу... трясясь всем телом, бледный, согнувшийся, испуганный».

И наступил финал, описанный Илиодором:

«Гермоген, схватив «старца» кистью левой руки за череп, правую начал бить его крестом по голове, и страшным голосом... кричать: «Дьявол! Именем Божиим запрещаю тебе прикасаться к женскому полу. Запрещаю тебе входить в царский дом, и иметь

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

дело с царицей, разбойник! Как мать в колыбели вынашивает своего ребенка, так и Святая церковь своими молитвами, благословениями, подвигами вынянчила великую святыню народную — самодержавие царей. А теперь ты, гад, губишь, разбиваешь наши священные сосуды — носителей самодержавной власти... Побойся Бога, побойся этого животворящего креста!»

Родионов, обнажив принесенную с собой саблю, поволок вконец растерявшегося Распутина к кресту. От него потребовали дать клятву, что он немедленно уйдет из дворца. Распутин поклялся — и на том целовал крест.

Задуманное окончилось успехом. Распутин вышел (точнее — бежал) из епископских покоев жалким мужичонкой, каким когда-то был в Покровском. Он был счастлив, что уцелел, ибо верил, что барин Родионов мог и вправду зарубить его. Вечный мужицкий страх...

Впрочем, никакой цены для Распутина та клятва не имела. У него были свои отношения с Богом, недоступные этим сытым князьям церкви. И его Бог мог простить вырванное угрозой смерти крестное целование. Но мог ли Бог простить предательство вчерашнего друга?

К тому же Распутин знал, что Илиодор обманывал не только его, но и иерархов, ибо было тайное — то, что Илиодор таил от Гермогена и Феофана и что крепко связывало его с Распутиным...

Предательство Илиодора и насилие Гермогена заставили Распутина тотчас дать телеграмму «маме». «Выйдя из Ярославского подворья, — писал Илиодор, — Распутин отправился на телеграф и послал царям телеграмму... полную невероятной клеветы... Он писал, что будто бы я и Гермоген хотели его у себя в покоях лишить жизни, задушить».

Но клеветы особой тут не было: ведь и саблей грозили, и по голове крестом медным били...

Так закончилось 16 декабря — особый день в жизни Распутина.

Через пять лет в ночь с 16 на 17 декабря его убьют.

Велики были изумление и гнев царицы, когда она получила телеграмму и узнала от Ани подробности о том, как вчерашние дру-

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ РАСПУТИН

зья попытались лишить жизни «отца Григория», лишить ее и наследника помощи «Божьего человека».

Но Гермоген пошел дальше — на сессии Синода он произнес обличительную речь против хлыстовства. Сначала епископ обрушился на писателей, описывающих хлыстовство (эта тема уже питала бульварную литературу, Арцыбашев и Каменский описывали сцены «радений» и «свального греха»), обличил соблазн этих произведений, и, наконец, перешел к главному — обвинил Распутина «в хлыстовских тенденциях». Синод слушал испуганно — иерархи догадывались, какова будет ярость царицы, и лишь жалкое меньшинство осмелилось поддержать Гермогена. Большинство же вместе с обер-прокурором Саблером выразило недовольство вмешательством пастыря в «вещи, которые его не касаются».

Но Гермоген не успокоился. Более того, в частных разговорах он осмелился говорить о том, что Распутин прелюбодействовал с царицей!

Аликс узнала обо всем от Вырубовой. Теперь Гермоген и Илиодор стали для нее лжецами, прикинувшимися из выгоды друзьями и почитателями «отца Григория». Как посмели они обвинять его — друга Царской Семьи, «Нашего Друга»? И — что чудовищнее всего — как посмели, зная ее, распространять гнусные слухи! Легко представить, что она говорила Ники. И легко представить себе его гнев — гнев царя.

И грянул гром.

ОЧЕРЕДНОЕ ПРЕДСКАЗАНИЕ О ГИБЕЛИ «ЦАРЕЙ»

Из показаний Виктора Яцкевича, директора канцелярии обер-прокурора Синода: «Среди сессии в Рождественские святки (это небывалый случай в жизни Синода) Гермоген получил приказание вернуться в епархию... Он не подчинился этому приказу, и, как я слышал, по телеграфу просил приема у Государя, указывая, что имеет сообщить о важном деле, но ему отказали».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

Именно так все описывает и Илиодор, приехавший в Петербург на подмогу Гермогену. В Ярославском подворье монах писал под диктовку потрясенного епископа телеграмму царю. «Гермоген сидел около меня и горько, горько плакал, а я выводил: «Царь-батюшка! Всю свою жизнь я посвятил служению Церкви и Престолу. Служил усердно, не щадя сил. Солнце жизни моей уже зашло далеко за полдень, голова моя побелела. И вот на склоне лет моих с позором, как преступник, изгоняюсь тобою, Государь, из столицы. Готов ехать, куда угодно, но прежде прими меня, я открою тебе одну тайну»

Через Синод от Николая был получен скорый ответ: царь не желал знать ни о какой тайне. «Гермоген, прочитав ответ, опять заплакал. И вдруг сказал: «Убьют царя, убьют царя, непременно убьют».

Саблер, желая избежать скандала, пытался смягчить гнев императора. Однако вскоре обер-прокурор был вынужден печально сообщить премьеру Коковцову, что все симпатии Царского Села отданы Распутину, на которого, по словам царя, «напали, как нападают разбойники в лесу, заманивши предварительно свою жертву в западню».

Наступила развязка. В отсутствие Гермогена Синод официально отправил его «на покой» с проживанием в Жировицком монастыре. Илиодора ссылали во Флорищеву пустынь около города Горбатова с запрещением появляться в Царицыне и Петербурге.

Но случилось небывалое — Гермоген и Илиодор не подчинились царю и не уехали из столицы. Более того, они посмели заговорить публично. Мятежные пастыри согласились на газетные интервью, где клеймили Распутина, Синод и обер-прокурора Саблера.

Тогда же Илиодор решил воспользоваться своим главным, секретным оружием...

СЕКРЕТНОЕ ОРУЖИЕ

Вскоре Вырубова получила от бывшего друга Распутина послание, точнее, предупреждение о возможном начале войны: «Сестра во Христе! Доколе же вы будете держаться Григория?.. Если

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

не бросите его, то *разразится грандиозный всероссийский скандал*. Тогда будет беда! Послушайте меня. Побойтесь Бога. Покайтесь. Илиодор».

Вырубова знала, о каком скандале говорилось в послании монаха. Она уже прослышала: Илиодор обещал напечатать свое сочинение против Распутина и предать гласности письма царицы и великих княжон.

По приглашению Вырубовой Илиодор пришел в ее маленький домик в Царском Селе. Его поджидал весь кружок почитателей «старца» — сама Вырубова, ее сестра Сана с мужем Александром Пистолькорсом... В своей книге монах описал, как отважно пришел он на опасную встречу: «В гостиной сидел Пистолькорс... храбрый и жестокий... по его собственным словам, во время революции он своими руками повесил 85 латышей в Прибалтийском крае». (Правда, автор не описал себя — огромного детину с пудовыми кулаками.)

Разговор начал Пистолькорс: «Отец Илиодор! Каким это вы скандалом угрожаете в письме Аннушке? И кто этот скандал собирается устроить, уж не вы ли? Это можно сделать, ведь и Французская революция была устроена тогда, когда королеву оклеветали в краже каких-то бриллиантов».

Муж Саны напомнил о знаменитом деле с «ожерельем королевы» — прологе Французской революции. Там тоже фигурировали письма — подложные письма Марии Антуанетты. Пистолькорс намекал, что документы, которыми грозил Илиодор, сфабрикованы, и напоминал монаху, чем закончился подобный скандал во Франции — падением престижа династии, а потом и гибелью короля и королевы, и многих из тех, кто затеяли это дело...

Но на сей раз письма царицы были подлинными.

Разговора не получилось. Илиодор, видимо, пришел к Вырубовой в надежде, что та попросит отдать письма, а он взамен выторгует для себя и Гермогена право остаться на прежних местах. Но она не могла предложить такого, даже если бы захотела — царица никогда не согласилась бы уступить шантажу. Поэтому, выслушав монаха, Вырубова промолчала — и угрожающим было ее молчание... Илиодор понял: торга не будет. Но не испугался, ибо за ним стояли очень могущественные люди.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

• Н А Ш Д Р У Г •

Между тем содержание этих писем царицы и великих княжон к Распутину стало распространяться по Петербургу. Из «Того Дела» впервые становится ясным, кому была этим обязана Аликс.

Из показаний Бадмаева: «Около двух лет я лечил юродивого Митю Козельского от катара легких... Митя произвел впечатление умного религиозного мужика».

Когда разразился скандал, Бадмаев тотчас понял, сколь много можно из него извлечь, и через Митю связался с Илиодором и Гермогеном.

Они по-прежнему не уезжали из столицы. Министерству внутренних дел было велено под конвоем доставить в места ссылки упирающихся пастырей. Но министр Макаров понимал, что этого делать нельзя — арест тотчас сделает мятежников героями в глазах общества. Да и ближайшая сессия Думы сулила большой скандал... Но Аликс не хотела думать об обществе. Она требовала справедливости — как Мария Антуанетта когда-то...

И вдруг, к радости и облегчению министра внутренних дел, исчез Илиодор. Теперь монаха можно было разыскивать и докладывать царице о ходе трудных поисков.

На самом же деле, как показал Бадмаев, это он предложил Илиодору спрятаться у него на даче. Одновременно он «выдал Гермогену медицинское свидетельство... что Гермоген страдает катаром кишок, почему ему необходимо некоторое время пробыть в Петербурге».

Теперь оба мятежных пастыря бесконечно доверяли тибетскому врачу. И ему удалось ознакомиться с рукописью, о которой ходили слухи по всему Петербургу.

Из показаний Бадмаева: «Гермоген прочел мне записку Илиодора под названием «Гришка» (где были письма царицы и великих княжон. — Э.Р.) и рассказал следующее: «На основании писем царицы, лично переданных Распутиным Илиодору, они пришли к убеждению, что Распутин живет с царицей».

«Хитрый китаец» понял: пробил его час. И начал действовать.

В своих показаниях в «Том Деле» Бадмаев раскрыл всю интригу. Он предложил правительству спасти положение — обещал уговорить Илиодора и Гермогена «без эксцессов отправиться в ме-

ста ссылки». Но взял обещание у министра внутренних дел Макарова, «что произойдет отъезд Гермогена в ссылку почетно, без стражи, в особом вагоне». Счастливый Макаров немедленно согласился, «и я привез Гермогена на вокзал на своем моторе».

Благодарный епископ написал Илиодору: «Поезжай во Флорищеву пустынь, послушайся Петра Алексеевича (Бадмаева. — Э.Р.), он тебе худого не сделает...» И Илиодор, которому Бадмаев организовал отдельное купе, также согласился мирно отбыть в ссылку — к не меньшему восторгу Макарова.

Теперь правительство ходило у Бадмаева в должниках. Но он не успокоился — решил сделать своим должником и царицу. Перед отъездом Илиодора он попросил отдать подлинники писем, объяснив монаху: «Я намереваюсь ходатайствовать о возвращении вас из ссылок и прошу препроводить мне подлинные письма... чтобы я мог убедиться в справедливости ваших слов (об отношениях царицы с Распутиным. — Э.Р.)... Илиодор согласился, сказал, чтобы я прислал за ними человека во Флорищеву пустынь». Через две недели бадмаевский посланец появился у Илиодора, но тот уже передумал и на глазах гонца подлинники «заменял копиями».

Итак, писем у Бадмаева не было, но рукопись Илиодора с их копиями была. Можно продолжать игру...

И Бадмаев начинает сближаться с Распутиным, благо, есть повод — он оказал «Нашему Другу» великую услугу, без скандала удалил в ссылку обоих его врагов. Но встречаться с Распутиным приходилось крайне осторожно: от своих пациентов, связанных с тайной полицией, Бадмаев узнал новость — за Распутиным теперь неотступно следуют агенты охранного отделения.

ПОЛИЦЕЙСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

То, что не удалось Столыпину, сделал Макаров. Судя по документам департамента полиции, «вторичное наблюдение за Распутиным... установлено по распоряжению министра внутренних дел Макарова с 23 января 1912 г.».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

• Н А Ш Д Р У Г •

Царь вынужден был пойти на это. После истории с Гермогеном и Илиодором Распутина действительно надо было охранять. Ему объяснили: враги могут попросту подстеречь его, избить, изувечить, убить, наконец, — потому-то его и охраняют. «Избить, изувечить, убить» — это мужик хорошо понимал... В агентурных донесениях он получил кличку «Русский», которая будто отражала милый сердцу «царей» его облик — простого русского мужика.

Так начинается удивительная летопись его жизни. Теперь мы будем знать о нем все. Буквально каждый его шаг отразят в своих донесениях агенты наружного наблюдения, неотступно следующие за бородатым невзрачным человеком в крестьянской поддевке. «24.01.12. Русский, проживает Кирочная, 12 (у Сазонова. — Э.Р.) в 10 ч. 15 мин. из дома отправился в магазин. Через 4–5 минут вышел, имея при себе бутылку, видимо, с вином, и отправился на набережную реки Мойки... В 4 часа пополудни передан наблюдению второй смены». И уже другие агенты пристально следят за ним...

«Почти ежедневное посещение Распутиным квартиры Головиных... К Головиным он являлся обыкновенно в 2–3 часа». В это время туда приезжали Зинаида Манчтет и Лили Ден. «Весь день он провел в обществе поименованных женщин...»

«Квартира Головиных» — типичный петербургский дом обедневшей аристократии.

«Я любила бывать в этом темноватом, таинственном, старом доме, любила прохладу его больших комнат с чопорной старинной мебелью, — вспоминала Жуковская. — Муня... в своей неизменной серой вязаной кофточке... светлые пряди ее волос, выбиваясь из небрежной прически, падали на выпуклый лоб. Она, как всегда, улыбнулась мне своей приветливой улыбкой... Отношение ее к Распутину — это не поклонение перед святостью, это какая-то слепая вера... Как могло такое чопорное, в строгих правилах прежней узкой морали воспитанное семейство, как Головины, не только мириться с разнузданностью поведения Распутина, но даже делать вид или на самом деле ничего не замечать из того, что его окружало?»

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

Такой вопрос задавала себе Жуковская. Об этом, но думая уже о Царской Семье, спрашивали себя и великие князья.

День за днем полиция фиксирует события его жизни, описывает людей из его окружения. Некоторые из них нам уже попадались, например, Зинаида Манчтет, 39 лет, жена коллежского секретаря. Пять лет назад она жила у Распутина в Покровском и была допрошена Тобольской консисторией. Через три года маленькая блондинка вновь отправится в Покровское с нянькой царских детей Вишняковой, и та увидит Манчтет в поезде «лежашей вместе со старцем в нижнем белье»...

А вот «Юлия Александровна Фон-Ден, жена капитана I ранга Карла Ден» познакомилась с Распутиным совсем недавно. Эта молодая, очень хорошенькая женщина, состоящая в дальнем родстве с Вырубовой, стала теперь второй близкой подругой царицы. Муж Лили (так ее звала Аликс) был против знакомства жены со «старцем», но дружить с царицей и не познакомиться с «Нашим Другом» конечно же невозможно. И когда у Лили заболел сын, она позвала Распутина...

В 1917 году Лили Ден была вызвана в Чрезвычайную комиссию и дала показания, оставшиеся в «Том Деле»: «Он приехал вместе с Лохтиной... Поражали его глаза. Не только их взгляд был пронизывающим, но строение их было особенным — они глубоко лежали в глазной впадине и на белке их было какое-то возвышение. Первое чувство, которое я испытала, когда он вошел, это было чувство страха... оно прошло, когда он очень просто заговорил со мной. Я его провела в детскую, где спал мой больной мальчик. Распутин помолился над спящим и затем стал тормозить его, желая разбудить. Я испугалась, потому что... боялась, что вид незнакомого мужчины его испугает. Но к моему удивлению он... проснувшись, со словами «дядя» потянулся к Распутину... Распутин довольно долго держал его на руках, гладил, ласкал, говорил так, как говорят с детьми, и затем опять уложил в кровать... На другой день после этого визита мальчику стало лучше. Это произвело на меня впечатление... Я стала бывать у него 2–3 раза в неделю — то у него, то у Головиных, то у Сазоновых...»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

• Н А Ш Д Р У Г •

В агентурных сводках 1912 года все время мелькает имя одной из главных героинь распутинской истории — крестьянки Городецкого уезда Могилевской губернии Акилины Лаптинской. Эта еще молодая, очень полная, с высокой грудью женщина в 1907 году жила среди других «дамочек» в Покровском и вместе с Лохтиной и Манчтет была допрошена в ходе расследования Тобольской консистории. На допросе Лаптинская сказала, что познакомилась с Распутиным в 1905 году, когда она, будучи сестрой милосердия, жила в Петербурге и «помогала Лохтиной в период болезни». Но, скорее всего, Распутин знал ее и раньше...

В «Том Деле» Мария Головина показала, что «Акилина Никитична Лаптинская... жила ранее в Верхотурском монастыре... но затем произошла какая-то неприятная история, и она ушла, поступив на японскую войну сестрой милосердия».

Верхотурский монастырь — особое место для Распутина, там началось его преобразование. И весьма вероятно, что женщина, которой впоследствии он станет доверять всецело, почти слепо, появилась в его жизни, когда он посещал обитель... В период распутинского пьянства Лаптинская поможет ему «укрощать плоть», и агенты полиции через незанавешенные окна кухни будут наблюдать любопытные сцены между дородной Акилиной и Распутиным...

В 1912 году Лаптинская, как сказано в отчете департамента полиции, «служит экономкой у Николая Шеповальникова, доктора медицины и директора частной гимназии» и становится одной из главных фигур в окружении Распутина — в иерархии его поклонниц она идет сразу после Вырубовой (безумную, постаревшую Лохтину мужик избегает).

Акилине вскоре предстоит удивительная карьера...

«Поездки по городу Русский совершал в карете Головиных, или в таксомоторах, или реже на извозчиках, нанимаемых поклонницами... Весь день появлялся с какой-нибудь из упомянутых женщин (Ден, Манчтет, Лаптинской, Головиной или Сазоновой. — Э.Р.)», — доносят агенты.

Но наконец он оставался один...

ТАЙНАЯ ЖИЗНЬ

Из показаний агентов наружного наблюдения: «Один на улице он появляется редко... Когда же это было, он отправлялся на улицу, где ходят проститутки, брал одну из них и отправлялся в гостиницу или в бани...»

«Проводя время с высокопоставленными дамами, не прекращает посещение проституток...»

«На Сенной площади... взял проститутку...»

«Заходил с женщиной в квартиру Анохиной... Анохина Федосья сдает свою квартиру для временных свиданий...»

«Распутин, гуляя по разным улицам, приставал к женщинам с гнусными предложениями, на что женщины отвечали угрозами, а некоторые даже плевали на него...»

«Отправился на Невский, взял проститутку Петрову и пошел с ней в бани...»

Очень часто фигурируют бани в этой бесконечной погоне за женским телом. Бани в Покровском, куда он водил «дамочек», бани в Петербурге, куда он водит теперь и «дамочек», и проституток...

«Семейные бани Русский посещал с женой Сазонова (43 лет)...»

«В семейные бани на Конюшенной заходил с проституткой, взятой у Полицейского моста...»

«С проституткой Анной Петровой — туда же ...»

Причем проституток Распутин берет иногда несколько раз в течение дня! Эта неутомимость заботливо подчеркивается агентами.

«Заходил 2 раза в бани с невыясненной проституткой...»

«От проституток Ботвининой и Козловой... поехал к Головиным, вышел от них через 2 часа, снова взял проститутку и пошел с ней в бани...»

Отмечается при этом и странная стремительность Распутина: «Вместе с женой коллежского секретаря Зинаидой Манчтет был в Ивановском монастыре, затем пошел на Гончарную, встретил проститутку и отправился с ней в гостиницу, где пробыл 20 минут...»

В другой раз, опять же от Манчтет, у которой пробыл полтора часа, «Русский с неизвестной женщиной, возможно проституткой, заходил в дом... и через 20 минут вышел...»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

• Н А Ш Д Р У Г •

«В течение 2 часов у него оставалась Мария Сазонова... после чего он взял проститутку и пошел с ней на ее квартиру... оттуда скоро вышел...»

Таковы приметы странного распутинского секса, которые зафиксировало наружное наблюдение. Но однажды неумолимым агентам удалось выяснить, что же происходило *внутри* — за дверью квартиры «веселой женщины». Тоже нечто странное: «Распутин купил ей две бутылки пива, сам не пил... *попросил раздеться, осмотрел тело и ушел*».

Мы запомним это наблюдение, как и еще одно: «Русский, *когда идет один, разговаривает сам с собой*, размахивает руками и хлопает себя по туловищу, чем обращает внимание прохожих».

Выйдя от очередной проститутки, он сам с собой ведет этот странный разговор...

«ИСТИНА, КОТОРАЯ НАМ НЕПОНЯТНА»

Мария Головина переписывалась со своим «возлюбленным братом» Феликсом Юсуповым, жившим тогда на берегах Альбиона — сей юный англоман получал образование в Оксфордском университете. Однако, как справедливо писал сам Юсупов, «учеба никогда не была моей сильной стороной». Он много развлекался, блестящую компанию ему составляли тогдашние оксфордские студенты — Александр Карагеоргиевич, будущий регент Югославии, будущий португальский король Мануэль и прочие титулованные джентльмены. И вся веселая компания с изумлением читала в английских газетах про скабрзные похождения «средневекового старца», столь любимого при русском дворе. Так что вскоре Головина получила насмешливое письмо от Феликса, где он вспоминал встречу с Распутиным и интересовался, почему все газеты так часто пишут о непотребстве «святого Григория».

Загадочный и возвышенный ответ Марии Феликс сохранил в своем архиве.

«14 февраля 1912... В каком бы веке ни появлялись люди, открывающие другую жизнь, их всегда будут преследовать и гнать,

как всех, кто шел по стопам Христа. Вы слишком мало его знаете и видели, чтобы понять его личность и ту силу, которая им руководит, но я знаю его теперь 2 года и уверена, что он несет Крест Божий и страдает за *истину, которая нам непонятна...* И если Вы немного знакомы с оккультизмом, то знаете, что все великое скрывается под известной оболочкой, которая для профанов закрывает путь к истине...»

«Истина, которая нам непонятна... великое скрывается...» — так она пыталась намекнуть ему на нечто, доступное лишь посвященным.

В то время в светском обществе распространились слухи о скором возвращении молодого князя Юсупова и о предстоящем блестящем браке. И Мария начинает мечтать о скорой встрече «брата Феликса» с «отцом Григорием».

Крым... На этом райском полуострове было последнее могучее татарское ханство, здесь правили когда-то предки Юсуповых. Теперь над морем стояли дворцы великих князей, а также белый Ливадийский, принадлежавший Царской Семье, и крымский дворец Юсуповых.

В 1911 в начале 1912 года Феликс получал в Оксфорде письма от матери, не покидавшей целебный для нее Крым. «Соседи» — так называлась в этих письмах Царская Семья — не забывали Юсуповых...

«31 мая 1911... Соседи наши переехали в Петербург. В день отъезда я получила трогательное письмо и букет лилий на прощанье...»

В день именин мать Феликса получила неожиданный подарок от «Соседей».

«14 октября 1911... Вдруг Алексей (слуга. — Э.Р.) торжественно входит и докладывает: «Государь Император!» Я думала, что с моими гостями сделается «родимчик»... Я ужасно тронута этим вниманием и не ожидала такого именинного подарка... Императрица чувствует себя все неважно и не выезжает...»

Да, Аликс к ней не приехала. И дело было, видимо, не в болезни, но в тесной дружбе Зинаиды Юсуповой с Елизаветой Федоровной и в ее неприязни к «Нашему Другу». Но царь, вели-

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

кие княжны и наследник приезжали, и не раз, о чем радостно писала мать Феликсу, ибо эти посещения доказывали, что скоро свершится задуманное — тот самый «блестящий брак», в результате которого Юсуповы должны были породниться с Царской Семьей. Ирина (дочь великого князя Александра Михайловича и родной сестры царя Ксении) влюбилась в Феликса. И теперь Зинаида в отсутствие сына прилагала немало усилий, чтобы брак состоялся.

Впрочем, отец Ирины весьма благоволил к матери Феликса. «Зинаида, — как писал Александр Михайлович в своих воспоминаниях, — была безумным увлечением моей ранней молодости». Великий князь никогда не забывал, как «ныло мое сердце... на Исторических балах, когда в золотом боярском кафтане я танцевал все танцы с красавицей». И Зинаида знала свою власть над ним.

«15 ноября... Еду пить чай в Ай-Тудор (имение Александра Михайловича. — Э.Р.)... Ирина была поразительно красива (дорогой комплимент в ее устах! — Э.Р.)... Родители спросили про тебя, когда ты кончаешь Оксфорд...»

Это был призыв. И Феликс стал готовиться к возвращению в Россию.

БЫЛО ЛИ ПИСЬМО ЦАРИЦЫ?

Но вернемся к тибетскому врачу. Предупрежденный о наблюдении за мужиком, Бадмаев постарался «не светиться» в полицейских донесениях. Он встречался с Распутиным на квартирах третьих лиц, что было нетрудно — ведь Бадмаев лечил «весь Петербург».

«Он произвел на меня хорошее впечатление умного, хотя и простого мужика, — показывал Бадмаев в «Том Деле». — Этот малограмотный мужик имел хорошее знание Священного Писания».

«Умный и интересный... простой мужик, необразованный, а понимает вещи лучше, чем образованные», — восторженно отзывался Бадмаев о «Нашем Друге». Но недаром впослед-

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

ствии, когда Бадмаев уже сам станет его близким другом, Распутин с усмешкой скажет о нем: «Этот китаец обманет хоть самого черта».

Именно тогда, в начале дружбы с Распутиным, Бадмаев передал в Думу... антираспутинское сочинение Илиодора «Гришка»! В этом памфлете (который лег впоследствии в основу знаменитой книги Илиодора «Святой черт») настоящей «бомбой» были похищенные у Распутина письма великих княжон и царицы. Послания девочек особого интереса не представляли, но письмо Аликс...

«Возлюбленный мой и незабвенный учитель, спаситель и наставник, — писала Государыня всея Руси, — как томительно мне без тебя... Я только тогда душой покойна, отдыхаю, когда ты, учитель, сидишь около меня, а я целую твои руки и голову свою склоняю на твои блаженные плечи. О, как легко мне тогда бывает! Тогда я желаю одного: заснуть, заснуть навеки на твоих плечах, в твоих объятиях. О, какое счастье даже чувствовать одно твое присутствие около меня... Где ты есть? Куда ты улетел? А мне так тяжело, такая тоска на сердце... Только ты, наставник мой возлюбленный, не говори Ане о моих страданиях. Без тебя Аня добрая, она хорошая, она меня любит, но ты не открывай ей моего горя. Скоро ли ты будешь опять около меня? Скорей приезжай. Я жду тебя и мучаюсь по тебе. Прошу твоего святого благословения и целую твои блаженные руки. Вовеки любящая тебя М<ама>».

Это письмо, размноженное на гектографе, Гучков в самом начале 1912 года раздавал думским депутатам. Нетрудно представить их потрясение... По мнению многих читавших, письмо доказывало ужасное: мужик жил с царицей!

Впоследствии историки избегали его цитировать — не верили, что царица могла написать подобное. Да и сам Бадмаев, передавший «Гришку» в Думу, подлинника письма не имел. Так что, может быть, никакого письма царицы вообще не было?

Но подлинник вскоре нашелся. Полиция (и это было отмечено в протоколах Чрезвычайной комиссии) выследила некую госпожу Карбович, почитательницу Илиодора. У нее был произве-

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

• Н А Ш Д Р У Г •

ден обыск и изъяты подлинные письма царицы и великих княжон, которые монах передал ей на хранение.

Коковцов пишет в своих воспоминаниях: «Макаров дал мне прочитать эти письма... Одно, сравнительно длинное, было от императрицы, *совершенно точно воспроизведенное в распространенной Гучковым копии*».

Итак, письмо, напечатанное в памфлете Илиодора и распространявшееся Гучковым, было написано царицей!

«Макаров не знал, что с ним делать, и высказал намерение передать их Государю... я возразил, что этим он поставит Государя в щекотливое положение, наживет в императрице непримиримого врага... я советовал передать письма императрице — из рук в руки...»

Но министр внутренних дел, видимо, тоже превратно понял содержание письма и подумал, что если царь прочтет *такое* письмо, оно станет концом царицы... И он вручил конверт с письмами Николаю. Как рассказывал впоследствии сам Макаров Коковцову, «Государь побледнел, вынул письмо императрицы из конверта и, взглянув на почерк, сказал: «Да, это не поддельное...» и открыв ящик стола резким, непривычным ему жестом, бросил туда письмо».

«Ваша отставка обеспечена», — сказал Макарову Коковцов после его рассказа.

Все это подтверждает в своих показаниях и Вырубова: «Министр внутренних дел лично привез подлинники этих писем Государю. Я сама видела привезенные Макаровым письма и утверждаю — это были подлинники, а не копии». И добавляет, что Макаров «вызвал гнев царицы, не отдав ей ее письмо к Распутину».

Впрочем, оказалось, что царица... *сама удостоверила подлинность своего письма!* 17 сентября 1915 года она писала мужу о своих врагах: «Они не лучше Макарова, который показывал посторонним мое письмо к Нашему Другу».

Царь не мог не понять причину, по которой Макаров передал письмо ему. И это должно было его разгневать... Министр был обязан уничтожить письмо и объявить всем негодяям, лезшим в личную жизнь Семьи, что ничего подобного попросту не существовало! Но Макаров посмел этого не сделать.

«ОБМАНЕТ ХОТЬ САМОГО ЧЕРТА»

После того, как с письмом ознакомился царь, ни на какую благодарность Аликс Бадмаеву уже нечего было рассчитывать. Вот почему «Хитрый китаец» решил получить благодарность от ее врагов.

Но он-то отлично знал, что царица — невиновна. «Прочитав копии писем, я убедился в том, что в них не заключается никаких доказательств, что царица живет с Распутиным», — показал Бадмаев в «Том Деле».

Опытный врач, он понял, что это было лишь письмо женщины, измученной болезнью сына и ужасными предчувствиями, женщины, молившей облегчить ее страдания. Это было ее горе. И только Распутин умел снимать у нее приступы острой невралгии. При этом она старалась писать понятно для «старца» — на его возвышенном, полном любви языке.

Но справедливо писал Коковцов: «Отдельные места и выражения из письма императрицы, состоявшие в сущности в проявлении ее мистического настроения, давали повод к самым возмутительным пересудам». И Бадмаев понимал, как будут читать эти письма ее враги. И как они будут благодарны... Он решил оказать Думе незабываемую услугу — и тайно ознакомил с сочинением Илиодора товарища председателя Государственной Думы Протопопова.

Из показаний Бадмаева: «Я показал «Записку» моему старому пациенту Протопопову... Он попросил у меня разрешения ознакомиться с ней Гучкова и Родзянко. Обязался не использовать ее, но нарушил...»

Вот тогда-то, как вспоминал Коковцов, и «стали распространяться по городу отпечатанные на гектографе копии... писем — одно императрицы Александры Федоровны, остальные от великих княжон к Распутину».

Так «использовал» письмо Гучков. Легко впадавший в гнев, он кипел от ярости, прочтя «Гришку». Убийство Столыпина, рукопись Илиодора, газетные публикации о влиянии полутрамотного мужика-хлыста — все сплелось для него в единую картину падения власти.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

«Последней каплей» для Гучкова стала обличительная статья богослова и журналиста Новоселова. В ней автор клеймил Распутина: «Негодующие слова невольно вырываются из груди православных русских людей по адресу... гнусного растлителя душ и телес человеческих, Григория Распутина...» Он задавал вопрос Святейшему Синоду: как долго можно терпеть «эротомана... хлыста... шарлатана... эту уголовную комедию, жертвами которой стали многие, чьи письма находятся в моих руках...»

МИСТИЧЕСКОЕ РАСПУТСТВО

Как бы в приложение к статье, Новоселов переслал Гучкову и свою брошюру «Распутин и мистическое распутство». В ней были напечатаны его прежние статьи против Распутина, а также некая «Исповедь N».

Драма этой несчастной женщины началась, когда она узнала об измене мужа. Она тотчас ушла от него, забрала детей и «затяла дело о разводе». Муж покончил с собой. Она обвиняла себя в его смерти, не хотела жить... Но вскоре «одна знакомая в разговоре предложила мне познакомиться с одним мужичком, который очень успокаивает душу и говорит сокровенное».

Распутин помог ей выйти из депрессии, познакомил со своими «ученицами». Они «укрепили убеждение в его святости... Я старалась подчиняться во всем, и когда в душе восставало: «не надо», «не хочется», или тяжесть была «к исполнению послушаний»: душа во многом не шла, — то я боролась все это, настаивая, что не понимаю, что все это ново, и что слова его — святой закон, и не мне рассуждать»...

А потом начались его ласки... «Ласки его меня иногда тяготили — бесконечные прижимания и поцелуи, с желанием поцелуя в губы. Я скорее в них видела опыт терпения и радовалась концу их».

Она поехала в Покровское с маленьким сыном. «Ехали: Григорий, одна сестра, я и сын. Вечером, когда все легли... (Господи, что Вы должны услышать!), он слез с своего места и лег со мною рядом, начиная сильно ласкать, целовать и говорить самые влюбленные слова и спрашивать: «Пойдешь за меня замуж?» Я отве-

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

чала: «Если это надо». Я была вся в его власти, верила в спасение души только через него, в чем бы это ни выразилось. На все на это: поцелуи, слова, страстные взгляды, на все я смотрела, как на испытание чистоты моей любви к нему, и вспоминала слова его ученицы о смутном испытании, очень тяжком. (Господи, помоги!) Вдруг он предлагает мне соблазниться в грешной любви... Я была уверена, что это он испытывает, а сам чист... (Господи, помоги написать все!) Он заставил меня приготовиться... и начал совершать, что мужу возможно... имея надо мною насилие, лаская, целуя, и тому подобное... заставляя меня лежать и не противиться. О, святой владыко!»

После чего Берладская излагает удивительные взгляды Распутина на «грех», которые он пытался ей объяснить. О них мы поговорим далее, когда наконец перейдем к его главной тайне — к его учению...

Получив статью и брошюру, Гучков разыграл все, как по нотам. Статья Новоселова была напечатана в газете «Голос Москвы». А поскольку премьер Коковцов и министр Макаров уже не раз выслушивали недовольные речи царя по поводу статей о Распутине, в редакции газеты устроили обыск. Тираж номера со статьей Новоселова и найденные экземпляры его брошюры были конфискованы.

Теперь Гучков мог начать действовать. Он обратился к Думе.

ВОССТАНИЕ ДУМЦЕВ

Узнав о конфискованных изданиях, обличавших в разврате фаворита-мужика, Дума дружно возмутилась. И тогда к восторгу депутатов Гучков предложил внести «спешный запрос в правительство о незаконности требований к прессе не печатать статьи по поводу Распутина». Предложение было принято невиданным большинством (против подан всего один голос — Распутин впервые объединил Думу, ненавидящих друг друга правых и левых).

В принятом запросе цитировалась... вся запрещенная статья! И теперь царь должен был получить в виде думского документа

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

самые ужасные обвинения против человека, любимого его Семейей.

Как отнеслась царица к этой публикации? Это был уже второй рассказ бывшей верной последовательницы Распутина о грешных подвигах «Божьего человека». Сначала Вишнякова, теперь Берладская... Неужели она по-прежнему не верила? Или... знала нечто такое, что объясняло ей происшедшее совсем иначе?

Материалы Новоселова, несмотря на конфискацию, разошлись по обеим столицам в рукописных копиях и в уцелевших экземплярах — как всегда в России. Как вспоминал потом Родзянко, их продавали за баснословные деньги.

После запроса Гучкова начался поистине девятый вал газетных публикаций о «старце». В виде протеста против «незаконного удушения» вся российская пресса стала описывать похождения «Нашего Друга» — часто вымышленные. Цензура конфисковывала номера, издатели с удовольствием платили штрафы, читатели охотились за запрещенными газетами, тиражи росли.

Имя Распутина стало нарицательным.

Из дневника великой княгини Ксении: «25 января... Чем все это кончится? Ужас...»

Из дневника генеральши Богданович: «18 февраля 1912 г. Более позорного времени не приходилось переживать. Управляет теперь Россией не царь, а проходимец Распутин... Распутин жаловался, что пресса на него нападает, что он готов уехать, но нужен тут «своим». Под «своими» он подразумевает царскую семью...»

«22 февраля... *Весь Петербург взбудоражен тем, что творит в Царском Селе этот Распутин. У царицы, увы, этот человек может все!!!*»

«НЕ ДЕЛАЙТЕ ЕМУ СЛИШКОМ БОЛЬНО...»

Вновь избранный председателем Государственной Думы Родзянко верил, что запрос Гучкова поставил царя перед необходимостью решить вопрос о Распутине. И начал заранее готовиться к

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

высочайшей аудиенции. Однако прежде ему пришлось побеседовать с вдовствующей императрицей. Прочитав газеты, она пришла в ужас — и позвала Родзянко...

Его ввели в маленький кабинет Марии Федоровны, и она сразу спросила о запросе Гучкова. Родзянко описывает в своих воспоминаниях, как он объяснял, что запрос должен «успокоить умы... так как толки о Распутине зашли в обществе слишком далеко»... Но вдова Александра III уже поняла: Распутин — это опаснейший рычаг, при помощи которого можно опрокинуть великую империю... (Впоследствии Керенский сформулирует: «Без Распутина не было бы Ленина».)

Родзянко долго рассказывал о беспутствах «Нашего Друга»... Она слушала молча и только в самом конце вдруг сказала: «Я слышала, вы намерены говорить об этом с Государем. Не делайте этого. Он слишком чист душой, чтобы поверить во зло».

Она знала характер сына. Когда на Николая давили, он становился бесконечно упрям и вспоминал, что он самодержец — он, у которого уже не было возможности им быть. Ибо единственный, кто мог защитить его от безумных говорунов из Думы — Столыпин — был мертв...

Прощаясь, вдовствующая императрица попросила «этого славного толстяка», так мало понимавшего ее сына: «Не делайте ему слишком больно...»

13 февраля Мария Федоровна вызвала к себе премьера. «Разговор, который длился полтора часа, — записал Коковцов, — был целиком посвящен Распутину». После чего она отправилась к Ники и Аликс.

Из дневника Николая: «15 февраля... К чаю приехала мамá имели с ней разговор о Григории».

Из дневника Ксении: «16 февраля... Мамá так довольна, что *все сказала*... Аликс защищала Распутина, говоря, что это удивительный человек, и что мамá следует с ним познакомиться... Мамá только советовала его отпустить теперь, когда в Думе ждут ответа... Аликс объявила, что нельзя уступать... Тем не менее, они были очень благодарны мамá за то, что она так откровенно говорила... И она даже поцеловала мамá руку...»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

Вдовствующая императрица могла повторить то, что накануне сказала Коковцову: «Моя несчастная невестка неспособна осознать, что она навлекает гибель на себя и на династию. Она глубоко верит в святость этой сомнительной личности».

Но совету матери царь все же последовал. Как и всегда во время разгоравшегося вокруг мужика скандала, он решил, что «Нашему Другу» лучше пока побыть в Покровском.

«18.02.1912... Русский уезжал с Николаевского вокзала, — записали агенты. — Провожали: Зимняя, Птица, Ворона, Голубка, Сова и человек 15 неизвестных обоего пола...»

Теперь в агентурных сводках все постоянные поклонницы Распутина получили клички, присвоенные с полицейской образностью. Лаптинская именуется за степенность и домовитость «Совой», Зинаида Манчтет, похожая на девочку, несмотря на свои 37 лет, нежно зовется «Голубкой», Головина-мать — «Зимняя», ибо весьма немолода и живет на Зимней канавке, Муня с ее чистыми глазами — «Птица», черноволосая и черноглазая жена Сазонова — «Ворона»... Избежала прозвища лишь Вырубова — не посмели из-за близости к «особам».

Агенты следуют вместе с ним в поезде и сообщают: «22-го прибыл в Тюмень, встречали жена и дочь и очень были обрадованы его приездом».

О запросе Гучкова мужик написал «царям» уже из Покровского (письмо сохранилось в дневнике Лохтиной): «Миленькие папа и мама! Вот бес-то силу берет окаянный. А Дума ему служит там много люцинеров (революционеров. — Э.Р.) и жидов. А им что? Скорее бы прочь Божьего помазанника долой. И Гучков господин их... клеветет, смуту делает, запросы. Папа, Дума твоя, что хошь, то и делай. Никаких запросов не надо...»

28 февраля, «вооружившись документами» (все той же брошюрой Новоселова), Родзянко отправился с докладом к царю. Сначала он заговорил о вечно дурном управлении Кавказом и наконец перешел к главному: к «всеобщему негодованию, когда все узнали, что Распутин — хлыст».

— Но отчего вы думаете, что он хлыст? — спросил царь.

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

Родзянко заявил: полиция проследила, что он ходит в баню с женщинами.

— Так что ж тут такого? У простолюдинов это принято.

И тогда Родзянко рассказал о брошюре Новоселова, о «Тобольском деле», о письмах и исповедях распутинских жертв, о Лохтиной, которую Распутин довел до сумасшествия, о «радениях» на квартире Сазонова, где Распутин жил, и, наконец, о пагубном влиянии, которое «старец» может оказать на душу наследника.

— Читали ли вы доклад Столыпина? — спросил царь.

— Нет. Я знал о нем, но не читал.

— Я ему отказал.

Наивному Родзянко в царских словах послышалось сожаление. Он не понял, что Николай хотел сказать: ничего нового вы мне не сообщили, я уже все это слышал. Царь усмехался про себя: он знал, что никаких «радений» у Сазонова не происходило, что Лохтина многим кажется сумасшедшей только потому, что она оставила суетный свет и избрала новую жизнь, и что никаких точных данных о хлыстовстве Распутина в «Тобольском деле» нет...

Царь предложил Родзянко взять «дело» из Синода и изучить его. Председатель Думы был счастлив — ему показалось, что он выиграл... Потом Николай познакомил его с наследником. Родзянко игриво представился мальчику: «Самый большой и толстый человек в России». И Алексей, «удивительно симпатичный ребенок», рассказал ему, как он собирал деньги на благотворительные цели — «целый день простоял с кружкой и собрал один целых 50 рублей».

Толстяк решил, что знакомство с наследником — знак высочайшего доверия. Но, скорее всего, Николай показал ему сына с иной целью. Родзянко должен был понять: душа ребенка чиста, ибо «Наш Друг» учит его любви и служению ближним.

Уже на следующий день Родзянко с энтузиазмом начал расследование. «Мне... было указано взять дело из Святейшего Синода, рассмотреть его и доложить, каково мое мнение о Распутине. Дело мне привез товарищ обер-прокурора Даманский».

Даманский — еще один назначенец Распутина в Синоде. Сыну сибирского священника, жалкому синодскому канцеля-

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

• Н А Ш Д Р У Г •

ристу, посчастливилось стать другом «старца» — Распутин останавливался в его доме во время своих визитов в Петербург. И обер-прокурора Саблера заставили взять Даманского в заместители.

Аликс тотчас узнала от Даманского о передаче «Тобольского дела» — и заволновалась. Прямых улик в «деле» не было никаких, но она знала, как враги «Нашего Друга» умеют использовать косвенные улики...

Из воспоминаний Родзянко: «Уже на следующий день он (Даманский. — Э.Р.) звонит мне по телефону и просит принять...

— Я приехал просить, чтобы вы отдали мне секретное дело о Распутине.

— А высочайшее повеление у вас есть?

— Нет... Но это очень высокопоставленное лицо, вас просит... Государыня...

— Передайте Государыне, что она такая же подданная Государя, своего супруга, как и я.

— Ваше превосходительство, я с собою привез законоучителя детей императора...

Оказалось, это протоирей Васильев... Он начал мне говорить: «Вы не знаете, какой прекрасный человек Распутин...» Я взбесился:

— Вы приехали хвалить негодяя, развратника и хлыста! Вон из моего кабинета!»

ПОШЛИ ЧАСЫ РЕВОЛЮЦИИ

Но запрос в Думе был лишь началом гучковской игры. 9 марта 1912 года во время обсуждения государственного бюджета последовало острое продолжение. Когда очередь дошла до бюджета Синода, Гучков встал и произнес знаменитую речь против Распутина, с которой и надо начать отсчет падения династии.

Он заговорил о драме, которую переживает вся страна. «В центре ее — загадочная трагикомическая фигура, точно выходец с того света или пережиток темноты веков».

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ РАСПУТИН

Столыпин, монолит, поддерживавший династию, исчез. Оттого-то и прозвучала эта речь, а в ней — дерзкий вопрос Гучкова, немислимый еще год назад, когда был жив могущественный премьер: «Какими путями достиг этот человек центральной позиции, захватил такое влияние, перед которым склоняются высшие носители государственной и церковной власти?.. Вдумайтесь только, кто хозяйничает на верхах!..»

Царь был взбешен — его унизили! Он написал на докладе: «Поведение Думы глубоко возмутительно» и высказался еще определенной. Впоследствии Гучков рассказал в Чрезвычайной комиссии: «Мне передал один из министров, что высочайше было заявлено: «Гучкова мало повесить!» Я ответил: «Моя жизнь принадлежит моему Государю, но моя совесть ему не принадлежит, и я буду продолжать бороться».

Уже после выступления Гучкова Зинаида Юсупова по просьбе своей подруги, великой княгини Елизаветы Федоровны, попыталась впервые заговорить с царицей о Распутине. В ответ она получила реплику от «соседки по крымскому поместью»: «Гучкова и Родзянко надо повесить».

В это время Родзянко подготовил доклад царю по «Тобольскому делу», где, естественно, торжествуяще сообщал о доказанной вине Распутина. Просьбу Родзянко об аудиенции Николай вернул Коковцову с резолюцией: «Поведение Думы возмутительно... я не желаю принимать Родзянко» и сказал: «Я просто задыхаюсь в этой атмосфере сплетен, выдумок и злобы... Постараюсь вернуться из Крыма как можно позже».

Из дневника А. Богданович: «14 марта... Завтра вся царская семья уезжает в Крым, и Распутин тоже... Печально писать, какие вкусы у царицы, если она терпит этого хлыста...»

Их ждал поезд. Впереди — белый дворец в Ливадии.

Императрица прошла по перрону, не попрощавшись с провожающими. Царь был мрачен. Он очень устал от всей этой истории.

А Распутин действительно придет в Крым. Он будет вызван туда из Покровского шифрованной телеграммой без подписи, которую отправит Вырубова. Так Аликс еще раз докажет всем: воля императрицы превыше суждений общества.

БЛАГОСЛОВЕНИЕ НА БЕЗУМИЕ

В то время мужик жил в Покровском неторопливой сельской жизнью. Но идиллию нарушила безумная генеральша. Лохтина пришла в Покровское босиком, питаясь по дороге подаянием. Одета вчерашняя законодательница петербургской моды была пугающе — в странный белый балахон, увешенный лентами и маленькими иконками. Провожаемая изумленными взглядами крестьян, она шла по деревне, выкрикивая «Христос Воскресе!», хотя до Пасхи еще было далеко...

История ее безумия осталась в «Том Деле». В 1911 году, когда Распутин еще дружил с Илиодором, изгнанная из семьи Лохтина приехала в Царицын...

Из показаний Марии Головиной: «Из Царицына она... возвратилась в белом монашеском одеянии и босиком... Тогда я познакомилась с Илиодором, который высказался, что в духовной жизни Лохтина дошла до такой степени высоты, что ее можно благословить на «юродство»... Илиодор даже хотел отслужить по этому поводу молебен в нашем доме и благословить Лохтину на «юродство», но мать моя категорически этому воспротивилась. Тем не менее Лохтина, слыша такое мнение Илиодора, *резко изменила свое поведение и стала юродствовать*... Лохтину перестали пускать не только в ее квартиру в Петрограде, но и в ее собственное имение в Казанской губернии, которое она путем дарственной перевела на свою дочь... жила она исключительно подаянием...»

Теперь она стала этаким русским королем Лиром в юбке, точнее — в безумном белом балахоне. Газеты много писали о том, что Распутин свел с ума несчастную генеральшу. И Головина на следствии показывала: «Поведение Лохтиной вызывало опасение, что это может повредить отцу Григорию».

Распутин запретил ей юродствовать. Лохтина вроде бы послушалась, но продолжала постоянно кричать «Христос Воскресе!» Он так гневался при этом крике, будто чего-то боялся, и нещадно бил генеральшу.

Но при всем этом безумная Лохтина сохраняла над мужиком какую-то странную власть. И не только над ним — над Вырубо-

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

вой и даже над «царями», которым осмеливалась посылать порой резкие и гневные телеграммы. Да и Муня Головина почти-точно целовала у ней руку...

В начале марта 1912 года Лохтина прибыла в Покровское и явилась в дом Распутина, очередной раз взбесив хозяина криком «Христос Воскресе!» Но на этот раз генеральшу ждал жесточайший удар: она узнала о непоправимом — разрыве между Илиодором и Распутиным. «Христос» и «Саваоф» стали врагами. Мироздание рушилось. «Лохтина, обожавшая и Илиодора, и Распутина, стремилась примирить их между собой, но это ей не удалось и тяжело отразилось на ее душевном равновесии», — показала Муня в «Том Деле».

ИЗГНАНИЕ ИЗ РАЯ

Это случилось посреди дня. На глазах изумленных односельчан разыгрался дикий эпизод. Они увидели, как жена Распутина выволокла из дома за волосы «петербургскую дамочку» и прямо на улице стала ее избивать.

Отсюда и пошли знаменитые легенды о ревнивой жене, которая вытаскивала женщин из постели мужа, выволакивала их за волосы из собственного дома... Так и должны были пересказать это газетчикам простодушные крестьяне, не посвященные в таинственный мир, который начинался за распутинскими воротами. Поверил в эту версию и следователь Чрезвычайной комиссии, пристрастно допросивший Лохтину о ее драке с женой Распутина «на почве ревности».

«Что касается ревности, то жена Распутина действительно ревновала меня (если это можно назвать ревностью), но не к мужу, а к Илиодору, которого я почитала... Что же касается драки, то драка была», — признает Лохтина в «Том Деле» и объясняет: «Как-то раз, когда Распутин находился с семьею в гостях у односельчанина, я зашла в избу к другому и, узнав здесь о большой нужде хозяев... стала настойчиво просить отца Григория подарить мне корову. Нужно сказать, что если я что задумаю...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

не отстану, пока не будет исполнено, что я желаю. Это было в присутствии какого-то приезжего гостя, причем я упрекнула жену Распутина в скарденности (заметим: не самого Распутина, а его жену. Он выше обыденной жизни, с ним можно говорить лишь о вечном. — Э.Р.)... По уходе гостя Распутина, упрекая меня, что я ее обличила при постороннем, схватила меня за волосы... и побила меня».

Но простодушный следователь не понял «особых отношений» жены Распутина с его поклонницами — отношений, исключавших ревность... О них рассказывает в своих показаниях чиновник Б. Алексеев — один из поклонников Распутина. Во время посещения Покровского «моя жена и жена Распутина шли по дому... и наткнулась на пикантную сцену с участием отца Григория. Моя жена ахнула и отвернулась. И тогда жена Распутина ей пояснила: «У каждого свой крест. У него — этот...»

Так что Лохтина говорила правду: ревности не было места в его доме. Но причину поведения распутинской жены она так и не поняла. Конечно, отдать свою корову русская крестьянка не могла, и обвинения в жадности по этому поводу были для нее просто смешны. Но избил ее генеральшу совсем по другой причине. Идея, о которой расскажет впоследствии следователю Лохтина, — «Я решила быть верной обоим, Распутину и Илиодору» — пугала «Нашего Друга». Распутин, видимо, боялся, что хитрый Илиодор использует безумную генеральшу как лазутчицу. Ее надо было убрать из Покровского, потому-то и пришлось жене найти повод придрататься и изгнать Лохтину из дома, что она и сделала.

Из показаний Лохтиной: «Я уехала от них во Флорищеву пустынь (туда был выслан Илиодор. — Э.Р.). К Илиодору меня не допускали, и я только в его передней прокричала, что приехала... Затем меня выслали, и был составлен протокол, что я нахожусь в припадке безумия».

Но она не унималась. Дома Лохтину не принимали, путь к Распутину и Илиодору был закрыт. И она решила поселиться хоть в какой-то близости к прежнему раю — рядом с монахом Макарием, духовным отцом «Саваофа», в любимом распутинском монастыре. «Я поехала в Верхотурье к отцу Макарию... Келья старца ремонтировалась, и я помещалась в небольшом чулане, дверь

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

которого старец припер доской, положив на нее камень... Питалась я раз в сутки, получая оставшуюся от отца Макария пищу». Однако монахи не поняли ее порыва и потребовали удалить женщину из мужского скита.

Но, как справедливо отмечала сама Лохтина, если она что-то решала, переубедить ее было невозможно. «Тогда приехала полиция и предъявила требование о моем отъезде. Я ответила, что добровольно не уйду... Но мне пришлось удалиться, так как монахи... напали на него (Макария. — Э.Р.) и побили. Об этом я телеграфировала Государю: «Прошу защитить старца Макария... которого Вы сами знаете».

И Государь защитил: монахов наказали, духовнику Распутина быстро отремонтировали келью и сделали к ней пристроечку, чтобы безумная генеральша могла жить при Макарии...

Но следователя Чрезвычайной комиссии, видимо, не удовлетворили показания Лохтиной. Он по-прежнему не верил в невинные причины ее драки с женой мужика. И он возвращается к ее отношениям с Распутиным. Но о них Лохтина говорит глухо и уклончиво, как и положено говорить с непосвященными в учение «Саваофа»: «Страсти были далеки от меня, когда я находилась около отца Григория...» И добавляет: «Дерево плохое не может приносить хорошего плода. А если так, то чем объяснить, что поклонники или поклонницы Распутина бросали роскошь и жизнь не по Евангелию и на прежний путь больше не возвращались? Я говорю об истинных поклонниках, которые следовали его указаниям».

Истинные поклонники — те, «которые следовали его указаниям», а точнее — его учению. Только они понимали смысл происходившего в доме.

ЛЕТО С «ЦАРЯМИ»

Получив зашифрованную телеграмму от Вырубовой, «Наш Друг» тотчас отбыл из Покровского.

Из донесений агентов: «10 марта Распутин сел на обратный поезд в Петербург». И уже из столицы он вслед за «царями» отправился в Крым.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

Вместе с Семьей в Крым поехали сестры царя Ольга и Ксения. В пути великие княгини заговорили о Распутине (впрочем, тогда уже вся Россия говорила о нем).

Из дневника Ксении: «10 марта... В вагоне Ольга нам рассказала про свой разговор с ней (Аликс. — Э.Р.). Она первый раз сказала, что у бедного Маленького эта ужасная болезнь, и *оттого она сама больна и никогда окончательно не поправится*. (Так тетка впервые в открытую услышала о смертельной болезни племянника. — Э.Р.)... Про Григория она сказала, что как ей не верить в него, когда она видит, что Маленькому лучше, как только тот около него или за него молится... Боже мой, как это ужасно и как их жалко!»

Когда Распутин приехал в Крым, Аликс объявила, что «ничего об этом не знала». Но, как записала в дневнике Ксения, «была обрадована и, говорят, сказала: *«Он всегда чувствует, когда он мне нужен»*».

Ники пришлось, как всегда, смириться.

Распутин жил в Ялте, откуда его возили в Ливадию на автомобиле. Во дворец он проходил тайно, без записи в камер-фурьерском журнале. Но когда царский автомобиль проезжал по городу, вся Ялта знала: Распутина повезли к царице. И охрана во дворце, пропуская авто, видела, кого провезли во дворец. Тем более что «Наш Друг» гордо выглядывал из окна машины, не желая прятаться.

Все это время газеты по-прежнему трубили о Распутине. Только в апреле 1912 года гибель «Титаника» и несчастных пассажиров, беспомощно утонувших в ледяной воде под ясным звездным небом, на некоторое время вытеснила с газетных полос сообщения о мужике. Но в мае на первых страницах вновь замелькало знакомое имя.

8 мая Илиодор подал Синоду прошение, больше похожее на ультиматум: «Предайте суду Распутина за его ужасные злодеяния, совершенные им на религиозной почве, или снимите с меня сан. Я не могу помириться с тем, чтобы Синод, носитель благодати Святого Духа, прикрывал «святого черта», ругающегося над Церковью Христовою... С осквернением достоинства Господня не помирюсь!»

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

Тогда же Даманский издал рукопись, которую «Наш Друг» когда-то подготовил с помощью Лохтиной. И Аликс могла опять прочесть в ней множество слов о гонениях — вечной судьбе праведников. «Тяжелые переживаю напраслины. Ужас что пишут, Боже! Дай терпения и загради уста врагам!.. Утешь, Боже, своих! Дай Твоего примера...»

Распутин вернулся из Крыма в Петербург в начале мая. Жил, прячась от журналистов.

«Опять появился на сцене Распутин», — записала в дневнике Богданович.

Вскоре он выехал в Москву. На Николаевском вокзале агенты зарегистрировали обычных провожавших — «Сову», «Зимнюю» с дочкой, «Ворону»...

В московском поезде и состоялась эта встреча.

«ЕДИНСТВЕННЫЙ, ОСМЕЛИВШИЙСЯ ВЫСТУПИТЬ В ЗАЩИТУ ЕГО»

Через пару недель произошла сенсация — среди моря антираспутинских публикаций вдруг появилась большая статья в его защиту.

Автор статьи Алексей Филиппов был богат, имел собственный банк, редактировал успешную газету. При этом у него была заслуженная репутация либерала — он провел год в крепости за «непозволительные слова» о власти, в точности исполнив насмешливое пожелание модного поэта: «Это что — *стоять* за правду, ты за правду *посиди*». Филиппов был другом пострадавшей из-за Распутина фрейлины Тютчевой и с гадливостью относился к «старцу» — до того дня, когда встретился с ним в поезде...

В 1917 году Алексей Фролович Филиппов, 48 лет, был вызван в Чрезвычайную комиссию, где показал: «В 1912 г. я поехал в Троице-Сергиеву Лавру. Когда... я сел в поезд, то увидел в вагоне какого-то мужика в поддевке с... поражающей внешностью — с глубоко лежащими в глазных впадинах мистическими глазами,

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

с орбитами, окруженными коричневыми пятнами. Его провожала... дородная женщина в черном (оказалась потом, его секретарша Акилина Лаптинская). В вагоне... он с детской наивной любовью рассматривал новый огромный кожаный кошелек, очевидно, только что кем-то подаренный. Я спросил: «Откуда у вас этот кошелек?» Этим вопросом началось мое знакомство с Распутиным... *По какому-то чутью мне показалось, что мой новый знакомый — сектант... принадлежит к секте хлыстов...* Он говорил образно, афоризмами на самые разные темы... в особенности меня поразили в нем глубокая вера в русский народ и разумное, не холопское отношение к самодержавной власти... *причем он стоял за единение царя с народом без посредства бюрократии...* Я особенно чутко отнесся к нему, потому что еще недавно был... приговорен к году крепости за то, что осмелился указать представителю верховной власти на то, что он не понимает сущность самодержавия... Невольно поэтому у меня вырвалось: «Вот если бы такой человек, как ты, попал к царю...» Тогда он вышел в коридор, поманил меня таинственно за собой и сказал: «Ты не говори им... я ведь Распутин, которого ругают в газетах...»

Беседа продолжилась. «Его интерес к живописи побудил меня предложить ему поехать в Москву. На это он согласился с юношеской восторженностью, не свойственной его возрасту... В Москве Распутина никто не встречал, и он поехал к Николаю Ивановичу Решетникову, бывшему нотариусу, а потом его секретарю. Но уже в тот же день аккуратно явился в Кремлевское подворье... Необыкновенным было внимание, с которым он слушал мои часовые лекции, например, о Василии Блаженном... Мы пробыли в Москве двое суток, наполняя свое время посещением церквей. Вот в это время я сблизился с Распутиным до степени дружбы, и по возвращении в Петроград, где я редактировал газету «Дым Отечества», стал я его посещать... Виделись мы тогда ежедневно, и меня поразило... что Распутин занимал маленькую, очень убогую комнатку, не соответствовавшую представлениям о нем... властном фаворите императорской семьи... *Распутин сам не тил вина и других удерживал...* Пришедший в восторг от моих разговоров на тему об управлении государством, воскликнул: «Хочешь быть губернатором? Я смогу это сделать...» Жил он просто и даже бедно, о дворе и своих отношениях ко двору

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

говорил скупой и неохотно. На мой однажды заданный вопрос, неужели ему Государыня ничего не дает, он ответил: «Скупа... страсть как скупа»... Распутин в это время... нуждался... видно из того, что он брал у меня по 25 копеек на извозчика и однажды прислал за 25 рублями, которые ему не хватало на дорогу в Сибирь, хотя впоследствии... каждый день швырял сотни и тысячи случайным людям, у него просившим».

Распутин знакомит своего нового приятеля с Вырубовой, открывая вчерашнему либералу мир «царей». Филиппов становится свидетелем обычной сцены поклонения Подруги перед мужем. Но вырубовские восторги не помешали ему понять главное: «Вырубова произвела на меня впечатление женщины, восторженно относящейся к Распутину... но... *применяющей его как средство для того, чтобы оказать определенное влияние на императрицу*».

В ответ Филиппов решает представить Распутина своим либеральным друзьям.

«Вскоре в редакции «Дым Отечества» я застал беседу издателя этой газеты Александра Львовича Гарязина... с юрисконсультом Морского министерства Иваном Баженовым, который рассказывал со слов какого-то придворного о половых безобразиях Распутина с Государыней и говорил, что *нужно составить заговор, чтобы убить «такую собаку*». Я возразил, что я только что с ним познакомился, совершенно им очарован и поделился своим впечатлением... Я предложил Гарязину прокатить Распутина куда-нибудь на автомобиле».

Гарязин, владелец столь редкого тогда автомобиля, с охотой согласился повидать скандальную знаменитость. «От посещения музея... Распутин отказался... находя, что картины — чепуха... жизнь гораздо лучше... Гарязин предложил Воспитательный дом, Распутин, к величайшему удивлению, согласился... В Доме он преобразился... брал на руки каждого ребенка, взвешивал, расспрашивал, чем его кормят... В автомобиле он сказал, что следовало бы деревенских девушек возить сюда со всей России, тогда они научились бы крепко рожать и крепко младенца держать... Впечатления... он передал Государыне, которая... неожиданно приехала в Воспитательный дом, бегло осмотрела его и занялась мыслями об устройстве института охраны материнства... Я воспользовался удобным случаем и поместил в «Дыме

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

• Н А Ш Д Р У Г •

Отечества» защитительную статью по поводу личности Распутина... которая вызвала в печати, травившей Распутина, одинаково, как слева так и справа... удивление... Распутин пришел в неистовый восторг от того, что я был единственный человек, осмелившийся печатно, в пору величайшей его травли и выступлений против него Гучкова в Думе, выступить в защиту его... С этого момента он исполнял все просьбы мои и желания беспрекословно, в большинстве случаев являлся ко мне за советом и интимно посвящал меня в детали своих переживаний. Причем никогда... не сказал ни одного слова о своих каких бы то ни было интимных отношениях не только к Государыне, которую всегда характеризовал одним словом «умница», но и вообще к какой-нибудь женщине...»

Как не похож этот образ на одержимого похотью жутковатого мужика, охотившегося на женщин по петербургским улицам! Кто же он? Хитрый оборотень и половой психопат? Или?.. Или мы его по-прежнему не понимаем, мы — только на пути к его тайне...

ДВА ДЖЕНТЛЬМЕНА С «ГРАММАТИЧЕСКИМИ ОШИБКАМИ»

В июне 1912 года в петербургском свете распространилась волнующая новость.

«7 июня... Вчера вечером Ольга Николаевна (старшая дочь царя. — Э.Р.) помолвлена с Дмитрием Павловичем», — записала в дневнике генеральша Богданович.

Государь любил Дмитрия. Сохранились его письма к Николаю — забавные письма юного насмешника. Высокий и стройный, как большинство Романовых, красавец — в нем было все, чего не было у Ники.

После возвращения отца из-за границы он по-прежнему жил в Царской Семье. Но Аликс его не любила, ибо Дмитрий никогда не скрывал яростного презрения к мужику. И царицу совсем не радовал брак Дмитрия с дочерью... Именно тогда в Петербург

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ РАСПУТИН

из Англии прибыл блестящий повеса, который, к счастью Аликс, все изменил, — Феликс Юсупов.

Как потом вспоминал Феликс, они часто виделись с Дмитрием в 1912–1913 годах: «Он жил тогда с Царской Семейей в Александровском дворце, но все свободное время... проводили вместе».

Юсупов, который был на несколько лет старше Дмитрия, совершенно очаровал великого князя. После затворнической, монотонной жизни Александровского дворца с княжнами и императрицей, вечно хлопочущими над несчастным наследником, Феликс открыл Дмитрию иной мир. Он сделал то, что когда-то сотворил с ним самим его старший брат: вовлек Дмитрия в воспаленную жизнь ночного Петербурга. Теперь по ночам авто поджидало двух плейбоев. «Почти каждую ночь мы ездили в Петербург и вели веселую жизнь в ресторанах, ночных кафе и у цыган. Мы приглашали артистов ужинать вместе с нами в отдельном кабинете. И Павлова была часто с нами».

Но с ними была не только великая балерина. Нетрадиционные пристрастия Феликса, о которых он сам пишет в воспоминаниях, привлекали в кабинет и некоторых знаменитых балетных артистов...

Царская Семья была в ужасе. «Их Величества, знавшие о моих скандальных похождениях, косо смотрели на нашу дружбу», — вспоминал Феликс. Точнее — «цари», знавшие о гомосексуальных наклонностях Феликса, которые карались тогда законами империи, испуганно следили за пылкой привязанностью Дмитрия.

И вскоре будущему царскому зятю было запрещено встречаться с Юсуповым. «За этим теперь смотрела тайная полиция», — вспоминал Феликс.

В августе состоялся столетний юбилей Бородинской битвы. В Москве от Брестского вокзала по всей Тверской стояли выстроенные шпалерами войска, толпы народа. Гудели колокола бесчисленных церквей. Под крики «ура» царь, Аликс, наследник и Ольга заняли места в первом экипаже. Дмитрий сидел в последней коляске. Все искали его глазами — жениха царской дочери.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

• Н А Ш Д Р У Г •

Но Феликс оказался для Дмитрия притягательнее, важнее и царских запретов, и царской дочери. Их встречи продолжались. Молва объясняла это просто: Дмитрий был бисексуален. Будущий любовник знаменитой Коко Шанель был тогда безумно влюблен в Феликса (на жаргоне тогдашних великосветских салонов — «делал грамматические ошибки»).

Дмитрий предпочел покинуть Александровский дворец и поселился в собственном доме в Петербурге. Феликс помогал ему меблировать дом — с той утонченной роскошью, которой славился дворец Юсуповых на Мойке.

Итак, Дмитрий сделал свой выбор. Теперь Аликс с чистым сердцем могла (вернее, была обязана) расстроить помолвку — жених царской дочери скомпрометировал себя скандальной привязанностью... Однако Николай продолжал испытывать слабость к Дмитрию и предложил осторожно относиться к сплетням в его адрес.

Распутин понял, что от него требуется. Он не подвел благодетельницу и тотчас предсказал, что Дмитрий от развратной жизни вскоре заболеет кожной болезнью. И уже Аликс по его просьбе приказывает дочерям «мыть руки особым раствором после встреч и рукопожатий великого князя». И царь сдается...

Возможно, именно в то время состоялась еще одна встреча Феликса с Распутиным, о которой Юсупов не упоминает в своих воспоминаниях. Встреча эта обросла легендами. О ней рассказывала мне актриса Вера Леонидовна Юренева: Феликс, взбешенный вмешательством «Нашего Друга» в дела Дмитрия, повторил то, что успешно проделывал уже много раз — переодетый в девушку, он где-то встретился с Распутиным. Когда тот начал приставать, Юсупов поднял Распутина на смех, оскорбил его. И за это получил пощечину от мужика...

Однако эта история кажется весьма сомнительной. Почему Феликс тут же не пристрелил Распутина? Убить развратного мужика, посмеявшего поднять руку на князя, — такой поступок одобрили бы многие. Правда, сама ситуация была уж очень двусмысленна... Может быть, поэтому Феликсу пришлось стерпеть?

Слухи о пощечине казались мне совершенно фантастически, пока в «Том Деле» я не нашел удивительные показания подружки царицы Юлии Ден.

«Что касается князя Феликса Феликсовича Юсупова... то этот женственный и изящно одетый молодой человек бывал у Распутина до моего знакомства с ним и в год этого знакомства (то есть в 1912 году. — Э.Р.)... Знаю, что во время какого-то спора князя с Распутиным, которому не понравилось поведение князя, *Распутин ударил его*, после чего князь перестал у него бывать...»

Значит, пощечина была? Если так, тогда многое становится ясно. Не здесь ли кроется причина страстной ненависти, которую потомок татарских ханов питал к Распутину? И которую именно тогда начинает демонстрировать мать Феликса — гордая красавица Зинаида Юсупова?

РЕАБИЛИТАЦИЯ РАСПУТИНА

Царь не принял Родзянко, и обвинения Распутина в хлыстовстве продолжали появляться на страницах газет. Какова же была радость царицы, когда новый Тобольский епископ провел новое расследование, и Тобольская консистория приняла совсем другое заключение по делу Распутина!

«Преосвященный Алексей, епископ Тобольский... основательно изучил следственное дело о Григории Новом. Проезжая по Тюменскому уезду... он останавливался в слободе Покровской и подолгу здесь беседовал с крестьянином Григорием Новым о предметах его веры и упования, разговаривал о нем с людьми, его хорошо знавшими... Из всего вышеуказанного преосвященный Алексей вынес впечатление, что дело о принадлежности крестьянина Григория Распутина-Нового к секте хлыстов возбуждено в свое время без достаточных к тому оснований, и со своей стороны считает крестьянина Григория Нового православным христианином, человеком очень умным, духовно настроенным, ищущим правды Христовой, могущим подавать при слу-

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

• Н А Ш Д Р У Г •

чае добрый совет тому, кто в нем нуждается». На основании доклада епископа и «в связи с новыми данными» Консистерия протокольным определением от 29 ноября 1912 года постановила: «Дело о крестьянине слободы Покровской Григории Распутине-Новом дальнейшим производством прекратить и причислить к оконченным».

Прочитав это заключение, царь попросил немедленно разослать его в Синод, министрам и в Думу — чтобы толстяк Родзянко мог успокоиться...

Причины появления нового заключения, ныне находящегося в Тобольском архиве, были для меня загадочными, пока я не нашел в «Том Деле» показания сына Тобольского епископа, Леонида Алексеевича Молчанова, которые и объяснили всю эту историю.

Молчанов впервые увидел Распутина в 1912 году. Было ему тогда 23 года, и служил он секретарем при прокуроре Псковского окружного суда. Отца его в том году перевели из Пскова епископом в Тобольск, и Молчанов поехал навестить его в свой отпуск. «7 июля я выезжал на пароходе из Тюмени в Тобольск... Когда стало известно, что пароходом поедет Распутин... это произвело в толпе известного рода сенсацию». И хотя «после газетных статей... отношение к нему было оппозиционное», Молчанов решил познакомиться со «старцем».

«Я провел с ним весь день до пристани Покровской, где ему надо было сходить... Распутин говорил, что про него пишут много неправды, что Гермоген и Илиодор вместо исполнения пастырского долга, занялись политикой... и что Государь не любит «синодских», которые вместо исполнения пастырского долга любят лишь пышные одежды, ленты и ордена и являются в Царское как сановники, а не как пастыри». Выслушав рассказ о гонениях на Распутина, Молчанов тотчас ответил рассказом о гонениях членов Синода на его отца. Дело в том, что Алексей был раньше епископом Таврическим и, как объяснил сын, его оклеветали с целью убрать из Крыма — «чтобы очистить кафедру для Феофана, которого выпирали из Петрограда. Распутин стал жалеть моего отца... заявил, что, как только представится случай, он расскажет «папе» и «маме».

История эта, естественно, очень заинтересовала Распутина. Особенно когда он узнал, в чем именно «оклеветали» Алексея.

Об этом рассказывает в «Том Деле» директор канцелярии обер-прокурора Синода Виктор Яцкевич. Оказалось, что Алексей потерял епископство в Крыму отнюдь не из-за Феофана, но из-за молодой учительницы Елизаветы Кошевой, с которой иерарх был в связи. Сначала его перевели в Псков, но в тамошней епархии, как показал Яцкевич, «находился печально известный своей ересью Воронцовский монастырь, ставший гнездом секты иоаннитов». Это были поклонники Иоанна Кронштадтского, почитавшие своего кумира земным воплощением Христа. Была у них и своя «богородица» — Порфирия Киселева. «Таким образом, — поясняет Яцкевич, — они были обычной сектой хлыстовского типа». И Алексей не только не боролся с ними, но начал покровительствовать этому «кораблю», за что епископа и перевели еще дальше — в Tobольск.

Алексий страдал нефритом и тяжело переносил холодный климат Tobольска. Но у епископа не было друзей в Синоде, которые могли бы помочь ему снова перебраться на юг. Так Распутин узнал: в Tobольской епархии, куда входило и его родное село, теперь сидел нужный ему епископ — обиженный, без связей, нуждавшийся в поддержке и, главное, — лояльно относившийся к хлыстам.

Уже 10 июля Алексей, как показал его сын, «получил телеграмму из слободы Покровской, в которой Распутин просил благословения приехать к нему в Tobольск... Распутин прогостил 3 дня». И вскоре последовало первое поощрение Алексея — провинциального епископа позвали в Царское Село, в маленький Анин домик, который при дворе насмешливо называли «папертью власти». На паперти в церкви нищие просили денег — здесь выпрашивали высшие должности...

Из показаний Молчанова: «Отец познакомился с Вырубовой и... служил всенощную и обедню в Федоровском соборе... после чего завтракал у Вырубовой... За завтраком была послана телеграмма на яхту (где находилась Царская Семья. — Э.Р.)... на которую... был получен милостивый ответ».

Епископ отблагодарил Распутина. Расследование Tobольской консистории о его хлыстовстве было закрыто.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

ЧУДО! ЧУДО!

Осенью 1912 года Распутин воистину совершил чудо — спас жизнь наследнику. Даже недруги мужика будут вынуждены признать это.

Трагедия началась в октябре в Спале — охотничьем замке в заповедной Беловежской пушце, где шла царская охота. В замок съехалось множество гостей. Шли веселые празднества, но то, что творилось в одной из дальних комнат, оставалось тайной для всех.

Однажды во время бала швейцарец Жильяр (он преподавал цесаревичу французский язык, а впоследствии станет его воспитателем) вышел из залы во внутренний коридор и очутился перед дверью, из-за которой слышались отчаянные стоны. Вдруг в конце коридора он увидел императрицу — она бежала, придерживая руками мешавшее ей бальное платье. Ей пришлось покинуть бал в самом разгаре — у мальчика начался очередной приступ нестерпимых болей. От волнения она даже не заметила Жильяра...

Из дневника Николая: «5 октября... Невеселые именины провели мы сегодня, бедный Алексей уже несколько дней страдает от вторичного кровоизлияния».

Началось заражение крови. Врачи готовили Аликс к неизбежному концу. Пришлось официально объявить о болезни наследника.

Из дневника К.Р.: «9 октября... Появился бюллетень о болезни Цесаревича. Он единственный сын Государя! Сохрани его Бог!»

Годом раньше у Алексея случилось кровотечение в почках. И тогда, как писала в дневнике Ксения, «послали за Григорием. Все прекратилось с его приездом».

Теперь же Распутин был далеко. Но Аликс верила — его молитва победит любое расстройство.

Из показаний Вырубовой: «Распутину была послана телеграмма с просьбой помолиться, и Распутин успокоил телеграммой,

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

что наследник будет жить... «Бог воззрил на твои слезы и внял твоим молитвам... твой сын будет жить».

Когда Аликс с измученным от бессонных ночей лицом торжественно показала врачам эту телеграмму, те только печально покачали головами. И с изумлением отметили: хотя мальчик по-прежнему умирал, царица... сразу успокоилась! Так она верила в силу Распутина. Врачам казалось тогда, что в замок вернулось Средневековье, однако... наследник выздоровел!

Аликс была счастлива: она воочию узрела чудо. Одной молитвой, даже не приехав в Спалу, «Божий человек» спас ее сына!

21 октября министр двора Фредерикс объявил: «Острый и тяжелый период болезни Его Императорского Высочества... миновал». «Разве этого было недостаточно, чтобы снискать любовь родителей!» — вспоминала Вырубова.

А по приезде Распутина в Петербург «цари» еще раз услышали обнадеживающее...

Из показаний Вырубовой: «Врачи говорили, что у наследника кровотечение наследственное и он никогда из него не выйдет вследствие тонкости сосудов. Распутин успокоил их, утверждая, что он *вырастет из него...*»

Именно тогда Распутин впервые заявил, что сразу же после окончательного выздоровления наследника он покинет двор.

И Аликс верила и *боготворила* мужика. К сожалению, мы употребляем верное слово...

Слухи о возможной смерти цесаревича заставили действовать брата царя — Михаила. В случае печального исхода он становился наследником престола. Но он знал — в этом случае царь и Семья уже ни за что не позволят ему жениться на его любовнице Наташе Вульферт, разведенной жене ротмистра.

Пепельные волосы и бархатистые глаза самой элегантной женщины Петербурга победили — Михаил поторопился. 31 октября вдовствующая императрица получила письмо из Канны: «Моя дорогая мама... как мне тяжело и больно огорчать тебя... но две недели назад я женился на Наталье Сергеевне... я, может быть, никогда не решился бы на это, если бы не болезнь маленького Алексея...»

Теперь будущее трона для Семьи было связано только с больным мальчиком.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

Теперь оно находилось в руках «странного божества» — так назвал Распутина кто-то из газетчиков.

А «странное божество» продолжало свою удивительную жизнь. И агенты продолжали отсылать донесения в департамент полиции: «03.12.1912... посетил редакцию духовных газет «Колокол» и «Голос истины» с Любовью и Марией Головиной... После чего на Невском взял проститутку и пошел с ней в гостиницу».

«9 января. С Сазоновой хотел посетить семейные бани, но они были закрыты. Он расстался с ней и взял проститутку».

«10 января... К проститутке...»

«12 января. Побывав у Головиных, взял проститутку».

Все то же четкое чередование: из чопорного дома Головиных — к проститутке, потом встреча с Вырубовой, посещение бань с одной из поклонниц, опять проститутка... Иногда по вечерам — на автомобиле в Царское Село.

Теперь этот гон за телом стал для него обычным — он отчего-то совсем не боится доносов «царям». «Если в первые приезды перед свиданиями с проститутками он проявлял некоторую осторожность, оглядывался и ходил по глухим улицам, то в последний приезд эти свидания проходили совершенно открыто», — говорится в отчете о наружном наблюдении.

И вот этот субъект в крестьянской поддевке, с растрепанной бородой, шныряющий по подозрительным улицам, забегающий в квартиры проституток, опять посмел вмешаться в мировую политику! По крайней мере, так полагали многие.

Зимой 1912–1913 гг. Распутин сделал еще один шаг к смерти.

КТО МИРОТВОРЕЦ?

После убийства Столыпина — непримиримого противника участия России в войнах — отец Милицы и Станы, король Николай Черногорский, почувствовал себя уверенней и начал действовать. Был заключен тайный союз балканских православных государств против Турции. Момент выбран удачный — в политической жизни Турции царил хаос...

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

В ночь на 26 сентября в Зимний дворец принесли сенсационную телеграмму: черногорские войска осадили турецкую крепость Скутари. Царь понимал, какой взрыв негодования великих держав вызовет дерзкое нарушение «статус кво» на Балканах. Министру иностранных дел Сазонову было приказано уговорить Черногорию прекратить осаду крепости.

Но черногорский король знает о воинственных настроениях в Петербурге, о том, что «Грозный дядя» на его стороне. И хладнокровно продолжает боевые действия.

И уже новые известия приходят с Балкан. 5 октября в войну против Турции вступили Сербия и Болгария, на следующий день — Греция. Турецкая армия терпит поражение за поражением. Весть об успехах братьев по вере в борьбе против мусульман вызвала взрыв радости в России.

В Петербурге идут бесконечные манифестации под лозунгом: «Крест на Святую Софию!» Ожили старые грезы панславизма: Великая федерация православных славян во главе с Россией и столицей в отвоеванном Константинополе — сердце древней Византии, откуда когда-то Русь восприняла христианство... Прекрасный мираж, волшебные мечты.

Тотчас последовал ответ. Австрийцы и немцы пригрозили войной. Снова заработал «балканский котел», готовый взорвать европейский мир.

10, 29 ноября и 5 декабря 1912 года в Петербурге проходят заседания Совета министров. Повторялась недавняя ситуация: русское общество хочет воевать — единодушно требования военной помощи «братьям-славянам», всюду идет запись добровольцев. Но нет Столыпина, способного противостоять общественному мнению (точнее — общественному безумию). Война вновь на пороге — мировая война.

С часу на час ждут объявления всеобщей мобилизации. Глава Государственной думы Родзянко советует царю воевать. И вдруг царь проявляет характер — решительно идет против общественного мнения. Он требует от Сазонова «нажать» на Черногорию, остановить войну.

21 апреля 1913 года после долгих уговоров черногорский король согласился очистить Скутари за денежную компенсацию.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

• Н А Ш Д Р У Г •

Сазонов заявил: «Король Николай собирался зажечь мировой пожар, чтобы на огне его изжарить себе яичницу». Так министр ответил на бесконечные попреки, что Россия вновь предала «балканских братьев».

И тогда по Петербургу пронесся слух: за решимостью царя стояло... желание Распутина! Это он в очередной раз не дал защитить «братьев-славян»!

И это была правда.

Из показаний Филиппова: «В 1912–1913 гг., в самый разгар разрешения балканского вопроса, когда мы были накануне войны с Австрией, Распутин, отвечая мне на мои резкие требования, чтобы Россия активно вступила в войну против немцев в защиту славянства, заметил: «Немцы — это сила, а братушки (балканские славяне. — Э.Р.) просто свиньи, из-за которых не стоит потерять ни одного русского человека»... *Распутин находил, что мы не готовы воевать с немцами...* пока не укрепим от потрясений японской войны».

Из показаний Вырубовой: «Распутин был решительным противником какой бы то ни было войны... Во время балканской войны он был против вмешательства России».

Из показаний Бадмаева: «Он мне сказал, что он просил царя не воевать в балканскую войну, когда вся печать требовала выступления России, и ему удалось убедить Государя не воевать».

Итак, произошло невероятное: полуграмотный мужик один победил все партии, заставил царя презреть общественное мнение! Так говорил тогда и двор, и весь Петербург.

На самом деле это было так... и совсем не так! Просто с самого начала, с появления во дворце, умный мужик четко усвоил свою главную задачу: понять, чего в тайниках души хочет Аликс, и высказать это, как свое предсказание — Божью весть. Он хорошо знал, что царицу преследует ужас при одной мысли о войне с Германией. И сумел озвучить ее тайные желания. «Нашему Другу» опять удалось напугать царя апокалиптическими предсказаниями об исходе войны.

Аликс с восторгом приняла их как Божье веление, высказанное «Божьим человеком». Она стала на сторону Распутина, и царю пришлось смириться.

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

Воспитатель наследника Жильяр, долгие годы живший в Семье и хорошо понимавший Александру Федоровну, написал в воспоминаниях о Распутине: «Его пророческие слова всего чаще *подтверждали лишь заветные желания самой Императрицы...* Сама того не подозревая, она *вдохновляла «вдохновителя»*. Ее личные желания, проходя через Распутина, принимали в ее глазах силу и авторитет откровения».

Но в обществе этого не понимали и в очередной раз поверили: полуграмотный, развратный мужик отменил справедливую войну. И великий князь Николай Николаевич, потерпевший поражение уже во второй «балканской истории», никогда не простит этого Распутину. Прямолинейный «Грозный дядя» тоже верил — мужик виноват в унижении России.

В «Том Деле» Константин Чихачев, председатель Орловского окружного суда, пересказывает следователю слова, слышанные им от самого Распутина: «Прежде он (Николай Николаевич. — Э.Р.) меня ужасно любил... Дружбу вел до самой балканской войны. Он хотел, чтоб россияне вступили в войну. А я не хотел, *супротив говорил*. С тех пор он на меня и сердит»...

Так не состоялась европейская бойня. Так великий князь и «ястребы» поверили окончательно — пока мужик во дворце, войны не будет. Но они знали, что во дворце он навсегда — царица его не отдаст.

Оставалось только — убить его.

ВЕЛИКИЕ ТОРЖЕСТВА С МУЖИКОМ

Наступил 1913 год — торжественный год трехсотлетия династии Романовых.

Накануне юбилейных торжеств отправили в отставку министра внутренних дел Макарова — как и предрекал ему Коковцов. Нового министра, Василия Маклакова, взяли из провинциальных губернаторов. Он был дальним родственником Льва Толстого и братом известного либерала из партии кадетов, но в отли-

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«Н А Ш Д Р У Г»

чие от них — ярым монархистом. Во время своего губернаторства он прославился высыланием евреев из губернии. Учитывая его молодость (Маклакову было едва за 40), ему в помощники назначили опытного Владимира Джунковского, Московского губернатора, сподвижника убиенного великого князя Сергея, мужа Эллы.

Джунковский стал Главноуправляющим корпусом жандармов, ему был подчинен и департамент полиции. На нем лежала вся ответственность за организацию безопасности Царской Семьи во время будущих торжеств.

На допросе в Чрезвычайной комиссии Джунковский показал, что был известен царю давно, «с самого молодого офицерства, потому что служил в Преображенском полку в первом батальоне» (где, будучи наследником престола, проходил подготовку и Николай). Для обожавшего все военное царя это значило многое. Кроме того, Николай встречался с Джунковским во время его дежурств в Зимнем дворце и знал о его монархических взглядах. Радовала царя и великолепная выправка бывалого гвардейца. Вид у нового шефа тайной полиции был воистину грозный. Блок описывал Джунковского: «Лицо значительное, пики жестких усов. Лоб навис над глазами». Но грозный Джунковский был человеком вполне светским. Когда его приглашали к завтраку, он мог повеселить царских детей — хорошо изображал голоса птиц...

Так что при назначении все это учли, запомнили только... его московское прошлое и огромное влияние Елизаветы Федоровны на бывшего ближайшего помощника ее мужа.

А пока Джунковский готовил столицу к торжествам. Впоследствии, уже после гибели и царя и монархии, он все опишет в своих воспоминаниях.

И настал великий день 21 февраля. Ровно 300 лет назад Собор избрал на царство боярина Михаила Романова. По всей России зазвонили колокола, с зажженными свечами пошли крестные ходы.

В 8 утра Петербург был разбужен пушками Петропавловской крепости. Джунковский начал объезжать столицу. Улицы уже заполнены народом, множество людей теснилось у Казанского собора, куда должна была прибыть Царская Семья.

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

В полдень — громовое «ура» войск, стоявших цепью от Зимнего дворца до собора. Промчалась сотня конвоя в алых черкесках, за ней в открытой коляске — царь и наследник, следом — карета с обеими императрицами и гигантами-казаками на запятках, и еще карета — с великими князьями.

Начинается торжественное молебствие. И тут приглашенные — первые люди империи — увидели в соборе... ненавистного мужика! Не увидеть его было невозможно — он стоял среди самых почетных гостей.

Его «народный костюм» поражал своим великолепием. «Он был одет роскошно: в темно-малиновой шелковой косоворотке, в высоких лаковых сапогах, в черных шароварах и черной поддевке», — вспоминал Родзянко, пораженный и возмущенный тем, что Распутин стоит впереди членов Государственной Думы.

И председатель Думы вскипел. Огромный, грузный Родзянко подошел к Распутину и велел ему немедленно убираться из собора: «Если не уйдешь, велю приставам вынести тебя на руках». Мужик испугался скандала и пошел к дверям, сказав на прощание: «О, Господи! Прости его грех...» Родзянко с торжеством проводил его до выхода, где казак подал Распутину шубу и посадил его в автомобиль.

Нетрудно представить, что испытала Аликс, когда узнала, как «Нашего Друга» изгнали из собора, куда его позвали они — «цари»...

Затем центр торжеств переместился в Кострому, где 300 лет назад жил юный боярин Романов. Сюда, в *Ипатьевский* монастырь (где началась династия), всего за четыре года до екатеринбургского *Ипатьевского* дома (где она закончится) должна была прибыть Царская Семья... Но накануне Джунковскому сообщили, что в городе объявился Распутин и просит билет на костромские торжества. Джунковский не без удовольствия велел отказать.

19 мая толпы людей заполнили весь берег Волги, царская флотилия под грохот салюта, звон колоколов и пенье гимна «Боже, Царя храни!» причалила к особой «царской» пристани у Ипатьевского монастыря. Оттуда Семья направилась в древний Успенский собор.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

Вслед за «царями» вошел в собор и Джунковский. Каково же было его изумление, когда в алтаре он увидел... Распутина, который, как оказалось, «был проведен туда... по приказанию императрицы».

Пришлось удивляться Джунковскому и на следующий день, при закладке памятника дому Романовых.

Золотисто-розоватая парча певчих, древние облачения духовенства, мундиры, фраки... Государь в форме Эриванского полка, шефом которого он был... А поодаль... все тот же мужик в шелковой рубашке и шароварах — Распутин.

Перед закладкой памятника в соборе был отслужен особый молебен. И там тоже оказался мужик!

Из показаний Яцкевича: «Во время костромских торжеств... Распутин шел вслед за царской семьей, причем меня... удивило и возмутило то обстоятельство, что Распутин был допущен в собор, где была лишь царская семья и обер-прокурор Саблер!»

А потом торжества перешли в Первопрестольную. И опять шпалеры войск, и море народу, и колокольный звон... Государь на лошади золотистой масти, конвой, императрица и наследник в коляске, великие княгини в каретах, и в отдельном экипаже — Элла и царские дочери...

Из дневника Ксении: «24 мая... Все, слава Богу, отлично прошло. У Спасских ворот все слезли с лошадей и пошли крестным ходом в Архангельский собор... Ники зажег лампаду над могилой Михаила Федоровича».

Над могилой первого Романова загорелась лампада из золота в виде шапки Мономаха - древней короны московских царей. Но многие смотрели не на нее... «Распутин стоял у входа, все его видели, кроме меня... такое недовольство и протест среди духовенства...» — продолжала Ксения.

«Все это оставило во мне осадок», — вспоминал Джунковский. Он не понял, что совершил в те дни большую ошибку. Теперь Аликс уже не верила Джунковскому, боялась его агентов. И 12 июня 1913 года министр внутренних дел Маклаков приказал «снять наблюдение за Распутиным и отозвать агентов, находившихся в Тобольской губернии». Полиции запретили следить за ним.

На короткое время мужик остался без постоянных летописцев.

«МОСКОВСКАЯ КЛИКА»

Элла не обольщалась народным ликованием в дни торжеств. Она понимала, что династии уже нанесены тяжелые удары — русско-японской войной и революцией. Тем опаснее для престола становился сейчас мужик, о распутстве которого трубили все газеты.

Из показаний великой княгини Елизаветы Федоровны: «Когда до меня стали долетать слухи о том, что Распутин в частной жизни ведет себя совершенно иначе, чем в императорском дворце, я предостерегла мою сестру. Но она не верила этим слухам, считала их клеветой, которая всегда преследует людей святой жизни».

Все активней действует собравшийся вокруг Эллы кружок распутинских врагов — «московская клика», как называет его Аликс. И все чаще наезжает в Москву Зинаида Юсупова, ставшая одним из самых непримиримых членов этого кружка. И Элла теперь частая гостья в подмосковном ее имении — прославленном Архангельском, не уступавшем в роскоши романовским дворцам. «Наблюдать их вдвоем — одно удовольствие. Они обе невозможно хороши», — вспоминал журналист Д. Регинин.

«Великая княгиня... будет у нас в Архангельском», — не раз напишет Зинаида сыну летом 1912 года.

Союз с Эллой очень пригодился матери Феликса. Тотчас после юбилейных торжеств случилось непредвиденное: уже заканчивались бесконечные переговоры Зинаиды с родителями Ирины — великим князем Александром Михайловичем и сестрой царя Ксенией, как вмешался Дмитрий. Узнав о готовившемся браке, он вдруг... влюбился в Ирину! В невесту своего ближайшего друга, которого он так боготворил, из-за которого разрушил свой брак с дочерью царя! И не просто влюбился — сам захотел жениться на Ирине!

В эту версию в Петербурге не поверили. Светское общество полагало, что за внезапной любовью великого князя стояло совсем иное... По словам Веры Леонидовны Юреновой, «это была месть Дмитрия Павловича. Великий князь пришел в бешенство, узнав, что Феликс, ради которого он пожертвовал женитьбой

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

• Н А Ш Д Р У Г •

на царской дочери, оказывается... преспокойно женится на племяннице царя. Конец их отношениям! И Дмитрий начал сам ухаживать за Ириной. Он попросту решил разбить этот союз!»

Впрочем, вполне возможно, Дмитрий, которому нравились и кавалеры, и дамы, действительно влюбился в болезненную красавицу... Так или иначе, он попросил руки Ирины. И симпатии Романовской семьи раскололись...

«28 мая 1913 года... Милый мой мальчик... Родители (Ирины. — Э.Р.) объяснились... Мать не отрицает, что бабушка (вдовствующая императрица Мария Федоровна. — Э.Р.) за Дмитрия. Но говорит, что она и против тебя ничего иметь не будет, если Ирина о другом слышать не хочет. Мы расстались очень трогательно... Чего я тоже очень боюсь, это того, что будет с твоими отношениями с Дмитрием, так как уверена в его двуличности. Он делает все возможное, чтобы заинтересовать Ирину и от нее не отходит... Боюсь его и *рокового мундира*. Прямо страшно...», — писала Зинаида Юсупова Феликсу.

Она уже потеряла старшего сына. Из-за женщины его застрелил офицер — «роковой мундир»...

Но Феликс спокоен. Он знает свою силу.

«Пришлось княжне Ирине выбирать между нами. Мы приняли молчаливое решение не делать и не говорить ничего, что могло бы повлиять на ее выбор, — вспоминал Феликс. — Она ответила, что решила выйти за меня, и никто не заставит ее переменить решение. Дмитрий смирился перед ее выбором... Но это сказало на наших отношениях... тень, которую женитьба отбросила на нашу дружбу, никогда не смогла рассеяться».

Дмитрий не просто покорно отступил — он очень помог Феликсу. Перед самой свадьбой родители Ирины получили некоторые сведения о будущем зяте, весьма их испугавшие. Александр Михайлович написал жене из Парижа: «9 октября... Я очень опечален все это время слухами о репутации Феликса... Не надо спешить с объявлением свадьбы... если мы услышим снова *эти вещи*, мы отменим свадьбу».

Но Феликс тотчас примчался во дворец к Ксении и убедил ее в ложности слухов. И Дмитрий благородно встал на защиту друга.

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

«12 ноября... Я знала, что речь идет о старых историях, — писала Зинаида из Москвы Феликсу. — Поведение Дмитрия Павловича самое похвальное, я никогда не ожидала поддержки с этой стороны... Но я смотрю на его вмешательство несколько иначе, чем ты. Я думаю, он сам не безупречен и действует по-товарищески, защищая этим и самого себя...»

Остается вопрос: кто позаботился снабдить сей информацией о «старых историях» семью Ирины? Не потрудились ли тут... сама царица, чтобы сестра мужа узнала все о человеке, которого впускала в большую Романовскую семью? Аликс умела страстно ненавидеть врагов «Божьего человека»... Так что Дмитрию пришлось как-то оправдывать «грамматические ошибки» Феликса, что он и сделал. Как справедливо отметила Зинаида Юсупова — «защищая этим и самого себя».

Эта история вновь объединила будущих убийц Распутина.

В то нелегкое время на стороне Феликса была и подруга матери, великая княгиня Елизавета Федоровна. И теперь, готовясь к браку, решив переменить жизнь, Юсупов исповедовался Элле. «Когда я поведал ей то, что... она не знала из моей частной жизни, она выслушала меня и сказала: «Я знаю о тебе больше, чем ты представляешь... Тот, кто способен на дурное, может сделать много добра, если он выбрал правильный путь». Вдова гомосексуалиста великого князя Сергея понимала, любила и жалела своего «маленького Феликса».

ПРЕДСКАЗАНИЕ ФЕОФАНА

Осенью 1913 года Распутин опять жил в Ялте, откуда его, как и в прошлом году, возили в Ливадию — в царский дворец.

В то время прокурором Одесской судебной палаты состоял некто Р. Г. Моллов. По должности он продолжительное время жил в Ялте, и его показания остались в «Том Деле». В них он поведал о жалобах ялтинского градоначальника генерала Думбадзе: «За Распутиным часто присылали придворный автомобиль везти его в Ливадию. Думбадзе доложил императору, что население Ялты сильно возбуждено против Распутина. Импера-

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

• Н А Ш Д Р У Г •

тор ответил, что он имеет право жить, как он хочет, и принимать кого хочет и просит всех не вмешиваться в его семейное дело».

И тогда Думбадзе решил сам спасти престиж Семьи. Он отправил в Петербург телеграмму директору департамента полиции Степану Белецкому с предложением «убить Распутина во время его переезда на катере в Ялту».

Простодушный Думбадзе не понимал, сколько глаз прочтут эту телеграмму, прежде чем она попадет на стол к начальнику. Но Белецкий понимал... И ему пришлось поспешить. Он сам показал: «Я переслал телеграмму в собственные руки Маклакову». В результате переезд Распутина «состоялся без осложнений».

В августе 1913 года умер экзарх Грузии. Распутин наконец-то мог выполнить свое обещание и отблагодарить Тобольского епископа Алексия.

Из показаний Молчанова: «Осенью 13 г. Распутин... ездил в Ливадию и обещал хлопотать о переводе отца на юг. Возделения моего отца не простирались далее какого-нибудь города на юге... как вдруг неожиданно умер экзарх Грузии... Я поехал провожать Распутина и на вокзале... просил о назначении моего отца экзархом Грузии. Распутин определенно обещал просить...»

Еще бы! Для Распутина было необычайно важно заполучить своего человека в Синоде, да еще экзарха Грузии — главы четвертой по важности церковной кафедры России. И мужик постарался, хотя это и было непросто — ведь речь шла о назначении на важнейший пост скомпрометированного епископа. Но Аликс верила «Нашему Другу». Кому как не «Божьему человеку» быть главным авторитетом в церковных делах... к ужасу обер-прокурора Саблера.

Из показаний Саблера: «Когда я пришел для доклада царю, Николай сказал: «А ваши кандидаты все провалились, выбор остановился на Тобольском епископе Алексии»... Я позволил себе решительно возразить, заявив, что он не обладает... нравственными качествами, что он живет с учительницей Елизаветой Кошевой, которая повсюду ездит с ним и последует за ним в Тифлис, и скомпрометирует его... Но назначение состоялось».

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

Опального Алексея сделали экзархом Грузии, одновременно возведя в сан архиепископа. Один из «наших» — так называла царица друзей Распутина — возглавил грузинскую церковь.

В то время Феофана уже не было в Крыму. Получивший кафедру благодаря Элле, он еще прошлым летом был изгнан в губительную для его здоровья Астрахань. К негодованию Эллы, ему было даже запрещено приезжать в Крым лечиться, если там находилась Царская Семья. Уезжая, неукротимый, но наивный Феофан рассказал все, что знал о мужике... другу Распутина, Даманскому.

Как показал Феофан в «Том Деле», разговор он заключил предсказанием: «Распутин — сосуд дьявола, настанет время, Господь покарает его и его защитников». После чего перекрестился и ушел.

Тогда Даманский, должно быть, только улыбнулся. Но через год, когда у него обнаружат рак, он вспомнит предсказание Феофана...

В Астрахани Феофан получил малярию и болезнь легких. Элла все-таки смогла хоть как-то помочь — его перевели доживать епископом в Полтаву. И Элла продолжала сердить сестру — доказывать Аликс, что бесчеловечно запрещать Феофану лечиться в Крыму. Она напоминала, что Феофан был исповедником царицы, что он ничем перед ней не провинился и что если любить Распутина — ее частное дело, то не любить его — частное дело Феофана. Но Аликс боялась неукротимого нрава епископа и знала, что он будет пытаться пробиться к Государю...

И Распутин помогал ей — искал вину Феофана, чтобы навсегда закрыть для него дорогу в Крым.

ДАМА ПОД ВУАЛЬЮ

В «Том Деле» осталась эта удивительная история.

В 1917 году следователь Чрезвычайной комиссии отправился в Ялту, где уже не первый год в параличе неподвижно лежала вдо-

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

• Н А Ш Д Р У Г •

ва священника Ольга Аполлоновна Попова, 60 лет. И она показала: «С епископом Феофаном я знакома 6 лет. Посетив меня однажды как больную, он посещал меня обыкновенно раза 2 в год... Он никогда не упоминал о Григории Распутине и ничего не говорил о своей петербургской жизни... Григория Распутина я совершенно не знала... В первый раз Распутин явился ко мне 3 октября 1913 года около полудня... Распутин повел беседу о моей жизни — о болезни, о бедности... Потом прямо сказал: «Если желаешь, завтра же можешь иметь 1000 рублей, уйти из этой квартиры и видеть детей своих счастливыми...»

«Ну, долго не будем разговаривать, — продолжал Распутин. — Тебе известно, что Феофан говорил, будто имел с Государыней половую связь? — При этом выразался Распутин вульгарным языком. — Тебе известно, не скрывай, не скрывай и 1000 рублей — твои». Я возразила, что мне ничего не известно, и что этого быть не может. Распутин сильно рассердился... бегал по комнате и ломал руки. И начал опять меня уговаривать, чтобы я оклеветала епископа. Это меня так возмутило, что я плюнула ему в лицо. Распутин отошел к двери и сказал: «Ты и твои дети будут меня помнить!» Потом переменял тон. Произнес несколько раз: «Никто никогда так не смел со мной дерзко говорить... я знаю, ты опомнишься и возьмешь свои слова назад. Возьмешь, возьмешь, возьмешь», — он повторял слова и пристально смотрел на меня... Видимо, внушение подействовало. Он подвинул стул совсем близко и сказал: «Ну, мы сегодня придем с ней, разрешаешь?» Я поняла, что он говорит об императрице. «Ты при ней скажешь правду, ты опомнишься... Ты подумай, твои дети будут счастливыми, и дорога твоему сыну будет широкая...» Видимо, Распутин решил, что подавил больную старуху. У меня же явилась мысль сказать все Государыне... Распутин сообщил, что придут они часов в 12 ночи...

В первом часу ночи к нашей квартире подъехал автомобиль. Когда мой сын открыл дверь, вошел Распутин *в сопровождении высокой дамы, одетой в черное платье, с лицом, закрытым густой вуалью*. Она села около меня, расспросила о моей болезни, попробовала пульс и осмотрела пролежни на моей спине. Потом Распутин подошел к кровати, дотронулся до плеча Государыни и сказал: «Ну вот, ей ты скажешь правду?» Я ответила: «Я все-

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

гда всем говорю правду, тем более что жить мне осталось не-много».

Когда Распутин отошел в сторону, Государыня сказала: «Скажите, он (Феофан. — Э.Р.) говорил вам о связи своей с тем лицом?..»

«Это совершенная ложь, гнуснейшая ложь! Ничего подобного он не говорил и говорить не мог... Верю, что Господь покарает того, кто возвел на него такую клевету».

В это время Распутин что-то сказал Государыне, но я не разобрала слов... Распутин завертелся по комнате и сказал: «Испугалась! Испугалась она!» Я ответила: «Не испугалась! Твою тысячу не возьму и епископа не продам».

Распутин опять уговаривал меня сказать правду, прибавляя: «Твоим детям за это ничего не будет»... Перед самым уходом Государыня наклонилась ко мне и сказала: «Значит, вы говорите, что этого не было?»

«Не было и быть не могло... Он предлагал мне 1000 рублей, если я соглашусь оклеветать епископа»... Государыня еще раз спросила: «Значит, это ваше последнее слово?» Я опять ответила: «Ничего говорено не было и быть не могло!»

Государыня сидела нервная — снимала и надевала перчатку, а Распутин часто-часто приговаривал: «Испугалась, испугалась»... Затем Распутин взял ее под руку и, бросив на меня злобный взгляд, вышел из комнаты».

Было в этом что-то жуткое: Государыня и уводящий ее в ночь мужик...

Что означала эта сцена? Он был настолько уверен в своем безграничном влиянии, что позволял себе бессовестно лгать в присутствии императрицы? Или... «Наш Друг» попросту знал, что она сама мечтает навсегда изгнать Феофана из Крыма и ей нужен повод?

Он хорошо читал и хорошо выполнял ее тайные желания. Он уже стал ее «вторым я». И становится ясным, почему после всего происшедшего царица написала Поповой письмо.

Из показаний Поповой: «Вскоре я получила письмо, написанное тонким женским почерком, без подписи... В письме предлагалось мне опомниться и рассказать правду».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

Заканчивалась предпоследняя встреча Семьи с любимым Ливадийским дворцом. Ипатьевская ночь приблизилась еще на день.

ПОРТРЕТ «СВЯТОГО СЕМЕЙСТВА»

До осени 1913 года Распутин не имел собственного жилья в Петербурге. Он жил из милости то у Лохтиных, то у Сазонова, снимал жалкие углы — в делах департамента полиции остались адреса «Русского»: Литейный проспект, 37; Николаевская улица, 70...

«На Николаевской улице Распутин занимал в квартире одну комнату... В этой комнате была простая постель и крашеный деревянный стол-буфет», — рассказывает в «Том Деле» Молчанов.

Но вот к нему приехали дочери из Покровского. Мужик решил дать им образование в Петербурге — пусть станут «дамочками»... А еще ему надоела безбытность — не хотел он больше болтаться по баням и грязным квартирам проституток. И Акилина Лаптинская взяла дело в свои руки.

В октябре, вернувшись из Ялты в Петербург, Распутин переехал в свою первую отдельную квартиру (Английский проспект, 3, дом Веретенникова). Эту квартиру за малые деньги ему предоставил очередной неудачник, пытавшийся воспользоваться влиянием Распутина, — Алексей Порфирьевич Веретенников, генерал-майор, уволенный в отставку и мечтавший вернуться на службу.

Распутин поселился в ней с обеими дочерьми, определил их в частную гимназию. В 1990 году, когда я писал книгу о Царской Семье, мне позвонила девяностолетняя Анна Попова. Разговаривали мы с ней по телефону с помощью ее внучки. Попова рассказала, как она училась в частной гимназии Стеблин-Каменской с дочерью Распутина Матреной, как они вместе ездили на Английский проспект просить у Распутина благотворительное пожертвование... С каким страхом, замирая, она «смотрела на колдуна», а он вынул бумажник, долго размышлял и наконец дал ассигнацию — «очень мало дал»...

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

Он попросту был беден тогда. «Квартира из 4–5 комнат, плохо и неуютно меблированных... В одной жила Лаптинская, которая, за временным отсутствием прислуги, ставила самовар, варила уху, в другой жили вместе обе дочери, когда приезжали из пансиона Стеблин-Каменской», — так описал квартиру Молчанов. Но все равно — это было первое его жилище, куда он мог приглашать своих поклонниц. Лаптинская смогла наконец оставить место экономки и переехать к нему. Теперь она именовалась гордо — «секретарем». Секретарем безграмотного мужика... В помощь ей из Покровского приехала Катя Печеркина — работать прислугой и кухаркой.

Осталось описание его дочерей — этаким моментальный снимок 1913 года.

«Дикая сибирская сила так и прорывалась в их широких, бледных лицах с огромными яркими губами... Их могучие тела, пахнущие потом, распирали скромные детские платьица из тонкого кашемира...» Варваре было 13 лет, старшей, Матрене, — уже 16. «У Матрены белое, широкое лицо с тупым подбородком... и нависшим низким лбом над серыми угрюмыми глазами... Она нетерпеливо взмахивала головой, отгоняя от глаз низко подстриженную челку... Каким-то хищным, звериным движением проводила кончиком языка по широким ярко-красным губам...» — вспоминала Жуковская.

Портрет Распутина оставил в «Том Деле» Молчанов: «Речь его была отрывистая и не вполне связная. Он не сводил глаз с собеседника, и в глазах его была какая-то сила... Движения его были характерны для неврастеника — он порывисто вскакивал, ручки его всегда что то перебирали...»

Он продолжал поражать своих почитателей знанием людей, точнее — их тайных мыслей. «В этот период Распутин наряду с нервною проявлял необыкновенную чуткость, — показал Филиппов. — В присутствии моих жены и свояченицы... по каким то неуловимым признакам заметил симпатию между мной и свояченицей... и, отведя ее в сторону, объяснил ей, что симпатии мои к ней послужат тому, что я разойдусь с женой, что и случилось в действительности».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

• Н А Ш Д Р У Г •

Увидев впервые знакомого Филиппова, известного юриста профессора Озерова, Распутин определил: «Отсутствие покоя у него в душе обусловлено тем, что он внимателен только к деньгам». Когда Филиппов объяснил Распутину, что Озеров — уважаемый член Государственного Совета, мужик сказал: «Это просто государственная слякоть»... «Это было гениальным определением Озерова», — добавляет Филиппов.

Именно в то время с ним познакомилась Александра Георгиевна Гущина, 73 лет, вдова доктора. У нее только что умер муж, жизнь стала ей в тягость.

В «Том Деле» остались и ее показания: «Каждый раз в церкви я встречала мужчину, одетого в поддевку, который очень усердно молился... манера молиться у него была особая — он стремительно становился на колени, как-то странно упирался в пол пальцами... К нему, здороваясь, обращалось с просьбами помолиться очень много народу».

Ей сказали, что это Распутин. «Как-то он подошел после обедни сам и спросил: «Что ты такая грустная?» Я рассказала про свои невзгоды, и он сказал: «Грешно грустить, надо молиться Богу...»

Он пригласил ее к себе. Старуха пришла на Английский проспект и попала на одну из самых знаменитых фотографий, которая украсит бесконечные книги о Распутине. Но об этом речь впереди...

КРИК БОЛИ

Весь 1913 год продолжается газетная травля Распутина. Он уже привык читать интервью, которых не давал, и сопровождавшие их издевательства журналистов.

Филиппов в очередной раз попытался защитить приятеля в газете «Дым Отечества»: «Целая книжная литература создалась около старца... ворох статей по поводу его необыкновенного и даже необъяснимого влияния в высших сферах... Распутин — обыкновенный русский мужик, экзальтированно умный... и глав-

ное, не порывающий своей связи с простым народом и потому сильный в народе».

Филиппов издевался над журналистами, «которые печатают слухи, что Распутин мог удалить таких столпов, как Гермоген и Феофан». Даже близкий его друг не знал об истинных возможностях Распутина в Царском Селе...

Иногда Распутин уступал и все же давал интервью — к ужасу Аликс, ибо часто они были еще опаснее того, что за него выдумывали журналисты.

«Вот вы пишете про меня небылицы, врете, а я ведь за мужичков. На чем Россия держится? На мужике... *Мы теперь решили* ставить архиереев из мужичков. Ведь на мужичкиные деньги духовные семинарии строятся...»

«Мы теперь решили...» — и тотчас поднимается газетная волна. И опять «цари» должны ее утихомирить.

Под влиянием Филиппова у Распутина появилась мысль — выпускать свою газету.

«Надумал я самую настоящую, правдивую, народную газету в ход пустить. Денег мне дадут, люди верующие нашлись... соберу я людей хороших, перекрещусь, да и — Господи, благослови! — в колокол ударю...» — сообщал мужик в интервью, опубликованном в «Петербургском курьере».

Похоронила эту мысль, видимо, императрица. Она поняла, что он утонет в деле, в суете. А он нужен был ей для нее самой, для мальчика, для разговоров о душе...

Журналисты пытались узнать о его влиянии на решение царя не участвовать в балканской войне. И он отвечал: «Воевать вообще не стоит — лишать жизни друг друга, нарушать завет Христа и преждевременно убивать собственную душу. Пусть забивают друг друга немцы и турки — это их несчастье и ослепление, а мы любовно и тихо, смотря в самих себя, выше всех станем...» И опять проклинали его за «предательство братьев-славян». И опять Аликс поручала Вырубовой поговорить с «Нашим Другом», чтобы тот избегал «гадких газетчиков».

А они все звонили... И он уже кричал в трубку: «Чего от меня хотят? Неужели не хотят понять, что я маленькая мушка и что мне ничего ни от кого не надо?.. Неужели не о чем больше писать и говорить, как обо мне?.. Я никого не трогаю... Да и тро-

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

гать не могу, так как не имею силы... Каждый шаг обсуждают... все перевирают... Оставьте в покое... Дайте жить!..»

Этот монолог моментально попал в газеты с насмешливым комментарием.

И опять они звонили. И опять он кричал в трубку — отбивался: «Говорю тебе, я маленькая мушка, и нечего мною заниматься... Кругом большие дела, а вы все одно и то же: Распутин да Распутин... Молчите... Довольно писать... Ответите перед Богом! Он один и все видит... Он один понимает... Рассудит... Коль нужно, пишите... Я больше ничего говорить не буду... Принимал близко к сердцу... Теперь перегорел... Наплевать... Пусть все пишут... Все галдят... Такая, видно, моя судьба... Все перенес... Ничего не боюсь... пишите... Сколько в душу влезет... Говорю тебе, наплевать... Прощай...»

И этот монолог тоже напечатали.

Что делать — он был «герой дня». Обреченный герой...

Лгал ли он, когда называл себя «маленькой мушкой»? Да, лгал. И... говорил правду! Эта двусмысленность его положения при «царях» проявилась в истории тогдашнего премьер-министра Коковцова и прошлого — графа Витте.

МУЖИК ТОПИТ ПРЕМЬЕРА?

После назначения Коковцова премьером Аликс бросила «пробный шар» — Распутин был послан «посмотреть его душу».

Коковцов вспоминал впоследствии: «Я был поражен получением письма от Распутина, содержавшего в себе буквально следующее: «Собираюсь уехать совсем, хотел бы повидаться, чтобы обменяться мыслями... назначьте когда». Премьер согласился. Состоялась почти комическая сцена — Распутин вошел, молча сел. Молчание продолжалось. Распутин смотрел на премьера. «Его глубоко сидящие в орбите, близко посаженные друг к другу, маленькие, серо-стального цвета глаза были пристально направлены на меня, и Распутин долго не сводил их с меня, точно он думал произвести на меня какое-то гипнотическое воздействие

или просто изучал». Но... мужик вдруг забормотал: «Что ж, уезжать мне, что ли? Житья мне больше нет — чего плетут про меня!»

Здесь премьер, по замыслу Аликс, видимо, должен был уверить Распутина, что он его защитит. Но Коковцов сказал: «Да, конечно, вы хорошо сделаете, если уедете... Вы должны понять, что здесь не ваше место, что вы вредите Государю, появляясь во дворце... давая кому угодно пищу для самых невероятных выдумок и заключений». В ответ услышал: «Ладно, я — худой, уеду, пушай справляются без меня, зачем меня зовут сказать то, да другое...» Долго опять молчал, уставившись на меня, потом сорвался с места и сказал только: «Ну, вот и познакомились, прощайте».

Когда Распутин рассказал царице о предложении Коковцова уехать, она тотчас «разлюбила» премьера. Ведь приятие им Распутина — это не просто приятие «Божьего человека», но, прежде всего, знак готовности подчиниться ее мнению, готовности примкнуть к лагерю ее друзей, стать «нашим»...

Царица пожаловалась мужу. И вот уже Николай просит премьера рассказать о беседе с мужиком. «Когда я закончил мой рассказ, Государь спросил меня: «Вы не говорили ему, что вышлете его, если он сам не уедет?» И получивши мой ответ, что... у меня не было повода грозить Распутину высылкой, так как он сам сказал, что давно хотел уже уехать, Государь сказал мне, что он этому рад... и «ему было бы крайне больно, чтобы кого-либо тревожили из-за нас»... Потом Государь спросил: «А какое впечатление произвел на вас этот мужичок?» Я ответил, что у меня осталось самое неприятное впечатление, и мне казалось... что передо мной типичный сибирский бродяга...»

Впоследствии в Чрезвычайной комиссии Коковцов сформулировал свое мнение еще откровеннее: «Я был 11 лет в Главном тюремном управлении... видел все каторжные тюрьмы... Среди не помнящих родства сибирских бродяг сколько угодно Распутиных... Совершая крестное знамение, он может с такой же улыбкой взять за горло и задушить».

И Распутин понял: пора выступать против премьера, тем более, что Коковцова уже не хотела «мама».

Из показаний Филиппова: «Само удаление Коковцова состоялось под давлением, весьма искусным и упорным, со стороны

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

• Н А Ш Д Р У Г •

Распутин, который имел своеобразный прием, чрезвычайно магически действовавший на слабохарактерно-заносчивые натуры, к каковым следует причислить Государя: вскользь, беседа о посторонних предметах, он характеризовал ненавистное ему лицо одной фразой или эпитетом, которые оставляли след...»

И хотя Коковцов привел в порядок финансы и обеспечил наступление периода истинной стабильности, в январе 1914 года его отправили «на покой» в Государственный Совет, наградив на прощание, как и Витте, титулом графа.

Казалось бы, с падением Коковцова должен был вновь появиться на политической сцене так благоволивший к Распутину Витте, который «с ним спелся», как писала генеральша Богданович.

Назначение премьером Витте — любимца прогрессивных партий и промышленного капитала, могло бы, на первый взгляд, решить все проблемы. С одной стороны, он был угоден обществу, с другой — у него было достаточно ума и авторитета, чтобы заткнуть рты врагам «Нашего Друга». И Витте знал, что сообразительный Распутин все это понимает и будет его поддерживать. Но он не понял, как и многие, истинную ситуацию: мужик мог влиять на царицу *только* тогда, когда у нее не было своего решения. В ином случае Распутин обязан был играть в ее игру: объявлять мнение Аликс своим предчувствием, своим предсказанием, своим желанием...

К несчастью для экс-премьера, у Аликс было твердое мнение о нем. Она ненавидела Витте, ибо он был творцом Конституции, ограничившей в 1905 году власть царя и будущую власть ее сына — «обокравший Маленького». И как бы ни был ей полезен великий министр, она не умела и не желала преодолеть свои чувства. Так Мария Антуанетта не могла преодолеть отвращения ни к Лафайету, ни к Мирабо, как бы они ни были полезны и ни пытались ее спасти...

Распутин понял и не заикался о своих симпатиях к Витте.

Но когда у Аликс своего мнения не было, наступало его время. Вступала в свои права русская практика XVIII века — действовать через царского фаворита... И если Распутин не мог «про-

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

толкнуть» Витте на пост премьер-министра, то повлиять на назначение нового министра финансов, совершенно безразличного царю, мужик сумел.

В то время около него появляются банкиры. С ним знакомится Петр Барк — типичное дитя молодого русского капитализма. 43-летний крупный чиновник министерства финансов ушел в директора-распорядителя Волжско-Камского банка и щедро использовал на этой должности свои правительственные связи. Затем, оставив службу в банке, вернулся к государственной деятельности. При Коковцове он стал товарищем министра торговли и промышленности. Используя ситуацию вокруг премьер-министра, Барк и стоявшие за ним банкиры начинают завоевание министерства финансов.

Как показал Филиппов в «Том Деле»: «Падение Коковцова, весьма осторожного политика в области финансов, обнаружившего чрезвычайную твердость и самостоятельность в отношении банков, было выгодно банкирам».

В январе 1914 года премьером стал Иван Логгинович Горемыкин, 75-летний старик, «Старче», как называл его Распутин. Начинается излюбленная российская политика контрреформ — отказ от столыпинских преобразований. И когда начала обсуждаться кандидатура нового министра финансов, Распутин тотчас заговорил о «хорошей душе» Барка и его способностях. Аликс передала Николаю «размышления Нашего Друга» о Барке.

Царь мог только подивиться настойчивости Распутина в деле, в котором мужик так мало смыслил — объяснить это можно было только «найтием свыше»... Барк был назначен министром финансов.

Так в первый раз с подачи Распутина происходит назначение уже не на церковную должность, но на государственную. Причем произошло не просто назначение нового министра — произошла революция, суть которой Распутин не понял. Он знал лишь, что теперь деньгами распоряжается «наш»... На самом деле рухнула политика, которую проводил Столыпин, а за ним Коковцов. Финансами полуфеодальной страны начинают управлять банки через своего ставленника.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

НАШ ДРУГ

Филиппов, сам будучи банкиром, знавшим эту кухню изнутри, пояснил в «Том Деле»: «Барк... дал обязательства банкам... Начинается широкое субсидирование из государственных средств частных банков, якобы для поддержки промышленных предприятий... в то время как средства употреблялись заправилами банков на скупку биржевых ценностей и для игры на понижение, что будет особенно опасно в первый период войны...»

Но вернуть Россию к замороженному состоянию, к безгласному покою времен Александра III, у Горемыкина не было ни сил, ни способностей. Однако он был в самых «послушливых» отношениях с Аликс, принимал «Божьего человека» и внимательно читал бесконечные записки, которые Распутин присылал с просителями: «Дорогой божий старче выслушай их помощи ежели возможно извиняюсь грегорий».

Филиппов рассказывает в «Том Деле», как пьяный Распутин звонил Горемыкину прямо на квартиру с очередным «прошением». И российский премьер «извинялся за невозможность принять Распутина, говорил, что жена его опасно больна, а Распутин заплетающимся языком его успокоил: «Старуха скоро выздоровеет»...

И ведь выздоровела!

ТЕНЬ МАРИИ АНТУАНЕТТЫ

Отношения Зинаиды Юсуповой с Царской Семьей становились все напряженнее — между ними был Распутин.

В ноябре 1913 года она писала сыну об обеде в Ливадийском дворце: «Меня посадили за царским столом, а во время танцев позвали сидеть рядом с хозяйкой, которая меня поздравила и много говорила о вас обоих (о Феликсе и Ирине. — Э.Р.). Несмотря на показную любезность, разговор был сухой, и видно было, насколько я ей не мила. Он (царь. — Э.Р.) отделался улыбками, рукопожатьем, но ни слова не сказал. Толстая (Вырубова. — Э.Р.) на правах пятой дочери, так себя и держит. Черные сестры (черногорские принцессы. — Э.Р.) ходят, как зачумленные, ник-

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

то из царедворцев к ним не подходит, видя, что хозяйева их вполне игнорируют...»

Царь любил играть в теннис. Осталась даже киноплёнка — весточка из исчезнувшей Атлантиды — Николай на корте. 11 ноября он сделал запись в дневнике об игре с будущим мужем своей племянницы. И добавил фразу: «Он лучший игрок в России, есть чему поучиться у него». (Должны же быть у этого явно невоенного красавчика хоть какие-то достоинства!)

22 декабря великая княгиня Ксения оставила в дневнике обычную запись матери о помолвке дочери: «Дай Бог им счастье в любви... Не верится, что это Ирина выходит замуж!»

Свадьба состоялась на «вражеской территории» для Аликс — у вдовствующей императрицы. Венчались в церкви Аничкова дворца. 9 февраля 1914 года царь записал в дневнике: «Аликс и я с детьми поехали в город в Аничков на свадьбу Ирины и Феликса Юсупова. Все прошло очень хорошо. Народу было множество».

Два автомобиля в сопровождении конвоя привезли из Царского Села новых родственников Феликса — Ники, Аликс и девочек.

Ирина приехала во дворец раньше жениха. Миниатюрная красавица была в платье из белого атласа, расшитого серебром, с длинным шлейфом. Диадема из горного хрусталя с бриллиантами поддерживала кружевную вуаль. Опасная деталь — диадема эта принадлежала когда-то Марии Антуанетте...

Появился и жених, облаченный в чёрный редингот с шитыми золотом воротником и отворотами. И тут же... застрял в старом, работавшем с перебоями лифте. Так что вся Семья, включая императора, предприняла отчаянные попытки, чтобы освободить засевшего между этажами жениха. Пока добрый Ники и девочки помогали, Аликс молча наблюдала.

В этом беспомощно застрявшем дворцовом лифте было что-то жуткое — как и в диадеме французской королевы...

Во время свадьбы Зинаида и царица не разговаривали. Юсупова была «не наша»...

Аликс уже разделила всех окончательно — на «наших» и «не наших». «Наши» — те, кто любят Распутина. «Не наши» — весь

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

• Н А Ш Д Р У Г •

круг Елизаветы Федоровны, московская аристократия, большая Романовская семья, петербургский высший свет, думцы, великий князь Николай Николаевич и окружавшая его военная аристократия, бывшие союзники мужика — правые монархисты... «Не наши» — это почти все. И против всех — она, Подруга и Ники. Три отважных мушкетера.

До начала Первой мировой войны оставалось несколько месяцев. И ровно три года — до падения империи.

СЦЕНА ДЛЯ ТРАГЕДИИ ГОТОВА

Родители освободили Феликсу левую часть бельэтажа во дворце на Мойке. «Я сделал туда отдельный ход и произвел необходимые изменения. Справа находились парадные комнаты — балльный зал с колоннами из желтого мрамора, в глубине которого аркады открывали зимний сад, гостиная с обоями сапфирового цвета, с картинами и гобеленами... Все в стиле Луи 16-го».

Все в стиле короля, которому отрубят голову революция...

«Направо от вестибюля я устроил себе временное жилище на случай, когда буду приезжать один в Петербург. Одна из дверей открывалась на потайную лестницу, ведущую в подвал... Я хотел устроить в этой части подвала салон в стиле Ренессанс. Работы едва закончились, когда разразилась революция, и мы никогда не пользовались жильем, которому отдали столько стараний...» — вспоминал Феликс Юсупов.

Он лукавил. «Жильем» он воспользовался. В подвале он успевает устроить «салон в стиле Ренессанс», где и убьет Распутина.

Глава 6

ЧАЕПИТИЕ С РАСПУТИНЫМ

ЛЮБОЗНАТЕЛЬНАЯ «САТАНИСТКА»

В начале 1914 года на квартире мужика из Покровского сложился один из влиятельнейших салонов в Петербурге. Разные люди, описывая то, что там происходило, абсолютно расходятся. И это неудивительно, ибо надо было быть *посвященным*, чтобы увидеть все в истинном свете. «Салон» Распутина, как и все в его жизни, хранил тайну...

5 августа 1917 года в Чрезвычайной комиссии допросили знаменитого исследователя сект Александра Степановича Пругавина. 66-летний ученый показал: «Всю жизнь изучая религиозные, в особенности мистические движения в русском народе, я естественно... интересовался и личностью Распутина».

Зимой 1914 года к Пругавину пришла красивая молодая женщина. Отрекомендовавшись начинающей писательницей, печатающейся под псевдонимом «Жуковская», сказала, что зовут ее Верой, что она «интересуется религиозными и мистическими движениями» и хочет проникнуть к Распутину. В своих воспоминаниях Жуковская рассказывает, как Пругавин «с огорчением посмотрел... и стал просить отказаться от намерения по-

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

знакомиться с Распутиным, так как последствия этого знакомства могут стать для меня губительными... Я повторила, что решила это твердо, и даже попросила его узнать мне адрес и телефон Распутина».

Жуковская — дитя времени «накануне Апокалипсиса», как и князь Юсупов, как и многие тогдашние молодые люди. «В Париже, в своих исканиях религиозных откровений она доходила до сатанизма и участия в черных мессах», — показал Прутавин. И сама Жуковская писала, что «посещала тайные собрания хлыстов».

Мужик волновал ее. Жутковатая слава Распутина давно не давала ей покоя..

«Я сделал все, чтобы предостеречь вас, теперь я умываю руки», — сказал ей тогда Прутавин и на другой день сообщил адрес и телефон Распутина.

«Распутин жил на Английском проспекте, 3, телефон был 64646, — вспоминала Жуковская. — Я... не стала мешкать и тут же позвонила... Я случайно попала в редкую минуту, когда телефон Распутина был свободен... Я услышала сиповатый говорок: «Ну, кто там? Ну, слушаю...» Спрашиваю чуть дрогнувшим голосом: «Отец Григорий? Говорит молодая дама. Я очень много о вас слышала. Я нездешняя, и мне очень хочется вас увидеть...»

Менее чем через час она уже входила в подъезд «огромного серого дома... В вестибюле... стояли рядом чучела волка и медведя... на фоне декадентского окна, на котором засыхал куст розового вереска... Лифт остановился на самом верху... На звонок мне отворила невысокая полная женщина в белом платочке (Лаптинская. — Э.Р.). Ее широко расставленные серые глаза глянули неприветливо: «Вам назначено? Ну, входите...» Дверь из передней приоткрылась и, шмыгая туфлями, поспешно, как-то боком выскочил Распутин... Коренастый, с необычайно широкими плечами, он был одет в лиловую шелковую рубашку с малиновым поясом, английские полосатые брюки и клетчатые туфли с отворотами... Темная морщинистая кожа... Волосы, небрежно разделяющиеся на пробор посередине, и довольно длинная... борода были почти одного темно-русого цвета... Подойдя совсем вплотную, он взял мою руку и наклонился ко мне. Я увидала

широкий, попорченный оспой нос... а потом мне в глаза заглянули его — небольшие, светлые, глубоко скрытые в морщинах. На правом был небольшой желтый узелок... Из них струилась какая-то неприятная, дикая власть. Взгляд был пристальный, мигали его глаза очень редко, и этот неподвижный магнетический взгляд смущал... «Проведи в мою особую», — вполголоса сказал Распутин, указав на меня...

Через переднюю, мимо закрытой двери, сквозь которую слышались сдержанные голоса (там находилась самая большая комната, где и собирался «салон» его почитательниц. — Э.Р.), меня ввели в узкую комнату с одним окном. Оставшись одна, я огляделась: у стены около двери стояла кровать, застланная поверх высоко взбитых подушек пестрым шелковым лоскутным одеялом, рядом стоял умывальник.. Около умывальника перед окном — письменный стол... На самой середине стола... большие карманные золотые часы с государственным гербом на крышке... В углу не было иконы, но на окне большая фотография алтаря Исаакиевского собора, и на ней связка разноцветных лент. По аналогии я вспомнила хатку «Божьих людей» (хлыстов) на окраине Киева: там тоже в углу не было иконы, а Нерукотворный Спас стоял на окне, и на нем тоже висели ленты... Придвинув кресло, он сел напротив, поставив мои ноги себе меж колен...»

С зажатых его коленями женских ног начинается (мы узнаем об этом от многих свидетельниц) соблазнение, сопровождаемое обычно монологом о духовном обосновании греха.

«Ты не верь попам, они глупы, всей тайны не знают... Грех на то и дан, чтоб раскаяться, а покаяние — душе радость, а телу сила, понимаешь?.. Ах ты моя *душка* («Душка» — запомним это обращение! — Э.Р.), пчелка ты медова... Грех понимать надо... А без греха жизни нет, потому покаяния нет, а покаяния нет — радости нет... Хошь, я тебе грех покажу? Поговей вот на первой неделе, что придет, и приходи ко мне после причастия, когда рай-то у тебя в душе будет. Вот я грех-то тебе и покажу...» Кто-то страшный, беспощадный глядел на меня из глубины этих почти совсем скрывшихся зрачков... А потом вдруг глаза раскрылись, морщины расправились и, взглянув на меня ласковым взглядом... он тихо спросил: «Ты что так на меня глядишь, пчелка?» — и наклонившись, поцеловал холодным монашеским ликованьем».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

• Н А Ш Д Р У Г •

С тем Жуковская и ушла, видимо, несколько разочарованная ласковым, но бесстрастным напутствием: «Только, смотри, скорее приходи...»

И тогда, и потом, как утверждала Жуковская, «ничего не было». Поверим ей.

«САЛОН» СОБИРАЕТСЯ

Распутин ввел ее в свой «салон», о котором она оставила подробные записи.

«Всех дам было около десяти. На самом отдаленном конце стола... молодой человек в жакете, нахмуренный и, видимо, чем-то озабоченный. Рядом с ним, откинувшись на спинку кресла, сидела очень молоденькая беременная дама в распускной кофточке. Ее большие голубые глаза нежно смотрели на Распутина. Это были муж и жена Пистолькорс, как я узнала потом, встречаясь с ними. Но в следующие годы знакомства я самого Пистолькорса никогда больше не видала у Распутина, только Сану. Рядом с Саной сидела Любовь Васильевна Головина, ее бледное увядшее лицо очень мне понравилось. Она вела себя как хозяйка: всех угощала и поддерживала общий разговор».

Увидела она и Вырубову. «Я посмотрела на нее с любопытством: высокая полная блондинка, одетая как-то слишком просто и даже безвкусно, лицо некрасивое, с ярко-малиновым чувственным ртом, неестественно блестящими большими голубыми глазами. Лицо ее постоянно менялось — оно было какое-то *ускользающее, двойственное, обманное*, тайное сладострастие и какое-то ненасытное беспокойство сменялось в нем почти аскетической суровостью. Такого лица, как ее, больше в жизни не видала и должна сказать, что оно производило неизгладимое впечатление.

Сидевшая рядом с нею Муля Головина... поглядывала на меня своими кроткими, мигающими, бледно-голубыми глазами... Остальные дамы были незначительны и все как-то на одно лицо».

И еще одна дама описала распутинских поклонниц. Как и Жуковской, и многим другим, ей довелось пройти обряд соблазне-

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

ния. Она выслушала и записала тот же гипнотический шепот: «Греха в этом нет... Это люди придумали... Посмотри на зверей — разве они знают грех?.. В простоте — мудрость... не суши свое сердце...»

Довелось ей услышать и странные разговоры поклонниц Распутина. «Чистейшая» Муня скажет ей загадочное: «Он все святым делает». И от имени всех попросит «не мучить его... и уступить... ибо с ним греха нет».

«Франтик» — так называл Распутин эту молодую женщину, жену богатого московского купца Веру Джанумову. Ее имя не раз упоминается в сводках полицейских агентов. Она выпустит в эмиграции свои воспоминания, где также опишет «салон» мужика.

Распутин сидит за столом, окруженный почитательницами. «Все перемешалось за этим столом — меха, шелк и темное сукно, и чистейшей воды бриллианты, и тонкие эгретки в волосах, белые косынки сестер милосердия и платочек старушки, — рассказывает Джанумова. — Звонки. Приносят корзину роз и дюжину вышитых шелковых рубашек разных цветов... принесли армяк на парчовой подкладке изумительной работы». Все забирает и уносит в комнаты аккуратная Лаптинская.

На столе — сладости для гостей, сам Распутин, как показывают многочисленные свидетели, сладкого не ест. Об этом напишет и его дочь Матрена в своей книге.

И мы это запомним (и крепко запомним) — *сладкого он не ел.*

До 1913 года он *не пил вина и осуждал пьющих.*

Из показаний Лохтиной: «Отец Григорий раньше совсем не пил». И Сазонов подтверждает: «В этот период... он ничего не пил». Если на столе и появлялось спиртное, то совсем немного, и это были сладкие вина, те, к которым он привык в монастырях во время странствий.

А дамы все прибывают... Муня бегает на звонки в переднюю открывать дверь — дочь фрейлины двух императриц и родственница великого князя помогает гостям снимать обувь. Так «отец Григорий» учил своих поклонниц смирению.

«Вот пришла княгиня Ш. (Шаховская. — Э.Р.)... Княгиня... забросила мужа и детей и четвертый год неотлучно следует за ним...»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

• Н А Ш Д Р У Г •

женщина поразительной красоты, с темными глазами», — пишет Джанумова. Эта красавица — одна из первых русских женщин-авиаторов; попала в аварию, но осталась невредима.

Все прибывшие начинают с обряда целования руки.

Из показаний Гущиной: «Я заходила к нему исключительно днем... я увидела много дам, все они относились к нему с крайним почтением и целовали у него руку».

Начинается чаепитие. «На углу стола кипел огромный, ярко начищенный самовар... сервировка была очень странная: рядом с роскошными тортами и великолепными хрустальными вазами с фруктами лежала прямо на скатерти грудка мятных пряников и связки грубых больших баранок, варенье стояло в замазанных банках, рядом с блюдом роскошной заливной осетрины — ломти черного хлеба... Перед Распутиным на глубокой тарелке лежало десятка два вареных яиц и стояла бутылка кагору... Все руки потянулись к нему, глаза блеснули: «Отец, яичко!» Распутин набрал целую горсть яиц и стал оделять каждую, кладя по яйцу в протянутую ладонь... Вырубова встала и, подойдя к Распутину, подала ему на ломте хлеба два соленых огурца. Перекрестясь, Распутин принялся за еду, откусывая попеременно то хлеба, то огурца. Ел он всегда руками, даже рыбу, и, только слегка обтерев свои сальные пальцы, гладил между едой соседок и при этом говорил «поучения»... А потом вошла... высокая девочка в гимназическом платье (Матрена. — Э.Р.)... Руки всех протянулись ей навстречу: «Мара, Марочка!»... Очень было любопытно посмотреть, как все эти княгини и графини целовали дочь Распутина, одна даже... поцеловала ее руки», — вспоминала Жуковская.

ЛИЦА ИЗ НЕБЫТИЯ

В начале 1914 года в «салоне» были сделаны две фотографии, пережившие все войны и революции. Первая (и самая популярная) напечатана, пожалуй, во всех книгах о Распутине. Эта фотография снята в той самой главной комнате, описанной Жуковской, где за чайным столом собирались гости. На фото вид-

на и раскрытая дверь в коридор, ведущий в соседнюю «особую комнату», у двери — телефон, по которому звонят из Царского Села, сообщают о больном мальчике...

В центре снимка на стуле сидит Распутин в светлой, подпоясанной шнурком косоворотке. Блестит начищенный сапог, аккуратно расчесаны борода и волосы, левая рука прижата к груди... Но сразу притягивают глаза, какой-то слепящий взгляд... Рядом с ним уже разоренный после чаепития стол, блюдо с оставшимися баранками и связкой бубликов. А вокруг Распутина — и рядом с ним, и за спиной, и вдоль стола — толпится с десятков женщин и несколько мужчин.

Вторая фотография не столь популярна и не столь многолюдна. За все тем же чайным столом — Распутин, уже в черном. Все так же светятся его глаза... Вокруг него сидят одни женщины — семь дам и девочка в модной тогда матроске чинно обратились лицами к фотографу. Некоторые из них запечатлены и на первом снимке. Единственный молодой человек (приятной наружности с усиками) стоит у закрытой стеклянной двери. Он также присутствует на первой фотографии....

Оба этих снимка при публикации обычно сопровождалась глухой подписью: «Распутин, окруженный своими почитательницами». Иногда указывалось: «Во втором ряду — Вырубова». Все остальные персонажи оставались безымянными. Их имена, казалось, канули в Лету...

Но в «Том Деле» *все имена есть!*

Из показаний Вырубовой: «Эта и другая группа, аналогичная с ней, были сняты случайно, я не помню по чьей инициативе, в одно из тех воскресений, когда Распутин любил, чтобы после обедни (вот почему так аккуратно расчесаны волосы и борода, начищены сапоги. — Э.Р.) за чайным столом около него собирались его близкие знакомые».

И далее она указывает «близких знакомых», «посетителей первого периода» — «Головина, Ден, моя сестра, Пистолькорс и весьма сомнительные крещенные жида Волынские». Упоминает она и имя Молчанова.

Да, тем приятнейшим молодым человеком на обеих фотографиях был Леонид Алексеевич Молчанов, чьи показания мы уже

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

много раз цитировали, — сын епископа Алексия, ставшего экзархом Грузии благодаря Распутину.

Сам Молчанов в «Том Деле» подробно рассказал следователю *о каждом человеке, запечатленном на этих фотографиях*. Видимо, эти люди и составляли «постоянный кружок» Распутина.

Так заговорили снимки, сделанные в 1914 году, накануне войны. На них оказались не только многие наши знакомые — те, кто уже не раз появлялся на страницах этой книги, — но и те, с кем нам еще придется познакомиться. Люди из будущего Распутина...

Из показаний Молчанова: «В квартире Распутина сняты 2 фотографические группы, получившие затем широкое распространение». И он переходит к первому многолюдному фото.

«В верхнем ряду — слева направо — Александра Пистолькорс и ее муж, служащий в Государственной канцелярии...»

Они стоят у самой стены — полный, холеный, высокий молодой господин, и рядом с ним — с полудетским фарфоровым личиком, с большим животом — его беременная жена Сана. (Еще раз напомним: Александра Пистолькорс, в девичестве Танеева, — младшая сестра Вырубовой, а ее муж Александр Пистолькорс — сын тетки Муни, Ольги Головиной, скандально вышедшей замуж за великого князя Павла.)

Теперь Александр Эрикович, бывший офицер лейб-гвардии, прославившийся жестокостью в период усмирения революции 1905 года, вышел в отставку и служит скромным чиновником в Государственной канцелярии.

Рядом с Пистолькорсами молодой человек с усиками — тянет свое лицо из-за голов. Это и есть Леонид Молчанов.

Из показаний Молчанова: «Вслед за Пистолькорсами — я, затем князь Жевахов, которого привел его сослуживец Пистолькорс».

Усатый невысокий князь, стоящий у самой двери, еле виден из-за женских голов... Скоро Николай Жевахов, мистик, много путешествовавший по монастырям, собиравший апокалиптические видения и докладывавший о них царице, станет верным поклонником «Нашего Друга». Распутин это оценит — в сентябре 1916 года молодой человек, занимавший весьма скромную

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

должность, будет с его подачи назначен товарищем обер-прокурора Синода.

Рядом с князем, по словам Молчанова, «два рядовых персонажа — Эрвин Христофорович Гиль (муж хорошенькой поклонницы Распутина) и Нина Дмитриевна Яхимович (высокая, широкоплечая дама — одна из верных, безропотных поклонниц)». Далее он опять переходит к «персонажам значительным» — Ольге Васильевне Ломан и ее дочери Надежде. Это семья уже неоднократно упоминавшегося нами Дмитрия Ломана, строителя Федоровского собора в Царском Селе. В 1913 году бывший верный поклонник Распутина Ломан начал заигрывать с его врагами — с окружением великой княгини Елизаветы Федоровны. И Вырубова объявила «нашим», что «с Ломаном надо быть осторожнее»...

Из показаний Ломана: «С этого времени я стал замечать холодное ко мне отношение... а я боялся, что буду совсем удален из дворца... и я страдал».

Вот почему хитроумный полковник попытался возобновить связи с «отцом Григорием». Теперь его жена — некрасивая, со злым лицом дама средних лет — и молоденькая дочь — частые посетители распутинского «салона».

Последней в ряду стоит женщина с жестким, холодным лицом. Это еще один важнейший персонаж из будущей жизни Распутина — Анна Ивановна Решетникова, дочь очень богатой старой московской купчихи Анисьи Решетниковой, у которой часто останавливается в Москве Распутин.

Ее брат станет одним из доверенных лиц при «Нашем Друге», несмотря на темное прошлое. «Бывший нотариус Решетников в свое время осужден за подлоги и растрату, но благодаря Распутину помилован», — показал Филиппов в «Том Деле». Очень скоро Решетников начнет брать деньги с посетителей Распутина, а его сестра сыграет особую роль в самом знаменитом распутинском скандале в московском ресторане «Яр»...

«Во втором ряду — Софья Волынская». Она тоже оставит свой след в будущем Распутина, во втором этапе его жизни, который начнется уже в 1914 году.

Из показаний Филиппова: «Волынская — красивая, довольно пожилая еврейка... жена агронома Волынского... явилась для Распутина чем-то роковым в смысле перехода его от благоотво-

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

• Н А Ш Д Р У Г •

рительности к жестокой эксплуатации своих клиентов при помощи той же Волынской. Ее муж (находившийся под судом. — Э.Р.)... был помилован и в благодарность сделался чем-то вроде финансового советчика и поставщика разных хлебных дел для Распутина».

Распутин сумел освободить от наказания Волынского, Добровольского, Решетникова — будущих своих «секретарей». Что ж, это ничуть не противоречило его учению. Недаром царица записала его слова: «Никогда не бойтесь выпускать узников, возрождать грешников к праведной жизни. Узники через их страдания... выше нас перед лицом Божиим». Правда, пожилая красавица-еврейка Волынская, как говорит молва, побывала в «особой комнате», где расплатилась плотью за хлопоты Распутина. Но то — молва...

«Далее — Вырубова». Рядом с ненавистной ей «крещеной жидовкой» пришлось стоять самой Подруге — с ее большим, плоским луноподобным лицом.

Рядом с нею две наши знакомые, чьи показания уже цитировались. Старушка в трауре — Гущина, та самая безутешная вдова, встретившая Распутина во время ранней молитвы. Красотка в модной шляпке с пером — Юлия Ден, вторая после Вырубовой ближайшая подруга царицы.

Еще один очень примечательный персонаж — корявый, малорослый, старый мужичок; заросший волосами и бородой — этаким языческий лесной божок, русский Пан. И Молчанов называет его — «это отец Распутина».

«В последнем ряду — Зина Тимофеева, Мария Головина, Мария Гиль, Распутин и госпожа Клейст, относительно которой мне говорили, что она артистка-дилетантка, танцовщица», — продолжает свой обзор Молчанов.

Поклонницы «Нашего Друга» Тимофеева, Клейст и Гиль прошли через «особую комнату» и потому удостоились чести сидеть в «распутинском ряду». Но первые две скоро разделят участь «промелькнувших и исчезнувших». Чуть дольше задержится Мария Гиль, «26-летняя жена капитана» — она упоминается агентами в числе посетителей и после 1914 года.

Среди этих «скоротечных» поклонниц сидит и она — Мария Головина, знаменитая Муня со спокойным и некрасивым лицом —

стареющая «чистейшая девушка», как назвал ее Феликс Юсупов. Среди всего безумия, окружавшего Распутина, она остается невозмутимой, ибо она — посвященная и знает тайны учения «отца Григория».

И, наконец, последний персонаж. Грузная женщина с широким упрямым крестьянским лицом сидит прямо на полу, и оттого не видно ее коротких, тяжелых крестьянских ног. Это Акилина Лаптинская — одна из хранительниц тайн «Нашего Друга».

РЕВНИВЕЦ И ТОЛСТАЯ «СЕКРЕТАРША»

Акилина открыла второй этап в жизни Распутина. Именно в то время — в начале 1914 года — она начала брать деньги с просителей. «Лаптинская, будучи необыкновенного ума и настойчивости... руководствовалась исключительно материальными соображениями... ее одаривали определенными суммами разные лица в случае приезда Распутина или к Распутину. Раза два Распутин выгонял ее за мздоимство и по подозрению в краже тысячных сумм», — показал Филиппов.

Но уже скоро Распутин махнул рукой на ее жадность — понял свою выгоду. Теперь ему не надо было ждать подачек от скупой царицы, занимать деньги — ими его снабжала Лаптинская. Теперь он сам мог быть щедрым, творить благодеяния, давать деньги просителям и просительницам...

Впрочем, толстая Акилина никогда и не боялась его ярости — ведь она была не только «секретарем». Как и многие простые люди, Распутин любил изобилие женской плоти... И он ревновал ее!

В «Том Деле» Филиппов вспоминает эпизод, относящийся уже к 1915 году, когда бывшая медсестра Акилина стала работать в санитарном поезде императрицы: «Я случайно встретил Лаптинскую перед отъездом ее на фронт, зашел к ней в вагон и подарил ей коробку конфет. Распутин узнал об этом... стал укорять меня долго и гневно, что я «совращал его голубицу, которую он берег для себя, как зеницу ока, долгое время»... Я долго не мог понять, о ком идет речь. Оказалось, что этой «голуби-

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

цей» была Лаптинская — женщина... непомерной дородности... «Голубице», которая часто у меня бывала, был воспрещен вход ко мне».

Распутин, этот охотник за дамами, по мнению Филиппова, был патологически ревнив. Вот еще одна история: в марте 1914 года у него гостила верная обожательница, некая Патушинская — жена скромного нотариуса из Ялутуровска. Много раз замеченная в Покровском агентами наружного наблюдения, она исчезала в Петербурге. Филиппов рассказывал о ней: «Помню... Патушинскую, хорошенькую женщину, которая у него проживала по несколько месяцев сряду, никому не показываясь, так как Распутин был не только физически, но и платонически ревнивым... Он, например, не любил, когда говорили: «Ах, какая хорошенькая женщина» (о его поклонницах — Э.Р.).

Поэтому хорошенькая Патушинская, таившаяся в недрах квартиры, и не попала на фото.

Из показаний Молчанова: «Эта группа была снята 9 марта 1914 года совершенно случайно по желанию кого-то из присутствующих фотографом Кристининым».

Рассказал Молчанов и о другой фотографии.

«Им же (Кристининым. — Э.Р.) незадолго до этого или вскоре была снята другая группа, аналогичная первой... насколько я помню, в той группе, кроме Распутина, были госпожа Головина, госпожа Гиль, Ден, какая-то дама, приехавшая из Сибири с какой-то просьбой к Распутину, какая-то старушка с Васильевского острова и старшая дочь Распутина Матрена».

Обе эти фотографии, снятые до страшного июля 1914 года, как бы подводят итог первому периоду жизни Распутина.

Показания Молчанова целиком подтверждает в «Том Деле» еще одна «героиня» обеих фотографий — Муня Головина.

«Предъявленная мне фотокарточка, на которой я изображена в первом ряду, второю с левой стороны... изображены собравшиеся в квартире отца Григория (Английский проспект, 3). Кроме меня и отца Григория изображены Зина Тимофеева, Мария Сергеевна Гиль... Ольга Клейст, у ног Распутина сидит Акилина Никитишна Лаптинская... Во втором ряду Александра Александровна и Александр Эрикович Пистолькорс, Софья Леонтьевна

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

Волынская, Анна Александровна Вырубова, Александра Георгиевна Гущина, вдова врача, и отец Распутина, ныне умерший», — добросовестно перечисляет все те же фамилии Муны.

ДАМЫ ЗА КАДРОМ

Но, может быть, самая важная и таинственная посетительница «салона» на фотографию не попала. Ее тогда не было в Петербурге — Ольга Лохтина жила в скиту у монаха Макария и лишь изредка приезжала в столицу к «Саваофу». Ее появления в распутинском доме довольно одинаково описаны очевидцами.

Из воспоминаний Жуковской: «В передней раздался сильный шум. Я повернулась к полуоткрытой двери, а на пороге уже колыхалось что-то невероятно яркое, широкое, развевающееся, нелепое... и высоким звенящим голосом выпевало по-кликушечьи: «Хри-и-стос в-о-о-о-скре-есе!»... Мимо меня пронеслось это... и рухнуло между моим и Распутина креслами... Стремительно вскочив, Лохтина обняла сзади его голову и стала... дико целовать его, выкрикивая захлебывающимся, срывающимся голосом: «Дорогусенька, сосудик благостный, бородусенька...» Отчаянно отбиваясь, Распутин кричал, полузадушенный: «Отстань, сатана!»... Наконец, оторвав ее руки от своей шеи, он отбросил ее со всего размаху в угол... Тяжело дыша, Лохтина добралась до кушетки... звонко выкрикнула: «А все же ты мо-ой!.. И я зна-аю, ты ме-е-ня лю-ю-бишь!..» — «Ненавижу я тебя, сволочь!» — быстро и решительно возразил Распутин... «А я к тебе опять приложусь!» Мгновенно подбежав к Распутину, она обхватила его голову... Распутин ударил ее так, что она отлетела к стене, но... Лохтина опять закричала истушенно: «Ну, бей, бей! бей!!»... Наклоняя голову, Лохтина старалась поцеловать то место на груди, куда ее ударил Распутин... Она напоминала какую-то страшную жрицу, беспощадную в своем гневе и обожании».

Впрочем, похожую сцену уже описал Филиппов...

Но после избиения Жуковская увидела весьма загадочный обряд: «Вдруг Вырубова подошла к Лохтиной, встала перед ней на

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

колени, поцеловала ей руку, потом вернулась на свое место. «Догадалась, наконец!» — очень спокойно сказала Лохтина... А потом сказала: «Что-то я не вижу своей послушницы! Ну живо, живо! На колени, и ручку, ручку!» И Муня, встав на колени перед Лохтиной, поцеловала ей руку...»

И это не вымысел. Муня так объяснила свое странное поведение следователю: «В 1913 году в виде протеста против нападков на Лохтину я стала называть себя ее послушницей и служить ей при ее приезде в Петроград... Этим я хотела заменить Лохтиной ее любимую дочь и предполагала, что ей будет легче если она перенесет свою любовь хотя бы на какого-то постороннего человека».

Но остается вопрос: почему могущественная Вырубова склоняется перед Лохтиной? И почему в «Том Деле» свидетели рассказывают о дерзких телеграммах генеральши в Царское Село, которые терпела сама царица? И почему с этой полубезумной переписываются царские дочери? «На квартире Напойкиных (где жила Лохтина. — Э.Р.) она оставила письма и бумаги... я снял копии с писем к ней великих княжон Ольги, Татьяны и Марии», — показал Пругавин.

И Распутин отнюдь не всегда бьет Лохтину — порой он с ней подолгу о чем-то беседует. С его поклонницами она ведет себя строго, как старшая. Именно так описала загадочную генеральшу еще одна свидетельница — певица Беллинг: «Вошла женщина... в белом холщевом платье старинного покроя, в белом клобуке на голове... на шее у нее висело множество книжечек с крестами — 12 Евангелий... Она... что-то шептала Распутину, а когда кто-то громко говорил, она сердито смотрела, а потом не выдержала и сказала: «Здесь, у отца, как в храме надо, с благолепием». — «Оставь их, пусть веселятся», — сказал Распутин... «Веселие в сердце надо иметь, а снаружи — смирение», — строго выговаривала она».

И пожалуй, прав Пругавин, приоткрывающий завесу тайны Лохтиной в «Том Деле»: «Я не решился бы утверждать, что она душевнобольная, только потому, что она утверждала, что Григорий — это бог Саваоф, а Илиодор — это Христос, потому что в таком случае пришлось бы признать душевнобольными и хлыстов, в мистике которых можно встретить утверждение таких ипостасей в том или другом учителе».

Так кто же она, эта странная генеральша?

И еще одной почитательницы Распутина нет на фотографии, хотя ее имя много раз мелькает в донесениях агентов охраны: «27 августа в 10.55 к нему приехала... баронесса Кусова Вера Илларионовна... Баронесса осталась у него ночевать... 28 августа в 7.30 утра от него ушла баронесса Кусова...»

«Эффектная брюнетка, баронесса К» — так описывает ее Джанумова. «Кусова постоянно бывала в салоне Распутина, постоянно там вращалась, у нее были там разные дела, разные гешефты», — показывал в Чрезвычайной комиссии Манасевич-Мануйлов.

Итак, еще одна «деловая» дама с меркантильными соображениями, платившая Распутину телом за его услуги? Во всяком случае об этом отчасти говорит... сама Вера Кусова в «Том Деле».

Из показаний Кусовой Веры Илларионовны, баронессы, 27 лет: «Познакомилась с Григорием Распутиным в 1913 году... Муж служил в Крымском полку, шефом которого была императрица... Царская Семья жила тогда в Крыму. Мне хотелось мужа устроить получше. С этой целью, а также из любопытства как-то подошла на берегу к Распутину... Познакомившись с ним, изложила свою просьбу. Распутин обещал помочь мне. В июле месяце я ездила в Петроград недели на две и посетила Распутина с целью попросить еще об устройстве одного близкого человека и, кстати, с целью попросить у него духовной поддержки по поводу постигшего меня горя... Оказалось, однако, что дать мне духовное успокоение он не может, так как я увидела, что он приходящим к нему за советами говорит общими местами... Тем не менее я продолжала бывать у Распутина, чтобы встретиться там с людьми, которые были для меня интересны или нужны... К Распутину как к святому я не относилась».

Тогда следователь предъявляет Кусовой ее телеграмму Распутину. И баронессе приходится объяснять странный смысл своего послания: «*Ему было многое открыто... вот почему я пишу в 1916 году Лаптинской: «О, если бы отец Григорий и оттуда (из могилы. — Э.Р.) помог бы как-нибудь, научил...»*

Она шлет эту телеграмму Лаптинской, когда Распутин уже мертв, когда она уже не может встретить у него людей, «которые были нужны». Тем не менее Кусова продолжает сноситься с Акилиной и более того — жаждет помощи «отца Григория» из-за гроба, ибо, оказывается, «ему было многое открыто».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

•Н А Ш Д Р У Г•

А ведь только что баронесса утверждала, что «дать духовное успокоение он не может»! Видимо, она, как и Вырубова, рассказала следователю Чрезвычайной комиссии далеко не все...

Действительно, из показаний Лохтиной в «Том Деле» мы узнаем о Кусовой совсем иное: «При первом свидании... она рассказала... что ей вообще плохо живется... Позднее мне приходилось слышать, что муж ее сильно пил, и она много страдала от этого. Рассказывала, что он в пьяном виде как-то раз въехал на коне в ее спальню». Да, баронесса была прежде всего несчастной женщиной, нуждавшейся в утешении.

И еще: в показаниях генеральши есть интереснейший факт. Оказывается, баронесса, как и сама Лохтина, приветствовала окружающих загадочным «Христос воскресе», когда Пасхи и близко не было.

Что это — чудачество? Или нечто большее?

Ответы на все эти вопросы оставим на будущее. А сейчас мы возвращаемся в «салон».

ПРОПОВЕДЬ И ПЛЯСКА

Пока идет чаепитие, Распутин непрерывно говорит. При этом он время от времени нервно преломляет кусок хлеба и бросает прямо на скатерть, крошит баранки короткими пальцами и сорит вокруг хрустальной вазы. Но гости этого не видят — они слушают его, внимают проповеди...

Из показаний Гущиной: «Распутин произвел на меня впечатление святого человека, он разговаривал о Боге и душе».

Князь Жевахов вспоминал, как он впервые услышал проповедь Распутина. Его сослуживец Пистолькорс привел его в какую-то квартиру на Васильевском острове, наполненную любопытными. И князь навсегда запомнил вдохновенную речь... Как начать богоугодную жизнь обычному оскотинившемуся человеку с его звериными привычками? — начал Распутин. — Как вылезти из ямы греховной?.. Как найти ту тропинку, которая ведет из нашей клоаки на чистый воздух, на Божий свет?.. Такая тропин-

ка есть. И я ее покажу... Спасение — в Боге... А увидишь ты Бога только когда вокруг себя ничего видеть не будешь. Потому что все вокруг — и дело, которое делаешь... и даже комната, где ты сидишь, — все заслоняет от тебя Бога. Что же ты должен сделать, чтобы увидеть Бога? — вопрошал он в наступившей тишине в каком-то нервном напряжении. — После службы церковной, помолясь Богу, выйди в воскресный или праздничный день за город, в чисто поле. И иди, иди, пока не увидишь позади себя черную тучу от фабричных труб, висящую над Петербургом, а впереди синеву горизонта. Стань тогда и помысли о себе. Каким маленьким ты покажешься себе и ничтожным, а вся столица... в какой муравейник преобразится она пред твоим мысленным взором... И куда денется тогда твоя гордыня, самолюбие, сознание твоей власти?.. И вскинешь ты глаза свои на небо... и почувствуешь всем сердцем, всей душой, что один у тебя Отец — Господь, и что только Ему нужна твоя душа. Он один заступится за тебя и поможет тебе... И найдет на тебя такое умиление... Это первый твой шаг на пути к Богу. Можешь дальше в этот раз и не идти. Возвращайся в мир, становись на прежнее дело, но храни как зеницу ока то, что принес с собой... Бога ты принес с собой. И береги Его, и пропускай теперь через Него всякое дело, которое будешь делать в миру... Только тогда всякое земное дело превратится в Божье Дело... Вот это и есть, как сказал Спаситель, «Царство Божие внутри нас». Найди Бога и живи в Нем и с Ним...»

«Какая благоговейная тишина была вокруг, — вспоминал Жевахов, — хотя ничего нового он не говорил. Но некая нервная сила, которая от него исходила, гипнотизировала». Так что можно представить, какое благоговение испытывали те, кто ему поклонялись, когда он говорил с ними... Но часто он вдруг обрывал речь, и раздавался повелительный голос, так поразивший Джанумову: «Пиши!»

Ему не привыкать — сама царица за ним записывает... Он дает карандаш одной из поклонниц, и она начинает писать. Его поучения часто повторяются — он знает, как важно все повторять «моим дурам». (Так он назвал в одной из телеграмм своих поклонниц. «Дуры» — потому что образованные, а простых вещей не понимают...) Он диктует, как сохранить в душе Любовь, не-

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

• Н А Ш Д Р У Г •

смотря на все беды и поношения. Прежде всего о Любви к Творцу он говорит этим несчастным женщинам — вдовам, разведенным, брошенным, разлюбленным. Они — абсолютное большинство в его «салоне».

«Творец! Научи меня любить! Тогда мне и раны в любви нипочем и страдания будут приятны»... И слова, звучащие как песнь: «Боже, я — Твой, а Ты — мой, не отними меня от любви Твоей!» Эту запись за ним сделала царица.

Когда поучения захватывали всех, когда у «дур» начинали светиться лица, они начинали петь. И петербургские дамы хором затягивали старинные духовные песнопения — вместе с мужиком...

О пении рассказывают и Гущина, и Вырубова, и Головина. «Акилина высоким красивым голосом сопрано запела, остальные подпевали... низкий приятный голос Распутина звучал, как аккомпанемент, оттеняя, выделяя женские голоса. Никогда раньше не слышала этой духовной песни. Красива и грустна. Потом стали петь псалмы», — вспоминала Джанумова.

И Царскую Семью он приучил к тому же. Как покажут свидетели, в заточении они часто пели духовные песни...

В миг всеобщего высшего подъема, почти экзальтации, Распутин вдруг вскакивал и требовал музыку. И начиналась его знаменитая, какая-то отчаянная пляска! «В его пляске было что-то хлыстовское... Плясал он истоиво, продолжительно, с особыми нервными и иступленными движениями, подскакивая и по временам вскрикивая «ух!», каким кричит человек, когда его опускают в ледяную воду... он танцевал от 15 минут до часа без перерыва... вдохновляясь до какого-то экстаза, иступления... он говорил, что все религиозные люди должны быть хорошими танцорами, при этом ссылаясь на царя Давида, скакавшего перед скинией целую дорогу», — вспоминал Филиппов.

Но иногда в разгар веселья раздавался звонок, приводивший в священный трепет весь «салон». И торжествующий голос Акилины сообщал Распутину: «Из Царского телефон!»

Прощание с «Нашим Другом» тоже было церемонией. «Стали расходиться, — писала Джанумова, — отцу целовали руку, а он всех обнимал и целовал в губы... «Сухариков, отец!» — про-

силы дамы. Он раздавал всем черные сухари, которые заворачивали в душистые платочки... прятали в сумки... потом шептались с прислугой, выпрашивая грязное белье отца... и чтоб с его потом». Под суровым взглядом Акилины барыни забирали грязное, потное мужицкое белье... И Муня помогала уходящим надевать ботинки.

Из показаний Молчанова: «Прощаться старались с ним наедине, для чего уходили в прихожую. Отмечу такую странность у Вырубовой: как-то, простившись в прихожей с Распутиным, она зачем-то вернулась в комнату, но отказалась при этом на прощанье подать мне руку, заявив... что уже простилась с отцом и более ни с кем прощаться не будет».

Так было принято — уносить с собой тепло священной руки, которая приносила счастье...

ФИНАЛ ПЕРВОГО ПЕРИОДА: ТАЙНА ОСТАЕТСЯ

Итак, следуя по жизни Распутина, мы дошли до 1914 года. Мы старались описывать все подробно, терпеливо приводили показания его друзей и врагов. Но... по-прежнему остаются два вопроса, которые мы задавали себе и в начале пути.

Кто же он был на самом деле? И кем он был для Царской Семьи?

Одно уже ясно: это не ловкий Тартюф, дурачивший простаков святыми поучениями. Тартюф — характер европейский. Здесь же характер — таинственный, азиатский. Персонаж куда посложнее, и тайна куда любопытнее...

Мы неоднократно цитировали распутинские мысли. Были ли его искания, просветления, прозрения? Теперь мы можем ответить: были.

А проститутки, бесконечные «дамочки», «дуры» — поклонницы, посещавшие «особую комнату» и ставшие полубезумными, перемешав религию с похотью? И они были.

Но при этом и Сазонов, и Молчанов, и Филиппов единодушно говорят об этом времени в жизни Распутина, как о «духовной поре».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

Сазонов: «Период жизни Распутина, который я могу назвать периодом *достижения им известной духовной высоты*, с которой он потом скатился».

Молчанов: «В тот период Распутин пил мало и на всем периоде его жизни лежала печать скромности».

Филиппов: «Будучи поэтически мечтательным в первый период 1911–1913 годов...»

Они не знали о его тайной жизни? Но Филиппов-то уж точно знал. Тогда почему они так говорят?

И наконец, Царская Семья. Да, Распутин проповедовал любовь, был бескорыстен, рассказывал «царям» о том, чего они не знали — о труде и быте простого народа, о радостях странника наедине с природой и Богом. Он снимал нервные припадки царицы и вселял уверенность в царя. Он спасал их сына...

Но бесконечные газетные статьи, полицейские описания распутинского гона за проститутками, запросы в Думе с цитатами из показаний его жертв, рассказ няньки царских детей и многое другое — все это, как мы теперь знаем, доходило до Николая и Александры. Премьеры Столыпин и Коковцов, фрейлины, двор, любимая сестра Элла и все члены Романовской семьи вплоть до великого князя Николая Николаевича (которому царь, кстати, доверял настолько, что назначит его Верховным главнокомандующим в грядущую войну), исповедник царицы Феофан — все говорят им о разврате Распутина.

А они — не верят!

Не верят? Или... знают *что-то*, объясняющее его поведение? Что-то недоступное суетным его обвинителям?

Глава 7

ИГРЫ С ПЛОТЬЮ

ЗАГАДКА ЕГО УЧЕНИЯ

Чтобы попытаться ответить на все эти вопросы, нам придется вернуться к попытке понять его учение.

Жуковская рассказывает: «О Распутине я услышала в первый раз в Киеве. Я тогда только что кончила гимназию и... благодаря случайному знакомству посещала тайные собрания «Божьих людей», как они себя называли (много позже я узнала, что их же зовут хлыстами...) И вот там, на окраине города, однажды, во время обычного вечернего чая с изюмом, любимого напитка «Божьих людей», Кузьма Иваныч, как звали хозяина, вдруг повел речь о старце Григории Распутине... Прищуриив свои яркие глаза (у всех хлыстов глаза совершенно особые: они горят каким-то жидким переливчатым светом, и иногда блеск становится совершенно нестерпимым), он... сказал нехотя: «Он с нашими братьями был, а только мы отреклись от него: в плоть он дух зарыл».

Никто из крупнейших российских знатоков сектантства не сомневался тогда, что Распутин — хлыст. Пругавин, будучи эсером, весьма уважал хлыстов, видя в них носителей «крестьянского православия». Он собирал рассказы людей, бывавших у «старца», и доказывал: Распутин — хлыст, который своими по-

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

хождениями извращает, компрометирует идею хлыстовства. Уже упоминавшийся богослов Новоселов, протопресвитер армии и флота Георгий Шавельский, знаменитый религиозный философ Сергей Булгаков, архиепископ Антоний Вольнский, епископы Гермоген и Феофан — все они, и левые, и правые, утверждали, что Распутин — хлыст. И, наконец, его друг Филиппов в «Том Деле» заметил: «По какому-то чутью мне показалось, что мой знакомый — сектант... принадлежит к секте хлыстов».

Из современных Распутину серьезных исследователей сект только Бонч-Бруевич в статье, напечатанной в радикальном журнале «Современник», писал, что Распутин «решительно ничего общего не имеет с сектанством». Но в письме в редакцию, разъясняя свою позицию, Бонч прямо говорит о *политической подоплеке* важности реабилитации Распутина: «Он, который ранее был вместе с правыми, теперь стал иным (после скандала с Гермогеном и Илиодором. — Э.Р.), и правые, видя, что Распутин ускользает... из сферы их тлетворного влияния — стали валить его всеми силами». Но унылая реплика большевика Бонча, исходившего, как и положено членам его партии, из «политической подоплеки», потонула в хоре мнений признанных знатоков. Точка зрения большевика заинтересовала разве что... царицу и Вырубову, которая и попросила Бонча переслать ей его заключение. Царица с Подругой трогательно хранили этот документ за подписью большевика-подпольщика. Его найдут при аресте Вырубовой, и он окажется в архиве Чрезвычайной комиссии.

Так что недаром, как писал современный горячий почитатель и исследователь жизни «отца Григория» историк Фалеев, христоверы (хлысты) до сих пор почитают Распутина, а его «Жизне опытного странника» воспринимается ими как программа с главной идеей: *«Всякий мужчина может стать «Христом», каждая женщина — «богородицей»*. Из этого тезиса Фалеев выводит интересную расшифровку второй фамилии Распутина (Новый) — «Новый Христос».

Видимо, Распутин действительно начинал как обычный хлыст — недаром его делом дважды (в 1903 и 1907 гг.) занималась Духовная консистория. Но если второе расследование можно объяснить историей с черногорками и великим князем

Николаем Николаевичем, то чем объяснить первое? И хотя второе расследование было тщательно спланировано, малообразованные в вопросах сектантства тобольские следователи, как мы помним, его провалили — уже на допросах приверженцев «старца» они спасовали перед их фанатичной верой в святость Распутина.

Но, как мы уже знаем, одна из его поклонниц, Берладская, впоследствии написала «Исповедь», где поведала о «блуде», который творил с нею «отец Григорий». И сам Распутин, который в свое время решительно опровергал грозные обвинения в том, что он ходит в баню с женщинами, уже вскоре, в Петербурге, заговорит совсем по-другому.

Все его последователи лгали во время следствия. Они не хотели и не могли объяснить «официальным» священникам мистические тайны, которые открыл им удивительный учитель.

Но свидетельства о близости Распутина к хлыстам есть не только в «Тобольском деле». Их дает и заклятый враг «старца» — Илиодор. И не столько своим сочинением, сколько своим поведением после снятия сана.

В Тобольском архиве хранятся показания сподвижников Илиодора, последовавших за ним на хутор, где иеромонах обрел пристанище. Илиодор построил там новый дом, который назвал весьма симптоматично — «Новая Галилея» («Новым Израилем» называлась хлыстовская община под Петербургом), и стал проповедовать свое учение. О нем нам известно со слов почитателя Илиодора, некоего Синицына.

«Христос был распят, заявляет Илиодор, но не воскрес, а воскресла только вечная истина, которую проповедовал Христос. Теперь ее проповедует он, Илиодор. Он создаст новую религию, благодаря которой изменится вся жизнь людей». Чтобы людям было понятней, что он — основатель новой религии — и есть новый Христос, Илиодор стал носить белый хитон (одеяние Иисуса) и «благословлял своих посетителей, как Иисус, возложением своей руки на голову благословляемого... и открыто называл себя Царем Галилейским». Итак, «Новая Галилея» во главе с новым «Царем Галилейским» была всего лишь очередным

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

• Н А Ш Д Р У Г •

хлыстовским «кораблем». Теперь, сбросив сан, Илиодор перестал гайтаться. И его хлыстовство (которое явилось неприятным сюрпризом для Гермогена и Феофана), видимо, и является причиной столь тесной в прошлом дружбы и удивительного доверия Распутина к злосчастному монаху.

Еще интересней показания знаменитого поэта и сектанта Николая Клюева.

«Меня Распутиным называли», — писал он в одном из стихотворений 1918 года. «Судьба» Клюева, по его собственным словам, «началась с того, что старец, пришедший с Афона (в Афонском монастыре была разгромлена хлыстовская секта. — Э. Р.), сказал, что нужно мне... самому Христом быть». Тот старец познакомил Клюева с «братьями» — так началось его странничество. «Братья-голуби (скопцы. — Э. Р.) привезли меня, почитай, в конец России, в Самарскую губернию. Там я жил два года царем Давидом большого Золотого Корабля белых голубей-христов, а потом с разными тайными людьми исходил всю Россию».

В Петербурге настолько увлеклись поэтом-хлыстом, что он был приглашен в Царское Село. Его привезли в Александровский дворец к царице, где, как вспоминал Клюев, «на подмостках, покрытых бархатным штофом, в холодной зале царскосельского дворца, перед рядами золотых стульев стоял я в грубых мужицких сапогах — питомец овина и посол от медведя». Тогда же и состоялся его разговор с Распутиным:

«Семнадцать лет не виделись, и вот Бог привел к устам уста приложить... Поцеловались... будто вчера расстались... и был разговор... старался я говорить с Распутиным на потайном народном языке о душе, о рождении Христа в человеке... Он отвечал невпопад и наконец признался, что нынче *ходит в жестком православии*... Расставаясь, я уже не поцеловал Распутина, а поклонился ему по-монастырски».

Но, скорее всего, друг «царей» Распутин попросту не хотел, не мог возобновить прежнее знакомство. Тем более что его мысли «на базе хлыстовства», как справедливо писал Пругавин, были уже далеки от ортодоксальных хлыстов. Распутин создал свое собственное учение.

«НЕЗАМЕТНОЕ СИЯНИЕ»

«Народное православие» — так назвал в беседе со мной учение Распутина один священник. Наивное народное православие, которое начинается с великой святости, но заканчивается великим грехом...

Но сначала — о хлыстовском понимании Воскресения Христа в человеке.

Чтобы достигнуть преобразования души, надо сначала умертвить в себе «Ветхого Адама» — человека греха. Но для этого надо отвергнуть все земное — честь и славу, самолюбие и стыд — и об одном лишь иметь попечение — о воле Божьей. Только тогда все земное в человеке умрет, и он услышит глас Божий. Это и называется мистическим хлыстовским Воскресением, когда в человеке уже нет ничего «своего», когда его разум и мысли становятся Божьими. Тогда в нем и поселяется Святой Дух, происходит его таинственное преобразование в нового Христа. Но долгов и мучителен этот путь к «Богу в себе»....

Из воспоминаний Жуковской: «Особенно хорошо рассказывала Муня о том, как Григорий Ефимович умерщвлял свою плоть... как в самую жару часами стоял в болоте, отдавая себя на съедение мошкам и комарам. Теперь он все может себе позволить — тому, кто раз смирил свою плоть, никакой соблазн не страшен!»

После странствий, после того, как он почувствовал в себе способность исцелять и даже пророчествовать — он поверил в «Бога в себе».

Любопытны показания Филиппова о «диете» Распутина. Оказывается, в ней был особый смысл: «Распутин не просто избегал есть мясное... Он ел рыбу, как Христос и апостолы... и по апостольскому правилу руками ел... преломляя хлеб, который никогда не резал... Кроме того, он находил, что мясная пища обугливает человека, а рыбная светлит. Поэтому от апостолов и людей, питающихся рыбой, всегда исходят лучи, как сияние, правда, незаметное».

Именно так — с «незаметным сиянием» — видел он себя. Так же воспринимали его и поклонницы.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

Однако, судя по всему, Распутин невыразимо страдал. Его яркий темперамент не позволял ему до конца «победить блуд», забыть про женскую плоть. И, видимо, тогда он начал размышлять: если он, несмотря на все свои духовные подвиги, испытывает плотские влечения, то, наверное, они *для чего-то нужны* — ведь неспроста же он переживает мучения.

Возможно, он пришел к выводу — это знак свыше. Он, достигший великого совершенства, обязан исцелять других от мучений плоти, от «Ветхого Адама». И прежде всего — их, слабых Божеских созданий, «сосуд греха», женщин, в самом естестве которых таилось угождение черту, жажда блуда. Впрочем, как мы увидим, он мог исцелять и мужчин... Но чтобы приступить к этой миссии, он должен был продолжить свои подвиги — стать воистину бесстрастным, как святые.

ГОЛЫЙ РАСПУТИН

Именно в его отношениях с женщинами и скрыта наивная, но жутковатая мистика учения, открытого неграмотным крестьянином. Как явствует из «Того Дела», эти отношения очень волновали его друга и издателя Филиппова, поэтому он часто пытался говорить с Распутиным на эти темы. Но мужик уклонялся от разговора, ибо не мог Филиппов, обычный человек, понять его... «Лично со мной на темы о своей близости к женщинам ни разу не говорил и даже... если кто-нибудь заводил речь на более или менее игривую тему, он старался быстро и шутливо перевести разговор на другую тему».

Но однажды «друг-скромник» поразил Филиппова. «Как-то находясь у меня в гостях Распутин незаметно от меня прошел на кухню, где в это время находилась моя горничная, очень хорошенькая хохлушка, и вернувшись оттуда сказал мне: «Какую ты держишь стерву!» — «А что?» — спросил я. «Да она плюнула меня по лицу...» Оказалось, что Распутин затащил ее в комнату и начал тискать, а она дала ему пощечину». Но при этом Филиппов видит, что красавицы-аристократки буквально обожают отвергнутого служанкой мужика, видит, как до-

могается его ласк поломавшая ради него жизнь Лохтина... Филиппов пытается найти причину этому и снова заводит разговоры со своим приятелем. И опять Распутин уходит от объяснений.

Филиппов, видимо, решается предпринять самостоятельное расследование. Он часто бывает в бане с Распутиным и внимательно рассматривает голого мужика. «Я имел возможность наблюдать физические особенности его тела, потому что мы мылись с ним вместе в банях в Казачьем переулке... Распутин внешне... был необыкновенно чистоплотен — часто менял белье, ходил в баню, причем от него никогда не было неопрятного запаха». Но и в богатых банях, где они моются, Распутин остается настороженным, недоверчивым крестьянином. «Моясь, он нательный крест, подарок Государыни, не сдавал на хранение стору, а прятал в сапог, заткнув его носком».

Филиппова явно интересуется голое распутинское тело, он ищет причину успеха мужика у женщин, разгадку сексуальной тайны, о которой сплетничает весь Петербург. Но... не находит ничего сверхъестественного!

«Его тело было необычайно прочно, не рыхло, красочно и стройно, без обыкновенной в таком возрасте отвислости живота, дряблости мышц... и без потемнения окраски в половых органах, которые в известном возрасте делаются темноватыми или коричневыми». Вот и все «физические особенности», которые он отметил. Ничего необыкновенного, никакого гигантского полового органа, о котором уже тогда творились (и будут твориться) легенды. Аккуратный, очень чистоплотный мужик с молодежьим телом — и все.

Разочарованный Филиппов приступает к опросу женщин, которые, как он полагает, могут помочь в его изысканиях. Поразившие его итоги опроса распутинских дам он и сообщает следователю Чрезвычайной комиссии, которого это тоже, судя по всему, весьма волнует.

«По словам Пташинской, которая говорила об этом Анненковой (Анчиц), а также других дам, которые мне лично об этом заявляли, *Распутин в физическом отношении большого интереса не представлял*». (Из полицейских донесений можно узнать, что 18-летняя Варвара Анненкова проживала на квартире немоло-

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

дой четы — Леонида и Софьи Анчиц, посещавших Распутина. Видимо, слухи о нем волновали эту бойкую девушку, отсюда и ее беседа с Пташинской.)

Итак, женщины при общении с Распутиным не испытывали никаких сверхъестественных любовных упоений. Но ведь была еще одна сторона жизни мужика, закрытая, видимо, в «святой период» и от Сазонова, и от Филиппова, который весьма удивился бы, если б узнал, что его странный «смиранный» друг не ограничивается дамами из общества и случайно подвернувшейся служанкой. Что все время он ведет безумный гон за уличными проститутками, посещает их на квартирах, ходит с ними в бани, и все это фиксируется агентами полиции. Правда, есть одна настораживающая деталь — в их донесениях отсутствуют показания самих «дамочек с панели».

Видимо, поэтому впоследствии Чрезвычайная комиссия решит разыскать распутинских проститутток В «Том Деле» остались фамилии тех, кого пытались вызвать на допрос (тщетно — они ускользнули в наступившем хаосе). Но неужели до революции агенты даже не пытались их допросить? Или все показания погибли вместе с другими документами, связанными с Распутиным (мы об этом писали и будем еще писать)? Скорее всего, так и было — их уничтожили. Но все уничтожить невозможно...

Одно показание осталось. Мы его уже цитировали. Агент пишет: «Как оказалось при выяснении (значит, все-таки выясняли! — Э.Р.), придя к первой проститутке, Распутин купил ей две бутылки пива, сам не пил, попросил раздеться, осмотрел тело и ушел».

Запись агента меня поразила. Но объяснение этому нашлось в «Том Деле» — в показаниях Филиппова.

РАЗГАДКА?

Филиппов вспоминает удивительный разговор с Распутиным: «Я... услышал объяснение Распутина о его отношении к женщинам — он находил в них мало духовности и «горения»... Меж-

ду тем человек должен всегда «утончаться» и даже в отношениях с женщинами *не столько пользоваться ими физически, сколько ощущать утонченные чувства от близости к женщинам*, а этого, прибавил Распутин, бабы не понимают... *святые — так те раздевали блудниц, смотрели на них, утончались, но не допускали сближения...* И сам Распутин верил, что, утончая нервы и испытывая высочайшие платонические состояния, можно подняться на воздух, несмотря на вес тела... и, например, вознесение Христа и хождение по водам объяснял этой способностью души и говорил, что сам Христос не чуждался Марфы и Марии и был у них желанным гостем...»

Итак, «святые раздевали блудниц, смотрели на них, утончались, но не допускали сближения». Ведь это почти дословное повторение записей полицейского агента — «попросил раздеться, осмотрел тело и ушел»!

«Утончить нервы» — значит, победить плоть, победить «Ветхого Адама». После этой победы приходит способность ходить по водам, возноситься на небеса... Способность «быть Христом»...

А как же те, с кем он спал? Эти бесконечные «дамочки»?

Его враг Илиодор в своих показаниях о Распутине также говорит об «утончении», но... совершенно по-другому. «Сильная воля дала ему возможность круто повернуть от разгульной жизни к подвигам поста и молитвы. Сначала этими подвигами, а потом крайним половым развратом он утончил свою плоть, довел нервы до высшего предела колебания... Это достигается вообще или подвигами, или половым развратом, или, наконец, бывает результатом какой-либо изнурительной болезни, например, чахотки. Во всех таких случаях, люди бывают очень нервны, впечатлительны, глубоко чувствуют, проникают в душу другого, читают мысли посторонних и даже предсказывают...»

Здесь разница... и сходство! В обоих случаях Распутин — своеобразный вампир... Только в одном он пьет таинственную энергию победы над грехом, сокрытым в женском теле, а в другом — энергия рождается приятием греха из женского тела. Это не два разных этапа, как считает Илиодор. Это два пути, которые он открыл и по которым шел одновременно.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

• Н А Ш Д Р У Г •

БОРЬБА С «БЕСОМ»

Вначале Распутин, видимо, добился своего — он стал бесстрастен. И когда он рассказывает Илиодору, как целомудренно ночевал с двумя девушками, он не врет — таковы его «упражнения». Он закаляет себя, расхаживая по Петербургу и упражняясь в бесстрастии, подобно древним святым, — общается с «блудницами», смотрит на их обнаженные тела...

Но часто этот несчастный «святой» чувствует в себе совсем другое — бунтующую плоть. И поэтому после ухода от проституток, как писал агент, «Русский, когда идет один, разговаривает сам с собой, размахивает руками и хлопает себя по туловищу, чем обращает внимание прохожих»...

Не забудем — для Распутина черт реален. Если герою Достоевского он является в горячечном бреде, то с мужиком черт шагает рядом, разговаривает с ним. И этот его спор с дьяволом после посещения проституток и наблюдает агент.

Но параллельно с «упражнениями на блудницах» существовали и реальные «дамочки», «его дуры» — Лохтина, Берладская, Манчетт, баронесса Кусова и другие. Они должны были приходить ему на помощь, когда «бес блуда» окончательно выходил из повиновения — отнимал силы, не давал явиться чистым мыслям.

Вероятно, именно тогда ему пришло в голову *развить* некий опыт великих старцев, о котором он слышал в монастырях. Знарок монастырской жизни, мистик С. Нилус пишет о «зримом черте», который является во снах игуменам Мануилу и Феодосию. При этом они «и не думают избавляться от нечистого. Они вмещают беса в свое «я», и там происходит столкновение бесовщины с обитающим в их душе духом Христа... И победа над ним».

Мужик решил действовать так же. Он решил «вмещать в себя беса» (женский «блуд», который так его соблазняет) и добивать его в собственном теле. И он зовет своих поклонниц идти к нему за избавлением от живущего в них «беса», как к врачу.

В 1913 году священник Юрьевский, пытался продолжить расследование Тобольской консистории по поводу хлыстовства Распутина. Результаты Юрьевский представил епископу Алек-

сию (отцу Молчанова). Тот, естественно, бросил их в огонь и запретил священнику заниматься этим делом. Но в своем отчете Юрьевский со слов свидетельниц «описал те магические обряды, которые творил в своей бане отец Григорий вместе с последовательницами... Сначала следовала его молитва, после которой шло трехкратное повторение фразы: «Бес блуда, изыди вон!»... После чего Распутин совершает с женщиной половой акт... Мошь совокупления была такова, что женщина уже не ощущала обычного состояния похотливости. Она чувствовала, что бес блуда ушел от нее».

Нет, здесь была не «мошь совокупления». Здесь была мошь убеждения его поклонниц в то, что этот полуграмотный сектант, свято уверовавший в свое предназначение и заражающий их своей верой, — святой. Оттого и счастливая их бесплотность после экстаза соединения с ним. Так в некоторых хлыстовских «кораблях» (распутинский опыт прошлых лет!) свято верили, что через «свальный грех» приходит избавление от «беса блуда»...

И глава департамента полиции Белецкий показывал в Чрезвычайной комиссии: «Он объяснял своим неофиткам при мне, что человек, впитывая в свою оболочку грехи, с которыми он борется... впитывая грязь и порок, совершает преобразование своей души, омытой своими грехами».

Точнее, «омытой» не грехами, но постоянным раскаянием в грехе. Раскаиваясь, Распутин безмерно мучился, страдал и молился. И казалось ему, что прощение греха он вымолил, и душа его вновь сделалась светлой... Вот в какие бездны решился нырять несчастный полуграмотный мистик Оттого его жена, застав его с «дамочкой» во время очередного «изгнания беса», и говорит: «У каждого свой крест. У него — этот...» Оттого он и скажет Жуковской: «Без греха жизни нет, потому что покаяния нет, а покаяния нет — радости нет».

Эта «святая эротика» постепенно до предела развила его чувственность. Теперь он сразу «зрит грех» в женщине, и тогда ей нет спуска, он набрасывается на нее — на хорошенькую служанку Филиппова, на Жуковскую, на Джанумову... И чем более грешны мысли женщины, тем более она его возбуждает, чтобы быстрее «принять грех в себя, избавить ее от беса». Его желание —

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

• Н А Ш Д Р У Г •

градус ее нечистоты. Именно об этом он разговаривает с Берладской после того, как переспал с нею. И отдаваясь ему, Берладская, как она писала, «верила, что он святой, и что возится теперь так гадко лишь для моего же блага и очищения, и за это делалось его страшно жаль, и благодарность зарождалась...»

И он тоже верил. Именно об этом говорит Лохтина в своих показаниях: «Для святого все свято. Что, отец Григорий — как все, что ли? Это люди делают грех, а он тем же только *освящает и низводит на тебя благодать Божию*».

«ДЛЯ СВЯТОГО ВСЕ СВЯТО»

И все же в первом «святом периоде» он страдал. Он чувствовал, что похоть не побеждена, но победила... Так родилось то распутинское состояние, которое отсылает нас к Достоевскому, — непрестанное страдание от сознания своей греховности, постоянное обращение к Богу с молитвой и раскаянием.

Так в Распутине проявилась эта удивительная черта — жить внутренне праведно в оболочке беспрепятственного греха.

Страдание при раскаянии преобразует грех в Любовь. А Любовь — главное для Распутина. Любовь, которая разлита повсюду... Языческая Любовь к природе, к деревьям, к травинке, к реке... Христианская Любовь в семье... Только Любовь священна. И если женщина любит своего мужа, она для него неприкасаема. Как показывает в «Том Деле» Лили Ден, «он... требовал чистоты семейных отношений». Распутин встретил ее с отцом на улице и, приняв его за любовника, «устроил целую сцену, обещая рассказать мужу, что я гуляю с мужчиной». Вот почему для него священна великая любовь царицы.

Но коли женщина не любит мужа и все же живет в браке — она греховна. Он против любви, подчинившейся законам брака, это для него нечто ужасное, идущее от официальной церкви. Все, что не несет в себе истинной Любви, для него преступно и подвержено изменению. Как все хлысты, он считает должным заменить нелюбовь в браке на новый духовный и физический союз — «как голубь с голубкою». Вот почему, узнав, что великая княгиня

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

Ольга, сестра царя, живет в браке «не по любви» с гомосексуалистом, он пытается обнять ее, заразить Любовью. При этом он считает, что награжденные им Любовью или освобожденные им от блуда женщины связаны с ним незримыми нитями навсегда.

«Знаешь, — объясняет он Жуковской, — есть такая путинка (дорожка. — Э.Р.) от земли и до неба... Коли я кого тяжко люблю, я ее, ту путинку, все в уме держу и знаю: по ней она идет или свихнулась... Потому я с нее грехи все снял, и она у меня идет чистенька, а коли свихнулась, то грех-то мой, а не ее...» И Филиппов, описывая его смешную ревность к женщинам, не понимает: Распутин их не ревнует, он ответственность за них несет и боится, что кто-то их испортит. Ибо искренне верит, что, переспав с ним, они избавились от греха. А без него они опять займутся грехом... Вот почему, как показывает Лили Ден, он требовал от своих почитательниц, «чтобы они почти ежедневно бывали у него».

Но холмик праведности, на который он в молодости с таким трудом взобрался, оказался так мал... Черт, которого он впустил в душу, так там и остался. И опыт изгнания блуда уже обернулся простым блудом — непрерывным, ставшим для него наркотиком. Так кончаются подобные эксперименты вторым преображением души, которое называется «состоянием духовной прелести». И потому с некоторых пор, как мы увидим далее, он начинает ненавидеть их — «дамочек», которые ему поддались, из-за которых укрепляется в душе его черт! Но отказаться от них он не может, ибо близость с ними — уже не просто удовлетворение похоти, но «утончение нервов», дающее мужику его таинственную темную силу...

Его «салон» постепенно становится обычной сектой, во главе которой стоит Повелитель. Рядом с ним «посвященная» — Лохтина, которая не боится «благовествовать» на весь мир, называя Илиодора «Христом», а Распутина «Саваофом»... Но чтобы им не навредить, она притворялась юродивой. С юродивой и взятки гладки...

Юродство — вторая тайна Распутина. В нем и заключалось для Аликс объяснение самых опасных поступков «Нашего Друга». Знакомство с этим понятием и давало «царям» право не обращать внимания на сообщения о его распутстве.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

ЦАРИ И БЕЗУМЦЫ

Из дневника К.Р.: «Они продолжают тайно принимать *юродивого Гришу*».

Из показаний Андрея Зеера, «распоряжавшегося подачей экипажей царской семьи»: «Распутин бывал во дворце, думаю, часто... В первый раз я видел его в церкви... Полковник Ломан поцеловал его. Когда я спросил, кто это такой, Ломан ответил уклончиво, что это *юродивый*».

Аликс, как мы уже упоминали, весьма условно, лишь подчеркивая богоизбранность «Нашего Друга», называла его «старцем». Настоящие старцы — люди, уединенно живущие в посте и молитве, чаще всего монахи в монастыре. Но знакомая с мистической литературой царица отлично знала, что наряду со старцами на Руси существовали и другие удивительные и воистину «Божьи люди» — решившиеся на «подвиг юродства».

Юродивые — русское явление. В основе этого понятия лежат слова из Первого послания апостола Павла к коринфянам: «Мы безумны Христа ради» и «Ибо мудрость мира сего есть безумие пред Богом» и из Евангелия от Марка: «...кто хочет идти за Мною, отвергнись себя».

Во имя Христа юродивые отвергали жизнь обычных людей и соглашались изображать безумие, чтобы добровольно, как и Христос, претерпеть страдание и поношения от людей и так приобщиться к Его страданиям. «Грешные их били, но мудрые им внимали», — так говорили о них во времена Московского царства.

В противоположность грешникам, жаждущим объявить себя святыми, это были святые, объявляющие себя грешниками, чтобы терпеть постоянное поношение от мира. Англичанин Д. Флетчер, побывавший в Московии в конце XVI века, так описывал этих странных людей: «Обросшие волосами, порой совершенно нагие и грязные, они спали, где придется, как бездомные псы... часто на кладбищах и свалках».

В Московском царстве голос юродивого воспринимался как глас Божий. Когда ему хотелось есть, он мог войти в любую лав-

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

ку и взять то, что пожелает, — и владелец был счастлив. И самый прекрасный собор в Москве — храм Покрова рядом с Кремлем — люди звали именем юродивого — Блаженного Василия. Всевластные московские цари почитали их и боялись.

Иван Грозный обвинил в измене города Новгород и Псков. Новгород был окружен войском царя, жителей жгли на кострах, младенцев привязывали к матерям и бросали в реку Волхов, а царские воины ездили на лодках с копьями и добивали тех, кто всплывал... Потом Иван направился к Пскову — уничтожить его жителей. В городе гудели колокола, жены протались с мужьями. Но вступив в Псков, всемогущий царь первым делом... пошел поклониться юродивому Николе.

Был Великий Пост. Юродивый, носивший тяжелые вериги на голом теле, в ответ на приветствие Ивана молча протянул ему кусок сырого мяса. «Я христианин и не ем мяса в Великий Пост», — сказал царь. «Ты делаешь хуже — жрешь человеческое мясо, забывая и Пост, и Бога», — ответил юродивый.

И Государь-мучитель покорно ушел с войском, не тронув Псков...

Такова была сила юродивых. Люди верили, что под личиной безумия юродивые скрывали святость, мудрость, предвидение и обличение. Сама их нагота — это обличение людей, которые думают об украшении тела, но не о душе. Все их поведение — осмеяние условностей и пороков, которые обычно скрывают. Юродивые обнажали эти пороки, нарушая общепринятые приличия.

Один из главных пороков человека — похоть. И юродивые приставали к женщинам, явно демонстрируя то, что люди предпочитали держать в тайне. Они могли совокупляться прямо на улицах...

Г. Шавельский писал: «На столе у царицы была книга «Юродивые святые русской церкви» с ее пометками в местах, где говорилось о проявлениях юродства в форме половой распущенности». Так она, как ей казалось, постигала тайну Распутина.

Юродивый отрешался от всех благ, и не только житейских, но и духовных от почестей, славы, уважения и привязанностей со стороны ближних. Мало этого, он бросал вызов этим благам и приманкам, поступая не по-людски, но «по-уродски». («Юродивый» — «уродивый». В. Даль).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

Тайны поведения юродивых Аликс могла постигнуть на примере византийского юродивого, носившего то же имя, что и Выхотурский святой: Симеон. В его «Житии», напечатанном в Четьях-Минеях, для царицы была разгадка многих шокирующих, а подчас — ужасающих поступков Распутина.

«Люди не могли узнать всей его святости, так как он скрывал ее от них, — говорится в «Житии» Симеона. — Ибо юродство и есть такой подвиг, в котором человек, исполненный истинной христианской мудрости, показывает себя по своему глубокому смирению, по наружным поступкам — безумным». Но Симеон показывал себя часто *сексуально безумным*. Например: «Когда жена корчемника (торговца вином. — Э. Р.) одна спала в своей комнате, а муж ее продавал вино, пришел к ней Симеон и стал снимать с себя одежды, делая вид, будто хочет лечь с ней. Она закричала, и прибежал корчемник, которому жена сказала: «Он хочет меня насиловать». И муж зверски избил старца. Но Симеон был счастлив, претерпев поношение...»

И еще: «Было две бани в городе, одна мужская, другая женская. Симеон пошел в женскую. Ему кричат: «Постой, юродивый, не ходи туда, там женская баня!» Но Симеон сказал: «Там горячая и холодная вода, и тут горячая и холодная... другого особенного ничего нет ни там, ни здесь...» С этими словами он голый вошел в баню и сел среди женщин. Они тотчас все на него набросились, били его и выгнали... После того дьякон спросил святого: «Отче, как чувствовала себя твоя плоть, когда ты голый вошел к нагим женщинам?» Старец отвечал: «Все равно как дерево среди деревьев, так и я был среди них, не ощущая, что имею тело... но вся моя мысль была устремлена на Божье дело... Будучи бесстрастен, он безбоязненно подходил к женщинам, и как в древности купина в Синае оставалась среди огня неопалимой, так он — от женского прикосновения... И те, кто лгали на него (обвиняли в блуде. — Э.Р.), за это тут же заболели. И только он мог исцелить их своим поцелуем».

Царица видела: вот так же заболел епископ Феофан, посмевший пойти против Распутина, не понявший его святости. И когда «царям» рассказывали ужасы про Распутина, про бани и проститутки, они вспоминали о юродивых, о святом Симеоне. До

самой смерти они будут верить, что встретили воистину святого — юродивого, будто воскресшего из времен Московского царства первых Романовых, призывающего на себя по смирению своему поношения и преследования слепых людей.

В этом — разгадка фразы, которую произнес царь в ответ на слова Столыпина о том, что Распутин ходит в баню с женщинами: «Я знаю — он и там проповедует Священное Писание».

СЕКТА

Была ли Вырубова посвящена в хлыстовство Распутина? Скорее всего — в отличие от Лохтиной — нет. Вырубова, как и царица, верила в то, что он был юродивый. Точнее — старалась верить, но подозрения не оставляли ее. Поэтому она продолжала интересоваться хлыстовством — видимо, искала доказательства, опровергающие то, что писалось в газетах.

Во время обыска в домике Ани был найден странный текст под названием «Тайны хлыстовщины». В «Том Деле» Вырубова показала: «Когда в газетах появились указания на то, что Распутин — хлыст, я обратилась к своему знакомому Ипполиту Гофштеттеру (известному журналисту. — Э.Р.), который писал в «Новом времени», с просьбой объяснить мне, что это такое... Гофштеттер дал мне этот лист с объяснением сущности религиозных воззрений хлыстов, который и был предъявлен мне во время моего допроса в заседании Чрезвычайной комиссии».

Удивительный текст прислал ей Гофштеттер, и вряд ли она показала его царице... «Это умильное лобзание рук духовного отца, ощущение небесной благодати от одного его прикосновения, а со стороны духовного отца — постоянная демонстрация своих сверхчеловеческих возможностей... и при помощи этой демонстрации и гипноза — подавление личной воли и свободы мысли в своих последователях... и постоянный полуистерический экстаз — все это черты секты».

О чем тогда думала эта умная женщина, наблюдавшая почти каждый день все то же самое в распутинском «салоне»?

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

• Н А Ш Д Р У Г •

Так они стали сектой, сами того не понимая. Сектой с ее законами — обожествлением Учителя и тайнами. Видимо, только «посвященные» — Лохтина, Лаптинская, Кусова и Муня — знали главную тайну об «отце Григории». Остальным было известно лишь то, что ему дано пророчествовать и избавлять их, грешных женщин, от «беса блуда», делать их «светлыми, как стеклышко». Но все вместе они оберегали доверенные им тайны...

Феофан, беседовавший с распутинскими жертвами — Вишняковой, Берладской и другими, — показал в «Том Деле»: «Распутин умел внушить своим последовательницам, что они *не должны каяться на исповеди в грехах прелюбодеяния, так как этим только смутят исповедующих, которые не поймут их*». Лишь немногие нарушили этот уговор. Ибо было чувство, которое они постоянно испытывали перед ним, чувство, без которого нет секты, — страх. Страх перед его силой, в которой он столько раз их убеждал. Без его силы, без его чудес они уже не могли жить. Без Учителя они — как слепые без поводыря. Как только он отправляется в Покровское, «дуры» заваливают его телеграммами. В Государственном архиве РФ сохранилось с десятков подобных телеграмм. А их были сотни!

«24.07.13. Очень больна, умоляю помочь. Сана». «13.04.16. Вернулась больная, на душе мрачно, прошу помощи. Сана».

Напомним: Сана — это Александра Пистолькорс, младшая сестра Вырубовой. А вот и телеграммы старшей... Верила ли она в его силу? Или просто демонстрировала веру, так радовавшую ее царственную Подругу?

«Живем тихо, немного тяжело, часто вспоминаю. Анна». «Мама все сильно болеет, настроение тяжелое, все беспокоятся. Анна».

Чаще всего она пишет по просьбе «мамы» — царицы, ибо, как Вырубова показала на допросе, после истории с письмом, похищенным Илиодором, сама Аликс «более никаких посланий Распутину не писала».

И я было хотел оставить чтение всех этих одинаково безумных строк, но четыре телеграммы, подшитые почти подряд, заставили меня буквально вздрогнуть. Заканчивались они одинаково: «Люблю, целую. Душка». Привожу их полностью:

«25.10.14. Из Петрограда. Новому. Вернулась на три дня, устала, но рада, что могу выдержать. Верю, что сил (прибавится? — Э.Р.) твоими молитвами. Люблю, целую. Душка».

«07.12.14. Из Петрограда. Новому. Сегодня вернусь через 8 дней. Приношу тебе в жертву мужа и свое сердце. Помолись, благослови. Люблю, целую. Душка».

«09.04.16. В Покровское из Царского Села. Новому. Всей душой, всеми мыслями с тобою. Помолись обо мне и Николае в светлый день. Люблю, целую. Душка».

«02.12.16. В Покровское из Царского Села. Новому. Ничего не пишешь, страшно по тебе соскучилась, приезжай скорее, помолись о Николае. Люблю, целую. Душка».

КТО ОНА?

Личность автора последних двух телеграмм, посланных из Царского Села, не вызывала сомнений — за подписью «Душка» скрывалась императрица. Так что все показания Вырубовой оказались ложью — Аликс по-прежнему писала мужику, хотя, видимо, и дала обещание Николаю не писать. Только вместо «мамы» она теперь подписывалась «Душка». Об авторстве царицы говорят и адрес отправителя (Царское Село), и, главное, — содержание посланий. В телеграмме, посланной 9 апреля 1916 года, говорится: «Помолись обо мне и Николае в светлый день». «Светлый день», который Аликс и Ники отмечали всю свою жизнь, — это 8 апреля, день их помолвки в Кобургском замке. И другая телеграмма, также посланная из Царского Села, где «Душка» просит «помолиться о Николае», естественно, тоже отправлена Аликс.

Но какова степень ее привязанности: «Всей душой, всеми мыслями с тобою»... «Страшно по тебе соскучилась»!

Так Государыня всяя Руси разговаривала с мужиком.

Но вернемся к другой телеграмме за той же подписью. В ней ни слова о Николае, зато — «Приношу тебе в жертву мужа и свое сердце»!

В сочетании с остальными телеграммами и письмом, опубликованным Илиодором, это звучит ужасно. Это почти шок! Толь-

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

•Н А Ш Д Р У Г•

ко позже я понял — к этой телеграмме царица вряд ли имела отношение. Во-первых, она послана не из Царского Села, а из Петрограда. Что же касается подписи, то не будем забывать, что «душка» — одно из любимых слов Распутина, так он звал и Жуковскую, и певицу Беллинг... И Аликс не знала, что она — тоже «душка», что демократ-мужик уравнил ее с другими. «Душками» для него были все его поклонницы. Так что первые две телеграммы отправлены, скорее всего, одной из многочисленных «душек», с которой он осуществлял «изгнание блуда»...

Но кто-то из членов Чрезвычайной комиссии сложил все эти телеграммы вместе. Их сочетание вряд ли случайно — видимо, эту подборку готовили к печати. «Всей душой, всеми мыслями с тобою», «Страшно по тебе соскучилась» вместе с «Приношу тебе в жертву мужа и свое сердце» — все это, приписанное императрице, обещало взрыв. Но публикация почему-то не состоялась...

Глава 8

ПЕРВАЯ КРОВЬ

«ОН БЫЛ ИСЧЕРПАН...»

Видимо, в конце 1913 – начале 1914 года Распутин начинает переживать духовный и физический кризис. Однообразное мельканье «дур», вереница голых тел вошли в привычку. Секс уже не «утончает» нервы, и постоянное присутствие «беса» вконец измучило...

Из показаний Филиппова: «Он был исчерпан со стороны внутреннего содержания, из... благостного душевного равновесия он вступил в период сомнений и тяжких разочарований во всем, особенно в смысле жизни».

Тогда же он начинает бояться потерять свою силу. Судя по показаниям Белецкого, «в конце 1913 года департамент полиции перехватил письмо одного из петроградских гипнотизеров, у которого Распутин брал уроки». Это подтверждается и другими полицейскими источниками: «1 февраля 1914 года... По имеющимся сведениям, Григорий Распутин, проживающий на Английском проспекте, 3, берет уроки гипноза у некоего Герасима Папандато (кличка Музыкант), примерно 25 лет, лицо смуглое, усы, форменная тужурка», – доносит агент наружного наблюдения.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

• Н А Ш Д Р У Г •

Он все чаще отказывается, когда его зовут лечить больных детей, говоря: «Может, Бог возьмет его теперь, чтобы уберечь от будущих грехов...»

Ему необходим допинг. Трезвым он чувствует страх. Что-то будет... уже приблизилось... Именно в это время он начинает пить.

С начала 1914 года все как-то сразу, дружно заговорили — скоро будет война. В дневнике царя вклеены фотографии — царица, наследник и великая княжна в мундирах полков, шефами которых они были. Военный акцент...

Военные настроения охватывали Европу. Люди давно не воевали — после наполеоновских войн, потрясших весь континент, прошло целое столетие. Человечество забыло кровь и запах сотен тысяч разлагающихся тел.

Царь, посетивший Германию, ясно почувствовал, что кайзер, «дядя Вилли», не прочь повоевать. Того же желала и Франция, жаждавшая отомстить за унижение — разгром в недавней войне с Германией. Да и сам Николай все чаще возвращается к любимым мечтам отобрать у турок столицу древней Византии — Константинополь. Контроль над проливами должен был сделать Черное море внутренним русским морем. Это был бы величественный подарок начавшемуся четвертому столетию его династии: Россия, наконец-то объединившая православный мир, — на развалинах поверженной мусульманской империи!

И опять царь с одобрением слушает воинственные мечтания великого князя Николая Николаевича, радостно ощущает популярность своего настроения. Молодая русская буржуазия хочет войны и старая аристократия тоже.

Но Аликс... Николай знает, как она панически боится войны, знает о ее предчувствиях. И хотя 31 декабря 1913 года он записывает в дневнике «Благослови, Господи, Россию и нас всех миром и тишиной», она должна догадываться — это ради нее. На самом деле Ники тоже думает о войне. А она — немка, и не ей выступать против войны с немцами...

И опять выходит, что только «Наш Друг» может спасти от войны, как спасал и прежде. Ники пасует, когда «отец Григорий» начинает пророчествовать... Вот почему она взывает в те

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

леграмме к Распутину — «соскучилась страшно!»! Ей необходимо, чтобы он быстрее вернулся в Петербург.

И он выезжает из Покровского. 9 марта 1914 года Распутин уже в Москве, остановился, как всегда, у старухи Анисьи Решетниковой, богатой купеческой вдовы. Ее дочь Анна в тот приезд Распутина была с ним неразлучна, сопровождала его повсюду, расплачивалась за него в ресторанах. Из Москвы Распутин должен был выехать в Крым и ожидать там прибытия «царей». Но Царская Семья оставалась пока в Петербурге, и 24 марта «Наш Друг» был вызван в столицу. Вместе с ним приехали его отец Ефим Распутин и Анна Решетникова.

Тогда и была сделана та фотография: Распутин в кругу почитателей и почитательниц, на которую попали Ефим и Анна.

Распутин не подвел царицу — посетив Царское, он, видимо, имел обычный разговор с царем, грозил будущими потрясениями. Но на сей раз его слова вызвали неожиданную реакцию: царь не захотел его слушать! А чуть позже мужику намекнули, что ему «для успокоения общества» неплохо пока побыть в Покровском.

Из показаний Молчанова: «В марте месяце 14 г. я зашел к Распутину и застал его расстроенным. «Ну беда, парень, — сказал он мне, — а вдруг мне придется совсем ехать в слободу Покровскую?» Так как в то время Вырубова и Пистолькорс ходили озабоченными, то я решил, что в Царском Селе были чем-то недовольны Распутиным».

Он — скандальная знаменитость, каждый его шаг старательно освещают газеты. «22 марта Распутин выехал в Тюмень с отцом», — пишет «Новое время». Ефим Распутин отправился отсюда в Покровское, а Григорий задержался в Тюмени. 28 марта корреспондент газеты видел его «в доме господина Стряпчих (тюменский друг Распутина, у которого тот обычно останавливался и на чей адрес часто приходили телеграммы поклонниц «старца». — Э.Р.). Он пил чай, сидя на диване в обществе двух барыnek, одна пышная брюнетка, а другая — пожилая, но не утратившая следов красоты». На следующее утро Распутин «по холодку

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

•Н А Ш Д Р У Г•

на своих лошадях выехал в Покровское, где проведет Пасхальную неделю».

Распутин едет по тракту, где когда-то они с отцом за гроши возили седоков и товары. В великолепной барской шубе, в дорожной бобровой шапке правит он лошадьми. Дорога еще не превратилась в грязь, еще стоят сибирские утренние морозы. Легко дышится — простор, воля...

НАКАНУНЕ КАТАСТРОФЫ

Ситуация в стране в это время была самой безоблачной. Торжества по поводу трехсотлетнего юбилея укрепили престиж династии, экономика была на подъеме, самодержавие вновь казалось незыблемым. Правда, в это время молодой Велимир Хлебников, наш странный гений, в напечатанном жалким тиражом сборнике «Союза молодежи» привел список дат, знаменующих падения великих империй. В конце списка было пророчество Хлебникова для России, дата гибели империи Романовых — *1917 год*. Но вряд ли кто-нибудь, кроме самих авторов никому не известного сборника, прочел это тогда...

Вчерашнее ощущение Апокалипсиса казалось теперь странным. Революционеры сидели по ссылкам или влачили жалкое существование в эмиграции. Ленин печально объявил соратникам, что его поколению не увидеть революции. Надвигавшаяся победоносная война, обещавшая новые рынки для России, должна была примирить молодую буржуазию с самодержавием.

Пожалуй, только мужик, оставшийся последним знаменем оппозиции, тревожил большую Романовскую семью и людей власти. Он был, как считали, и главным препятствием для начала войны.

И великий князь Николай Николаевич продолжал свою атаку на «Нашего Друга» в разговорах с царем. Аликс поняла: нужно торопиться увести Ники в Ливадию.

В конце апреля Царская Семья отправляется в Крым. Ники, как всегда, сопротивлялся недолго — Аликс победила. И уже газеты сообщают: Распутин выехал из Покровского в Ялту.

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

Опустел Ливадийский дворец... Прежнего любимца царя, великого князя Дмитрия Павловича, теперь не принимают. В изгнании за границей брат Михаил. Нет и сестры императрицы, великой княгини Елизаветы Федоровны, — врага «старца». Только «наши» — Вырубова, Лили Ден и он — Распутин.

Как обычно, изялтинской гостиницы его тайно возят в Ливадию. И как обычно, Ялта живет сплетнями об этих тайных визитах...

Заканчивается последняя «царская» весна в Ливадийском дворце. Ни Семья, ни Распутин больше никогда его не увидят.

«В мае Распутин предполагает вернуться в Петербург», — пишет газета «Русское слово». Действительно, он едет в столицу, но по пути, как всегда, останавливается в Москве. «3 мая 1914 года в Москву приехал Григорий Распутин и по обыкновению остановился у Анисьи Ивановны Решетниковой. Распутин опроверг слухи, что собирается сам в монахи... и что столкнулся с Джунковским».

После неудачной попытки Джунковского установить наблюдение за Распутиным, глава жандармов затаился, и новых столкновений между ними не было. Однако мужик знает — за ним следят. Но жаловаться сейчас — пустое: царь не с ним. Царь собрался воевать.

Распутину неуютно в Петербурге, он хочет уехать. Будто предчувствуя что-то, он сам хочет покинуть опасный город. Но Аликс боится отпускать его надолго — война на пороге. Распутин — ее последняя надежда. Понимают это и те, кто ждут начала войны... Полуграмотный мужик снова оказался в центре мировой политики.

Наступило лето — обманчивые политические каникулы. Императрица поверила в летнее затишье и наконец отпустила «Нашего Друга» в родное село. Газеты сообщают: «Распутин выезжает в Покровское, где проживет до августа, и опять вернется в Петербург». А пока репортеры спешат взять интервью у человека-сенсации. В свете надвигающихся событий журналист из «Нового времени» спрашивает Распутина: «Известно ли вам, что граф Витте... говорил о ваших добрых стараниях и заступничестве против тех, кто накликал войну?»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

«Достоинство национальное соблюдать надо, но оружием бряцать не пристало. Я всегда это высказываю», — отвечает мужик. И это тотчас печатается с ясным для читателя намеком: во время балканских событий вопросы войны и мира были отданы во власть полутрамотного мужика, и кончилось это нашим унижением и предательством славянских народов. Неужели позволим и на сей раз?

В который раз Аликс запрещает ему разговаривать с журналистами! 30 мая «Санкт-Петербургский курьер» сообщает, что Распутин «обратился к приставу с просьбой ограждения квартиры от посещения газетных сотрудников, которые его нервируют, одновременно он переменял номер телефона».

Но наконец, он вырвался из столицы — отбыл, бежал в Покровское...

ЗАГАДОЧНОЕ СОВПАДЕНИЕ

Он выехал из Петербурга вместе с верными почитательницами — Головиной и Вырубовой. 8 июня они прибыли в Тюмень и поехали по его обычному, любимому маршруту — в Верхотурский монастырь с мощами святого Симеона. Потом поклонницы отбыли обратно, а Распутин на лошадях погнал к Покровское. За ним по пятам следовали журналисты (вместо агентов, хотя не исключено, что некоторые из них исполняли роли агентов).

Недолго удалось Распутину мирно пожить в Покровском. В последние дни июня произошли два события, внешне несопоставимые. Но оба повлияли на судьбы мира.

Одно — общеизвестное: 14 июня в Сараеве сербский националист студент Гаврило Принцип убил наследника австро-венгерского престола Франца-Фердинанда. Это означало — взрыв «балканского котла» неизбежен! «Партии войны» в России, Германии и Австро-Венгрии ликовали. «Ну, теперь мы сведем счеты с Сербией!» — сказал министр иностранных дел Австро-Венгрии граф Бертольд. Но было ясно, что Россия не позволит удуть Сербии.

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

22 июня посол в Германии граф Татищев сообщил в Петербург, что кайзер Вильгельм решил поддержать Австро-Венгрию. Мировая война становилась реальностью.

Аликс решила вернуть мужика в столицу, хотя понимала, что Ники будет упрямым. Но пока она уговаривала мужа, телеграф принес в Царское Село весть, ее потрясшую, — в далеком Покровском неизвестная подошла к Распутину и пырнула его ножом в живот. Не прошло и двух недель после сараевского выстрела, как пал под ножом человек, который, возможно, мог остановить вмешательство России в события на Балканах, следовательно, предотвратить войну. Так странно совпали два кровавых события, необходимых, чтобы начать мировую бойню...

Действительно ли Распутин мог остановить войну? Об этом будут много писать и говорить. Певица Беллинг рассказала в своих воспоминаниях: «Однажды за обедом он сказал: «Кабы не эта проклятая баба-злодейка, что мои кишки перерезала, то не бывать войне... А пока мои кишки заживали, немец стал драться!»

В «Том Деле» Сазонов показывает: «Распутин сам мне подтвердил: если бы он был в Петрограде, войны бы не было».

Мужик имел право так говорить, потому что знал: не он в этом деле был главным, а *она*. Он лишь должен был исполнить свою роль — приехать в Петербург и пророчествовать. Чтобы *она с его пророчествами* могла сломить волю царя, не допустить войны.

Но двор и общество верили, что главный — он. Гучков показал: «Распутин к войне относился отрицательно. Одна итальянская корреспондентка спрашивала его еще перед войной — будет война или нет? Он ответил: «Да, они затевают... Но Бог даст, войны не будет, и я об этом позабочусь».

Так что, скорее всего, «позаботились» о нем самом...

РАССКАЗЫВАЕТ УБИЙЦА

Это случилось, когда Распутин возвращался из церкви. У ворот дома его поджидала женщина. Она попросила милостыню и, пока Распутин доставал деньги, выхватила нож и ударила его в живот.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

• Н А Ш Д Р У Г •

Все газеты России написали о происшедшем на первых полосах.

В Тобольском архиве находятся три тома следственного дела — «О покушении на убийство крестьянина Григория Ефимовича Распутина». Там есть показания покушавшейся: «29 июня после обеда... увидела идущего... Григория Распутина... Кинжал с ножнами у меня был привязан под юбкой... и я его вытащила через отверстие в кофточке... Один раз его этим кинжалом ударила в живот. После чего Распутин отбежал от меня, я за ним бросилась... чтобы нанести ему смертельный удар».

Так они бежали вдоль домов, мимо оцепеневшей толпы — маленькая женщина, размахивая кинжалом, и Распутин, зажимая рану рубашкой. Но ударить второй раз ей не удалось... «Он схватил лежащую на земле оглоблю и ударил меня один раз по голове, отчего я тотчас упала на землю... Это было днем, и сбежался народ, который говорил: «Убьем ее»... и взяли ту же оглоблю. Я быстро поднялась и сказала толпе: «Отдайте меня полицейскому. Не убивайте меня»... Мне связали руки, повели в волостное правление, по дороге... пинали, но не били».

Она назвалась Хионией Гусевой, жительницей Царицына. У этой еще нестарой женщины было страшное лицо с провалившимся носом. Хиония объяснила: «Я — девушка, у меня никогда не было детей, сифилисом я не страдала... меня испортили лекарствами, от них с 13 лет у меня провалился нос».

Несколько дней Распутин был между жизнью и смертью. И все почитательницы, и Царская Семья посылали ему телеграммы с пожеланием выздоровления.

Придя в себя и узнав, что Хиония приехала из Царицына, Распутин объявил: это царицынский монах Илиодор послал ему смертельный привет. Но Гусева участие Илиодора в деле отрицала, объясняла свой поступок «собственным решением»: «Я считаю Григория Ефимовича Распутина ложным пророком и даже антихристом... я решила убить Распутина, подражая святому пророку... который заколол ножом 400 ложных пророков».

«На допросе, — писала газета «Новое время», — Гусева выразила сожаление, что не убила старца... Хиония Гусева, по про-

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

фессии шапошница... познакомилась с Распутиным в 1910 году, когда он посещал Балашевское подворье в Царицыне, где жила монахиня Ксения, подруга Гусевой».

Газеты захлебывались от романтических версий. По одной из них Распутин соблазнил Гусеву, когда она была молода и прекрасна. По другой — Распутин растлил во время «радения» ее подругу, юную красавицу — монахиню Ксению, а Гусева отомстила за нее... И хотя вскоре выяснилось, что Ксения лишь издали видела Распутина (и, кстати, была весьма немолода), никто ничего не опровергал. Читатели жаждали «распутинских историй», и как только мужику стало лучше, в тюменскую больницу, где он лежал, прорвались журналисты.

Несчастье на какое-то время примирило с ним часть прессы. Тон газет на короткий период стал почти сочувственный. «Биржевые ведомости» писали: «Он сидел изможденный болезнью, в больничной рубашке, и рассказывал свои переживания... Широкой публике неизвестны его размышления, которые он заносит в тетрадку почти каждый день...» И корреспондент цитировал: «Великое дело быть при последнем часе больного. Получишь две награды — посетишь больного, и в это время все земное покажется тебе обман и сеть беса»...

Гусеву отправили в Томск, в лечебницу для душевнобольных. Это было единственно возможное решение — чтобы не допустить скандального судебного процесса, который мог вновь поднять волну ненависти к Распутину.

Н. Веревкин, тогдашний товарищ министра юстиции, показал в «Том Деле»: «Гусева была признана сумасшедшей... но эта женщина кричала: «Я в здравом уме и твердой памяти, я сознательно ударила его ножом»... Она была помещена в психиатрическую больницу... Потом родственники ходатайствовали о ее освобождении ввиду ее выздоровления. Но министр юстиции написал резолюцию: «Освобождение должно последовать не ранее, чем опасность больной для окружающих будет совершенно устранена».

Так что Гусевой предстояло сгнить в «психушке». Ее освобождает революция.

КТО УБИВАЛ?

Покушение на Распутина вызвало шок у несчастной Лохтиной, которая в то время была на хуторе у Илиодора. «Санкт-Петербургский курьер» писал: «Лохтина, узнав об убийстве Распутина, прибежала к дому Илиодора и кричала: «Судный день пришел! Покайтесь, пока не поздно!»... Полдня провела она, стуча и крича под дверью, пока сподвижники Илиодора не передали ей повеление «Христа» — убираться вон.

В Покровское Лохтина идти побоялась — она была изгоем и для почитателей Распутина. «В этот год, когда Гусева покушалась на Распутина, все его почитатели отвернулись от Лохтиной ввиду ее близости к Илиодору... Лохтина по-прежнему не верила в причастность Илиодора. Распутин же в этом не сомневался», — показала Мария Головина.

Действительно, Распутин упорно указывал на своего царицынского врага. Корреспондент газеты «Камско-Волжская речь» взял у мужика интервью, где он говорил о Гусевой: «Царицынская она... почитала Илиодора. Баба — она на все пойдет, если чужим умом живет. Подтолкнул-то ее Илиодор, она не свое дело делала. Она только молотком ударила, а наковальня чужая была».

В своей книге «Святой черт» Илиодор подтвердил близкое знакомство с Гусевой: «Хионию Гусеву я знаю хорошо; она — моя духовная дочь... До 18 лет она была очень красива лицом, а потом сделалась уродом: у нее отпал нос. Сама она объясняет это тем, что она молила Бога отнять у нее красоту. И Он отнял. Просто она во время паломничества по святым местам, ночуя по ночлежным домам в больших городах, заразилась скверною болезнью, сифилисом, и сделалась уродом». Но свое участие в подготовке покушения Илиодор категорически отрицал: «Я несправедливо обвинен Распутиным в подсылке к нему убийцы».

Однако Распутин передал следствию письмо, полученное в Покровском на его имя на третий день после покушения. «Я вышел победителем из этой борьбы, а не ты, Григорий! Твой гипноз рассеялся, как дым перед лицом солнца. Говорю тебе, что ты умрешь, несмотря ни на что! Я — твой мститель! Узник».

«Думаю, что это написал сам Илиодор», — показал Распутин. Письмо было приобщено к делу.

Но нам в отличие от следователей 1914 года не придется копаться в уликах и предположениях. В нью-йоркской библиотеке я прочел редчайшую книгу, переданную туда дочерью генерала Деникина. Книга называлась «Марфа Сталинградская», и автором ее был Илиодор. Написал он ее уже в Америке и издал на русском языке. В ней бывший монах и поведал о том, как он решил покончить с Распутиным. В «Новой Галилее», ночью, на берегу реки он собрал свою паству. Пришло около четырехсот человек. «Собрание избрало трех самых красивых девушек... они должны были заманить и убить Распутина». Но Хиония Гусева сказала: «Зачем губить красивых женщин, жизнь которых впереди? Я женщина убогая и никому не нужная... я одна предаю его казни. Батюшка, благословите меня заколоть его, как пророк древний заколол лжепророков». И монах благословил ее на убийство.

Итак, за Гусевой стоял Илиодор. Но только ли он один?

Уже 2 июля Илиодор успешно бежал из России. Сам он довольно подробно описывал свое бегство: «Я покинул родину и, переодевшись в женское платье, бежал за границу... Я перешел реку около города Торнео четырьмя километрами выше таможи и пограничной стражи».

Но самое интересное он все же не рассказал... Как покажут свидетели: «Илиодор бежал из своего дома *на автомобиле*».

Но откуда взялся автомобиль у бедного иеромонаха? Каким путем его доставили через полстраны до финского Торнео? Кто организовал бегство, кто заплатил проводнику, знавшему расположение пограничных постов и благополучно переправившему Илиодора через границу?

И еще: Белецкий в своих показаниях расскажет, как впоследствии, желая завоевать доверие Распутина, он сообщил мужику неизвестный ему факт — как выпустили за границу жену Илиодора с опасным архивом монаха. Выпустили, «несмотря на донесения и даже несколько телеграмм в департамент полиции от начальника Саратовского жандармского управления и Саратовского губернатора *на имя Джунковского* с просьбой задержать и

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

обыскать жену Илиодора, с указанием времени ее отъезда. Но разрешение было дано только... когда она уже выехала и благополучно проехала границу».

Все тот же Джунковский — руководитель тайной полиции, близкий к Элле и великому князю Николаю Николаевичу! Это не случайно...

1 июля, сразу после покушения, за Распутиным было установлено официальное наблюдение полиции — для его охраны. Однако ознакомимся с интереснейшими показаниями Джунковского Чрезвычайной комиссии: «У меня было учреждено за Распутиным двойное наблюдение... Каждый день я получал рапорты, куда Распутин отправлялся, сколько времени пробыл и у кого... *Наблюдение было установлено... как раз перед тем, как на него было совершено покушение*».

Выходит, наблюдение было установлено *перед* покушением, а не *после*? Может быть, Джунковский оговорился?

Скорее — проговорился! Официальное наблюдение установили *после* покушения. А неофициальное было уже *перед* покушением. Только — за чем наблюдали? За безопасностью Распутина? Или... за его убийством?

«Илиодор придумал меня убить»... Как долго Распутин мог в это верить? Неужели умный мужик мог пропустить мимо ушей рассказ Белецкого о потворстве Илиодору со стороны «больших людей»? Конечно же нет!

Уже вскоре он окончательно поймет, что его гибель неотвратима, как и гибель этой несчастной, наивной пары, окруженной не любящими их родственниками, а враждебным двором и обезумевшим обществом, которое рвалось к войне. И свой страх он теперь все чаще будет заглушать вином...

Окончательно свершается перелом его жизни. Долгое время он воздерживался от вина, ибо знает себя. В «Тобольском деле» он говорит следователю: «Вино бросил лет 10 тому назад, *пьяный имею скверный характер*».

«Скверный характер» Распутина — это проснувшийся зверь, беспредельность, безумие разгула. Есть вечный ветер, который вырывается из-за Урала и мчитя по бескрайней равнине. Так

порой и в русской душе вечно бьется, бушует необъятная, опасная сила. И горе, если она вырывается наружу...

Теперь Распутин уже будет пить по-настоящему, «по-черному». Теперь ему будут нужны деньги — и огромные. Теперь ему придется не замечать, как выкачивает мзду с просителей его «секретарша» Лаптинская... Что ж, он может принять это как некую плату за свою «работу» — ведь по милости «царей» он оторван от крестьянского труда. «Цари» не платят, так пусть хоть их подданные дадут погулять вволю нищему мужику! Погулять напоследок! Чтобы всем этим господам было что вспомнить! Поминайте мужика Гришку!

Обе его фамилии оказались пророческими: после удара кинжалом он стал и «Распутиным», и «Новым».

ВОЙНА И ПРОРОЧЕСТВО РАСПУТИНА

В Петербурге Аликс наблюдала смешанную с ужасом радость приготовлений к войне. А за тридевять земель, в Сибири, боролся со смертью полуживой «Наш Друг»...

6 июля в Вене был утвержден текст ультиматума Сербии. Однако вручить его решили лишь 10 июля, после отъезда из Петербурга французского президента Пуанкаре, чтобы не дать возможности Франции и России сразу договориться о совместных действиях.

Пуанкаре прибыл в Россию 7 июля с трехдневным официальным визитом, во время которого было подписано секретное соглашение, подтверждавшее взаимные военные обязательства. Во время обеда в честь президента «черная женщина» Стана радостно выкрикивала: «Раньше конца месяца у нас будет война... наши армии соединятся в Берлине!» На маневрах под грозовым небом царь и президент восторженно наблюдали мощь российской армии...

Во время этих маневров императрице чуть не сделалось дурно, а после упомянутого обеда изумленный французский посол Палеолог записал: «Каждую минуту она кусает губы, и ее лихора-

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

•Н А Ш Д Р У Г•

дочное дыхание заставляет переливаться огнями бриллиантовую сетку, покрывающую грудь... бедная женщина, видимо, борется с истерическим припадком».

Через час после отбытия Пуанкаре на родину австро-венгерский посланник в Белграде вручил сербскому правительству ультиматум. Сербия тотчас обратилась к России за защитой.

12 июля Совет министров под председательством Николая II ввел в действие «Положение о подготовительном к войне периоде». Вечером членам комитета Генштаба было сообщено о решении царя «поддержать Сербию, хотя бы для этого пришлось объявить мобилизацию и начать военные действия, но не ранее перехода австрийскими войсками сербской границы».

Франция готовилась к войне одновременно с Россией. Германия и Австро-Венгрия начали подготовку на две недели раньше. Англия привела свой военно-морской флот в состояние боевой готовности. А пока шли лихорадочные дипломатические переговоры, которые ничего уже изменить не могли.

И все это время летели лихорадочные телеграммы Аликс — сначала в Тюмень, а потом в Покровское, куда перевезли раненого Распутина.

«12.07.14. Срочно. Тюмень... Новому из Петергофа. Серьезная минута, угрожают войной».

«16.07.14. Плохие известия. Ужасные минуты. Помолись о нем, нет сил бороться с другими».

Она молила о помощи, и мужик не оставил ее. Полуживой, он взялся за свое корявое перо...

16 июля был подписан «Указ об объявлении общей мобилизации». Николай Николаевич торжествовал, вся воинственная Романовская семья радовалась! Но, видимо, в это время царь получил *ту телеграмму* из Покровского, которую так ждала Аликс...

Скорее всего, подобных телеграмм Распутин послал несколько. Но эта была самая страшная — с грозным предсказанием.

Из показаний Бадмаева: «И в эту войну он... послал телеграмму о том же (чтобы не воевать. — Э.Р.), но его не послушались».

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

Из показаний Вырубовой: «И тогда, когда отдано было распоряжение о мобилизации, перед началом нынешней войны, он прислал Государю телеграмму из слободы Покровской с просьбой устроить как-нибудь, чтобы войны не было».

Как явствует из документов департамента полиции, Распутин уже во время войны, 20 июля 1915 года, «будучи в селе Покровском... сказал агенту Терехову: «Прошлый год, когда я лежал в больнице, просил Государя не воевать... и по этому случаю послал Государю штук 20 телеграмм, из коих одну *очень серьезную*».

В книге «Русская революция», вышедшей в Париже в 1968 году, была напечатана фотокопия телеграммы Распутина царю (судя по всему, именно ее он называл «очень серьезной»): «Грозна туча над Россией: беда, горя много, просвету нет, слез-то море, и меры нет, а крови? Что скажу? Слов нет, а неописуемый ужас. Знаю, все хотят от тебя войны, и верные, не зная, что ради гибели. Тяжко Божье наказание, когда Он отымет путь... Ты царь, отец народа... *не попусти безумным торжествовать и погубить себя и народ*... Все тонет в крови великой... Григорий».

То же самое предвидел еще один прозорливец — Владимир Ильич Ленин: «Война Австрии с Россией была бы очень полезной для революции (во всей Восточной Европе) штукой»...

И свершилось невероятное: после распутинской телеграммы был отменен царский указ о мобилизации, которой так ждали союзники, ждал весь мир! Вечером, когда на телеграфе все уже было подготовлено к рассылке телеграмм с указом, последовал телефонный звонок царя: отменить!

Среди министров и в Генеральном штабе началась паника. Решено было объявить отмену указа «недоразумением, ошибкой, которая будет вскоре исправлена». Министр иностранных дел Сазонов и начальник Генштаба Янушкевич совещались: кого послать к царю — уговаривать исправить «ошибку».

Но Николай никого не принимал. И тогда «Грозный дядя» сумел добиться аудиенции. Он и убедил царя в том, чего тот сам так хотел...

17 июля в 3 часа дня Николай принял Сазонова и подтвердил согласие на общую мобилизацию. Сазонов немедленно позво-

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

нил Янушкевичу. Свое сообщение министр завершил фразой: «Теперь можете сломать телефон».

В 17 часов 30 минут телеграммы были разосланы.

Кайзер предложил русскому правительству к полудню 19 июля «приостановить всякие мероприятия, угрожающие Австрии и Германии», то есть прекратить мобилизацию. По истечении срока ультиматума, вечером того же дня, Германия объявила войну России.

Немецкий посол граф Пурталес со слезами на глазах вручил Сазонову соответствующий меморандум. «В 2 часа дня 20 июля состоялось торжественное богослужение в Зимнем дворце. И там же произошло публичное объявление войны. Я видел только радость на лицах. Царица с царем вышли к тысячам заполнившим площадь, и толпа пала на колени. Она же казалась такой взволнованной, что закрыла лицо руками, и по конвульсивным движениям ее плеч можно было предположить, что она плачет», — написал в своих воспоминаниях последний директор департамента полиции Васильев.

«20.07.14. Германия объявила нам войну, молись, отчаивается», — такую телеграмму послала Аликс в Покровское.

Но уже на следующий день Ники забудет про свое отчаяние.

«21.07.14. Николай просит благословить брата на войну, *настроение здесь бодрое*».

Верховным главнокомандующим царь назначил «Грозного дядю» — любимца армии, великого князя Николая Николаевича — главного врага Распутина. Аликс пришлось смириться — угар радости от предвкушения грядущей победы был всеобщим.

«Объявляем верным нашим подданным, что следуя историческим своим заветам, Россия, единая по вере и крови со славянскими народами, никогда не взирала на их судьбу безучастно. С полным единодушием и особою силой пробудились эти братские чувства русского народа к славянам в последние дни, когда Австро-Венгрия предъявила Сербии заведомо неприемлемые для державного государства требования. Презрев уступчивый и ми-

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

ролюбивый ответ сербского правительства, отвергнув доброжелательное посредничество России, Австро-Венгрия поспешно перешла в вооруженное нападение, открыв бомбардировку беззащитного Белграда... В грозный час испытания да будут забыты внутренние распри, да будет еще теснее единение царя с народом...»

Так писал Николай в своем Манифесте о вступлении России в войну.

Между тем «Грозный дядя» решил окончательно расправиться со своим врагом. Получив донесение о «серьезной» телеграмме Распутина, Верховный главнокомандующий вознамерился не менее серьезно поговорить с Николаем о мужике, посмевшем пугать поражением Государя всея Руси. Но согласно показаниям все того же агента Терехова, «Распутин сказал... что за эту телеграмму его якобы хотели предать суду... но Государь... ответил: «Это наши семейные дела, они суду не подлежат».

Великому князю указали его место.

Глава 9

НОВЫЙ РАСПУТИН

ВОЗВРАЩЕНИЕ

В столице Распутин появился в конце августа. Теперь он поселился в новой квартире на Гороховой улице.

Из показаний Филиппова: «Вырубова перевела Распутина на Гороховую, в дом удобный для встреч».

Во дворе дома слонялись агенты — после покушения его вновь охраняли. Так возобновилась полицейская летопись его жизни. «Темный» — такую уничижительную кличку дали теперь Распутину люди Джунковского.

Первыми к нему пришли старые друзья: «Темного посетил Молчанов 21–23, 29 августа».

Из показаний Молчанова: «Я не видел его до конца августа 1914 г., когда он, оправившись от покушения, вернулся в Петроград... он ходил сгорбленный в халате, потому что ему еще бинтовали рану и не позволяли одевать обычный костюм. Настроение у него было заметно подавленное... Он рассказывал мне о покушении, о том, как какая-то «стерва» ранила его, как он бежал, зажав рубашкой рану, как при стеариновых свечах в селе Покровском ему делали операцию и как доктор удивлялся тому, что он не умер».

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

Он все еще жил непреходящим ужасом и недавней болью. Он с трудом разгибался. Но набросив пальто на его больничный халат, Аня повезла Распутина на встречу с царицей — «25 августа Темный отправился вместе с Вырубовой в Царское Село».

Как она его ждала... Уже захлебнулось русское наступление в Восточной Пруссии и погибла в Мазурских болотах армия генерала Самсонова. К началу сентября русскую армию вытеснили из Восточной Пруссии, но она все надеялась, что можно как-то остановить начавшуюся бойню, и писала Ники: «24 сентября... Эта ужасная война, кончится ли она когда-нибудь? Я уверена, что Вильгельм переживает иногда моменты отчаяния при мысли... что он ведет страну к гибели... Сердце мое обливается кровью при мысли о том, сколько труда потратили папа и Эрни для того, чтобы наша маленькая Родина достигла полного процветания». Она уже представляла разорение своего крохотного княжества...

«Эта ужасная война, кончится ли она когда-нибудь?»... Но царь не слышал ее мольбы. Ибо, несмотря на поражение армии Самсонова, на юго-западном направлении русские войска действовали на редкость удачно — к середине сентября, разгромив австро-венгерскую армию, они заняли Галицию и ее древнюю столицу Львов.

ПРОРОЧЕСТВА МЕНЯЮТСЯ

Распутин понял: выступать против войны пока нельзя. Общество пребывало в счастливом угаре: «Подпишем мир только в Берлине!» «Все уже сошли с ума», — писала поэтесса Зинаида Гишпиус.

Толпа громила немецкие представительства. На сессии Думы царил трогательная атмосфера единения министров и депутатов. И Аликс должна была все время говорить о войне до победного конца, она не смела не вступить в общий хор. «Наш Друг» ее поддержал. В то время, как показывала Вырубова, Распутин «указывал на необходимость довести войну до победы. Ни слова о сепаратном мире он не говорил».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

Но, говоря о победе, он не забывал добавлять то, что так хотела услышать царица. Уже тогда «Распутин предсказывал, что война дастся России очень тяжело и вызовет огромные потери».

И опять «Темного везут в Царское Село» — отмечают агенты. Но в Царском наблюдать за ним запрещено — там он исчезает в домике Ани.

Из ворот Александровского дворца выезжает коляска с царицей. Иногда с нею дети. Коляска останавливается у маленького домика Ани — единственного места, где Аликс может встретиться с «Нашим Другом». Она не смеет привезти его к себе — царь не хочет раздражать «Грозного дядю». Теперь Распутин может прийти во дворец лишь в крайнем случае, когда наследник болен. Аликс распорядилась не заносить его посещения в камер-фурьерский журнал, в эту летопись дворцовой жизни, но по вечной российской халатности записи все-таки проскользнут: «17 октября 1914 г. в 8.30 Ее Величеством был принят Распутин... 23 апреля 1916 г. в 9.20... 5 сентября в 9.45 — изволили принимать Распутина». Всего три записи, но сколько раз он на самом деле приходил помочь «Солнечному лучу»?

Здоровье постепенно возвращалось к Распутину, а с ним — и радости жизни. Согласно донесениям агентов, каждый день после его возвращения (с 22 по 29 августа) в его доме — хорошенькая брюнетка, баронесса Кусова. И в Царском Селе он встречается не только с царицей и Аней. Здесь во дворце великого князя Павла Александровича живут Сана и Александр Пистолькорсы. Но Ольга — мать Александра — ненавидит Распутина, оттого Пистолькорсы и вынуждены встречаться с ним тайно в домике Вырубовой.

С 7 октября всю неделю у мужика на Гороховой постоянная гостья — красotka Сана с фарфоровым личиком. Присутствие ее мужа агенты не отмечают... Посетил его и старый друг Филиппов — 26 августа. Жизнь входила в колею. Точнее — в новую колею, ибо сразу после возвращения он начинает жестоко пить. Теперь он пьян даже днем. «5 октября в 6.30 пополудни, — добросовестно записывает агент охраны, — он сел на пролетку выпивши и дорогой на извозчике задремал». Городовой хотел отправить его в участок, но агент объяснил ему, что это — Распутин.

НОВЫЕ РОЛИ АЛИКС

Со дня его возвращения в столицу уверенность возвращается к Аликс «Посланец Божий» победил смерть, и в этом она видит доброе предзнаменование. Теперь она сильна. Теперь он с нею. Он остается с нею даже в ее письмах к Ники — в ее ежедневной беседе с царем.

Впервые в жизни Аликс и Ники пришлось надолго расстаться. Царь — на фронте, в Ставке Верховного главнокомандующего. Как она боится общения Ники с «Грозным дядей» и его окружением — ведь все они ненавидят «Нашего Друга» и наверняка говорят разные гадости доверчивому Ники! Вот почему, заваливая его письмами, она будет стараться все время напоминать о «Нашем Друге». Только за первые полтора года переписки Распутина упоминается в письмах царицы более 150 раз.

Из письма Аликс: «19 сентября 1914... Я знаю, несмотря на множество предстоящих дел, ты сильно будешь ощущать отсутствие твоей маленькой семьи и драгоценного крошки. Он быстро поправится теперь, когда Наш Друг его навестил, и это будет для тебя утешением...»

Как только Ники возвращается в Царское, она организует их встречи. И не забывает устами Распутина объяснять Ники, как опасен для него Верховный и его семейка...

«20 сентября 1914... Наш Друг... остался очень доволен вчерашним свиданием с тобой... Григорий ревниво любит тебя, и для него невыносимо, чтобы Н<иколай Николаевич> играл какую-либо роль...»

Теперь, встречаясь с «Нашим Другом» у Ани, она соблюдала правило, выработанное совместно с Ники, — свидетелей этих встреч быть не должно. Видимо, поэтому она пишет мужу: «23 сентября... Аня обиделась, что я не была у нее, *но у нее была куча гостей*, и Наш Друг пробыл там три часа...»

Но уже на следующий день: «24 сентября... слетала на полчаса с Ольгой к Ане домой, так как Наш Друг сидел у нее и выразил желание меня видеть. Он расспрашивал о тебе... Дай тебе Боже мужества, крепости и терпения... веры в тебе больше, чем у кого

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

•Н А Ш Д Р У Г•

бы то ни было, и она хранит тебя... И Наш Друг помогает тебе нести этот тяжелый крест и великую ответственность...»

«24 октября... Наш Друг намеревается уехать... к себе на родину и хочет прийти к нам сегодня вечером».

Но она не хочет отпускать его без очередного свидания с Ники, который вскоре должен вернуться. Она хочет, чтобы он *внушал царю новую идею*, которая у нее появилась с начала этой страшной войны...

«25 октября... Вечером заезжал на часок Наш Друг; он решил дожждаться твоего возвращения, а уж затем уехать на некоторое время к себе на родину... По-видимому, Лавриновский (Таврический губернатор. — Э.Р.) губит решительно все, высылая добрых татар в Турцию... и Наш Друг выразил желание, чтобы я немедленно поговорила с Маклаковым (министром внутренних дел — Э.Р.), так как, по его мнению, не следует терять времени до твоего возвращения...»

«Наш Друг» советует ей то, о чем давно мечтает эта безмерно волевая, властная натура — *заняться самой управлением государством* в отсутствие Ники! И это он должен будет объяснить царю...

В конце октября Николай вернулся в Царское. Мужик дождался возвращения царя. Встреча была радостной. Русская армия, отеснив австро-венгерские части, уже стояла у границ Германии. Правда, предстояло открыть новый фронт — 29 октября в войну против России вступила Турция.

Из дневника Николая: «Находился в бешеном настроении на немцев и турок. Только... под влиянием успокаивающей беседы Григория душа пришла в равновесие». После ежедневного ужаса принятия ответственных решений ему нужен был Распутин со словами о Божьей Любви к династии, и... с новой, такой понятной идеей: теперь, когда он на фронте, «оком Государевым» в тылу станет она. Императрица должна присматривать за делами государственными.

Теперь «Наш Друг» мог спокойно уехать к себе в Покровское. Вслед за ним уехал и царь — сначала к войскам в тылу, потом на Кавказ, на новый турецкий фронт. Отныне задача Распутина — продолжать подбадривать его бессвязными посланиями о гря-

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

дущей победе. Что он исправно и делал. «Ангелы в рядах воинов наших, спасенье неколебимых героев с отрадой и победой» — такую телеграмму «Нашего Друга» царица пересылает мужу.

Но в это время Аликс захватывает еще одна идея, которая на время отодвигает в сторону даже жажду государственной деятельности.

С фронта привозят тысячи раненых, изувеченных, и царица со всей силой своей необъятной энергии отдается благому делу. Она и великие княжны становятся сестрами милосердия. Аликс организует санитарный поезд, размещает в Царском Селе госпиталь. Все это так созвучно ее религиозной натуре.... И «Наш Друг» немедленно откликается.

Из письма Аликс «21 ноября 1914... Вот телеграмма, которую я только что получила от Нашего Друга: «Ублажишь раненых, Бог имя твое прославит за ласкоту и за подвиг твой». Так трогательно! Это даст мне силы преодолеть мою застенчивость».

«Наш Друг» чувствует, как старается царица выйти из добровольного затворничества в Царском Селе, стать «Сестрой Милосердия для всей России». И это необходимо, чтобы замолк гнусный шепоток, который ей все время мерещится за спиной — «немка!» И ей так трудно — этой застенчивой женщине, которая стыдится даже своего английского акцента, который здесь почему-то считают немецким... Вместе с дочерьми она самоотверженно трудится в госпиталях.

«27 октября... Сейчас посетим еще один лазарет... туда мы поедем в одежде сестер милосердия, что так нравится Нашему Другу... и завтра также...»

«28 ноября... По временам я ощущаю упадок сил, опиваюсь лекарствами от сердца, и опять дело идет на лад. Кроме того, Наш Друг хочет, чтоб я разъезжала (по госпиталям. — Э. Р.), а потому я должна подавить свою застенчивость...»

Окруженная недоброжелательством двора, она истосковалась по любви. И вот она — любовь раненых, любовь простых людей! Мечта сбылась!

Объезжая госпитали, она приехала в Воронеж, встретилась с Ники, чтобы вместе отправиться в Москву.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

• Н А Ш Д Р У Г •

Их встречает колокольный звон бесчисленных московских церквей, торжественные молебны, радость народа... Потом она возвращается в любимое Царское, а Ники — в ненавистную ей Ставку, к «Грозному дяде». Распутин в то время находится в Покровском, и она опять зовет его.

«14 декабря... Наш Друг должен завтра приехать. Он говорит, что мы скоро получим более благоприятные вести с театра войны...»

И вот он приезжает — и сама природа радуется появлению «Божьего человека».

«15 декабря... Ясный солнечный день... А<ня> поехала Его встречать...»

Тотчас по приезде Распутин услышал телефонный звонок — от «мамы».

«16 декабря... Я минутку говорила с Гр<игорием> по телефону, он передает: «Крепость духа — буду на днях у вас, переговорим обо всем».

Дела на фронте начали осложняться, но Распутин сообщил царице то, что она хотела от него услышать. «17 декабря... Сегодня утром Наш Друг сказал ей (Вырубовой. — Э.Р.) по телефону, что последние вести несколько успокоили его...»

Аликс также не забывает ревниво бороться с Верховным главнокомандующим... словами Распутина!

«22 января 1915... Она (Вырубова. — Э.Р.) просит меня сказать тебе то, что она забыла тебе вчера передать по поручению Нашего Друга, а именно, что ты не должен ни разу упомянуть о Главнокомандующем в твоём Манифесте, все должно исходить исключительно от тебя к народу...»

Как выяснится, Верховный знал об этих письмах.

РУСЬ КАБАЦКАЯ

Под Рождество с Распутиным случилось странное происшествие. «Из заметки в «Биржевых новостях»... я прочел о том, как на его пролетку... налетел автомобиль», — показал Молчанов.

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

Столь редкий в те годы автомобиль налетает именно на ту пролетку, где едет Распутин...

Одновременно с этим происшествием возобновилась газетная травля. Теперь ему припомнили все его заботы о мире. «Григорий Распутин... есть злейший враг святой Христовой церкви... Во время освободительной борьбы балканских стран... только враг православной церкви мог советовать русской дипломатии смотреть спокойно на зверства и неистовства турок... Не на счастье России ей посылаются такие духогасители православия, бездушные лжепророки», — писал журнал «Отклики на жизнь» в декабре 1914 года.

Так его опять предупреждали: не смей совать нос в политику. Но уйти в сторону он уже не мог: царице требовались нужные пророчества.

И он еще раз должен был понять — погибель неизбежна!

И оттого пьянствовал теперь всюю. Бесконечные попойки и безумное веселье хоть как-то подавляли страх. Его квартира все больше становилась похожей на притон. И все чаще, напившись, он пускается в безумную пляску, так напоминающую хлыстовское «духовное пиво». Здоровье окончательно вернулось к нему, а вместе с ним — пугающая звериная сила и выносливость.

В «Том Деле» Филиппов самым подробным образом описывает распутинское пьянство (кстати, он сам был подвержен вечной «русской болезни» и в рассказах об их совместных загулах не в силах скрыть восхищения этими «эстетическими оргиями»):

«В 1914 году, уже когда он впал в период безумства и оргий... Распутин просидел у меня с 12 дня до 12 ночи, причем много пил, пел, танцевал, беседовал с публикой, которая была у меня. Затем, увезя несколько человек на Гороховую, продолжал пить с ними до 4 утра сладкие вина. Когда заблаговестили (дело было перед Великим Постом. — Э. Р.), то он выразил желание ехать к заутрене и... добрался туда и отстоял всю службу до 8 утра и, вернувшись, как ни в чем не бывало принимал публику в количестве 80 человек.. При этом он пил удивительно — без всякого скотства, столь обычного в пьяном русском мужике... Я много раз недоумевал, как можно сохранить в чистоте голову, которая всегда была смазана у него каким-то маслом, и как после всякого рода попок

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

и эксцессов не пропитаться потом... Кстати, рвоты, обычной после попок, у него никогда не было. Я никогда не припомню какой-либо внешней непристойности в его костюме, например расстегнутых брюк, хотя в 1915 году он посещал меня ежедневно, иногда 2 раза в день, и попойки достигали таких... размеров, что моя квартира превращалась в сплошной трактир».

Но начинаются неприятности. На одной пьянке «Нашего Друга» побили, на другой он расхвастался и рассказывал о встречах с «царями»... Филиппову уже кажется, что Распутин гибнет на глазах. Особенно его испугали пьяные разговоры о Царской Семье. И Филиппов решил переговорить с Вырубовой.

«В конце 1914 — начале 1915 года Распутин... усиленно пьянствовал и был занят похождениями у «Медведя» и в других ресторанах, где даже осмеливался афишировать свое влияние на Высоких Особ. Я написал письмо Вырубовой, где описывал конкретные похождения Распутина у «Медведя», окончившиеся его избиением, настаивал на решительных мерах воздействия на Распутина».

Но вместо того чтобы принять «решительные меры», Аня немедленно рассказала Григорию об опасных жалобах его друга, после чего Распутин явился к Филиппову и «вступил в бурные объяснения»: сказал, что «никакая Вырубова и вообще никто на него повлиять не могут, и если он даже снимет сапоги и заставит Вырубову целовать его ноги, то она это сделает».

Взбешенный Филиппов отправился к Подруте для объяснений, и она ответила со вздохом: «Вы говорите о том, что я передала ему содержание вашего письма о нем, но это единственный случай... и единственный человек, перед ним я бессильна».

Умная Вырубова не стала объяснять парадокс, который не понимал Филиппов (и который с опозданием, придется понять врагам Распутина). Феликс Юсупов впоследствии сформулирует его так: каждый скандал вокруг Распутина только укрепляет его положение.

Именно в то время царице все чаще докладывали о пьянстве «отца Григория», но каждое сообщение о его непотребствах вызывало ее бурный гнев... в адрес доносчиков! Она не могла

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

объяснить обычным людям, жившим в обычном мире, то, что знала сама, — мистическую тайну его безумств, его юродство. Разве погрязшие в суете могут понять святого, его смиренную жажду терпеть поношение? Теперь Аликс знала: ее долг — защитить «Божьего человека», сохранить его у трона. Каждое его пьяное безумство, сопровождавшееся хором обличений, заставляло ее бросаться на врагов «старца» и жестоко, без объяснений, расправляться с ними. А для того чтобы ничего не объяснять непонятливым, она придумала свою версию: когда ей показывали донесения агентов о пьяных «подвигах» Распутина, она возмущенно приказывала полиции отыскать презренного человека, осмелившегося выдавать себя за «отца Григория».

Мужик оценил всю выгодность ситуации. Теперь каждый пьяный скандал помогал выманить врагов из укрытий и погубить их. Так что он мог кутить без оглядки!

Но порой в разгар пьянки раздавался звонок из Царского, и ему сообщали, что Алексею плохо. Таинственным образом протрезвев (так что улетучивался даже запах алкоголя), он отправлялся в присланном автомобиле спасать мальчика.

Во дворце он был прежним — чистым, ласковым, но без раболепства. Независимым, а порой и грозным, как и положено про року.

ПЕТЛЯ ЗАТЯГИВАЕТСЯ

После большого перерыва Жуковская возобновила общение с Распутиным. В своих воспоминаниях она описывает свой первый визит в его новую квартиру на Гороховой улице: «Пройдя под темным сводом во двор, залитый асфальтом, я подошла к парадной двери трехэтажного красновато-коричневого дома... она сама открылась мне навстречу. Очень любезный швейцар пояснил мне, раньше моего вопроса, что Распутин живет во втором этаже, и дверь к нему обита малиновым сукном. Пока он снимал с меня ботинки, я подозрительно посмотрела на некую личность... сидевшую в углу за маленькой железной печкой: он излишне внимательно вглядывался в каждого входяще-

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

го, и вслед за тем принимал глубоко равнодушный вид. Такие же личности были теперь на этажах, ведущих в его квартиру, и около дома».

На Гороховой Распутин находился под неусыпным наблюдением. Джунковский называл это «охраной» — естественно, исключительно в целях безопасности «Нашего Друга». Чтобы царица не заподозрила дурного, ей время от времени показывали «перехваченные письма с угрозами убить Распутина». Так что Джунковский получил возможность контролировать каждый шаг «Темного».

В архивах департамента полиции сохранился отчет: «Установлено наружное наблюдение за Темным, проживающим: Гороховая, 64... Первое время оно результатов не давало, так как он был слишком осторожен и к тому же окружен поклонниками, старавшимися его увезти. Так было до тех пор, пока не было получено письмо (анонимное) с угрозой убить Распутина. В соответствии с этим Охранное отделение предложило Распутину охранять его и назначить двух агентов — Терехова и Свистунова. Предложение он принял. Агенты, охранявшие Распутина, одновременно выполняли требование департамента полиции выяснять лиц его посещавших. Вполне доверяя им, Распутин их часто брал с собой, что облегчало работу. При выездах в Покровское или Москву его сопровождали те же агенты и сообщали в департамент полиции... письмами 2 раза в неделю».

Еще с юбилейных торжеств Распутин отлично знал, как к нему относится Джунковский. А еще раньше (со столыпинских времен) он понял, что агенты не столько охраняют, сколько шпионят за ним. Но отказаться от охраны мужик сейчас не мог — если ее уберут, то его тут же пристрелят прямо на улице, как собаку. Шла война, Петроград был набит вооруженными людьми, так что списать убийство было на кого... Столкновение пролетки с автомобилем показало — враги не дремлют.

Но не может жить, как пленник, под надзором, ожидая, когда с ним расправится его же охрана...

Есть один путь к спасению! Надо убрать врагов, выгнать их прочь, вытолкать в шею — Джунковского, всех! Нужен переворот — приход во власть «наших»!

И он знал — это получится, потому что понял: о том же мечтает и «мама»... Так что хватит заливать страх вином, пора действовать! Тем более что к началу 1915 года вокруг него уже стала собираться команда удалых, опасных людей.

КОМАНДА ПРОХОДИМЦЕВ

Это были те, кого Филиппов честил «проходимцами и спекулянтами», а Распутин именовал «секретарями». Появились они не случайно — их привлекли деньги, огромные деньги, крутившиеся теперь в скромной квартире на Горюховой.

В то время в руках Распутина оказалось мощное оружие — прошения граждан. Предприниматели и чиновники, военные и штатские, бедные русские люди и богатые, но бесправные евреи — все они были беспомощны перед извечной чудовищной машиной русской бюрократии. И «Наш Друг» предоставил им возможность обойти ее — минуя все бюрократические заслоны, прошения из рук мужика попадали прямо на вершину власти — министрам и «царям». Он давал просителям полуграмотные рекомендательные записки, называемые им «пратеци» (протекции). И министры, таясь друг от друга, старались исполнить просьбу фаворита!

Теперь его передняя была набита посетителями. Жуковская описала «ожидальню» — «пустую комнату с редкими стульями, где было полно самых разнообразных посетителей, начиная с генерала при всех орденах, кончая каким-то невзрачным человеком в синей чуйке, сильно напоминавшим какого-нибудь деревенского трактирщика».

Из показаний Молчанова: «У Распутина появились в большом числе просители... Распутин обычно выбегал в другую комнату, брал клочок бумаги и писал каракулями записку к министрам или власти имеющим... Прощения Распутин отдавал царям через Вырубову».

«Мы с Вырубовой часто ездили к Распутину в Петроград. Вечер всегда заканчивался тем, что Вырубова брала у Распутина

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

• Н А Ш Д Р У Г •

кипу разных прошений и везла все эти прошения к себе и потом во дворец», — показала в «Том Деле» Феодосия Войно, служившая у Вырубовой.

И сам Распутин передавал прошения царице в Анином домике. «Последние годы Распутин... стал привозить полные карманы прошений. Это очень не нравилось бывшему царю... Я предупредила Распутина о таком отношении к его ходатайствам, но Распутин не обратил никакого внимания на мои слова», — показала Вырубова. Однако царю пришлось терпеть, потому что Аликс ценила эти прошения. Они были частью созданного ею образа бескорыстного мужика.

Еще пару лет назад это было правдой — Распутин помогал тогда людям бескорыстно. Но теперь все переменялось. Его новая жизнь — фантастические загулы, кутежи с цыганами — требовала огромных трат. Правда, он не только тратил эти даровые деньги на себя — он щедро раздавал их.

Деньги с просителей он брал и сам, но чаще это делали «секретари», находившие для него богатых клиентов. Они были своеобразными сборщиками дани. Огромные суммы, которые тратил теперь мужик, поразили воображение Молчанова, хотя он и «не задавался вопросом, откуда у Распутина такие деньги... считал, что деньги ему даются в Царском Селе».

«СЕКРЕТАРИ»

Это название очень нравилось полутрамотному мужику. Еще бы — теперь у него, как у важного чиновника, — секретари!

Умная и преданная Распутину до фоба (в прямом, как мы увидим, смысле) Акилина Лаптинская оставалась главной приближенной, «главным секретарем». Она наблюдала за остальными «секретарями», чтобы не слишком много прилипало к их рукам... Но не всех просителей удавалось ей обложить данью — бедные люди по-прежнему могли попасть к нему бесплатно, просто подойдя на улице и попросив о встрече. Это было «Божье дело».

И хорошеньким молодым дамам попасть к Распутину было просто — достаточно узнать телефон, позвонить и ответить на

два вопроса: «Сколько лет?» и «Красива ли?» И путь в квартиру на Гороховой открыт.

Из показаний Филиппова: «Его секретари и секретарши заламывали и получали огромные суммы, из коих только треть оказывалась в руках Распутина... остальные десятками тысяч оставались в руках Симановича, Волынского, Добровольского, а в последнее время Решетникова».

На первом этапе «секретарями» Распутина были два проходимца, спасенных им от тюрьмы, — Волынский и Добровольский, которые и занимались поборами просителей. Но вскоре появился и третий «секретарь» — еврей Симанович.

Из показаний Вырубовой: «У Распутина я встречала неприятного жида Симановича... и Добровольского, тоже чрезвычайно неприятного и низменного типа. Для меня было ясно, что эти господа являются посредниками между Распутиным и его просителями и устраивают какие-то дела... Жена Добровольского, накрашенная и сомнительная особа, была дружна с дочерьми Распутина».

Впоследствии Симанович расскажет, что поборами с просителей «Распутин скопил большой капитал». Но это, как мы увидим, — ложь. Ничего он не скопит, ничего после себя не оставит. Шальные деньги будто жгут ему руки — он их пропивает или раздаривает, лишь совсем немного отсылает в Покровское, на свое небогатое хозяйство. Деньги на жизнь теперь ему не нужны — за все платят другие. Квартира оплачивается из средств «царей», бешеные счета в ресторанах — чаще всего из карманов поклонников и просителей.

Но когда он узнавал, что «секретари» обманывают, его охватывала мужицкая ярость...

Из показаний Белецкого: «Большое влияние имела чета Добровольских... он — бывший инспектор народных училищ Царскосельского уезда... Но когда было доказано, что они не отдают всех денег Распутину, то после бурного объяснения чета потеряла влияние».

Интриги Добровольских разоблачил Симанович. И Распутин, вчерашний друг яростного антисемита Илиодора и деятелей из «Союза русского народа», делает еврея своим главным

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«Н А Ш Д Р У Г»

доверенным лицом. Симанович войдет в своеобразный «мозговой центр», сложившийся на Гороховой. «Лутшаму ис явреев» — такую надпись сделал Распутин на своей фотографии, которую подарил Симановичу..

Характеристика, данная агентом охраны: «Арон Симанович — первой гильдии купец, 41 год (1873 года рождения), 4 детей... Только числится «в купцах», никакой торговлей не занимается, но играет в азартные игры в разных клубах. Почти ежедневно ездит к Распутину... Весьма вредный и большой проныра, способный пойти на любую аферу и на спекуляцию... Бывали случаи привода к Распутину лиц женского пола, на вид легкого поведения, также достает вино». (После введения в 1914 году «сухого закона» вино надо было «доставать».)

С Распутиным Симанович познакомился несколько лет назад в Киеве, где имел ювелирный магазин. Уже тогда он состоял на учете в сысской полиции как игрок и ростовщик, дающий займы под большие проценты. После переезда в Петербург Симанович становится главным финансовым советником мужика и поставщиком самых выгодных просителей.

Вначале он через Распутина освобождал евреев от военной службы (естественно, за деньги). Но вскоре занялся куда более серьезными делами...

В 1915 году, когда начались поражения на фронтах, моментально появилось излюбленное российское объяснение всем неудачам: не бездарные генералы, не предприниматели, награбившие миллионы на поставках оружия и обмундирования, виновны в поражениях, но — шпионы. Оказывается, «немец внутренний» не давал победить «немца внешнего».

На первых порах, следуя давним традициям антисемитизма, шпионами были объявлены евреи. По приказу Верховного главнокомандующего в Двинске по обвинению в шпионаже повесили нескольких евреев (как выяснилось впоследствии — невиновных). Из Петрограда начали беспощадно выселять лиц иудейского вероисповедания, в том числе богатых предпринимателей. И Симанович через Распутина доставал им разрешение остаться.

Мужику многое нравилось в Симановиче. Нравилось, с каким достоинством тот держался в присутствии могущественной

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

Вырубовой. Нравилось то, что он воистину любит свой бесправный народ и упрямо старается изменить взгляды Царской Семьи на евреев. Нравилось, как этот пройдоха, забирая огромные деньги у богатых евреев, бескорыстно помогал бедным соплеменникам. Нравился восторг Симановича перед размахом распутинских кутежей и почти испуганное преклонение перед его таинственной силой. Ибо чадолюбивый Симанович никогда не забывал чуда, которое на его глазах сотворил Распутин с его сыном, большим неизлечимой тогда болезнью, называемой «пляской святого Витта».

ЧУДО ЗА ДЕСЯТЬ МИНУТ

«Я привез больного сына, посадил в кресло в спальней и покинул квартиру. Мой сын вернулся домой через час. Он был излечен и счастлив, болезнь более не возобновлялась». Это одно из немногих мест в воспоминаниях Симановича о Распутине, которое не является плодом его буйной фантазии.

В 1917 году в Чрезвычайную комиссию был вызван Иоанн Симанович, 20 лет, студент, иудейского вероисповедания. Его удивительные показания остались в «Том Деле»:

«С 1909 по 1910 году меня стали наблюдаться признаки нервного заболевания, именуемого «пляска святого Витта». Со времени объявления болезни я обращался к докторам, тем более, что одно время я принужден был лежать в постели, так как вся левая половина у меня была парализована... Среди докторов меня пользовавших я могу указать профессора Розенбаха и доктора Рубинько, живущих в Петрограде... В 1915 году Распутин, узнав от отца о моей болезни, предложил привести меня к нему на квартиру... Распутин, оставшись со мной в комнате наедине, посадил меня на стул и, поместившись напротив, пристально смотрел мне в глаза, начав меня гладить рукою по голове. В это время я испытывал какое-то особенное состояние. Сеанс этот, как мне кажется, продолжался минут 10. После чего, прощаясь со мной, Распутин сказал: «Ничего, все это пройдет!» И действительно, теперь я

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

• Н А Ш Д Р У Г •

могу удостоверить, что после этого свидания с Распутиным припадки больше у меня не повторялись, хотя со времени этого сеанса протекло более 2 лет... Это исцеление я приписываю исключительно Распутину, так как медицинские средства лишь облегчали форму припадков, не устраняя их проявлений. Между тем, после визита к Распутину припадки эти прекратились».

Легко представить, что должны были чувствовать поклонницы Распутина и сама царица, когда они узнали, что «Наш Друг», подобно святым апостолам, изгнал беса из больного человека одним прикосновением!

«МОЗГОВОЙ ЦЕНТР»

Так что Симанович был предан Распутину — насколько мог, конечно. На следствии Белецкий рассказал, как «секретарь» увел Распутина «от подозрительных знакомств» и при помощи взятки покрывал его буйство.

Но главное — Симанович связал Распутина с еврейскими банкирами, в том числе с одним из богатейших, знаменитым «Митькой» — Дмитрием Львовичем Рубинштейном. В стране официального антисемитизма и ублюдочного капитализма «Митька» добился поразительных успехов. Первой гильдии купец, он стал банкиром и председателем правления Русско-Французского банка. Кандидат юридических наук, он умело пользовался многочисленными прорехами в полуфеодальном законодательстве.

Рубинштейн понимал важность прессы, и когда «Новое время» — самая известная проправительственная газета — стала акционерным обществом, он попытался завладеть контрольным пакетом акций. Его конкуренты тотчас объявили это «попыткой международного еврейства взять в руки русскую прессу». Сын покойного владельца газеты, знаменитого Суворина, устроил своеобразный протест: во время собрания акционеров выстрелил несколько раз в окно, «чтобы привлечь внимание правительства».

«Митька» понимал всю зыбкость своего положения в годы патриотического утара. Именно тогда он и задумал свершить

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

невозможное: оставаясь правоверным иудеем, получить через Распутина чин действительного статского советника. Для этого на Гороховую был приглашен полковник Ломан, строитель Федоровского собора.

«Рубинштейн решил пожертвовать на постройку домов при Соборе с тем, чтобы ему дали чин действительного статского советника. Я отклонил предложение, ибо он, как еврей, не мог получить этот чин», — показал Ломан в «Том Деле». Но Рубинштейн продолжал упрашивать Распутина. Ему надо было показать всем, что он в особой милости у Царской Семьи, что его финансовая империя прочна. И он нажимал на мужика, веря в его влияние на царицу... Рубинштейн, как и все прочие, не понимал, что Распутин мог исполнить только то, чего хотела сама царица.

Из показаний Вырубовой: «Распутин говорил мне, что Рубинштейн просил выхлопотать ему чин действительного статского советника и, кажется, он сам просил об этом Государя и Государыню, но я... знаю, что в этом ему было отказано».

Однако во множестве других трудных дел мужик банкиру помог. «Раза два я видела этого маленького толстенького еврея на вечерах у Распутина... Он не пил и не веселился, а все уводил Распутина в кабинет и все о чем-то с ним говорил... Выходя из кабинета, он обычно говорил: «Смотри, не забудь, скажи Аннушке...», а Распутин отвечал: «Хорошо, сделаю», — показала в «Том Деле» певица Варварова.

Прочное положение Распутина при «царях» казалось банкиру одной из гарантий прочности собственного положения. И хитрый, отлично понимавший политическую конъюнктуру Рубинштейн стал одним из преданных советников «Нашего Друга» и активным членом «мозгового центра» на Гороховой.

Теперь Распутину приходилось оправдываться перед Лохтиной и другими старыми почитательницами, ценившими дружбу «старца» с черносотенцем Илиодором и антисемитами из «Союза русского народа».

Из показаний Лохтиной: «По поводу отношения Распутина к евреям... могу передать только слова отца Григория: «Я их отвлекаю, а то они большую беду России сделают...»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

Другим преданным клиентом Распутина, также входившим в «мозговой центр», был соперник Рубинштейна в бизнесе Игнатий Порфирьевич Манус — банкир и биржевой деятель, председатель правления транспортного и страхового общества. Он был православным, и Распутин (естественно, за большие деньги) добыл для него чин действительного статского советника. При этом мужик не без удовольствия втянул обоих банкиров, ненавидевших друг друга, в соревнование по ублажению собственной персоны. И они тратили бешеные деньги, доставая Распутину вино, которое он и его гости потребляли в невероятных количествах. Оба давали мужику огромные суммы наличными, которые он тут же пропивал или без счета раздавал знакомым и собутыльникам.

Из показаний Варваровой: «Распутин говорил мне: «Сегодня получил от Рубинштейна 10 000, по этому случаю здорово кутнем».

Заканчивался 1914 год. В московских соборах шло рождественское богослужение. В дневнике знаменитого писателя Бунина осталось описание службы в Марфо-Мариинской обители, где настоятельницей была великая княгиня Елизавета Федоровна.

В церковь Бунина не пустили, таинственно пояснив, что там сейчас великая княгиня с приехавшим великим князем Дмитрием Павловичем. И писатель, стоя на улице, слушал сквозь раскрытые двери храма, как горестно и умиленно пел девичий хор... А потом из церкви поплыли несомые руками юных монахинь иконы и хоругви. Впереди в белом одеянии с нашитым золотым крестом во лбу шла высокая, тонколикая великая княгиня с большой свечой в руке, за ней — вереница поющих сестер. Огоньки свечек освещали их лица...

Все теснее спланивался кружок врагов Распутина вокруг Елизаветы Федоровны. И ее воспитанник, великий князь Дмитрий Павлович, ненавидящий «старца», — теперь частый гость в Москве. Рядом — Юсуповы и Верховный главнокомандующий. Святость, власть и деньги сошлись...

ОЧЕНЬ ОПАСНЫЙ КНЯЗЬ

Наступление на мужика продолжалось. Джунковский сделал новый шаг — еще раз поугал царицу. В отчете полиции сказано: «Сведения о предполагаемом покушении (на Распутина. — Э.Р.) были повторены, и было приказано принять более тщательные меры, для чего стали назначать ему в охрану по 5–6 человек и шофера с автомобилем. Они работали в 2 смены — всего 11 человек. Распределение постов: один в квартире или у двери на лестнице. Один в швейцарской в форме швейцара, один для связи внутренних и наружных постов, шофер у ворот с мотором (на автомобиле. — Э.Р.), в случае поездки один из агентов должен ехать с ним».

Те, кто стояли за спиной Джунковского, хотели знать о каждом шаге «Нашего Друга». Теперь в любой час дня и ночи за ним следил всевидящий глаз агента. В полицейских отчетах — непрерывная летопись его жизни. Его пьяной жизни...

И сам мужик, и люди, его окружавшие, понимали — надо торопиться! «Наши» должны прийти во власть! Но главное — это отлично понимала Аликс.

Именно в то время на квартире Распутина стал часто появляться еще один гость — личность, известная тогда «всему Петрограду», — князь Михаил Андроников.

Войдя в контакт с Распутиным, князь, естественно, тотчас попал в полицейские сводки. Вот одна из его характеристик: «Андроников Михаил Михайлович, 39 лет, учился в Пажеском корпусе (самом престижном учебном заведении, где учился и князь Юсупов, и другие представители знатнейших фамилий России. — Э.Р.). Старинного княжеского кахетинского рода, чиновник при министерстве внутренних дел, уволен со службы за непосещение им таковой. В 1914 году назначен чиновником для особых поручений при обер-прокуроре Святейшего Синода».

Андроников — фигура типичная и для России, и для того безумного времени. Не занимая никакой важной должности, он был очень важной персоной. Оставив скучную канцелярскую работу в министерстве внутренних дел, он, как утверждали злые

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

языки, сохранял самые тесные связи со спецслужбами, был личным другом прежнего шефа департамента полиции Степана Белецкого. Во время знакомства с Распутиным князь числился на службе в Синоде, где его видели весьма редко. Но этот скромный чиновник тем не менее был вхож ко всем министрам. Его презирали, но принимали в самых известных петербургских салонах. Все боялись злого языка князя — целыми днями он неустанно разносил слухи и сплетни по Петрограду.

Уже упоминавшийся нами член Государственного Совета Половцев вспоминал: «Я знаю князя давно... Почти все свое время он убивал на посещение министров и высокопоставленных особ... он узнает у них и сам рассказывает им слухи и факты из придворных и правящих кругов... Его принимали, чтобы быть в курсе придворных и ведомственных интриг и чтобы через него запускать нужные сплетни... И с другой стороны, его боялись — знали, что он вхож всюду и мог своим болтливым языком навредить лицу, ему неприятному... Смешно называть его консервативным или либеральным человеком... Его мнения о власти имущих были в зависимости от его с ними отношений: его принимают — он их восхваляет, его сторонятся — он их дискредитирует и ненавидит».

Весь день князь интригует, ловчит — действует... Сам Андроников весело рассказывал: «Как только какой-нибудь Икс назначается директором какого-нибудь департамента, я посылаю ему следующее письмо: «Наконец-то воссияло солнце правды над Россией. Безумное правительство, которое вело нас к гибели, наконец-то поняло хотя бы, что судьбы этого департамента надо вручить в благородные руки... Да хранит Вас Господь на Вашем трудном пути». И тогда сей Икс, который и слыхом обо мне не слыхивал, начинает названивать мне и готов принять меня по нужному мне поводу».

«Секретные бумаги перевозились с фельдъегерями. Андроников подкупал их, чтобы просматривать везомые ими конверты. И даже не раскрывая, он отлично понимал содержание. Например 1 января... обычно раздавались награды... и он спешил поздравить награжденного раньше, чем тот получит бумагу. И высокопоставленный награжденный уже думал с уважением: каково же влияние этого князя в высших сферах!» — писал Половцев.

СПЛЕТНИК И СПЛЕТНИЦА

Темные слухи ходили о жилище князя. Как отмечено в полицейских отчетах, Андроников снимал «большую меблированную квартиру из 7 комнат». Центром ее была легендарная спальня князя. «В этой спальне, — пишет допрашивавший Андроникова следователь Чрезвычайной комиссии В. Руднев, — за особой ширмой было подобие часовни: большое распятие, аналой, терновый венец, ряд икон, полное облачение священника».

«Но видеть его там молящимся мне не пришлось, — показал Петр Кильтер, камердинер Андроникова. — Среди икон и терновых венцов он принимал весьма юных гостей... князя посещали толпы народа, главным образом — юнкера, гимназисты, молодые офицеры... народ очень молодой и красивый... Все эти люди приходили, как в свой дом, — пили, ели, ночевали, причем по двое на постелях. Андроников вел себя подозрительно, отлучаясь с кем-либо из молодежи в ванную комнату...»

Из показаний Белецкого: «Женщин князь ненавидел... и его посещала только одна пожилая женщина — Наталья Червинская». Причина сей тесной дружбы была проста: их объединяла ненависть к военному министру Сухомлинову. Червинская возненавидела его после того, как 62-летний Сухомлинов бросил ее сестру и женился на молоденькой. Андроников в то время был близок к могущественному министру. Но желал быть еще ближе, и потому сообщил Сухомлинову о сомнительных похождениях его молодой жены (информацию, естественно, добыла Червинская). Выслушав осведомленного князя, Сухомлинов... попросту выставил его за дверь. С тех пор Андроников его возненавидел, а ненависть князя опасна — он был по-женски злопамятен и мстителен...

Ненавидел Сухомлинова и «Грозный дядя», ибо министр стоял за ограничение влияния великих князей на армию. Хотя в то же время это было причиной некоторой устойчивости министра, потому что все, против кого выступал Николай Николаевич, автоматически нравились царице.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

• Н А Ш Д Р У Г •

Но с началом военных неудач в 1915 году, естественно, усилилась критика в адрес военного министра, на которого желали свалить все грехи. Андроников понял — наступил момент для нападения на Сухомлинова. К тому же Червинская, эта «ходячая сплетня», как ее называли в петроградских гостиных, сообщила князю важное известие: оказывается, Сухомлинов успел обидеть самого Распутина. Как впоследствии показал Андроников, «Распутин имел обыкновение лазить к министрам со своими записками... Сухомлинов его не принял и вообще относился к нему плохо».

План князя был прост: Распутин должен заставить царицу отказать от поддержки министра. И Андроников решает сблизиться с «Нашим Другом»...

Сразу же после возвращения Распутина агенты заметили женщину, которая становится постоянной гостьей в его квартире. Весь конец августа — каждый день — к Распутину приходит «Червинская Наталия Илларионовна, 48 лет». Ближайшая подруга Андроникова готовит почву для появления князя, и вскоре он сам появляется на Гороховой.

Андроников покажет: «После ранения и возвращения его (Распутина. — Э.Р.) в Петроград... я приехал навестить его больного». Впрочем, он не скроет от следователей и истинную причину сближения с мужиком: «Я понял, что мне придется воспользоваться Распутиным, чтобы в Царском Селе раскрыть некоторые действия Сухомлинова...»

Но сойдясь покороче с Распутиным, Андроников, видимо, по новому оценил ситуацию. Он стал свидетелем тайных поездок мужика в Царское — с карманами, набитыми прошениями. Он увидел «ожидальню», наполненную богатыми просителями... Так что князь понял, что его история с Сухомлиновым — жалкая мелочь по сравнению с возможностями, которые открывались в доме на Гороховой. Скромный синодский чиновник, он постоянно нуждался в деньгах, а нужно было содержать огромную квартиру, молодых людей, посещать самые дорогие рестораны, как того требовало его положение в свете... Через квартиру Распутина проходили огромные деньги, вербовка богатых просителей была здесь настоящим бизнесом. И Андроников захотел в нем участвовать.

«СМОТРИНЫ» НАЧИНАЮТСЯ

Но мужику и его «мозговому центру» князь понадобился совсем для другой цели. Андроников был знаком со «всеим Петроградом», принят влиятельнейшими людьми. Через него можно было начать подбор «наших» кандидатов на важнейшие посты во власти.

Когда князь осознал, чего от него хотят, он пришел в восторг. Мечта сбылась: он, жалкий интриган, усердный разносчик сплетен, оказывался в центре большой политики! Он будет назначать и свергать министров... потому что он будет управлять этим мужиком. Да, Распутин хитер, но он — всего лишь полуграмотный мужик..

Начали с главного — смотрели кандидатов на должности министра внутренних дел и шефа тайной полиции. И в конце января состоялась знаменательная встреча: по данным агентов наружного наблюдения, «Распутин 30 января 1915 года посетил бывшего директора департамента полиции Белецкого» — одного из самых близких знакомых Андроникова.

После Февральской революции Степан Белецкий предстанет перед Чрезвычайной комиссией, и поэт Блок, протоколировавший допросы, опишет его: «Глухой голос, седые волосы и нос пипкой... и глаза — в них слеза стоит, такой постоянный блеск...»

В описываемое нами время ему было чуть за сорок. Почти ровесник Андроникова, он в отличие от князя стоял весьма высоко на бюрократической лестнице. Он исполнял зловещую должность директора департамента полиции — в годы, отмеченные изощренными провокациями охраны. При Белецком прошло массовое внедрение провокаторов в революционное движение, при нем таинственно убили Столыпина, организовали антисемитское «дело Бейлиса» — еврея, обвиненного в ритуальном убийстве русского мальчика... Так что Степан Петрович поднаторел в изощреннейших интригах своего ведомства. Но в начале 1914 года он лишился должности и был отправлен на покой — в Сенат. Однако умнейший Белецкий, находясь в расцвете сил, естественно, жаждал продолжения карьеры. Он посещал влиятельные консервативные салоны, где и познакомился, а затем и близко сошелся с Андрониковым.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

• Н А Ш Д Р У Г •

Как писал Блок, «Белецкий рассказал, как его предупреждали, чтоб он реже бывал у Андроникова». Но он бывал у князя часто. И с радостью вступил в новую интригу.

На встрече с Распутиным Белецкому, видимо, посулили возвращение на прежнюю должность, ибо сам Степан Петрович осознавал, что на пост министра не пройдет (как он впоследствии показывал: «Царь был холоден ко мне»). Так что главную проблему — найти «нашего» министра внутренних дел — еще предстояло решить...

Андроников поверил во всемогущество мужика — как и все остальные, он не понял истинного положения вещей: переворот во власти, который готовил Распутин, должен был произойти *потому, что так хотела царица.*

Как только началась война и Ники в Ставке стал заниматься исключительно военными делами, она решила ему помочь — принять участие в управлении страной. Да и как не принять, если министры вечно делают «не то», а рядом с нею — «посланец Божий», который передает ей постоянно Его веления... так замечательно совпадающие с тем, чего желает она сама.

Распутин не раз имел возможность наблюдать, что бывает, если его просьбы не совпадают с волей императрицы — например, в самом начале 1915 года. И опять это касалось злополучного графа Витте...

Именно тогда в дом на Гороховой пришла дама под вуалью. Она попросила швейцара провести ее к Распутину по черной лестнице, но в отличие от Жуковской не поняла, кем была личность, сидевшая в швейцарской. Находившийся там агент охранного отделения тотчас «выяснил» таинственную посетительницу и написал донесение начальству: «Графиня Витте посетила Темного 8 и 25 января, оба раза была под густой вуалью. 25 января попросила швейцара провести ее черным ходом и за это дала ему 3 рубля на чай».

Да, это была жена бывшего премьера. Витте умирал (он скончается в феврале), но перед смертью успел закончить длинное письмо царю. Перечислив великие деяния в царствование Николая, совершенные при его участии, старик просил о милос-

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

ти — о графском титуле для своего любимого внука. Так что понятно, с какой просьбой приходила его жена к Распутину, о котором Витте так тепло не раз отзывался.

И конечно, религиозный мужик не мог не исполнить просьбу умирающего. Он попросил Аликс о последней милости бывшему премьеру. Царь как раз должен был вернуться из Ставки и мог успеть оказать это благодеяние. Но ненавидевшая Витте царица, видимо, не услышала просьбу «Нашего Друга»...

Когда царь вернулся, Распутин не обратился к нему с этой просьбой. Он знал свое место! Он мог перечесть царю, но никогда — царице.

«Смотрины» Белецкого дали прекрасный результат. Он очень хотел вернуться на прежний пост и верно понимал обязательства, которые должен за это принять на себя. Первый из «наших» был найден. Об этом Распутин должен был сообщить Вырубовой — связной между ним и «мамой».

Но сообщать было некому. «Передаточное звено» выбыло из игры в самом начале нового года.

10 января 1915 года Распутин отмечал свои именины и день рождения. В этот день после долгого перерыва его навестил прежний знакомец — молодой Молчанов. И когда хозяин упрекнул гостя, что тот «его забыл», Молчанов не объяснил причин своего исчезновения...

Из показаний Молчанова в «Том Деле»: «В начале 1914 г. я получил тревожные сведения о состоянии здоровья моего отца... 20 мая мой отец скончался». После смерти епископа Алексия Молчанов и перестал бывать у Распутина: «У меня появилось апатичное настроение... кроме того, обозревая прошлое всех лиц, которые связали свою судьбу с Распутиным: Илиодора, Гермогена, Даманского, который через Распутина сделал блестящую карьеру, а потом заболел неизлечимой болезнью... я пришел, может быть, к суеверному убеждению, что у *Распутина тяжелая рука...*» К перечисленным людям Молчанов мог бы добавить и своего отца, получившего должность через Распутина.

И еще — главную почитательницу Распутина. В то время, когда мужик весело и пьяно справлял именины, Вырубова лежала в

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

беспамятстве — искалеченная на всю жизнь. Боролась с казавшейся неминуемой смертью и, говоря ее же словами, «мучилась нечеловеческим страданием»...

2 января 1915 года случилась эта катастрофа, которая отсрочила переворот во власти на несколько месяцев.

«ЧТОБЫ ЭТОТ НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ ПРИНЕС ПОЛЬЗУ»

«Я ушла от Государыни, — вспоминала Вырубова, — и поездом... поехала в город. Я села в вагон первого класса — первый вагон от паровоза. В вагоне было много народу. Не доезжая 6 верст до Петрограда, раздался страшный грохот... Я почувствовала, что проваливаюсь куда-то головой вниз и ударяюсь об землю... Когда я пришла в себя, вокруг меня были тишина и мрак. Затем раздалась стоны придавленных под развалинами вагонов раненых и умирающих. Я сама не могла ни пошевелиться, ни кричать, на голове у меня лежал огромный железный брус».

Ее вытащили из-под развалин вагона и положили прямо на снег. «Через два часа появились княжна Орлова и княжна Гедройц. Они подошли ко мне... Гедройц прощупала переломанную кость под глазом и сказала Орловой: «Она умирает». И ушла».

Обе фрейлины могли быть довольны. Они поверили: всемогущей Подруги более не существовало...

«Только в 10 вечера по настоянию генерала Ресина (командира полка, охранявшего царский дворец. — Э.Р.), который приехал из Царского Села, меня перенесли в теплушку какие-то добрые студенты-санитары». А потом она увидела Аликс. «Помню... меня пронесли через толпу в Царском, и я увидела императрицу и всех великих княжон в слезах Меня перенесли в санитарный автомобиль, и императрица вскочила в него и, присев на пол, держала мою голову на коленях, а я шептала ей, что я умираю... Пришел священник и причастил меня Святых тайн. После чего я слышала, как шептали, чтобы шли прощаться со мной, что я не доживу до утра... Государь держал меня за руку и сказал, что у меня есть сила в руке... помню, как вошел Распутин и сказал дру-

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

гим: «Жить она будет, но останется калекой»... 6 недель день и ночь я мучилась нечеловеческим страданием».

Из дневника Николая: «02.01.1915... Узнал... что... случилось столкновение поездов... Бедная Аня в числе других была тяжело ранена... и доставлена в дворцовый лазарет. Поехал туда в 11 часов. Родители прибыли с нею. *Григорий пришел позднее*».

Из показаний Андроникова: «Когда он приехал, около больной Вырубовой была вся царская фамилия. Вырубова была совершенно безнадежна... он начал делать какие-то жесты и говорить: «Аннушка, слышишь меня?» И она, которая никому не отвечала, вдруг открыла глаза...»

Так царица еще раз увидела чудо. Но действительно ли это было чудо?

Мы уже писали, что положение Вырубовой к тому времени резко осложнилось. Игра во влюбленность привела к неожиданной вспышке ревности царицы. И, зная характер Ани, зададим себе вопрос: может быть, эта железная женщина, действительно находясь между жизнью и смертью, сыграла всю эту сцену, чтобы царица увидела то, что так мечтала увидеть — Подруга спасена «Божьим человеком»! Чтобы она приняла это спасение как некое мистическое указание возродить их дружбу...

Но уже вскоре царица представила, как Ники будет навещать больную Подругу в ее домике, и пришла в раздражение. 26 января 1915 года Аликс писала мужу: «Она хочет вернуться к себе домой... Но, милый, ты сразу тогда должен ей заявить, что ты не можешь так часто ее навещать... если ты сейчас не проявишь твердости, у нас опять будут истории, любовные сцены и скандалы, как то было в Крыму... Ты с первого момента удержи все в должных границах, как ты это делаешь теперь... чтобы этот несчастный случай принес пользу и привел к благоприятному результату... *У меня куча прошений, принесенных ей Нашим Другом для тебя...*»

Из показаний Феодосии Войно: «Я поступила к Вырубовой после несчастья с нею в поезде. Это было в конце января 1915 г. Вырубова была тогда еще в очень тяжелом состоянии и без посторонней помощи обходиться не могла... Фельдшер (Аким Жук из царскосельского лазарета. — Э.Р.) поступил позже меня, когда Вырубова могла уже передвигаться. Днем я работала в

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

• Н А Ш Д Р У Г •

госпитале у Вырубовой, а ночью ездила к ней самой, делала массаж, оказывала ей все медицинские услуги. Когда она не могла подниматься, к ней очень часто приезжала царица и дети, и редко бывал царь».

Из показаний Акима Жука, 49 лет: «По приказанию врачей, которые пользовали Вырубову, я стал ходить к ней... При перевязках Вырубову нужно было поднимать... я обладаю большой физической силой, а Вырובה женщина тяжелая».

Из писем Аликс: «27 января 1915... Аня поправляется.... Она опять говорит о переезде к себе домой. Предвижу, как тогда сложится наша жизнь!.. Она всецело поглощена тем, насколько она похудела, хотя я нахожу, что у нее колоссальный живот и ноги (и притом крайне неаппетитные), лицо ее румяно, щеки не менее жирны, и тени под глазами. У нее бывает много гостей, но Бог мой, как далеко она от меня отошла со времени ее гнусного поведения, особенно осенью, зимой и весной 1913 г... Не могу чувствовать себя свободно с ней, как раньше...»

5 апреля 1915... Жук (фельдшер) довез Аню в колясочке... Завтра она собирается ко мне! О, Господи, а я-то так радовалась, что надолго избавилась от нее! Я стала эгоисткой... хочу иметь тебя исключительно для себя, а теперь она будет часто тревожить нас по твоём возвращении...»

ВОЗВРАЩЕНИЕ «НА КРУГИ СВОЯ»

Мужик не покинул искалеченную Подругу. Он по-прежнему назначал встречи с «царями» в ее домике. Он должен был вернуть прежнюю дружбу. И знал – вернет. Без Ани Аликс была слишком одинока...

Из показаний Жука: «Вообще Распутин очень часто бывал у Вырубовой... Обычно в такие дни у Вырубовой бывала вся царская семья – царь, царица, дети и Распутин».

И конечно же «Наш Друг» победил. Уже вскоре великая ревность была забыта – воскресла великая дружба. И вновь Аликс и

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

Аня заваливают друг друга бесконечными письмами. и вновь им мало встреч...

Эти письма им придется жечь после революции, завалив золой камин. Ибо вскоре их переписка перестанет носить личный характер. Царица и Подруга займутся управлением страной. Начнется переворот во власти, который они задумали совершить вместе с мужиком.

Из показаний Жука: «Когда Вырубова не могла ходить, к ней приезжала царица очень часто... И потом царица очень часто к ней приезжала, и они продолжали переписываться. Переписка была настолько частой, что иногда я не успевал вечером привезти Вырубову из царских покоев в ее комнаты, как от царицы уже приходили письма. И пока Вырубова соберется спать... случилось они раза 2–3 успеют обменяться письмами... Во дворец она ездила каждый день от 3 до 5 дня и потом вечером от половины десятого до 12 или часу ночи...»

С каким темпераментом Аликс взялась за дело!

Но было табу, которое Подруга теперь четко соблюдала. «Вечером она не бывала у царицы... в те дни, когда из Ставки приезжал Государь». Ей разрешено было видеть его только когда он уезжал обратно. «В дни отъезда царя обычно Вырубова приглашалась во дворец к обеду», — показал Жук.

А пока веселье на Гороховой продолжается — Распутин дает щедрый материал агентам наружного наблюдения:

«12 февраля Распутин с неизвестной женщиной проведен к князю Андроникову... В 4.30 утра вернулся домой в компании 6 пьяных мужчин с гитарой... до 6 утра пели, плясали...»

«10 марта... Около часу ночи пришло 7–8 мужчин и женщин... Пели песни, стучали, кричали... и вместе с Распутиным отправились неизвестно куда...»

«11 марта... проведен в дом № 8 на Пушкинской улице к проститутке Трегубовой...»

Из полицейского донесения: «Трегубова Вера Иевлевна, 26 лет, выкрест из евреев. Женщина легкого поведения... промышляет исключительно знакомством богатых людей с Распу-

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

тиным, большей частью евреев, желающих устроить свои коммерческие дела... Однажды сказала, что зарабатывает до 300 рублей в месяц, почти ежедневно посещает Распутина».

В 1917 году Чрезвычайная комиссия допросила Веру Трегубову. В «Том Деле» остались ее показания, совершенно опровергающие полицейскую характеристику. Трегубова заявила, что «является выпускницей Консерватории», с Распутиным познакомилась случайно «на квартире старухи вдовы генерал-лейтенанта Дубельта Александры Ивановны... где находились еще две женщины и какая-то помещица, на вид лет 55, и была она страшно полная... В доме Дубельт была сестра ее Лидия Ивановна Кондырева... Около 10 вечера зашел к ней мужчина в поддевке защитного цвета и сапогах. Я догадалась, что это Распутин, портрет которого я видела раньше... Хозяйка Дубельт стала говорить Распутину, называя его по имени и отчеству, что хорошо бы устроить меня как певицу на Императорскую сцену... что меня, как еврейку, вообще трудно устроить. На это Распутин ответил: «У меня много знакомых евреев, они ничего, хорошие...»

В конце вечера, по словам Трегубовой, начались пьяные представления. «Распутин... все время хватал меня за руки и лез лапять. «Я тебе все, что захочешь сделаю, только приходи ко мне! Приходи сегодня в 12 ночи».

«Зачем же я к вам приду, я своим телом не торгую», — гордо ответила Трегубова.

Итак, по показаниям Трегубовой, агенты ее оболгали. Назвали «женщиной легкого поведения, почти ежедневно посещающей Распутина» — ее, добропорядочную певицу, которая впервые его увидела! Так, может быть, и другие их сообщения ложны? Может быть, все донесения о пьянках и разврате делались по заданию врагов Распутина? Может, ничего этого вообще не было?!

Но (к сожалению для Трегубовой) в деле есть показания и упомянутой ею Лидии Ивановны Кондыревой, 78 лет, вдовы действительного статского советника: «Я жила у своей сестры А.И. Дубельт, когда вечером... в конце 1914 года к ней приехала какая-то, очевидно, ее знакомая молодая красивая барышня... и привезла до той поры моей сестре совершенно незнакомого Распутина... Эта барыня представила Распутина, заявив, что Распутин «поже-

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

лал сегодня приехать к вам»... В квартире находилась также приехавшая из Казани Софья Дмитриевна Ознобишина, женщина 55 лет, красивая, хорошо сохранившаяся.... вдова моего двоюродного брата, камергера... Распутину был предложен чай... Барышня, которая его привезла, была, по-моему, в дружеских отношениях с Распутиным — называла его то «Григорий Ефимович», то «отец», говорила ему «ты»... Распутин больше молчал, а потом, пользуясь минутами, когда он оставался один с Ознобишиной... начал... гладить ей руку, трепать по щеке, звать ее к себе. Ознобишина шутиливо относилась к этим ухаживаниям, хохотала... Уехал он с той барышней... Я расспросила свою сестру Дубельт о молодой красивой барышне, которая привела Распутина. Она мне сказала, что это Вера Трегубова... она, по-видимому, не имела определенных занятий, а только проводила время с Распутиным... Одно время она жила у содержательницы мебелированных комнат Альбертини, через которую и втерлась к моей сестре».

Так что агенты честно выполняли свое дело. Да и сама Трегубова в дальнейшем будет весьма активно фигурировать в сводках наружного наблюдения. Например: «26 мая Распутин с Трегубовой на моторе Мануса приехал домой пьяный, страстно целовал Трегубову».

Все эти донесения агентов Джунковский аккуратно пересылал в Ставку, где Николай Николаевич показывал их царю. Возвращаясь в Царское Село, Ники рассказывал об этом Аликс... «Мой враг» — так она теперь называла Джунковского.

Но все это были обычные сообщения о кутежах, которые «цари» слышали уже много раз. Нужно было что-то из ряда вон выходящее...

25 марта, как сообщили агенты, «Распутин выбыл в Москву».

Именно тогда в Москве произошел скандал, давший толчок череде событий, повлиявших в какой-то мере на историю России.

ЦЫГАНСКАЯ МОСКВА

Приехав в Москву, Распутин продолжил кутить. Излюбленным местом для его буйного веселья стал особый, ныне почти исчезнувший мир — цыганская Москва. И по сей день существует в

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

• Н А Ш Д Р У Г •

Москве Петровский парк, вокруг которого жили тогда великие цыганские артисты, певшие и плясавшие в знаменитых московских ресторанах «Яр» и «Стрельна» — любимых ресторанах Распутина.

Зимний сад, раскинувшийся под куполом, пальмы, кактусы, искусственные гроты, откуда по тропиночкам неслись к столикам услужливые официанты... «Гвоздем» ресторанной «культурной программы» был цыганский хор Лебедевых. Цыгане выступали в общем зале три раза за вечер, после чего хор приглашался в отдельные кабинеты, где и пел прямо перед большим столом. Посетители заказывали песни по своему вкусу и за каждый номер щедро платили. Солисты часто приглашались за стол. Но цыгане не пили во время работы, и гости это знали.

Если кто-то приглашал в кабинет цыганку, с нею шла мать или сестра. Бывали и кровавые случаи: однажды пьяный офицер, отпустив хор, попытался задержать в кабинете хорошенькую плясунью. Отец велел дочери уйти, и тогда пьяный офицер застрелил его.

Нередко во втором часу ночи, когда ресторан уже закрывался, завсегдатаи шли продолжать веселье к Лебедевым — «в табор», то бишь к ним домой.

Иван Иванович Ром-Лебедев был одним из последних представителей этого знаменитого рода, которым во времена Распутина гордилась Москва. Я знал этого высокого красавца старика — он дожил до 80-х годов, был драматургом и основателем Московского цыганского театра. Он много рассказывал о ночном веселье в «таборе» и описал его в своих воспоминаниях.

Войдя в дом, гости рассаживались вокруг стола, официанты наполняли бокалы. И Лебедевский хор начинал традиционную: «За дружеской беседою, коль пир идет кругом, заветам дедев следуя, мы песню вам споем»... «В такие ночи, — вспоминал Ром-Лебедев, — я, мальчик, не спал, я жадно прислушивался — что там происходило в зале. Приезжали сыновья Льва Толстого... заходил не раз великий князь Дмитрий Павлович».

Но то, что случилось мартовской ночью 1915 года, Ром-Лебедев запомнил на всю жизнь. Он проснулся от шума и понял — опять гости. И вышел в коридор. Обычно официанты, пробе-

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

гая, совали ему конфеты. Но сейчас они быстро пронеслись мимо — строгие и сосредоточенные. У входа в гостиную стояли жандармы — значит, приехал кто-то очень важный... Грянула песня: «Григорий Ефимович, ай да молодец! Изволил ты пожаловать к цыганам наконец!..»

Мальчик привычно припал к замочной скважине. Он увидел: хор в полном составе стоял у балконной двери, отец — впереди хора, мать — с краю. В центре стола сидел мужик в вышитой косоротке. Ему поднесли бокал шампанского, хор загремел: «Пей до дна, пей до дна!» Началась цыганская пляска. И тогда его бабушка подошла к мужику и в пояс поклонилась, приглашая его танцевать. И он пошел — легко приседая, хлопая по голенищам сапог. Все вокруг ухало, подпрыгивало... Веселье кончилось только под утро.

В отдельном кабинете «Яра» во время выступления цыганского хора и произошло событие, о котором вскоре узнала вся Россия. В 1917 году по обстоятельствам этой запутанной истории следователями Чрезвычайной комиссии были допрошены лица, которые могли пролить свет на случившееся.

ОРГИЯ В «ЯРЕ»

Из показаний Джунковского: «В марте 1915 года Московский градоначальник Адрианов доложил мне, что известный Григорий Распутин в Москве в ресторане «Яр» вел себя безобразно — спускал брюки, показывал свой детородный член и при этом хвалился, что рубашка на нем вышита Государыней... Я приказал дать делу законный ход».

Провести расследование Джунковский велел начальнику Московского охранного отделения А.П. Мартынову.

Из показаний Мартынова: «Я тогда же вызвал подполковника Семенова, бывшего в то время приставом... в участке которого находился ресторан «Яр». Семенов сообщил мне, что он находился в ресторане «Яр» в тот вечер, когда кутил Распутин. Последний приехал к «Яру» в небольшой компании... заняли отдель-

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

•Н А Ш Д Р У Г•

ный кабинет, пригласили певиц и устроили кутеж... В настоящее время я всех этих подробностей не помню, так как прошло около 2 лет, но я тогда со слов названного Семенова подробно сообщил в департамент полиции...»

Из показаний Джунковского: «26 марта 1915 г. около 11 вечера, как сообщил мне Мартынов, в ресторан «Яр» прибыл Г. Распутин *вместе со вдовой почетного гражданина Анисьей Ивановной Решетниковой*, сотрудником московских и петроградских газет Николаем Никитичем Соедовым и неустановленной молодой женщиной. Вся компания была уже навеселе... Заняв кабинет, приехавшие вызвали к себе по телефону редактора-издателя московской газеты «Новости сезона», потомственного почетного гражданина Семена Кутульского... По-видимому, компания имела и здесь возможность пить вино, так как опьяневший еще более Распутин плясал... «русскую», а затем начал откровенничать с певичками в таком роде: «Этот кафтан мне подарила «старуха»... она его шила». А после русской: «Эх! Что бы «сама» сказала, если бы сейчас меня здесь увидела»... Далее поведение Распутина приняло безобразный характер какой-то половой психопатии; он будто бы обнажил свои половые органы и в таком виде продолжал вести беседу с певичками, раздаривая некоторым собственноручные записки вроде «люби бескорыстно»... На замечание заведующей хором о непристойности такого поведения в присутствии женщин Распутин возразил, что он всегда так держит себя перед женщинами, и продолжал сидеть в таком же виде. Некоторым из певичек Распутин дал по 10–15 рублей, беря деньги у своей молодой спутницы, которая затем оплатила все прочие расходы по «Яру». Около 2 ночи компания разъехалась».

Как ждал Джунковский такого скандала! Он радостно начинает готовить доклад царю. Но при этом просит Мартынова разъяснить причины, которые могли соединить столь разношерстную компанию, — его, видимо, удивляет присутствие на кутеже сразу двух газетчиков, ибо он знает, что Распутин избегает журналистов. И Мартынов сообщает в новом докладе «дополнительные, собранные секретным путем сведения»: «В крутах московских дельцов средней руки, не брезгующих подчас делами сомнительной чистоты, давно вращается дворянин, занимающийся отчас-

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

ти литературным трудом, — Николай Соедов... Литературный труд его ограничивается участием в бульварной прессе... Будучи в Петрограде, попал к Распутину как представитель прессы. Во время приезда Распутина в Москву явился к нему... и принялся за проведение через Распутина придуманного им плана — принять поставку на солдатское белье в больших размерах. Видимо, в Петрограде он сумел заинтересовать Распутина этим делом и обещал известный процент с него. Самая пирушка была... обычной в московских торговых кругах «вспрыской» предложенного дела... Соедов еще раньше предложил газетному дельцу Кугульскому участвовать в деле... Кугульский в счет ожидаемых благ дал денег на эту пирушку... Весть о пребывании Распутина и его шумном поведении вызвала огласку в ресторане, и хозяин ресторана Судаков, желая избежать неприятностей, уверял, что это не настоящий Распутин, а кто-то другой... Когда это дошло до Распутина, он стал доказывать, что он настоящий, самым циничным образом перемешивая во фразах безобразные намеки на свои близкие отношения к самым Высоким особам... Что же касается поставки белья, то... поставка расстроилась».

Но это описание «половой психопатии» Распутина очень подозрительно. Вспомним показания Филиппова, не раз присутствовавшего на кутежах, который отмечал необычайную чистоплотность своего друга во время попок: «Я никогда не припомню какой-либо внешней непристойности в его костюме, например, расстегнутых брюк... хотя в 1915 году он посещал меня ежедневно». И нигде больше в донесениях агентов мы не прочтем подобных описаний.

И присутствие на оргии двух подозрительных газетчиков, и странная легкость, с которой вдруг «поставка расстроилась», — все настораживает...

«БЫЛ ГРЕХ...»

Скорее всего, события развивались так. Одним из пировавших с Распутиным был некто Соедов, темная личность, снабжавшая новостями бульварные газеты. Однако он, как пишет Мартынов,

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

«не забывал в своих статьях... в самом хвалебном тоне упоминать о действиях Московской администрации», то есть, вероятно, был платным осведомителем охраны (явление нередкое среди мелких журналистов). Он, очевидно, и получил задание втянуть Распутина в скандал.

Соедов пообещал Распутину выгодный контракт, и тот согласился. И тогда Соедов предложил отпраздновать сделку за счет второго компаньона в будущем бизнесе — редактора бульварной газеты. Итак, пить с Распутиным отправились двое журналистов, которые потом могли разнести по Москве все, что им захочется... А потом произошел обычный распутинский загул с его любимой хлыстовской пляской, цыганским хором, швырянием денег, взятых у Кутульского и Соедова, и нетрезвым хвастовством по поводу рубашек, вышитых «мамой»...

Эту, в сущности, рядовую для Распутина пьянку по приказу находчивого Джунковского превратили в оргию — с поношением Царской Семьи и демонстрацией половых органов. Белецкий вспоминал: «Распутин рассказал об обиде, причиненной ему Джунковским жалобой на его поведение в Москве... добродушно сознался, что *был грех*, но в чем именно, не сказал; я понял, что *в опьянении*». Все остальное — о «половой психопатии» и прочее — видимо, присочинили.

Вся Москва вскоре была переполнена слухами. Но Джунковский не спешит сообщить царю о скандале — его, видимо, настораживает легкость, с которой Распутин принял предложение Соедова и Кутульского. Он задает себе тот же вопрос, что и мы: неужели умный и хитрый мужик не понимал, как опасна пьянка с подозрительными журналистами? И оттого Джунковский тянет — он чувствует какой-то подвох. Только через три месяца, в отсутствие Распутина в Петрограде, он рискнет доложить царю о происшествии в «Яре».

Распутин мог лишь посмеяться над всеми этими интригами. Он знал не раз проверенное правило: всякий, выступивший против него, лишался влияния и власти. И потому он ничего не боялся — никаких доносов! Сам Столыпин доносил на него... и сломал себе шею! Так что доклад шефа жандармов, как это ни пара-

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

доксально, был даже на руку Распутину, ибо означал конец карьеры Джунковского. Враг хитер, да мужик хитрее!

Если допустить, что Распутин все это понимал, то скандал в «Яре» выглядит как *обдуманная провокация* со стороны... самого мужика! Вот почему он с такой готовностью пошел кутить с двумя агентами-журналистами. Тем более, как мы узнаем в дальнейшем, во время пьянки Распутин подготовил большой сюрприз, который взорвет все обвинения Джунковского.

Обдуманная провокация... Именно здесь — ключ к пониманию характера Распутина! Он удивителен сочетаемостью несочетаемого. Он простодушен, наивен, живет прозрениями... и в следующий миг — расчетлив, хитер, по-мужицки осторожен. И главное — он умеет учиться.

И есть у кого! Именно в то время в его команде появились истинные мастера интриги. Сначала — Симанович. Потом — князь Андроников, интриган масштаба петербургского. И незадолго до скандала в «Яре» в окружении Распутина возник интриган международного масштаба — Манасевич-Мануйлов. Его называли «Русский Рокамболь» — по имени героя (авантюриста и шпиона) знаменитого тогда романа Понсона дю Террайля.

Иван Федорович Манасевич-Мануйлов начал жизнь удивительно. Сын нищего еврея Манасевича, он был усыновлен богатым русским купцом Мануйловым, завещавшим ему громадное состояние, однако с условием, что деньги он получит только в 35 лет. Но молодой Манасевич ждать не стал. Он покинул провинцию, приехал в Петербург и, приняв лютеранство, весело зажил в столице — кутил, играл, занимая деньги у ростовщиков под будущее наследство. Ему покровительствовал князь Мещерский — антисемит и один из влиятельнейших идеологов монархизма (впрочем, учитывая гомосексуальную ориентацию князя, сплетники легко определили причины этой странной привязанности). Карьера Манасевича развивается стремительно. Он начинает тайно сотрудничать в охранке, выполняя самые разные поручения (например, он выкрал у секретаря Витте документы, компрометирующие графа, и передал их ненавидевшему Витте министру внутренних дел Плеве). Вскоре по протекции князя Ме-

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

щерского Манасевича — иудея по рождению, лютеранина по вере... отправляют в Ватикан — «защитником прав православных христиан» при Папе Римском!

В 1917 году ему пришлось отвечать на вопросы Чрезвычайной комиссии.

«— Кроме официальных функций (при папском дворе. — Э.Р.), какие еще у вас были?

— Наблюдение за пропагандой католицизма.

— За влиянием Рима на Россию?.. Как вы следили за продвижением католицизма?

— В моих руках были агенты.

— То есть вы были главой агентуры?..»

Он все время работал в разведке. Во время Русско-японской войны он сумел проникнуть в японское посольство в Гааге, где добыл дипломатический шифр. Манасевич показал: «В самое короткое время мною были получены шифры следующих государств — Америки, Китая, Болгарии и Румынии». Однако в 1905 году его коллеги по шпионажу доказали, что сообщенные Манасевичем сведения часто попросту выдуманы и что он присваивал себе деньги, ассигнованные на агентов.

Манасевич выходит в отставку и начинает сотрудничать в газетах. Он привык к двойной и даже тройной игре и продолжает держаться на плаву. Он входит в тайные сношения со знаменитым Бурцевым — революционером и охотником за провокаторами департамента полиции. И одновременно... продолжает сотрудничать с охранкой. Назывались баснословные суммы, за которые Манасевич продавал Бурцеву полицейские документы...

Оставленное ему наследство давно съели долги, и тем не менее он тратит огромные деньги за карточным столом и на бирже. Он продолжает вести свои запутанные дела — в газетах, в разведке (или в разведках разных стран), в тайной полиции и у революционеров. И всюду получает гонорары... «Омерзительный, малорослый, бритый» — так описывает его Блок.

В 1915 году он еще раз резко повернул свою судьбу. Раньше Манасевич-Мануйлов зло выступал против Распутина в печати (тот даже жаловался, что Манасевич «преследовал его с фотоаппаратом»). Теперь же он начинает играть роль новообращен-

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ РАСПУТИН

ного почитателя «отца Григория» и вскоре, ко всеобщему изумлению... оказывается близким другом Распутина!

Сей «бывший Савл, а ныне апостол Павел», конечно, показался Распутину весьма ценным человеком. К тому же Манасевич обожал кутежи и рестораны. Так мастер интриг и провокаций очутился на Гороховой и вошел в «мозговой центр».

ЗАГАДОЧНАЯ РЕШЕТНИКОВА

В то время как Джунковский начинал расследование скандала в «Яре», Распутин, веселый и пьяный, уезжал из Москвы. Его отъезд подробно описан свидетелем, который хорошо уловил настроение, владевшее тогда Распутиным.

Из показаний в «Том Деле» Константина Яковлевича Чихачева, 48 лет, председателя Орловского окружного суда: «В начале 1915 года, будучи товарищем прокурора Саратовской судебной палаты, я ехал по делу из Москвы в Петроград. На Николаевском вокзале я увидел толпу людей вокруг человека, лицо которого много печаталось в газетах. Распутин ехал тем же поездом... Его сопровождали несколько дам с цветами и конфетами. Он был одет в меховое пальто на собольем меху... бобровую шапку и цветную шелковую вышитую рубашку, подпоясанную шелковым поясом с кистями, и высокие лаковые сапоги (все отметил зоркий глаз судьи! — Э.Р.)... сухощавый, высокий мужчина лет 40 с бесцветными глазами, длинной бородой и длинными волосами... Он шутил с дамами, нервно потирал руки, вертелся на месте, подергивал плечами, был навеселе. Публика на перроне узнала Распутина и с любопытством наблюдала за его поведением (вчерашний нищий крестьянин давно стал «суперзвездой». — Э.Р.)... Я сел в тот самый вагон 2 класса международного общества, в котором уже было приготовлено маленькое купе для Распутина... В том же вагоне ехали муж и жена Хотимские. Он — чиновник особых поручений при министре государственных имуществ, она — племянница жены Витте (видимо, поэтому Хотимская будет столь бойка, зная отношения мужика с Витте. — Э.Р.). Она... решила познакомиться с Распутиным, вошла к нему в купе,

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

• Н А Ш Д Р У Г •

познакомилась сама и познакомила нас... Распутин пригласил всех нас к себе в купе».

И один из пришедших сразу задал бесцеремонный вопрос:

— Послушай, Григорий, где это ты наклюкался?

— Да это у *Решетниковой*... Видел, которая меня провожала... моя поклонница.

«Моя поклонница Решетникова»... Та же фамилия — Анисья Ивановна Решетникова — занесена в полицейский протокол при перечислении лиц, кутивших с Распутиным в ресторане «Яр». Именно эта фамилия сыграет с могущественным главой корпуса жандармов Джунковским очень злую шутку...

РАСПУТИН ГОВОРИТ

Но вернемся в вагон, где продолжается беседа, записанная Чихачевым. Сначала пришедшие разговаривают с Распутиным насмешливо, как баре с подвыпившим мужиком.

— Ты, может быть, хочешь еще выпить?

— Да разве здесь есть вино?

Не забудем — в России действует «сухой закон». Однако «Хотимские везли из Крыма несколько бутылок красного вина. Откупорили одну, спросили у проводника стаканы, и у Распутина развязался язык... На все вопросы Распутин отвечал охотно, разговор вел непринужденно, нередко даже с увлечением, будто находился в обществе старых знакомых. Он производил впечатление совершенно непосредственного человека, говорившего то, что он думает. На некоторые вопросы он отвечал, что в них ничего не понимает. Ни ханжества, ни рисовки, ни стремления казаться умнее и лучше, чем на самом деле... Он часто уснащал свою речь словами вроде «понимаешь», часто употреблял нецензурные ругательные слова, жестикулировал, потирал руки, ковырял в носу».

Наконец его попутчики перешли к самым волнующим тогда русского обывателя темам. «О царе и царице Распутин говорил неохотно, но... сказал: «Он прост, но за простоту ему Бог дает. Никто Константинополя не взял, а он, может, и возьмет»... И еще

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

он сказал: «Уговаривают все царя быть Верховным главнокомандующим. *Государю хотелось*, а я все против говорил. Разве может царь командовать? С него ж за всякого убитого спросят... А царю хотелось. Он даже побелел, когда я стал говорить напротив».

Поразительное замечание! Значит уже тогда, в начале 1915 года, «царю хотелось» быть Верховным главнокомандующим? Но умный мужик понял, что нельзя...

Этот рассказ Распутина удивительно дополняет запись в дневнике великого князя Николая Михайловича, сделанная в самом начале войны: «29 августа 1914... Очевидно выбор Николая Николаевича Верховным главнокомандующим признается уже неудачным, а самому (царю. — Э.Р.) взять бразды сложного управления армиями признается еще несвоевременным. Вот когда побьют, да мы отступим — тогда можно будет попробовать! Едва ли я очень далек от истины! Поживем — увидим...»

И мужик, и великий князь окажутся правы. Но ясно, что Распутин уже тогда понимал: дни его врага Николая Николаевича сочтены. Царь хотел встать на его место.

А пришедшие продолжают жадно расспрашивать мужика о «царях»... «Распутин очень одобрял, что царица ухаживает за ранеными: «Она по крайней мере узнает, как народ страдает»... На вопрос, не царица ли подарила ему эту великолепную шубу, он ответил: «Нет, поклонница подарила, *Решетникова*, а царица подарила другую, похуже, которую я теперь не ношу».

Опять Решетникова... Видимо, она очень богата, если ее шуба была лучше царского подарка и поразила даже этих господ...

После «царей» перешли к другой волнующей теме: «Распутин не скрывал, что он любит женщин. Говорил, что они хорошие, только все обманывают. К придворным женщинам и аристократам относился с презрением... «Дуры! Сами ко мне лезут. Пришла ко мне, просит благодати. Говорила бы прямо, что ей нужно...» На вопрос, почему он пользуется таким успехом у женщин — уж не гипнотизирует ли он их, Распутин с досадой отвечал: «Самый я простой человек, никаким гипнотизмом не занимаюсь и не понимаю, что это значит».

И наконец, третий волнующий вопрос: «О войне Распутин говорил неохотно... (Еще нельзя выступать против войны, еще

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

• П А Ш Д Р У Г •

все в угаре близкой победы. — Э. Р.) Он ссылся на то, что воевать вообще не следует. На вопрос, когда кончится война, высказал такую мысль: «Вот возьмут Константинополь, тогда всему крышка», или отделивался общей фразой: «Воевать люди вообще перестанут, когда мальчишки драться перестанут».

Потом пришедшие осмотрели его купе.

«На вопрос, кто заплатил за купе, ответил... вероятно, это сделала его поклонница Решетникова... (и снова эта богатая Решетникова! — Э.Р.). В его купе лежали коробки с конфетами, которыми он угощал других, но сам не ел, выражаясь вульгарно, что он этой сволочи не ест. (Запомним — «сволочью» он ругает сладкое. — Э.Р.).»

Но все это время Распутин — не один. «Они» — рядом, «они» контролируют каждое движение мужика. И опытный Чихачев тотчас «их» замечает: «Купе рядом с Распутиным было занято каким-то господином... который все время приоткрывал свою дверь, прислушиваясь, что говорят. Это, видимо, был полицейский агент».

В рассказе Чихачева — обычная распутинская история. Пьяненький мужик, начав со смиренных разговоров, постепенно завораживает случайную компанию в купе. И вот они уже ловят его слова — слова человека из недоступного им мира «царей»... Распутин чувствует: заворожил. Дальше — банальное продолжение: оболъщение, вербовка нового женского сердца. «За Хотимской Распутин стал ухаживать, сел рядом, восхищался ее голосом, когда она стала напевать ему романсы и шансонетки... Глаз с нее не сводил, потирал руки от восторга и выражал свое удовольствие чрезвычайно экспансивно».

А затем следует его обычная попытка, уже описанная десятками свидетельниц: «По словам Хотимской, когда они остались вдвоем, он предлагал ночью прийти к нему». И Чихачев сам убеждается, что это правда: «Действительно, уже когда все разошлись и я, позже других проходя по коридору вагона, по ошибке вместо своего купе нажал ручку купе Распутина, то он, ожидая, видимо, прихода Хотимской, вскочил и тотчас отпер дверь купе с радостным восклицанием: «Пожалуйста! Пожалуйста!»...

Прощаясь с Распутиным, Хотимская сказала, что «необыкновенно довольна, что познакомилась с такой знаменитостью, и

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

что по приезде непременно сообщит своим знакомым по телефону». Но Распутин обрывает эту полунасмешку печальным замечанием: «Ничего хорошего не будет. На первом же телефоне тебя обругают».

ВЕЧЕРА С РАСПУТИНЫМ

Из записей агентов наружного наблюдения от 30 марта 1915 года: «Вернувшись из Москвы, Распутин... послал телеграммы в Москву. «Княгине Тенишевой. Радуюсь за откровение, обижен за ожидание, целую свою дорожку»... «Козицкий переулок, Джанумовой. Ублажаемое сокровище, крепко духом с тобою, целую».

Это было воспоминание об «утончении нервов» в Москве. В Петербурге «утончение» продолжалось: «3 апреля привел на квартиру какую-то женщину, которая и ночевала у него...» Он живет уже в петербургском вихре развлечений. С радостью принимает разнообразные приглашения, и агенты на извозчиках с трудом поспевают за ним.

Возобновилось и поездное знакомство — в показаниях Чихачева описан визит Распутина на квартиру Хотимской.

Он моден, загадочен, страшен... И Хотимская собирает «на вечер с Распутиным» изысканное общество: писатель Брешко-Брешковский, профессор консерватории Лежен с женой-певицей и сам Чихачев.

«Распутин приехал к обеду в новой шелковой рубашке... сначала дичился, но вскоре оживился, особенно когда сел за стол и выпил стакан красного вина». И тогда он «по просьбе присутствующих» рассказал им историю, еще недавно занимавшую всю Россию — как покушалась на его жизнь Гусева: «Подошла ко мне, просит трешницу... достал кошелек, роюсь... Пока рылся, она как пырнет меня в живот большим ножом! Я побежал, а она за мной глупая — с ножом. Я кричу: «Брось, сука!» А она не бросает. Тогда я поднял с земли березовый кол и думаю: до каких пор раскрою ей череп? Потом пожалел — ударил легонько по плечу.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

•Н А Ш Д Р У Г•

Она упала, народ схватил ее за руки, хотел разорвать. Я заступился, а потом и сам обессилел, упал...» И насмешливая концовка, которая должна была подействовать на сытых женщин, собравшихся за столом: «Хоть бы хорошенькая зарезала, а то — стерва безногая...»

На все вопросы он умеет ответить легко и естественно.

— Почему ты рассорился с Гермогеном и Илиодором?

— Был им друг, пока шел навстречу их желаниям... Просили заступиться — заступался, денег просили — доставал. Когда стал отказывать, перечить — стал нехорош... Гермоген захотел патриархом быть — где ему! Патриарх должен быть чистенький, молитвенник, он единственный, как солнышко...

По мере того как он пьянеет, его непосредственность становится пугающей. Но это его игра: пьяный мужик может указать жалким господам их место. «Когда хозяин дома несколько раз задал ему вопрос в то время, как Распутин о чем-то с увлечением беседовал с другим лицом... Распутин сначала несколько раз с нетерпением отмахивался, а потом выкрикнул по его адресу: «Да пошел ты к...» И изысканное общество услышало «невозможное, площадное, мужицкое ругательство — так что присутствующие дамы в смущении разбежались по комнатам». Но как раз эта «естественность» и пленяет господ!

«Он отличался от многих своей непосредственностью, не старался казаться лучше, чем есть... он по всему своему облику приближался к типу «блаженного юродивого». Да, Чихачев понял, чью роль играл Распутин. Он только не понял, что это была — роль...

И еще один примечательный визит Распутина состоялся вскоре после его возвращения в столицу. Этот визит, отраженный в нескольких сочинениях модных тогда литераторов, был примечателен тем, что в тот вечер рядом с Распутиным впервые появился «Русский Рокамболь» — Манасевич-Мануйлов.

Из донесений агентов: «9 апреля Распутин в 9 часов 45 минут... пришел в дом 18 по Садовой улице к Алексею Фроловичу Филиппову... Оставлен здесь до 2 часов ночи... было замечено, что происходило какое-то собрание или пирушка...»

«РОКАМБОЛЬ» СОБИРАЕТ ЗНАМЕНИТОСТЕЙ

Этот удивительный вечер описан в «Том Деле» самим хозяином дома — Филипповым. Правда, итог вечера чуть не оказался для него плачевен... Однако все по порядку.

За несколько дней до 9 апреля на квартирах сразу нескольких известных петербургских литераторов раздались телефонные звонки.

Позвонили и Тэффи. Тогда вся читающая Россия знала это имя (вернее — псевдоним знаменитой юмористки Надежды Лохвицкой). Ей уже перевалило за сорок, но вчерашняя роковая красавица была еще очень хороша. Уже в эмиграции, спустя много лет, она вспоминала тот телефонный звонок: «Петербургская оттепель, неврастения... Позвонил Розанов, бессвязно говорил о каком-то приглашении... «Не могу ничего вам сказать по телефону...» Так и не посмел сказать ничего конкретного».

Знаменитый и по сей день Василий Розанов — один из тогдашних «властителей дум». Влюбленный в творчество Достоевского, 24-летний Розанов женился на вдвое его старшей Аполлиналии Суловой — мучительной любовнице Федора Михайловича. И сам Розанов — мистик, посещавший хлыстовскую секту, болезненно интересовавшийся тайнами радений, был сродни персонажам Достоевского. Так что понятен его страстный интерес к *приглашению*, загадка которого разъяснилась, когда к Тэффи пришел еще один известный тогда литератор — Измайлов.

«Неужели вы не поняли, о ком речь? — спросил Измайлов. — Разве вы не знаете, о ком нельзя говорить по телефону? О Распутине! Ибо достаточно упоминания его имени — и телефон будет прослушиваться полицией». Вот кем был тогда полуграмотный «отец Григорий»!

Измайлов рассказал: «Живет в Петербурге издатель Ф. (Филиппов. — Э.Р.), у которого довольно часто бывает Распутин... он дружит с ним... И еще к нему бегают известные в литературных кругах М-ч (Манасевич-Мануйлов. — Э.Р.)... Этот самый М-ч *предложил Ф. пригласить кое-кого из писателей*, которым было бы интересно посмотреть на Распутина... Общество будет небольшое,

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

• Н А Ш Д Р У Г •

но список составлен тщательно... чтоб не вышло неприятной историей... Сегодня утром прибежал М-ч и показывал мне список приглашенных». И хотя все они очень боялись «попасть в историю» (знакового Измайлова, видного общественного деятеля, сфотографировали в компании Распутина, и тот «счел себя опозоренным навек»), но интерес к Распутину сильнее. Ибо «весь Петербург» говорил тогда о нем!

Тэффи вспоминала: она обедала у знакомых, где в столовой на каминном зеркале красовался плакат «Здесь о Распутине не говорят». (Да, мужик стал главной темой столичных разговоров.) В результате Тэффи весь вечер... «проговорила о Распутине с некоей фрейлиной Е.». Фрейлина рассказала ей, как Распутин, увидев ее впервые, сказал: «Ты придешь ко мне!» И как она «почувствовала сердцебиение... и до сих пор не может забыть его повелительных интонаций!» «Будто судьба моя ему открыта», — почти с ужасом вспоминала фрейлина...

Так что Манасевич задумал все правильно. И около 10 вечера все приглашенные знаменитости (кстати, сотрудничавшие в крупнейших газетах) собрались на квартире Филиппова.

Из показаний Филиппова: «Я решил... устроить прием, где был десяток журналистов, интересовавшихся Распутиным... представители самых разнообразных течений — Розанов из «Нового времени», Тэффи из «Русского слова», Измайлов из «Биржевых новостей» и так далее».

Задуманный вечер был беспритрачен — обычно очное знакомство Распутина с недоброжелателями непременно заканчивалось победой мужика. Получилось и на сей раз.

«Распутин очаровал всех присутствующих, даже тех, которые были предубеждены против него», — показал Филиппов. И далее он, уже много раз видевший эти сеансы оболъщения, описывает «стратегию» мужика: «Распутин не сразу вступил в разговор, по своему обыкновению точно изучив присутствующих, а затем стал подавать меткие реплики, по большей части в форме афоризмов. Особенно удачны были его ответы известному религиозному мистика Розанову и Тэффи... В середине ужина разошедшийся под влиянием выпитого Распутин предложил сказать импровизацию на тему: что такое любовь... Распутин в белой шелковой рубахе, подпоясанный... шнурком, импровизировал

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

стоя, несколько нараспев и подняв глаза вверх... причем образность его выражений... близких по стилю к «Песне Песней» Соломона, была такова, что Тэффи приступила к записи, и этот отрывок оставила у себя на память вместе с автографом Распутина... Распутин был бесцеремонен к Тэффи, словно угадывая ее стареющую, но еще страстную натуру...»

Тэффи тоже описала этот вечер: «В накуренной комнате человек шесть... Манасевич стоит у притолоки... еще каких-то двое и — Распутин... роста довольно высокого, сухой, жилистый, с лицом, будто втянутым в мясистый длинный нос, с колючими, близко придвинутыми глазами... Глаза так блестели, что нельзя было разобрать цвет». Розанов сообщает ей: «Мы с хозяином условились, что вас он посадит рядом с ним... он любит дам. Непременно затроньте эротические темы, разговорите его, тут он будет интересен...»

Тэффи посадили на угол — справа Распутин, слева Розанов и Измайлов. Далее она описывает «бесцеремонность Распутина», точнее — обычные его ухаживания. «Распутин пил много... — А ты чего не пьешь? Ты пей, Бог простит. — (И уговаривая, быстрым движением дотронулся до плеча, словно гипнотизер.) — Глаза у тебя печальные, мучает он тебя очень... Эх, все мы женскую слезку любим. Я все знаю... Что за кольцо у тебя на руке? Протяни мне его тихонько под столом, я на него дыхну — погрею... Чего ж ты сама сняла... Я бы сам снял... — Но я отлично понимала (что будет под столом. — Э.Р.), оттого и сняла... — Вот когда придешь ко мне, я много тебе расскажу, что ты и не знала... — И он снова тайно, быстро дотронулся до моего плеча».

А потом состоялось чтение распутинских стихов. «Оказалось, это было стихотворение в прозе в стиле «Песни Песней»... Еще помню фразу: «Прекрасны и высоки горы. Но любовь моя выше и прекрасней их, потому что любовь есть Бог».

После чего мужик дал автограф знаменитой писательнице. «Долго мусолил карандаш... корявым почерком написал: «Бог есть любовь, ты люби, Бог простит. Григорий»... В это время хозяин вдруг озабоченно подошел к Распутину: «Телефон из Царского!»

И Тэффи с изумлением поняла: значит, в Царском Селе знали, где он находится!.. Пока Распутин не было, Розанов начал давать ей инструкции: «Главное — пусть расскажет о *своих мыслительских радениях*».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

• Н А Ш Д Р У Г •

И Розанов, и остальные гости, и друг Распутина Филиппов знают, что мужик принадлежит к таинственной секте. Они предвкушают его рассказ, но... «Распутин к столу не вернулся. Хозяин сказал, что его спешно вызвали в Царское Село».

РАЗГАДКА ИНТРИГИ

На следующий же день разразился скандал. Оказалось, в Царском забили тревогу по поводу прошедшего вечера. И на квартире Филиппова, к его изумлению, на следующий день был устроен обыск.

Из показаний Филиппова: «Исполняющий обязанности начальника Охранного отделения полковник Иванов в ответ на мое негодование сообщил мне по секрету, что виноват в этом Распутин, который сообщил, что будто бы во время его присутствия... ведутся литераторами записи тех сообщений, которые он делает... и что... дошли агентурные сведения о том, что в моем распоряжении находятся *компрометирующие Государыню документы* и что в моей квартире готовится самоубийство Распутина».

Тогда же к Тэффи прибежал перепутанный Измайлов и рассказал ей: «Сегодня был у меня Ф. и говорил, что его... допрашивали: кто именно из литераторов у него обедал, и что там Распутин высказывал. Грозили высылкой из Петрограда... Но что противнее и удивительнее всего, что на столе у допрашивавшего его Ф. ясно увидел *тот самый листок, который собственной рукой писал М.ч.*... Надо быть осторожными. Если нас и не будут допрашивать, то следить, конечно, будут...»

Да, организатором скандала был... организатор вечера Манасевич! Задумав стать главным советчиком Распутина, он производил «чистку» окружения «отца Григория». Симанович, занимавшийся исключительно финансами, знал свое место. Но Филиппов, имевший огромное влияние на Распутина, видимо, беспокоил «Рокамболя», и тот, в лучших традициях департамента полиции, затеял привычную провокацию. Он предложил Филиппову организовать встречу Распутина с литераторами и... тут же сообщил о ней в Царское Село, приписав инициативу

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

встречи Филиппову. А заодно и передал в охранку «тот самый листок» — список приглашенных литераторов, который испугал Аликс, потому что все приглашенные, как считалось, придерживались левых убеждений. Оттого-то и последовал звонок из Царского, прервавший встречу.

И, конечно же, Манасевич сообщил в охранку о «компрометирующих Государыню документах», будто бы находившихся на квартире Филиппова. А Распутину он рассказал о злых намерениях писателей, конспектировавших все разговоры якобы для того, чтобы впоследствии осмеять «старца» (хотя договаривались «ничего не записывать»).

Впрочем, тут Манасевич бил наверняка. Не сомневался — в любом случае не сдержат слова, напишут... И действительно, вскоре один из участников вечера, известный литератор Анатолий Каменский, написал пьесу о Распутине.

Из показаний Филиппова: «Отголоском этого вечера... была пьеса Анатолия Каменского... которая... встретила чрезвычайные цензурные затруднения... Присутствующие на вечере литераторы дали мне слово не печатать заметок об этом вечере и потому... Распутин так обрушился на постановку пьесы Каменского... что тот, по выражению Распутина, «нарушил клятву».

В пожелтевшем номере газеты «Рампа и жизнь» за 1915 год я нашел сообщение об этом событии, взволновавшем тогда театральный Петроград: «8 декабря 1915 г. в театре Яворской была назначена постановка новой пьесы А. Каменского «Может быть, завтра»... В 8 часов вечера, когда театр был уже переполнен публикой, администрация объявила, что спектакль состояться не может: поступило официальное запрещение».

Впрочем, пьесу разрешили после того, как Каменский переделал ее и превратил своего героя, русского мужика Распутина, в... шведа!!!

После этой истории перепутанный Филиппов сам начинает отходить от Распутина. Да и у Распутина появляется недоверие к Филиппову... Теперь основным советчиком и главным человеком в «команде» становится Манасевич-Мануйлов. И он уже ждет многообещающих перемен в правительстве...

Но все случится совершенно иначе.

Глава 10

ПИРРОВА ПОБЕДА

«ОН СТРАННЫМ ОБРАЗОМ СКАЗАЛ ТО ЖЕ, ЧТО И Я»

Шла мировая война. Но не прекращалась и другая война — Аликс с Верховным главнокомандующим (Н., как она называла Николая Николаевича в письмах).

«4 апреля 1915... Хотя Н. поставлен очень высоко, ты выше его. Нашего Друга, так же, как и меня, возмутило то, что Н. пишет свои телеграммы, ответы губернаторам и т.д. твоим стилем... он должен бы писать просто и скромно...»

В апреле царь вместе с Верховным должен был инспектировать войска, стоявшие в Польше и в захваченной Галиции. При дворе возник упорный слух, что великий князь Николай Николаевич решил стать королем Галиции и Польши. И Аликс испугалась, что во время поездки «Грозный дядя» склонит Ники согласиться на это... И «Наш Друг» тотчас высказал пожелание: ехать царю не надо. А если уж ехать, то одному.

«6 апреля... Меня беспокоит твоя мысль о поездке в Литву и Польшу, не рано ли? Ведь настроение там враждебно России, особенно в Литве. Я попрошу Нашего Друга особенно за тебя помолиться, когда ты там будешь. Прости мне, что я это тебе говорю, но Н. не должен тебя туда сопровождать, ты должен

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

быть главным лицом в этой первой поездке... Право, не бери его, ведь ненависть против него там должна быть очень сильна, а твое присутствие обрадует всех любящих тебя... Au fond (в глубине души. — Э. Р.) Наш Друг предпочел бы, чтобы ты поехал в завоеванные области после войны... пишу тебе это между прочим».

«7 апреля... Как интересно все то, что ты намерен сделать! Когда Аня сказала Ему по секрету (так как я просила Его особых молитв за тебя) о твоём плане, Он странным образом сказал то же, что и я... что в общем Он не одобряет твоей поездки и «Господь пронесет, но... ехать... лучше после войны». Он не советует брать с собою Н. — находит, что всюду тебе лучше быть одному, и с этим я вполне согласна. Ну теперь, раз уж это решено, надеюсь, что все удастся... Да благословит и сохранит тебя Господь в этой поездке... Он (Распутин. — Э.Р.) был у меня утром».

Но царь поехал вместе с Верховным. Немцы готовили решительное наступление, и Николай не знал, что он последний раз в жизни видит эти земли...

В это время начинает свершаться поразительная метаморфоза: «Наш Друг» исполняет теперь не только должность «мудрого попугая» царицы. Незаметно из «чтеца» ее желаний, из условного персонажа, которым она заклинала мужа, он начинает превращаться в ее истинного советчика. Рожденный ее фантазией провидец становился реальностью. Мужик начинает обретать самостоятельность и уже... сам диктует ей свои мысли. Его крестьянский ум подсказывает решения, исходящие из любимой народной идеи — жить по совести — и радостно удивляющие Аликс простотой осуществления.

«10 апреля... Гр<игорий> несколько расстроен «мясным» вопросом — купцы не хотят понизить цены, хотя правительство этого требует, и было даже нечто вроде мясной забастовки. Наш Друг думает, что один из министров должен был бы призвать к себе нескольких главных купцов и объяснить им, что преступно в такое тяжелое время повышать цены, и устыдить их...»

И вызывали, и стыдили... Но купцы почему-то не услышали призывов к совести — цены продолжали расти.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

ПЕРВЫЙ БОЛЬШЕВИК ВО ДВОРЦЕ

Но Распутин продолжает давать «царям» свои весьма удивительные рекомендации. «Он находит, что ты должен приказать заводам выпускать снаряды... просто дай распоряжение, чтобы тебе прислали список заводов, и тогда укажи — какие... Будь более самодержавным, мой дорогой, покажи свою волю!» Да, Распутин предлагает меры, которые станут весьма популярны... во времена Сталина, когда во время войны все заводы будут «самодержавной» рукой вождя переориентированы на нужды фронта.

«29 августа 1915... Наш Друг находит, что больше фабрик должны вырабатывать амуницию, например, конфетные фабрики...»

И царь попытается все это осуществить! Будет введено принудительное отчуждение продуктов у крестьян и помещиков, пройдет национализация и милитаризация заводов... Все, к чему призывает Распутин, будет делаться. А завершат все это уже большевики! Так что некоторые меры военного коммунизма были предложены еще до Ленина... мужиком Григорием Распутиным! А осуществлять их начал... последний царь!

Незадолго до своей гибели Распутин заговорит с царицей и «о повышении жалованья бедным чиновникам по всей стране», чтобы в смутные времена укрепить государственную машину. И подскажет, где взять на это деньги. Его идея весьма забавно прозвучит в письме царицы Государю всея Руси: «Всегда можно обложить капиталистов». То есть — попросту отобрать деньги у богатых! И эту извечную крестьянскую мечту также осуществят большевики... Так что недаром соратник Ленина Бонч-Бруевич так восхищался в своих статьях «умным, талантливым мужиком».

И недаром в одной из своих статей Бонч описывает удивительную сцену. Чтобы проверить распутинский «дар познавать людей», он решил показать мужику некий портрет. «Распутин пришел в состояние ажиотажа... «А это кто? Скажи — кто это? — Он стремительно метнулся к большому стенному портрету, откуда выделялось гордое, умное лицо старика.— Ну и человек!.. Ах ты, Боже мой! Это ж Самсон, друг мой, вот он Самсон-то где!

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

Познакомь меня с ним!.. Поедем сейчас к нему! Вот за кем народ полками идти должен!»... И Распутин торопливо зажег соседнюю электрическую лампочку, желая лучше рассмотреть лицо этого поразившего его старика... Я объяснил ему, что это Карл Маркс».

«Вот за кем народ полками идти должен!» — это пророчество Распутина прозвучало в статье Бонча, опубликованной в газете «День» 1 июля 1914 года — накануне войны, которая уничтожит империю и станет прологом марксистского государства.

ВСТРЕЧИ У АНИ

«14 апреля... У бедной Ани опять флебит и сильные боли в ноге... Бедная, она теперь действительно хорошая, такая тихая... Вчера она первый раз прошла на своих костылях до столовой...»

В конце апреля Вырубова уже всюду ходила на костылях. Теперь она, навестив утром свой лазарет, весь остальной день, как в былые времена, проводила во дворце. Царица уже не ревновала мужа к обрюзгшей, безобразно растолстевшей калекке. И «Наш Друг», который спас и Аню, и ее великую дружбу с Аликс, иногда зримо, а чаще — незримо присутствовал в их разговорах...

Из показаний Марии Беляевой, 20 лет, служанки Вырубовой: «В мае 1915 года... Вырубова вставала между 9 и 10, ехала в лазарет, где была до 1–2 дня, потом ехала к царице во дворец и там оставалась до 5 часов... Обедала она иногда у царицы или в гостях. Но после обеда она каждый раз отправлялась к царице, где оставалась до 12 часов».

Не расставались они и в те редкие вечера, которые Аня проводила у себя дома. Ибо это означало: в доме — «Наш Друг», а следовательно, и Аликс.

«15 апреля... Температура была вчера вечером 37,2... но чувствую себя... лучше, так что хочу пойти к Ане и повидать у нее Нашего Друга, который желает меня видеть».

«16 апреля... Наш Друг вчера недолго оставался у Ани, но был так хорош... Он много расспрашивал о тебе».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

ТАЙНОЕ ПИСЬМО

И тут произошло событие, вызвавшее волну слухов в Петрограде и большое волнение среди союзников — из Германии приехала Мария Васильчикова. Фрейлина царицы, дочь директора Эрмитажа, она владела большим поместьем около Вены, где ее и застала война. Немцы не позволяли ей выехать в Россию, но в это время умерла ее мать, и под поручительство Эрни, принца Гессенского, брата Аликс, Васильчикову выпустили на три недели, пригрозив конфисковать поместье в случае ее невозвращения.

Эрни ходатайствовал за нее, ибо она согласилась передать его письмо сестре. На свою беду согласилась... Эпидемия шпионмании в России достигла апогея, и бедная Васильчикова была обречена.

Из показаний Вырубовой: «О ее приезде императрице сообщила великая княгиня Елизавета Федоровна, отказавшаяся ее принять... По приезде в Петроград Васильчикова послала мне в Царское Село письмо с просьбой принять ее. Но по приказанию бывшей императрицы я ответила отказом... Так как при дворе ее подозревали в шпионстве, то ее выслали из Петрограда и сняли с нее фрейлинский знак... Что же касается того, как она (Аликс. — Э.Р.) относилась к возможности заключить сепаратный мир с Германией, я с определенностью утверждаю, что никаких разговоров о возможности или желаемости сепаратного мира я никогда ни от бывшего Государя, ни от бывшей императрицы не слышала. Напротив, оба стояли за войну до конца... За три года войны она ничего не писала и не читала по-немецки. Своего брата она очень любила, но за эти три года никаких известий от него не получала».

Вырубова опять солгала. Она знала — Васильчикова передала Аликс письмо от брата.

Из письма царицы: «17 апреля... Я получила длинное милое письмо от Эрни... он полагает, что кто-то должен начать строить мост для переговоров. У него возник план послать частное лицо в Стокгольм, которое бы встретилось там с лицом, посланным от тебя... Эрни послал его уже туда к 28 числу... Я послала сказать этому господину, чтобы он не ждал... и хотя все

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

жаждут мира, время еще не настало. Я хотела покончить с этим делом до твоего возвращения, так как знаю, что оно тебе неприятно...»

Хотя письмо Эрни было личным, Николай передаст его в министерство иностранных дел, желая подчеркнуть свою непричастность к этим мирным предложениям. И это было ошибкой...

«В России все секрет и ничего не тайна». И уже вскоре родился ужасный, стойкий слух: царица-шпионка переписывается с немцами и сообщает им военные секреты. Этот слух станет для страны одним из объяснений катастрофы, которая вскоре случится на фронте.

Из показаний Вырубовой: «В лазаретах от сестер милосердия и раненых ей (царице. — Э. Р.) не раз приходилось слышать, что ее, как немку, подозревают в народе и в армии в шпионстве».

Хотя, если уж кого и подозревать в выдаче военных секретов, так это, пожалуй, брата Эрни. Его предложение немедленно начать переговоры о мире странно совпало с тайными военными приготовлениями немцев. Он будто предупреждал Аликс: поторопитесь!.. И вскоре после отвергнутого предложения Эрни, во второй половине апреля, началось мощное наступление германской армии. И тягостное отступление русских...

«7 мая... Пошла к Ане и просидела до 5-ти. Видела там Нашего Друга. Он много думает и молится о тебе... Сидели и долго беседовали... Это ужасно не быть с тобою в такие тяжелые времена».

Слухи об измене «в верхах», естественно, связывались с ненавистным «старцем». Уже заговорили о немецких шпионах в окружении вечно пьяного Распутина, и Аликс знала об этих разговорах. Она мучилась, понимая, как Верховный использует в Ставке эти гадкие слухи. Вот почему упорно, почти в каждом письме, она писала мужу о «Нашем Друге» — с большой буквы, как пишут о святом.

«Посылаю тебе Его палку (рыба, держащая птицу), которую Ему прислали с Нового Афона, чтобы передать тебе. Он употреблял ее, а теперь посылает тебе, как благословение, если можешь, то употребляй ее иногда; мне так приятно, что она будет в твоём купе рядом с палкой, которой касался m-r Philip».

Так в купе царя встретились два «Наших Друга»...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

• Н А Ш Д Р У Г •

Распространившиеся слухи о тайных переговорах с немцами на фоне сообщений о поражениях русской армии пугали союзников. Аликс писала Ники: «14 июня Павел (великий князь Павел Александрович. — Э.Р.) пил со мной чай и просидел долго. Он был очень мил, говорил откровенно и просто... без желания вмешиваться в дела, которые его не касаются (то есть о Распутине — Э.Р.)... Недавно у него был Палеолог (французский посол. — Э.Р.) и имел с ним долгую интимную беседу, во время которой он очень хитро старался выведать у Павла, не имел ли ты намерения заключить сепаратный мир с Германией, как он слышал об этом здесь и во Франции... Павел сказал, что он уверен, что это неправда... Я сказала ему, что ты и не помышляешь о мире и знаешь, что это вызвало бы революцию, потому-то немцы и стараются раздуть эти слухи...»

Нет, Николай не думал предавать союзников и собирался вести войну до конца. Тяжелые потери заставили его думать о новом призыве в армию. Но с этим призывом должен был отправиться на фронт единственный сын Распутина... И царица тут же пишет в Ставку: «Он (Распутин. — Э.Р.) говорил, что... ты вознесешь свое царствование тем, что не призовешь сейчас 2-го разряда...»

И дело здесь было не только в страхе Распутина за сына. Мужик рассказывал царице про изменившиеся настроения крестьян, про то, что новая кровавая жатва может приблизить революцию куда быстрее, чем сепаратный мир. Вот почему, написав обязательные слова о войне до победного конца, она просит Ники *не посылать на фронт новых солдат*, тем самым призывая его подумать о конце войны.

В то время за Аликс открыто шпионили. В том же письме она писала: «Мария Васильчикова (однофамилица несчастной посыланницы Эрни. — Э.Р.) живет в зеленом угловом домике и наблюдает из окна, как кошка, кто входит и выходит из нашего дома... она сказала графине Фредерикс, что видела, как Григорий сюда въезжал (отвратительно!). Чтобы наказать ее, мы сегодня пошли к Ане окольным путем...»

Васильчикову вышлют из столицы. Но рассказ о царице, тайком идущей на встречу с мужиком, дойдет до Ставки и вызовет

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ РАСПУТИН

там переполох. Сначала письмо от Эрни, а теперь и мужик, ненавидевший войну и еще недавно грозивший поражением... Но каково же его влияние, если Государыня ради встречи с ним, забыв о величии, крадучись, покидает собственный дворец!.. А тут еще служи о том, что он натравливает царицу на Верховного главнокомандующего...

И Верховный решил сыграть на опережение.

Джунковскому, видимо, приказали поспешить с докладом царю. И все новые донесения агентов наружного наблюдения лихорадочно пересылаются главе корпуса жандармов для подготовки этого доклада.

«26 апреля около 10 вечера стали собираться к Распутину неизвестные мужчины и женщины, в том числе... Рубинштейн... В 11 слышна игра на гитаре... Это происходило до 2 ночи...»

«27 апреля Распутина вызывают в Царское Село, но так как он не проспался, то Волынский и баронесса Кусова не советовали ему в таком виде ехать...»

Между собой вели разговоры: «Что-то наш старец избаловался»... Посоветовали ему часа два поспать...»

«30 апреля. Привел к себе на квартиру проститутку...»

«2 июня. Приехал совершенно пьяный в 10 вечера. Не заходя домой, послал жену швейцара за массажисткой Утиной в том же доме. Но ее дома не оказалось. Тогда он сам отправился в тот же дом в квартиру 31 к портнихе Кате. По-видимому, его не пустили в квартиру, так как он вскоре вернулся на лестницу и стал приставать к жене швейцара, прося его поцеловать. Та, вырвавшись, позвонила ему в квартиру и прислуга увела его...»

Каждое из этих сообщений — удар по Распутину. Но основной удар — доклад Джунковского о скандале в «Яре». И он его готовит...

СПИСОК ЖЕРТВ ОТКРЫТ

Жестокие поражения продолжались. В мае — июне русская армия оставила Галицию, Польшу, часть Прибалтики. В июне сдана древняя столица Галиции — Львов. В тамошнем дворце австрийских Габсбургов теперь хозяйничали немцы.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

•Н А Ш Д Р У Г•

«12 июня... Теперь Вильгельм, наверное, спит в постели старого Франца Иосифа (австрийского императора. — Э. Р.), которую ты занимал одну ночь. Мне это неприятно, унизительно, но... можно перенести. Надеюсь повидать Нашего Друга на минуту у Ани... Это меня ободрит...», — писала Аликс.

Поражения заставили Верховного активно заняться нашим любимым делом — искать виновных за неудачи. Лучшей кандидатурой для расправы оставался военный министр Сухомлинов. Его не любил не только великий князь, но и Дума — за преданность «царям». И на него не просто возложили ответственность за нехватку пушек, снарядов, патронов и обмундирования. Старого министра «включили» в кампанию по охоте за шпионами.

Сначала по сомнительному доносу был обвинен в шпионаже и казнен полковник Мясоедов, один из руководителей военной контрразведки, близкий к Сухомлинову. Тень пала и на министра...

Андроников с Червинской заспешили по салонам. «Я был уверен, что Сухомлинов окружен целым рядом шпионов», — объяснял потом князь в Чрезвычайной комиссии. Эти слова повторялись и думской оппозицией, и великими князьями. Андроников использовал и Распутина — мужик поддержал всеобщий хор и бросил свой камень в министра. В этом его поощрял Манасевич: в кои-то веки Распутин мог быть вместе со всеми... И царь уступил требованиям Верховного — в июне министр был отстранен от должности, арестован и отправлен в крепость.

Распутин так и не понял до конца, что произошло. Верный Сухомлинов, обвиненный в государственной измене, был первой большой жертвой царя общественному мнению и Верховному главнокомандующему. И за ней непременно должны были последовать новые...

Но царица поняла. 25 июня она писала Ники: «Теперь другие могут подумать, что общественное мнение — достаточная причина, чтобы удалить Нашего Друга...»

Печальная обстановка на фронте требовала решений, которые объединили бы общество. Об этом Верховный постоянно говорил с царем и в конце концов уговорил его назначить новых министров, которых поддержала бы Дума. «Грозный дядя» объяс-

нял племяннику, что «человек с немецкой фамилией Саблер не может быть обер-прокурором Святейшего Синода в дни народной ненависти к немцам! К тому же его ненавидит Дума...»

Николай знал, что Дума ненавидит Саблера за его лояльность к «Нашему Другу», но понимал, что в остальном Верховный прав. В обер-прокуроры было решено поставить Самарина — предводителя дворянства патриархальной Москвы. Согласился царь и на перемены в министерстве внутренних дел: убрать лояльного к Распутину Маклакова, а министром назначить либерала князя Щербатова из знаменитого дворянского рода — его уважали и оппозиция, и двор. На пост военного министра планировалась кандидатура генерала Алексея Поливанова, близкого когда-то к Гучкову (а теперь и к Верховному).

Но когда будущие министры были вызваны в Ставку, они единодушно заявили, что не смогут плодотворно работать, если в Петрограде будет находиться Григорий Распутин!

Из показаний Р. Моллова: «Когда мне предложили занять должность товарища министра внутренних дел, я тотчас спросил князя Щербатова: «Как обстоит дело с Распутиным?»... Щербатов меня успокоил, сказав, что, когда он принимал должность министра внутренних дел, то государь дал ему и новому обер-прокурору Самарину слово, что Распутин из Сибири никогда не вернется».

Из показаний Яцкевича: «Самарин... поставил условие: устранение всех посторонних влияний из церковной жизни. Государь дал любезный... и уклончивый ответ».

Да, воспитанный монарх был с ними любезен. Всего лишь... Князь Щербатов попросту выдал желаемое за действительность — цари обещаний подданным не дают. Николай решил лишь повторить уже испытанный прием — на время отправить мужика на родину.

СТРАННИК СОБИРАЕТ КОТОМОЧКУ

В начале июня император вернулся в Царское Село. Он ничего не сказал Аликс о новых министрах, тем более что решение не было еще принято. Но не зря при Распутине состояли служив-

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

• Н А Ш Д Р У Г •

ший в Синоде Андроников и Манасевич... Мужик, Подруга и Аликс узнали, что Саблера убирают. И было решено просить Ники оставить его, пока «Наш Друг» не подыщет хорошую кандидатуру.

Николай не стал объяснять жене, что кандидатура уже найдена. Вместо этого он заговорил с нею о том, что наступает лето, что обычно в это время Григорий уезжает домой, и будет хорошо, если он и сейчас отправится в Покровское. Чтобы поменьше ходило о нем глупых слухов... А осенью, когда положение на фронте будет получше, он вернется... «Государыня сказала мне, что действительно нужно, чтобы Распутин уехал, и прибавила, что и государь этого желает», — показала в «Том Деле» Юлия Ден.

Одновременно у царя произошла трудная встреча с Саблером. Перед отъездом в Ставку Николай вызвал его, но сказать верному обер-прокурору об отставке так и не решился...

Из показаний Яцкевича: «Саблер... был принят Государем с очередным докладом и как всегда обласкан... На вопрос его: «Когда будет очередной доклад?», Государь сказал: «Я напишу вам, напишу...» И разговор был прерван, потому что в кабинет вошел наследник, который, кажется, появлялся всегда, когда нужно было кого-то выпроводить. Саблер счастливый вернулся на дачу, а около 8 получил записку об отставке. Государь писал, что обстоятельства вынуждают его и т. д.»

Так состоялись отставка Саблера и назначение Самарина. Царь и здесь остался любезен...

Вскоре Петроград наполнился слухами «об отъезде Гришки». Манасевич и Андроников ожидали, что Распутин немедля бросится к царице, но мужик, к их изумлению, преспокойно готовился к отъезду, более того — рассказывал, как счастлив, что ему наконец разрешено покинуть столицу. И повторял то, что часто говорил почитательницам (и то, что записала Жуковская): «Одна радость — воля... День, бывало, дерева рубишь, а дерева то у нас какие! Здесь таких и не видывали... А ночью разложишь костер на снегу и отплясываешь круг... скинешь рубаху и по морозцу нагишом, а морозы не вашим чета! Здесь что, хмарь одна в городах ваших, а не жизнь!.. Я тем только крепость свою и хра-

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ РАСПУТИН

ню, что знаю, как только какая заварушка, так я котомочку за плечи, палку в руку и пошел...»

Ни Манасевич, ни Андроников не понимали, что его отъезд и есть самое сильное средство, что долго без него в Царском не смогут. Позовут... В суете проживут — и позовут... Сдадутся.

В день отъезда Распутин узнал о назначениях в правительстве. Получалось забавно: готовили одно, а вышло совсем наоборот... И он позвонил Вырубовой. Аня в ужасе похромала к царице. Теперь мужик мог быть спокоен, ибо знал — «мама» не даст покоя царю.

АТАКА ЦАРИЦЫ

Вечером 15 июня Распутин выехал в Покровское. А царица уже села за первое письмо. Теперь она будет заваливать Ники отчаянными письмами.

«15 июня... В городе ходят сплетни, будто все министры сменяются... Наш Друг, к которому Аня ходила проститься, с нетерпением ожидает узнать правду об этом (будто Самарин назначается на место Саблера. Самарин, без сомнения, пойдет против Нашего Друга... он такой яркий и узкий москвич)... Аня Ему ответила, что я ничего не знаю... Он просит тебя передать, чтобы ты обращал меньше внимания на слова окружающих тебя, не поддавался бы их влиянию, а руководствовался бы собственным инстинктом... Она очень жалеет, что ты не поговорил с Ним обо всем, что ты думаешь, о чем совещался с министрами и какие намерен произвести перемены. Он так горячо молится за тебя и за Россию, и может больше помочь, если ты с Ним будешь говорить открыто... Я ужасно страдаю от разлуки с тобою. 20 лет мы прожили вместе, и теперь происходят такие важные события, а я не знаю ни твоих мыслей, ни решений — это так больно!»

Ники попытался смягчить ее гнев, написал, что все говорят о Самарине, «как о чистом и благочестивом человеке»... Но она была неумолима.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

• НАШ ДРУГ •

«16 июня... Только что получила твое драгоценное письмо... Да, любимый, относительно Самарина я более чем огорчена, я прямо в отчаянии — он из недоброй, ханжеской клики Эллы (так — о любимой сестре! — Э.Р.)... Начнутся сплетни против Нашего Друга, и все пойдет плохо... Это означает влияние Эллы, приставания с утра до вечера... Он будет работать против нас, потому что он против Гр<игория>... На сердце у меня тяжело...»

И она обрушивает на бедного Ники страстный монолог: «Я всегда вспоминаю, что говорит Наш Друг; как часто мы не обращаем достаточного внимания на Его слова!.. *Он так был против твоей поездки в Ставку, потому что там тебя заставляют делать вещи, которые было бы лучше не делать, здесь дома атмосфера гораздо здоровее, и ты более верно смотрел бы на вещи, возвращайся скорее...* Как видишь, я совершенно не доверяю Н. Я знаю, что он далеко не умен и, раз он враг Божьего человека, то его дела не могут быть успешны и мнения правильны... *Григорий вчера вечером... перед отъездом услышал о назначении Самарина... и был в полном отчаянии...* Теперь московская клика опутает нас, как паутиной. Враги Нашего Друга — наши враги, и я убеждена, что Щербатов к ним примкнет. Прости меня, что пишу тебе все это, но я так несчастна с тех пор, как узнала об этом, и не могу успокоиться... Теперь я понимаю, почему Григорий был против твоей поездки туда... Здесь я могла бы помочь тебе... они боятся моего влияния... потому что знают, что у меня сильная воля, я лучше других вижу их насквозь и помогаю тебе быть твердым... Если бы ты был здесь, я бы употребила все силы, чтобы разубедить тебя... и ты бы вспомнил слова Нашего Друга. Когда Он советует не делать чего-либо, и Его не слушают, позднее всегда убеждаешься в своей неправоте... Умоляю тебя, при первом разговоре с <Самариным> поговори с ним... *ради России... никогда ей не будет благословения, если ее Государь позволит продолжаться преследованиям Божьего человека, я в этом уверена.* Скажи строго... что ты запрещаешь всякие интриги или сплетни против Нашего Друга, иначе... не будешь его держать... Прости меня за это письмо, написанное с болью и с заплаканными глазами... *Наш первый Друг дал мне икону с колокольчиком, который предостерегает меня о злых людях и препятствует им приближаться ко мне... я это чувствую и таким образом могу и тебя оберегать от них...* Даже твоя семья чув-

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ РАСПУТИН

ствует это, и поэтому они стараются подойти к тебе, когда ты один...»

И дальше — о своем желании участвовать в управлении страной.
«Это не по моей воле, а Бог желает, чтобы твоя бедная женушка была твоей помощницей. Григорий всегда это говорил, м-г РН. (Филипп. — Э.Р.) тоже... Я могла бы тебя вовремя предупредить, если бы была в курсе дела...»

Капля точит камень... Теперь она будет бесконечно писать одно и то же — пока не сломит его.

«АВРААМ» НЕ ХОЧЕТ ОТДАТЬ СЫНА

19 июня Распутин прибыл в Тюмень. Но и оттуда агенты продолжали снабжать Джунковского информацией обо всех передвижениях «Нашего Друга».

«В Тюмени Темный остановился в мужском монастыре у своего друга настоятеля монастыря Мартемиана (этот иеромонах совсем недавно его стараниями был назначен игуменом Тобольского монастыря)... после обеда Темный, по словам Мартемиана, один выпил две четверти монастырского вина... 21 июня он прибыл в Покровское в сопровождении агентов... Терехова и Свистунова, которые постоянно за ним следуют и большей частью находятся в доме Распутина, где читают ему книги и газеты».

Здесь он узнал, что его единственного сына все же призывают в армию, и послал отчаянную телеграмму царице. Он писал об Аврааме, у которого грозятся отнять сына Исаака... Аликс тотчас написала Ники: «20 июня... Любимый мой... нельзя брать его единственного сына... прикажи, прошу тебя...»

Но царь молчал. Ей казалось, что и здесь виноват Верховный, завладевший волей Ники.

«25 июня... Я ненавижу твое пребывание в Ставке, и многие разделяют мое мнение... Ах, мой Ники, дела идут не так, как следовало бы! Ведь Н. и удерживает тебя там, чтобы влиять на тебя своими дурными советами... Помни, что Наш Друг просил тебя не оставаться там слишком долго... Я редко страдала так ужас-

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

• Н А Ш Д Р У Г •

но, как теперь, не будучи в состоянии тебе помочь, но чувствуя и сознавая, что дела идут не так, как следует. Я беспомощна и бесполезна... это невыносимо тяжело... Н. знает мою волю и боится моего влияния, направляемого Григ<орием> на тебя — это все так, мой дружок!.. Моего любимца всегда надо подталкивать, напоминать ему, что он император и может делать все, что ему вздумается. Ты никогда этим не пользуешься, ты должен показать, что у тебя есть собственная воля, что ты вовсе не в руках Н. и его штаба, которые управляют твоими действиями...»

Она знала, как ужасна для него последняя фраза, но все же написала ее. И, конечно, попала в точку.

ГИБЕЛЬНЫЙ ДОКЛАД

5 июня на стол Джунковского лег наконец доклад полковника Мартынова о мартовском скандале в «Яре». И когда Распутин покинул столицу, Джунковский и Верховный решили — пора!

Обстоятельства складывались удачно. Джунковский был вызван к царю для доклада о беспорядках, случившихся в июне в Москве. Французский посол Палеолог писал: «На знаменитой Красной площади... толпа бранила царских особ, требуя пострижения императрицы в монахини, отречения императора, передачи престола великому князю Николаю Николаевичу, повешения Распутина».

Джунковский намеревался после рассказа о московских беспорядках тотчас перейти к Распутину: объяснить царю, что «поведение этого человека способствуют негативным настроениям в обществе», показать донесения о скандале в «Яре» и все накопленные за год материалы наблюдения за «отцом Григорием». Верховный главнокомандующий с нетерпением ожидал бравого генерал-майора после аудиенции...

Из показаний Джунковского: «Государь принял меня в 10 часов вечера». Все шло, как и было задумано: разговор зашел о Распутине. «Государь... слушал очень внимательно, но не пророчил ни одного слова во время моего доклада. Затем протянул

руку и спрашивает: «У вас это написано?» Я вынул записку из портфеля, Государь взял ее, открыл письменный стол и положил... Тогда я сказал Государю, что ввиду серьезности вопроса, ввиду того, что я считаю деятельность Распутина крайне опасною и полагаю, *что он должен явиться орудием какого-нибудь сообщества, которое хочет повлечь Россию к гибели*, я просил бы разрешения Государя продолжать мои обследования о деятельности Распутина и докладывать ему. (Здесь, естественно, был намек на то, что в окружении Распутина есть немецкие шпионы. Любимая тема! — Э.Р.) На это Государь сказал: «Я вам не только разрешаю, но я вас даже прошу сделать это. Но пожалуйста... чтобы все эти доклады знал я и вы, это будет между нами». Я очень поблагодарил Государя за доверие. Потом Государь еще с полчаса или час держал меня, мы говорили о других делах, затем он меня отпустил. Было, должно быть, половина первого ночи, когда я вышел... Записка, оставленная Государю, заключала самое подробное описание того, что было у «Яра»... причем все, что там происходило, было описано самым откровенным образом... что это уже не первый случай, что все это идет крещендо и налагает некрасивую тень; поэтому я и считаю долгом верноподданного доложить это, полагая, что это грозит династии».

На следующий день за царя взялся Верховный. В раскаленном от солнца вагоне, в нестерпимой духоте «Грозный дядя» своим командирским голосом еще раз проорал все, что уже говорил Джунковский, — о кутежах в «Яре», о том, что все военные секреты через доверчивую Государыню становятся известны пьяному развратному мужику, вокруг которого толкуются подозрительные личности и наверняка немецкие агенты... Великий князь предложил незамедлительно решить дело «по семейному» — привезти в Ставку Александру Федоровну и вдали от Вырубовой и распутинского окружения показать ей доклад Джунковского. Николай не возражал.

И спустя много лет великий князь будет уверен, что царь тогда согласился с ним. Но это не так. «Грозный дядя» лишь подтвердил Николаю то, о чем писала Аликс подданным не дано понять скромности царей! И Верховный, привыкший к тактичной скромности Государя в Ставке, забылся. Это — его первая непоп-

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

• Н А Ш Д Р У Г •

равимая ошибка. Но была и вторая: Николай Николаевич и Джунковский ничего нового о Распутине царю не сообщили — все те же пересуды мирян о поведении юродивого. Что же касается немецких шпионов, царь знал, что в связях с ними обвиняют всех, даже бедную Аликс... В итоге он хотел только одного — уехать в Царское от этих ничего не понимающих людей.

После доклада торжествующий Джунковский рассказал великому князю Дмитрию Павловичу о благосклонном царском приеме и даже дал ему прочесть копию своей «подробной и откровенной записки». И совершил еще одну грубейшую ошибку — ведь царь просил, чтобы «все доклады были только между нами».

Вернувшись в Петроград, Дмитрий тотчас начал рассказывать о происшедшем отцу и другим членам большой Романовской семьи. Он был счастлив — говорил о гневе царя, о конце порочного мужика... Но его отец, слишком хорошо знавший Николая, не сомневался, чем закончится этот «гнев». В то время он хлопотал о титуле княгини для своей жены и предпочел не портить отношения с Государыней. Он предупредил ее о слухах...

Из письма Аликс: «22 июня... Мой враг Джунковский показал Дмитрию гадкую грязную бумагу (против Нашего Друга). Дмитрий рассказал про это Павлу... И такой грех... будто ты, прочитав бумагу, сказал, что тебе «надоели эти грязные истории и ты желаешь, чтобы Наш Друг был строго наказан»... Я уверена, что... перевирают твои слова и приказания... клеветники должны быть наказаны, а не Он. В Ставке хотят отделаться от Него — это все отвратно! Если мы дадим преследовать Нашего Друга, то мы и вся страна пострадаем за Него... Ах, мой дружок, когда же ты, наконец, ударишь кулаком по столу и прикрикнешь на Джунковского и других? Никто тебя не боится, они должны дрожать перед тобой».

БОМБА ВЗОРВАЛАСЬ

«До меня доходили слухи о каком-то скандале в Москве, связанные с именем Распутина, — показала на следствии Вырубова, — но я не придавала значения этим слухам». На самом деле, как толь-

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

ко Государь вернулся из Ставки с докладом Джунковского, Подруга развернула бурную деятельность по разоблачению «негодяев, оболгавших старца». Она, видимо, была в курсе того подвоха, который заготовил преследователям то ли сам хитрый «старец», то ли поднаторевший в провокациях Манасевич.

В докладе Джунковского говорилось о том, что Распутин прибыл в «Яр» «вместе со вдовой почетного гражданина Анисьей Ивановной Решетниковой». И Вырубова тотчас торжествующе заявила, что Распутин действительно хорошо знаком с упомянутой Решетниковой, но... Анисья Ивановна не только не могла кутить с ним, но даже приехать в «Яр» не могла!

Из показаний Вырубовой: «Я иногда... заезжала пить чай к... Анисье Решетниковой, старухе лет 90, никуда, кроме церкви, не вылезавшей из дома, типичной московской купчихи, у которой в доме вечный чай и закуски, и постоянно кто-нибудь из духовенства. В доме у нее всегда останавливался и Григорий Ефимович Распутин...»

В Москве в районе Девичьего поля стоял дом старухи Анисьи Ивановны Решетниковой — со старинной мебелью, с потемневшими иконами, с приживалками в темных платках... Здесь часто останавливался Распутин во время приездов в Москву.

«Я считаю совершенно невозможным, чтобы такая старуха кутила с Распутиным у «Яра», ведь ее с одного стула на другой пересаживали за руки...» Вырубова очень удачно солгала. Она отлично знала, что Распутин был в «Яре» с Решетниковой. Только не со *старухой Анисьей Ивановной*, а с ее незамужней дочерью *Анной Ивановной*. Инициалы у них совпадали, и Решетникова-младшая, видимо, назвалась в полиции именем-отчеством матери.

Это была та самая Анна Ивановна Решетникова, изображенная на фотографии «Распутин и его почитательницы». Это она провожала пьяненького мужика из мартовской Москвы и, по его словам, подарила ему «тысячную шубу»... Вырубова была отлично с ней знакома и знала, что Решетникова участвует во всех развлечениях «отца Григория». Прекрасно знала она и брата Анны, Николая Ивановича Решетникова — бывший «секретарь» Распутина стал в то время строителем и заведующим лазаретом Вырубовой.

Это и была та бомба, которая должна была взорвать расследование о скандале в «Яре» на глазах «царей» — так желавших поверить в то, что «Нашего Друга» опять оболгали...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

-Н А Ш Д Р У Г-

Когда Ники вернулся из Ставки, он застал Аликс почти в беспмятстве, в полубреду. Она умоляла не заточать ее в монастырь, разрешить ей хотя бы изредка видеть мужа и сына... Можно представить, в какой гнев пришел царь, увидев, до чего ее довели. Но, как обычно, он скрыл все эмоции под маской молчания и ровной вежливости.

Узнав про историю с Решетниковой, царь решил, что Джунковский и те, кто стоял за ним, из ненависти к Распутину преподнесли ему заведомую ложь. И очень огорчился – он доверял бывшему преобразенцу...

Вскоре Джунковский, как он сам вспоминал, «почувствовал перемену... было очень трудно действовать... встречал невидимый, но очень сильный отпор».

ВЕСЕЛЫЕ РАСПУТИНСКИЕ ДНИ

Пока полыхали страсти, Распутин в Покровском вел свою обычную жизнь, которую все так же добросовестно описывали агенты Джунковского.

«24 июня в своем доме... заводил граммофон, плясал, несвязно подпевал, рассказывал, как освободил от наказания 300 баптистов. Обещали каждый по 1000, но всего дали только 5000...»

«26 июня к соседке Распутина Наталье пришла какая-то женщина, расспрашивала про Распутина... узнав, тот сейчас же послал десятского искать ее, но не нашел. Распутин очень струсил и припомнил царицынских знакомых женщин...»

Он боялся, что здесь, вдалеке от «царей», его снова попытаются убить.

27 июня агенты фиксируют: пришла телеграмма от Вырубовой. После этого отметят: «Темный получает массу телеграмм и отправляет много писем», но им, агентам, «на почту носить не дает».

Теперь он знал обо всем. Скоро можно будет собираться... Он не ошибся: жалкие волки сломали об него зубы. Возбуждение... «Утончение» нервов...

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

«11 июля приехала Патушинская... Темный вышел из дому... взяв ее рукой за нижнюю часть туловища... был очень весел и пил вино».

«13 июля... после купанья пошел к жене псаломщика Ермолая... Бывает у нее почти ежедневно с интимными целями... Патушинская уезжала в Ялутуровск по вызову мужа. При отъезде целовала Темного в губы, нос, бороду, руки со сладострастием...»

Обо всем аккуратно отписывали Джунковскому агенты. Но их донесения ему уже не понадобятся...

В делах департамента полиции осталось объявление из газеты «Вечернее время» от 24 июля 1915 года: «Только что вышла из печати... «Мысли и размышления» Григория Распутина. Число экземпляров ограничено. Издатель — директор-распорядитель банкирского дома, он же редактор и издатель различных биржевых газет А.Ф. Филиппов, известный почитатель Распутина». Бывший друг, ныне отошедший от опасного «старца», завершил когда-то начатое дело...

Из показаний Филиппова: «Брошюра Распутина «Мои мысли и размышления» издана мною, и предисловие написано мною... Портрет Распутина снят в Сибири после ранения Гусевой, когда он был в полузабытьи еще. Брошюра была издана по настоянию Вырубовой. Корректурa сделана Государыней».

Итак, Аликс нашла повод для возвращения Распутина: счастливый автор должен приехать в связи с выпуском книги. Он был ей необходим в эти решительные дни — дни *переворота*.

Из донесений агентов наружного наблюдения: «28 июля Распутин выехал в Петроград... 31 июля прибыл в Петроград». И в тот же день «мотор» повез Григория карать врагов. «31 июля и 1 августа Темный посещает Царское Село».

СУД В ЦАРСКОМ СЕЛЕ

Два дня подряд в Царском Селе идет совещание — решается вопрос о Верховном главнокомандующем. Цитируются призывы во время недавних беспорядков в Москве — Аликс уверена, что это

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

• Н А Ш Д Р У Г •

дело рук великого князя. Она повторяет все, о чем писала в письмах, — «Грозный дядя» ведет себя как самодержец!

Наступает время сказать свое слово на этом суде и «Нашему Другу». И Распутин вновь с блеском исполняет свою роль — он говорит то, что царица так жаждет услышать... 10 сентября она напишет Ники: «Наш Друг вовремя раскрыл карты и спас тебя тем, что убедил прогнать Н. и принять на себя командование».

Как и положено пророку, Распутин предсказывал и грозил. В письме от 9 декабря Аликс процитирует его слова: «*Наш Друг говорил... если бы «наш» (т. е. — ты) не взял бы места Ник<олая> Ник<олаевича>, то летел бы с престола теперь*». Да, в тот роковой день именно Распутин потребовал, чтобы царь убрал великого князя и сам стал Верховным главнокомандующим, иначе случится переворот. В очередной раз он озвучил желания царицы...

Верил ли царь в подлые умыслы «Грозного дяди»? Конечно же, нет. Но ему так нравилась эта идея: в дни поражений Государь обязан взять на себя всю полноту ответственности. И теперь (как и предсказывал великий князь Николай Михайлович) он не смог удержаться от искушения, владевшего им с начала войны.

Из показаний князя Щербатова: «Распутин приезжал в Петроград на три дня перед увольнением великого князя Николая Николаевича, так что я его видел однажды на Царскосельском вокзале».

Скоротечность визита Распутина в столицу объясняется тем, что «цари» не хотели, чтобы его имя соединили с решениями, которые вскоре должны были поразить страну и прогневать оппозицию. Поэтому мужик должен был тут же уехать обратно и ждать, пока в его отсутствие царь объявит о своем решении. Пока же все решено было держать в секрете.

Прежний Верховный более не существовал. Так Распутин еще раз проверил закономерность: достаточно его врагам выступить против него — и их ждет конец.

ПЬЯНЫЙ КОРАБЛЬ

5 августа Распутин отбыл в Покровское. Как напишут агенты, Вырубова и Пистолькорс «привезли его на вокзал на собственном моторе, но из мотора не выходили». Его провожали княгиня Шаховская, баронесса Кусова и прочие почитательницы — «его дуры» уже знали: он скоро вернется...

Он был в нервном, приподнятом настроении. В пути чуть не соблазнил ехавшую в поезде даму, и агент заботливо описал для Джунковского этот инцидент, отметив: «По всему видно, что этот субъект имеет гипноз».

А мужик веселился — пускай записывают! Он-то знал, что Джунковскому эти записи уже ни к чему... И не выдержал — похвастался. Агенты доносили: «Распутин пришел в вагон, где сидели агенты Охранного отделения Терехов и Свистунов... и начал с ними разговор с войны, что война у нас идет плохо и в Петрограде будет скоро большая перемена... В заключение Распутин сказал, что был у царя два раза, он ему предлагал отдельный вагон для поездки, но Распутин якобы отказался».

Конечно, предлагал — ведь мужик озвучил его самое заветное желание!

Веселое путешествие продолжалось — Распутин праздновал победу. «9 августа... он сел на пароход, где занял отдельную каюту, и отбыл в Покровское... Около часу вышел из каюты пьяный и пошел к солдатам местной конвойной команды, едущим на том же пароходе... Дав им 25 рублей, заставил их петь песни. Удалился в свою каюту... Вернувшись, дал солдатам 100 рублей... пение усилилось... и в хоре участвовал сам Распутин... Пение продолжалось до часу, и он провел солдат во 2 класс и был намерен угостить их обедом... Но капитан не разрешил присутствовать нижним чинам... Тогда он заказал им обед, заплатил и снова пел... Потом начал ссориться с пассажирами, встретил официанта парохода и, назвав его жуликом, сказал, что он украл у него 3000 рублей... После того, как капитан сказал, что по прибытии будет составлен полицейский протокол, он удалился в свою каюту. У открытого окна, положив голову на столик, что-

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

• Н А Ш Д Р У Г •

то долго про себя бормотал, а публика им «любовалась»... Распутин со столика свалился на пол и лежал на полу до самого села Покровского... В 8 вечера агенты и два матроса вынесли Распутина с парохода на берег и вчетвером мертвецки пьяного взвалили на телегу и повезли домой. Капитан по требованию публики составил протокол».

10 августа, как сообщает агент, «Распутин, ахая и удивляясь, что скоро так напился... выпив всего 3 бутылки вина, добавлял: «Ах, парень, как нехорошо вышло!»

Тобольский губернатор Станкевич, ненавидевший Распутина, тотчас списался с Петроградом и, немедленно получив от счастливого Джунковского согласие, дал ход делу. Себе на погибель...

«Дело должно было слушаться в волостном суде, — вспоминал Белецкий, — и очень волновало Царское Село». А Распутина — не волновало. Узнав, что губернатор задумал посадить его на три месяца за пьянство и приставание к пассажирам, мужик, согласно донесениям агентов, «только плюнул и сказал: «Что мне губернатор!»

И он был прав. Бедный губернатор не знал закона, который был ведом мужику — стоит на него напасть, и... Так что Станкевич сам подписал свою отставку.

В Царском Селе «Наш Друг» не без иронии объяснил, что «пьян не был... а новобранцев утешал из патриотических соображений».

«КУДА МЫ ИДЕМ, КУДА МЫ ИДЕМ?»

В начале августа в кругах, близких к трону, поползли сенсационные слухи, которым просто боялись поверить. Именно тогда в имение Юсуповых в Крыму пришло странное послание...

Война застала чету Юсуповых в Германии. Они буквально чудом избежали ареста — сумели сесть в последний поезд, ухививший в Россию.

В их жизни произошло радостное событие: красавица Ирина родила дочь. Но и молодая мать, и маленькая — обе часто болели и, спасаясь от ужасного столичного климата, подолгу жили в Крыму. В августе из Петрограда (где он проходил военную подготовку) приехал Феликс.

Ему вдогонку Зинаида Юсупова прислала с доверенным человеком загадочное письмо, необычайно взволновавшее Феликса: «9 августа... В общем, все отвратительно и в особенности в сфере Валидолов... *Книжка имеет громадное влияние, и на днях оно проявится в сфере большой перемены... Я об этом писать пока не смею и даже знать не должна, но по-моему все это будет пагубно...* Если не ты, то Ирина, наверное, догадалась в чем дело... устала писать такое сложное письмо... Валидол вместо Bonheur».

Письмо было написано шифром, и мать, не веря в сообразительность сына, надеялась на умную Ирину.

Думаю, Ирина легко справилась с этой задачей. Постараемся и мы проделать ее работу вековой давности. «Валидол» — от слова «вали». Так в Турции называли властителей — египетского пашу, молдавского господаря... Так Зинаида называет царя и Царскую Семью. «Книжка» — это Распутин, который все время цитировал Библию — Священную книгу. «Bonheur» (по-французски «счастливчик») — это Николай Николаевич. Так его прозвали при дворе в начальный — счастливый — период войны.

Итак, Зинаида сообщала сыну следующее: «В общем, все отвратительно и в особенности в Царской Семье. Распутин имеет громадное влияние, и на днях оно проявится в сфере большой перемены (имеется в виду смещение Николая Николаевича с поста Верховного). Я об этом писать пока не смею и даже знать не должна, но по-моему все это будет пагубно... Царь вместо Николая Николаевича».

Все то же: «В России все секрет и ничего не тайна»... Несмотря на строжайшую секретность, двор уже знал и о «большой перемене», и о «громадном влиянии» Распутина.

Известие о смещении великого князя, столь популярного в армии, вызвало общий шок. И все (как и Зинаида) верили: за этим стоит он — Распутин!

Из показаний князя Щербатова: «Решение императора сделать его Верховным главнокомандующим (хотя за две недели он гово-

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

рил, что об этом речи быть не может) объясняли влиянием императрицы и Распутина... Но я думаю, что как человек слабовольный, он всегда боялся (и на этом играли)... всякого человека, который играл слишком большую роль, будь то Столыпин или великий князь Николай Николаевич. Мы полагали, что Государь не обладает ни тактическими, ни стратегическими способностями и ничего полезного не внесет в смысле военном... но внесет в Ставку те отрицательные качества, которые всегда двор вносит в военную среду. Затем... пребывание в Ставке технически делало невозможным правильное управление страной. Если министрам туда ездить и обратно, хотя бы раз в неделю, это лишило бы каждую неделю на двое с лишним суток всякого правительства...»

Князь был прав. После отъезда царя в Ставку управление страной постепенно перейдет в руки царицы. Ее мечта сбылась.

И началось... Джунковский вспоминал, что он «понял свою судьбу уже 10 августа из слов Распутина, сказанных моему агенту в Покровском... Он сказал: «Ну, а ваш Джунковский...» и свистнул. А 16 августа была записка Государя о том, что я должен уйти». Газеты полнились слухами о готовящемся «перемещении самых высших чинов».

Николай поехал объявить «Грозному дяде» об отставке. Как молилась Аликс, как боялась, что он передумает...

«22 августа... Бог помазал тебя на коронации, поставил тебя на твое место, и ты исполнил свой долг... Все к лучшему, как говорит Наш Друг, худшее позади... Я протелеграфирую Нашему Другу сегодня вечером, чтобы Он особенно помолился о тебе... Встреча с Н. не будет приятной — ты ему верил, а теперь убеждаешься в правоте того, что Наш Друг говорил столько месяцев тому назад, что он неправильно поступает по отношению к тебе, твоей стране и твоей жене... Бог — с тобой, и Наш Друг — за тебя, поэтому все хорошо, и позднее все тебя будут благодарить за то, что ты спас страну... Левые в ярости... карты их раскрыты, и ясна их интрига, для которой они хотели пользоваться Н.»

Перед отъездом она передала ему маленькую гребенку Распутина. И сам «Наш Друг», и его вещи — все должно было помогать ей... «23 августа... Не забывай расчесывать волосы перед

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

всяким трудным разговором или решением. Эта маленькая грелка принесет помощь...»

Но вдовствующая императрица («тетя Минни», как звали ее в большой Романовской семье) все поняла. Она не обманывалась насчет роли мужика — она слишком хорошо знала невестку.

Из дневника великого князя Андрея Владимировича: «24 августа... Днем был у тети Минни... нашел ее в удрученном состоянии... она считает, что удаление Николая Николаевича приведет к неминуемой гибели. Она все спрашивала: «Куда мы идем, куда мы идем? Это не Ники, не он... он — милый, честный и добрый, это — она... она одна ответственна за все, что происходит»... Она еще прибавила, что это напоминает ей времена императора Павла, который в последний год начал удалять от себя всех преданных людей, и печальный конец нашего предка мерещится ей во всем ужасе».

Из дневника вдовствующей императрицы Марии Федоровны: «21 августа... Все мои слова были напрасны... Все это не умещается в моем мозгу».

25 августа Ники сообщил Аликс из Ставки о самом трудном разговоре в его жизни: «Благодарение Богу, все прошло... и вот я опять с этой новой ответственностью на моих плечах, но да исполнится воля Божия!.. Все утро этого памятного дня 23 августа, прибывши сюда, я много молился и без конца перечитывал твое первое письмо. Чем больше приближался момент нашей встречи, тем больше мира воцарялось в моей душе. Н. вошел с доброй, бодрой улыбкой и просто спросил, когда я прикажу ему уехать. Я таким же манером ответил, что он может остаться на два дня; потом мы поговорили о вопросах, касающихся военных операций, о некоторых генералах и прочее, и это было все».

Когда-то врага «старца» — Столыпина — хотели отправить наместником на Кавказ. Теперь царь отправлял туда другого его поверженного врага — великого князя Николая Николаевича.

Царица до конца, до самой революции не прекратит борьбы против «Грозного дяди». Уже вскоре после его отставки она писала мужу: «15 сентября... Я нахожу, что Н. берет с собой слишком большую свиту... я боюсь, что они будут там (на Кавказе. — Э.Р.) продолжать свои интриги...»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

«НАШИ» ДЕЙСТВУЮТ

Это был воистину государственный переворот. Пал Верховный главнокомандующий, за ним должны были слететь с постов министр внутренних дел и директор департамента полиции. По замыслу Аликс (и этого царь тогда еще не знал), должен был уйти и новый обер-прокурор Синода Самарин.

Кандидатуры «наших» на ключевые посты в МВД и департамент полиции ей поставил мужик. Все, что в начале года обдумывалось на Гороховой, — теперь свершалось. И свершали это новые правители России: царица с Подругой и их главный помощник — «Наш Друг». Он отсутствовал в столице, но за него действовал его человек — Андроников, с которым мужик все обговорил в свой трехдневный визит в Петроград. Тотчас после отъезда Распутина «подозрительный князь» был принят Подругой...

Из показаний Вырубовой: «Я познакомилась с ним незадолго до того, как он привез ко мне Хвостова... Это был надушенный, нафабранный, подобострастно держащийся человек, привозивший массу сплетен, цветы и конфеты». А потом князь привез к ней «на смотрины» будущего министра внутренних дел...

Из письма Аликс: «29 августа... Любимый мой, Аня только что видела Андроникова и Хвостова. Последний произвел на нее прекрасное впечатление».

После чего Андроников, «надушенный и нафабранный», передает список кандидатов на пост обер-прокурора Синода... уже самой царице!

«7 сентября... Вот тебе, дружок, список имен лиц (очень, к сожалению, небольшой), которые могли бы быть кандидатами на место Самарина... я получила этот список от Андроникова».

Царице были нужны во власти верные люди, но она все время боялась, что Ники ошибется (он уже ошибался столько раз: Столыпин, Коковцов, Джунковский...). Теперь она сама решила заняться подбором министров. Но как не ошибиться? Очень просто — надо следовать правилу, о котором она сама неоднократно говорила: министром может стать только тот, кто верит «Божему человеку» и будет предан ему. Ибо это автоматически озна-

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ РАСПУТИН

чало веру и преданность ей — ведь желания «Божьего человека» всегда совпадали с ее желаниями. Таковы должны быть теперь министры! Но так как таковых ни Аликс, ни Аня не знали, то оба начинающих государственных деятеля мудро решили положиться во всем на мнение «Нашего Друга». А тот, уезжая, прислал к ним в помощь «надушенного и нафабреного» Андроникова...

Каких же кандидатов представил Андроников от имени Распутина? На пост директора департамента полиции выдвигался Белецкий — та же кандидатура, что и в начале года. Но министр внутренних дел...

Андроников предложил Распутину выдвинуть в министры... Алексея Хвостова, старого знакомца мужика, того самого Нижегородского губернатора, к которому Распутин безуспешно ездил с Сазоновым накануне гибели Столыпина.

ПУТЬ ВО ВЛАСТЬ ОБРАЗЦА 1915 ГОДА

К тому времени Хвостов перестал быть губернатором, ушел с государственной службы, но оставался столь же толстым и розовощеким. Он был избран в Думу, стал председателем фракции правых, гордо носил на лацкане значок «Союза русского народа». Его антинемецкие речи очень нравились в Царском Селе. Хвостов объяснял потом следователям Чрезвычайной комиссии: «Я занялся немецким шпионажем и немецким засильем. Этот вопрос меня в высшей степени заинтересовал».

Лучшую кандидатуру найти было трудно — думец, но лидер правых, к тому же неукротимый борец со шпионажем, что немало важно: слухи вокруг Распутина и царицы не умолкали. И наконец, Хвостов — русский, что весьма благоприятно при обилии немецких фамилий в «верхах». Андроников хорошо его знал (как, впрочем, и всех мало-мальски значительных людей) и не сомневался, что Хвостов пойдет на любые условия, чтобы взойти на Олимп. Видимо, после разговора с Хвостовым он сумел убедить в этом и Распутина. Мужик еще помнил холодный прием, ока-

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

занный ему Нижегородским губернатором, но Андроников, вероятно, сумел ему доказать, что прежнего гордого Хвостова не существует — есть новый, который понимает: чтобы быть министром, надо служить «Нашему Другу». Колебания Распутина были окончательно опрокинуты предложением князя назначить заместителем будущего министра Белецкого, с которым Распутин уже встречался и в чьей преданности был убежден. Белецкому должен был отойти департамент полиции и, следовательно, охрана Распутина. И когда «Наш Друг» согласился, Хвостов, пройдя «смотрины» у Вырубовой, проследовал к царице.

Из показаний Хвостова: «Императрица приняла меня милостиво и намекнула... что, хоть я и не безгрешен по отношению к Распутину, она уверена, что глаза у меня раскроются... и она не будет против моего назначения, если только охрана Распутина будет лежать на Белецком».

Но пока Аня и царица вместе с Андрониковым обсуждали будущие назначения, в Думе произошло опасное событие.

МУЖИК ОБЪЕДИНЯЕТ НЕНАВИДЯЩИХ

С удалением великого князя Николая Николаевича общество и Дума столкнулись с новой реальностью. Итак, был новый Верховный главнокомандующий, которого считали неспособным возглавлять армию, был старик-премьер Горемыкин, которого считали неспособным возглавлять правительство, ибо он находился под абсолютным влиянием царицы. Были упорные слухи о готовившихся назначениях, которые теперь, в отсутствие царя, стали прерогативой Государыни. И была угроза формирования кабинета «темных сил» под незримым премьерством полуграмотного мужика, который вот-вот вернется в столицу...

Так полагала Дума. И 25 августа 1915 года свершилось невозможное — 300 депутатов из 442 объединились в так называемый «Прогрессивный блок». Все эти весьма разные, а подчас и попросту ненавидевшие друг друга люди сплотились под знаменем борьбы с «темными силами». Блок должен был без потрясений

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

отстранить от власти царицу и Распутина и повести страну к созданию подлинно конституционной монархии. Для этого следовало добиться отставки Горемыкина и создания «правительства доверия», ответственного перед Думой. Блок выступал под лозунгом «Массы остаются спокойными, за них говорит Дума».

В то же время Гучков готовил очередной думский запрос — о дебоше Распутина в ресторане «Яр». И тогда Хвостов доказал, что заслуживает доверия «Нашего Друга»...

Из показаний Вырубовой: «Хвостов рассказал, что... готовится запрос в Думе. Они (депутаты. — Э.Р.) просили подписи Хвостова, но он отказал и заметил, что если этот вопрос будет поднят, то амнистия (в то время готовился указ царя об амнистии заключенным. — Э.Р.) не будет дарована. Они подумали и... отказались от запроса».

30 августа Аликс писала Ники: «Следовало бы отделаться от Гучкова, но только как? Вот в чем вопрос. *В военное время — нельзя ли выудить что-нибудь, на основании чего его можно было бы посадить?..* Ведь омерзительно видеть его игру, речи и подпольную работу... Говорят, будто Он (Распутин. — Э.Р.) живет сейчас в Царском Селе, точно так, как раньше утверждали, будто здесь находится Эрни...»

Действительно, самые невозможные слухи гуляли по столице, пока «Наш Друг» по-прежнему сидел в Покровском, ожидая обещанных перемен. Он боролся за сына. Он понимал, что его жалкий, почти слабоумный отпрыск погибнет на фронте... И мужик отправил в Петроград жену Прасковью — вымолить у «царей» разрешение, чтобы сына оставили дома. Он посылал умоляющие телеграммы... И опять Аликс просит Ники: «Не можешь ли ты разузнать, когда призывается Его губерния, и тотчас мне это сообщить?.. Касается ли это Его сына?.. Пожалуйста, поскорее ответь... Прилагаю прошение Нашего Друга, напиши сверху свою резолюцию. Мне кажется, что эту просьбу вполне можно удовлетворить».

Но царь опять промолчал. И опять она его просила: «1 сентября... Наш Друг в отчаянии, что Его сына призывают. Это Его единственный сын, который в отсутствии отца ведет все хозяйство».

И на сей раз Ники смолчал. Он не мог объяснить ей, что царь может менять министров, но оставить сына Распутина дома он не может — это было бы прямым вызовом обществу. Аликс, со-

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

НАШ ДРУГ

средоточенная на борьбе за «наших», как-то запаматовала, что не так давно на фронте был убит сын великого князя Константина Константиновича Олег, совсем мальчик. И отец не выдержал горя, его задушил приступ грудной жабы... Как же он мог освободить от службы сына Распутина?!

Но Аликс, как всегда, упорно добивалась своего: «11 сентября... Я понимаю, что мальчик должен быть призван, но можно устроить его санитаром в поезде, или чем-нибудь вроде этого... Он единственный сын... Так хочется помочь и отцу, и сыну...»

Сына Распутина призовут, но в конце концов она сумеет устроить его в свой санитарный поезд...

В Думе не прекращались негодующие разговоры о скором назначении удобных мужику министров, о том, что премьер Горемыкин ездит теперь на доклады к царице.

6 сентября Зинаида Юсупова писала сыну в Крым своим забавным шифром: «*Общее настроение отвратительное. Нафталиновая шуба (Горемыкин. — Э.Р.) продолжает ездить к Валиде (Аликс. — Э.Р.)... Она прямо торжествует!*»

В Москве — столице антираспутинской оппозиции — выступил Владимир Гурко, почтенный человек правых убеждений, камергер, член Государственного Совета. Одна фраза, сказанная им, облетела всю Россию: «Мы желаем сильной власти... мы понимаем *власть с хлыстом, но не под хлыстом*».

«Это — клеветническая двусмыслица, направленная против тебя и Нашего Друга. Бог их за это накажет», — написала царю Аликс 8 сентября.

«ДУША МОЯ СКОРБИТ...»

Мужик понял: он, который столько раз спасал царского сына, своего единственного — не защитил. Сына забрали в армию. И тогда Распутин тяжело запил. В нем окончательно проснулся «Темный» — человек-зверь...

Из донесений агентов: «Сентябрь, 5... Темный находился в гостях у брата... Туда же пришел отец и начал ругать его самыми сквер-

ными словами. Темный, как бешеный, выскочил из-за стола, вытолкнул отца за дверь, свалил на землю и давай бить кулаками... Отец кричал: «Не бей, подлец!»... пришлось их силой растаскивать, у отца оказался подбитый глаз, так что весь закрылся. Оправившись, старик стал еще пуще ругать Темного, грозя рассказать, что... он (Григорий. — Э.Р.) ничего не знает, а только знает Дуню (Печеркину. — Э.Р.) держать за мягкие части... После этого пришлось Темного удерживать от вторичного нападения на отца.

Агенты с удовольствием читали Распутину вслух газеты, которые по-прежнему не оставляли его вниманием. И еще — его, видимо, мучили видения. Он чувствовал, что там, в далеком Петрограде, надвигается неотвратимое...

«6 сентября Распутин сказал: «Душа моя очень скорбит. От скорби даже оглох. Бывает на душе 2 часа хорошо, а 5 неладно... потому неладно, что творится в стране... да и проклятые газеты пишут обо мне, сильно меня раздражают. Придется судиться».

Пока Распутин пил в Покровском, царица не уставала просить мужа побыстрее назначить Хвостова министром. И опять шли в ход предсказания «Нашего Друга»...

«8 сентября... Нам нужен энергичный человек, знающий людей, и с русским именем... Разгони всех, назначь Горемыкину новых министров, и Бог благословит тебя и их работу!.. Моя икона с колокольчиком... действительно научила меня распознавать людей... Колокольчик зазвенел бы, если б они пришли ко мне с дурными намерениями; он помешал бы им... А ты, дружок, слушайся моих советов, это не моя мудрость, а *особый инстинкт, данный мне помимо меня*, чтобы помогать тебе...»

Царь колебался, он еще не свыкся с ее прямым участием в делах государства. А она нервничала — вся ее неукротимая энергия была направлена на то, чтобы ему помочь. И она сердилась, что он этого не понимает...

«10 сентября... Прошу тебя, поговори серьезно о Хвостове как министре внутренних дел с Горемыкиным. Я уверена, что он подходящий человек для теперешнего момента, так как никого не боится и предан тебе».

Но новый министр внутренних дел — это было только начало. 11 сентября она уже требует головы обер-прокурора Самарина:

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

НАШ ДРУГ

«Возьми клочок бумаги и запиши, о чем тебе нужно поговорить (с Горемыкиным. — Э.Р.)... 1. Самарин — глупый нахал... теперь они (Дума. — Э.Р.) утверждают, что ты не сможешь уволить С<амарина>, но ты это сделаешь... Немедленно уволь его, дорогой, а также Щербатова... Прошу тебя, назначь Хвостова на его место».

О Хвостове она будет писать прямо и настойчиво. И не уступит, пока царь не уступит.

«12 сентября... Все министры никуда не годятся...»

«14 сентября... Некоторые сердятся, что я вмешиваюсь в дела, но моя обязанность — тебе помогать... даже и в этом меня осуждают некоторые министры и общество... Таков уж бестолковый свет...»

Она уверена: враги в Ставке не дают Ники возможности исполнить эти мудрые решения. Недаром там находится недруг «Божьего человека» — великий князь Дмитрий Павлович...

«13 сентября... Мой дорогой... почему ты не отсылаешь его в полк? Получается нехорошо: ни один из великих князей не находится на фронте, изредка наезжает Борис, а бедные Константиновичи всегда больны». Она опять забыла о гибели младшего из Константиновичей...

Она умеет воевать — и беспощадно. Вчерашний жених ее дочери, воспитывавшийся в Семье, должен отправиться на фронт, на смерть — за то, что посмел идти против «Нашего Друга».

А «Наш Друг» всегда рядом с Семьей — он не забывает посылать нужные телеграммы.

Из писем царицы: «8 сентября... Насчет известий с фронта Наш Друг пишет следующее (прибавь это к твоим остальным телеграммам)... «Не ужасайтесь. *Хуже не будет, чем было.* Вера и Знамя обласкают вас».

«9 сентября... Списал ли ты для себя на отдельной бумажке Его телеграмму: «Не оподайте (не падайте духом. — Э.Р.) в испытаниях, прославит Господь своим явлением...»

Таковы были радужные предсказания провидца за полтора года до революции... Отправил Распутин и еще одну нужную телеграмму — с просьбой назначить министром «угодного Богу» Хвостова. Впереди было заседание Совета министров в Ставке, на котором, как ждала Аликс, наконец объявят о его назначении. И она просила Ники обратиться к помощи незримо присутствующего «Нашего Друга»:

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

«15 сентября... Не забудь перед заседанием министров подержать в руке образок и несколько раз расчесать волосы Его гребнем... О, как я буду думать и молиться за тебя, мой любимый!»

В Петрограде волновались. Товарищ министра внутренних дел Моллов через свою агентуру получил достоверное сообщение о том, что царица вызвала Хвостова в Царское Село и обнадежила скорым назначением на пост министра.

Из показаний Моллова: «Я доложил князю Щербатову, что его и мои дни в должности, надо думать, уже сочтены... Щербатов... не согласился с этим и сказал, что он недавно возвратился из Ставки, где милостиво был принят Государем».

История с Саблером повторилась...

15 сентября в министерство внутренних дел прибыл взволнованный начальник Петроградского охранного отделения полковник Глобачев.

«Глобачев предъявил мне телеграмму одного из агентов, представленных к Распутину. В телеграмме этой значилось, что Распутин получил от Вырубовой письмо следующего приблизительно содержания: «Сана (царица. — Э.Р.) грустит, жаждет видеть дней через десять. Благослови»... В той же телеграмме значилось, что Распутин собирается вскоре приехать в Петроград». Сопоставив события, Моллов окончательно понял свое будущее...

Аликс продолжает забрасывать мужа письмами. Она не может остановиться — темперамент не дает. 17 сентября она отсылает ему целых два письма.

«Телеграфируй хоть одно слово, чтобы успокоить меня! И если решил насчет Хвостова, напиши: «Я помню про хвост». Если министры не сменены, телеграфируй: «Перемен пока нет».

Но она знает: что бы Ники ни решил без нее, когда он вернется — она победит. И закликает: «Приезжай как можно скорее и произведи перемены!.. Хвостов надеется, что с умом и решительностью удастся все наладить через 2–3 месяца... О, как я жажду тебе помочь... некоторые боятся моего вмешательства в государственные дела (все министры), а другие видят во мне помощника во время твоего отсутствия (Андроников, Хвостов)».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

• Н А Ш Д Р У Г •

Так что «темный князь» стал в письмах царицы светлой личностью...

«Правда, дружок, он (Хвостов. — Э.Р.), по-моему, самый подходящий человек, и Наш Друг об этом намекал А<не> в своих телеграммах... Хвостов меня освежил... я жаждала увидеть, наконец, «человека», и тут я его увидела... Никто не знает, что я его принимала».

Но царь колеблется — все не может привыкнуть к новой роли Аликс. На заседании Совета министров в Ставке он так и не объявил о новых назначениях.

И она продолжает: «18 сентября... Я надоедаю тебе этим, но хотелось бы тебя убедить... что этот очень толстый опытный молодой человек — тот, которого ты должен одобрить (а также и ту старуху, которая пишет тебе об этом)»...

И Подруга все это время неутомимо работает — прощупывает новых кандидатов.

«20 сентября... Посылаю тебе... краткое изложение ее (Вырубовой. — Э.Р.) разговора с Белецким... Это, кажется, действительно человек, который мог бы быть весьма полезным министру внутренних дел, так как он все знает... Андроников дал А<не> честное слово, что никто не будет знать, что Хвостов и Белецкий бывают у нее (она видалась с ними в своем доме, не во дворце), так что ее имя и мое не будут в этом замешаны... Жена Нашего Друга приходила... она такая грустная и говорит, что Он ужасно страдает от клеветы и подлых сплетен, которые печатаются о Нем... Да, пора положить этому конец. Хвостов и Белецкий — вот те, которые могут это сделать».

Прасковья Распутина так и не отстояла сына. Она попрощалась с царицей и сказала, что должна возвращаться в Покровское, «потому что жизни Григория грозит опасность».

Как сообщили агенты, 19 сентября мужик получил напечатанное на машинке письмо: «Григорий! Наше Отечество разрушается... хотят заключить позорный мир... Мы, выборные, просим тебя сделать, чтобы министры были ответственны перед народом. И если ты это не исполнишь, то тебя уьем... пощады не будет... На нас 10 человек пал жребий...»

В обществе по-прежнему свято верили: все, происходящее в верхах, инспирирует полуграмотный мужик, абсолютно поработивший волю царицы.

СКАНДАЛЬНЫЕ ПАСТЫРИ

Одновременно с борьбой за новых послушных министров Аликс с тем же темпераментом вела борьбу за послушную церковь. В этом была своя логика: церковь в России была государственным институтом, и цари через Синод всегда жестко управляли ею. К тому же идеи англиканской церкви, зависимой от воли монарха, всегда были в подсознании Аликс. Кровь английских королей...

И она писала Ники, требуя сместить обер-прокурора Самарина: «Ты глава и покровитель церкви, а он пытается подорвать твой престиж... Немедленно уволь его, дорогой...» Захотела она изгнать из Синода и непокорных епископов: «Ты должен действовать и метлой вымести всю грязь, накопившуюся в Синоде...»

Но кем их заменить, она не знала. Кандидатов опять должен был поставлять мужик. Он был «Божьим человеком» при троне — кому ж, как не ему, руководить назначениями церковных иерархов? Естественно, обсуждая все с «мамой». И здесь Распутин остался ее «вторым я»...

До того как Аликс включилась в церковные дела, у Распутина было немного союзников среди иерархов. Для большинства из них он по-прежнему оставался подозрительным темным мужиком и тайным сектантом. Да и для самого Распутина официальная церковь, епископы в парче и драгоценностях — нечто далекое и враждебное. Он их презирает и по-мужички побаивается.

Но постепенно страх проходит. Царственная почитательница Распутина, признающая его святость, внушает ему уверенность. Она возмущена: как смеют иерархи не признавать того, кто для «царей» является великим авторитетом?! Так что признание Распутина и в этой среде становится синонимом верности престолу.

Примерно с 1912 года царица начинает следить, чтобы высшие, церковные назначения получали люди, чтящие «Нашего Друга». С тех пор его (читай — ее) поддержка начинает обеспечивать священнослужителям заметные посты... И вот уже в Первопрестольной матушке-Москве сидит почитающий «отца Гри-

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

• Н А Ш Д Р У Г •

гория» 80-летний Макарий, земляк Распутина из сибирских краев, окончивший Тобольскую Духовную семинарию. О назначении экзарха Грузии мы уже рассказывали — им вопреки Синоду стал опальный епископ Алексей, уличенный в связи с молодой учительницей.

Так начиналось то, что впоследствии войдет в практику: Распутин будет рекомендовать на высокие церковные посты грешных пастырей. И прежде всего обвиненных в тяжком грехе с точки зрения и тогдашних российских законов, и церкви — в гомосексуализме. И не только потому, что этот грех делал их целиком зависимыми, но и потому, что гомосексуализм для Распутина — не грех. У хлыстов была идея единства мужского и женского начала в их представлениях о Христе. Хлыст Распутин, веривший в то, что в него сошел Святой Дух, видимо, ощущал в себе это единство... Отсюда — не просто самое лояльное отношение к гомосексуализму, но и *возможность* «лечить от похоти» не только женщин, но и мужчин. Может быть, здесь и кроется разгадка столь тесных отношений мужика с Илиодором (в прошлом) и с Феликсом Юсуповым (в будущем)?

Так или иначе, после смерти Алексия экзархом Грузии становится выдвигенец Распутина (и, следовательно, царицы) епископ Питирим — гомосексуалист, подозреваемый в связях с хлыстами.

Из показаний Яцкевича: «Питирим — одно из самых позорных имен в нашей церкви. Будучи епископом Тульской епархии, которой на самом деле управлял его келейник Карницкий... с которым епископ находился в связи, осуждаемой церковью и законом, он расхитил в Туле богатства архиерейской ризницы, что было установлено после его перевода в Курскую епархию. В Курске также управлял епископом и епархией его молодой келейник.. Именно тогда... он стал открыто покровительствовать... в Богодуховском монастыре... общине монахов, которых считали избалованными хлыстами. В результате его убрали из Курска. Потом он стал епископом в Саратове, где около него появляется новый молодой келейник, некто Осипенко, занявший место прежнего».

Вот такой человек через Распутина выдвигался в экзархи Грузии... И царь (читай — царица) зачеркнул всех кандидатов и, к ужасу членов Синода, написал: «Питирим».

В то же время в окружении Распутина появляется еще один преданный ему гомосексуалист — священник Исидор Колоколов. Как показал в «Том Деле» Яцкевич, он «обвинялся в мужеложестве со своим келейником Флавианом и за это был назначен рядовым монахом в один из монастырей. Исидор бывал у Распутина и вскоре стал... настоятелем одного из монастырей в Тобольске, куда взял келейника... хотя сожительство было Синоду документально известно».

Исидор вскоре становится одним из ближайших к Распутину людей. Его не раз будет принимать царица, он удостоится упоминаний в ее письмах Николаю: «Провела чудный вечер с Нашим Другом и с Исидором».

Священника Исидора царица попросит отпевать Распутина...

И наконец, Варнава — еще один весьма необычный выдвиженец «Нашего Друга». У этого священника из маленького городка Голутвина не было высшего духовного образования, но своими живыми, понятными народу речами Варнава приобрел огромное влияние на местное население и приезжих московских купцов. Распутин его сразу отметил — он как бы олицетворял то, что мужик говорил «царям» о народном пастыре: «Хоть неученый, да верующий, а от ученых нет толку, почти все они неверующие». И Аликс поняла: этот двойник «Нашего Друга» готов служить... И личным желанием Государя (опять же читай — Государыни) Варнаву сделали епископом Каргопольским, хотя назначение на столь высокий пост человека без образования вызвало бурю в Синоде.

Когда епископ Алексей стал экзархом Грузии, на его место в Тобольск назначили Варнаву. Распутин должен был заботиться о духовных властях в Тобольской епархии, в ведении которых было его родное село Покровское. Он не забывал, сколько хлопот ему принесло расследование тамошней консистории...

Аликс радовалась. Она хотела, чтобы повсюду сидели «наши», чтящие «Божьего человека» пастыри. И Варнава сразу оказался на особом положении. Не спрашивая, как положено, высшую инстанцию, по особым разрешениям из Царского Села он покидал свою епархию, приезжал в Петроград. Царь наградил его орденом — к негодованию Синода.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

Варнава переписывался с царицей, не забывая сообщать о чудесах и счастливых знамениях, ее успокаивающих «Родная Государыня... во время обхода кругом церкви в селе Барабинском... вдруг на небе появился крест, был виден всеми минут пятнадцать, а так как святая церковь поет «Крест царей, держава верных...», то и радую Вас сим видением...»

Епископ знал, что при ненависти к нему Синода он целиком зависит от Распутина. При этом, как показал на допросе близко знавший обоих Манасевич, «после того, как Распутин начал пить... Варнава его ненавидел, но ради Царского Села прощал ему многое». Мужик это чувствовал и теперь, если пребывание епископа в столице затягивалось, следовал пьяный звонок «Нашего Друга»: «Не довольно ли? Накатались тут на авто, теперь, пожалуйста, отправьтесь к себе — ходить на своих двоих. Нечего здесь прохлаждаться...»

Чтобы царице неповадно было всерьез поверить в Варнаву, Распутин, всех награждавший прозвищами, назвал Тобольского епископа «Суслик»; как объяснит Вырубова — «за некоторую двуличность». Прозвища Распутина тут же подхватывала царица. По-детски обожавшая конспирацию, Аликс использовала их в переписке с мужем и Аней. Так что Варнава, с легкой руки Распутина, стал для нее всего лишь «Сусликом» — и в письмах, и в разговорах.

ПАТРИАРХ-ЦАРИЦА

В августе 1915 года царица решает сделать Синод «нашим». Но для этого надо наконец свергнуть обер-прокурора Самарина, любимца Эллы и «московской клики». И мужик из Покровского с восторгом принимает в этом участие. Схема остается прежней: вызвать Самарина на скандал, заставить напасть на «наших» и на самого Распутина. Тогда царь будет вынужден принять решение...

Распутин теперь часто встречается с Варнавой в Тобольске. В просторной келье епископа обдумывается действие, которое должно повлечь за собой скандал в Синоде. Повод найден:

в Тобольском монастыре похоронен митрополит Сибирский Иоанн. В ознаменование двухсотлетия со дня смерти Синод собрался его канонизировать. Но Распутин договорился с Варнавой, что тот ждать не станет и до официальной канонизации торжественно прославит мощи митрополита. Это прямой вызов Синоду — нетрудно предсказать ярость Самарина... Но сначала надо было втянуть в эту историю царя, и Варнава дал телеграмму в Петроград.

Из показаний Вырубовой: «Варнава ходатайствовал перед Государем телеграммой о разрешении пропеть величание Иоанну... Государь ответил ему телеграммой: «Пропеть величание можно, но открывать мощи нельзя».

Далее все было разыграно, как по нотам. Варнава, будто бы не поняв царя, и величание пропел, и мощи открыл. Самарин немедленно вызвал самовольного епископа в столицу для расправы. Заодно обер-прокурор хотел узнать об участии Распутина во всем этом деле.

Началась борьба, исход которой был предрешен. Аликс тот час пишет мужу: «29 августа... Самарин намерен отделаться от Суслика за то, что мы его любим и он добр к Григорию... Мы должны удалить Самарина, и чем скорее, тем лучше, он ведь не успокоится, пока не втянет меня и Нашего Друга в неприятную историю. Это очень гадко...»

Теперь она будет беспрестанно писать Ники, пока он не устранил ненавистного Самарина: «7 сентября... Самарин желает, чтобы Варнава пошел к тебе и сказал бы тебе всю правду о Григории... Ты видишь теперь, что он... только преследует Нашего Друга. *Это направлено против нас*».

«Против нас»... Она уже давно не отделяет себя от Распутина...

«9 сентября... Сегодня я видела бедного В<арнаву>. Милый мой, это отвратительно, как С<амарин> обращался с ним... Это прямо неслыханный допрос, и он так гадко отзывался о Григории... и называл Его самыми ужасными словами... Как преступны его слова насчет величания... что ты не имеешь права разрешать такой вещи, на что В<арнава> благоразумно ему ответил, что ты главный покровитель церкви, а С<амарин> дерзко возразил, что ты ее раб...»

Этого было достаточно.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

ПОБЕДА!

26 сентября Самарин был уволен с должности обер-прокурора Синода.

26 сентября, выслушав доклад князя Щербатова, Государь объявил ему об увольнении с должности министра внутренних дел.

26 сентября министром стал Хвостов.

28 сентября Белецкий был назначен главой департамента полиции и товарищем нового министра внутренних дел.

Вместо Самарина был назначен Александр Волжин — барин из старинного дворянского рода, ленивый сибарит, вряд ли способный отстаивать собственные взгляды. Но главное — он был дальним родственником Хвостова, что было для Аликс верным доказательством преданности Волжина. Ибо если она верила в кого-то, то верила безоглядно...

Переворот свершился. Важнейшее министерство (внутренних дел), тайная полиция и управление церковью перешли к «нашим». Это была победа. Ее победа.

До революции оставалось меньше чем полтора года

Из донесений агентов: «28 сентября в Петроград прибыл Григорий Ефимович Распутин».

Он стал совершенно другим — это отметят все, его увидевшие. Так описывает его певица Беллинг: «Когда Распутин вошел в гостиную... я ахнула. *Что за царственная осанка... сколько собственного достоинства в поклонах и как деликатно он пожимал руки — совсем новый человек.*

Теперь в мужике была великая важность. Побежден сам Верховный, все недруги сметены «мамой». Все узнали его силу! И сына вместо фронта в «царицын лазарет» пристроить обещали... Всюду он победил!

Из показаний Молчанова: «У него было чрезвычайно радостное состояние духа от того, что великий князь убран, а Самарин и Щербатов уволены, и... назначен Хвостов, о котором Распутин сказал, что это хороший и близкий ему человек».

ЗАМЫСЕЛ «ХОРОШИХ ЛЮДЕЙ»

Но Распутин не знал, что, пока он ехал из Покровского в Петроград, «хороший и близкий ему человек» уже обсуждал с двумя другими «хорошими людьми», как превратить мужика в послушную марионетку.

Из показаний Белецкого: «Сейчас же по опубликовании указа о Хвостове, а затем и обо мне, были получены сведения о выезде из Покровского Распутина... И между Андрониковым, Хвостовым и мною состоялась выработка плана наших отношений с Распутиным».

Но все участники «выработки плана» ничего не понимали ни в этом мужике, ни в его положении. Белецкий скажет на допросе, что они не представляли «истинных размеров этой колоссальной фигуры». Для обоих бюрократов и легкомысленного Андроникова Распутин по-прежнему оставался полуграмотным мужиком, капризом царской четы, привязанной к нему лишь болезнью сына. И они решили попросту использовать Распутина. Их план был прост: давать мужику деньги на пьянки, сделать его таким образом своим платным агентом, и оказывать через него давление на Царское Село. При этом у каждого были и свои собственные тайные планы, которые они скрывали друг от друга, но осуществлять их надеялись также при помощи Распутина.

Эти планы сначала рассорят «хороших людей», а потом и погубят. Ибо они не понимали, что имеют дело не с мужиком, но со «вторым я» царицы.

ГОСПОДА УНИЖАЮТСЯ

Как вспоминал Белецкий, «на другой же день после приезда Распутина в Петроград на квартире Андроникова был устроен обед, и состоялось наше с ним свидание... Не только я, который к этому времени его еще недостаточно изучил, и Хвостов, который... долгий промежуток времени его не видел, но даже Андро-

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

ников и Червинская были поражены *некоторою в нем переменною: в нем было более атломба и уверенности в себе...* Из первых же слов Распутин дал понять, что он несколько недоволен тем, что наше назначение состоялось в его отсутствие, и это подчеркнул князю, считая его в этом виновным».

Они не поняли, что мужик просто издевался над ними. Распутин все время был в курсе интриги с назначением Хвостова и Белецкого. А теперь он играл — заставлял гордых бюрократов униженно оправдываться.

И они оправдывались... Андроников, по словам Белецкого, «довольно умело отпарировал упрек... изъявлением... благодарности за поддержку в нашем назначении; дал понять Распутину, что... мы особо это ценим, и... что его советы и поддержка во дворце сразу нас поставят на правильный путь и охранят от ошибок». После чего князь «сейчас же пригласил к столу, начал усиленно потчевать его, подчеркивая особое к нему внимание и уважение». Как, должно быть, смеялся умный мужик над этими господами!

Он сразу поставил их на место, после чего продолжил издеваться. Во время обеда «хорошие люди» с изумлением узнали, что «наши назначения, оказывается, Распутину были известны, и что он против нас ничего не имеет». Но только они успокоились, только Распутин «поздравил нас... желая нам успехов служебных», как вдруг он обрушился с упреками на Хвостова — «когда он к нему приезжал еще в Нижний Новгород... Хвостов даже не дал ему поесть, а у него, Распутина, в кармане тогда было всего 3 рубля...»

Пришлось поунижаться и гордому Хвостову. «Хвостов ответил, что он не знал... и что Распутину следовало бы прямо сказать о своем тогдашнем материальном затруднении, и что, конечно, этого теперь не будет... И добавил, что теперь Распутин может быть спокойным в смысле охраны его». И Манасевич-Мануйлов добавляет в своих показаниях пикантную подробность: когда подали уху, Хвостов сказал Распутину, «что не будет есть, пока тот не благословит, и когда тот благословил, Хвостов поцеловал у него руку».

Пришлось унижаться и Белецкому. «Тут Распутин мне уже высказал упрек за прошлое соглядатайство за ним и сообщил, что

об этом ему говорил сам царь». И директор департамента полиции оправдывался и жалко напоминал, что «зато при мне не было на него покушения... потому что я наблюдал и за Илиодором, устроившим при генерале Джунковском на него покушение».

Белецкий считал, что он ловко «перевел его внимание на Джунковского; это отвлекло Распутина от разговора обо мне». Он был неправ: бросая своих собеседников из огня в холодную воду, мужик подавлял их, и когда понял, что они готовы ему служить, изобразил свое к ним расположение. И набросился на Джунковского — «напомнив об обиде, ему причиненной Джунковским, жалобой на его поведение в Москве (расследование скандала в «Яре». — Э.Р.)... гневно закончил словами: «Я ему этого не прощусь!»

Продолжая пугать своей яростью обоих бюрократов, он «распалился против Самарина» и заставил их предать «достойнейшего человека их круга».

«Никто из нас Самарина не защищал, а наоборот», — с грустью вспоминал Белецкий.

Наконец наступил финал: Андроников «вызвал Распутина в кабинет» и передал ему 1500 рублей. Как они были наивны — покупать его, через чьи руки проходили тогда сотни тысяч! И мужик провел их еще раз — «всем видом показал удовлетворение»... После чего состоялось подношение от Хвостова и Белецкого. «Мы решили тайно от князя... оставшись одни, дали ему лично 3000 в конверте за его к нам расположение... он скомкал конверт, сунул в карман и ушел, расцеловавшись со всеми».

Небрежно скомкал 3000 рублей — показал, что для него это мелочь... В 1917 году, уже все поняв, Белецкий печально отметит на следствии: «Не зная особенностей его натуры, мы хотели войти к нему в доверие при помощи подачек».

Но тогда они радостно решили, что купили мужика.

Между тем мужик продолжил дрессировать бюрократов. Он знал, что Хвостов и Белецкий тайли знакомство с ним не только от Думы и от друзей, но даже от своих жен. И уже вскоре на квартиры министров обрушился град его звонков. Распутин читал им прошения людей, которым покровительствовал, и требовал помощи. А когда они перестали подходить к телефону, мужик, к их ужасу, начал говорить о прошениях с их женами. И не только

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

говорить... Белецкий вспоминал, как Распутин прислал к его жене сначала «какую-то даму с просьбой устроить на работу, а через два дня еще четырех сестер милосердия из провинции с прошениями»... И жена Белецкого «потребовала избавить ее от просительниц с письмами от Распутина и телефонных его разговоров». И Хвостов, и Белецкий униженно молили Андроникова взять на себя ежедневные сношения с хлопотливым мужиком, «охраняя паше положение и семейную жизнь».

Князь согласился. Теперь он должен был «передавать... ходатайства, которые будут исходить от Распутина, и принимать от него просителей». Кроме того, «было предложено на квартиру к Распутину приставить своего человека, чтобы знать в подробностях внутреннюю жизнь его и понемногу оттуда отдавать нежелательный элемент». Благородная задача — «отдавать нежелательный элемент» прикрывала куда менее благородную — «приставить к Распутину своего человека» (осведомителя).

Сначала «своим человеком» стала Червинская. «Посвятив госпожу Червинскую в наш план и получив от нее согласие, мы с Хвостовым убедились... в том, что Распутин действительно близок к ней... он ценит ее советы и прислушивается к ее мнению... за что Вырубова к ней благоволит».

Они не оценили Распутина — не оценили и Вырубову. Эта умнейшая женщина (которую они считали недалекой) тотчас все поняла.

Из показаний Вырубовой: «Только один раз у меня была Червинская... Она произвела на меня странное и неприятное впечатление, точно она приехала для того, чтобы от меня что-то выведать». Больше Аня ее не принимала.

Хвостов и Белецкий объяснили Распутину, что «наши жены больны, потому принимать у себя ни его самого, ни его просительниц не можем... но чтобы он всех направлял в дом князя Андроникова и смотрел на него... как на наш дом». Теперь они приглашали мужика на обеды к князю, «чтобы, не стесняясь, иметь возможность влиять на Распутина...»

Руководитель главного министерства страны и начальник тайной полиции, по должности обязанные знать все, не знали главного — человек, которого они так жалко старались подкупить, был членом тайного кабинета, в то время фактически управлявшего страной... и ими самими!

«ЦАРИЦЫН КАБИНЕТ»

Из показаний Моллова: «Дня через два после удаления Щерба-това и назначения Хвостова в Петроград прибыл Распутин и, как докладывал мне полковник Глобачев, стал ежедневно ездить на автомобиле в Царское Село». «Наш Друг» регулярно навещает царицу и Вырубову...

В Царском Распутин как будто вернулся к прежним заняти-ям — он по-прежнему «главный врач» Семьи. 1 ноября Аликс пи-сала мужу: «Наш Друг сейчас при ней (Вырубовой. — Э.Р.), и мы, вероятно, поедem туда вечером... Он ее приводит в отчаяние, говоря, что она, вероятно, никогда не будет больше хорошо хо-дить». И на следующий день: «Я беспокоюсь о Бэбиной руке, так что просила Нашего Друга подумать о ней».

Но не «врачевание» является теперь основной заботой Рас-путина, не за этим он «ежедневно ездит на автомобиле в Цар-ское Село». После падения прежних министров там активно дей-ствует новый «кабинет троих», состоящий из мужика, Ани и премьер-царицы.

Накануне революции, уничтожившей французский трон, коро-лева Мария Антуанетта превратилась в сгусток энергии и рьяно взялась за управление государством. Тогда шла война с Австри-ей, и ее, дочь австрийской императрицы, называли в народе «австриячкой» и шпионкой...

В последний год перед русской революцией Аликс сжигает такая же невероятная энергия, она так же управляет министра-ми. Идет война с Германией, и Аликс, дочь немецкого принца, называют «немкой» и шпионкой...

Но теперь рядом с нею неутомимый борец с немецкими шпи-онами — Хвостов. Теперь она мечтает отправиться с дочерьми в Ставку к мужу и сыну — она хочет показаться войскам и разве-ять эти гнусные слухи. И «Наш Друг» снова приступает к глав-ной своей обязанности — требует от нее то, о чем она сама меч-тает.

Из письма Аликс: «9 октября... Наш Друг с прошлого года все говорит, что я должна видеть войска, так как это принесет им

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

радость... Мы приезжаем 15-го утром... Какое счастье вас увидеть, я так тоскую по вам обоим!»

Она показала войскам и, полная воспоминаний о народной любви, вернулась в Царское — управлять. Она внимательно следит, чтобы в обновленном ею правительстве появлялись только «наши» министры. И когда Ники назначил министром путей сообщения Александра Федоровича Трепова, которого она не хотела, «Наш Друг», который даже не знал Трепова, немедленно сделался «опечален»... «Он не знаком с Треповым, — пишет Аликс мужу 1 ноября, — но многие (читай — она сама и Вырубова. — Э.Р.) против него, потому что он человек слабый и не энергичный... Наш Друг очень огорчен его назначением... Он опечален, что ты не спросил у Него совета. Я тоже жалею о назначении... он человек несимпатичный, я его знаю довольно хорошо».

Даже после удаления «Грозного дяди» она продолжает бояться долгого отсутствия Ники, его жизни в Ставке — вдали от нее. С тех пор как царь стал брать наследника в Ставку, одиночество и тоска по дому уже не мучают его так остро. Но Аликс вдруг стала тревожиться, что Алексей забросил учение из-за этих поездок — и тотчас выяснилось, что и «Наш Друг» перестал их одобрять. Так что она была права, когда писала Ники: *«Надо всегда исполнять Его приказания — они имеют глубокий смысл»...*

«ПОВЕЛИТЕЛЬ ТУМАНОВ»

Но «Наш Друг» не только лечил наследника и «предсказывал» нужных министров. Он еще должен был все время предупреждать нервные срывы Аликс и охранять союз — ее и Подруги.

Когда царица с дочерьми отправляются в Ставку, Аня, естественно, хочет ехать с ними — она не любит расставаться с Аликс. Но нервы у царицы на пределе. Война измотала ее, и прежние игры молодости ей уже не под силу... 6 октября Аликс с прежним раздражением пишет мужу: «Посылаю тебе очень толстое письмо от «коровы»... это влюбленное существо должно было вылить всю свою любовь... она не могла больше ждать — иначе лопнула

бы!» И «отец Григорий», безошибочно понимающий царицу, не хочет осложнений внутри «кабинета» и тотчас предписывает Ане остаться. «10 ноября... А<ня> очень расстроена, что *Она никуда не хочет ее пускать...* Он находит, что необходимо остаться здесь, чтобы следить за ходом дел...»

Но «расстройство» Ани — все та же игра. Подруга добилась главного, мечта сбылась: она полноправный член теневого кабинета, правящего Россией. Вырубова настолько вошла в роль, что властолюбивой Аликс приходится порой ставить ее на место. «3 ноября... Хвостов и Белецкий обедают у А<ни>. Это, по моему, напрасно... похоже, что она хочет играть роль в политике. Она так горда и самоуверенна... и недостаточно осторожна... а Наш Друг желает, чтобы она жила исключительно для нас».

«Наш Друг» опять не подвел: проищательно желает того же, что и царица...

Историк С. Ольденбург в своей книге «Царствование императора Николая II» заботливо подсчитал, сколько раз царь поступил наперекор воле «Нашего Друга». Вопреки советам Распутина, царь поехал в Галицию, созвал Думу в апреле 1915 года и не созвал в ноябре; не прекратил наступления на Ковенском направлении в 1916 году, не назначил министром финансов Татищева, министром путей сообщения — Валуева и военным министром — генерала Иванова. Получилось — несколько раз... Кстати, допрашивая Лохтину, следователь попросил ее ответить на тот же вопрос — вспомнить случаи, когда в Царском Селе не слушались Распутина. Генеральша вспоминала долго...

Из показаний Лохтиной: «В прошлый раз я не могла вспомнить тот случай, когда в Царском Селе не исполнили совет отца Григория... но сейчас вспомнила. Отца Григория не послушали в отношении графа Игнатьева (министра просвещения. — Э.Р.), которого удалили, вопреки указаниям отца Григория». Вот и все, что она смогла вспомнить.

Множество раз царь поступал согласно распутинским предсказаниям (или «поручениям», как их называла царица). Только вряд ли следует их назвать распутинскими. В большинстве случаев это были «поручения» Аликс. И царь это отлично понимал.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

•Н А Ш Д Р У Г•

Это не значит, что царица лицемерила. Нет, она искренне верила, что «Наш Друг» связан с Небом, и оттого, повторимся, испытывала радость, что ее помыслы совершенно совпадают с его предсказаниями. Хотя иногда она, конечно, грешила: «для пользы дела» сообщала царю свои желания под псевдонимом «Нашего Друга». Но зато в делах, где она мало смыслила, мужик был совершенно самостоятелен — здесь Аликс ждала от него вдохновенных Богом решений. Прежде всего это касалось войны. Тут его помощь была всеобъемлюща...

«22 декабря... Наш Друг все молится и думает о войне. Он говорит, чтоб мы Ему тотчас же говорили, как только случается что-нибудь особенное... Она (Аня. — Э.Р.) Ему сказала про туман, и Он сделал выговор, что Ему этого не сказали тотчас же... Говорит, что туманы больше не будут мешать».

Но «повелителю туманов» приходится не только все время молиться, но и высказывать стратегические идеи.

«БЕССОЗНАТЕЛЬНЫЙ ШПИОН»?

В угнетенной поражением армии становилось все тревожней. Во многом этому способствовали слухи о пьяном мужике, которому развратная царица-немка сообщает военные секреты, а мужик и окружающие его негодяи продают их немецкой разведке...

Вопрос о том, передает ли царица военные секреты мужику, интересовал и придворную оппозицию. За Аликс при дворе не только открыто шпионили (вспомним княжну Васильчикову) — стали исчезать ее письма и, видимо, не без помощи придворных. 20 сентября она сообщала царю: «Белецкий уверен, что мое затерявшееся длинное письмо к А<не>... находится в руках О.»

«О.» — это князь Владимир Орлов, генерал-лейтенант, заведовавший царской походной канцелярией. Насчет письма выяснить точно не удалось, но... вскоре после назначения Николая Николаевича наместником на Кавказ Орлов попросился на службу к «Грозному дяде»...

Но и люди, не входившие в оппозицию, считали Распутина «бессознательным шпионом», который мог попросту выбалты-

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

вать военные секреты окружавшим его проходимцам. И тут необходимо дать ответ на важнейший вопрос, а знал ли Распутин о готовившихся военных операциях?

«Нет, — решительно ответила на следствии Вырубова. — В кабинете у Государя была секретная карта... этот кабинет был заперт всегда, туда не допускались даже дети. Государь в семье никогда не говорил о военных вопросах».

Но Вырубова отлично знала, что «Наш Друг» был в курсе всех тайн и без секретной карты. И она знала, кто сообщал ему эти тайны.

Из писем Аликс: «3 ноября... Он (Хвостов. — Э.Р.) привез мне твои секретные маршруты... и я никому ни слова об этом не скажу, *только Нашему Другу*, чтобы Он тебя всюду охранял...»

«7 ноября... Дорогой ангел, так хочется задать тебе тысячу вопросов о твоих планах относительно Р <умынии>. *Наш Друг очень хочет это знать...*»

«8 ноября... Он (Распутин. — Э.Р.) все время удивляется тому, что ты решил в Ставке... находит, что там (в Румынии. — Э.Р.) тебе нужно иметь много войск, чтобы не быть отрезанным сзади...»

Что делать: в военных вопросах Аликс мало что понимала и потому доверялась Небу и... «Божьему человеку». Так что «секретные маршруты» мужик знал и «бессознательным шпионом» вполне мог стать. Ибо обожавший двойные игры Манасевич и обвиненный вскоре в шпионаже банкир Рубинштейн были опасным окружением для обладателя таких секретов...

Эти секреты, тревожившие очень многих, еще более приближали его к смерти.

ВИДЕНИЕ

«Наш Друг» и вправду очень изменился. Общение с тогдашним премьером Горемыкиным, с министром Хвостовым и прочими вызвало у умного мужика презрение к «сильным мира сего». И теперь, когда «мама» взялась управлять страной, он верил — его советы будут куда лучше, разумнее, чем решения этих глупых бюрократов. И Распутин все чаще высказывает свое мнение.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

•Н А Ш Д Р У Г•

«4 октября... Вчера мы видели Гр<игория> у Ани... Он просил меня тебе передать, что неладно с новыми бумажными деньгами, простой человек не может их понять...»

Именно в то время Распутин вполне серьезно сказал Филиппову, «что если бы его пригласили министром земледелия... тогда бы Россия «завалилась» пшеном и пшеницей».

Но порой внезапно оживала в нем опасная, таинственная сила. Свидетели описали закатившиеся глаза, хрипы и белое, без кровинки, лицо мужика во время этих видений — порой удивительных...

10 ноября Аликс пишет Ники: «Его сильно мучит, и Он в течение двух часов почти ни о чем другом не говорил... Дело в том, что ты должен приказать, чтобы непременно пропускали вагоны с мукой, маслом и сахаром. Ему ночью *было что-то вроде видения* — все города, железные дороги и т. д. Трудно пересказать Его рассказ, но Он говорит, что *это все очень серьезно*... Он хочет, чтобы я обо всем этом поговорила с тобою очень серьезно и *строго*... Он предлагает, чтобы в течение 3-х дней приходили исключительно вагоны с мукой, маслом и сахаром. Это в данную минуту даже более необходимо, чем снаряды или мясо... Для этого надо сократить пассажирское движение, уничтожить 4-е классы на эти дни и вместо них прицепить вагоны с мукой и маслом из Сибири... Недовольство будет расти, если положение не изменится. Люди будут кричать и говорить тебе, что это неисполнимо... Но это необходимая, важная мера...»

Конечно, и без видений умный мужик мог понять: трупами русских уже усеяны Галиция и Польша, а если к крови добавится еще и голод... Столица не привыкла к недостатку продуктов. Погубит, все погубит голодное брюхо!

Все случится так, как он говорил. Именно с нехватки хлеба в столице начнется гибель империи в феврале 1917 года.

Но, несмотря на натиск Аликс, царь не сможет последовать совету мужика — не было людей, которые могли бы организовать доставку продовольствия. Новый министр внутренних дел Хвостов, которому это поручили, был в то время занят совсем иным...

МУЖИК ВЕСЕЛИТСЯ

Приближалась очередная сессия Государственной Думы, по словам Белецкого, — «с опасными речами, в которых могли коснуться безмерно усилившегося влияния Распутина»... И мужик узнал: вместо того чтобы бороться за него с Думой, Белецкий и Хвостов выдвинули «спасительную идею». Эти два чиновника, назначенные его же стараниями, решили... убрать Распутина из Петрограда!

Из показаний Белецкого: «Возникла мысль придумать Распутину долгую поездку по монастырям... чтобы к моменту открытия Думы его в столице не было». И дальше — удивительная фраза: «По прошлому опыту я уже знал, что выступления против Распутина в Думе только усиливали его влияние в силу особого склада характера августейших особ». Наконец-то понял...

Боясь дальнейшего усиления мужика, они решили «убедить высочайшие особы, что такая поездка по святым местам полезна не только в целях умиротворения Думы, но рассеет всякие несправедливые толки о жизни Распутина и будет свидетельствовать о религиозных порывах его натуры во время войны». Для сопровождения «отца Григория» они вызвали распутинских друзей — епископа Варнаву, игумена Тюменского монастыря Мартемиана и архимандрита Августина.

«Я помню приезд Варнавы в Петроград с архимандритом Августином и игуменом Мартемианом, двумя ужасными монахами... Августин был в шелковых рясах, надушенный и напوماженный (Варнава называл его «мой птенец»), а Мартемиан был вдвое толще толстяка Хвостова. Оба эти монаха... производили впечатление полного убожества», — вспоминала Вырубова.

Чтобы «расположить» приехавших монахов, из секретного фонда им было выдано, якобы «в возмещение издержек», по 1500 рублей каждому, а игумену Мартемиану сверх того 2 000 рублей. «На эту поездку мы решили не жалеть денег», — показал Белецкий.

Так они подкупали монахов, чтобы те следили за Распутиным. Чиновники не понимали, что благожелательство «старца» для

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

них куда важнее. И конечно же монахи ему все рассказали. Видимо, Распутин от души смеялся, рекомендуя друзьям взять полицейские деньги...

Впрочем, он и сам решил извлечь выгоду из ситуации. Сделал вид, что согласен уехать, но... за это попросил Хвостова побыстрее убрать из Тобольска своего врага — губернатора Станкевича.

Из показаний Хвостова: «Я согласился и получил согласие Государя. При этом Государь заметил: «А у меня в Тобольск есть уже кандидат — мой хороший знакомый...» И, приподняв бювар, вынул записку, написанную рукой императрицы: «Ордовский-Танеевский». Только потом я узнал, что он является кандидатурой Распутина».

Все так и было. *«Наш Друг желает, чтобы Ордовский был назначен Тобольским губернатором.* Он теперь председатель казенной палаты в Перми», — писала Аликс Ники еще 24 августа. Так что Хвостов и тут, сам того не зная, выполнял волю Распутина.

Приближался долгожданный отъезд «Нашего Друга». Накануне состоялся торжественный обед. На обеде мужик продолжал дурачиться — делился «сокровенными воспоминаниями». «Распутин рассказал, как он странствовал прежде по монастырям, еще никому не известный... и был в Иерусалиме... и как за взятку страже присутствовал на пасхальном богослужении», — показал Белецкий. После обеда Мартемиан попросил дать ему в дорогу запас мадеры, потому что «Распутин стал неумерен в питье». Ему «предоставили мадеру из запасов департамента полиции».

Но Распутин... так никуда и не поехал! Можно представить, как он весело распивал полицейское вино с друзьями-монахами...

Только тогда Белецкий понял, что Распутин попросту их всех обманул. Еще бы! Зачем уезжать из столицы члену «царицына кабинета»? Но двурушничества Распутин не простил. Продолжая издеваться над «Хвостом», или «Толстопузым» (как он звал теперь министра в Царском Селе), Распутин вдруг «забыл» его просьбу передавать прошения через Андроникова. И вал прошений вновь обрушился на Хвостова — мужик направлял к нему на дом и в министерство десятки людей. Жена министра подняла форменный бунт. Такой же «просительский бум» в ужасе пе-

реживал и Белецкий. Мужик будто с цепи сорвался! Надо было срочно что-то придумывать...

Кроме того, обоих чиновников беспокоил князь Андроников. Мало того, что он не справлялся с Распутиным, — князь нагло пытался использовать свое положение и приходил к ним с просьбами за своих людей. К тому же он все время вовлекал Хвостова и Белецкого в сомнительные интриги, например заставил сражаться за его квартиру, где они встречались с Распутиным. В то время Петроград был переполнен беженцами, желающих снять квартиры было великое множество. И графиня Толстая, владелица дома, где жил Андроников, попросила князя освободить квартиру — ей были неприятны распутинские посещения. Андроников потребовал помощи. И пришлось сделать невероятное: чтобы отстоять квартиру для свиданий с Распутиным, Хвостов *провел новый закон* в защиту квартиросъемщиков на период войны. Князь торжествовал, но... графиня затаскала его по судам и в конце концов победила! Ненависть судейских к Распутину преодолела закон и решила дело в ее пользу.

КОНЕЦ ТРИУМВИРАТА

Министр и его товарищ решили избавиться от докучливого князя, и мастер провокаций Белецкий ловко все устроил. Они знали, что вечно нуждавшийся в деньгах Андроников берет большие деньги с просителей за «пратеци» Распутина и частенько утаивает от мужика причитавшуюся ему долю.

Белецкий сообщил об этом Распутину, после чего состоялась очередная «уха» в квартире Андроникова. И угрюмый Распутин, к восторгу обоих чиновников, удалился с князем в кабинет и стал орать на него, «не стесняясь в выражениях».

Тогда же чиновники известили Вырубову, что ей «стоит принять во внимание некоторые особенности» князя и реже с ним видеться. И Вырубова практически перестала принимать Андроникова. Князь нервничал — привозил ей конфеты от лучших кондитеров, фрукты и цветы... Но она «попросила впредь не привозить ей ничего, так как ей неприятно».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

• Н А Ш Д Р У Г •

Затем князю нанесли последний удар. Через агентуру департамента полиции Белецкий узнал, что Андроников, привыкший играть на два фронта, переслал вдовствующей императрице те самые снимки, сделанные в 1914 году фотографом Кристиным, — «Распутин в кругу поклонников и поклонниц». На одном из них, как мы помним, была и Вырубова. Белецкий тотчас сообщил ей об этом, и Подруга пришла в ярость — «от князя ждали объяснений». Перепуганный Андроников объяснил, «что снимок он послал, движимый лучшими чувствами к Распутину, чтобы Мария Федоровна увидела, какие достойные люди окружают старца»...

Андроникова окончательно изгнали из Аниного дома. И Распутин предложил Хвостову и Белецкому «встречаться в другом месте, не у князя».

Так «хорошие люди» вывели Андроникова из игры. Теперь их осталось двое...

«ГОСПОДИН ПОЛКОВНИК»

Вместо Андроникова они решили приставить к Распутину человека понадежнее, который, по их замыслу, должен был не только «разгрузить» их от прошений Григория, но главное — получать от него нужную информацию.

Полковник Михаил Комиссаров уже 12 лет работал в спецслужбе, во время первой революции участвовал в скандальной истории с тайно печатавшимися прокламациями, призывавшими к еврейским погромам. Несмотря на гнев тогдашнего премьера Витте, кто-то оценил усердие Комиссарова. Он возглавил секретный отдел по наблюдению за иностранными посольствами и военными агентами, потом начальствовал в Варшавском жандармском управлении.

После сдачи Варшавы немцам оставшийся без работы полковник появился в Петрограде. И Белецкий рекомендовал его Хвостову — для охраны Распутина. Министр согласился. Он не знал, что полковника Комиссарова связывает с Белецким не толь-

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

ко прежняя работа, но и тесная дружба. Он не понял, что Белецкий прикрепил к Распутину своего человека.

В то время у Белецкого уже появились свои планы, сильно отличавшиеся от планов Хвостова. Умный заместитель, в отличие от фанфарона-министра, наконец оценил Распутина. Он понял — всякая борьба против мужика означает конец карьеры. И сделал ход, достойный руководителя тайной полиции. Он решил спровоцировать начальника на борьбу с Распутиным, чтобы Хвостов сломал себе шею и... освободил вождеденное место министра.

Глава 11

БИТВА ИНТРИГАНОВ

АГЕНТЫ, АГЕНТЫ, АГЕНТЫ...

В 1917 году полковник Комиссаров, вызванный в Чрезвычайную комиссию, рассказал, как развивалась интрига. Его определили к Распутину не то охранником, не то слугой, не то стукачом. Хорошо, что разрешили не носить офицерскую форму, которую он марать не желал... Полковник носил штатское, и это успокоило его гордость. Тем более что Хвостов денег не жалел, и Комиссарову был придан автомобиль с шофером и штат подчиненных — пять опытных агентов.

Так началось его наблюдение за Распутиным. Но прежнее (официальное) наблюдение со стороны Петроградской охраны не отменялось. На лестнице у дверей квартиры Распутина по-прежнему сидел агент, двое были внизу, и на улице дежурили агенты, а также автомобиль охранного отделения. Людей из охраны Распутин в квартиру не пускал и развлекался по-прежнему: ускользал от них на авто и на экипажах.

Совершенно иное отношение было у мужика к Комиссарову и его агентам. Распутин понял: Белецкий — с ним, готов ему служить. Немаловажно и то, что Комиссарова мужик знал и прежде. Как показал полковник в «Том Деле», «знакомство... с Распу-

тиным произошло на квартире Бадмаева», которого удалой военный «посещал в качестве пациента». Комиссаров легко сошелся с дочерьми мужика и Лаптинской — им льстило, что импозантный господин в высоком чине чуть ли не прислуживает их Григорию Ефимовичу. «Наш полковник», как они его часто звали, стал своим в доме.

Вырубовой и царице Белецкий объяснил, что Комиссаров сумеет по-настоящему обеспечить безопасность Распутина. И действительно, система охраны мужика, созданная Комиссаровым, была сравнима разве что с охраной самого царя. Полковник «заагентурил» всех дворников и швейцаров в доме. Кроме специального авто с шофером на Гороховой постоянно дежурили его агенты, переодетые в извозчиков. В короткий срок были «выяснены» все лица, приближенные к Распутину, на каждого была составлена справка. Одновременно «велась перлюстрация писем, к нему поступающих».

НЕЛЕГКАЯ СЛУЖБА ПОЛКОВНИКА

«Подчиненные мне филера докладывали о Распутине каждый вечер... и я все «интересное» передавал... письменно Хвостову и устно Белецкому... С последним я виделся как на службе, так и у него дома, где я бывал сравнительно часто *как знакомый*», — показал Комиссаров. Так что Хвостов получал от полковника только ту информацию, которую «разрешал» Белецкий.

Вскоре Комиссарову были переподчинены и агенты Петроградской охранки, а их шефу, генералу Глобачеву, приказали не чинить полковнику препятствий, собирать для него справки и всячески помогать ему, но главное — никогда не заносить в агентурные сводки посещения Комиссаровым и его агентами квартиры Распутина. Теперь деньги мужику (все с той же «благородной целью» — чтобы тот перестал брать мзду с просителей и не компрометировал «сферы») передавались через «нашего полковника». «За 5 месяцев я передавал по распоряжениям Хвостову

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

• Н А Ш Д Р У Г •

ва и Белецкого 5–6 раз одну или полторы тысячи рублей», — показал Комиссаров.

Эти большие по тем временам деньги были для Распутина каплей в море. Но мужик их брал, как брал все и ото всех. Тем более что, принимая деньги от Белецкого и Хвостова, он и не подумал отказываться от денег просителей. «Агенты доносили мне, — продолжал Комиссаров, — что... даже на лестнице просители открыто говорят, сколько надо дать Распутину».

На праздники заботливый Комиссаров делал своему подопечному подарки от имени Белецкого и Хвостова. «Однажды я купил... ящик с серебряным чайником, золотые часы с цепочкой, 2 браслета...» Распутин, к удивлению полковника, «небрежно забрал эти ценные вещи... даже не рассмотрев, что ему прислали».

Иногда мужик отправлял Хвостову ответные подарки. Так однажды он преподнес министру «деревянную коробочку с надписью: «Хвосту», которую тот в ярости швырнул на пол». По свидетельству Комиссарова, он также «часто передавал через меня свои письма... Что он писал, не знаю, но Хвостов почти каждый раз, читая их, отчаянно ругался и письма выбрасывал». Так мужик издевался над министром.

Задачи, которые теперь ставили полковнику оба его шефа, все более различались. Распутин продолжал беспробудно пить, и Комиссаров должен был следить, чтобы тот не приехал пьяным в Царское Село, — так велел Белецкий. Хвостов же, напротив, желал, чтобы Распутин явился туда пьяным и тем самым разоблачил себя... Но уже вскоре Комиссаров с изумлением понял, что сие ни от кого не зависит. «Как бы ни был Распутин пьян, лишь только он получал по телефону сообщение о предстоящем прибытии Вырубовой, как минут через 20 он становился совершенно трезвым. Пил ли он что-то, или так владел собой, я объяснить не могу... В поезде в Царское Село везли пьяного Распутина. Но когда приехали, он был совершенно трезв... он умел трезветь».

Но важнейшая задача Комиссарова оставалась прежней: узнавать от Распутина новости из Царского Села. «Все разговоры с Вырубовой проходили обычно в 10 утра, так что Распутин, где бы он ни был, возвращался к этому времени — к звонку из Царского, к 10 утра». И полковник тоже приходил к этому времени —

«нагружаться информацией», тем более что утром мужик был еще трезв. И Распутин передавал ему новости — естественно, лишь те, что хотел.

Однако главные сведения из Царского министр и шеф департамента полиции узнавали на конспиративной квартире, которая была специально нанята Комиссаровым для их встреч с Распутиным.

ТАЙНЫЕ ОБЕДЫ

«Я нанял квартиру на Итальянской улице. Это был угловой дом. Квартира была нанята в первом этаже», — показывал Комиссаров. Жилище обставили и поселили там агента с семьей. Накануне прихода Распутина он заказывал в ресторане роскошный обед на несколько персон, а сам уходил. Обед был, естественно, рыбный, но «подавались вина и шампанское в большом количестве» — чтобы развязать язык мужику.

«Раз или два» приглашали на обед и Комиссарова. По его словам, «за обедом Распутин передавал, что говорилось в Царском Селе, главным образом у Вырубовой и императрицы».

Вначале Распутин называл обоих чиновников на «вы» и «пытался вести... разговор в духе своих «размышлений» и пил осторожно... Но Комиссаров... налил ему рюмку и сказал: «Брось, Григорий, эту божественность, лучше выпей и давай говорить попросту»... С тех пор он нас не стеснялся, говорил на «ты»... и даже приглашал нас к цыганам», — показал Белецкий. Так он продолжал издеваться над барамы... Комиссаров любил пересказывать своим хозяевам юмористическую сценку: «Григорий вместе со мной решает государственные вопросы и необходимые перемены в составе кабинета», и эти рассказы при помощи Хвостова разлетались по Петрограду...

Но Белецкий в этом не участвовал. Его, видимо, не покидала мысль, что хитрый мужик попросту глумится и над Комиссаровым, и над ними самими... Тем более что к своим денежным делам, которые очень интересовали и Белецкого, и Хвостова, Распутин, не смотря на все усилия Комиссарова, никого не подпускал.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

• Н А Ш Д Р У Г •

«В ВОЕННОЕ ВРЕМЯ ВСЕ ПО-ИНОМУ...»

Деньги Распутина очень интересовали и Чрезвычайную комиссию. Но Комиссаров на следствии не сумел сказать о них ничего внятного: «Распутин никого не посвящал в свои денежные дела. Сам зорко следил за охраной своих интересов и никогда не прощал старавшимся надуть его в деньгах. Разоблачал их в «особых выражениях» (то есть нещадно материл. — Э.Р.)».

Интерес к распутинским деньгам был вызван отнюдь не праздным любопытством. И оба чиновника, и Чрезвычайная комиссия понимали, что огромные деньги, которые Распутин получал от богатых просителей и банкиров, вряд ли могли быть целиком растрачены на кутежи, тем более что мужик кутил за счет тех же просителей.

Так куда же Распутин девал деньги? Один из адресов его трат оказался самым неожиданным...

На следствии Вырубова правдиво объяснит, что от Царской Семьи она денег не получала. Но при этом, едва оправившись после увечья, Подруга (вслед за царицей, имевшей свой санитарный поезд) откроет свой лазарет. И будет содержать его, несмотря на то что все цены во время войны стали безумными.

Из показаний Вырубовой: «От родителей я получала только 400 рублей в месяц. На эти деньги я должна была жить и одеваться... Трудно себе представить, как я тянулась (одна дача в Царском мне стоила 2250 рублей в год), до тех пор пока я не получила от... железной дороги 100 тысяч рублей за увечье. Из этих денег 20 тысяч я истратила на лазарет. Вот и все мои деньги и средства. А в газетах писали о том, что у меня чуть ли не 3 миллиона рублей. Мне приходилось, конечно, передавать Государыне те прошения, которые давал мне Распутин, но нужно ли прибавлять, что за это я никогда не получала ни копейки».

Но в газетах упорно писали о ее миллионах, ибо понимали, что на 20 000 в военное время лазарет содержать нельзя. И Вырубова была вынуждена раскрыть на допросе и иные источники средств: «Лица, которые заискивали передо мной и желали сде-

дать мне что-нибудь приятное, обыкновенно жертвовали что-нибудь на лазарет... Хвостов и Белецкий в день открытия моего лазарета прислали мне каждый с курьером по запечатанному пакету. В каждом из этих пакетов было по 1000 рублей... Эти деньги своевременно были записаны на приход заведующим хозяйственной частью моего лазарета Николаем Ивановичем Решетниковым».

Из показаний Филиппова: «Решетников являлся передаточной инстанцией для всякого рода ходатайств и прошений, за которые им и получались с просителей деньги, якобы для нужд учреждений Государыни, хотя *значительная часть оставалась на руках Решетникова и Вырубовой... И некоторая доля... не слишком большая, предоставлялась самому Распутину*».

Оборотистый Решетников придумал своеобразный налог в пользу лазарета с распутинских просителей. Так из квартиры на Гороховой потекла денежная река в Анин домик. Но деньги предназначались не только Вырубовой...

Из показаний Филиппова: «Самое отвратительное в последнее время было то, что все эти посредники («секретари» Распутина. — Э.Р.), предлагавшие открыто исходатайствовать через Распутина определенные блага, *утверждали, что часть ассигнуемых средств должна поступить госпоже Вырубовой, а иногда непосредственно и самой императрице, якобы на благотворительные дела*».

Само это предположение кажется бредовым. Ну насчет Вырубовой — допустим... Но чтобы мужик давал деньги Государыне всея Руси?! Деньги за добытые им чины, за приемы у министров?!

Но предоставим слово самой императрице: «3 ноября 1915... Наш Друг сказал еще одну вещь, а именно: *если будут предлагать большие суммы (с тем, чтобы, получить награды), их нужно принимать, так как деньги очень нужны... поощряешь их делать добро, уступая их слабостям, и тысячи от этого выигрывают. Верно, но все-таки это безнравственно. Но в военное время все по-иному...*»

Война пожирала и ежегодные отчисления казны на содержание Царской Семьи и их личные средства. Так что же — на помощь раненым приходилось тайно брать деньги у Распутина?

«В военное время все по-иному...»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

Так что в военное время мужик, возможно, в какой-то мере стал «кормильцем» царицы и ее подруги... И Аликс пришлось закрывать глаза на бесконечные прошения, которые Распутин щедро приносил во дворец.

Тогда же состоялось «испытание» Хвостова и Белецкого. Царица потребовала утихомирить Думу — чтобы не было впредь запросов о «Нашем Друге». Но оба чиновника не знали, как это сделать.

И Распутин дал им умный совет, он предложил направить в Думу... царя! Хвостов показал: «Распутин сказал, что уже не раз говорил с царем, что ему надо помириться с Думой, приехать в нее и сказать: «Я — ваш, а вы — мои, из-за чего нам ссориться?»

Николай еще раздумывал над этим предложением, а Хвостов и Белецкий уже начали готовить встречу. Оба понимали, что прежде всего надо умаслить председателя Думы Родзянко. Белецкий обратился к помощи мужика. И как только он заговорил о том, что Родзянко «нужны знаки царского внимания», Распутин все мгновенно понял и «сказал, что сделает все, чтобы Родзянко наградили орденом».

И вскоре Аликс написала Ники: «3 ноября... Хвостов находит, что ему (Родзянко. — Э.Р.) надо бы дать теперь орден. Это ему польстило бы, а вместе с тем он упал бы в глазах левых тем, что принял от тебя награду. Наш Друг говорит, что это было бы правильным образом действий. Конечно, это очень несимпатично, но — увы!.. Теперь времена такие, что нужно из благоразумия делать такие вещи, которых не хотелось бы делать...»

6 декабря ненавистный царице Родзянко получил орден.

МЕЧТЫ «ТОЛСТОПУЗОГО»

Между тем Хвостов принялся осуществлять свои планы. «В то время Хвостов уже бросил в Царском первые семена недоверия к Горемыкину в смысле неправильной его политики по отношению к Думе», — показал Белецкий.

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

У «Толстопузого» с самого начала была ясная цель — стать премьером вместо старика Горемыкина. И теперь вовсю шла обработка Распутина на конспиративной квартире, причем делалось это весьма откровенно. «Во время обедов Хвостов... убеждал Распутина, что самым лучшим председателем Совета министров будет он, Хвостов», — показывал Комиссаров.

При этом «Толстопузый» хотел не просто власти, а неограниченной власти — той, которой обладал великий Столыпин. «Хвостов убеждал Распутина, что должность премьера надо объединить с портфелем министра внутренних дел... ибо премьер без этого портфеля — ничто... «кот без яиц»... Распутин по своему обыкновению на все это определенного ответа не дал... будучи человеком хитрым... отделивался односложными ответами».

Но мужик и сам понимал: старику премьеру нужно уходить. И поговорил с «мамой»...

«6 ноября... Знаешь что, дружок, Он думает, что мне лучше теперь повидать старика и осторожно ему все сказать (ведь если Дума его ошарашит, что можно будет сделать?)... Лучше ему уйти по твоему же желанию, чем вследствие скандала».

Но кого назначить? Она не знала. И опять пришло время «Нашего Друга»... Нет, он вовсе не собирался рекомендовать Хвостова — тот был слишком коварен и глуп. Нужен был совершенно другой, новый человек — которого примут и «наши», и Дума. Вот когда сказались отсутствие знавшего всех и вся князя Андроникова! И Распутину, видимо, пришлось обсуждать возможные кандидатуры с «мозговым центром» (Симанович, Рубинштейн, Манасевич-Мануйлов).

Между тем сессия Думы приближалась. Новый премьер был пока не найден — приходилось спасать старого. Но для этого царю следовало сделать шаг к примирению с Думой. И мужик снова предложил свой великий ход — царю нужно явиться в Думу.

Николай был склонен принять предложение, но гордая Аликс относилась к нему весьма прохладно. Однако «Наш Друг» все ей объяснил... И 13 ноября царь, к своему изумлению, получил от нее такое письмо: «Если бы ты мог появиться и сказать несколько слов, совершенно неожиданно, в Думе (как ты это полагал),

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

то это могло бы... стать блестящим выходом из положения... После этого старику стало бы легче».

Но Распутин понимал: так долго продолжаться не может. Так что надо было спешно найти нового премьера...

ДЕЛА ЦЕРКОВНЫЕ

Пока шли поиски премьера, Аликс вновь пришлось заняться церковью.

Флегматичный барин Волжин, назначенный в Синод вместо Самарина, разочаровал царицу. Он вдруг повел себя независимо: попытался осуществить то, на чем сломал себе шею его предшественник, — отправить на покой Варнаву, о котором уже заговорили в Думе. Но она не отдала одного из «наших»...

«11 ноября... Тебе следует сделать Волжину хорошую головомойку... он слаб и напуган... Когда ты увидишь его, объясни ему, что он служит прежде всего тебе и церкви, и что это не касается ни общества, ни Думы».

В то же время в «царскосельском кабинете» возникла идея о назначении скандально известного Питирима Петроградским митрополитом. И Аликс снова привычно нажала на Ники.

«12 ноября... Душка, я забыла рассказать тебе о Питириме, экзархе Грузии... он человек достойный и «великий молитвенник», как говорит Наш Друг. Он предвидит ужас Волжина... но Он просит тебя быть твердым, так как Питирим — единственный подходящий человек.. Было бы очень хорошо, если бы ты это сделал тотчас по приезде, чтобы предупредить всякие разговоры, просьбы Элы...»

Завершала букет государственных предложений еще одна идея «Нашего Друга»: «Он просит тебя немедленно назначить Жевахова помощником Волжина... возраст ничего не значит, он в совершенстве знает церковные дела. Это твое желание, ты — повелитель...»

Князь Жевахов — тот самый молодой человек, который стоял на снимке среди поклонников Распутина. Он был маленьким чиновником в Государственном Совете, но «Наш Друг» сразу его

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

отметил. По слухам, Жевахов тоже принадлежал к «сексуально-мужскому меньшинству», что было пагубно для церковной карьеры, однако Распутин начал его выдвигать и вскоре ввел во дворец. И вот уже скромный чиновник по поручению царицы едет в Белгород «для устройства раки мощей святителя Иоасафа».

Волжин отказался взять Жевахова в помощники. Тогда для князя специально создали должность «второго товарища» обер-прокурора. А потом первого выгнали, и Жевахов стал единственным...

В конце 1915 года Питирим стал митрополитом Петроградским и Ладужским, главным из церковных иерархов — «Первоприсутствующим в Синоде». Он поселился в знаменитой Александроневской лавре.

А в начале следующего года потерял свое место строптивый Волжин. Вместо него обер-прокурором стал безгласный, «по-слушливый» Николай Раев — бывший скромный директор Высших женских курсов.

Переворот завершился. Послушный Синод был создан. И скоро Аликс напишет царю: «20 сентября 1916... Представь, Синод хочет поднести мне грамоту и икону (вероятно, за мой уход за ранеными)... ты себе представляешь меня, бедную, принимающей их всех? Со времен Екатерины ни одна императрица не принимала их одна... Гр<игорий> в восторге от этого (я не разделяю Его радости), *но странно, разве это не меня они постоянно так боялись и осуждали?*»

Императрица заслужила награду от нового послушного Синода — ведь она создала его сама... вместе с «Нашим Другом».

«ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ? ВЫШЕ!»

Заканчивался 1915 год. Слухи о могуществе Распутина окончательно обросли всевозможными мифами. Он уже давно превратился в глазах жителей столицы в культовую фигуру.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

В то время около него появляется скучающая богачка Лидия Базилевская. 28-летняя дочь генерал-лейтенанта, высокая разведенная брюнетка тотчас попала в донесения агентов: «В час ночи пришел пьяный домой... и неизвестный офицер с дамой. Сюда же пришла Базилевская... пробыли до 4 утра».

Певица Беллинг вспоминала: «Это было в ноябре месяце 1915 года, в шесть часов вечера... Одна моя знакомая, Л.П. Б-ая (Лидия Платоновна Базилевская. — Э.Р.)... о которой я знала... только то, что она занимается «благотворительностью», правда больше крикливой... позвонила мне по телефону: «Милая, приезжайте немедленно ко мне!»... «А что такое?» — спросила я, крайне удивленная ее просьбой. «У меня сейчас одно очень важное лицо, которое вами заинтересовалось по вашей фотографии и требует вашего немедленного приезда». Голос у Л.П. Б-ой был крайне нетерпеливый и взволнованный... «Требует? — переспросила я. — Это кто же? Министр какой-нибудь?» — «Выше!» — получила я в ответ. «Ну, великий князь?» — «Выше!» — услышала я безнадежный стон Л.П. Б-ой, очевидно возмущенной моей недогадливостью. Меня взяло неописуемое любопытство. Что же это за тип? «Требует» — и выше всего существующего «высокого» в нашем понятии... Я поехала и, должна сознаться, подгоняла извозчика от нетерпения. Когда я вошла в переднюю, ко мне вышла взволнованная, раскрасневшаяся Л.П. Б-ая и торопливо сама стала мне помогать стаскивать шубу, даже калоши... «Руку не забудьте поцеловать... он любит», — шепотом сообщила мне Л.П. Б-ая. «Какая гадость! — подумала я, сразу разочаровавшись. — Поп!»... Л.П. Б-ая втолкнула меня в соседнюю комнату, оказавшуюся нарядной светлой спальней, с красивыми зеркалами, креслицами и кружевными подушками. Сидело несколько дам и два-три мужчины. Меня неприятно скорчило от пытливо уставившихся в меня серых, глубоких, небольших и некрасивых глаз... Растрепанный, в чудной шелковой сиреневой рубашке, в высоких сапогах и с неопрятной бородой, он показался мне знакомым, и я бессознательно поняла, что это Распутин».

Так Беллинг познакомилась с Распутиным и попала в его «салон».

ПОСЕТИТЕЛЬНИЦЫ ДИВАНА

Пока шли политические баталии, «Распутиниада», уже отдающая безумием, продолжалась. Вот как Жуковская описывает «салон» Распутина в конце 1915 года — все с теми же знакомыми лицами:

«За столом у кипящего самовара, который, кажется, вообще не сходит со стола... сидела размякшая Акилина в своем сером платье сестры милосердия (она работает в царском госпитале), а рядом с нею приютилась Муня, с кротким обожанием смотревшая на Распутина, притиснувшего меня в угол дивана. Позвонили. Муня пошла открывать... Пришла княгиня Шаховская — высокая полная брюнетка с медлительными движениями, ленивыми и манящими. Она была также в платье сестры милосердия, работала в госпитале Царского Села... «Так устала, только и думаю, как бы поспать, а к тебе, видишь, приехала». — «Ну, смотрика у меня, — сказал Распутин. — Знаешь, как сладка, ух ты, моя лакомка...» Он гладил ее по груди, залезая под воротник... Сжимая ее колено, он добавил, щурясь: «А знаешь... где дух?.. Ты думаешь, он здесь? — он указал на сердце, — а он здесь!» — и Распутин быстро и незаметно поднял и опустил подол ее платья... «Ох, трудно с вами!.. Смотри ты у меня, святоша, — он погрозился, — а то... задушу, вот те крест!»... «Я сейчас домой поеду, — кладя голову на плечо Распутина, сказала, ласкаясь, Шаховская. — Ванну возьму и спать»... «Отец, ну не сердись... — умильно просила Шаховская, подставляя лицо для поцелуя. — Ты ведь знаешь, отец!» — «Ну, ну, лакомка, — благодушно отозвался Распутин, тиская ее грудь. — Захотела...» Это всегда меня удивляет в странном обиходе Распутина... Почему здесь все можно и ничего не стыдно?.. Или здесь все по-иному? Конечно, нигде не увидишь того, что здесь, в этой пустой столовой... где... изнеженные аристократки... ждут ласк грязноватого пожилого мужика... ждут покорно очереди, не сердясь и не ревнуя...»

Описала Жуковская и крохотную комнатку с разбитым диваном: «Кожа на диване вся истерлась, а спинка отломана и приставлена. «Ну садись, садись». Распутин, обнимая, подпихивая и напирая сзади, налег на спинку дивана, и она отвалилась. Вырвав-

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

шись от него, я сказала, глядя на сломанный диван: «Нехорошо... хоть бы столяра, что ли, позвали». Он всполошился. «Да она *от этого самого* развалилась, — забормотал он, поднимая одной рукой тяжелую спинку и ставя ее на место. — Это все сестрица из Симбирска... как только здесь ночует, так обязательно развалит... чистый леший...»

Тяжелые тела крестьянки, занимавшей его иногда по ночам, и многие иные испытания — днем и ночью — докончили несчастный диван.

Но кто же были они — те, кого принимало это многострадальное ложе?

Полиция продолжает описывать непрерывную охоту «отца Григория» за новыми женщинами: «03.11.15 года... Пришла неизвестная женщина, хлопчет о муже — прапорщике... Выйдя, начала рассказывать швейцарихе: «Распутин... мало слушал мою просьбу, стал хватать руками за лицо, потом за груди и говорит: «Поцелуй... я тебя полюбил»... потом написал какую-то записку и снова стал приставать... Этой записки не дал, сказал: «Приди завтра». И еще она сказала: «К нему идти — *надо дать задаток, какой он хочет*, а я не могу...»

Теперь, когда «святой период» закончился, кем они были для него — бесконечные женщины, заботливо фиксируемые агентами?

В полицейских донесениях у «отказавшихся» есть имена. Но несчастные просительницы, согласившиеся «дать задаток», к сожалению, их не имеют. Как правило, они именуется лишь инициалом — «госпожа К» или вообще — «одна дама».

Из показаний Белецкого: «Одна дама, чтобы вернуть мужа из ссылки сначала отдала Распутину все деньги, но он потребовал большего... Она умоляла его не трогать ее. Но Распутин поставил ультиматум: или она исполнит его желание, и он попросит Государя о муже, или не показываться ему на глаза... И он, воспользовавшись ее нервным состоянием... овладел ею... и затем несколько раз приезжал к ней в гостиницу. А затем... оборвал знакомство и велел не принимать».

О таких же безвестных «дамах», у которых Распутин вырвал «задаток», рассказывает и Жуковская. Все истории имеют один финал: переспал и с отвращением бросил...

Однако отметим безрелигиозность, почти ненависть Распутина к тем безвестным женщинам, которые переспали с ним. И еще «Воспользовавшись ее нервным состоянием... овладел ею», — так Белецкий говорит об «одной даме» с ее же слов. «Доведа меня до истерики, лишил девственности», — так говорит Вишнякова...

Но неизвестные просительницы, «давшие задаток», — лишь часть огромного хоровода из промелькнувших женских тел, который мог бы поразить и Казанову.

На основании донесений агентов и бесед с Распутиным Белецкий делает вывод: кроме просительниц, мучившихся от необходимости «дать задаток», главными «клиентками» распутинского дивана были женщины, которые «легко смотрели на моральные принципы и... многие из них даже гордились оказываемым Распутиным вниманием и хотя бы временной близостью к нему».

Имен этих женщин Белецкий опять же не указывает — по той причине, что и они, как правило, со странной стремительностью исчезали из квартиры на Гороховой. Задерживались лишь очень немногие, и тогда агенты наружного наблюдения, естественно, устанавливали их имена.

«ПОШЛА ВОН!»

В 1917 году Чрезвычайная комиссия попросила этих «задержавшихся дам» ответить на неприятные вопросы.

«Шейла Гершовна Лунц, 25 лет, жена присяжного поверенного, иудейского вероисповедания, не судилась». Эта красотка увидела Распутина на вечере у профессора Озерова, которого Распутин называл «государственной слякотью».

Из показаний Лунц: «Про Распутина я уже раньше слышала много дурного, в особенности про его отношение к женщинам и потому, когда я вошла, и этот мужик в высоких сапогах и русском кафтане посмотрел на меня, я испытала неприятное чувство... Распутин... шутил, смеялся и гадал по рукам присутствующих, причем предсказания его состояли из афоризмов, представлявших из себя малопонятный набор слов. Мне, например, он ска-

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«Н А Ш Д Р У Г»

зал: «Ты страдалница, но Господь Иисус тебе поможет и твоя правда победит!»... Он шутил и с дамами, пытался обнять то ту из них, то другую, но те ему этого сделать не разрешали. Он пил и вино, хотя не в очень большом количестве...»

Кудрявая красотка Шейла понравилась Распутину. И началась знакомая охота...

«Как-то он позвонил ко мне вечером от некоего Книрши, которого я ранее не знала... Он сообщил мне по телефону: «Приезжай, мы здесь очень весело проводим время».

Квартира Книрши — одно из главных мест распутинских развлечений в конце 1915 и в январе его последнего, 1916 года. Полицейские агенты постоянно фиксируют: «21.01.16. Распутин... поехал к Книрше», «30.01.16. Распутин... отправился к Книрше... в 4.30 утра приехал домой совершенно пьяный»...

Андрей Книрша был чиновником в страховом обществе и «альфонсом на содержании у женщин» — как сообщает о нем агент охраны. И хотя знакомые Шейлы, по ее словам, предупредили, «что он занимается темными делами», а она сама «про Распутина слышала много дурного, в особенности про его отношение к женщинам», она согласилась приехать ночью по вызову Распутина в подозрительную квартиру. Впоследствии Шейла объяснила следователю, что причиной ее рискованного приезда была... злополучная черта оседлости для евреев: «Мне очень хотелось, чтобы мои родители, не имевшие права жительствова в столице, переехали в Петроград».

«Я приехала в квартиру... шикарно обставленную, но с роскошью выскочки, и застала там самого Книршу, молодого, очень полного, с широкими скулами... Его сожительница — жена какого-то старого генерала...» Там же, к изумлению Шейлы, был и «знаменитый думский деятель Протопопов, который в то время был еще только товарищем председателя Государственной Думы и с которым я была знакома, встречая его у профессора Озерова... Нахождение Протопопова в этой компании вместе с Распутиным меня страшно поразило, и потом в разговоре с ним я заметила ему: «Вам не подобает бывать в таком месте», на что Протопопов ответил: «Да, я согласен» и похвалил меня за мою откровенность».

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

Шейла не знала, что присутствовала при исторической встрече. Протопопов, один из вождей оппозиции, решивший идти во власть, налаживал в этом притоне контакт с Распутиным и «царями».

Вокруг мужика «в тот вечер увивалось сразу несколько дам, и Распутин... возбуждал ревность, по-видимому, бывшей с ним в близости высокой дамы, блондинки, фамилия которой была, кажется, Ясинская. Эта дама не любила и меня, может быть, потому, что Распутин говорил всем, что я ему очень нравлюсь, что мои глаза его убивают... У Книрши был ужин с массой вин. Распутин пил свою обычную мадеру и затем вызвал хор цыган... Распутин плясал... вечер начинал принимать характер оргии... и я уехала». Видимо, так и не поняв, зачем он ее позвал...

Не только желание помочь родителям, но и некий иной интерес заставил чувственную даму, будущую любовницу Протопопова, решиться на следующий шаг она: сама позвонила к Распутину, сказала о том, что у нее до него есть дело.

И очутилась в комнатке с диваном...

«Из столовой слышались голоса, но кому эти голоса принадлежали, не знаю... Я рассказала ему о моей просьбе, сообщила о том, что когда сестра приезжала ко мне и проживала без прописки, я переживала большие волнения, и просила его мне помочь...»

Тогда в столовой было слишком много народу, и ей приходится уйти. Но она опять звонит Распутину.

«Я сказала ему: «Помнишь, в чем мое дело?» Но оказалось, что он все уже забыл, он ответил: «Ничего не помню, приезжай!» Я приехала к нему. Он хотел меня обнять и поцеловать, но я оттолкнула его. Когда я повторила свою просьбу, он ответил: «Ну вот, я приду к тебе, познакомлюсь с твоей сестрой и все сделаю»... Я позвонила ему, и он явился ко мне, когда кроме меня и прислуги в доме никого не было. В кабинете он стал ко мне страшно приставать. Я ему заметила: «Оставь это, не надо, будем только друзьями, я мужу никогда не изменяла». Он спросил: «А верно это, что никогда не изменяла?» — «Честное слово!» — ответила я. «Ну, верю! — заметил Распутин.... — Ну, если захочешь изменить, то мне первому!»... Затем Распутин спросил, нет ли у меня вина. Я сказала, что у меня вина нет, но есть спирт в 90 градусов.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

Распутин выпил рюмку этого спирта... закусил яблоком. Потом указав мне место за письменным столом, Распутин сказал: «Садись!» Я села. Тогда Распутин... стал мне диктовать какую-то ерунду на церковнославянском языке. Я исписала целый лист... Когда он ушел, я должна была опять пойти к нему с прошением: это была *скучная бесконечная возня...* я перестала бывать у него...»

Итак, Шейла Лунц показывает, что ничего у нее с Распутиным не было. Легче всего предположить, что она врет. Но вспомним странные посещения Распутиным проституток... И еще чувствуется некое скрытое изумление в ее показаниях. Мужик пристает к ней, но, получив всего лишь обязательный отпор, с каким-то почти облегчением ее отпускает... А она все продолжает приезжать, причем совершенно ясно, что она готова «дать задаток». Но он не берет и продолжает свои безопасные нападения — «скучную бесконечную возню». И вдруг она, по ее утверждению, сама обрывает явно волнующие ее приезды. Но почему?

Так же внезапно прекращаются встречи с еще одной весьма легкомысленной дамой — Марией Гаер. В «Том Деле» нет ее показаний, но есть характеристика, данная ее кучером Яковым Кондратенко: «Она... ничем не занималась... Занималась всегда разгульной жизнью, она просто, можно сказать, «панельная женщина». Перемигнется с каким-нибудь неизвестным ей мужчиной, глядишь — приходится везти их в гостиницу... Знаю, что она часто ездила к Распутину, и тот бывало приезжал к ней и напивался у нее допьяна...»

Всю вторую половину февраля 1916 года агенты фиксируют встречи Распутина с Марией Гаер: 15, 17, 19, 23, 24, 25, 28... И вдруг все обрывается. И она исчезает из его жизни.

Так же внезапно исчезает из дома Распутина еще одна весьма уступчивая дама — кокотка Трегубова, которую агенты видели «взасос целующейся с Распутиным». В «Том Деле» она описывает историю, очень похожую на ту, которую рассказала Лунц. Трегубова много раз приезжала к Распутину, и тот, по обыкновению, к ней приставал. Но стоило ей оказать легкое сопротивление, как мужик... тут же отступил.

«Раз десять я была у Распутина ввиду того, что он обещал устроить меня на императорскую сцену, но при условии, что я буду с

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

ним в близких отношениях. *На что я, конечно, не согласилась*». Непонятно: если Трегубова столь целомудренна, то почему и свидетели в «Том Деле», и агенты полиции дружно именуют ее «проституткой», и зачем она, несмотря на приставания, «раз десять была у Распутина».

Их отношения, судя по показаниям Трегубовой, закончились безобразной сценой: после очередного неудачного приставания «он плюнул мне в лицо, говоря: «Убирайся к черту, жидовка»... и ушел к себе». После чего мстительный Распутин решает изгнать ее как еврейку из столицы. 17 января 1916 года она получает предписание от Белецкого — «чтобы до 10 вечера... выехала». И тогда она бросается к Распутину, «умоляя оставить... в Петрограде».

Если предыдущий рассказ — правда, то на сей раз похотливый мужик добился своего. Распутин дал ей письмо к Белецкому: «Оставь, не тронь, пусть остается». Но потом она узнает, что Распутин «позвонил Белецкому и сказал: «Не оставляй — вышли ее». По сведениям Петроградского адресного стола «означенная Трегубова выбыла из Петрограда на жительство в Тифлис».

Такая странная история...

И еще одна дама — Вера Варварова. Ей тогда было 28 лет. В «Том Деле» она показала: «Я артистка, пою цыганские романсы... пела в присутствии царя».

Во время гастролей в Киеве она оскорбила чиновника, и ей грозило заключение в тюрьму. Она обратилась к Распутину. И уже вскоре «пришла бумага из Сената, что я освобождена от наказания». После чего Распутин «позвонил мне и сказал: «Приезжай попеть, у меня гости... Я приехала вместе со штаб-капитаном Езерским, с которым я тогда жила... У Распутина было много гостей... какие-то дамы... я пела, играла на гитаре, гости пели хором, Распутин плясал... Я часто бывала у него на таких же вечеринках... Со мной он был вполне корректен, тем более, что я была постоянно с Езерским».

Варварова утверждает, что сама ни разу не побывала «в комнатке с диваном». Но она описывает, что на ее глазах происходило с дамами, уединявшимися с «Нашим Другом»: «Бывало, он ласков с какой-нибудь дамой... уйдет с ней в другую комнату, а затем гонит ее оттуда: «Пошла вон!»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

Скоро и их отношениям внезапно пришел конец: «Мне надоела эта обстановка, и в последний год перед смертью Распутина я у него не была ни разу». Действительно, последнее упоминание о ней в записях агентов относится к концу 1915 года. Но это упоминание весьма красноречиво: «Распутин вернулся в 9.50 утра вместе с Варваровой... Вероятно, ночевал у Варваровой». А потом, после ночи, певица... присоединилась к толпе исчезнувших просительниц. Возможно, Распутин и ей вдруг сказал: «Пошла вон!»

Была и еще одна категория «посетительниц дивана». Белецкий определяет их так: «Хорошо материально обеспеченные и никаких просьб к нему не имевшие... они из особого интереса к его личности сознательно искали знакомства с ним, зная, на что идут». Среди них он особо выделяет «одну княгиню из Москвы». Это была 38-летняя княгиня Стефания Долгорукова, жена камерюнкера высочайшего двора.

«1 декабря 1915... Распутин и княгиня Долгорукая на моторе приехали в гостиницу «Астория» в 3.30 ночи... оставался у нее до утра», — доносят агенты. Но «княгиню из Москвы» соединяла с Распутиным отнюдь не одна страсть. Она, как выяснится, решила перевести в Петербург мужа, и «Наш Друг» ей помогал — устраивал встречи с нужными людьми.

«17 декабря... Княгиня Долгорукая прислала мотор за Распутиным, который привез его в гостиницу «Астория»... Туда же... явился бывший Петроградский градоначальник генерал Клейгельс... вместе пробыли до 2 часов».

И еще две уже знакомые нам дамы — не из высшей аристократии, но «хорошо материально обеспеченные». «8 декабря... Распутин привез в «Донон» Джанумову и Филиппову... после обеда поехал с ними в гостиницу «Россия».

Но и Долгорукая, и Джанумова будут отрицать близость с Распутиным. Будет отрицать и Жуковская, хотя ее отрицания особенно неправдоподобны. Историк Мельгунов, которому она рассказывала о своих отношениях с Распутиным, не без скепсиса записал в дневнике ее рассказ: «Жуковская так понравилась старцу... он умолял остаться у него ночевать... делал это открыто, при

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

Муне Головиной... Старец хватал Жуковскую за ноги, целовал чулки, гладил шею и грудь... Жуковская потом сообщила с гордостью, что будто не удалось старцу ни разу поцеловать ее в губы...»

Пругавин, направивший Жуковскую к Распутину, прямо объяснил следователю: «Она была с истрепанными нервами и, вероятно, с уклоном в сторону эротизма, и нужно думать, что она в своих поисках новых переживаний отнюдь не с таким отвращением относилась к искательствам Распутина».

Действительно, сей «уклон в сторону эротизма» пронизывает все воспоминания Жуковской. Но смелая и достаточно бесстыдная женщина, описывая этот микромир похоти, будет настаивать, что после всех бесконечных «нападений» Распутина не уступила!

Но как одинаковы эти «нападения»... Сначала идет долгая проповедь: «Это ничего, коли поблудить маленько... Вот, понимаешь, как надо: согрешил и забыл, а ежели я, скажем, согрешу с тобой, а после ни о чем, кроме твоей... (Жуковская не смеет записать распутинское слово и ставит точки. — Э.Р.) думать не смогу — вот это грех будет нераскаянный... мысли-то святы должны быть... А после в церковь пойдем, помолимся рядышком, и тогда грех забудешь, а радость узнаешь»... «Но если все-таки считать *это* грехом, зачем делать?» — спросила я. Он зажмурился: «Да ведь покаяние-то, молитва-то — они без греха не даются»... Все ниже склоняясь, он налегал грудью, комкая тело и вывертывая руки... дошел до бешенства. Мне всегда кажется, что в такие минуты он, кроме этого дикого вожделения, не может чувствовать ничего... его можно колоть, резать, он даже не заметит. Раз я воткнула ему в ладонь толстую иглу... а он даже не почувствовал... Озверелое лицо надвинулось, оно стало какое-то плоское, мокрые волосы, точно шерсть, космами облепили его... глаза, узкие, горящие, казались через них стеклянными. Молча отбиваясь... и вырвавшись, я отступила к стене, думая, что он кинется опять. Но он, шатаясь, медленно шагнул ко мне и, прохрипев: «Идем помолимся!» — схватил за плечо, поволок к окну, на котором стояла икона Симеона Верхотурского, и, сунув в руки лиловые бархатные четки, кинул меня на колени, а сам, рухнув сзади, стал бить земные поклоны, сначала молча, потом приговаривая: «Преподобный Симеон Верхотурский, помилуй меня, грешно»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

го!»... Через несколько минут он глухо спросил: «Как тебя зовут?» (он забыл, ибо они все для него «душки». — Э. Р.), и когда я ответила, опять стал отбивать поклоны, поминая попеременно себя и меня. Повторив это раз... десять, он встал и повернулся ко мне, он был бледен, пот ручьями лился по его лицу, но дышал он совершенно покойно, и глаза смотрели тихо и ласково — глаза серого сибирского странника...»

Во всех описаниях Жуковской чувствуется бешеное любопытство и желание, которое гонит ее к Распутину. Но этой «сатанистке» нужно насилие... а его-то и нет. «Отец Григорий» будто ждет ее сопротивления, отпора, после которого все кончается... молитвой! И опять будет приходиться к нему Жуковская, и опять все будет повторяться...

Точно так же опишет свои встречи с Распутиным певица Беллинг. Только в отличие от Жуковской, которая хочет мужика, Беллинг приходит им пользоваться, он ей противен. И потому нет молитвы после «нападения» — молиться ему не о чем. Она не грешна, и оттого легко выскальзывает из его объятий...

И постепенно создается странное ощущение, будто, нападая на женщин, он жаждет сопротивления, *чтобы тут же их отпустить*. Будто вся распутинская эротика — только в его постоянном нападении и их отпоре. Обязательном отпоре...

И СНОВА «ЭРОТИЧЕСКИЕ ТАЙНЫ»

«Идя домой, — пишет Жуковская, — я думала: «А если он с Лохтиной поступал так же... доведя ее до исступления, ставил на молитву? А может быть, и царицу так же?» Я вспомнила жадную, ненасытную страсть, прорывавшуюся во всех исступленных ласках Лохтиной — *такую может быть только всегда подозреваемая и никогда не удовлетворяемая страсть*. Но это никогда не узнаешь наверное... это, может быть, узнается много позже, когда никого из них не будет в живых».

Возможно, это было лишь продолжением его таинственного религиозного опыта — все то же постоянное возбуждение похо-

ти и ее подавление до полного бесстрастия. Это давало Распутину «утончение нервов», результатом которого и были его прозрения, его гипнотическая сила. Вот почему так затягивались «романы» с отбивавшимися дамами вроде Жуковской, Джанумовой, Беллинг. Но все те, кто сдавались, удовлетворяли его желания — исчезали тотчас же.

И кокотка Трегубова, поставлявшая ему богатых евреев-просителей, ходила к нему в дом лишь до тех пор, пока не отдалась. Грех победил — и Распутин, как он объяснял Жуковской, «уже не мог думать ни о чем, кроме...» Его сила ослабеваешь, а за это он начинает ненавидеть грешницу. Вот, видимо, истинная причина, по которой он попытался убрать от себя Трегубову, выслать ее из столицы. И когда простодушная женщина пришла к нему и, судя по всему, вновь отдалась, уверенная, что это поможет, он приказал выслать ее из Петрограда немедленно... И Лунц, и Варварова, и Базилевская, и Гаер, и безымянные жертвы «задатка» совершили ту же ошибку: отдались — и тотчас исчезли из квартиры.

И бедную Бернадскую он начал избегать и ненавидеть, как только та ему уступила. То же — в таинственной истории с нянькой царских детей Вишняковой. Она поддалась его бешеному желанию в полубезумии, и он тотчас отдалил ее от себя. И оскорбленная нянька объявила, что он ее изнасиловал.

Однако и «уступившие» остаются рядом с ним — но лишь те, кто посвящен в его опыт, истинные члены секты, готовые терпеть отвращение Распутина и продолжать его обожествлять. Несчастливая Лохтина, верная Зинаида Манчтет, безгласная баронесса Кусова, хитрая Лаптинская и послушная Патушинская исполняют роли его «небесных жен». Они покорно, по первому приказу Повелителя, тотчас освобождают его постель... Остаются и те, кто продолжает томить его неудовлетворенным желанием, «возней» — княгиня Шаховская и Сана Пистолькорс. Этих дам притягивает беспрестанное «нападение», бесконечная сексуальная игра, заканчивающаяся возвышенным покаянием, экзальтацией и молитвой. И когда они уговаривают «новеньких» — Джанумову или Жуковскую — отдаться, они знают, что это будет их концом: очередные «чужие» тотчас присоединятся к этой женской армии, прошедшей через диван и бесследно исчезнувшей...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

Вот где прошла свою школу Вырубова. Вот где она открыла всю притягательность эротической игры в неудовлетворенное желание.

МУЖИК ИЩЕТ ПРЕМЬЕРА

Но между попойками и «утончением нервов» мужик продолжает подыскивать будущего главу кабинета. Вот почему Шейла Лунц встретила Протопопова в квартирке толстого Книрши — здесь «Наш Друг» подбирал участников будущих политических игр, здесь проходили политические «смотрины». Именно поэтому он таскает сюда Осипенко — секретаря (и не только) митрополита Питирима. «20 декабря, — сообщают агенты, — Распутин вместе с секретарем Питирима... Иваном Осипенко отправился к потомственному почетному гражданину Книрше (28 лет, холост). Сюда же были привезены 2 корзины вина из ресторана «Вилла Родэ»... и был приглашен хор цыган».

«Мозговой центр» мужика сильно расширился. Теперь в него входят и иерархи из Александро-Невской лавры. Здесь, в покоях назначенного им митрополита Питирима, Распутин — частый гость. 12 лет назад мужик пришел сюда жалким просителем, теперь он хозяин... В его честь Питирим устраивает званые обеды и завтраки. Состав гостей постоянен — епископ Варнава, Иван Осипенко, секретарь Синода Петр Мудролюбов и казначей Синода Николай Соловьев.

Обычно на этих собраниях решались вопросы церковной политики, но в конце 1915 года здесь лихорадочно обсуждались кандидатуры на пост премьера. Не зря сюда приходит участник «теневого кабинета» — Вырубова...

«16 декабря... Аня была вчера у митрополита. Наш Друг тоже... они очень хорошо поговорили; затем он угостил их завтраком. Гр<игорий> был на почетном месте, — с гордостью сообщает Аликс мужу. — Он относился к Гр<игорию> с замечательным уважением и был под глубоким впечатлением от всех Его слов».

«Я — ДЬЯВОЛ... Я — ЧЕРТ...»

Наступил его последний год. Весь январь «смотритель премьеров» провел в глубоком пьянстве. Постоянная запись агентов: «Были гости до утра... пели песни».

10 января он отпраздновал свой день рождения. Ему стукнуло 47 лет, но 48-ми уже не будет... Торжество происходило под несусыпным наблюдением охранки. С утра агенты Комиссарова появились в квартире мужика. Передав подношения от Хвостова и Белецкого, они предложили Распутину помочь раздевать гостей, объяснив, что «именно так принято в хороших домах». Мужик у этого показалось лестным, он согласился. Хитер был, да прост! Агенты же впоследствии составили перечень подарков, полученных Распутиным: «Масса ценных серебряных и золотых вещей, ковры, целые гарнитуры мебели, картины, деньги...» Были получены поздравительные телеграммы со всех концов России, в том числе от «царей» — их зачитывали вслух, когда съехались гости (среди них была и Вырубова). Синодский чиновник Мудролюбов «произнес речь, подчеркнув *государственное значение Распутина как простого человека, доводящего к подножью трона народные чаяния*».

После отъезда Вырубовой и Мудролюбова началось подлинное веселье. К вечеру Распутин свалился пьяный, и его уложили в постель. Немного поспав, он протрезвел, а к тому времени на квартире уже собрался более интимный кружок, преимущественно дамы. Мужик снова начал пить, требуя того же от дам, потом велел привезти цыган...

Благоразумные дамы ушли. Скоро все окончательно перепились, кроме цыганского хора. Мужик превратился в зверя — в прекращавшейся пляске дошел до безумия. И гости — за ним. Все пели, скакали, кричали... Они, как записали агенты, «были охвачены такой разнузданностью, что хор цыган поспешил уехать».

К двум часам ночи в квартире остались только те, кто решили заночевать. Утром начался скандал — мужья двух оставшихся у Распутина дам стали рваться с оружием в квартиру. Агентам удалось спровадить дам через черный ход — тот самый, через который спустя несколько месяцев уйдет на смерть Распутин...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

-Н А Ш Д Р У Г-

Мужей провели по квартире, чтобы они могли убедиться в отсутствии своих жен. После чего агенты тотчас поехали за ними, выяснили их личности, и те попали в полицейские донесения. Дамы же, как и их легкомысленные предшественницы, более в квартире не появлялись. А Распутин, напуганный вооруженными ревнивцами, «притих на несколько дней и боялся выходить».

Но через несколько дней все началось снова. «14 января... вернулся домой в 7 утра совершенно пьяный в компании Осипенко и неизвестного... разбил большое стекло в воротах дома, где живет... заметна была опухоль около носа, по-видимому, где-нибудь упал».

«17 января... К Распутину в 12-ом часу пришла неизвестная дама и пробыла до 3 ночи».

Но что для него три часа ночи! В это время веселье обычно только начиналась. Криком «К цыганам!» он поднимал пьяную компанию, и полусонные собутыльники мчались в ресторан на лошадях. До рассвета изнемогшие цыгане веселили неутомимого гостя. Он будто чувствовал, что живет свой последний год, и спешил насладиться диким разгулом. Впрочем, кутежи богатых русских купцов немногим отличались тогда от безумств мужика. Грядущий Апокалипсис сводил людей с ума...

В «Том Деле» остались показания Исаака Быховского, «40 лет, иудейского вероисповедания, углепромышленника из Харькова». Он приехал в Петроград «обделать выгодное дельце» и встретился с Распутиным благодаря своим столичным партнерам. Один из них получил от мужика «карточку к министру торговли и промышленности Шаховскому... На карточке было написано: «Примите его». Шаховской принял его вне очереди, хотя результатов этот визит не принес». За эту услугу углепромышленники денег Распутину не дали, но угощение поставили.

«Распутин... пришел в разгар обеда и моментально уткнулся в тарелку, ел только суп и рыбу, пил мадеру... потом позвонил по телефону... Явился молодой грузин, который сел рядом с Распутиным, называя его отцом и, видимо, заискивая перед ним. (Это был офицер Папхадзе, который, как большинство грузинских дворян, именовал себя «князем» и был женихом Матрены Распутиной. Благодаря ее отцу он избежал фронта и проходил службу

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

в запасных батальонах, расквартированных в Петрограде. Вырубова так охарактеризовала его в «Том Деле»: «Папхадзе — дезертир, не хотевший ехать в армию». — Э.Р.)... Грузин все торопил ехать в Новую Деревню в цыганский хор, где, по его словам, ждали Распутина. Все мы поехали в хор, причем когда вышли, оказалось, что Распутина ждал автомобиль... У цыган Распутина ждала большая компания. Здесь Распутин разошелся, все время танцевал и пил мадеру... причем меня поразил его танец. Он иногда по полчаса кружился на одном месте, так что меня удивило, как у него не закружится голова... Одному из моих знакомых сделалось дурно, и около 2-х я уехал из хора (так Быховский и его коллега увильнули от платы. — Э.Р.). Компания оставалась до 7 утра... все время заказывали вина... Брусиловскому (другому партнеру Быховского. — Э.Р.) за все пришлось платить».

И опять Распутина привезли под утро пьяным, и опять он рвался в чью-то квартиру, и опять его не пустили, и опять он пытался целовать сонную швейцаршу, лениво отбивавшуюся от него... Его квартира на Гороховой давно стала вертепом. Следовательно Симеон написал в своем заключении (после допросов свидетелей): «Здесь месяцами в перерывах между рейсами санитарного поезда жила сестра милосердия Лаптинская, эротические упражнения с которой вследствие отсутствия штор наблюдала улица... гостила красивая сибирячка Елена Патушинская... стараниями Распутина муж ее, нотариус, был переведен в Одессу и там застрелился... красивая крещеная еврейка Волынская, заплатившая собой и деньгами за мужа, помилованного стараниями Распутина; баронесса Кусова, желавшая получше устроить мужа, офицера крымского полка... цыганская певица Варварова, стойвшая ему слишком много денег и по всякому его занимавшая; блудливая... жена присяжного поверенного Шейла Лунц... хозяин ресторана «Вилла Родэ», у которого к услугам Распутина вино и дамы; эротоманка... Жуковская... князь Андроников, врач Бадмаев, агент многих разведок Мана-севич-Мануйлов, инспектор народных училищ и его молодая жена — Добровольские, сын экзарха Грузии Молчанов... устраивавший свои и отца дела... еврейка Трегубова... Симанович, скупщик бриллиантов и антрепренер игорных домов: красивая княгиня Шаховская...»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

И в центре — постоянно пьяный мужик, запутавшийся в религиозных играх, которые все яснее превращались в болезненную похоть, в своеобразный наркотик..

В «Том Деле» его прежний близкий друг Сазонов описал поразительную сцену: «Распутин сознавал свое падение, и сознание этого заставляло его страдать... Помню, за полгода до своей смерти он приехал ко мне пьяный и, горько рыдая, рассказывал о том, что он целую ночь кутил у цыган и прокутил 2 тысячи, а в 6 часов ему нужно быть у царицы. Я увел его в комнату дочери, где Распутин... среди рыданий говорил: «Я — дьявол... я — черт... я — грешный, а раньше был святым... я недостойн оставаться в этой чистой комнате...» Я видел, что его горе неподдельно...»

НЕБЛАГОДАРНЫЙ ЛЮБОВНИК

В конце 1915 года полковник Комиссаров доложил своим хозяевам, что влияние Манасевича в доме на Гороховой вдруг необычайно усилилось. Как отмечали агенты, он все чаще сопровождал мужика на служебном автомобиле в Царское Село. Комиссаров с изумлением рассказал и о новшестве в доме Распутина: Манасевич привел на Гороховую «переписчицу» с пишущей машинкой. Теперь при помощи передовой технологии размышления «Нашего Друга» без промедления доставлялись в Царское Село. Под отпечатанным текстом Распутин ставил крест и важно расписывался каракулями.

Сначала Белецкий и Хвостов решили, что ловкий авантюрист попросту решил при помощи Распутина познакомиться с могущественной Подругой. И только позже они поймут, что пропустили главное: Манасевич нашел для страны будущего премьера.

Именно для обсуждения этой очень неожиданной кандидатуры Манасевич и Распутин поспешили в Царское...

Но кое-что Хвостову через свою агентуру выяснить все же удалось: в Царском Селе окончательно решили отказаться от премьера Горемыкина. И «Толстопузый» решил — наконец-то пробил его час!

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

Он так и не понял, как относился к нему мужик... «Распутин все время чувствовал его ненависть и не мог, несмотря на все услуги Хвостова, побороть свою», — справедливо отмечал Комиссаров.

Хвостов развил бешеную деятельность. Он задумал привлечь на свою сторону нового распутинского любимца Манасевича и через него спешно обработать Распутина. Казалось, сделать это совсем просто, ибо в это время сам «Рокамболь» пожаловал к Хвостову со щекотливым делом.

Манасевич жил с актрисой Лерма-Орловой. Полуфранцуженка, одна из дам петербургского «полусвета», вроде Шейлы Лунц, совершенно вскружила ему голову. Однако на редкость уродливый «Рокамболь» узнал, что красotka, принимая деньги от него, совершенно бесплатно одаривала своими милостями молодого шведа Петца, дававшего ей уроки верховой езды. Уроки эти так увлекли актрису, что несчастный Манасевич никак не мог посетить ее вождеденную постель.

Хвостов с готовностью согласился помочь, и вскоре бедный Петц был обвинен в том, что продает через Швецию лошадей в германскую армию. Сначала шведа посадили в тюрьму, потом выслали из страны. Теперь Манасевич вновь начал посещать перепуганную актрису, а Хвостов стал ждать ответных шагов от счастливого любовника.

Наивный «Толстопузый»! Он забыл, что такие люди благодарными не бывают. Манасевич в это время вел свою большую игру — устраивал тайные встречи Распутина с кандидатом в премьеры, которого сам и нашел.

НУЖНЫЙ «СТАРИКАШКА»

В начале 1916 года Белецкий узнал об этом кандидате. И его личность, и несколько зловещая обстановка встреч с ним поразили главу департамента полиции. Оказалось, что Распутина по ночам возят... в Петропавловскую крепость, и там, в помещении коменданта, его и поджидает тот, кому мужик уже успел дать прозвище «Старикашка», — 67-летний член Государственного Совета Борис Владимирович Штюмер.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

• Н А Ш Д Р У Г •

Встречи устраивала дочь коменданта крепости Никитина. Эта молодая фрейлина императрицы, по свидетельству Вырубовой, «пользовалась репутацией легкомысленной особы, и ее старались не принимать при дворе». И даже возраст Штюмерера не был «опровержением слухов, которые о них циркулировали»...

Однако после размышлений Белецкий был вынужден признать, что выбор совсем не плох. Да, у Штюмерера была «неудобная» немецкая фамилия, но таких фамилий и при дворе, и среди бюрократии было немало. Зато он был «человек испытанной верности трону, имеющий огромный круг знакомств в придворных кругах». В 1914 году в его доме собирался знаменитый политический салон, где, в отличие от повсеместной безудержной критики Распутина, господствовала критика «конструктивная» — то есть рассматривались варианты, как спасти тонущую власть, не трогая «Нашего Друга».

Приходил туда и сам Белецкий. «В кружке Штюмерера, — показал он, — был цвет русской аристократии и влиятельной бюрократии... члены Государственного Совета, сенаторы, потомки древнейших русских фамилий... губернаторы, церковные иерархи...»

И царица знала: штюмереровский кружок никогда не требовал головы «Нашего Друга». Тем не менее все попытки Штюмерера вернуться к активной политической деятельности ни к чему не приводили. И вот пробил его час...

Вычислить автора идеи о Штюмерере для Белецкого было легко. Во времена могущественного министра внутренних дел Плеве Штюмерер служил в МВД директором департамента, и там же тогда работал Манасевич — агентом спецслужбы. Белецкий вызвал к себе «Рокамболя» и «спросил его, почему он предал Хвостова... Тот, извинившись, выразительно сказал: «Вам будет лучше при Штюмерере...»

И Белецкий, пожелав наладить контакт с будущим премьером, решил угаить «смотрины» от Хвостова: «Я... через Манасевича заверил Штюмерера в моем к нему расположении и готовности сообщать ему известные мне сведения».

Затем неутомимый «Рокамболь» организовал встречу Штюмерера с митрополитом Питиримом. Впоследствии Манасевич

показал, что владыка спросил его: «Не вызовет ли замена Горемыкина лицом с иностранной фамилией каких-нибудь разговоров?» Манасевич ответил, что «важен человек, а не фамилия», и добавил, что «Штюрмер — новый для Думы человек, оттого думцам будет неудобно сразу его забаллотировать». И осторожный Питирим, имея в своем тылу царицу и Распутина, составил благоприятную записку о деятельности Штюрмера — для царя.

Изгнанному из спецслужб, запятнавшему себя множеством темных дел Манасевичу была обещана должность чиновника по особым поручениям при будущем премьер-министре. Таким образом, он становился агентом Распутина и «дамского кабинета» при «Старикашке».

А Хвостов продолжал оставаться в неведении... И тогда Манасевич решил предупредить события и сам отправился к «Толстопузому». Он рассказал ему про будущее назначение Штюрмера и пояснил, что *все это сделали Распутин и Питирим*. Хвостов пришел в ярость. Он жаждал мести...

20 января в 3 часа дня вызванный к царю Штюрмер вышел от него премьером-министром России. А Горемыкин, встреча которого с Государем была назначена на 5 часов, пришел с докладом и, к полному своему изумлению, ушел с отставкой.

Манасевич-Мануйлов получил должность чиновника по особым поручениям при премьере. И вскоре при его посредстве состоялась важнейшая встреча. Несмотря на все уверения Манасевича и разговоры со «Старикашкой», Распутин своей звериной интуицией чувствовал угрюмую неприязнь Штюрмера. И решил еще раз получить необходимые заверения в его верности...

Из донесений агентов наружного наблюдения: «21.01. Распутин с Гаер поехал к Книрше, а оттуда один к артистке Орловой (содержанке Мануйлова), где были Мануйлов и Б.В. Штюрмер». После веселой попойки у Книрши мужик поехал на свидание с новым премьером. На сей раз место для свидания было выбрано не зловещее, а романтическое — любовное гнездышко, квартира Лерма-Орловой, злосчастной любовницы Манасевича.

Из протокола допроса Манасевича Чрезвычайной комиссией:
« — Вы присутствовали при встрече?

— Нет, я был в другой комнате.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

• Н А Ш Д Р У Г •

— А лицо, которому квартира принадлежала?

— Нет, ее не было... Они (Распутин и Штюмер. — Э.Р.), когда прощались, расцеловались. Я как раз был в столовой...»

Этот поцелуй как бы закрепил итог разговора. А Манасевич, продолжая играть излюбленную двойную роль... отправился к Хвостову — сообщить подробности о секретной встрече. Он любил сталкивать людей...

Из показаний Хвостова: «Пришел Манасевич... сообщил, что свидание привело к хорошему результату, и Распутин готов оказывать ему (Штюмеру. — Э.Р.) поддержку перед царем... Штюмер обещал со своей стороны советоваться с Распутиным по делам, имеющим важное значение для трона, и просил верить, что Распутин будет иметь в его лице друга. После чего они расцеловались».

И мужик сказал (имел право!): «Россия у меня в кулаке»...

СПЕКТАКЛИ МИНИСТРА

Хвостов начал мстить. Первый удар он нанес по Питириму — сделал явным то, что митрополит так старательно скрывал: его близкое знакомство с Распутиным. Для этого было задумано целое театральное действо: Хвостов вызвал Комиссарова и поручил ему привезти Распутина к Питириму. «Исполняя поручение, — показал впоследствии Комиссаров, — я обнаружил, что Распутина нет дома и он находится в Царском. Приблизительно через час он прибыл в сопровождении своей семьи, секретаря Питирима Осипенко и Акилины Лаптинской... Я тихо сообщил Распутину, что нас ждут в Лавре митрополит и Хвостов... После чего мы сразу ушли с Распутиным». Почувявшие неладное, «Осипенко и Акилина стали шуметь, что я увожу Распутина и... некоторое время бежали за нашим извозчиком, крича Распутину: «Куда ты едешь, он тебя завезет куда-нибудь!»

Между тем сам Хвостов уже приехал в Лавру и сидел в покоях Питирима. Он мирно беседовал с митрополитом, когда тому тихо доложили о прибытии Распутина.

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

Из показаний Комисарова: «Питирим, конспирируя свое близкое знакомство с Распутиным... сказал Хвостову, что прибыл какой-то грузин, с которым он должен поговорить... И вышел к нам... С Распутиным Питирим поцеловался... После чего Распутин представил меня... назвав «хвостовским генералом».

Можно представить ужас иерарха! Тут же последовал мрачный вопрос Питирима: «Почему вы не в форме?» Комиссаров ответил, что носит ее только на службе. «Пришлось Питириму пригласить нас в ту комнату, где сидел Хвостов».

Весь Петроград говорил об этом розыгрыше. Престиж митрополита был уничтожен. Вырубова и императрица пылали гневом. Что касается Распутина, то он... был доволен. Ему не нравилось, что митрополит стесняется знакомства с ним — это унижало мужика. С другой стороны, он понимал — теперь с Хвостовым, которого он терпеть не мог, будет покончено. «Мама» не простит «Толстопузому» его розыгрыша!

Отомстив Питириму, Хвостов решил ударить по самому мужику. Обезумевший министр задумал изгнать его из дворца. Он поверил, что сможет сделать то, чего не смог сам Столыпин! И придумал еще одно театральное представление: предстояло «вовлечь Распутина в массовую драку, довести его до крупного скандала с полицейским протоколом и оглаской, чтобы в Царском... пришлось согласиться на его удаление». Тогда Хвостов, пусть даже изгнанный за это из министров, мог триумфально вернуться в Думу — как человек, сваливший Распутина.

В своем новом спектакле Хвостов решил задействовать... Манасевича — так он ему доверял! Из средств департамента полиции «Рокамболю» были даны деньги на то, чтобы «устроить веселую вечеринку в доме его друга, репортера Михаила Снарского». По окончании вечеринки Снарский должен был задержать Распутина, а когда все гости разойдутся — выпустить его на улицу одного. И тогда агенты должны были схватить Распутина, увезти его и зверски избить — чтобы помнил свое место! А потом объявить все это результатом пьяной драки, устроенной... самим Распутиным.

Загримированный Хвостов сам приехал наблюдать за избием ненавистного мужика. У дома репортера уже сидели в авто переодетые агенты. Но окна квартиры Снарского были почему

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

то странно темны... В то время, когда замерзший Хвостов в нетерпении разгуливал на морозе, поджидая мужика, Распутин, Манасевич и Снарский весело кутили в отдельном кабинете в «Палас-театре» — пропивали деньги, полученные... на избиение Распутина!

Хвостову оставалось только смолчать. Он был унижен, осмеян — и этого простить не мог... Именно тогда, судя по показаниям Комиссарова, Хвостов впервые сказал ему: «Распутина надо убить».

«ЧАСТНОЕ АССИГНОВАНИЕ» НА УБИЙСТВО

Начав готовить убийство мужика, Хвостов, естественно, переговорил со своим заместителем.

Из показаний Белецкого: «Он указал, что нас обоих тяготят свидания с Распутиным и постоянная боязнь обнаружить нашу близость к нему... вследствие бестактности поведения Распутина... И наконец, избавление от Распутина очистит атмосферу около трона, умиротворит общество и Думу...»

Убить Распутина, как полагал Хвостов, «будет нетрудно». А оправдаться, почему не уследили, — и того легче: «сославшись на тайно от агентов совершаемые отъезды Распутина». И Белецкий сказал, что согласен. Убийство решено было поручить «нашему полковнику» — Комиссарову.

Естественно, Белецкий солгал Хвостову. Как он объяснял потом в Чрезвычайной комиссии, он «не верил в удачу, уже убедившись, как хитер и интуитивен Распутин и как мало умеет Хвостов в организации дел тайной полиции». К тому же, «взвесив мистический характер Государя... помня о многих юродивых, бывших до Распутина, я спросил себя: «Что будет после его устранения?» И ответил: «Появление нового странного человека во дворце в духе Мити Козельского». А с Распутиным Белецкий уже сработался...

Но главное, о чем он не сказал на следствии — о своем решении предать Хвостова: дать ему организовать убийство, а затем...

предотвратить его, выдав своего шефа «царям». Белецкий верил, что тогда в Царском Селе наконец поймут: лучшего министра внутренних дел, чем он, не найти...

Белецкий посвятил в интригу Комиссарова, и, когда Хвостов вызвал полковника и изложил задание, тот, изобразив для правдоподобия некоторое сомнение, согласился. И тут случилось поразительное — увидев, что Комиссаров колеблется, Хвостов тотчас предложил ему деньги, причем громадные. «Он мне 100 000 сулил, показывал 2 пачки по 50 000», — вспоминал Комиссаров. — Потом он цену увеличил, довел ее до 200 000». Полковник был поражен, потому что знал — из бюджета министерства Хвостов таких денег взять не мог.

В своих показаниях Белецкий отмечает, что Хвостов говорил ему, будто «имеет для этого дела *значительное местное ассигнование, и в деньгах можно не стесняться*». И он понял: за инициативой Хвостова убить Распутина стоят очень могущественные силы...

Между тем Хвостов перешел к непосредственному планированию убийства. Белецкий пока видел свою задачу в том, чтобы «критиковать эти планы, откладывая исполнение». Или попросту саботировать их... Наконец, Хвостов предложил послать Распутину ящик отравленной мадеры — якобы от банкира Рубинштейна. Белецкий немедленно «отправил Комиссарова... за ядами. Тот принес Хвостову множество флакончиков с ядами и рассказал, как действует каждый яд...» Для видимости пришлось отравить одну из кошек Распутина. Но в мадеру была налита совершенно безвредная жидкость — флакончики, переданные Хвостову, на самом деле были от лекарств, а названия ядов Комиссаров выписал из учебника по фармакологии.

ПРОВОКАЦИЯ

Однако Белецкий вскоре почувствовал, что даже неопытный Хвостов начинает его подозревать, Пора было топить шефа и всплывать на самый верх. И Белецкий разыгрывает спектакль в лучших традициях департамента полиции...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

• Н А Ш Д Р У Г •

В то время бежавший из России Илиодор перебрался в Норвегию, откуда начал грозить опубликовать книгу «Святой черт» и поместить в ней оставшиеся у него копии писем царицы и ее дочерей Распутину. Хвостову, естественно, пришлось вести переговоры с монахом-расстригой о покупке опасных документов. Илиодор запросил бессовестно много, начался изнурительный торг. И тогда, видимо, Хвостову пришла в голову новая идея: отправить к Илиодору своего агента, якобы для продолжения переговоров. Агент должен был передать монаху деньги и склонить его к тому, чтобы Илиодор организовал через своих сторонников в России убийство Распутина — то, что ему не удалось сделать в 1914 году.

В качестве агента Белецкий порекомендовал Хвостову своего человека — некоего Ржевского. Так началась провокация... Наивный Хвостов передал Ржевскому инструкции и документы. Далее Ржевский разыграл все, как по нотам. В поезде он устроил громкий скандал, а когда у него потребовали паспорт, стал угрожать офицеру, кричал о своей близости к министру внутренних дел. Ржевского арестовали, и на первом же допросе он показал, что отправлен Хвостовым к Илиодору — договориться об убийстве Распутина.

Одновременно Белецкий известил монаха о том, с какой целью к нему направляется человек от Хвостова. Расчет был точен: Илиодор, которому в Норвегии пришлось очень туго (он был рабочим на заводе в Христиании), понял, что у него появилась возможность помириться с мужиком и вернуться в Россию. И он тотчас послал телеграммы Вырубовой и Распутину.

Из показаний Вырубовой: «В телеграмме Илиодора, полученной Распутиным, говорилось о том, что высокие особы готовят покушение на его жизнь... а в телеграмме, полученной мною, он сообщал о том, что ко мне приедет его жена, которая привезет документы... что Хвостов организовал убийство Распутина... Затем ко мне явилась скромно одетая бедная женщина... стала показывать мне... телеграммы Хвостова о том, что он предлагает ее мужу 60 тысяч за убийство... Кажется, телеграммы были подписаны... Государь поручил расследование этого дела Штюмеру».

Еще не поняв, кто стоит за историей со Ржевским, Хвостов бросился к Белецкому обсудить — что ему делать? Белецкий под-

вигнул шефа на решительный (а точнее — на самоубийственный) шаг: поехать к царю, показать записи агентов, наблюдавших за Распутиным, и выложить все начистоту. Хвостов согласился. С каким нетерпением ждал его Белецкий из Царского Села!

Вернувшись, Хвостов, судя по воспоминаниям Белецкого, рассказал, что царь взял его доклад о Распутине и ушел с ним в покои царицы. Министр слышал их разговор в повышенном тоне. Потом Николай вернулся и сухо попрощался. Доклад остался у царя.

Когда Хвостов ненадолго вышел из кабинета Белецкого, тот, как и подобает начальнику тайной полиции, не побрезговал тотчас обследовать портфель шефа, где и обнаружил... оба экземпляра доклада о Распутине. И убедился в том, что подозревал с самого начала: Хвостов ничего не сказал Государю о мужике.

Впрочем, вскоре Белецкий узнал, что вместо доклада о Распутине, Хвостов сделал царю доклад... о Белецком! Министр предложил отправить своего заместителя в провинцию генерал-губернатором, обвинив... в заговоре против Распутина! Так они предавали друг друга.

В ответ Белецкий нанес новый удар. Симанович заявил в департамент полиции, что к нему приехал некий инженер Гейне и сказал, что Ржевский по поручению Хвостова организовывал покушение на Распутина. «Толстопузый» все понял, но было уже поздно...

Из показаний Вырубовой: «Ко мне приехал страшно взволнованный Хвостов, плакал, сказал, что вся история — это «шантаж», затеянный Белецким... чтобы спихнуть его с места... что все это неправда, что это «жидовская провокация» (имеется в виду заявление Симановича. — Э.Р.)... и просил об этом доложить Их Величествам. Я исполнила его просьбу, но получила ответ, что, даже если он не виноват в этой истории, он виноват в том, что связался с таким типом, как Ржевский».

Вот в такой обстановке началась сессия Думы. И царь приехал на нее — по совету мужика! Следователь Чрезвычайной комиссии впоследствии спросит Штюмерера: «Вы не припоминаете, что бывший император 9 февраля 1916 года присутствовал на молебне по случаю открытия Думы?.. Вам известно, что это Рас-

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

путин настаивал на том, чтобы царь туда поехал, и это он сказал царю, чтобы тот посетил Думу?»

Идея действительно была блестящая. Несмотря на скандал с Хвостовым, проезд царя на какое-то время утихомирил Думу.

РАЗГРОМ РАСПУТИНЦЕВ

Комиссия Штюмера, расследовавшая историю покушения на Распутина и участие в нем Хвостова, уже работала, когда Комиссаров предпочел выйти из игры — причем весьма экстравагантно.

Из показаний Комиссарова: «Я явился в его (Распутина. — Э.Р.) квартиру и в присутствии Вырубовой и большого числа его поклонниц... не без площадных слов выбранил Распутина». Полковник стоял перед мужиком и крыл его матом — за все унижения, насмешки и издевательские поручения. Так он отвел душу... Потом, естественно, он «больше Распутина не видел и в конце февраля 1916 года оставил Петроград по своему желанию и настоянию Царского Села».

Когда Белецкий приехал извиняться за Комиссарова, Распутин, по его словам, «вздыхнул и не без смущения сказал: «Уж больно шибко он меня материл... прямо страсть как шибко». Мужик уважал умение материться, свойственное истинно русским господам.

Работа комиссии Штюмера вызвала и другие весьма неожиданные инциденты. Хвостов понял, что «отдан на съедение Штюмеру», и сделал отчаянный ход — по его приказу был арестован Симанович. Его взяли ночью, прямо из постели, и Хвостов тут же объявил, что у него есть обоснованные подозрения насчет участия «секретарей» Распутина в шпионаже в пользу немцев. Аресты будут продолжены, а на квартирах Добровольского и Вольнского пройдут обыски. «Я успел обыскать их всех», — гордо показал впоследствии Хвостов. И у всех было найдено множество записок — «пратец» Распутина, совершенно однотипных — с крестом наверху и следующим текстом: «Милый дорогой выслушай и помоги грегорий». По какому делу, кому адресовано — не сказано. Можно было обращаться к кому угодно и по любому вопросу.

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

Хвостов пригрозил объявить на всю Россию о торговле этими своеобразными индульгенциями. Симановича готовились выслать из Петрограда. Толстопузый пустил слух: теперь на очереди обыск у самого Распутина!

И Распутин растерялся. К нему вернулся вечный страх беззащитного русского мужика. «Он у себя на Гороховой за чаем, схватившись за голову, вдруг закричал, не то на Вырубову, не то на ее высоко торчавшую шляпу: «Злодеи! Чего мучаете? Прекратить! Горя не видали? Гнева Божьего не испытали?», — и быстро ушел в свою комнату», — вспоминала Беллинг.

Между тем Хвостов продолжал уверять: обыск на квартире Распутина будет произведен в ближайшие дни. В Царском начался настоящий переполох.

Из показаний Вырубовой: «Я сейчас же написала Хвостову письмо... чтобы он не делал обыска в квартире Распутина, прибавив... «если только это не шантаж». Я... написала Хвостову из дворца, согласно тому, что было мне сказано».

Добавим: было сказано самой царицей.

В марте 1916 года Хвостов, преступивший все границы дозволенного, был отправлен в отставку. Разгневанный царь даже не вызвал его для уведомления. Пост министра внутренних дел освободился. Но Белецкий не смог воспользоваться падением Хвостова.

Из показаний Манасевича: «Распутин говорил: «Аннушка спрашивала меня, кого назначить министром... Я сам не знаю, кого... Белецкий хочет. Но он, если меня и не убивал, то убил бы... А Старикашка сидит. Пусть он сидит и правит».

И Штюрмер получил долгожданный портфель министра внутренних дел.

КОМПРОМАТ БЫЛЫХ ВРЕМЕН

Итак, первое министерство, сформированное «нашими», потерпело явный крах. С падением Хвостова поторопились избавиться и от подозрительного Белецкого — решено было отправить его генерал-губернатором в провинцию (как, кстати, и советовал Хвостов).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

Но тут Белецкий допустил ошибку — решил разъяснить на страницах газет подробности «дела Ржевского», свою невиновность и вину Хвостова. «Толстопузый» немедленно ответил, и все подробности интриг министра, который тайно и беспомощно организовывал убийство мужика, грызня в тайной полиции, а также новые подтверждения могущества и неуязвимости Распутина полились на газетные страницы.

После этой волны компромата и взаимных разоблачений Милоуков подытожил в Думе: «Вся деятельность министра предстала перед страной, как *бульварный роман*... После этого мы понимаем, что правительство у нас не просто дурно — его попросту нет!» На это заявление зал откликнулся громкими выкриками: «А Распутин?!»

Публичное перетряхивание грязного белья возмутило и правых, и Штюмера, и царя. Белецкому пришлось просить об увольнении — уже с должности генерал-губернатора. Царь рекомендовал ему «на некоторое время покинуть Петроград».

Глава 12

ПРОЩАНИЕ С «ЦАРЯМИ»

ПОСЛЕДНЯЯ ВЕСНА

Наступила последняя весна Распутина. После всех треволнений, связанных с заговором Хвостова, он захотел воли. Начинались полевые работы, и он знал — земля требует мужика. А сын его служил теперь санитаром в «царицыном лазарете» — далеко от земли...

Как всегда, он решил сначала заехать в Верхотурье, поклониться любимому святому, замолить все плотские грехи и сладко покаяться. И в покаянии обрести новую силу.

Распутин уезжал в *начале* марта. Его провожали Вырубова, Муня Головина и прочие поклонницы. И, конечно же, — Манасевич. Но вдруг на перроне, к ужасу окружающих, появилась безумная генеральша — в белом балахоне, с кудахтающими курами в лукошке...

Из показаний Лохтиной: «Отец Григорий... не хотел, чтобы я ехала с ним в Верхотурье... Не сказав ни ему, ни другим, что я *задумала* ехать в Верхотурье в одном поезде с ним, я явилась на вокзал и распорядилась внести все свои вещи в купе. В том числе лукошко с курами, которых я везла отцу Макарию... Отец Григорий гневно приказал, чтобы я ехала через несколько дней... Между тем дали второй звонок, и пришлось мои вещи спешно

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

уносить мне самой... Стоявший тут же в коридоре Манасевич, высокомерно глядя на меня, сказал по-французски: «Она тоже уезжает!» Тогда я, повелительно обратившись к нему, приказала ему вынести оставшееся лукошко с курами, что Манасевич, озираясь по сторонам, исполнил».

ЗАГОВОР ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Но уже вскоре «Наш Друг» вернулся в Петроград. Аликс опять боялась отпустить его надолго: чувствовала — *надвигалось...*

«В терновом венке революций грядет шестнадцатый год», — пророчествовал молодой Маяковский.

Так мужик вновь возвратился в опасную столицу. Хвостов ушел, но оставались могущественные люди, которые дали министру большие деньги на убийство. В «Том Деле» Хвостов очень осторожно их назвал: «В мои намерения устранить Распутина были посвящены лица из высшего света. Например, об этом я говорил с княгиней Зинаидой Юсуповой, которая дала мне понять, что для этой цели я могу рассчитывать на неограниченные денежные средства... Княгиня Юсупова... *являясь... представительницей взглядов всей великокняжеской среды*, ясно видела, что Распутин ведет династию к гибели».

Да, Зинаида Юсупова действительно представляла «всю великокняжескую среду». И передача денег Хвостову — всего лишь эпизод огромной и тайной работы, которая уже шла вовсю.

ЧЕЛОВЕК В МАСКЕ

В бесчисленных донесениях агентов о лицах, посещавших квартиру Распутина в 1915–1916 годах, мелькает фамилия Беллинг.

«Александра Александровна Беллинг, жена прапорщика... зафиксирована на квартире 13 февраля 1916 года, 26 февраля и т.д.»

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

30-летнюю модную певицу часто приглашали на самые великосветские музыкальные вечера, она пела и в Царском Селе у императрицы, и вообще, как она сама о себе писала: «Пользуясь симпатией «наверху» как артистка, я пела где и когда хотела». Она была хороша собой, и Распутин, естественно, был к ней очень неравнодушен.

Однажды Беллинг получила удивительное письмо. Рукописный отрывок ее воспоминаний об этом таинственном послании я обнаружил в архиве Феликса Юсупова — будущего убийцы Распутина.

«Как-то утром, когда я разбирала почту, я нашла конверт с незнакомым почерком... Вскрыв, прочла следующее: «Верьте тому, что то, о чем я буду с Вами говорить, продумано, и *на Вас возлагают большую и серьезную задачу*... Завтра в 6 вечера позвоню Вам, чтобы узнать, где и когда я могу надеяться встретиться. Предлагаю Вам быть не одной... Сопровождающий Вас может быть в маске, в какой буду и я»... «Какой балаган!» — подумала я».

Но в 6 вечера раздался телефонный звонок. «Я услышала низкий, красивый, немного суховатый голос...» Последовало предложение о встрече. Певица решила согласиться и сказала незнакомцу: «Завтра я обедаю у «Донона». Так как вы хотите показаться мне только в маске... что я нахожу забавным, мне придется обедать в отдельном кабинете... я наняла кабинет номер 6. Не ошибитесь — ровно в 7 часов я вас там жду»... Затем я протелеграфировала моему другу К, прося его быть моим кавалером. Он отличался прямоотой своей природы и ясным умом... В 7 мы с К закончили обед и пили кофе... Не прошло и 5 минут, как вошла статная высокая фигура... И хотя он не снял пальто, и лицо его было скрыто под маской, мне показалось, *что я не первый раз его вижу*».

И незнакомец заговорил: «Прошу вас, молча, не перебивая, выслушать меня_ Мы знаем ваш взгляд на все, что творится вокруг, и *сознательно предлагаем вам выбрать способ убрать Распутина*... Мы не будем говорить вам, что беремся оградить вас от возмездия «сверху»... Даже вернее всего, что вас уничтожат. Но зная, что цель вашей жизни — дочь, мы гарантируем ей царское обеспечение на всю жизнь»... Он попросил не торопиться с ответом и хорошенько подумать, затем, поклонившись, вышел. «Сохра-

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

• Н А Ш Д Р У Г •

ни вас Бог вмешиваться в эту кашу! — воскликнул К. — Все их предложения — к черту! К черту! Бедняжка, да вы знаете, чего хочет этот фрукт? Он хочет предотвращения революции и спасения династии... Кто из них решится убить эту гадину? Все дрожат за свою шкуру. Остерегайтесь их и не трогайте его... Подождите, еще не пришло время. Но оно близехонько. Еще два-три штриха и Россия спасена!»

Думаю, что Феликс хорошо знал собеседника певицы. «Статная высокая фигура» — все Романовы, за исключением последнего царя, были высокого роста. И этот намек — «я не первый раз его вижу»... Беллинг, часто посещавшая придворные рауты, узнала этого человека даже под маской. Скорее всего, это был тесть Феликса — великий князь Александр Михайлович (брат которого вскоре будет умолять царя избавиться от Распутина). Возможно, именно потому Беллинг прислала эту запись его зятю — князю Юсупову и потому он сохранил ее в своем архиве.

Так что наряду с матерью Феликса, давшей Хвостову деньги на убийство Распутина, действовали и мужчины из «великокняжеской среды». Но действовали безуспешно... Пока.

Петля вокруг мужика сужалась, и он это чувствовал. Теперь он все чаще повторял свое страшное пророчество: пока я жив — жива династия.

Из показаний Бадмаева: «Бывая у Распутина и обращая внимание на его охрану, я спрашивал его: «Не боишься ли ты?» — «Нет, — ответил Распутин, — за себя не боюсь, но боюсь за народ и за царскую семью. Потому что, когда меня убьют, и народу будет плохо. И царя уже не будет...»

Можно представить, что испытывала Аликс, слушая все это. Как она должна была теперь заботиться о его жизни!.. Но что это было? Уловка хитроумного мужика, решившего защитить себя таким образом? Или действительно одно из пророческих видений загадочного человека?

Аликс пытается обеспечить безопасность Распутина и, естественно, поручает его охрану Штюмеру, имевшему долгий опыт работы в министерстве внутренних дел. Штюмер впоследствии показывал: «После ухода Комисарова... Распутина охраняло толь-

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

ко Охранное отделение (охранка)... Распутин в последнее время стал очень много кутить, и охранка жаловалась, что нет никакой возможности за ним наблюдать, потому что за ним приезжают разные моторы и увозят его неизвестно куда...» Так Охранное отделение заранее умыло руки — там понимали, что убийство неизбежно. Умыл руки и Штюрмер — ему была неприятна обязанность охранять Распутина. И премьер нашел «стражу» для мужика: «Нужен был человек, который знал бы приблизительно, кто из лиц мог быть опасным и нежелательным, чего низшие агенты не могли сделать... Вот тут и пригодился Манасевич-Мануйлов... Он и в семейство был вхож...»

Теперь охрана мужика (а с нею и ответственность за его жизнь) была возложена на Манасевича — с согласия плохо понимавшей в этих делах Аликс.

Распутин был обречен. Агенты по-прежнему внимательно следили за ним и вяло его охраняли. Мужик нутром чуял — обложили! Приближаются... И потому на лето решил опять исчезнуть из столицы.

ВЗГЛЯД НА РАСПУТИНА ЧЕРЕЗ ОКНО

В архиве Чрезвычайной комиссии сохранился забавный дневник, в котором синодский чиновник Благовещенский описал жизнь своего удивительного соседа — Григория Распутина. «Кухня его как раз против моей кухни, так что прекрасно все видно». Добавим: и прекрасно слышно, потому что Распутин жил прямо за стеной.

И вот Благовещенский слушал, смотрел и все записывал в дневник. Описал он и отъезд мужика из столицы: «Пишу у себя в кабинете, а за стеной происходит какая-то вакханалия... По-видимому, кутеж перед отъездом его на родину... Пляска, смех... К 12 часам пришли музыканты, струнный оркестр из какого-то увеселительного сада. Играли и пели опереточные мотивы, сопровождавшиеся бурной пляской... Неоднократно пропеты грузинские песни баритоном (вероятно, пел Папхадзе — жених до-

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

•Н А Ш Д Р У Г•

чери. — Э.Р.)... Кутеж продолжался до поздней ночи. В конце уже слышались отдельные голоса пьяные... и пляска *одного* лица. Видимо, сам разошелся вовсю — пел и плясал соло... Постоянно приходили в кухню за закусками, фруктами и бутылками вина — все больше дамы и барышни, все оживленные, раскрасневшиеся, развязно веселые. Всю посуду мыли сами дамы».

ПРОЩАНИЕ СО СВЯТЫМ СИМЕОНОМ

Уезжая, Распутин напомнил своим поклонницам, чтобы те ценили время, проведенное с ним.

Из показаний Манасевича: «В июне 1916 г. в моем присутствии и в присутствии Вырубовой он уверял своих поклонниц, что ему положено еще 5 лет быть в миру (за это время, как он обещал, наследник навсегда «вырастет из своей болезни». — Э.Р.)... А потом он скроется от мира и от всех своих близких в известном только ему глухом месте, где будет спасаться, ведя подвижнический образ жизни».

Но вскоре Аликс опять позвала его обратно. И опять он возвратился в опустевшую летом, вечно сырую, с влажными ветрами столицу. Грозившую ему столицу... И опять в конце лета вырвался на крестьянский труд — собирать урожай. И опять кутил перед отъездом — чтоб запомнили Гришку! Смутное время грядет: кто знает, доведется ли вернуться...

И опять записывал в дневнике возмущенный сосед: «Всю ночь происходил кутеж. Был приглашен хор цыган — 40 человек. Пели, плясали до 3 утра... Вообще от 6 августа он пьянствует, пристаёт на дворе к прислугам, лез с ними целоваться. 9 августа уехал, как говорят, к себе в деревню».

Распутин уехал не один — он повез самых верных в Верхотурский монастырь поклониться мощам святого Симеона. Будто чувствуя — в последний раз... Хромая Вырубова в сопровождении служанки Марии Беляевой и фельдшера Жука, Лили Ден, Муны

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

Головина и две дочери Распутина разместились в монастырской гостинице и стойко боролись с грязью и мириадами клопов. Сам «Наш Друг» жил в келье. Оттуда ездили к отшельнику Макарию, где в пристроенной к его скиту комнатке обитала безумная генеральша. Она носила дрова, чистила и мыла келью Макария и молилась.

Из показаний Беляевой: «Лохтина живет в особой келье... одета во все белое, на груди иконки... Я и Вырубова провели у нее ночь... С нами ночевала и Ден. На другой день мы уехали в монастырь, где мощи Симеона».

Поклонившись святому, Распутин отправился с дочерьми в Покровское, а поклонницы — обратно в столицу. Они не знали, что прощались с его монастырем...

«КАБЕЛЬ ДЛЯ РАЗГОВОРОВ С БЕРЛИНОМ»

И снова Аликс вызвала его — в конце августа. И в столице он опять почувствовал, что обречен... Уже на каждом углу, в каждом доме говорили: Распутин куплен немецкими агентами, а слепо повинующиеся ему царица и Вырубова — эти «темные силы» — решили вывести Россию из войны. «Даже не разговаривали про Распутина и измену, а просто упоминали об этом, как о само собой разумеющемся», — писал мобилизованный тогда в армию литератор Виктор Шкловский.

«Темные силы», опасность сепаратного мира с Германией, избавление от Распутина — вот идеи, которыми жило тогда общество. В дневнике великого князя Андрея Владимировича разбросаны строки: «Удивительно непопулярна Аликс...», «О Боже, спаси Россию! Только не этот постыдный мир...», «Вчера сестра милосердия из Зимнего дворца сообщила, что есть секретный кабель для разговоров с Берлином...»

Главной задачей Чрезвычайной комиссии в 1917 году было подтверждение этих слухов — о тайных сношениях царицы с немецкими родственниками, о планах сепаратного мира. Но ни-

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

чего подобного Комиссии установить не удалось. Напротив, все факты подтверждали невиновность «царей». Когда в конце 1916 года германское правительство обратилось к державам Антанты с предложением о мире, Николай ответил, что «время для мирных переговоров еще не наступило, так как достижение Россией своих задач — обладание Константинополем и проливами, равно как и создание свободной Польши из трех ныне разрозненных областей — еще не обеспечено». О том же писал в своих мемуарах английский посол Бьюкенен: «Единственный пункт, в котором мы можем рассчитывать, что он (царь. — Э.Р.) останется тверд — это вопрос о войне. Тем более, что Государыня, *фактически управляющая Россией*, сама неколебима в решении продолжать войну во что бы то ни стало». Да и сам Распутин теперь неоднократно заявлял: он — за войну до победы.

Из показаний Манасевича: «Распутин говорил: «Если бы я был в начале войны... войны бы не было... Но раз уж начали, надо вести ее до конца. Если ссора — ссорьтесь, а полуссора — это опять будет ссора»... Про нее (царицу — Э.Р.) говорил: «Она страшно стоит за продолжение войны... Но были моменты, когда она плакала, думая о том, что ее брат ранен или убит».

Это подтверждает и близкий к Царской Семье командир яхты «Штандарт» Саблин: «Государь был сторонником доведения войны до победы... так же относилась к войне и Государыня».

Никаких документов, подтверждавших обратное, не нашли. Однако тотчас после Февральской революции камин царицы был забит пеплом от множества сожженных бумаг. Что же она жгла? Что-то интимное? Но почему остались ее весьма интимные письма, например, о «ревности» к Ане? Да и что могло быть запретного у нее — целиком посвятившей себя Семье? Нет, скорее жгла она что-то другое, опасное...

В ее переписке с царем осталось упоминание о письме от брата Эрни, который так хотел мира. Не подобные ли письма стали пеплом в камине?

Впрочем, и в оставшейся переписке иногда прорывается: «1 ноября 1915... Наш Друг всегда был против войны и говорил, что Балканы не стоят того, чтобы весь мир из-за них воевал». Но

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

Ники молчал. Верный губительным обязательствам перед союзниками, он не хотел понимать ее призыва. А она не смела продолжать. Эта тема была запретна для той, которую толпа звала «немкой»...

СВЕТЛЫЕ ГОЛОВЫ «ТЕМНЫХ СИЛ»

Но в 1916 году, предчувствуя опасность, от призывов она перешла к действиям.

Последней осенью их царствования она писала мужу: «18 сентября... Я всецело уповаю на милость Божью, *только скажи мне заранее, когда предполагается наступление, чтоб Он мог тогда особо помолиться...* Это имеет особое значение, и Он понимает, что ты переживаешь». Речь шла об уже подготовленном наступлении войск Юго-Западного фронта под командованием генерала Брусилова. И вдруг... царь его отменяет — весьма неожиданно для Ставки. Оказалось, это Аликс умолила Ники не начинать наступление — как всегда, сославшись на предсказание «Нашего Друга», который, естественно, приветствовал такое решение царя.

«23 сентября... Наш Друг говорит по поводу новых приказов, данных тобой Брусилову и т. д.: «очень доволен распоряжением папы, будет хорошо». Он об этом никому не скажет...»

Но окружение, как всегда, сумело уговорить Государя. И генерал Брусилов продолжил наступление.

«24 сентября... Милый, Наш Друг совершенно вне себя от того, что Брусилов не послушался твоего приказа о приостановке наступления. Он говорит, что *тебе было внушено свыше издать этот приказ...* и что Бог благословил бы это. Теперь же, Он говорит, снова будут бесполезные потери. Надеется, что ты все же будешь настаивать на своем решении, так как сейчас «не ладно».

Государю и Верховному главнокомандующему приходится оправдываться: «24 сентября... Только что получил твою телеграмму, в которой ты сообщаем, что Наш Друг сильно расстроен... Когда я отдавал это приказание, я не знал, что Гурко (командую-

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

щий одной из армий Юго-Западного фронта. — Э.Р.) решил стянуть почти все имеющиеся в его распоряжении силы и подготовить атаку совместно с гвардией и соседними войсками. Эта комбинация... подает надежду на возможность успеха... Эти подробности только для тебя одной — прошу тебя, дорогая! Передай Ему только: папа приказал принять разумные меры...» Царь боится, он наслышан о шпионах, окружающих «Нашего Друга»!

Но она опять молит: «25 сентября... О, прошу тебя, повтори свой приказ Брусилову, прекрати эту бесполезную бойню... Ты должен на этом настоять — ты глава, и все на коленях будут благодарить тебя, а также наша славная гвардия! Там непроходимые болота, открытые места, на которых невозможно укрыться, мало лесов, скоро начнется листопад, нет никакого спасительного прикрытия при наступлении... Наши генералы... они равнодушны к потерям, а это грех... Бог благословляет твой план, пусть его выполнят... пощади эти жизни, милый».

Эти письма и были истинным отражением ее мыслей, о которых не знал Бьюкенен: не надо никаких наступлений, надо прекращать войну. Незадолго до этого в результате безуспешного наступления на Западном фронте за 9 дней было потеряно 80 000 человек. Если и новое наступление провалится — будут новые жертвы и приближение революционного взрыва. А если оно будет успешным — это означает продолжение войны и тот же неминуемый взрыв, о котором постоянно пророчествует «Наш Друг». Теперь, приезжая из деревни, он постоянно рассказывает Аликс, как ненавидят войну крестьяне. И она счастлива: мужик говорит то, что она так хочет услышать — войну надо закончить. Любой ценой.

Самое поразительное — царица и мужик были тогда правы. Но ни большая Романовская семья, ни двор, ни аристократия, ни буржуазия, ни думские вожди их правоты не понимали. Ее докажет не только падение монархии, но и гибель пришедшего ей на смену Временного правительства. Большевики победят потому, что поймут и осуществят светлую идею «темных сил» — заключить мир. Любой ценой.

Именно этого хотели в 1916 году предтечи большевиков — последняя царица и Распутин. Тогда «темные силы» могли спас-

ти империю. И эти попытки, видимо, отразились в переписке Аликс с братом Эрни, письма которого она и сожгла.

Результатом одной из таких попыток стала таинственная встреча в Швеции, разгадку которой так и не смогла узнать Чрезвычайная комиссия.

ЛЮБИМЕЦ ДАМ И ДЕПУТАТОВ

Вряд ли кто-нибудь мог предсказать летом 1916 года, что товарищ председателя Думы Протопопов, этот «шармер», любимец оппозиции, ловелас, баловень судьбы, всего лишь через несколько месяцев станет самым презираемым человеком в политической жизни России.

Тем летом Протопопов был главой думской делегации в Швеции, где встретился с неким Вартбургом, сотрудником германского посольства, братом известного немецкого бизнесмена. Во время встречи Вартбург информировал Протопопова о желании «дяди Вилли» заключить сепаратный мир с прежним своим «другом Ники» и о возможных его условиях. Кайзер предлагал почетный и выгодный для России мир. По возвращении Протопопов сделал царю доклад об этой беседе. Николай, свято соблюдавший слово, данное союзникам, не одобрил этой встречи и счел разговоры о мире преждевременными. На том дело и затихло. Протопопов был одним из вождей думской оппозиции, требовавшей войны до победы, и никому тогда и в голову не приходило подозревать его в сношениях с немцами.

Между тем то, что Шейла Лунц в подозрительной квартирке Книрши застала Протопопова кутившим с Распутиным, было не случайно. Оказалось, что любимец Думы имел постоянные тайные контакты с ненавистным Думе мужиком. Их свел общий знакомец — тибетский врач Бадмаев.

Александр Дмитриевич Протопопов — типичная фигура времен заката империи, «человек декаданса». Блестяще образован — воспитание получил в Иезуитской коллегии в Париже. Очарователен в обществе — прекрасный пианист, друг знаменитого Массне. Но все в нем было как-то изуродовано, тронуто некоей

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

• Н А Ш Д Р У Г •

гнилью. Еще во время службы в конногвардейском полку Протопопов прославился участием в самых постыдных оргиях, кутежами пустил на ветер большое состояние. Из-за запущенной венерической болезни ему пришлось познакомиться с доктором Бадмаевым, который брался лечить в тех случаях, когда другие врачи отступали. У Протопопова был прогрессивный паралич в начальной стадии и приступы жесточайшей меланхолии. Надежду он возлагал только на таинственные тибетские средства.

В конце 1915 года Протопопов в очередной раз лежал в клинике Бадмаева. «Хитрый китаец» узнал тогда от своего друга Распутина о поисках новых министров. И Бадмаев, всю жизнь пытавшийся участвовать в большой политике, не упустил свой шанс. Протопопов, любимец Думы, — вот кто нужен царю! Его пациент примирит парламент с властью. Мягкий, хорошо воспитанный, он не может не понравиться в Царском Селе. Этот больной, безвольный человек будет безропотно служить царице. И не забудет своего врача... Так состоялись «смотрины» — знакомство Протопопова с Распутиным.

Из показаний Протопопова: «Бадмаев посоветовал Распутину провести меня в правительство... Бадмаев хотел сделать меня председателем Совета министров и верил в силу влияния Распутина на царя и царицу... «Если он этого желает, он и добьется...»

Начались тайные встречи с мужиком. Именно тогда у них появилась общая знакомая — хорошенькая Шейла Лунц, которая безуспешно навещала Распутина и которую совсем не безуспешно начал навещать Протопопов.

Из показаний Лунц. «Он производил на меня впечатление мягкого, умного и обворожительного человека... Я в это время горевала без мужа, и Протопопов приезжал ко мне по вечерам поболтать со мной...»

Встретиться с Протопоповым на квартиру Шейлы приезжал и Распутин.

Из показаний Филиппова: «Протопопов приезжал к ней чрезвычайно часто для свиданий лично с нею, а затем в присутствии приглашавшегося туда Распутина... Протопопов стал держать себя чрезвычайно конспиративно с тех пор, как заручился обещанием Распутина помочь ему получить пост министра внутренних дел».

«РАСПУТИНЩИНА»

В ресторанных кабинетах, на квартирах шлюх начинался теперь «путь во власть». Царь, находившийся в Ставке, отдал свои полномочия по формированию власти царице; царица поручила это полуграмотному мужику, а тот перепоручил окружающим его проходимцам. И хитроумные финансисты в полуфеодальной стране попросту покупали власть. Причем все они боролись, подсиживали, умно заманивали в ловушки и обливали грязью друг друга. Все они в совершенстве овладели искусством взаимоистребления, не понимая, что раскачивают лодку, в которой сами же сидят, лодку, которая уже еле-еле держится на плаву.

Тогда все это кончилось катастрофой...

Но вернемся в июнь 1916 года, когда приехавший из Швеции Протопопов впервые удостоился высочайшего приема. Несмотря на неудовольствие Николая от его встречи с Вартбургом, Протопопов тем не менее «был обласкан царем».

Из показаний Вырубовой: «Это было характерно для Государя, у которого иногда с первого взгляда зарождались безотчетные симпатии к людям».

Думаю, Подруга привычно лукавит. Симпатию Николая «подготовили», ибо встреча с Вартбургом была первым поручением царицы, которое выполнил Протопопов. Он, вчерашний борец за войну до победного конца, привез предложения о сепаратном мире. И не его вина, что Николай не посмел пойти против своего окружения, против Думы и остался верен союзническому долгу.

Но во время встречи царь понял: Распутин прав — любимец Думы готов выполнять любые поручения. Вот почему Николай был так доброжелателен с этим мягким человеком, столь отличным от его прежних громогласных министров, и в конце аудиенции повел себя очень сердечно. Протопопов запомнил, как сквозь стеклянную дверь он «увидел играющего Алексея, и Государь вдруг сказал: «Вы не представляете, какое утешение для меня этот мальчик и как мне не хочется отпустить его...»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

-Н А Ш Д Р У Г-

Так у трона возник Протопопов, которого Распутин называл «Калининым» или «Генералом Калининым». И когда Бадмаев с изумлением поправлял его, мужик говорил: «Все равно! У Государя все смеются, когда я называю его Калинин».

В хлыстовских сектах прозвищами скрывали истинные имена. Обожавшая тайны царица сделала распутинские прозвища частью шифра в своих письмах, которые многие при дворе мечтали перехватить... Министр путей сообщения назывался теперь «Железный», Штюрмер превратился в «Старикашку». Вспомним также «Хвоста» и «Толстопузого» — Хвостова, «Суслика» — епископа Варнаву. А царь и царица — «папа и мама»...

После истории с Вартбургом и начинается выдвижение Протопопова. Сам он показал на следствии: «Распутин говорил мне, что сразу председателем Совета министров я не буду, а вначале получу пост министра внутренних дел».

Протопопов должен был стать третьим министром внутренних дел и вторым премьером, выдвинутым мужиком. Долгожданный союз, о котором мечтал когда-то в начале царствования Николай — союз мужика с властью, — стал реальностью.

ПОЧЕМУ ОСМЕЛЕЛ «СТАРИКАШКА»?

К тому времени Распутин уже понял: у Штюрмера оказались свои планы, точно такие же, как и у предыдущих — Коковцева, Хвостова. Все они действовали по одной схеме: сначала воспользоваться мужиком, на время заключить с ним союз, а потом отодвинуть его от власти. Умный и интуитивный Распутин почувствовал: «Старикашка» ведет свою игру — уклоняется от встреч с ним и «мамой».

Избегал премьер и встреч с Манасевичем, хотя тот, привычно служа двум господам, аккуратно посылал Штюрмеру в конвертах с грифом «секретно» сведения о том, что затевают в Царском Селе. Но премьер величественно игнорировал «Рокамболя», а вскоре попросту откомандировал в распоряжение департамента

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

полиции. И митрополит Питирим «был тоже недоволен... почувствовал, что Штюмер уже реже говорит с ним по телефону».

Распутин по-своему реагировал на поведение премьера. Как показал Манасевич, мужик орал на первого сановника империи: «Ты не смеешь идти против желания мамы! Смотри, чтоб я от тебя не отошел! Тогда тебе крышка!» А когда Манасевич его урезонивал (подогревая тем самым его ярость), Распутин четко объяснял: *«Старикашка не повинувается маме — стал сам прыгать, шея ему будет быстро сломана».*

Желания «мамы» — истинного премьера — вот закон! И скоро мужик окончательно решил: Штюмер стал опасен.

В конце лета 1916 года по Распутину был нанесен сильный удар — арестовали Манасевича-Мануйлова.

«Рокамболю» вечно нужны были деньги. Игра в карты и дорогая любовница требовали больших расходов. И в августе некий московский банкир сообщил новому директору департамента полиции генералу Климовичу, что Манасевич потребовал у него 25 000 рублей, обещая при помощи Распутина извлечь банк от ревизии.

И вместо того чтобы проинформировать Царское Село, генерал дал делу ход. По его совету в банке переписали номера ассигнаций, и Манасевич был арестован с поличным прямо на улице. Мужик понимал, что Климович никогда не решился бы на это, не имея поддержки премьера. И действительно, в Царском скоро узнали, что Штюмер сказал об аресте Манасевича: *«Наконец-то этот негодяй и шантажист за решеткой!»*

Счета Манасевича в банках были арестованы. Выяснилось, что только за конец 1915 — начало 1916 года на его счету в одном лишь банке «Лионский кредит» появилась громадная сумма — 260 000 рублей.

Распутин бросился к «маме». Но Аликс пришлось смолчать — прямо выступить в защиту этого подозрительного человека, уличенного к тому же во взятках, она не посмела.

Почему же Штюмер вдруг так осмелел, перестал бояться опасного мужика? Может быть, старый лис, располагавший всей информацией тайной полиции, знал, что уже скоро его... *освободят от Распутина?*

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

•Н А Ш Д Р У Г•

Умер отец Распутина, но хоронить его Григорий не поехал и на сорокадневную панихиду послал сына, «так как сам по просьбе царей должен остаться». О смерти отца мужик, по словам агентов, «говорил с подкупающим прискорбием».

Агенты неоднократно отмечали в донесениях, как он нещадно бил отца. Но они были люди городские и не понимали: Распутин бил отца, как когда-то отец бил его деда. Но он и любил отца, как отец когда-то любил деда...

ТАЙНЫЙ БАНКИР ЦАРИЦЫ?

Между тем наступление на Распутина продолжалось. Последовал новый удар — в Царское Село приехала жена банкира Рубинштейна и бросилась на колени перед Вырубовой. Оказалось, одного из богатейших людей России арестовали по самому страшному обвинению — в шпионаже. Рубинштейн скупил бумаги страхового общества «Якорь» и прибыльно продал их шведскому страховому обществу. Но в бумагах оказались планы застрахованных в «Якоре» украинских сахарных заводов... Этого было достаточно. Второй человек из распутинского «мозгового центра» оказался за решеткой. И опять Штюрмер — безучастен.

Аликс поняла: необходимы новый премьер и новый глава МВД — и немедленно! Теперь в письмах к Ники она постоянно просит назначить министром внутренних дел Протопопова. Точнее, просит не она, а, конечно же, «Наш Друг».

«7 сентября... Мой ненаглядный, Григорий» убедительно просит назначить на этот пост Протопопова. Ты знаешь его, и он произвел на тебя хорошее впечатление, он член Думы... а потому будет знать, как с ними себя держать... Я не знаю его, но верю в мудрость и руководство Нашего Друга... Его любовь к тебе и к России беспредельна. Бог послал Его тебе в помощники и в руководители, и Он так горячо молится за тебя...»

Но Ники сомневался: «9 сентября... Я должен обдумать этот вопрос... Мнения Нашего Друга о людях бывают иногда очень странными, как ты сама это знаешь, поэтому нужно быть осторожным, особенно при назначениях на высокие должности».

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

А в это время Рубинштейна в тюрьме уже допрашивали следователи Особой комиссии по преступлениям в тылу. И вскоре в обществе начинали распространяться слухи о том, что Рубинштейн — тайный банкир царицы, которого с ней свел Распутин, что через него она переправляет деньги своим обнищавшим в войну немецким родственникам.

Никаких документов, подтверждающих этот слух, нет. Но Аликс не осталась безучастной к судьбе Рубинштейна (в отличие от Манасевича). К призывам к царю о новом министре добавились ее настойчивые требования освободить злосчастного банкира.

Николай недолго выдерживал этот напор, и 18 сентября Протопопов, к полному изумлению Думы, был утвержден в должности главы МВД. Аликс посылает Ники конспект его беседы с новым министром — естественно, от имени «Нашего Друга».

«27 сентября... Держи мою записку перед собой. Наш Друг просил тебя переговорить по поводу всех этих вопросов с Протопоповым...» И вторым в этом списке (до вопроса о градоначальнике Петрограда!) значится вопрос о Рубинштейне. Она пишет: «Рубинштейн — выслать» (то есть освободить из тюрьмы и, главное, — прекратить следствие).

Так она беспокоилась о судьбе банкира.

АПОФЕОЗ

Нет, не зря певица Беллинг описала «царственную осанку» Распутина! Со времен русских императриц XVIII века фаворит не достигал такой силы. И большая Романовская семья, и двор, и министры противостояли ему исподтишка, надеясь только на тайный заговор, — открыто выступать не смели. Генерал Климович, арестовавший Манасевича, тотчас слетел с поста; дни Штюмерера, осмелившегося тайно интриговать, были сочтены... «Наши» — царица, Вырубова, Распутин и новый министр внутренних дел с подчиненной ему тайной полицией — собрались править Россией.

И мерило лояльности для царицы — по-прежнему «Наш Друг». Всякое недоброжелательство к нему карается. Так она просит

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

Ники сменить Петроградского градоначальника Оболенского, который вместе с сестрой-фрейлиной посмел выступать против Распутина. Оболенского тотчас обвинили во взяточничестве! И столичный градоначальник, генерал-майор свиты Его Величества, потомок древнейшей княжеской фамилии, унижался, в прямом смысле слова плакал перед мужиком!

Из письма Аликс «28 сентября... Подумай только: Оболенский выразил желание повидать Нашего Друга, послал за Ним великолепный автомобиль... Вначале он очень нервно Его принял, затем стал говорить все больше и больше, пока, в конце концов, *не удавился в слезы...* Тогда Гр<игорий> уехал, так как Он увидел, что наступил момент, когда душа совершенно смягчилась... *Он во всем станет слушаться советов Нашего Друга...* Затем он показал аккуратно перевязанную пачку всех 20 писем с прошениями, которые Наш Друг ему за эти годы присылал, и сказал, что он постоянно делал все, что было в его власти... *Я не могу представить себе, как это он, этот гордый человек, мог сдаться...* Наш Друг видит великий духовный смысл в том, что человек такой души, как Оболенский всецело обратился к Нему...»

Князь выплакал прощение. О взятках как-то сразу забыли, он получил почетное назначение на фронт — командиром бригады.

Сколько их — гордых — тогда сдались! Но можно представить, как, унижаясь, они ненавидели могущественнейшего мужика.

«МАМА, ДЕРЖИСЬ ПОСЕРЕДКЕ»

Итак, появился новый министр внутренних дел — с начинавшимся прогрессивным параличом. Своеобразный символ тогдашней власти...

В отличие от предшественников он был уже подготовлен к общению с Распутиным. Белецкий показал: «В своих сношениях с Распутиным он был не новичок... не из тех, которые сходились с Распутиным, считая его за простого человека, и на этом попадались». «Царскосельский кабинет» мог быть доволен — нашли послушного министра, которого к тому же любит Дума. Распутин гово-

рил Манасевичу: «Мы ошиблись в Толстопузом, потому что он тоже из этих дураков правых. Я тебе говорю — все правые дураки. Вот теперь мы и взяли между правыми и левыми — Протопопова». А царице мужик сказал о думских парламентариях: «И праве у нас дураки, и леве. Ты, мама, держись посередке».

Но каково же было изумление «кабинета», когда Дума с яростью встретила назначение своего вчерашнего любимца, — и только потому, что за ним стояли царица и Распутин. Ни впавший в маразм Горемыкин, ни Штюрмер, ни будущие премьеры — никто не вызывал у депутатов такой ненависти, как вчерашний их коллега.

Из показаний Ручкова: «Если бы Протопопов был убежденный противник, я не погнушался бы иметь с ним дело... Но Протопопов сделал вольт не по убеждениям, а по соображениям карьеры через темных посредников — Бадмаева, Распутина...» В Думе моментально вспомнили странное свидание Протопопова с немцем Вартбургом — и связали с новым назначением.

Но несчастные «цари» не понимали, что случилось.

Из показаний Вырубовой: «Когда в печати и обществе раздались голоса против... Государь удивлялся, каким образом человек, избранный Думой в товарищи председателя и затем в представители от Думы за границу, через какой-нибудь месяц мог оказаться негодным... После доклада (царю или царице. — Э.Р.) Протопопов иногда заходил ко мне. Он... производил впечатление очень нервного человека и жаловался на то, что все его преследуют».

Между тем странности нового министра становились все заметнее. Припадки тяжелой неврастении заставили его (как он сам показал в Чрезвычайной комиссии) обратиться к знаменитому психиатру Бехтереву.

Однако еще одного своего «врача» Протопопов от следствия утаил. Но мог ли он не обратиться к Распутину, который считался великим целителем? Так что, видимо, и «Наш Друг» принимал участие в облегчении страданий несчастного министра. И не оттого ли зависимость Протопопова от Распутина была глубокой, личной?..

Протопопов в это время был очень одинок — красotka Шейла его бросила.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

Из показаний Лунц: «Вернувшись из-за границы, мой муж остался недоволен тем, что я бываю у Протопопова». И тут же она добавляет простодушно: «Когда Протопопов устроил право на жительство в Петрограде моим отцу и сестре, я перестала бывать у него».

И здесь, видимо, Распутин позаботился о Протопопове — одна из поклонниц «Нашего Друга» избавила министра от одиночества. Причем эта дама, судя по донесениям агентов, была в свое время весьма близка к Распутину. Теперь же она была весьма близка к царскосельскому «теневому кабинету»...

Из показаний Вырубовой: «Но еще чаще, чем ко мне, Протопопов заходил к сестре моего лазарета Воскобойниковой, у которой он иногда и обедал... Я говорила ему, что это неудобно, но он возражал, что он отдыхает в простой обстановке».

Из показаний Феодосии Войно: «Протопопов часто приезжал к Вырубовой в лазарет, где служила Воскобойникова, которая была посредницей между Вырубовой и Протопоповым... Самыми близкими и доверенными лицами Вырубовой были Воскобойникова и Лаптинская».

Воскобойникова осталась за занавесом распутинской истории. Между тем она, как и Лаптинская, играла в ней очень серьезную роль.

В 1917 году Воскобойникова была разыскана полицией и дала показания Чрезвычайной комиссии.

ДОПРОС ХОРОШЕНЬКОЙ СВЯЗНОЙ

Надежда Ивановна Воскобойникова, 30-летняя вдова казачьего есаула, после смерти мужа в 1911 году приехала из провинции в Петербург и сошлась с семьей сенатора В.Н. Мамонтова, 68-летнего старика, человека глубоко религиозного. Правда, по словам Воскобойниковой, «жена Мамонтова не понимала этой дружбы... даже развелась с ним». Добавим: не понимала и полиция, называя Воскобойникову в донесениях «любовницей Мамонтова»... Именно через сенатора она сумела осуществить са-

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

мое полезное из своих знакомств: Мамонтов «на почве религиозных исканий» пригласил ее к Распутину. Так Воскобойникова начала свой путь во дворец.

«В 1915 году... у меня расшатались нервы...» И хотя Мамонтов предупреждал ее, что «посещение Распутина будет неудобным ввиду слухов о нем», она пошла к мужику. «Распутин ободрил меня... сказал, что Бог поможет».

Естественно, следователь задал ей весьма неприятный вопрос, на который она гордо ответила: «Ночью — не только у Распутина, ни у кого из знакомых не бываю».

Однако донесения агентов давали иные сведения (отсюда и вопрос). Но, видимо, посетив однажды «комнатку с диваном», она, как и многие ее предшественницы, более туда не приглашалась. И могла смело заявить: «По отношению ко мне Распутин не допускал никаких вольностей».

После смерти Мамонтова (которую, по ее словам, «предсказал Распутин») мужик не забыл Воскобойникову. Так она попала в лазарет к Вырубовой.

Распутин верно оценил ее: она умела служить. Вскоре она стала старшей медицинской сестрой, была представлена Государыне. И вот уже Аликс, плененная ее преданностью «Нашему Другу» и Подруге, предлагает Воскобойниковой «решительней взять лазарет в свои руки». Остались телеграммы, из которых видно, что царица была с ней в очень доверительных отношениях: «Страшно трудно, тяжело. Александра», — жаловалась она Воскобойниковой из Ставки 14 ноября 1916 года. Безвестная вдова есаула становится одной из «наших».

Тогда же Воскобойникова через Распутина знакомится со страдающим от одиночества министром внутренних дел. Теперь через нее можно было обращаться с прошениями к Подруге и конечно же к Протопопову. Так она оказалась у кормушки...

Из показаний Войно: «Поступила она к нам совершенно нищей... но очень скоро превратилась в шикарную барышню с массой золотых драгоценных вещей. На Невском имела отдельную квартиру... С Протопоповым она обращалась... фамильярно, как и он... В моем присутствии он не стеснялся... обнимать ее за талию».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

• Н А Ш Д Р У Г •

В 1916 году она заняла при Вырубовой такое же положение, как Лаптинская при Распутине. Имена Воскобойниковой и Лаптинской мы найдем даже в камер-фурьерском журнале среди тех немногих, кого тогда принимала царица. И в «теневом кабинете» Воскобойникова и Лаптинская связывали в одну цепь «темные силы» — Распутина, Вырубову, царицу и Протопопова. Через них направлялись их важнейшие и тайные послания друг к другу. Через Воскобойникову мужик, царица и Аня контролировали больного министра.

ПЛЯСКА СМЕРТИ

Достигнув величайшего могущества, мужик живет в постоянном страхе перед покушениями. Беллинг рассказывала, как Осипенко, который никак не мог увезти с вечеринки упирающегося пьяного Распутина, в конце концов крикнул ему: «Что ты делаешь! На нас готовится покушение, а ты тут расселся!» И Распутин, «быстро накинув поддевку, шубу, нахлобучив шапку, опрометью бросился к выходу».

После ухода Комиссарова и ареста Манасевича с ним остались лишь агенты Охранного отделения. Но они могут сдать его врагам в любую минуту. И мужик это понимает...

Из показаний Филиппова: «Придя ко мне, он теперь старался как можно скорее напиться, требовал цыган и развлечений и если чем увлекался, то это пляской».

В пьянстве он старался забыться, в пляске — вернуть ощущение радости... Он чувствовал: грядет заговор. И путал этим царицу.

И Аликс писала Ники: «21 сентября... Вот эти скоты Родзянко, Гучков... и К⁰ являются душой чего-то гораздо большего, чем можно предположить (я это чувствую), у них цель вырвать власть из рук министров... Но ты скоро всех увидишь и обсудишь это, а я спрошу совета у Нашего Друга. Так часто у Него бывают здравые суждения, которые не приходят другим на ум, Бог вдохновляет Его».

И «большее» — случилось.

1 октября Павел Милюков, лидер кадетов (самой влиятельной оппозиционной партии), произнес в Думе речь, которая потрясла всю страну. «Из края в край расползаются темные слухи о предательстве и измене. Слухи эти забираются высоко и никого не щадят. Имя императрицы все чаще повторяется вместе с именами окружающих ее авантюристов... *Что это — глупость или измена?*»

И слово «измена», так соответствовавшее настроением измотанной поражением армии, тотчас было принято на веру и твердо укоренилось в сознании миллионов.

Аликс потребовала от Штюмера принять меры. Она была в бешенстве, и на этот раз премьер не посмел уклониться и вызвал Родзянко. «Старикашка» тогда подвернул ногу, не мог ходить. Сцена их свидания оказалась комической: беспомощный Штюмер лежал в кровати с высоко подвешенной ногой и пытался строго говорить с возвышавшимся над ним огромным, мощным председателем Думы.

Из показаний Родзянко: «Он говорил, что... просит представить ему копию речи Милюкова на предмет возбуждения против него уголовного преследования. Я ответил, что... никаких копий я присылать ему не буду».

Далее разговор зашел о Распутине. «И отчего вы его защищаете? Это негодяй первостатейный, его мало повесить!» — горячился Родзянко. С кровати послышался беспомощный ответ Штюмера: «Это... желание свыше...» Так он «сдал» царицу. Но вошедший в раж председатель Думы продолжал добивать старика: «Какой же вы после этого монархист?.. Вы ярый республиканец, который поблажками Распутину колеблет монархическую идею!»

Да нет, при помощи Распутина идею колебали они все — от самой царицы до самого Родзянко...

Теперь мужик все чаще говорит о смерти.

Из показаний Молчанова: «В октябре 1916 года я... раза два был у Распутина. Заметил, что у него было какое-то грустное настроение, заметил, что на столе было вино и он много пил его... как будто давило тяжелое предчувствие. Он все время напевал: «Вре-

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

• Н А Ш Д Р У Г •

меня изменится, все переменится»... При прощании он был очень ласков, говорил, что ценит мою любовь и доброе отношение, вспоминал добрым словом моего покойного отца... и говорил, что, может быть, его убьют и мы не увидимся... И тут же, будто опомнившись, сказал: «Нет, нет, мы увидимся. Ты приедешь в Петроград».

И каждый день на Гороховой, заглушая его ужас, шла сумасшедшая, завораживающая пьяная пляска. Его слабоумный сын, служивший в санитарном поезде царицы, приехал к нему на несколько дней и прятался от этого безумия в дальних комнатах. А если в квартире было тихо, это означало, что мужик пьет в ресторане или уехал в Царское — на заседание «кабинета».

16 октября Аликс писала Ники: «Вчера приятно провела вечер у А<ни> с Нашим Другом, Его сыном и епископом Исидором (тем самым, обвиненном в связи со своим келейником. — Э.Р.)... Гр<игорий> думает, что лучше было бы призвать более ранние (молодые) года — вместо тех, которым старше 40, последние нужны дома для работ и для поддержания хозяйства».

И это предложение, высказанное мужиком, было очень разумно.

Наступил ноябрь — предпоследний месяц его жизни.

МЕСТО ПОГРЕБЕНИЯ ГОТОВО

На окраине Александровского парка, неподалеку от Дамских конюшен, Подруга выкупила кусок земли. И в начале ноября заложила там часовню святого Серафима — в благодарность за избавление от смерти при крушении поезда.

5 ноября Аликс сообщила Ники: «Закладка Аниной церкви прошла хорошо, Наш Друг был там... а также славный епископ Исидор».

Под алтарем строящейся часовни «Нашего Друга» и похоронят. И отпевать его будет «славный епископ».

В честь закладки «Аниной церкви» было устроено маленькое празднество, которое породило большую историю...

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ РАСПУТИН

После очередного заседания Думы непримиримый враг Распутина монархист Пуришкевич был окружен коллегами. Он раздавал желающим весьма любопытную фотографию: за столом сидит Распутин, рядом с ним «славный епископ Исидор», на столе — вино, вокруг — балалаечники и смеющиеся, явно пьяненькие сестры милосердия. Тыловое веселье «шпиона и проходимца», когда на фронтах «истекала кровью русская армия и голод надвигался на страну»!

Уже на следующий день фотография легла на стол Протопопова... На допросе в Чрезвычайной комиссии он показал:

« — Пуришкевич распространял фотографию Распутина в 9 тысячах экземпляров: Распутин... кругом масса публики... стол, на столе вино, балалаечники и монахи...

— Почему вы знаете, что он распространил 9 тысяч экземпляров?

— На обороте карточки, которую мне прислали из Царского Села, вероятно, по поручению царицы через Вырубову или Воскобойникову, было написано: «9 тысяч экземпляров»...

ПОСЛЕДНИЙ СНИМОК ЖИВОГО РАСПУТИНА

История этой (увы, не найденной мною) фотографии объясняет многое в надвигавшейся развязке.

Скорее всего, Протопопов получил снимок через Воскобойникову. И не только потому, что она в то время была его любовницей, но и потому, что среди веселых сестер милосердия на фотографии... оказалась и она сама!

В «Том Деле» остались ее показания и по этому поводу: «На предъявленной мне карточке — Распутин с епископом Исидором... снята и я в профиль, сзади Исидора... *Снять предложил полковник Ломан*». Тот самый — строитель и ктитор Федоровского собора.

Снимок был сделан на приеме в лазарете Вырубовой в честь закладки той самой часовни — «Серафимовского убежища» — «после того как закончилась официальная часть... По отъезде

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

НАШ ДРУГ.

гостей... некоторое время оставались в лазарете Исидор и Распутин (мужик предвкушал веселье. — Э.Р.)... Вот в это время Ломан и предложил нам остаться и выпить кофе: «верхи»-де уехали, почему не остаться нам, «чернорабочим»... Ломан угостил нас шампанским и кофе, и даже пением своих певчих... которые художественно спели русские песни... Затем Ломан и предложил нам всем сняться. Снимал нас служащий Федоровского собора (то есть человек Ломана. — Э.Р.). И Ломан был в числе снимающихся, стоял сзади Исидора. Потом мы просили дать нам снимки, но он сказал, что снимки не вышли... Каким образом на снимке нет Ломана... я не знаю. Возможно, при съемке он присел... Кроме певчих изображены: Молчанова (жена известного нам Леонида Молчанова. — Э.Р.), сестра милосердия Бендина, моя сестра, и сестра милосердия Войно (чьи показания мы часто цитировали. — Э.Р.). Сидят: сестра Кошечева, Распутин, епископ Исидор, Мальцев (строитель «Серафимовского убежища». — Э.Р.). Сестра Кошечева вышла на снимке смеющейся и, кажется, пьяненькой».

Воскобойникова поясняет, что сестра Кошечева всегда была «очень строгая», но вышла смеющейся, «потому что кто-то ее в это время смешил... Мне представляется, что *все это было построено Ломаном*».

О скандальной фотографии дал показания и Ломан.

«На снимке изображен завтрак по случаю закладки Серафимовского убежища, которое строил по поручению Вырубовой уже не я, а Мальцев... Я с лицами на карточке сниматься не предполагал, не позировал... Стоял я где-то вблизи одного или двух окон... окна эти находятся вдали от стола, и поэтому я не вышел на фотокарточке».

Нет, не случайно Ломана нет на фотографии. И недаром умная Вырубова, как показала Воскобойникова, «предупредила нас, что с Ломаном надо быть осторожнее». И недаром Распутин, по словам Воскобойниковой, сказал, что «Ломану доверяться нельзя, он человек «двухсмысленный».

«Двухсмысленный» Ломан уже служил другим господам. По чьему-то приказу опытный царедворец задумал провокацию. Он решил сделать фотографию Распутина вместе со скандально

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ РАСПУТИН

известным епископом Исидором, в окружении веселой компании, с подвыпившими сестрами милосердия — «распутинскую оргию». Вот почему смешили сестру Кошечеву, вот почему в миг съемки Ломан присел... Хитрый полковник уже просчитал варианты на будущее и служил заговору.

Приближалась развязка. Крысы бежали с тонущего корабля. И Ломан потрудились — организовал фото «оргии», которое, видимо, и передал в Думу.

«ЭТО БУДЕТ... РЕВОЛЮЦИЯ ГНЕВА И МЕСТИ»

«К концу ноября 1916 г. атмосфера дома на Гороховой становилась все более напряженной, — вспоминала Жуковская. — С внешней стороны продолжался тот же базар... непрерывные звонки телефона... в приемной, столовой и спальней толпились и как осы жужжали женщины, старые и молодые, бледные и накрашенные... приходили, уходили, притаскивали груды конфет, цветов, какие-то коробки... все это валялось... Сам Распутин, затрепанный, с бегающим взглядом, *напоминал подчас загнанного волка*, и от этого, думаю, и чувствовалась во всем укладе жизни какая-то торопливость, неуверенность, и все казалось случайным и непрочным... близость какого-то удара, чего-то надвигающегося на этот темный неприветливый дом...»

Жуковская записала (или придумала потом?) его шепот: «Вон они, там, враги... все ищут, стараются, яму роют... Мне все видать. Я, думаешь, не знаю, что конец скоро всему... Веру потеряли... Веры не стало в народе, вот что... Ну, прощай, пчелка!.. Поцелуй на прощанье...»

Больше она его не видела.

Не пули террористов-революционеров, не немецкие снаряды — но существование этого человека грозило разрушить одну из величайших мировых империй. Оппозиция, общество, двор — все тщетно боролись с мужиком из неизвестного села.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

• Н А Ш Д Р У Г •

Незадолго до убийства Распутина Василий Маклаков, думский депутат от партии кадетов, приехал в Москву, чтобы выступить перед крупнейшими фабрикантами и купцами. На квартире миллионера Коновалова, соратника по партии, Маклаков говорил о неминуемой революции, подготовленной... Распутиным!

Среди слушавших речь был и агент охраны. Его запись осталась в архивах департамента полиции: «Династия ставит на карту самое свое существование не разрушительными силами извне... Ужасною разрушительною работой изнутри она сокращает возможность своего существования на доброе столетие...» И далее Маклаков произнес пророческое: «Ужас грядущей революции... это будет не политическая революция, которая могла бы протекать планомерно, а революция гнева и мести темных низов, которая не может не быть стихийной, судорожной, хаотичной!»

Князь Жевахов рассказал тогда царице о видении некоего полковника О. Этот О. был возведен на высокую гору, и оттуда ему открылась вся Россия — залитая кровью от края до края.

ОДНИ

В ту осень во дворцах в Крыму еще не знали, что заканчивается их *последний* год. Но чувствовали — наступает грозное, неотвратимое время.

И во всей этой надвигавшейся катастрофе царь был один. Его двоюродный брат великий князь Николай Михайлович записал впоследствии в дневнике «При императоре Александре Третьем был кружок — замкнутый, из немногочисленных доверенных лиц... После 23 лет Николаева царствования он не оставил ни одного друга — ни среди родных, ни в высшем обществе». Точнее, одинокий царь имел лишь одного друга — и это был все тот же ненавидимый всеми «Наш Друг»!

Даже мать была теперь против сына, губившего империю.

Из показаний Вырубовой: «Враждебно к Государю и Государыне относилась и вдовствующая императрица Мария Федоров-

на... Они... настолько редко виделись друг с другом, что за 12 лет моего пребывания около Александры Федоровны я, может быть, только раза два видела Марию Федоровну».

Ненависть к царице стала модной. К фрондирующим великим князьям примыкали и двор, и знать в Царском Селе. Князь Жевахов вспоминал, как начальница епархиального женского училища в Царском при встрече с Аликс не только не поклонилась, но демонстративно отвернулась от Государыни всея Руси. «Мне больно... не за себя, за дочерей», — сказала тогда Аликс князю... По всей России ходили карикатуры, изображающие в непристойных позах царицу и бородатого мужика.

«Николашка» — так теперь презрительно звали в обескровленной войной, ожесточившейся деревне царя, который еще вчера был для крестьян грозным «батюшкой». На тысячах рисунков его изображали жалким рогносцем, обманутым бесстыдной женой и распутным мужиком.

«ОНА МЕНЯ ВЫГНАЛА, КАК СОБАКУ...»

Точно сказал тот же Маклаков: «В высших дворянских и придворных кругах... тревога, что идущая к гибели власть потянет за собою их всех со всеми их привилегиями».

Центром аристократической оппозиции стал в то время легендарный «Яхт-Клуб», основанный еще в 1840 году, при Николае I. Только самые родовитые — «голубая кровь» — допускались в его стены. При Александре III «Яхт-Клуб» был закрытым политическим собранием, окруженным атмосферой таинственности. По традиции его возглавлял министр двора — граф Фредерикс. Членами клуба были в то время и великий князь Дмитрий Павлович, и Феликс Юсупов.

Но теперь в этой цитадели монархии «открыто критиковались поступки императрицы» — писал в дневнике великий князь Николай Михайлович. И это был грозный симптом... Аликс через Фредерикса пыталась прекратить эти разговоры. Но престарелый граф был прекрасен на балах (с его велико-

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«НАШ ДРУГ»

лепной выправкой старого гвардейца и безукоризненными манерами, напоминавшими об исчезнувших вельможах времен французских Людовиков) и беспомощен в роли министра — гибнущая власть всегда окружена жалкими людьми... Разговоры о царице не только продолжались, они становились вызывающими.

В Петрограде и Москве зрели заговоры — и во дворцах знати, и на квартирах богачей. А под Петроградом жила одинокая Семья, безнадежно замкнувшаяся в Царском Селе. И по-прежнему без устали трудилась Аликс, вызывая в Царское покорных, но, увы, уже безвластных министров... Николай же был далеко от столицы — в Ставке.

Между тем большая Романовская семья сделала последние шаги. Аудиенции у императрицы попросила Зинаида Юсупова. Не даром Хвостов говорил о деньгах, которые получил от нее на убийство Распутина! Эта красавица, наделенная многими талантами (несостоявшаяся актриса, которую сам Станиславский приглашал в свой театр), играла значительную роль в заговоре аристократов.

Аудиенция состоялась. Юсупову «холодно приняли». И как только она начала разговор о Распутине, ее «попросили покинуть дворец». Но Зинаида заявила, что прежде обязана исполнить свой долг перед Государыней и «сказать все».

Аликс слушала ее молча. Когда Зинаида закончила, царица сказала: «Я надеюсь больше вас никогда не увидеть».

После чего к Аликс приехала главная подруга Зинаиды — великая княгиня Елизавета Федоровна. Когда-то столь любимая сестра Элла... Императрица выслушала ее также молча. И молча проводила до кареты. Феликс Юсупов вспоминал: «Элла... пришла в слезах: «Она меня выгнала, как собаку... Бедный Ники, бедная Россия...»

И это не фантазии Феликса. В архиве я прочел письмо самой Эллы, написанное царю уже после убийства Распутина. Она описала там это свидание: «В отчаянии я бросилась к вам, которых я искренне люблю, чтобы предупредить вас, что все классы, от низших до высших, дошли до предела... Она мне велела ничего не говорить... и я уехала с чувством: встретимся ли мы еще ког-

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ РАСПУТИН

да-нибудь... какие еще трагедии могут разыграться, какие еще страдания у нас впереди...»

К промозглой, дождливой петроградской осени заговор, видимо, сформировался окончательно. Юсупов вспоминал: «Великие князья и некоторые аристократы составили заговор, стремясь удалить императрицу от власти и добиться ее удаления в монастырь. Распутин должен быть сослан в Сибирь, император смещен, а цесаревич коронован».

Той осенью Пуришкевича позвали во дворец к великому князю Кириллу Владимировичу. И будущий убийца Распутина, монархист Пуришкевич записал в дневнике: «Выходя из дворца великого князя, я под впечатлением нашего с ним разговора вынес твердое убеждение, что он... *затекает что-то недопустимое в отношении Государя*».

Однако «недопустимое» по старой российской традиции было только в разговорах. Нарушить присягу никто не посмел.

ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Но великим князьям надо было спешить, ибо заговор зрел и в Ставке — опасный заговор генералов и думской оппозиции. «Между Коноваловым (депутатом Думы. — Э.Р.), Крымовым (генералом. — Э.Р.) и Алексеевым (начальником штаба Верховного главнокомандующего. — Э.Р.) зреет какая-то конструкция», — писал генерал Брусилов. А офицер Ставки штабс-капитан Лемке меланхолично отметил в своей записной книжке: «Меня ужасно занимает вопрос о зреющем заговоре...»

И Романовская семья в самый последний раз попыталась разрешить ситуацию «по-семейному», как когда-то предлагал «Грозный дядя».

В то время готовилась свадьба (последняя в царствующей династии) — очередной морганатический брак, нерадостный для престижа Романовых. Сестра царя Ольга наконец развелась с

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

НАШ ДРУГ

мужем — милейшим и добрейшим Петей из древнего рода принцев Ольденбургских. Он был гомосексуалистом, так что с решением Ольги в семье смирились. Теперь порфирородная сестра Николая выходила замуж за адъютанта бывшего мужа — ротмистра кирасирского полка Николая Куликовского. В большой Романовской семье начались совещания. Но говорили на них не только (и не столько) о свадьбе...

Результатом этих совещаний и стало «семейное посольство». 2 ноября в Ставку приехал великий князь Николай Михайлович, известный историк. Именно он, слывший «мастером беседы», и должен был довести до царя мнение Романовской семьи.

После длинного разговора он вручил Николаю заранее написанное письмо: «Я долго колебался открыть тебе всю истину, но после того, как твоя матушка и сестры убедили меня это сделать, я решился...» Это было как бы «коллективное письмо» от семьи...

На следующий день Ники написал Аликс: «Моя бесценная... Николай Михайлович приехал сюда на один день, и мы имели с ним вчера вечером длинный разговор, о котором я расскажу тебе в следующем письме, сегодня я очень занят... навеки твой старый Ники».

Он не посмел ей пересказать содержание тяжелого разговора и предпочел попросту переслать письмо Николая Михайловича.

«Неоднократно ты мне рассказывал, — прочла царица, — что тебе некому верить, что тебя все обманывают. Если это так, то же происходит и с твоей супругой, горячо тебя любящей, но заблуждающейся, благодаря злостному, сплошному обману окружающих ее людей. Ты веришь Александре Федоровне... оно и понятно. Но то, что исходит из ее уст, есть результат ловкой подтасовки, а не действительной правды... Если ты не властен отстранить от нее эти влияния, то по крайней мере огради себя от постоянных вмешательств и наветываний через любимую тобой супругу...» Далее великий князь пояснял, что решился на эту миссию «ради надежды... спасти тебя, твой престол и нашу дорогую родину от самых тяжких и непоправимых последствий... Ты находишься накануне эры новых волнений, скажу больше — эры покушений...» В заключение он просил царя «дать ответственное перед Думой министерство».

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

Так царя в последний раз предупредили о том, что наступает «эра новых волнений... эра покушений». Предупредила вся Романовская семья.

Аликс пришла в ярость. «4 ноября... Я прочла письмо Николая и страшно им возмущена... Почему ты не остановил его среди разговора и не сказал ему, что если он еще раз коснется этого предмета или меня, то ты сошлешь его в Сибирь?.. Он всегда ненавидел меня... Но во времена войны... прятаться за спинами мамá и сестер и не выступить смело на защиту жены своего императора — это мерзость и предательство... Ты, мой дорогой, слишком добр, снисходителен и мягок. Этот человек должен трепетать перед тобой. Он и Николаша — величайшие твои враги... Женушка — твоя опора, она каменной стеной стоит за тобой...»

И приписка: «Я видела во сне, что меня оперировали — отрезали руку... А после этого я получила письмо Николая».

В следующем своем послании она продолжила ту же тему, но уже опираясь (как всегда) на мнение «Нашего Друга»: «По прочтении письма Николая Он сказал: «Не проглянуло нигде милости Божией, ни в одной черте письма, а одно зло — как брат Милюкова, как все братья зла... Господь показал маме, что все это ничтожно, во сне...»

И о грядущей свадьбе великой княгини Ольги она осуждающе написала мужу словами Распутина: «Наш Друг очень недоволен браком Ольги... Он находит, что это было нехорошо по отношению к тебе и что это не принесет ей счастья». Аликс, естественно, волновалась: Николай поедет на свадьбу сестры в Киев, где соберется вся Романовская семья. Нетрудно представить, какие там будут разговоры...

Скромное венчание великой княгини и ротмистра состоялось в темной маленькой церкви. Невеста была в униформе сестры милосердия.

Ольга была потрясена — так изменился Ники: исхудавшее лицо, мешки под глазами... После невеселой свадьбы царь тотчас уехал в Ставку — чтобы избежать новых разговоров о Распутине.

Часть третья
ЮСУПОВСКАЯ НОЧЬ

Глава 13

КНЯЗЬ И МУЖИК

«ЭРА ПОКУШЕНИЙ» НАЧИНАЕТСЯ

Не зря Аликс видела страшный сон... Именно тогда, в начале ноября, тотчас после неудачного визита Николая Михайловича, Феликс Юсупов возобновляет знакомство с Распутиным.

На следствии по делу об убийстве Юсупов показал: «После большого перерыва... я встретил Распутина в ноябре месяце в доме Головиной». Это подтвердила и Муня: «В 1916 году в ноябре месяце князь Юсупов встретил Распутина у меня на квартире».

Вот версия из воспоминаний Феликса: «Мне позвонила М. Г. (Муня Головина. — Э.Р.)... «Завтра у нас будет Григорий Ефимович, ему очень хочется с вами повидаться...» Сам собой открывался путь, по которому я должен действовать... Правда... идя по этому пути, я вынужден обманывать человека, который искренне ко мне расположен».

Скорее всего, Феликс написал неправду. Тогда, в ноябре 1916 года, уже началась охота за Распутиным. И, видимо, существовал план, в котором несчастной Муне было отведено важное место. Ей предназначалось сыграть роковую роль в гибели того, кому она так поклонялась... И конечно же Юсупов сам позвонил ей. «Феликс жаловался на боли в груди», — показала Муня в «Том

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

Деле». Своими жалобами на болезнь, которую не могут вылечить доктора, он легко вызвал с ее стороны предложение устроить встречу с великим целителем. Феликс знал о давней мечте Муни соединить двух людей, которых она так бескорыстно и преданно любила...

И они встретились на квартире Головиных — князь и мужик. «С тех пор, как я первый раз его видел, Распутин очень переменялся, — вспоминал Юсупов. — Его лицо стало одутловатым, и он весь как-то обрюзг. Одет он был не в простую поддевку, а в шелковую голубую рубашку и бархатные шаровары. Держал он себя очень развязно... Меня он поцеловал». На сей раз князь от поцелуя не уклонился.

Накануне Муня в разговоре с Распутиным назвала Феликса «маленький» — в отличие от «большого» Феликса Юсупова, его отца. Распутин, обожавший клички, тут же это прозвище подхватил. Так он и звал отныне князя.

После этой встречи Феликс начинает, по его словам, подыскивать соратников для будущего убийства. «Перебирая в уме друзей, которым я мог доверить свою тайну... я остановился на двоих из них. Это был великий князь Дмитрий Павлович и поручик Сухотин... Я был уверен, что великий князь меня поддержит и согласится принять участие в исполнении моего замысла... Я знал, до какой степени он ненавидит «старца» и страдает за Государя и за Россию». И Феликс просит Дмитрия о встрече. «Застав его одного в кабинете, я немедленно приступил к изложению дела. Великий князь... сразу согласился и сказал, что уничтожение Распутина будет последней и самой действенной попыткой спасти погибающую Россию».

Думаю, тут Феликс сообщает нам всего лишь будущую легенду о том, что убийство Распутина было задумано им одним, а великий князь лишь присоединился... Скорее всего, было иначе. Великий князь Дмитрий и Феликс, два очень близких друга, решились на то, о чем в Романовской семье много говорили, но никто не смел исполнить — уничтожить Распутина. И решение убить, судя по всему, исходило именно от Дмитрия, этого бравого гвардейца, который, как справедливо писал Феликс, ненавидел «старца», а отнюдь не от штатского Юсупова. Хоро-

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЮСУПОВСКАЯ НОЧЬ

шо знавшая обоих Элла напишет: «Феликс, который и мужи-то не обидит... который не желал быть военным, чтобы не пролить чей-то крови».

Но в коварстве задуманного плана чувствовалась рука Феликса, древняя кровь беспощадных татарских ханов...

Об их решении конечно же знали в Романовской семье. Недаром Феликс писал «о заговоре», недаром царь потом напишет великим князьям: «Знаю, что совесть многим не дает покоя, так как не один Дмитрий Павлович в этом замешан...»

Во всяком случае, отметим странное совпадение — за 10 дней до убийства Распутина великая княгиня Елизавета Федоровна вдруг покинет Петроград. И не просто покинет — уедет молиться в монастырь. И не просто в монастырь — в Саровский монастырь, где покоились мощи святого Серафима, считавшегося покровителем Царской Семьи. Она будто знает — должно случиться что-то важное и страшное для Семьи, и едет молить за нее Бога и святого Серафима...

Впоследствии Элла напишет царю: «Я поехала в Саров и Дивеево... 10 дней я молилась за вас всех — за твою армию, страну, министров, за слабых душою и телом, и в том числе за этого несчастного, чтобы Бог просветил его...» Да, она молилась за «несчастливого» Распутина, просила Бога просветить его, чтобы тот избежал неминуемого, о котором она *знала*... Молилась она и за тех, кто решились пролить кровь, за своих воспитанников: Дмитрия, жившего в ее семье до гибели мужа, и Юсупова, которого она любила, называла «Мой маленький Феликс»...

Но обсуждение плана убийства на короткий срок было прервано. Великому князю надо было вскоре возвращаться в Ставку. Но оба знали, что Дмитрий там надолго не задержится, ибо «его не любят и боятся его влияния». И это было правдой — вспомним письма Аликс.

Феликс упоминает рассказ великого князя о том, как тот «замечал, что с Государем творится что-то неладное. С каждым днем он становится все безразличнее к окружающему... по его (Дмитрия. — Э.Р.) мнению, все это следствие злого умысла... Государя

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

спаивают каким-нибудь снадобьем, которое притупляюще действует на его умственные способности». По распространявшейся тогда легенде, Распутин и царица при помощи тибетских лекарств доктора Бадмаева поработили волю царя.

Так заговорщики «накачивали» друг друга, объясняя самим себе необходимость спешно исполнить свою миссию.

Между тем у безразличия царя было другое, куда более реальное основание.

ЕЩЕ ОДИН ПРЕМЬЕР

Накануне сессии Думы правые предложили Николаю свое разрешение ситуации, которая становилась все более угрожающей. Князь Римский-Корсаков, член Государственного Совета, в доме которого собирался тогда узкий кружок правых аристократов, передал Штюмеру «записку» для царя: «Так как сейчас нет сомнений, что Дума вступает на явно революционный путь... Дума должна быть немедленно распущена без указания срока нового ее созыва... Имеющаяся в Петрограде военная сила представляется вполне достаточной для подавления возможного мятежа».

Но Штюмер не рискнул передать «записку». Он тоже видел странное безразличие Государя и лишь доложил о настроениях защитников престола. Николай равнодушно выслушал премьера и приказал... открыть сессию Думы.

Царь становился все более бездеятелен, потому что понял безвыходность положения. Он читал отчеты тайной полиции и отлично знал про зреющий всеобщий заговор. Но он устал от этой бесконечной борьбы и решил *отдать им власть*. И уйти в частную жизнь, чтобы оставили в покое сходящую с ума от яростной деятельности и безумных предчувствий жену. И мужика, который помогал их Семье выжить, лечил и Аликс, и сына...

Теперь Николай уже сам желал неминуемого, а пока вяло пытался успокоить кипевшую Думу, в который раз безнадежно перетасовывал правительство... 10 ноября вместо ненавистного Думе Штюмера он назначил премьером Алексея Трепова — выходца из знаменитой семьи правых бюрократов. Его отец Фе-

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЮСУПОВСКАЯ НОЧЬ

дор Трепов был Петербургским градоначальником, брат Дмитрий в свое время занимал пост министра внутренних дел... Но бедному новоиспеченному премьеру с трудом удалось произнести свою первую речь в Думе — его освистали. Депутаты не хотели подачек от власти, они требовали создания своего Совета министров, ответственного перед Думой. Тогда Николай решил пойти на последнюю уступку — отдать Протопопова (Родзянко успел ему многое рассказать о полубезумном министре).

10 ноября царь писал Аликс: «Ты, наверное, уже будешь знать про перемены, которые крайне необходимо теперь произвести... Протопопов — хороший человек, но он перескакивает с одной мысли на другую и не может решиться держаться определенного мнения... Говорят, несколько лет тому назад он был не вполне нормален после известной болезни... Рискованно оставлять министерство в руках такого человека в такие времена... Только прошу тебя, не вмешивай Нашего Друга... Ответственность несущая и поэтому желаю быть свободным в своем выборе».

Он лишь умолял жену не заклинять его словами мужика. Но она поняла — Ники решил покончить с «царскосельским кабинетом», который должен был их спасти. Он решил вновь обратиться к «гадким людям», мечтающим ограничить царскую власть. Его опять обманут!

И «быть свободным в выборе» она ему не позволила. В дело тотчас вступили советы «Нашего Друга».

«10 ноября... Еще раз вспомни, что для тебя, для бэби и для нас... тебе необходимы прозорливость, молитвы и советы Нашего Друга... Протопопов чтит Нашего Друга, и потому Бог будет с ним... Штюрмер трусил, месяцами не виделся с Ним... и вот — потерял почву под ногами... Ах, милый, я так молю Бога, чтобы Он просветил тебя, что в Нем наше спасение — не будь Его здесь, не знаю, что было бы с нами. Он спасает нас Своими молитвами... Прошу тебя ради меня — не сменяй никого до моего приезда...»

Аликс приехала в Ставку, и царь... оставил Протопопова.

Он еще раз сдался. И еще раз понял безнадежность ситуации. Он очень устал.

Новый премьер Трепов начал точно также, как его предшественники, как недавно павший Хвостов. Он решил успокоить

кипевшую Думу, а для этого — удалить Распутина из Петрограда. Зная о мужике лишь по слухам, Трепов совершил ту же ошибку, которую совершил Хвостов, — задумал его купить.

К Распутину, по поручению Трепова, пришел родственник премьера — генерал Мосолов. Он считал, что умеет говорить с мужиками, и потому принес с собою вина. Распутин вино выпил, и Мосолов от имени Трепова предложил ему отказаться от всякого вмешательства в дела управления государством, в назначения министров. За это щедрый премьер обязался выплачивать мужику целых 30 000 рублей ежегодно.

Так пересказал на следствии этот эпизод Белецкий — со слов самого Распутина. И добавил, что Распутин отказался и тотчас «передал Государыне и царю о предложении Трепова... купить замалчивание всего того, что Распутин считает не отвечающим интересам царей».

Эти глупцы предлагали ему променять место советчика «царей» на жалкие деньги, которые он ни во что не ставил, прокучивал и швырял на ветер!

Так Трепов сразу попал в недоверие к царице, и его судьба была предрешена... «Наш Друг» сформулировал: «Нельзя держать Треповых, фамилия у них несчастливая».

«ОСТАВШАЯСЯ НЕМКОЙ НА РУССКОМ ПРЕСТОЛЕ»

Между тем в Думе произошло невероятное. 19 ноября депутат Пуришкевич, чьи пики усов и лысая голова были известны по газетным портретам всей России, фанатичный монархист, прославившийся бесконечными оскорблениями оппозиции, обрушил громовую речь... на Государыню всея Руси и на мужика у трона.

В 2 часа ночи взбешенный Протопопов передал по телеграфу в Ставку самые опасные куски речи (в архиве я нашел его телеграмму). В газетах эти куски вымарала цензура. Но на следующий день... их повторял весь Петроград, ибо речь Пуришкевича ходила по городу в бесчисленных списках.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЮСУПОВСКАЯ НОЧЬ

«Зло идет от тех темных сил и влияний, которые... и заставляют взлетать на высокие посты людей, которые не могут их занимать... От влияний, которые возглавляются Гришкой Распутиным (шум, голоса: «Верно! Позор!»)... Ночи последние я спать не могу, даю вам честное слово... лежу с открытыми глазами и мне представляется ряд телеграмм, записок, сведений, которые пишет этот безграмотный мужик то одному, то другому министру... Были примеры, что неисполнение этих требований влекло к тому, что эти господа, сильные и властные, слетали... В течение двух с половиной лет войны я... полагал, что домашние распри должны быть забыты во время войны... Теперь я нарушил этот запрет, чтобы дать докатиться к подножью трона тем думам русских масс и той горечи обиды русского фронта, в которые ее поставили царские министры, обратившиеся в марионеток, нити от которых прочно забрали Распутин и императрица Александра Федоровна — *злой гений России и царя... оставшаяся немкой на русском престоле... чуждая стране и народу...*»

Дальше идти было некуда!

Можно представить, с какими чувствами читал эту речь царь. Теперь он понял окончательно: ему оставляли единственный выбор — или Аликс, или трон.

И он выбрал — ее... И ждал неминуемого.

Когда Распутину прочитали речь Пуришкевича, он отреагировал так, как Аликс и ожидала от него, — по-евангельски простил. Но понял, что надо поддержать дух «царей», и послал телеграмму в Ставку: «19.11.16. Пуришкевич ругался дерзко, но не больно. Мой покой остался не нарушен». А чтобы и царский покой не нарушать, предсказал: «Бог укрепит вас. Ваша победа и ваш корабль. Никто не имеет власти на него сесть». Так он обещал «царям» лучезарное завтра за пару месяцев до революции.

Повторил он то же и «маме»: «22 ноября... Верьте и не убойтесь страха, сдайте все свое (империю. — Э.Р.) Маленькому в целости. Как отец получил, так и его сын получит».

И в на редкость связной для него записке дворцовому коменданту Воейкову Распутин написал: «Без привычки даже каша не сладка, а не только Пуришкевич с его бранными устами... Теперь таких ос расплодилось миллионы. А надо быть сплоченными друзьями. Хоть маленький кружок, да единомышленники...

В них злоба, а в нас дух правды... Григорий Новый». Но самое страшное (о чем говорил и Пуришкевич) Распутин здесь подтвердил: «Таких ос расплодилось миллионы»...

Утром 20 ноября речь Пуришкевича самым внимательным образом прочел и Феликс Юсупов.

«ТЫ ДОЛЖНА ТОЖЕ В ТОМ УЧАСТВОВАТЬ»

Пуришкевич проснулся знаменитым. Как он запишет в дневнике, «20 ноября весь день трещал телефон, поздравляли... Из звонивших меня заинтересовал один, назвавшийся князь Юсупов... он попросил позволения побывать у меня для выяснения некоторых вопросов, связанных с ролью Распутина, о чем по телефону говорить неудобно. Я попросил заехать его в 9 утра».

Перед визитом к Пуришкевичу Феликс отправил письмо в Крым — жене Ирине.

Феликс все это время был в Петрограде — проходил военную подготовку в Пажеском корпусе. «Половина молодых» в Юсуповском дворце на Мойке перестраивалась, и он жил во дворце тес-тя, великого князя Александра Михайловича.

А в Крыму в то время шли теплые дожди, великокняжеские дворцы опустели. Из всего блестящего общества там спасались от промозглой столичной осени лишь мать и жена Феликса.

Ирина и Феликс постоянно обменивались письмами — бесконечными заверениями в любви, так похожими на послания Ники и Аликс. И хотя их чувства были отнюдь не схожи (хотя бы по причине особых склонностей Феликса), но таков уж был эпистолярный стиль того времени, и они ему следовали...

Болезни и меланхолия, судя по этим письмам, не покидали хрупкую красавицу. Но то, что написал ей Феликс в день визита к Пуришкевичу, заставит Ирину забыть о всех своих недугах. В письме, которое доставит Ирине «верный человек», Феликс вместо привычных слов любви... сообщал о готовящемся убийстве, в котором решил принять самое деятельное участие!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЮСУПОВСКАЯ НОЧЬ

«Я ужасно занят разработкой плана об уничтожении Распутина. Это теперь просто необходимо, а то все будет кончено. Для этого я часто вижусь с М. Гол. (Муней Головиной. — Э.Р.) и с ним (Распутиным. — Э.Р.). Они меня очень полюбили и во всем со мной откровенны...» И далее — то, что поразило Ирину: «Ты должна тоже в том (то есть в убийстве! — Э.Р.) участвовать. Дм. Павл. (великий князь Дмитрий Павлович. — Э.Р.) обо всем знает и помогает. Все это произойдет в середине декабря, когда Дм. приезжает... Как я хочу тебя видеть поскорее! Но лучше, если бы ты раньше не приезжала, так как комнаты будут готовы 15 декабря и то не все... и тебе будет негде остановиться... Ни слова никому о том, что я пишу».

И в заключение он просил Ирину: «Скажи моей матери (о плане. — Э.Р.), прочитай ей мое письмо...»

Ибо Феликс знал: мать благословит скорую развязку. Желанную развязку...

ПЛОТСКАЯ СТРАСТЬ?

После гибели Распутина его служанка Катя Печеркина показала, что первый раз Феликс пришел к ним на квартиру «20 ноября, в День введения во Храм Пресвятой Богородицы». И пришел не один — с Марией Головиной.

Муля показала в «Том Деле»: «Феликс... жаловался на боли в груди... я посоветовала ему побывать на квартире у Распутина... Князь ездил со мною 2 раза — в конце ноября и в начале декабря. И оставался у него менее часа...»

Итак, в тот же день, когда Феликс позвонил Пуришкевичу, он и посетил впервые квартиру Распутина. Этот визит должен был помочь Феликсу исполнить самую важную часть намеченного плана — заставить Распутина полностью ему довериться.

Феликс весьма кратко описал следователю, ведшему дело об убийстве Распутина, сам загадочный процесс «лечения»: «Распутин делал надо мной пассы, и мне казалось, что наступило некоторое облегчение».

Куда подробнее он изложил это уже в эмиграции: «После чаю Распутин впустил меня в кабинет — в маленькую комнатку с кожаным диваном, несколькими креслами и большим письменным столом... «Старец» велел мне лечь на диван, затем тихонечко провел по моей груди, шее и голове... потом опустился на колени, положив руки мне на лоб, пробормотал молитву. Его лицо было так близко к моему, что я видел лишь глаза. В таком положении он оставался некоторое время, потом резким движением поднялся и начал делать пассы надо мной. Гипнотическая власть Распутина была беспредельной. Я чувствовал входящую в меня силу, теплым потоком охватывающую все мое существо, тело онемело, я пытался говорить, но язык не слушался меня... Только глаза Распутина сверкали передо мной — два фосфоресцирующих луча... Затем я почувствовал проснувшуюся во мне волю — не подчиняться гипнозу. Я понял... я не дал ему полностью подчинить мою волю».

Но остался дневник человека, который хорошо знал Феликса и высказал ряд интересных соображений по поводу распутинского «лечения». Это все тот же великий князь Николай Михайлович. Уже после убийства Распутина он постарался выпытать из Феликса как можно больше подробностей.

«Феликс выложил мне всю правду... Гришка сразу полюбил его... и вскоре совсем доверился ему... доверился вполне. Они виделись чуть ли не ежедневно, говорили обо всем... причем Распутин посвящал его во все свои замыслы, нисколько не стесняясь такой откровенностью».

И великий князь, размышляя о внезапном доверии Распутина ко вчерашнему своему недоброжелателю, задает совершенно необходимый вопрос: «Не могу понять психики Распутина... Чем, например, объяснить безграничное доверие Распутина к молодому Юсупову? Он никому вообще не доверял... опасаясь быть отравленным или убитым». И удивление Николая Михайловича абсолютно правомерно. Распутин, как мы помним, действительно боялся покушений.

Великий князь отвечает на свой вопрос так: «Остается предположить что-то совсем невероятное... а именно *влюбленность, плотскую страсть к Фениксу*, которая омрачила этого здоровенного мужчину и развратника и довела его до могилы... Неужели во

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЮСУПОВСКАЯ НОЧЬ

время нескончаемых бесед они только говорили? Убежден, были какие-то физические изъявления дружбы... в форме поцелуев, взаимного ощупывания и, возможно, *чего-то еще более циничного...* Садизм Распутина не подлежит сомнению. Но насколько велики плотские извращения у Феликса, мне еще мало понятно. Хотя слухи о его похотях циркулировали в обществе до его женьитьбы».

Впрочем, «лечить» на языке «Нашего Друга» означало «изгнать беса блуда». Не идет ли речь в случае с Феликсом об «изгнании похоти к мужчинам», за что и взялся «универсальный врач» из сибирского села? Взялся лечить своим, «проверенным способом»... Возможно, с этим связана и таинственная предыстория их отношений, закончившаяся пощечиной... Но одно ясно: именно эти встречи свершили невозможное — мужик всецело доверился князю.

ЗАГАДКА РАСПУТИНСКОЙ ОХРАНЫ

Приезжая к Распутину, Феликс поднимался в квартиру по «черной лестнице» (ко входу для прислуги), минуя агентов, охранявших мужика. Объяснить Распутину и Муне обычай приходиться с черного хода князю было просто: его семья ненавидит Григория, и он не хочет лишних конфликтов... Так он приучал Распутина к своим тайным приходам.

И Печеркина на следствии отметила: «Маленький» приходил с черного хода». Но она запомнила только два появления Феликса, и оба — с Марией Головиной. Однако, судя по всему, он приходил гораздо чаще, просто Распутин старался, чтобы свидетелей этих визитов не было.

Сам Феликс о числе своих посещений Распутина скажет следователю уклончиво, но во множественном числе: «Во время моих *последних посещений* Распутина...» Но, со слов мужика, Лили Ден покажет в «Том Деле»: «Князь *часто бывал* у Распутина». И в письме царицы мужу от 17 декабря читаем: «Феликс в последнее время *часто ездил* к Нему».

Впоследствии заговорщики, желая показать трудности, которые они преодолели, будут говорить, что Распутина «охраняли шпики от трех учреждений: от императрицы, от МВД и шпики от банков». На самом деле в то время при Распутине были только агенты охраны. Более того, в один из своих ночных визитов ночью, Феликс мог с изумлением заметить, что *после полуночи Распутина вообще никто не охранял.*

Таково было секретное распоряжение Протопопова. Как показал Белецкий, жалкий министр «для особо важных разговоров приезжал к Распутину сам, вечером после 10». Не желая иметь свидетелей, Протопопов *«после 10 вечера велел снимать наружную охрану»*. При этом он лгал и в Царском Селе, и Распутину — уверял, что охрана оставалась и ночью, только «ставилась не у ворот, а напротив дома, чтобы быть незаметной».

Так Феликс узнал: после полуночи можно увезти Распутину, не опасаясь охраны. На этом и будет строиться план убийства.

ЦАРСТВЕННАЯ ПРИМАНКА

Итак, 21 ноября Феликс встретился с Пуришкевичем, который в дневнике так изложил свое впечатление: «Молодой человек в форме... мне он понравился внешностью, в которой царит непередаваемое изящество и порода, и духовной выдержкой. Это, очевидно, человек большой воли и выдержки... качества, мало присущие русским людям, в особенности из аристократической среды».

Феликс изложил упоенному своей речью Пуришкевичу парадокс, который тот не понимал: «Ваша речь не принесет тех результатов, которые вы ожидаете... Значение Распутина не только не уменьшится, но, наоборот, окрепнет, благодаря его безраздельному влиянию на Александру Федоровну, управляющую фактически всем государством». Князь тоже был уверен в «безраздельном влиянии» Распутина.

— Что же делать? — спросил Пуришкевич.

— Устранить Распутина, — сказал родственник царя.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЮСУПОВСКАЯ НОЧЬ

Пуришкевич с готовностью согласился участвовать в убийстве. И Феликс предложил ему познакомиться с двумя другими участниками.

«22 ноября в 8 вечера я был у князя», — вспоминал Пуришкевич. Здесь он увидел молодого офицера Преображенского полка — поручика Сухотина. А потом «в комнату влетел молодой статный красавец, в котором я узнал великого князя Дмитрия Павловича».

Пуришкевича ознакомили с планом убийства. «Выяснилось, что Распутин давно ищет случая познакомиться с некоей графиней Н., молодой петроградской красавицей, бывающей в доме Юсуповых. Но она была в Крыму... При последнем своем визите к Распутину Юсупов заявил ему, что графиня на днях возвращается в Петроград, где пробудет несколько дней и... что он может его с ней познакомить у себя дома».

Итак, некая красавица, жившая тогда в Крыму «графиня Н.», должна была стать подсадной уткой, крючком, на который решено было поймать Распутина. Так с *необходимой* лжи начинаются воспоминания Пуришкевича. Ибо под маской «графини Н.» он скрыл... жену Феликса — Ирину.

Сам Юсупов напишет: «Распутин... давно хотел познакомиться с моей женой. Думая, что она в Петрограде и что мои родители в Крыму, он согласился отправиться ко мне». Но еще интересней описывает историю с «крючком» подруга царицы Лили Ден: «В последний год жизни Распутина князь часто бывал у него... и, по словам Распутина, *рассказывал ему какие-то удивительные, слишком интимные вещи про свою жену*. Какие именно, Распутин не сказал... Распутин должен был быть у князя, чтобы *исцелить* его жену».

«Исцелить», «интимные вещи» — то есть изгнать блудного беса! И, видимо, опять тем самым — распутинским — способом! Но не мог же монархист Пуришкевич написать, что племяннику Государя решили использовать как сексуальную приманку для распутного мужика.

Но запомним: монархические убеждения не позволяют Пуришкевичу писать правду. И это необходимо учитывать при реконструкции той петербургской ночи — ночи убийства.

Так что если предположения Николая Михайловича об отношениях Распутина с Феликсом оправданны, то в Юсуповс-

ком дворце Распутину посулили заманчивое продолжение «лечения». После того как он «изгонял блуд» из князя, он должен был «изгнать беса» из его жены. Мужик у в ту ночь посулили лоно племянницы царя! Это заставило его потерять голову. Хитрый мужик обернулся токующим тетеревом. Блуд победил разум.

Но к концу ноября у заговорщиков начались осложнения. Феликс получил письмо Ирины, написанное в самом решительном тоне: «25 ноября 1916... Благодарю тебя за твое сумасшедшее письмо. Я половину не поняла, но вижу, что ты собираешься сделать что-то дикое. Пожалуйста, будь осторожен и не суйся в разные грязные истории... Главная гадость, что ты решил все сделать без меня. Не вижу, как я могу теперь участвовать, раз все уже устроено... Кто такой «М. Гол.»?... Только что поняла, что это значит и кто она... В эту минуту, пока писала!.. Одним словом, будь осторожен. Вижу по твоему письму, что ты в диком энтузиазме и готов лезть на стену... 12 или 13 буду в Петрограде, *чтоб без меня не смел ничего делать*, а то я совсем не приеду... Крепко целую. Храни тебя Господь».

Но главное из письма осталось неясным — согласна ли она участвовать.

27 ноября Феликс написал ответ: «Какое счастье твое длинное письмо... Ты прямо не знаешь, как ты мне не достаешь именно теперь, когда вся моя голова разрывается на части от всяких мыслей и планов и т. д. Так хочу тебе все рассказать... *твое присутствие в середине декабря необходимо*. План, про который я тебе пишу, разработан детально, уже три четверти сделано, *остался финальный аккорд... и для этого ждут твоего приезда*... Это (убийство. — Э.Р.) — единственный способ спасти положение, которое почти безвыходно... *Ты же будешь служить приманкой (!!! — Э.Р.)*... Конечно, ни слова никому...»

В конце письма (видимо, чтобы окончательно убедить Ирину) Феликс написал загадочную фразу: «Маланья тоже участвует».

Итак, кроме Ирины в убийстве должна была участвовать и некая Маланья...

«РЕПЕТИЦИИ» ЗАКАНЧИВАЮТСЯ

Ирина должна была приехать в середине декабря. На это время и планировалось убийство. И Феликс сообщил Распутину о приезде жены.

Юсупов вспоминал: «Он согласился на предложение прийти познакомиться с женой... согласился с условием, что я сам приеду за ним и привезу его к себе. При этом он просил меня подняться по черной лестнице... Я с удивлением и ужасом отметил, с какой простотой Распутин согласился на все... и сам устранил все затруднения».

Феликс опять лукавит. Прийти с черного хода предложил конечно же он сам, разъяснив мужику щекотливость ситуации. И Распутин согласился. Он полагал, что агенты, охранявшие дом, все равно заметят их при выходе со двора и отправятся за ними. А если что случится у Феликса, можно будет убежать, как он бежал с вечеринки у Беллинг, и агенты его прикроют.

Мужик не знал, что после 10 часов вечера его не охраняют.

Заканчивались «репетиции» — так назовет Феликс в письме к Ирине подготовку преступления. Местом убийства выбрали дворец Юсуповых. Но он находился напротив полицейского участка, что, как писал Пуришкевич, «исключало стрельбу из револьвера». И потому решили «покончить с Распутинским отравлением».

Вначале думали действовать вчетвером — великий князь, Пуришкевич, поручик Сухотин и Феликс. Но Пуришкевич справедливо заметил, что необходим шофер — вывезти труп. Пятым участником убийства он предложил сделать хорошо известного ему доктора Лазаверта, врача из санитарного поезда, которым руководил сам Пуришкевич.

Убийство наметили на ночь с 16 на 17 декабря. «Так как у Дмитрия Павловича (добавим: весело кутившего Дмитрия Павловича. — Э.Р.) все вечера до 16-го были разобраны... остановились на этом дне». Это очень устраивало Пуришкевича — его санитарный поезд должен был отправляться на фронт 17 декабря.

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

24 ноября в салон-вагоне Пуришкевича состоялось совещание с участием Феликса и великого князя. Хозяин познакомил их с доктором Лазавертом.

Накануне кадетский лидер Василий Маклаков (тот самый, который произнес речь об ужасе «распутинства» и грядущей революции) через князя Юсупова передал заговорщикам яд — цианистый калий. Яд был в кристалликах и в растворенном виде, в небольшой склянке — им решено было отравить пирожные и вино для Распутина. (Впоследствии Маклаков, стремясь откреститься от участия в убийстве, сообщит, что дал заговорщикам безвредный порошок. Но доктор Лазаверт сумел бы отличить цианистый калий от простого порошка! Нет, Маклаков стал гуманистом много позже. А тогда он очень заботился, чтобы Распутин был убит, и даже дал Феликсу в придачу резиновую гантелю — на случай, если придется добивать мужика. Но сам участвовать не стал, сославшись на отъезд в Москву. Уклонился — все-таки убийство!)

В вагоне заговорщики обговорили окончательный план. Они должны были собираться в полночь — насыпать яд в пирожные и вино. В половине первого Феликс и доктор Лазаверт, переодетый шофером, отправятся за мужиком и привезут его в Юсуповский дворец, но не к главному входу, а во двор, чтобы выходящие из автомобиля были не видны сквозь чугунную решетку. Оттуда через маленькую дверь мужика введут в дом и по узкой винтовой лестнице проводят в подвал, который к 16 декабря должны были переоборудовать в очаровательную столовую в русском стиле. Здесь, в подвале, Феликс объяснит Распутину, что ему придется немного обождать желанного знакомства с Ириной, ибо наверху — неожиданно нагрянувшие гости, которые скоро разойдутся. И угостит мужика отравленными пирожными и отравленным вином...

В это время на лестнице, ведущей в подвал, остальные четверо будут ждать развязки — чтобы (если что-то случится) «ворваться и оказать помощь».

28 ноября Пуришкевич приехал осмотреть место убийства. «С беспокойством я прошел в кабинет Феликса, озирая строй челяди, толпившейся в передней во главе с ливрейным арапом...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЮСУПОВСКАЯ НОЧЬ

Феликс успокоил меня, объяснив, что вся прислуга будет отпущена, останутся лишь двое дежурных на главном подъезде».

Подвал, который перестраивали для приема дорогого гостя, «имел растерзанный вид, в нем шел полный ремонт... там проводили электричество». Но помещение показалось Пуришкевичу крайне удобным для задуманного: толстые стены; два окошечка, выходящие во двор, были крайне малы и нахолились на уровне тротуара. Так что можно было, на худой конец, даже и выстрелить...

Феликс все чаще навещался в Юсуповский дворец — руководил меблировкой места убийства. Арка разделяла сводчатый подвал на две части — в одной сделали маленькую столовую, в другой — крошечную гостиную.

«Три вазы китайского фарфора уже украшали ниши в стенах... Из кладовых принесли старинные стулья резного дерева, обитые кожей... драгоценные кубки из слоновой кости... Шкаф времен Екатерины Великой — эбенового дерева, с инкрустацией, с целым лабиринтом маленьких стекол, бронзовых колонок, потайных ящичков. На этом шкафу поставили распятие из горного хрусталя и гравированного серебра итальянской работы XVI века... Большой камин был украшен золочеными чашами, майоликовыми блюдами и скульптурной группой из слоновой кости. На полу расстелили персидский ковер, а перед шкафом — шкуру огромного белого медведя... В середине комнаты поставили стол, за которым Распутин должен был выпить последнюю свою чашку чая», — вспоминал Феликс.

Из комнат князя в подвал шла винтовая лестница, на которую (на полпути между комнатами и подвалом) и выходила *та маленькая дверь во двор*, к которой должны были привезти Распутина.

Утро 29 ноября убийцы провели в хлопотах — осматривали окрестности на автомобиле, искали, где лучше сбросить в прорубь труп. Нашли подходящее, почти неосвещенное место — на Малой Невке.

Когда я читал воспоминания Юсупова и Пуришкевича о подготовке убийства, многие детали показались мне хорошо знако-

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

мыми. И как перед убийством заботливо искали, куда вывезти труп (важно было хорошо спрятать тело), и как обсуждали, где убивать, и выбрали подвал, чтобы не слышно было выстрелов... Да и сам подвал, маленький, разделенный надвое, с окошками на уровне тротуара... Все оказалось таким похожим на подготовку убийства Царской Семьи — в очень похожем подвале дома Ипатьева.

В ночь с 16 на 17 декабря убьют Распутина. В ночь с 16 на 17 июля (по новому стилю) погибнет Царская Семья.

Так что убийство любимого «царями» мужика было будто репетицией убийства Семьи. И Юсуповская ночь — репетицией Ипатьевской ночи.

«НЕ ТАЩИ МЕНЯ В ПЕТРОГРАД...»

Итак, в ночь на 17 декабря 1916 года Распутину предстояло попросту исчезнуть. Феликс должен был вывезти его из дома в то время, когда там все уже спали, а охрана ушла. И Распутин обещал никому не говорить, куда он отправляется той ночью. А на случай, если бы он проболтался, убийцы, как вспоминал Феликс, придумали следующее: «Так как Распутин часто кутил в ресторане «Вилла Родэ»... то поручик Сухотин после убийства позвонит в ресторан... и спросит: «В каком кабинете Распутин?» И дождавшись отрицательного ответа, скажет: «Ага, так его еще нет? Значит, сейчас приедет...» И заговорщики смогут сказать, что мужик действительно был в Юсуповском дворце, но уехал оттуда в «Виллу Родэ». И власти услышат от администрации ресторана, что Распутин намеревался к ним приехать. Ну, а если исчез по дороге, то это вина какого-то очередного подозрительного собутельника...

А не поверят — пусть попробуют доказать. Заговорщики заранее решили до конца отрицать убийство.

Но перед самым покушением им нанесли удар. И какой! И — кто!

«Верный человек» привез из Крыма письмо Ирины: «3 декабря, Корейз... Я знаю, что если приеду, непременно забо-

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЮСУПОВСКАЯ НОЧЬ

лею... Ты не знаешь, что со мной. Все время хочется плакать... Настроение ужасное, никогда не было такого... Я не хотела всего этого писать, чтобы тебя не беспокоить. Но я больше не могу! Сама не знаю, что со мной делается. *Не тащи меня в Петроград... Приезжай сюда сам...* Я больше не могу, не знаю, что со мной. Кажется, неврастения... Не сердись на меня, пожалуйста, не сердись... Я ужасно как тебя люблю... Храни тебя Господь...»

Эта была странная истерика. Какой-то ужас охватил Ирину — видимо, она тоже верила в мужика-дьявола. Она понимала, какой удар наносит Феликсу, но ничего не смогла поделать с собой. Ирина не просто отказалась приехать — она умоляла мужа отказаться от задуманного: «Приезжай сюда сам...»

Накануне убийства жена Феликса лишила заговорщиков едва ли не главного — «приманки»...

И пришлось им придумать целое театральное представление...

План решили не менять и объявить Распутину, что Ирина приехала в Петроград. И действовать, как и прежде задумано: привезти мужика во дворец к Феликсу на встречу с Ириной, сообщить, что вечеринка немного затянулась. И попросить его подождать в очаровательной столовой в подвале (там должен был стоять накрытый стол — будто общество, вспугнутое приходом Распутина, в спешке покинуло столовую и заканчивает веселье наверху). И инсценировать эту вечеринку — звуками граммофона, шумом и голосами «гостей». И пока Распутин будет ждать, Феликс отравит его внизу вином и пирожными...

Итак, все было готово. Оставалось только ждать 16 декабря.

«ЦАРСТВО ВОЛИ И МОЩИ»

В дни последних «репетиций» заговорщиков Николай собирался покинуть Царское Село. Его очередной кратковременный приезд домой закончился. 2 декабря, за два дня до отъезда, царь в последний раз встретился с Распутиным. И простился с ним...

Накануне Распутин видел очередной сон, который обещал успех и благополучие. Видение «Божьего человека», случившее-

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

ся, как всегда, вовремя, обрадовало Аликс. Она чувствовала упадок духа у Ники и, чтобы поддержать его, разрешила взять с собой мальчика. 4 декабря царь и наследник уехали в Ставку.

В поезде Николая уже ждало ее письмо, в котором можно найти следы каких-то очень серьезно готовившихся решений.

«4 декабря 1916... Еще немного терпенья и глубочайшей веры в молитвы и помощь Нашего Друга, и все пойдет хорошо! Я глубоко убеждена, что близятся великие и прекрасные дни твоего царствования и существования России. Только сохрани бодрость духа... Покажи всем, что ты *властелин*... *Минувало время великой снисходительности и мягкости, теперь наступает твое царство воли и мощи!*.. Их следует научить повиновению... ты их избаловал своей добротой и всепрощением... Дела начинают налаживаться — сон Нашего Друга так знаменателен! Милый, помолись у иконы Могилевской Божьей матери... ты там обретешь мир и крепость... Пусть народ видит, что ты — царь-христианин...»

Заговорщики готовились к убийству, а Распутин был ровен и радостен. Он, видимо, тоже ждал неких серьезных решений царя, заранее обговоренных в «царскосельском кабинете». Скоро, скоро не будет Думы и всех этих злых говорунов!

6 декабря Аликс написала Ники: «Мы провели вчерашний вечер уютно и мирно в маленьком доме. Милая «большая Лили» (Ден. — Э.Р.) тоже пришла туда попозднее, а также Муња Головина. Он был в хорошем, веселом настроении. Видно, что Он все время думает о тебе и что все теперь хорошо пойдет... Будь властелином, слушайся твоей стойкой женушки и Нашего Друга».

«УСТАМИ МЛАДЕНЦА...»

Феликс, смирившись с решением Ирины, отправил ей письмо. Теперь он просил ее только о телеграмме: «8 декабря 1916... Я выезжаю 16 или 17... Какое будет счастье опять быть вместе! Ты не знаешь, как я тебя люблю... *Репетиции идут благополучно...*

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЮСУПОВСКАЯ НОЧЬ

Пришли 16-го телеграмму, что заболела и просишь меня приехать в Крым, это необходимо...»

Как и Пуришкевич, Феликс решил уехать из столицы тотчас после убийства. И ему нужна была телеграмма о болезни жены, чтобы отъезд не выглядел бегством.

Но нервность Ирины не проходила. Да и не могла пройти — она понимала, что «репетиции» скоро закончатся кровавой премьерой. Она по-прежнему сходила с ума, боялась встречи Феликса с опасным мужиком, которому подвластны потусторонние силы. И нервность эта закончилась настоящей болезнью.

«9 декабря. Дорогой Феликс... получил ли ты мой бред?.. Не думай, что я все это выдумала, такое было настроение последние дни... Сегодня утром температура нормальная, но я все-таки лежу. Почему-то ужасно похудела... Прости меня за мое последнее письмо, оно ужасно неприятное... Хотела приберечь все это для твоего приезда, но оказалось, что не могу, надо было вылить душу... С Бэби (маленькая дочь Ирины и Феликса. — Э.Р.) что-то невероятное. Недавно ночью она не очень хорошо спала и все время повторяла: «Война, няня, война!» На другой день спрашивают: «Война или мир?» И Бэби отвечает: «Война!»... Через день говорю: «Скажи — мир». И она прямо на меня смотрит и отвечает: «Война!» Это очень странно... Целую тебя и ужасно жду».

Война, кровь и гибель. «Устами младенца...»

«А ТЫ, КРАСАВИЦА, ТЯЖКИЙ КРЕСТ ПРИМЕШЬ...»

Свое благодное состояние Распутин поддерживал вином. Он хотел забыть о смерти... Теперь он был постоянно пьян.

Из показаний Марии Головиной: «В последнее время он сильно пил, и это возбуждало во мне к нему жалость. Пьянство не отразилось на его умственных способностях. Он говорил еще более интересно...»

Теперь несчастному Протопопову приходилось приезжать к нему во время попоек. Так Распутин проверял покорность министра — и это было для Протопопова невыносимо.

Из показаний Головиной: «В разговоре со мной Протопопов жаловался, что он очень устал, что ему тяжело, что ему только Бог поможет... и он уйдет куда-нибудь в скит, и как ему это хотелось бы, но он не может этого сделать из любви к «ним» — как я поняла, к Государю и Государыне... Если разобраться, то, конечно, было странно, что министр внутренних дел ведет такие разговоры со мною, но в то время было так много странно-стей!»

Но когда его звали в Царское, Распутин по-прежнему преобразался. Комиссаров показывал в «Том Деле»: «В этот день не пил... шел в баню, ставил свечку... он всегда это делал, когда ездил лично к царю... Потом весь день готовился. Затем дорогой концентрировался и сосредотачивал волю».

Даже когда его привезли к «царям» после веселой закладки Аниной церкви, мужик, как отметит царица в письме, был трезв.

11 декабря царица была в Новгороде вместе с великими княжнами и конечно же с Подругой. В древнем Софийском соборе они отстояли литургию, а в Десятинном монастыре посетили пророчицу. «Она лежала в маленькой темной комнате в абсолютной темноте... и поэтому мы захватили свечку, чтобы можно было разглядеть друг друга... Ей 107 лет, она носит вериги», — писала Аликс мужу.

В колеблющемся свете свечи царица разглядела «молодые лучистые глаза». И старица, жившая еще при Николае I, заговорила из темноты. Она несколько раз повторила Государыне всея Руси: «А ты, красавица, тяжкий крест примешь... не страшись...»

Так закончилось последнее путешествие Государыни. В следующий раз Аликс уедет из Царского Села уже низложенной ссыльной.

Из Новгорода они с Подругой привезли маленькую иконку — подарок «Нашему Другу». Ту самую, которая окажется потом в его гробу.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

13 декабря Юсупов позвонил Пуришкевичу и сказал: «Ваня приехал». Так он подтвердил: все готово к 16 декабря...

А Распутин продолжал пребывать в самом благостном настроении. Все складывалось как нельзя лучше — по приказу «мамы» было прекращено дело Манасевича-Мануйлова.

В 1917 году в Чрезвычайной комиссии Манасевич будет достаточно откровенен: «Распутин сказал мне: «Дело твое нельзя рассматривать, начнется страшный шум...» И он сказал царице, чтобы она написала сама министру юстиции Макарову... Он боялся газетной кампании... боялся, что всплывет его имя... Распутин мне сразу позвонил: «Сейчас мне из дворца звонили... у мамы есть телеграмма от мужа о том, что делу не бывать...»

Действительно, все так и было — с точностью до слова. 10 декабря Аликс написала Ники: «На деле Мануйлова прошу тебя написать «прекратить дело» и переслать его министру юстиции... Иначе... могут снова подняться весьма неприятные разговоры... Пожалуйста, сейчас же, не откладывая, отошли дело Макарову, иначе будет поздно...»

И через несколько дней Манасевич был на свободе. Любимый «секретарь» Распутина вновь появился в квартире на Горьковой. Появился он и в клубе, играл по крупному. Проехался по Петрограду, понюхал — все ли спокойно? И, видимо, был удовлетворен, ибо Распутин, опасавшийся дотоле ходить по улицам, решился даже прогуляться по городу.

За день до убийства Аликс написала мужу: «Очень благодарю тебя (также от имени Григория) за Мануйлова... Наш Друг... уже давным-давно не выходит из дому, ходит только сюда. Но вчера Он гулял по улицам с Муней к Казанскому собору и Исаакиевскому... ни одного неприятного взгляда, все спокойны. Он говорит, что через 3 или 4 дня дела в Румынии поправятся, и все пойдет лучше... Пожалуйста, скажи Трепову: *Дума должна быть распущена до начала февраля...* поверь совету Нашего Друга. Даже

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

дети замечают, что дела идут плохо, если мы Его не слушаем, и, наоборот, хорошо, если слушаем».

Так в последний раз «Наш Друг» посоветовал царице то, чего она сама так хотела! И в ночь на 16 февраля царь подписал указ о перерыве в работе Думы до 19 февраля.

Наступил последний день в жизни Распутина. Он умрет, не увидев своей победы.

Глава 14

УБИЙСТВО

ПОСЛЕДНИЙ ВЕЧЕР

16 декабря – самый обычный день Распутина. Сначала на квартире появилась трогательная Муня: «Я приехала к 12 и пробыла до 10 вечера... он был возбужден и сказал: «Сегодня я поеду», но не сказал, куда».

Правда, Бадмаев в «Том Деле» показал другое: «Головина призналась в своем горе. Она знала еще накануне, что Распутин намеревался... кутить и ужинать у князя Юсупова».

Появилась и Вырубова. Впоследствии Белецкий показал, что Аня приехала на Гороховую в 8 вечера и Распутин ей сказал, что должен уехать с Юсуповым «исцелять его жену».

Вырубова не знала, что Ирины нет в Петрограде, и посоветовала «Нашему Другу» отказаться от этого приглашения. Она сказала, что это унижительно для него – ездить по ночам к тем, кто стыдится принимать его открыто – в дневное время. И он дал ей обещание не ехать...

Итак, пообещав Феликсу держать поездку в тайне, хитрый мужик на всякий случай рассказал всем близким, куда он собирает-

ся. Он был уверен, что, как обычно, за ним увяжутся агенты (не знал, что ночью его охрана уходит). Так что хотя Распутин и «вполне доверял» Феликсу, но кое-какие меры предосторожности все-таки принял...

Муња Головина уехала в десять, и тут же появилась некая дама — из тех мимолетных, бывавших в «комнатке с диваном» и тотчас исчезающих. Как показала потом швейцарша: «У него с 10 вечера была дама лет 25 до 11 часов». То же подтвердила и племянница Анна, гостившая в те дни у Распутина: «Часам к 10 вечера пришла полная блондинка, которую звали «сестра Мария», хотя она вовсе и не сестра милосердия». Но в каком-то смысле она была именно «сестрой милосердия», ибо помогла Распутину снять напряжение, которое, видимо, против воли охватило его, и «утончить нервы» перед ночью, которая столько ему обещала...

Около одиннадцати вернулисьего дочери. На следующий день им обеим пришлось давать показания следователю. Варвара ничего не знала: «Мы с Матреной ходили в гости, спать легли в 11, и я не видела, как и куда и с кем он уехал. Отец мне ничего не говорил, что в эту ночь он куда-то собирается уйти». Но старшая, Матрена, показала: «Когда я вернулась и уходила спать, *отец мне сказал, что едет в гости к Маленькому...*»

И наконец около полуночи приехал Протопопов. «В ночь убийства Распутина я заехал к нему... около 12, проводив на поезд... Воскобойникову (потому что знал: в это время нет агентов, дежуривших у квартиры. — Э. Р.)... Я... пробыл у него 10 минут... видел только его одного, он сам отворил мне дверь. О намерении ехать куда-то ночью мне не сказал». Видимо, Распутин, поджидавший Юсупова, поспешил свернуть разговор с министром.

Шел первый час ночи на 17 декабря. Распутин стал одеваться. Его служанка показала: «Он надел голубую рубашку, вышитую васильками... но не мог застегнуть ворот, и я ему пуговицы застегнула». Он продолжал волноваться...

Одетый, он лег на кровать и стал ждать Феликса. Дочери уже спали, но племянница Анна и служанка Катя еще не легли. Анна и рассказала следователю: «В начале первого часу ночи дядя лег

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЮСУПОВСКАЯ НОЧЬ

на кровать, не раздеваясь, на недоуменные вопросы мои и Печеркиной ответил: «Сегодня я пойду... в гости к Маленькому... Маленьким дядя называл Юсупова».

Потом Анна пошла спать в комнату к дочерям Распутина, а Печеркина ушла на кухню и там легла за перегородкой для прислуги. Подозрительные сборы хозяина, очевидно, возбудили ее любопытство — она не спала, ждала, кто же придет за ним...

Наконец «с черного хода раздался звонок». Отодвинув занавеску, закрывавшую ее кровать, она увидела Распутина и его гостя. Это был «Маленький» — князь Феликс Юсупов.

ХРОНИКА УТРА

В 8 часов утра племянница Распутина позвонила Муне Головиной и сказала, что дядя уехал ночью с «Маленьким» и не возвратился домой.

Незадолго до этого Протопопова разбудил звонок Градоначальник Балк весьма взволнованно сообщил министру, что городской, стоявший на набережной Мойки, слышал выстрелы во дворце Юсупова, после чего был позван в дом, и находившийся там член Государственной Думы Пуришкевич сказал ему, что Распутина убили... Протопопов соединился с квартирой на Гороховой и узнал: Распутин дома не ночевал и до сих пор не вернулся.

Часам к одиннадцати на Гороховую приехала Мария Головина. Она сказала дочерям, что звонила князю Юсупову, но «там еще все спят». Впоследствии Муня показала, что была в то время спокойна, ибо «Распутин при мне просил князя свозить его к цыганам и оттого, узнав, что он с ним уехал, я не обеспокоилась».

Наконец около полудня Феликс сам позвонил Муне, и она успокоила дочерей — передала им слова князя о том, что он вовсе не видел их отца. Каков же был ее ужас, когда служанка Катя поклялась, что это ложь, что Феликс ночью заехал за Распутиным и она сама его видела в квартире...

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

Головина немедленно позвонила Вырубовой в Царское Село. Из показаний фельдшера Жука: «Часов в 12 дня позвонили по телефону и сообщили, что Распутин вышел из дома и не вернулся. Вырубова немедленно сообщила об этом во дворец, и началось большое волнение... непрерывные переговоры с Петроградом».

В то же время Протопопов непрерывно связывался с Царским Селом. Он сообщил императрице и Вырубовой сведения о событиях в Юсуповском дворце, полученные от городского. Тогда же Протопопов вызвал жандармского генерала Попова, вручил ему приказ за номером 573 — «произвести следствие по делу об исчезновении Григория Ефимова Распутина». Следствие должно было начаться немедленно и проходить в абсолютной тайне.

С утра на квартире Распутина начали появляться посетители, очень интересовавшиеся бумагами исчезнувшего хозяина.

Из протокола допроса Манасевича в Чрезвычайной комиссии: «— Вы были у Распутина на квартире в ночь, когда он исчез?

— Был утром... я приехал... там был переполох, приехал Симанович с епископом Исидором и рассказал, что были у пристава части, где все произошло.

— Вы его бумаги разбирали?

— Не касались. (Манасевич, естественно, не мог ответить иначе.— Э.Р.)

— Протопопов при вас посетил квартиру Распутина?

— При мне не было...»

Из протокола допроса Протопопова:

«— Есть молва, что сразу после убийства вы пришли к нему на квартиру?

— Никогда... ведь там была полиция...»

Но министр внутренних дел, учитывая связи Распутина и с ним, и с «царями», просто обязан был прибыть туда раньше полиции, раньше всех, в том числе и Манасевича, — как только узнал об исчезновении Распутина. Так что после всех этих внимательных гостей никаких важных документов в квартире остаться уже не могло.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ЮСУПОВСКАЯ НОЧЬ

Между тем события развивались. В два часа дня генерал Попов получил извещение, что на Большом Петровском мосту на Малой Невке имеются следы крови, а под мостом найден ботинок коричневого цвета. В три часа ботинок был предъявлен дочерям Распутина, и они «признали его принадлежащим отцу».

«Я НЕ ХОЧУ ВЕРИТЬ, ЧТО ЕГО УБИЛИ...»

Предполагаемая смерть фаворита переполошила все высшее общество. Великие князья, послы, министры, двор — все горячо обсуждали слухи о гибели полуграмотного мужика из сибирского села.

Из дневника великого князя Николая Михайловича: «17 декабря в 5.30 — 2 телефонных звонка, один от княгини Трубецкой, другой от английского посла Бьюкенена... мне сообщили, что прошлой ночью убит Григорий Распутин. Такое неожиданное известие ошеломило меня, и я помчался в автомобиле в дом брата Александра на Мойку, чтобы узнать в чем дело... Прислуга сообщила, что Феликс вернется поздно...»

Видимо, Николаю Михайловичу сообщили не только об убийстве, но и о том, что Феликс, живший тогда у Александра Михайловича, подозревается в преступлении. Не застав Юсупова дома, великий князь отправился обедать в мятежный «Яхт-Клуб». В тот день клуб был переполнен, множество экипажей и авто дежурили у входа.

Аристократический муравейник гудел... «Все только и говорили об исчезновении Гришки... Под конец обеда явился бледный как смерть Дмитрий Павлович, с которым я не разговаривал, так он сел за другой стол... Трепов доказывал во всеуслышание, что все это ерунда... Между тем Дмитрий Павлович заявил другим, что *Распутин, по его мнению, или исчез, или убит...* Мы сели за карты, а Дмитрий Павлович уехал во французский Михайловский театр». Так что нужную информацию получили все. И все откуда-то уже знали, что Дмитрий — причастен...

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

В тот день Вырубова по требованию Аликс переселилась во дворец. Из показаний фельдшера Жука: «Вырубова переехала ночевать во дворец по приказанию царицы. Опасались, что ее могут тоже убить, так как она... стала получать угрожающие письма еще за год до убийства Распутина... Особенно... опасались молодых великих князей... Мне было приказано никого из великих князей не принимать... В квартире Вырубовой были переделаны внутренние ставни».

Аликс подозревала, что это только начало расправы «романовской молодежи» над «нашими». Днем 17 декабря она написала мужу: «Мы сидим все вместе... ты можешь себе представить наши чувства — Наш Друг исчез. Вчера А<ня> *видела Его, и Он ей сказал, что Феликс просил Его приехать к нему ночью, что за Ним заедет автомобиль, чтоб Он мог повидать Ирину...* Сегодня ночью был огромный скандал в Юсуповском доме... большое собрание, Дмитрий, Пуришкевич и т. д. — все пьяные. Полиция слышала выстрелы. Пуришкевич выбежал, крича полиции, что Наш Друг убит. Полиция приступила к розыску... Феликс намеревался сегодня ночью выехать в Крым, я попросила Калинина (Протопопова. — Э.Р.) его задержать... Феликс утверждает, будто он... никогда не звал Его. Это, по-видимому, была западня. Я все еще полагаюсь на Божье милосердие, что Его только увезли куда-то... Я не могу и не хочу верить, что Его убили. Да смилуется над нами Бог!.. Такая отчаянная тревога... Приезжай немедленно — никто не посмеет ее (Аню. — Э.Р.) тронуть или что-либо ей сделать, когда ты будешь здесь... Феликс последнее время часто ездил к Нему...»

В тот день она послала Ники еще и телеграмму: «Мы еще надемся на Божье милосердие. Замешаны Феликс и Дмитрий».

Уже вечером об этом знало все Царское Село.

Из воспоминаний Ольги, жены великого князя Павла Александровича, мачехи Дмитрия: «17 декабря в субботу вечером в Царском давали концерт... Около восьми часов раздался телефонный звонок. Мгновение спустя Владимир (ее сын от первого брака. — Э.Р.) вбежал в мою комнату: «Старцу конец. Мне только что позвонили. Господи, теперь мы вздохнем свободнее. Подробности еще неизвестны. В любом случае, он исчез 24 часа назад. Быть может,

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ЮСУПОВСКАЯ НОЧЬ

мы что-нибудь узнаем на концерте»... Никогда не забыть мне того вечера. Никто не слушал ни оркестр, ни артистов... Во время антракта я заметила, что взгляды, устремленные на нас, были особенно пристальны. Но тогда я еще не догадывалась почему...» Наконец кто-то из знакомых сообщил ей: «Кажется, исполнители этого дела — из высшей аристократии. Называют Феликса Юсупова, Пуришкевича и великого князя...» У меня остановилось сердце. К концу вечера имя Дмитрия было у всех на устах.

«ДЕЛО ОБ ИСЧЕЗНОВЕНИИ КРЕСТЬЯНИНА РАСПУТИНА»

Наступило утро 18 декабря, но Распутина не нашли.

Генерал Попов и его подчиненный полковник Попель второй день вели непрерывные допросы. Среди допрошенных были двое городских, стоявших в ту ночь недалеко от Юсуповского дворца, обе дочери Распутина, служанка Печеркина, племянница Распутина и Мария Головина.

18 декабря Феликса Юсупова пригласили дать показания по «делу об исчезновении крестьянина Распутина». Допрашивал князя сам министр юстиции Макаров. Эти показания особенно интересны, ибо даны по горячим следам — на следующий день после убийства...

Но 19 декабря, на третий день следствия, вдруг последовало распоряжение министра внутренних дел о немедленном прекращении дела. Все протоколы допросов Протопопов тотчас забрал к себе.

В 1928 году в Париже умер Васильев — последний директор департамента полиции. Он оставил рукопись о царской охранке, которая вскоре была издана. В ней автор процитировал (с ошибками) некоторые документы из «дела о Распутине». Из этой книги документы (вместе с ошибками) попадут во множество книг о Распутине...

Между тем оказалось, что само дело... было опубликовано! Его напечатал сразу же после Февральской революции журнал «Былое» — в ряду самых сенсационных документов павшего режима.

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

Показания в «деле о Распутине» мы и будем сравнивать с версией об убийстве Распутина, созданной его убийцами Пуришкевичем и Юсуповым и ставшей общепризнанной. Материалы из этого дела помогут нам восстановить *истинную картину загадочной Юсуповской ночи.*

РАССКАЗЫВАЮТ ПОЛИЦЕЙСКИЕ

48-летний Степан Власюк, дежуривший в ночь на 17 декабря на набережной Мойки, сообщил: *«Около 3 часов ночи я услышал 3–4 быстро последовавших друг за другом выстрела...»*

Власюк направился к городовому Ефимову, дежурившему поблизости. На вопрос, где стреляли, Ефимов указал на Юсуповский дворец. Власюк тотчас пошел туда, встретил дворника Юсуповых, но тот сказал, что выстрелов не слышал. «В это время я увидел, что по двору дома идут в направлении калитки два человека в кителях и без фуражек, в которых я узнал князя Юсупова и его дворецкого Бужинского. Последнего я спросил: «Кто стрелял?» Он ответил, что никаких выстрелов не слышал». Власюк, успокоившись, вернулся на пост. «О происшедшем я никому не заявил, потому что приходилось слышать такие звуки от лопающихся автомобильных шин... Но через 15–20 минут ко мне подошел Бужинский и сказал, что меня требует князь Юсупов... Едва я переступил порог кабинета, ко мне подошел навстречу князь Юсупов и неизвестный мне человек, одетый в китель защитного цвета... с русой бородкой и усами». И далее Власюк изложил удивительный разговор:

«Этот человек спросил меня:

– Про Пуришкевича слышал?

– Слышал...

– Я и есть Пуришкевич... А про Распутина слышал?.. Вот он, Распутин, и погиб... И если ты любишь Россию-матушку, ты должен об этом молчать...

– Слушаюсь.

– Теперь можешь идти...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЮСУПОВСКАЯ НОЧЬ

Минут через 20 ко мне пришел околоточный надзиратель Калядин, и я ему все рассказал».

Второй городской, 59-летний Флор Ефимов, дежуривший напротив Юсуповского дворца, был старым, опытным полицейским. Он сообщил: «В 2.30 ночи я услышал выстрел, через 3–4 секунды последовали еще 3–4 выстрела... *быстро, один за другим, звуки выстрелов...* После первого выстрела *раздался негромкий, как бы женский крик...*»

На вопрос следователя об автомобиле, приехавшем или отъезжавшем от дворца после услышанных им выстрелов, Ефимов ответил: «*В течение 20–30 минут не проезжал по Мойке никакой автомобиль или извозчик... только спустя полчаса... проехал какой-то автомобиль, который нигде не останавливался.*»

Итак, запомним: оба полицейских, дежуривших неподалеку от дворца, дают одинаковые показания о трех или четырех выстрелах в Юсуповском доме. При этом находившийся ближе городской Ефимов слышал «негромкий, как бы женский крик». И еще одна важная деталь: никакой автомобиль сразу же после выстрелов к дому не подъезжал. Но был автомобиль, проехавший через полчаса после выстрелов.

Не заметил приехавшего после выстрелов автомобиля и Власюк.

Такими показаниями уже обладало следствие к тому моменту, когда министр юстиции Макаров начал допрашивать Феликса Феликсовича, князя Юсупова, графа Сумарокова-Эльстон.

«СОБАКУ УБИЛ ИМЕННО ОН...»

Рассказав Макарову историю своего знакомства с Распутиным, Юсупов перешел к недавним событиям:

«Я отделявал... помещение в своем доме на Мойке... и великий князь Дмитрий Павлович предложил мне устроить вечеринку по случаю новоселья. Решено было пригласить на нее Владимира Митрофановича Пуришкевича и нескольких офицеров и дам из общества... она и была назначена на 16 декабря... По вполне понятным причинам я не хочу называть фамилии офицеров и дам,

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

это может повредить им и возбудить ложные слухи... Чтобы не стеснять гостей, я приказал прислуге все приготовить для чая и ужина... а потом не входить. Большинство гостей должно было приехать не с парадного подъезда... а с бокового входа, ключ от которого я имел лично... Собравшиеся пили чай, танцевали... Около 12.30 позвонил откуда-то Распутин... и приглашал поехать к цыганам, на что последовали шутки и остроты со стороны гостей... На мой вопрос, откуда он говорит, Распутин не хотел сказать... но по телефону слышны были голоса, шум и женский визг...»

Здесь Макаров мог уличить Феликса во лжи сведениями, полученными от домашних Распутина. Но министр не посмел противопоставить показаниям родственника царя показания кухарки и дочерей мужика... И князь продолжал: *«Около 2–2.30 ночи две дамы пожелали ехать домой и с ними уехал великий князь Дмитрий Павлович... Когда они вышли... я услышал выстрелы во дворе. Я вышел во двор и... увидел убитую собаку, лежащую у решетки... Впоследствии... Его Императорское Высочество сообщил, что собаку убил именно он (хорошо запомним эту фразу! — Э.Р.)... После этого я позвал с улицы городского, которому сказал: «Если будут спрашивать о выстрелах, скажи, что собаку убил мой приятель...»*

Видимо, здесь последовал вопрос Макарова о словах Пуришкевича, сказанных городовому Власюку. Князь отвечал забавно: *«Бывший в кабинете Пуришкевич что-то стал говорить... Что он говорил, я полностью не расслышал... Что касается показаний городского, будто Пуришкевич сказал ему в моем кабинете, что убит Распутин, то Пуришкевич был пьян и не помнил, что говорит... Я у Распутина ни днем, ни вечером 16-го не был, что могут подтвердить и гости, и прислуга... Какие-то люди глубоко обдумали план убийства и связали его со мной и вечером, происходившим в моем доме».*

АРЕСТ НА ВОКЗАЛЕ

После допроса, вечером 18 декабря, Феликс собрался выехать поездом в Крым. Но...

Из дневника великого князя Николая Михайловича (запись от 18 декабря): «На другой день, все еще не увидев Юсупова, я

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЮСУПОВСКАЯ НОЧЬ

узнал, что Феликс и оба племянника уезжают в Крым. Но за день толки не умолкали, и А.Ф. Трепов сообщил мне 18-го по телефону, что, действительно, Распутин вероятно убит и что упорно называют Дмитрия Павловича, Феликса Юсупова и Пуришкевича как замешанных в этом убийстве... Я вздохнул свободнее и сел безмятежно играть в карты, радуясь, что этот мерзавец не будет больше вредить, но опасаясь, что сведения Трепова неверны... В 9 часов вечера я навестил племянников и простился с ними... Каково было мое удивление, когда в 10 с половиной меня вызвал к телефону Феликс, говоря, что он задержан жандармским офицером на Николаевском вокзале и что он очень просит заехать к нему... Феликс уже лежал в кровати... Я пробыл у него полтора часа, выслушивая его откровения».

Феликс дословно повторил Николаю Михайловичу версию, которую до того излагал Макарову. Но великий князь уже знал слухи...

«Слушал я его повествование молча и сказал ему... что весь его роман не выдерживает никакой критики и что... убийца он».

Наутро весь Петроград гудел: сенсация — князь Юсупов задержан на Николаевском вокзале! Но Феликса не просто задержали — посадили под домашний арест. Таков был приказ царицы, потребовавшей, чтобы следствие выяснило всю правду. Под домашним арестом оказался и великий князь Дмитрий. Правда, их заточение было весьма своеобразным: Феликс на следующий же день переехал к Дмитрию, что давало им возможность выработать общую версию в ожидании вызова к следователю.

Но к следователю их больше не вызовут. Царь любил историю и помнил события, с которых началась Французская революция. Публичное разбирательство «дела об ожерелье королевы», в котором была замешана Мария Антуанетта, стало прологом падения Людовика XVI. Вот почему 19 декабря, когда труп Распутина всплыл на реке, генералу Попову тотчас повелели прекратить расследование...

В те дни полиция перехватила первые приветственные телеграммы, направленные Дмитрию и Феликсу. Особенно должны были потрясти царя телеграммы от Эллы — кроткая настоятельница полумонашеской обители писала Дмитрию: «18, в 9.30 вечера...

Только что вернулась вчера поздно вечером, проведя всю неделю в Сарове и Дивееве, молясь за вас всех дорогих. Прошу дать мне письмом подробности событий. Да укрепит Бог Феликса после патриотического акта, им исполненного».

И еще одну телеграмму она послала в Крым Зинаиде Юсуповой: «Все мои горячие и глубокие молитвы окружают вас всех за патриотический акт вашего дорогого сына». Так что Элла уже 18 декабря, «только что вернувшись» из Дивеева, знала все и об убийстве, и об убийцах. И одобрила «патриотический акт»...

Не знала она лишь подробностей, которые на следующий день рассказал Феликс великому князю Николаю Михайловичу.

Из дневника великого князя Николая Михайловича: «Когда на другой день, 19-го, Феликс переехал на квартиру Дмитрия Павловича, то войдя к ним в комнату я брякнул: «Приветствую вас, господа убийцы!..»

И, «видя, что упираться больше не стоит», Феликс начинает свой рассказ...

РАССКАЗЫВАЮТ УБИЙЦЫ

Впоследствии в Париже князь Юсупов издал свои воспоминания об убийстве Распутина в разных редакциях. В них он в основном повторит то, что рассказал в тот вечер Николаю Михайловичу.

И тогда же был записан *другой* рассказ обо всем, что случилось в Юсуповском дворце. Рассказ другого участника убийства...

В отличие от Феликса Пуришкевич сумел выехать из Петрограда почти сразу же после убийства. Сидя в вагоне своего санитарного поезда, шедшего на фронт, Пуришкевич всю ночь с 17 на 18 декабря описывал происшедшее: «Вокруг меня глубокая ночь, полная тишина... плавно качаясь, уносит вдаль мой поезд... я не могу заснуть... события последних сорока восьми часов вихрем проносятся в моей голове... Распутина уже нет, он убит... Судьбе угодно... чтобы он пал от моей руки... Слава Богу, что рука вели-

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЮСУПОВСКАЯ НОЧЬ

кого князя Дмитрия Павловича не обагрена этой грязной кровью». И поясняет: *«Царственный юноша не должен быть повинным... в деле, связанном с пролитием крови... пусть эта кровь будет и кровью Распутина».*

Запомним: «царственный юноша не должен быть повинным...»

Именно в соответствии с этими двумя источниками — воспоминаниями Юсупова и Пуришкевича — история убийства Распутина будет переходить из книги в книгу. История, которая, по мнению великого князя Николая Михайловича «так напоминает... средневековое убийство в Италии». Или точнее — модный (и тогда, и теперь) триллер, где люди-герои убивают ужасного демона.

Еще Троцкий, явно ощутив привкус бульварной беллетристики, назовет эту историю «безвкусной». Да, сходство ее с литературой определенного пошиба весьма настораживает... И чем больше вчитываешься в эту историю, тем более она кажется подозрительной.

Однако сначала предоставим слово двум убийцам.

Пуришкевич: «Постараюсь с фотографической точностью изложить весь ход происшедшей драмы, имеющей историческое значение. В ту ночь... погода была мягкая, 2–3 градуса, падал мокроватый снег...»

И в этом «мокроватом снегу» у дворца Юсуповых появился редкий в ту пору военный автомобиль. Он постоял, потом уехал, вновь появился и наконец подъехал к главному входу дворца.

В этом автомобиле находились Пуришкевич и доктор Лазаверт, сидевший за рулем. Они должны были, как условлено, подъехать через двор к боковому входу, чтобы незамеченными войти в дом. Но... ворота во двор оказались закрыты. Пуришкевич понял, что легкомысленный Феликс попросту забыл уговор.

«Сделав пару кругов, пришлось подъехать к главному входу». Оттуда Пуришкевич и Лазаверт прошли в кабинет Юсупова, где уже собрались и остальные — великий князь Дмитрий и поручик Сухотин. Феликс встретил прибывших как ни в чем не бывало. Но им было не до объяснений — все торопливо спустились

вниз, где Пуришкевич, восхищенный видом превращенного «в изящнейшую бонбоньерку в стиле древнерусских палат» подвала, и вовсе забыл свой гнев.

Пуришкевич: «Это прелестное помещение было разделено на две части: ближе к камину — этакая миниатюрная столовая... уютно пылал огонь... на камине великолепное распятие слоновой кости, и под окном столик с бутылками — херес, портвейн, мадера и марсала... Задняя часть помещения представляла будуар со шкурой белого медведя... и диванчиком, перед которым эта шкура лежала».

Они сели в столовой, и Юсупов предложил отведать приготовленные для Распутина пирожные, прежде чем начинить их ядом. Пирожные были под стать столовой — «крохотные птифуры... розовые и коричневые, подобранные в гамме с цветом стен». Пили чай и нервно «ждали половины двенадцатого, когда шпики покидают квартиру Распутина» и пустеют улицы столицы...

Закончив чаепитие, «постарались придать вид, что тут было целое общество, вспугнутое приходом неожиданного гостя» — в чашки налили немного чаю, разбросали на столе помятые салфетки. Доктор Лазаверт, надев перчатки, стал начинять кристаллами цианистого калия пирожные *с розовым кремом* (шоколадные оставили для Феликса). Лазаверт «густо насыпал яд внутрь пирожных» и, закончив свою страшную работу, бросил перчатки в камин, «задымивший так, что пришлось проветривать комнату». Потом доктор надел шоферскую форму, а Феликс набросил на плечи шубу и «натянул до ушей меховую шапку, совершенно скрывавшую лицо».

Вскоре оставшиеся в доме услышали шум отъехавшего автомобиля.

Они подъехали к дому на Гороховой. На следствии дворник показал: «К запертым воротам дома после полуночи подъехал мотор... Неизвестный мужчина, выйдя из мотора, прямо направился в калитку. На вопрос, к кому он идет, он ответил: «К Распутину»... Он был без бороды... с черными усами... одет в длинной оленьей дохе... и на голове у него черная шапка». Дворник показал ему парадный вход, но неизвестный направился к черному

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЮСУПОВСКАЯ НОЧЬ

ходу. «По всему было видно, что этот человек хорошо знает расположение дома».

Юсупов: «Я поднялся по черной лестнице... она не была освещена, я поднимался на ощупь и с большим трудом нашел дверь квартиры «старца».

Цепь звякнула, запор заскрипел, дверь отворилась, и Феликс вошел на кухню.

«Было темно, и мне показалось, что кто-то следит за мной из соседней комнаты. Я инстинктивно надвинул шапку на глаза».

Феликс не ошибся — когда он шел на кухню, за ним из-за своей занавески наблюдала Катя Печеркина. Впоследствии она показала: «Когда оба прошли мимо меня по кухне в комнаты... я увидела, что пришел Маленький».

Юсупов: «Мы вошли с ним в спальню, освещенную только лампадой, горевшей перед образами. Распутин зажег свечу. Я заметил, что кровать была смята, возможно, он только что отдыхал... Около постели приготовлена была его шуба и бобровая шапка... Распутин был одет в... шелковую рубашку, вышитую васильками, и подпоясан толстым малиновым шнуром с двумя большими кистями. Черные бархатные шаровары и высокие сапоги... Бесконечная жалость к этому человеку вдруг овладела мной. Мне было стыдно грязных способов чудовищной лжи, к которой я прибегнул. В тот момент я презирал самого себя, я спрашивал себя... как мог я задумать такое подлое преступление... Я с ужасом смотрел на свою жертву, доверившуюся мне...»

Но Распутин так и не почувствовал его смятенного состояния. И оттого Феликс задает себе вопросы, которые хочется задать и нам: «Как же его ясновиденье? Чему послужил его дар предвиденья, если он не видит ловушки, расставленной для него?.. Но мои угрызения совести уступили место твердой решимости выполнить свое дело... Мы вышли на темную лестничную клетку, и Распутин запер за собой дверь. Я почувствовал его пальцы, грубо схватившие мою руку... «Я тебя лучше проведу», — сказал он, ведя меня по темной лестнице».

Так они спустились — рука в руке. И даже держа князя за руку, Распутин опять ничего не почувствовал. Этот интуитивный человек абсолютно доверял Феликсу... Они сели в машину и отправились в Юсуповский дворец.

Тем временем, как рассказывает Пуришкевич, во дворце «проверили граммофон», который должен был помочь создать видимость продолжающейся вечеринки, и «занялись склянкой с цианистым калием в растворе» — наполнили ядом две (отмеченные Феликсом) рюмки из четырех. Потом «дожидались, молча расхаживая, говорить не хотелось». Пуришкевич «вынул свой тяжелый револьвер «соваж», отдавливающий карман» (оружие, которое, по его словам, сыграет главную роль в трагедии), и положил его на стол в кабинете Юсупова...

Наконец они услышали шум въехавшей во двор машины. Поручик Сухотин включил граммофон, и раздался американский марш «Янки-дудль» (эту музыку Пуришкевич не забудет до смерти!). И все услышали голос вошедшего Распутина:

— Куды, милый?

Юсупов: «Войдя в дом, я услышал, голоса моих друзей... весело звучала в граммофоне американская песенка... Распутин прислушался:

— Что это, кутеж?

— Нет, у жены гости... *они скоро уедут*. А пока пойдемте в столовую выпьем чаю».

И Распутин с Феликсом спустились по лестнице в подвал, «превращенный в прелестную столовую».

Доктор Лазаверт, скинув шоферскую одежду, присоединился к остальным убийцам. Они вышли из комнаты и встали у перил лестницы, ведущей в подвал. И стали ждать скорой развязки... «Я с кастетом в руках, за мной великий князь, за ним поручик Сухотин и последним Лазаверт», — вспоминал Пуришкевич. Так они стояли, «вслушиваясь в каждый шорох внизу», но слышали только гул голосов и марш «Янки-дудль», доносившийся сверху. А главное — не было слышно, как откупоривают бутылки. Внизу разговаривали, «но не пили и не ели ничего».

Юсупов: «Распутин снял шубу и стал с любопытством изучать обстановку... Шкаф с лабиринтом особенно привлек его внимание... Восхищаясь им, как ребенок... он открывал, закрывал... изучал снаружи и изнутри... Я предложил ему вина и чаю... к моему большому разочарованию он отказался... «Случилось что-нибудь?» — подумал я... Мы сели за стол и разговорились, пере-

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЮСУПОВСКАЯ НОЧЬ

брали наших общих знакомых... Исчерпав темы, Распутин попросил чаю... я предложил ему тарелку с пирожными... Почему-то я предложил пирожные, которые не были отравлены... Спустя мгновение я передал ему блюдо с отравленными пирожными. Он *сначала отказался*: «Не хочу, они очень сладкие...»

И этот момент запомним: Распутин отказался есть пирожные, потому что они «очень сладкие».

Но затем, как утверждает Феликс, «взял сначала одно, потом и другое... Я смотрел на него с ужасом». Однако между отказом и согласием Распутина произошло нечто, не отмеченное Юсуповым, но описанное Пуришкевичем.

После того как Распутин отказался есть пирожные, Феликс, оказывается, запаниковал и поднялся наверх. Четверо заговорщиков, стоявших у лестницы, услышали звук открываемой двери подвала и «на цыпочках бесшумно бросились обратно, в кабинет Юсупова... Вошел Юсупов... и сказал: «Представляете себе, господа, это животное не ест и не пьет».

— А как его настроение? — спросил Пуришкевич.

— Неважное... он как будто что-то предчувствует...

Феликс вновь спускается к Распутину. И тут мужик *почему-то меняет решение и начинает пить вино и есть сладкие пирожные*. Это тоже стоит запомнить...

Пуришкевич: «Вскоре раздался звук откупориваемых бутылок. «Пьют, — прошептал великий князь. — Ну, теперь ждать недолго...» Но прошло полчаса — и ничего!»

«Действие цианистого калия должно было начаться немедленно, — вспоминал Юсупов, — но Распутин... продолжал со мной разговаривать как ни в чем не бывало». Феликс налил вторую рюмку, мужик и ее выпил, а «яд не проявлял своей силы». Князь налил третью и «с отчаяния начал пить сам», чтобы заставить Распутина выпить и ее. «Мы сидели друг перед другом и молча пили... Он смотрел на меня, *глаза его лукаво улыбались*: вот видишь, как ты ни стараешься, а ничего не можешь со мной поделаться... Но вдруг... на смену хитро-слащавой улыбке явилось выражение ненависти. Никогда я не видел его таким страшным. Он смотрел на меня *дьявольскими глазами*... меня охватило какое-то странное оцепенение, голова закружилась... Очнувшись, я увидел Рас-

путина, сидящего на диване, голова была опущена, глаз не было видно... «Налей чашку, жажда сильная», — сказал он слабым голосом... Пока я наливал чашку, он встал и прошелся по комнате... В глаза ему бросилась гитара, случайно забытая мною в столовой... «Сыграй, голубчик, что-нибудь веселенькое... люблю, когда ты поешь...»

И Феликс взял гитару... «Когда я кончил петь, он... посмотрел на меня *грустным спокойным взглядом*... «Спой еще, больно я люблю эту музыку... много души в тебе». Я снова запел... А время шло, часы показывали половину третьего... *Больше двух часов* длился этот кошмар...»

И здесь возникают законные вопросы. Первый: выходит, что за восторгами по поводу пения Феликса Распутин совершенно забыл, зачем он пришел? Забыл об Ирине?! «Несколько друзей», которые, как ему обещали, «скоро уедут», сидят наверху уже «больше двух часов» — и он с этим мирится? Второй вопрос: неужели за это время Распутин не почувствовал ничего особенного в поведении чувствительного, нервного и, как мы увидим далее, очень впечатлительного Феликса? Неужели за два с лишним часа Юсупов, отнюдь не профессиональный убийца, так и не выдал ничем своего волнения? Совершенно невероятно! И третий вопрос — который будет волновать всех и станет основой для легенды о сверхчеловеческих возможностях Распутина: *почему его не брал яд?*

Однако оставим пока эти вопросы без ответа. Пусть убийцы продолжат свое повествование...

Итак, Феликс видит, что яд не действует на мужика. Это, естественно, изумляет и пугает князя. «Наверху тоже, по-видимому, иссякло терпение... Шум, доносившийся сверху, становился все сильнее...»

— Что там шумят? — спрашивает Распутин.

— Вероятно, гости разъезжаются... пойду посмотреть...

Пуришкевич: «Поднимается бледный Юсупов... «Это невозможно! Он выпил две рюмки с ядом, съел несколько розовых (отравленных. — Э.Р.) пирожных... и ничего... Ума не приложу, как нам быть, тем более, что *он уже забеспокоился, почему графиня*

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЮСУПОВСКАЯ НОЧЬ

не выходит к нему так долго («уже забеспокоился» — после двух с лишним часов ожидания! — Э.Р.). Я с трудом объяснил, что ей трудно исчезнуть незаметно... ибо наверху гостей немного и по всем вероятностям минут через 10 она уже сойдет... Он сидит мрачный... действие яда сказывается лишь в том, что у него беспрестанная отрыжка и некоторое слюнотечение... Господа, что вы посоветуете мне?»

И «господа» решают: если через пять минут яд не подействует, Феликс должен... снова подняться к ним, и они подумают, как покончить с мужиком.

Лазаверту стало дурно. Военный врач, не раз бывавший на фронте под пулями, в изнеможении, весь красный, сидел в кресле и шептал: «Кажется, я не выдержу...»

И опять поднялся к ним Юсупов и сообщил, что яд по-прежнему не действует! И сам предложил: «Вы не будете против, если я его застрелю?»

Юсупов: *«Я взял у Дмитрия револьвер (и это запомним! — Э.Р.) и спустился в подвал... Как он не заметил своими прозорливыми глазами, что за спиной у меня был зажат в руке револьвер!..»*

Да, и мы здесь недоумеваем вместе с Феликсом. И ему, и нам непонятно, что Распутин, который все всегда чуял и предвидел, «далек сейчас от сознания собственной смерти». Он даже не видит неестественно отведенную назад руку Феликса, держащую револьвер.

И тут описываемая Феликсом сцена окончательно начинает напоминать эпизод из романа о благородном мстителе.

«Я подошел к хрустальному распятию.

— Крест этот очень люблю...

— А по мне, так ящик-то занятнее будет, — и Распутин снова открыл шкаф с лабиринтом.

— Григорий Ефимович, вы бы лучше на распятие посмотрели, да помолились бы перед ним...

Распутин удивленно, почти испуганно, посмотрел на меня... Можно сказать, что он прочел в моих глазах что-то, чего не ожидал...»

Дальше, по словам Юсупова, начинается уже совсем невероятное: Распутин, который вскоре будет яростно бороться за жизнь, ведет себя необъяснимо покорно, как сомнамбула. Он терпеливо ждет, пока его убьют!

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

«Я медленным движением поднял револьвер... Распутин стоял передо мной, не шелохнувшись... с глазами, устремленными на распятие... Я... выстрелил... Распутин заревел диким, звериным голосом и грузно повалился навзничь на медвежью шкуру...»

Пуришкевич: «И уже через несколько минут, после двух отрывистых фраз — звук выстрела... вслед за тем продолжительное: «А-а-а...» и звук грузно падающего на пол тела».

Заговорщики тотчас кубарем скатились вниз, но при входе в подвал зацепили шнур, и выключилось электричество. Но нашли, нащупали, включили свет и увидели...

«Перед диваном лежал умирающий Распутин, над ним с револьвером — спокойный Юсупов... «Надо его снять поскорее с ковра... чего доброго, просочится кровь и замарают шкуру», — заговорил великий князь».

И Феликс с Пуришкевичем перенесли мужика на пол.

Пуришкевич: «Я стоял над Распутиным... *он не был еще мертв*, он дышал, агонизировал... Правой рукой он прикрывал оба глаза и до половины нос — длинный, ноздреватый... и тело подергивала судорога».

Юсупов: «Сомнений не было... *Распутин был убит*... Мы погасили свет и, закрыв на ключ дверь столовой, поднялись в кабинет... Настроение у всех было повышенное».

И опять начинается малопонятное. Согласно воспоминаниям и Пуришкевича, и Феликса, великий князь Дмитрий вместе с доктором отправляются на автомобиле в санитарный поезд Пуришкевича — сжигать шубу и боты Распутина. Но впоследствии окажется, что... ни шуба, ни боты сожжены не были! И Пуришкевич объяснит это удивительно: его жена, которая в страхе ждала, чем все закончится, оказалась вдруг ленивой и капризной. И так как «шуба в печь не влезала, она сочла невозможным заняться распарыванием и сжиганием по кускам. У нее даже столкновение вышло с Дмитрием»... Короче — жена Пуришкевича, посвященная в заговор, отказалась выполнить поручение мужа и как мальчишку отослала великого князя назад вместе с шубой и ботами... Если учесть, что Пуришкевич был по натуре тираном, то поведение его жены весьма странно.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЮСУПОВСКАЯ НОЧЬ

А в отсутствие великого князя во дворце происходят удивительные события. Феликс чувствует «неодолимое желание посмотреть на Распутина» и спускается в подвал.

Юсупов: «У стола, на том месте, где мы его оставили, лежал убитый Распутин... Тело было неподвижно, но прикоснувшись... я убедился, что оно еще теплое. Тогда, наклонившись, я стал нащупывать пульс, биения его не почувствовал... Из раны мелкими каплями сочилась кровь... Не зная, зачем, я вдруг схватил его и встряхнул... тело... упало на прежнее место... Постояв над ним некоторое время, я уже хотел уходить, но мое внимание было привлечено легким дрожанием века в левом глазу... Лицо... конвульсивно вздрагивало... все сильнее и сильнее... Вдруг его левый глаз начал приоткрываться... задрожало правое веко и... оба глаза... с выражением дьявольской злобы впелись в меня...»

И тут начинается обычная сцена из триллеров всех времен и народов — «дьявол оживает»...

«Случилось невероятное. Неистовым, резким движением... Распутин вскочил на ноги... *Из рта у него шла пена. Он был ужасен.* Комната огласилась *диким ревом*, и я увидел, как мелькнули сведенные судорогой пальцы. Вот они, *как раскаленное железо*, впелись в мое плечо и старались схватить за горло... Оживший Распутин хриплым шепотом повторял мое имя... Обуявший меня ужас не сравним ни с чем... Я пытался вырваться, но железные тиски держали с невероятной силой... В этом отравленном и прострелянном трупe, *поднятым темными силами для отмщения своей гибели*, было до того *страшное, чудовищное*... я рванулся и последним невероятным усилием вырвался. Распутин, хрипя, повалился на спину, держа в руке мой погон, оборванный им... Я бросился наверх, к Пуришкевичу... «Скорее... револьвер! Стреляйте, он жив!»... Распутин на четвереньках карабкался по ступенькам лестницы».

А в это время Пуришкевич, закурив, «медленно прохаживался в кабинете наверху». И вдруг «какая-то внутренняя сила» подтолкнула его к столу, где лежал его «соваж», и заставила положить револьвер в карман брюк. Потом опять-таки «под давлением неведомой силы» он выходит на лестницу. И там слышит «нечеловеческий крик Феликса: «Пуришкевич, стреляйте!

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

Стреляйте! Он жив! Он убегает!» И видит Юсупова. «На нем буквально не было лица, прекрасные... глаза лезли из орбит... в полубессознательном состоянии... не видя почти меня, с обезумевшим взглядом... кинулся на половину своих родителей... До меня стали доноситься чьи-то... грузные шаги, пробиравшиеся к выходной двери».

Выхватив «соваж», Пуришкевич бегом бросается вниз по лестнице. «Григорий Распутин... которого я полчаса назад созерцал при последнем издыхании... переваливаясь с боку на бок, быстро бежал по рыхлому снегу во дворе дворца вдоль решетки».

Пуришкевич «не мог поверить своим глазам», но тут он услышал громкий крик Распутина на бегу: «Феликс, Феликс... все скажу царице!» И он «бросился за ним вдогонку и выстрелил... в ночной тишине раздался чрезвычайно громкий звук».

И — промах! «Распутин поддал ходу». Пуришкевич «вторично выстрелил на бегу и опять промахнулся». Распутин уже подбегал к воротам. Тогда Пуришкевич «укусил себя за кисть руки... чтобы заставить себя сосредоточиться», и третьим выстрелом «попал ему в спину... он остановился». Четвертым выстрелом «попал ему в голову... и он снопом упал... в снег и задержал головой».

Распутин вытянутыми руками скреб снег. И подбежавший Пуришкевич с яростью «ударил его ногой в висок»...

Но при этом Пуришкевич почему-то не слышит и не видит, как в ночной тишине его окликает выбежавший во двор Феликс.

Юсупов: «Два выстрела прогремели... Выскочив на парадную лестницу, я побежал вдоль Мойки, чтобы встретить Распутина в случае промаха Пуришкевича... я сам был безоружен, потому что отдал револьвер великому князю... Всех ворот (ведущих из двора. — Э.Р.) было трое, и лишь средние не заперты. Через решетку я увидел, что именно к этим влекло Распутина звериное чутье... Раздался третий выстрел... потом четвертый... Я увидел, как Распутин покачнулся и упал у снежного сугроба... Пуришкевич подбежал к нему и остановился возле тела... Я его окликнул, но он не слышал...»

Пуришкевич проходит через дом на главный подъезд и сообщает солдатам, что убил «Гришку, врага России и царя». Услы-

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЮСУПОВСКАЯ НОЧЬ

шав их радостное одобрение, он велит немедленно оттащить труп от решетки. А Феликс со двора видит, «как от ворот к тому месту, где находился труп, направлялся городской... Городового я задержал на пути. Разговаривая с ним, я нарочно повернулся лицом к сугробу, так что городской вынужден был стоять спиной к тому месту, где лежал Распутин.

— Ваше сиятельство, тут были выстрелы... Не случилось ли чего?

— Ничего серьезного... у меня сегодня была вечеринка... один из моих товарищей, выпив лишнее, стал стрелять.

И городской ушел».

Но осталось иное описание случившегося. И принадлежит оно... тому самому городовому Власюку, с которым разговаривал Феликс. Прочитируем еще раз его показания: «Я увидел, что по двору этого дома идут в направлении калитки два человека в кителях и без фуражек, в которых я узнал князя Юсупова и его дворецкого Бужинского. Последнего я спросил, кто стрелял. Он ответил, что никаких выстрелов не слышал... кажется и князь сказал, что не слышал». И Власюк ушел.

По словам Феликса, после его беседы с городовым Распутина втаскивают в дом два солдата и кладут на нижнюю площадку лестницы, около подвала, где мужик недавно пировал с князем.

Юсупов: «Из многочисленных ран его обильно текла кровь. Верхняя люстра бросала свет на голову, и было видно до мельчайших подробностей его изуродованное ударами и кровоподтеками лицо».

Все-таки Феликса и Распутина, видимо, связывало нечто патологическое, болезненное... «Меня непреодолимо влекло к этому окровавленному трупу... я уже не в силах был бороться с собой... Злоба и ярость душили меня. Какое-то необъяснимое состояние овладело мной. Я ринулся на труп, начал избивать его резиновой палкой (гантелей, подаренной Маклаковым. — Э.Р.). В бешенстве и остервенении я бил, куда попало. Все Божеские и человеческие законы... были попраны...»

Пуришкевич приказал солдатам оттащить Феликса. И его, «сплошь забрызганного кровью... усадили... на диван в кабине-

те... на него страшно было смотреть... с блуждающим взглядом, с подергивающимся лицом, бессмысленно повторявший: «Феликс... Феликс...» Пуришкевич никогда не сможет забыть, как князь колотил мужика двухфунтовой гантелей...

Но самое поразительное — Распутин еще был жив! «Он хрипел, у него закатывался зрачок правого глаза и глядел на меня бессмысленно и ужасно... этот глаз я до сих пор вижу перед собой».

Пуришкевич велел спеленать труп, и побыстрее... Но, видимо, Бужинский рассказал ему о приходе городского, спрашивавшего про стрельбу. Боясь, что тот доложит своему начальству, Пуришкевич приказал позвать городского.

Власюк вновь пришел. И состоялся разговор, в общих чертах описанный одинаково всеми — Пуришкевичем, Власюком и Юсуповым. Приведем версию Пуришкевича:

« — Ответь мне по совести: ты любишь батюшку-царя и мать Россию? Ты хочешь победы русскому оружию над немцем?

— Так точно, ваше превосходительство!

— А знаешь ли ты, кто злейший враг царя и России, кто мешает нам воевать, кто нам сажает разных Штюрмеров и всяких немцев в правители, кто царицу в руки забрал и через нее расправляется с Россией?

— Так точно... знаю... Гришка Распутин.

— Ну, братец, его уже нет, мы убили его и стреляли сейчас по нему. Можешь ли сказать, если спросят: знать не знаю и ведать не ведаю? Сумеешь ли ты... молчать?»

Но городской отвечает опасно: «Так что если спросят меня не под присягой, то ничего не скажу... а коли на присягу поведут, тут делать нечего — раскрою всю правду, грех соврать будет»... И Власюк снова уходит — чтобы тотчас доложить начальству весь разговор с Пуришкевичем.

Все было кончено — труп, завернутый в сукно и туго перетянутый веревкой, лежал в столовой. В это время во дворец (как отмечают оба — и Феликс, и Пуришкевич) после своей странной и безуспешной поездки вернулся великий князь Дмитрий Павлович — уже на своем автомобиле.

И начались сборы в дорогу — нужно было вывозить труп. Приближался рассвет, так что все торопились. Феликса решили не

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЮСУПОВСКАЯ НОЧЬ

братъ, «передали его в руки слуг с просьбой помочь ему... обмыться, переодеться».

Ехали еще во мгле. Освещение было скудное, дорога «скверная... и тело подпрыгивало, несмотря на солдата, сидевшего на нем. Наконец, показался мост, с которого должны были сбросить в прорубь тело Распутина... и Дмитрий Павлович, сидевший за шофера, замедлил ход и остановился у перил... На одно мгновение осветили сторожевую будку на той стороне моста... Мотор продолжал стучать...»

Все как при будущем расстреле Царской Семьи — много крови, тайный вывоз трупов и тот же звук работающего мотора... Четверо — солдат, поручик Сухотин, Лазаверт и Пуришкевич — «раскачав труп Распутина, с силой бросили его в прорубь, забыв привязать к трупу цепями гири». При этом, пишет Пуришкевич, великий князь Дмитрий Павлович стоял перед машиной «настороже» — рука «царственного юноши» не должна дотрагиваться до преступного тела...

Двинулись в обратный путь. «По дороге автомобиль все время останавливался, мотор давал перебои, и тогда доктор Лазаверт соскакивал и возился с одной из свечек.. Последняя починка была перед Петропавловской крепостью».

В 1919 году в этой крепости будет расстрелян отец Дмитрия Павловича...

Наконец подъехали ко дворцу великой княгини Елизаветы Федоровны, где жил тогда Дмитрий (сама великая княгиня, как мы помним, прямо перед убийством Распутина уехала молиться в Саровский монастырь). Сухотин, Лазаверт и Пуришкевич, взяв извозчика (более надежного, чем автомобиль великого князя), поехали на Варшавский вокзал, где стоял санитарный поезд Пуришкевича. Был шестой час утра. Вскоре Пуришкевич послал Маклакову в Москву телеграмму: «Когда приезжаете?», означавшую — «Распутин убит».

Неприятности начались уже 17 декабря. В пять часов дня к Пуришкевичу приехал поручик Сухотин и передал просьбу великого князя: немедленно приехать к нему. Во дворце депутата встре-

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

тили Феликс и Дмитрий, оба «нервничали, пили коньяк и черный кофе... чашку за чашкой». Они сообщили, что «Александра Федоровна уже осведомлена об исчезновении и даже смерти Распутина и называет нас виновниками убийства... «Я, — сказал Юсупов, — из-за этого гада должен был пристрелить одну из лучших собак и уложить ее на том месте, где снег окрасился кровью». Это на случай, если во дворе найдут следы крови...

Феликс и Дмитрий сочинили послание императрице. Оно было написано от лица князя Юсупова, который заверял Аликс, что к смерти Распутина никакого отношения он не имеет: «Я не нахожу слов, Ваше Величество, чтобы сказать Вам, как я потрясен всем случившемся... и до какой степени мне кажутся дикими обвинения, которые на меня возводятся...»

Написав эту ложь, они «почувствовали себя неловко друг перед другом». Но надо было продолжать. И, видимо, тогда же они выработали версию убийства для общества — на случай, если все-таки придется признаться, хотя обещали друг другу молчать о случившемся пока возможно (как впоследствии обещали друг другу молчать убийцы Царской Семьи). И... тут же нарушили клятву (как Юровский и его товарищи).

В 8 часов вечера поезд Пуришкевича благополучно отбыл из Петрограда. И всю ночь депутат описывал убийство — «для истории». Юсупов сделает то же, но уже в эмиграции — в нескольких сочинениях...

В 1997 году живущая в Париже дочь генерала Деникина, историк Марина Грей, передала мне несколько вырезок, которые нашла в архиве своей матери. Это были интервью великого князя Дмитрия по поводу выхода книги Феликса Юсупова. В интервью газете «Матэн» 19 июля 1928 года Дмитрий сказал: «Убийство было совершено нами в припадке патриотического безумия... Мы обязались никогда не рассказывать об этом событии... Юсупов поступил совершенно неправильно, опубликовав книгу. Я сделал все возможное, чтобы удержать его от этого намерения, но не имел успеха. Это обстоятельство прекратило нашу дружбу, вот уже пять лет как мы не встречаемся». Другая вырезка — из русской газеты, издававшейся в Париже: «Ни один человек, не исключая моей семьи, не слышал от меня о событиях той страшной ночи... *Та самая сила, которая толкну*

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЮСУПОВСКАЯ НОЧЬ

ла меня на преступление, мешает и мешала мне поднять занавес над этим делом».

Великому князю противно было придерживаться лжи, о которой заговорщики, видимо, договорились. Лжи, которой свято придерживались в своих воспоминаниях и Пуришкевич, и Юсупов.

Ибо, на наш взгляд, все изложенное ими — всего лишь выдумка, беллетристика. Но выдумка эта имела совершенно определенную цель...

Глава 15

ПРАВДА

О «КОШМАРНОЙ НОЧИ»

«МАЛАНЬЯ ТОЖЕ УЧАСТВУЕТ...»

Выдумки в воспоминаниях убийц Распутина начинаются, как мы помним, с самого начала. Из благородных соображений Пуришкевич решил скрыть Ирину Юсупову под именем графини Н. (не годится племяннице царя быть приманкой для мужика!). Но этим благородные соображения не ограничились...

Как утверждают и Пуришкевич, и Юсупов, среди собравшихся в ночь убийства в Юсуповском дворце не было женщин. Между тем их там попросту *не могло не быть!* После того как Ирина отказалась участвовать, надо было инсценировать ее присутствие в доме (что и было осуществлено — и весьма убедительно). Чтобы создать впечатление вечеринки, на которой Ирина веселится с гостями, продумали все: от граммофона до оставленных «вспугнутыми» гостями пирожных. Так неужели забыли о самом главном — о женском голосе, который должен был доноситься сверху?! Неужели не догадались пригласить женщину, которая должна была играть роль Ирины?

А ведь женский голос должен был быть... Потому что «отдаленные голоса сверху» были слышны. Феликс писал: «Войдя в дом (с Распутиным. — Э.Р.), я услышал голоса моих друзей». И далее,

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЮСУПОВСКАЯ НОЧЬ

когда они уже сидят в подвале: «Шум, доносившийся сверху, становился все сильнее... «Что там шумят?» — спрашивает Распутин...»

Но ведь «прислушивавшийся» Распутин неминуемо должен был что-то заподозрить, если в этом шуме голосов не было *женского голоса*. Однако он ничего не заподозрил. За эти два с лишним часа не заподозрил! Это возможно только в одном случае — если он слышал женский голос сверху.

Конечно, заговорщики не могли не позаботиться об участии женщин. Недаром Феликс написал Ирине во время подготовки убийства: «Маланья тоже участвует...» Недаром у полиции оказались сведения об участии дам. И в Царском Селе были эти сведения. И в обществе говорили о том же. И актриса Вера Леонидовна Юренева рассказывала мне о некоей балерине — любовнице великого князя Дмитрия Павловича.

В делах департамента полиции без труда нашел я имя этой балерины — в нескольких сообщениях называлась «Вера Коралли, артистка балетной труппы императорских театров, 27 лет... Во время проживания в столице ее посещал великий князь Дмитрий Павлович». Прима Большого театра, танцевавшая в знаменитых «русских сезонах» в Париже, звезда немого кино, она, как писал современник, «притягивала роковой красотой».

Коралли приехала в Петроград накануне убийства Распутина. О том, что она была в Юсуповском дворце в ночь убийства, заявил Симанович, пришедший с епископом Исидором 17 декабря в полицейское отделение на Мойке. Но после проверки агенты охраны сообщили: «Не было замечено ее отсутствие (в гостинице. — Э.Р.) в ночь с 16 на 17 декабря».

«Не было замечено отсутствие»... Но для того и проводились хитроумные «репетиции». Подменить Коралли другой дамой в гостинице в ночь убийства и устроить ей алиби — дело нехитрое...

Но она, видимо, была не единственной дамой во дворце в Юсуповскую ночь. В Царском Селе знали и об участии другой — и куда поважнее... Вырубова прямо ее называет: Марианна, урожденная Пистолькорс, по мужу Дерфелден, дочь от первого брака Ольги Пистолькорс, жены великого князя Павла, сестра Александра Пистолькорса. Но если ее брат и его жена были ярими

почитателями Распутина, то Марианна приняла сторону Дмитрия. Она ненавидела мужика за то, что безвольный Александр был ему рабски предан; за позор его жены, о связи которой с Распутиным в обществе ходили самые стыдные слухи...

Улики против Марианны были столь серьезны, что ее (падчерицу великого князя!) арестовали. Но во что превратился этот арест! Ее мать вспоминала: «Приехав на Театральную площадь, где жила Марианна, мы были остановлены двумя солдатами, которые нас пропустили, предварительно записав имена. У Марианны находился весь высший свет! Какие-то дамы, которых она едва знала, приехали, чтобы выразить ей свое сочувствие. Офицеры подходили к ручке...» И вскоре Марианну отпустили, «заявив, что подозрения не подтвердились».

Дело об убийстве уже «спускали на тормозах». Царю, естественно, не нужны были демонстрации любви к участникам преступления. Кроме того, великий князь Павел тяжело переживал участие сына в убийстве. И Николай не пожелал добивать больного дядю Павла арестом родственницы.

Ее звали Марианна... Скорее всего, ее ироничные друзья насмешливо переименовали ее французское имя в простонародное, крестьянское — «Маланья».

Итак, женщины в Юсуповском дворце были. Но, спасая их честь и, возможно, свободу, мужчины не выдали их полиции.

А БЫЛИ ЛИ ОТРАВЛЕННЫЕ ПИРОЖНЫЕ?

Благородные соображения и дальше диктовали Пуришкевичу и Юсупову, как излагать происшедшее. И здесь мы переходим к самому интересному и загадочному: что же на самом деле произошло между Феликсом и Распутиным в очаровательной подвальной столовой?

Прежде всего поговорим об отравлении.

Из показаний Белецкого: «Протопопов передавал мне, что *тело Распутина было брошено в полынью еще живым. Это показало вскрытие...*»

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЮСУПОВСКАЯ НОЧЬ

Итак, его отравили, а он остался в живых. Потом в него всадили несколько пуль, а он все жил. История дьявола?.. И Феликс всячески подчеркивает это: «дьявольская злоба», «изо рта у него шла пена», «поднятый темными силами» — такие выражения мы не раз встретим в его воспоминаниях.

Но великий князь Николай Михайлович, этот «вольтерьянец», не слишком верящий в демонов, запишет в своем дневнике: «То, что цианистый калий не подействовал, я объясняю просто... раствор был слишком слабый». Возможно, он прав: доктор Лазаверт (которому, как мы помним, стало дурно во время ожидания кровавой развязки) от волнения мог налить слабый раствор в бокалы с вином.

Но ведь он еще «настругал яд в пирожные» — и достаточно, чтобы убить быка! Выходит, Распутин был действительно сверхчеловеком? Но когда неопытная Гусева в 1914 году слабой женской рукой пырнула его один раз ножом, он тяжело болел и чуть не умер. И спасти его прислали хирурга из Петрограда...

Так почему же не подействовал яд? Тот же вопрос задает в своих воспоминаниях (вышедших на Западе в конце 70-х годов) дочь «старца» Матрена. И отвечает: потому что никаких отравленных пирожных Распутин есть не мог — у него была специальная диета. Дочь сообщает, что *«отец никогда не ел сладостей, мяса и пирожных»*, и это подтверждают самые разные люди. Симанович пишет, что Распутин не ел сладкого. Об особом рационе Распутина говорят в своих показаниях Белецкий и Хвостов. Со своей «диетой» (обилие рыбы и отсутствие мяса и сладостей), как пояснял Филиппов, Распутин связывал свои способности «чудотворца» и оттого никогда ее не нарушал, даже когда был сильно пьян. Поклонницы дарили ему коробки с конфетами, но он сам их никогда не ел. Вспомним: об этом же рассказывал в «Том Деле» Константин Чихачев — председатель Орловского окружного суда: «В его купе лежали коробки с конфетами, которыми он угощал других... но сам не ел... и выразился вульгарно, что он «этой сволочи не ест!»

Кстати, и сам Юсупов пишет о том же: «Спустя мгновение я передал ему блюдо с отравленными пирожными. Он сначала отказался: «Не хочу, они очень сладкие». Но потом, как утверждает Феликс, мужик все-таки их съел. Как же он мог сделать то, чего никогда не делал? С какой стати?

Нет, не мог он есть сладких пирожных — это очередная выдумка. Он только выпил раствор яда в вине, который оказался слишком слабым. Историю про пирожные Феликс придумал потом, составляя версию о дьяволе, которого героически уничтожали обычные люди...

Итак, пирожных Распутин есть не стал. И, видимо, выпил совсем немного. Но что же тогда происходило в комнате, где Распутин провел «больше двух часов», как пишет Юсупов, или даже «около 3 часов», как запишет в дневнике дотошный историк — великий князь Николай Михайлович? И почему он забыл о цели своего приезда? Не лучше ли сказать — *забылся*? Ибо только этим можно объяснить, что нервный, нетерпеливый Распутин сидит два с лишним часа в ожидании Ирины. Вряд ли только пением романсов Феликс мог заставить Распутина забыть о возделенной цели и главное — совершенно усыпить звериную интуицию этого человека.

ВЕРСИЯ ЭРОТИЧЕСКАЯ

А может быть, ощущение опасности и будущая кровь... возбудили Феликса — это утонченно-развращенное дитя своего века? И там, в подвале, продолжилось то, что могло быть между ними прежде (и что так тревожило воображение великого князя Николая Михайловича)? Может быть, именно поэтому Распутин готов был покорно и сколь угодно долго ждать прихода Ирины, который сулил ему продолжение захватившего его действия, которым был увлечен и Феликс? И только «когда наверху начали выражать нетерпение», это заставило Феликса действовать?..

Тогда Феликс идет наверх и сообщает своим товарищам, что Распутина не берет яд. Получив револьвер от великого князя, он возвращается в подвал. И Распутин, после всего, что между ними было, не замечает револьвера, зажатого в руке Феликса... Именно поэтому и продолжает спать его интуиция!

Феликс стреляет. Но он не был хладнокровным убийцей, он, видимо, даже не умел хорошо стрелять (что неудивительно, учитывая его неприязнь к воинской службе). Примем также во внимание его волнение... И он всего лишь тяжело ранит Распутина.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЮСУПОВСКАЯ НОЧЬ

Итак, Феликс его не убил. Мужик был попросту без сознания, хотя убийцы и установили у него агонию и остановку пульса. Впрочем, точно так же, по пульсам, царевубийцы констатируют смерть всех членов Царской Семьи в Ипатьевском подвале, после чего вскоре на их глазах... станут оживать великие княжны!

И Распутин так же ожил! Он попросту пришел в сознание и «сорвал погон» с Юсупова. Ибо недостойн офицерских погон Феликс, обманувший его любовью! Вот почему обманутый мужик кричал: «Феликс... Феликс...» — он укорял князя! Вот почему тот не сможет забыть этого крика! Вот почему и случится безобразная сцена — Юсупов вдруг начнет избивать мертвого Распутина гантелями, повторяя при этом: «Феликс... Феликс...» Слова, которыми посмел обличать его — барина! — безродный мужик, сорвавший с него погон...

ВЕРСИЯ РЕАЛИСТИЧЕСКАЯ

Но скорее всего, действие развивалось куда более скучно и... правдоподобно. Все свершилось на самом деле очень быстро. Когда Распутин отказался есть пирожные и пить вино, Феликс ушел (будто бы узнать, когда же уйдут гости) и после совещания с товарищами вызвался застрелить мужика. Он вернулся в подвал с револьвером и тотчас выстрелил. Заговорщики сбежали вниз и, решив, что Распутин мертв, снова поднялись наверх — отпраздновать удачное избавление от опасного мужика. Все соображения о яде, который не подействовал на Распутина, были придуманы после для доказательства того, что написал потом Феликс: «Надо помнить, что мы имели дело с *необыкновенным человеком*». С человеком-дьяволом, которого они победили!..

А потом они пили наверху, дожидаясь, когда город окончательно заснет и улицы станут совсем пустыми — чтобы вывезти труп. В это время Распутин пришел в себя и, как когда-то, после удара ножом Гусевой, попытался спастись бегством, но был подстрелен у самых ворот. Кем? Пуришкевичем.

Так утверждают и сам Пуришкевич, и Юсупов. И это — третья и самая большая неправда.

КТО УБИЛ?

Как напишет сам Пуришкевич, он, *преследуя тяжело раненного мужика, промахнулся по нему с нескольких шагов.* И это неудивительно — он был человек штатский, гуманитарий по образованию, служивший в хозяйственном департаменте министерства внутренних дел. И в своих воспоминаниях, когда он захочет доказать, что умел хорошо стрелять, ему придется написать, что он «хорошо стрелял в... тире»!

А доказывать необходимо... Ибо после первых беспомощных выстрелов (Пуришкевич объяснял это волнением), следуют два мастерских выстрела. Они сделаны, когда мужик уже находится у самых ворот: один в спину, и второй — прицельно — в голову. И эти два выстрела — иного класса, они будто принадлежат совсем другому стрелку, отличному и хладнокровному...

Кто же из заговорщиков подходит для роли такого стрелка? Прежде всего — великий князь Дмитрий Павлович, блестящий гвардеец, спортсмен, участник Олимпийских игр. «Я взял у Дмитрия револьвер», — пишет Феликс... И недаром Дмитрий пришел с револьвером. Ведь если у кого и были личные основания расправиться с мужиком, то это у него. Это Распутин рассказывал гнусные небылицы про него и про его невесту, позорил Царскую Семью, в которой Дмитрий воспитывался. Это Распутин стал причиной раскола в большой Романовской семье и в семье его отца, угрожал погубить династию...

Недаром великая княжна Ольга, несостоявшаяся жена Дмитрия, записала в дневнике еще до всех расследований: «18 декабря... окончательно узнали, что отец Григорий убит, *должно быть, Дмитрием.*»

Недаром Феликс напишет: «Я знал, до какой степени он (Дмитрий. — Э.Р.) ненавидит «старца»...

Но, как утверждают и Юсупов, и Пуришкевич, во время стрельбы во дворе великого князя не было в доме. Он отправился выполнять странное (так и не выполненное) задание — сжигать распутинскую шубу. *И вернулся на автомобиле после убийства Распутина!*

Так утверждают оба. И оба... лгут. Ведь согласно показаниям городских Власюка и Ефимова, которые после выстрелов начи-

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЮСУПОВСКАЯ НОЧЬ

нают следить за Юсуповским дворцом, *никакого автомобиля, подъехавшего к дому после выстрелов, они не заметили* (хотя не заметить на пустой ночной улице столь редкое тогда авто — невозможно). Выходит, великий князь никак не мог вернуться в дом после убийства! И тем не менее он... оказался именно там!

Значит... он из дома не выезжал. Он был там все время. И в момент убийства Распутина тоже был. И уехал вместе со всеми только после убийства. И чтобы скрыть его присутствие в доме, Пуришкевичу и Юсупову пришлось потом придумывать нелепую версию, будто Дмитрий уехал сжигать шубу...

Так что же произошло в действительности?

РЕКОНСТРУКЦИЯ УБИЙСТВА

Следы правды, на наш взгляд, находятся в *первых* показаниях Феликса, данных сразу после убийства. После того как он выстрелил в Распутина из револьвера великого князя, Дмитрий, по словам Феликса, забрал оружие обратно. Оставив «мертвого Распутина» в подвале, они наверху праздновали свой успех, дожидаясь глубокой ночи, когда можно было вывозить труп. Но сначала надо было вывезти из дворца дам. Феликс показал министру юстиции Макарову: «Около 2–2.30 ночи две дамы пожелали ехать домой... и с ними уехал великий князь Дмитрий Павлович».

Видимо, великий князь готовился отвезти «двух дам» (Веру Коралли и Марианну. — Э.Р.) на своем автомобиле, когда Юсупов спустился в подвал, где Распутин «ожил». Обезумевший от страха Феликс бросился наверх с криком: «Он убегает, стреляйте!»

В кабинете наверху был один Пуришкевич, который бросился за Распутиным во двор, дважды выстрелил и промахнулся. Но находившийся уже во дворе с дамами великий князь первым выстрелом остановил бег Распутина и следующим выстрелом уложил его на мокрый снег. *Вот что означала фраза, сказанная Феликсом на допросе: «Его Императорское Высочество сообщил, что собаку убил именно он»!*

И уже упомянутая Марина Грей, с которой я беседовал в Париже, была совершенно уверена: великий князь — убийца Распутина.

Когда выстрел Дмитрия Павловича настиг Распутина, одна из дам в ужасе закричала — это и был тот самый «женский крик», который услышал городской Ефимов. Отъезд дам, естественно, пришлось отложить, а тело Распутина — быстро убрать со двора. Феликс, услышав стрельбу, сумел совладать с собой, позвал Бужинского и вышел с ним во двор. Князь понимал, что выстрелы переполошили городских, что придется объясняться, — и хотел, чтобы это сделал дворецкий.

У дома появился Власюк. Феликсу удалось обмануть городского своим спокойствием, но оно дорого стоило князю: сразу же после ухода Власюка произошла безобразная сцена — избивание умирающего мужика. И заговорщикам стало казаться, будто городской что-то заподозрил...

Тогда-то, видимо, состоялось совещание убийц (надо, кстати, учесть, что они были пьяны). И Пуришкевичу, думскому депутату, можно сказать — главному среди присутствующих знатоку народных настроений, пришла в голову безумная мысль — сказать всю правду городскому, который, как и весь народ, должен был (по мнению Пуришкевича) ненавидеть Распутина! Это и погубило все дело...

После объяснений с городским они и вывезли еще дышавшего Распутина... Женщины, видимо, покинули дом уже утром.

Зачем же главным заговорщикам понадобилось сочинять историю о том, как Пуришкевич убил Распутина? Не затем ли, чтобы Пуришкевич имел право написать (причем несколько раз, так что поневоле становится подозрительно) о том, что «руки царственного юноши не запятнаны кровью»? И дело не только в том, что негоже великому князю быть убийцей, — здесь момент политический... Ведь в случае переворота Дмитрий — молодой военный, любимец гвардии, организатор избавления от распутинского позора (но не убийца!) — мог стать реальным претендентом на престол. Убийце мужика это было бы куда труднее... И чтобы великому князю было легче лгать, его связали честным словом, обязали повторять версию Пуришкевича и Юсупова — «крови нет на руках моих».

Эти слова, если принять их буквально, были правдой. Кровь была на руках только тех, кто возился с телом мужика...

На рассвете 19 декабря поезд Пуришкевича был уже далеко от Петрограда. Бессонная ночь заканчивалась, и Пуришкевич писал:

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЮСУПОВСКАЯ НОЧЬ

«Еще темно, но я чувствую... день уже близок.. Я не могу заснуть... я думаю о будущем... того великого края... который зову Родиной».
До революции оставалось чуть больше двух месяцев.

18 декабря Аликс телеграфировала мужу: «Приказала... твоим именем запретить Дмитрию выезжать из дому до твоего возвращения. Дмитрий хотел видеть меня сегодня, я отказала. *Замешан главным образом он. Тело еще не найдено...*»

Царь ответил в тот же день: «Только сейчас прочел твое письмо. Возмущен и потрясен. В молитвах и мыслях вместе с вами. Приеду завтра в 5 часов».

Однако Ольга, жена великого князя Павла Александровича, пишет со слов мужа, вернувшегося из Ставки: «Он пил чай с Государем и был поражен выражением безмятежности и блаженства на его лице. В первый раз за долгое время царь был в приподнятом настроении... Слишком любя свою жену, чтобы идти наперекор ее желаниям, Государь был счастлив, что судьба избавила его от необходимости действовать самому».

И все же впечатлениям Ольги и ее мужа доверять не стоит. Государь умел на людях скрывать свои переживания. «Возмущен и потрясен» — вот его истинное отношение к убийству Распутина. «Извергами» назовет он убийц в своем дневнике...

ВСТРЕЧА С ТРУПОМ

Ранним утром 19 декабря на Малой Невке у моста был обнаружен всплывший труп. Всплыл он страшно — задранный рубашка примерзла к телу, открывая пулевые раны. На лице кровоподтек — след от удара ногой в висок...

Осталась фотография: только что вынутый из реки труп погружен на салазки. Оледенелые поднятые руки грозят небу и городу... И вокруг — холодное белое пространство...

Вечером 19 декабря вдоль пяти верст Царскосельской дороги вплоть до самой Чесменской богадельни (бывшего путевого дворца Екатерины Великой) прохаживались городовые и филеры. Ближе к ночи во двор богадельни въехали машины с поли-

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

цейскими чинами, сопровождавшими два тюка, зашитые в ро-
гожу. В тюках лежали обледенелый труп и распутинская шуба.

И только когда труп оттаял, руки грозящие опустились.

В ночь на 20 декабря профессор кафедры судебной медицины
Военно-медицинской академии Косоротов произвел вскрытие
и бальзамирование тела.

Сердце было вынуто и вложено в специальный сосуд, легкие
отделены и заспиртованы.

Легкие покойного представляли, видимо, особый интерес.
Как мы уже упоминали, Белецкий (со слов Протопопова) пока-
зал в Чрезвычайной комиссии, что Распутин был брошен в по-
лыню живым. Значит, в легких Распутина могла быть вода...

Подлинник протокола вскрытия тела Распутина хранился в
архиве Военно-медицинской академии, но в 30-х годах исчез.
Остались лишь полицейские снимки обнаженного тела со сле-
дами от пуль.

Потом привезли дочерей Распутина. Вместе с ними приехали
Акилина Лаптинская и, конечно же, Вырубова. Она принесла
последнее покрывало для «Нашего Друга».

Епископ Исидор отслужил заупокойную службу. Затем труп
Распутина в цинковом гробу в сопровождении агентов в штат-
ком переправили в Федоровский собор в Царском Селе.

21 декабря состоялись похороны. Распутин был погребен в той
самой «Аниной церкви» (недостроенной Серафимовской часов-
не), на закладке которой он так недавно и так весело пировал.

ТАЙНОЕ ПОГРЕБЕНИЕ

Похороны прошли в тайне и впоследствии (как и тайное захо-
ронение Царской Семьи) обросли слухами и легендами. Но в
«Том Деле» осталось сразу несколько описаний очевидцев.

Из показаний фельдшера Жука: «Вырубова сказала, чтобы я
пришел к ней с утра в половине девятого... Вырубова поехала на
лошадке к новой строившейся ею церкви... Дорогой она сказала

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЮСУПОВСКАЯ НОЧЬ

мне, что там будут хоронить отца Григория. Об этом я слышал еще днем накануне от архитектора Яковлева, который мне сказал, что место выбрано самой царицей... Когда мы подъехали к этому месту, нашли уже вырытую могилу и в ней гроб. Место в середине храма, в левой крестовине Там мы застали духовника их величеств (Васильева. — Э.Р.), священника из лазарета, архитектора Яковлева, псаломщика, полковника Мальцева... и Лаптинскую... Между Лаптинской и Вырубовой состоялся разговор... Лаптинская говорила, как лежал Распутин, в чем он одет, и что она ночью везла гроб на автомобиле. Вырубова спросила, можно ли открыть гроб. Но Лаптинская и Яковлев сказали, что этого делать нельзя... Минут через 10 после нашего приезда к могиле подошел мотор, на котором приехали царь, царица и дети... Отпевание было закончено. Могилу засыпали землею агенты охраны, которые до этого были расположены в лесу».

Естественно, и вторая ближайшая подруга царицы приехала проводить в последний путь «Нашего Друга». Служанка Вырубовой Феодосия Войно показывает в «Том Деле»: «Ден приехала вместе со мною».

Из показаний Юлии Ден: «Узнав о смерти Распутина, я поехала в Царское, осталась там ночевать и присутствовала при том, как тело Распутина было предано земле... Я прибыла одновременно с царской семьей... Из-за кустов подсматривал полковник Ломан. Гроб так и не открывали... Государь и Государыня были поражены случившимся. Но у Государыни было столько силы воли, что она поддерживала Вырубову, которая много плакала».

Описал похороны и тот, кто «подсматривал из-за кустов».

Из показаний Ломана: «Отпевание собственно было совершено... епископом Исидором. Предание земле совершалось духовником отцом Александром Васильевым и иеромонахом из вырубовского лазарета... Певчих не было... пел причетник Федоровского собора Ищенко... Накануне отец Васильев сообщил мне, что ему отдано распоряжение совершить предание земле Распутина, для чего он приедет из Петрограда... ночевать в Царское Село и утром заедет за причетником и ризами... и чтобы я отдал соответствующее распоряжение. На другой день отец Васильев заехал в Собор, где поджидал его я, и мы вместе поехали к Серафимовскому убежищу... на то место, где должен был быть

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

воздвигнут храм. Не доезжая до самого места, отец Васильев ушел к месту предания земле (гроб стоял уже в яме), а я оставался в стороне. Так что я не был виден, а мне все было видно... До прибытия царской семьи я подходил к могиле и видел металлический фоб. Никакого отверстия в крышке фоба не было».

То же показывает и Вырубова. И никто из очевидцев не пишет о каком-то отверстии в крышке гроба. Но миф о некоем «окошке», сделанном будто бы по приказанию царицы (чтобы она могла, навещая Распутина в склепе, видеть его лицо), можно найти во множестве мемуаров и сочинений, несмотря на то, что «гроб был засыпан прямо землею и склепа устраиваемо не было», — показал Ломан.

Из дневника царя: «21 декабря... В 9 часов поехали к полю, где присутствовали при грустной картине — гроб с телом незабвенного Григория, убитого в ночь на 17 декабря *извергами* в доме Юсупова, стоял, уже опущенный в могилу. Отец А. Васильев отслужил литию, после чего мы вернулись домой».

НАКАЗАНИЕ КНЯЗЕЙ

Ну а далее — царю нужно было что-то делать с родственниками-убийцами... Великий князь Дмитрий просил предать его военно-полевому суду. Он понимал — после суда он станет героем для всей России. К тому же на суде можно было предать гласности сочиненную заговорщиками версию: на руках Дмитрия нет крови мужика. Но царь, видимо, понял замысел, и никакого суда назначено не было...

А пока, в ожидании решения своей судьбы, убийцы мужика жили во дворце под арестом. Но даром времени они не теряли: все это время из дворца «просачивались» подробности убийства, способствовавшие укреплению версии: Дмитрий ни при чем, убивали Юсупов и Пуришкевич... И великая княгиня Елизавета Федоровна писала Ники, прося помиловать Феликса: «Когда я вернулась сюда, я узнала, что Феликс убил его... Он, который не желал быть военным, чтобы не пролить чьей-то

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЮСУПОВСКАЯ НОЧЬ

крови... я представила, что он должен был пережить, прежде чем решиться на это, представила, как движимый любовью к Отечеству, он решил спасти Государя и страну от того, от кого страдали все... Это преступление может считаться актом патриотизма».

Николай на письмо не ответил.

Наконец последовали меры. Феликс отделался удивительно легко. «Самый главный виновник, Феликс Юсупов, — недоумевала Ольга, мачеха Дмитрия, — отделался ссылкой в деревню... тогда как великий князь Дмитрий получил приказ отбыть в Персию». Его отправили на Кавказский фронт — под пули, в климат, пагубный для его здоровья. Николай версии убийц, видно, не поверил, а поверил секретным донесениям своей полиции. Очевидно, он знал, кто на самом деле застрелил Распутина.

Вся большая Романовская семья была возмущена подобным решением. «Я сама составляла текст прошения, — вспоминала Ольга, — высылка казалась нам пределом жестокости... Прощение было подписано... всеми членами императорской фамилии...»

Николай наложил на него резолюцию: «Никому не дано права заниматься убийством. Знаю, что совесть многим не дает покоя, так как не один Дмитрий Павлович в этом замешан. Удивляюсь вашему обращению ко мне». И вчерашний любимец царя Дмитрий отправился в Персию, несмотря на все просьбы...

Сколько Романовых подписало это прошение! И сколько их погибнет... Но Дмитрий, благодаря ссылке, от которой они так просили его избавиться, уцелеет.

В Персии Дмитрий не забывал о Юсупове. «Мой дорогой, мой любимый, мой верный друг, — писал он Феликсу. — Я могу сказать без страха впасть в крайности — мой самый дорогой друг!..»

И Феликс честно и верно продолжал придерживаться обговоренной версии. Но в самом начале 1917 года он отправил своей теще — сестре царя Ксении — странное письмо, в котором писал о некоем благородном убийце... но не о себе: «2 января... Меня ужасно мучает мысль, что императрица Мария Федоровна и ты

будете считать *того человека, который это сделал*, за убийцу и преступника... Как бы вы не сознавали правоту этого поступка и причины, побудившие совершить его, у вас в глубине души будет чувство: а все-таки он убийца... *Зная хорошо все то, что этот человек совершил* до, во время и после, я могу совершенно определенно сказать, что он не убийца, а был только орудием провидения... которое помогло ему исполнить свой долг перед родиной и царем, уничтожив ту злую дьявольскую силу, бывшую позором для России...»

«ПОКОНЧИТЬ И С АЛЕКСАНДРОЙ ФЕДОРОВНОЙ»

Укрывшись в Царском Селе, царица и Вырубова ждали продолжения кровопролития, дальнейшей мести великих князей. Было ли это пустыми страхами? Ответ — в дневнике великого князя Николая Михайловича.

«Все, что они (убийцы Распутина. — Э.Р.) совершили... *безусловно полумера, так как надо обязательно покончить и с Александрой Федоровной, и с Протопоповым... Вот видите, снова у меня мелькают замыслы убийства, не вполне определенные, но логически необходимые, а иначе может быть хуже, чем было... голова идет кругом...* Графиня Бобринская, Миша Шаховской (князь. — Э.Р.) меня пугают, возбуждают, умоляют действовать, но как? С кем? Ведь одному немислимо!.. Между тем идет время, а с их отъездом... я других исполнителей почти не вижу. Но ей-ей, я не из породы эстетов, и еще менее убийц... надо выбраться на чистый воздух, скорее бы на охоту в леса, а здесь, живя в возбуждении, я натворю и наговорю глупости...»

Итак, «логически необходимо» было убить и Государыню всея Руси. И об этом пишет великий князь, жалея, что «других исполнителей» после высылки убийц Распутина он не видит и не знает, «как и с кем» это осуществить!

Так что мысли о продолжении кровопролития, о новом заговоре бродили в самых высоких головах! И не случайно Николай

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЮСУПОВСКАЯ НОЧЬ

Михайлович под Новый год был выслан в свое поместье Грушевку — «на чистый воздух». И не зря Аликс умоляла вернуться мужа, не зря она спасала в своем дворце Подругу...

Отправляясь в ссылку, Николай Михайлович встретил в вагоне (что тоже вряд ли случайно) двух видных деятелей думской оппозиции — монархиста Шульгина (который через два с небольшим месяца примет отречение Николая) и фабриканта Терещенко (который станет министром Временного правительства). И записал в дневнике: «Терещенко уверен: через месяц все лопнет, и я вернусь из ссылки. Дай-то Бог!.. Но какая злоба у этих двух людей... оба в один голос *говорят о возможности царевубийства!* Что за времена... что за проклятие обрушилось на Россию!»

Так они размышляли: великий князь — об убийстве царицы, думские лидеры — о возможном убийстве царя... Все это уже носилось в воздухе.

И царя об этом предупредили. 10 февраля, перед отъездом в Ставку, царь принял друга детства и юности — великого князя Александра Михайловича, родного брата Николая Михайловича. И он сказал Ники слова пророческие: «События показывают, что *твои советчики продолжают вести Россию и, следовательно, тебя к неминуемой гибели...*»

Но царь их не услышал.

«ВЕЧНО ВМЕСТЕ И НЕРАЗЛУЧНЫ»

22 февраля Николай в последний раз — императором — покинул любимое Царское Село.

В поезде его, как всегда, ждало письмо Аликс: «22 февраля 1917... Какое ужасное время мы теперь переживаем... Еще тяжелее его переносить в разлуке — нельзя приласкать тебя, когда ты выглядишь таким усталым и измученным...»

Она по-прежнему жила встречами с «Нашим Другом». Только теперь это были встречи на его могиле... «Что я могу сделать?»

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

Только молиться и молиться... Наш дорогой Друг в ином мире тоже молится за тебя, так Он еще ближе к нам... Но все же как хочется услышать Его утешающий и ободряющий голос!.. Да хранят тебя светлые ангелы, Христос да будет с тобой, и Пречистая Дева да не оставит тебя! Наш Друг поручил нас ее знамени...»

Теперь они часто ходили на его могилу — царица, Подруга и великие княжны. И стены строящейся церкви защищали их от чужих глаз...

«26 февраля 1917... Ходили на могилу Нашего Друга. Теперь церковь настолько высока, что я могу стать на колени и молиться там спокойно за всех вас, и дневальный меня не видит... Чувствуй мои руки, обвивающие тебя, мои губы, нежно прижатые к твоим. Вечно вместе и неразлучны...»

А в Петрограде уже начиналась революция — недаром грозил столице мертвый «Наш Друг».

И 2 марта, когда Петроград уже был заполнен бушующими толпами, когда царский дворец уже окружила восставшая солдатня, когда поезд с беспомощным царем уже был заперт на станции Дно, и все командующие фронтами уже потребовали его отречения, и из Думы уже выехали за этим так ненавидимый ею Гучков с Шульгиным, она послала Ники из Царского Села письмо, в котором была важная приписка: «Носи Его крест, если даже и неудобно, ради моего спокойствия...»

Эпилог

ЭКСКУРСИЯ НА МЕСТО УБИЙСТВА

В марте 1917 года мир стал другим... Арестованные Ники и Аликс жили в Царском Селе, где «гражданин Романов» добросовестно убирал снег, гулял по парку, читал жене и детям вслух по вечерам и, может быть, впервые был тайно счастлив. Она же изнемогала от унижения, «иссохла и поседела», как напишет впоследствии в письме...

Подругу увезли в Петропавловскую крепость.

Великий князь Николай Михайлович вернулся из ссылки — как и предсказывал ему Терещенко, «все лопнуло». В середине марта он на извозчике (автомобиль «реквизировали») поехал на набережную Мойки — к Юсуповскому дворцу. Историк решил сам поглядеть на место убийства, о котором ему столько рассказывал молодой Юсупов...

Феликс и Ирина тоже недавно вернулись из ссылки, и убийца Распутин наслаждался всеобщим вниманием. Николай Михайлович записал в дневнике: «16.03.17... Ирина и Феликс в восторженном настроении духа... был у них, подробно осмот-

рел место драмы. *Невероятно, но они спокойно обедают в той же столовой...*»

В конце концов, что особенного случилось: барин пристрелил обнаглевшего мужика. Сколько их заповороли насмерть на конюшнях по приказу его предков!

ИСЧЕЗНУВШИЕ ДЕНЬГИ И ЛЮДИ

И уже шла охота за богатством «Нашего Друга». Масла в огонь подлил Симанович — Белецкий показал, что «лучший из евреев» поведал ему по секрету: «Средства семье покойный оставил очень хорошие... до 300 000 рублей». И Чрезвычайная комиссия добросовестно искала в банках распутинские деньги.

В «Том Деле» остались бесконечные запросы Комиссии во все крупные банки — Союз провинциальных коммерческих банков, Кавказский банк, Петроградское городское кредитное общество, Русско-Азиатский банк, Московский купеческий банк... Остались и ответы — одни и те же: «Банк имеет честь уведомить Чрезвычайную следственную комиссию, что на имя Григория Ефимовича Распутина-Нового, его жены Прасковьи Федоровны Распутиной-Новой, детей его Варвары, Матрены и Дмитрия Распутиных-Новых и племянницы его Анны Николаевны Распутиной... никаких вкладов и ценностей, а также и безопасных ящиков (абонированных сейфов. — Э.Р.) в банке не имеется».

Так и не нашли распутинского богатства. Потому что... не осталось после него никакого богатства! Права была великая княгиня Ольга, когда написала в своих воспоминаниях: «После него ничего не осталось, и Государыня дала деньги сиротам». А сотни тысяч, проходившие через руки мужика, осели в ресторанах, где кутил он, заглушая страх смерти, в цыганских хорах, у бесконечных просителей (чаще — просительниц), которым он бесцельно давал деньги. Презираемые им деньги... Остались они и в санитарном поезде царицы, и в лазарете Вырубовой. Но главное, как справедливо показывал Филиппов, они прилипли к рукам его «секретарей» — и в первую очередь того же Симановича. И ко-

РАСПУТИН

Э П И Л О Г

нечно же таинственной женщины — Акилины Лаптинской. Она не только обрядила Распутина в последний путь, но, видимо, и распорядилась оставшимися в доме средствами.

Как только началась Февральская революция, Акилина, знавшая все тайны этого загадочного человека, прошедшая с ним весь путь от моленной под конюшней до дворца «царей», исчезла из Петрограда — растворилась в хаосе новой жизни.

Узнав об отречении, тотчас покинула Царское Село и Воскобойникова. Феодосия Войно показала: «3 марта Воскобойникова исчезла из лазарета и более туда не возвращалась».

Семья Распутина встретила революцию в Петрограде. Прасковья вскоре уедет в Покровское — вступать в права наследства. В архиве сохранится опись жалкого распутинского имущества, произведенная в ее присутствии... Уже после большевистского переворота возвратится в Покровское с войны Дмитрий.

А потом жена, сын и дочь Распутина Варвара будут высланы большевиками в Салехард. Там погибнет сначала Прасковья, потом Дмитрий — от цинги... Варвара вернется в родное село, потом следы ее надолго потеряются и обнаружатся лишь в начале 60-х годов в Ленинграде, где она умрет в неизвестности.

Но старшая и любимая дочь — Матрена — окажется достойной дочерью Распутина. Она тоже сыграет роковую роль в судьбе Царской Семьи...

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ

Находясь под арестом в Царском Селе, Аликс уже не могла навещать могилу «Нашего Друга». Но теперь он сам навещал ее — во снах.

И один из этих снов был ужасен. Она стояла в Малахитовом зале Зимнего дворца. И он возник у окна. Тело его было в ужасных ранах. «Сжигать вас будут на кострах!» — прокричал он, и в зале польхнуло огнем. Он поманил ее, она бросилась к нему... Но поздно — весь зал уже был объят пламенем... И Аликс проснулась, захлебываясь криком. Теперь она с ужасом ждала неминуемого.

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

И дождалась. Капитану Климову, служившему в Царском Селе, удалось обнаружить могилу «Нашего Друга».

Еще в январе, «при старом режиме», Климов обратил внимание на ежедневный караул у Серафимовской часовни и на то, что туда часто приходили царица, Вырубова и великие княжны. Вместе с членом Государственной Думы журналистом Е. Лаганским и своими солдатами он решил поискать гроб Распутина в недостроенной часовне. В Царском Селе ходили слухи, что царица положила в гроб свои драгоценности.

Впоследствии Лаганский описал происходившее. Вход в брошенную строителями «Анину церковь» был заколочен, но по стропилам, по балкам они добрались до отверстия во втором этаже и проникли в часовню. Зажгли лучины — и заработали кирки климовских солдат. Гроб лежал глубоко в земле. Но солдаты, верившие в рассказы о драгоценностях, копали споро.

И вот откинулась крышка, и в тусклом свете они увидели бороду и сложенные крест-накрест руки...

Драгоценностей в гробу не было. Лишь поверх сложенных рук лежал небольшой деревянный образ. На оборотной его стороне химическим карандашом были начертаны собственноручные подписи царицы, дочерей и Подруги.

Сколько насмешек и проклятий было потом в газетах! Положить икону в гроб, да еще к распутнику! Писали о святотатстве!

На самом деле царица никакого отношения к этому не имела. Юлия Ден показала: «Икона с надписями, о которой много писали, была подарена Распутину еще при жизни, и Лаптинская, которая обмывала и одевала тело Распутина... сама, по своей инициативе положила эту икону в гроб Распутина».

Икону отправили в Петроградский Совет. И журнал «Огонек» тогда же опубликовал ее снимок с описанием: «Лицевая сторона образа — икона «Знамение Божьей Матери». Обратная сторона — собственноручные подписи Александры, Ольги, Татьяны, Марии и Анастасии, одна под другой. В углу под ними дарственная подпись Вырубовой: «11 декабря 16 года. Новгород. Анна».

РАСПУТИН

э п и л о г

Гроб вынесли из часовни, и обезображенное лицо мертвеца, покрытое гримом, глянуло в небо. Столпившиеся солдаты разглядывали торчащую клочковатую бороду и большую шишку на лбу, похожую на зачаток рога... Затем, как положено по революционным временам, у гроба начался митинг. Постановили: удалить труп Распутина из Царского Села.

И тогда, переступив через свое презрение к Керенскому, Аликс попросила его через начальника охраны полковника Кобылинского защитить тело от надругательства, Председатель Временного правительства велел тайно вывезти труп и захоронить.

Так начались... странствия тела! Сначала в товарном вагоне, в огромном ящике (под видом рояля) труп Распутина прибыл в Петроград. Здесь ящик поставили в гараж бывшего придворного ведомства — рядом с царскими свадебными каретами.

Решено было тайно зарыть труп где-нибудь в окрестностях Петрограда. На рассвете 11 марта тело (все в том же ящике из-под рояля) повезли по Старо-Петергофскому шоссе, чтобы закопать в безлюдном месте. Но в районе Лесного машина неожиданно встала, и сопровождающие решили «труп тут же на месте сжечь». Соорудили огромный костер и, облив бензином тело, сожгли.

Сохранился акт: «Мы, нижеподписавшиеся, между 7 и 9 часами совместными усилиями сожгли труп Распутина... Само сожжение имело место около большой дороги из Лесного в Пескаревку при абсолютном отсутствии посторонних, кроме нас, рук своих приложивших...» И внизу подписи уполномоченного Временного комитета Государственной Думы Ф. Купчинского, представителя Петроградского градоначальника ротмистра В. Кочадеева и шести студентов Петроградского политехнического института.

По легенде, Распутин и тут не обманул ожиданий присутствующих, веривших в его дьявольскую силу. Под действием огня его труп начал будто приподниматься и только потом исчез в пламени.

Пепел развеяли по ветру. Так Распутин прошел все стихии — воду, землю, огонь и ветер.

Но и после сожжения Распутин не оставил Царскую Семью — все их печальное заточение он продолжал быть рядом.

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

В Тобольске во главе епархии стоял Гермоген, когда-то сосланный туда «царями» за обличения «Нашего Друга». Власть этого сурового пастыря, его авторитет были еще непререкаемы. Гермоген хотел (и мог!) помочь Семье бежать. Но Аликс так и не смогла забыть: Гермоген — враг Григория. И не доверилась ему...

Зато доверилась другому — Борису Соловьеву, сыну Николая Соловьева, того самого казначея Синода и почитателя Распутина. Этот пройдоха был женат на дочери Распутина Матрене — вполне достаточно для того, чтобы Аликс поверила: его послал «Наш Друг». И она пересылала Соловьеву свои драгоценности, чтобы он организовал их побег... Все осело в карманах у Соловьева. А после прихода к власти большевиков он добросовестно сдавал им несчастных офицеров, приезжавших в город, чтобы организовать освобождение несчастной Семьи.

Так из-за гроба мужик продолжал их губить...

Но царские драгоценности не пойдут Соловьеву впрок — все исчезнет в Гражданскую войну. Полунищий зять Распутина будет работать во Франции на автомобильном заводе и в 1926 году скончается от туберкулеза. Матрена Соловьева-Распутина устроится гувернанткой и с двумя крохотными дочерьми будет жить в небольшой квартирке в Париже. После выхода воспоминаний Юсупова она возбудит громкий судебный процесс против убийцы отца... А потом уроженка сибирского села очутится в Америке, где станет... укротительницей тигров! Умрет она в 1977 году в Лос-Анджелесе.

БЛАГОСЛОВЕНИЕ НА ГИБЕЛЬ

Кровь и ужасы Гражданской войны казались Аликс Божиим наказанием за гибель «Нашего Друга». И в день его гибели она писала Подруге: «Вместе переживаем опять... Вспоминаю... ужасное 17 число... *и за это тоже страдает Россия, все должны страдать за то, что сделали, но никто не понимает...*»

И другое письмо Ане — от 9 января 1918 года: «Но я твердо верю, что Он все спасет. Он один это может...» О ком это? О Григории? О Боге? Подчас это было уже непонятно в ее письмах...

РАСПУТИН

э п и л о г

А потом бывшие «цари» отправились в последнее путешествие. И всемогущий «Наш Друг» опять оказался рядом. В город их гибели — Екатеринбург — Николая, Александру и дочь Марию повезли... через Покровское!

До сих пор осталась эта дорога из Тобольска в Тюмень, идущая вдоль домов в селе Покровском, мимо его дома...

Мечту, которую не смела осуществить царица, осуществила заключенная — она увидела его реку, его деревья и его дом. Места, где состоялось его таинственное преобразование, о котором он столько рассказывал... Аликс записала в дневнике: «Около 12 приехали в Покровское... Постояли долго перед домом Нашего Друга... видели Его родственников, глядящих на нас в окно».

Так через полтора года после своего убийства он проводил и их на мученическую гибель. Исполнилось его предсказание?..

А БЫЛО ЛИ ПРЕДСКАЗАНИЕ?

Симанович в своей брошюре о «старце» привел некий текст, будто бы составленный Распутиным незадолго до смерти, который Симанович якобы тогда же и передал царице. Перепечатанный во многих книгах о Распутине, этот текст считался самым знаменитым его предсказанием: «Русский царь! Я предчувствую, что еще до 1 января (1917 года. — Э.Р.) уйду из жизни. Если меня убьют нанятые убийцы, то тебе, русский царь, некого опасаться. Оставайся на своем троне и царствуй... Если убийство совершат твои родственники, то ни один из твоей семьи (детей и родных) не проживет больше 2 лет... Меня убьют, я уже не в живых... Молись, будь сильным и заботься о своем избранном роде...»

Это «предсказание» не выдерживает никакой критики. В нем нет ни слова из престолярной, очень поэтической лексики Распутина. Хотя бы обращение «Русский царь» — так не мог обращаться к царю не только Распутин, но и вообще ни один русский человек. Это язык самого Симановича. «Предсказание», которое (как и множество других подобных «пророчеств») было напечатано уже после расстрела Царской Семьи, беспорно от начала до конца

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

сочинено Симановичем и является одним из мифов, которыми наполнены его воспоминания о Распутине.

Но тем не менее предсказания Распутина о непременной гибели Царской Семьи в случае его убийства зафиксированы многими свидетелями: Бадмаевым, Филипповым, Матреной Распутиной... Конечно, эти предсказания в какой-то мере могли быть способом самозащиты для хитрого мужика, который, зная ненависть к нему могущественных врагов, решил таким путем заставить «царей» бдительно себя охранять! Но, повторим, лишь в какой-то мере. Ибо совсем не надо быть пророком, чтобы предсказывать гибель «царей» в то время. Мысли и рассуждения о гибели режима и самой Царской Семьи носились в воздухе. Уже прогремела первая революция 1905 года, и грядущее кровавое падение «царей» пророчили не только революционеры, но даже... граф Витте и епископ Гермоген. О необходимости «спасать себя» твердили «царям» и великие князья, и председатель Государственной Думы. Так что предсказания Распутина были лишь частью всеобщего ощущения надвигавшегося Апокалипсиса.

И все же видения и пророчества — были! Были проявления *таинственной темной силы*, которой обладал этот человек. Уже после его смерти, 24 февраля 1917 года, ненавидевший Распутина протопресвитер русской армии и флота Шавельский записал свой разговор с профессором Федоровым, лечившим наследника.

— Что нового у вас в Царском? Как живут без «старца»? Чудес над гробом еще нет? — насмешливо спросил Шавельский.

— Напрасно смеетесь, — вдруг серьезно ответил ему Федоров. — Здесь тоже все смеялись по поводу предсказания Григория, что наследник заболит в такой-то день после его смерти... Утром указанного дня спешу во дворец. Слава Богу, наследник совершенно здоров. Придворные зубоскалы уже начали вышучивать меня, но... вечером вдруг зовут: «Наследнику плохо!» Я бросился во дворец... Ужас! Мальчик истекал кровью, еле-еле удалось остановить... Вот вам и «старец», вот и смейтесь над чудесами, — закончил профессор.

Так что в видениях, несомненно посещавших Распутина, должен был присутствовать грозный призрак будущего цареубийства и смерти несчастного мальчика... Как, впрочем, и неминуемой собственной гибели.

«ТЯЖЕЛАЯ РУКА»

И, конечно, этот мистический человек не мог не чувствовать свою «тяжелую руку» — печальное влияние на судьбы людей, с ним связанных. Недаром сын экзарха Грузии Молчанов, размышляя о смерти своего отца, замечает: «Обозревая прошлое всех лиц, которые связали свою судьбу с Распутиным... Илиодора, Гермогена, Саблера, Даманского, сторевшего от рака... я пришел, может быть, к суеверному убеждению, что у Распутина тяжелая рука». Почти теми же словами расскажет следователю Белецкий о том, что он «видел печальный конец всех лиц, которые искали в Распутине поддержки... обязательный фатальный для них позор...» Но высокопоставленный чиновник Белецкий говорил лишь о конце *карьеры* людей, связанных с Распутиным. Он еще не знал, что надо было думать о конце их *жизни*...

Февраль оказался лишь первой ступенькой в кровь. Но скоро грянул Октябрь, и в камеры Петропавловской крепости явилось пополнение — к царским министрам, посланным туда Февральской революцией, присоединились творцы этой революции. Происходили забавные случаи: министра Временного правительства Терещенко (того самого, который говорил о цареубийстве с великим князем Николаем Михайловичем и, по его словам, вложил пять миллионов в Февральскую революцию) радостно приветствовал царский министр юстиции и председатель Государственного Совета Щегловитов: «А, вот и вы, Михаил Иванович! Право, необязательно было вам отдавать революции пять миллионов рублей, чтобы попасть сюда. Намекни вы мне об этом раньше, я приютил бы вас здесь бесплатно...»

И как символ, как напоминание о грозно вздетых руках Распутина, на его Гороховой улице открылось самое страшное учреждение в Петрограде — большевистская Чрезвычайная комиссия, так не похожая на идиллическое создание Временного правительства с тем же названием. Оттуда к расстрельной стенке последуют многие знакомцы Распутина...

Как огромно кладбище людей, связанных с Распутиным и погибших насильственной смертью! Ляжет в безвестные моги-

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

лы вся честная компания распутинских выдвиженцев: Протопопов, Хвостов и Белецкий. С перемещением столицы в Москву этих бывших сановников перевезут в Бутырскую тюрьму. Адвокат С. Кобяков, выступавший защитником в революционных трибуналах, вспоминал: «5 сентября... в дни красного террора... им объявили, что они будут расстреляны... Бывший протоиерей Восторгов (еще один знакомец Распутина! — Э.Р.) проявил перед смертью величие духа: исповедовал их, отпустил грехи перед смертью. Расстреляли их всех в Петровском парке, рядом с рестораном «Яр», где так любил кутить Распутин. Казнь совершили публично. За несколько минут до расстрела Белецкий бросился бежать, но его вогнали в круг палками...»

Князь Андроников, столь близкий к «старцу» опасный сплетник, будет расстрелян в 1919-м. Погибнут епископы Варнава и Исидор. Не пощадит мучительная гибель бывшего друга, а потом врага Распутина — Гермогена. Павел Хохряков, глава тобольских большевиков, рассказывал, как он вывез епископа на середину реки, надел ему на шею чугунные колосники и столкнул в воду. И когда мощный Гермоген пытался удержаться на поверхности, его баграми забили, затолкали под воду... Как и Распутин, в реке погиб его главный враг, живым, как и Распутин, пошел ко дну...

И журналист Меньшиков, и царский священник отец А. Васильев... можно долго читать этот мартиролог распутинских знакомцев, погибших от рук большевиков... И конечно же Манасевич-Мануйлов, умело воспользовавшийся Октябрьским переворотом, чтобы освободиться из тюрьмы. Он счастливо добрался до самой финской границы, но на таможене его узнал некий матрос: «Не вы ли, часом, будете Манасевич-Мануйлов?» Тот успешно открестился от подозрения и уже готовился навсегда покинуть большевистскую Россию. Но он забыл о «тяжелой руке»... Именно в этот момент в комнату вошла его давняя любовница, актриса Лерма-Орлова, также уезжавшая в Финляндию. Увидев Манасевича, она восторженно закричала: «Ванечка!»

И расстреляли «Рокамболя» на самой границе...

РАСПУТИН

э п и л о г

Погибнут и великий князь Николай Михайлович, и великий князь Павел Александрович. И они сами, и их родственники внесли немалый вклад в распутинскую историю. Рядом с могилами их предков, великих российских царей, примут они смерть от большевистской пули... Ольга, жена Павла, напишет в своих воспоминаниях: «В ночь на 16 января... вдруг проснулась и явно слышала голос мужа: «Я убит»...

Не минует пуля и Джунковского. Он сумеет пережить революционные времена, но придет пора нового террора... Бывший глава жандармов, генерал с воинственными усами, будет жить (точнее — существовать) в то время тихо и бедно — церковным старостой. Но метла террора его не пропустит: в 1938 году распутинского врага повезут на Лубянку — к расстрельной стенке.

ВЫЖИВШИЕ

Благополучно покинул Россию и вывез семью пройдоха Симанович — «тяжелая рука» Распутина не стала ему помехой. А может быть, его защитила благодарность десятков несчастных евреев, которых он спас при помощи «Нашего Друга» от расправы или фронта, и сотен тех, кому он через него добыл разрешение жить нормальной жизнью в Петрограде? За деньги (как утверждала полиция) или бескорыстно (как он сам утверждал), но Симанович помог этим бесправным...

Остался в живых Илиодор. Впрочем, неизвестно, что лучше — пуля или мучения, которые выпали на его долю. Он эмигрировал в Америку, где пережил биржевую катастрофу 1929 года, ужасное разорение, съевшее все деньги за книгу о Распутине, смерть сына, развод с женой... Он постригся в монахи в Мелвиллском православном монастыре, потом его видели в Нью-Йорке. Совершенно одинокий, нищий, он умер в 1952 году...

Сосланный в Тверь бывший обер-прокурор Синода Саблер пережил красный террор. Хотя ненадолго. Он жил подаяннем и умер от голода...

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

В Петрограде тихо жили Головины. После гибели «отца Григория» они, как и царица, ждали «всеобщего наказания» и не удивились, когда к власти пришли большевики. «Такою же тихой, ласковой, с обычным мигающим взглядом и даже в неизменной вязаной кофточке... я застала Муню, когда я пришла к ней на Мойку, случайно очутившись в Петрограде сейчас же после Октябрьской революции, — вспоминала Жуковская. — Еще ничто не изменилось в доме, даже казачок, дремавший в передней, и злой пудель Таракан были на своих местах... Меня провели к Муне в комнатку, здесь тоже было все по-старому, даже кровать Лохтиной за ширмой и ее посох с лентами, но сама она со времени смерти Распутина жила безвыездно в Верхотурье».

Здесь Жуковская ошиблась: Лохтина после Февральской революции находилась в заключении. В «Том Деле» есть документ о ее аресте: «8 марта в скиту Октай... арестована известная последовательница Распутина... Ольга Владимировна Лохтина». Генеральшу поместили в Петропавловскую крепость. Большевистский переворот освободил ее, и она вновь отправилась в Верхотурье. Но монастырь уже разгромили большевики... В 1923 году ее будто бы видели в Петрограде — старуха в оборванном и грязном балахоне, с высоким посохом грозно просила подаяние у вокзала...

Беды обрушились и на Жуковскую. И главная — смерть горячо любимого мужа. В 1924 году, еще молодой, она перебирается на жительство в село Орехово во Владимирской губернии. И там, в глуши, добровольной затворницей писательница окончит свою жизнь, будто замаливая какой-то грех...

Такой же затворницей была и Вырубова в Финляндии. Став тайной монахиней, она жила одиноко, почти не покидая свое жилище, общалась лишь с женщиной, которая ей помогала. В 1964 году в абсолютном одиночестве она умерла в Хельсинкском госпитале...

Несмотря на революцию и террор, никто из убийц Распутина не погиб от пули, не разделил судьбы столь многих своих друзей. Умер в своей постели от тифа в Гражданскую войну Пуришке-

РАСПУТИН

Э П И Л О Г

вич. В Швейцарии умер великий князь Дмитрий — один из немногих уцелевших Романовых. В Париже благополучно скончались князь Юсупов и доктор Лазаверт...

Но воспоминания о мужике не покидали их до смерти.

Марина Грей рассказала мне историю о докторе Лазаверте. Он купил в Париже квартиру и мирно жил, пытаясь изгладить из памяти кошмар той ночи. Однажды он уехал отдыхать на лето, а когда вернулся, увидел, что в его доме открыли ресторан. Ресторан назывался... «Распутин»!

Мужик продолжал мистически участвовать даже в судьбах их детей. Ксения Николаевна, внучка Феликса Юсупова, рассказала о том, как в 1946 году ее мать (та самая, которая ребенком кричала — «война... война...») вышла замуж, сменила фамилию и приехала в Грецию. Там она познакомилась с женой голландского посла, очаровательной русской женщиной. Они стали неразлучными подругами. Когда наступило время расставаться, жена посла сказала дочери Юсупова: «Я хочу открыть вам горькую правду, которая, возможно, вам не понравится... Дело в том, что моего деда зовут Григорий Распутин». Это была одна из дочерей Матрены и Соловьева. «Моя правда, — ответила ее подруга, — возможно, не понравится вам еще больше. Дело в том, что мой отец убил вашего деда...»

«ВЕЧНО ВМЕСТЕ И НЕРАЗЛУЧНЫ»?

И в смерти, и после смерти он оставался с Царской Семьей. Семья примет смерть в очень похожем подвале. И точно так же их тела будут брошены в воду (в затопленную шахту), а потом, как и останки мужика, преданы земле... И так же, как и труп «Нашего Друга», после расстрела будут «странствовать» с места на место трупы Царской Семьи. И так же, во время поиска места для тайного захоронения, внезапно застрянет грузовик с трупами Семьи, и так же разложат костер, чтобы их сжечь. И царевича Юровский напишет в своей «Записке»: «Около 4 с поло-

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

РАСПУТИН

виной утра машина застряла окончательно... оставалось... хоронить или жечь... Хотели сжечь Алексея и Александру Федоровну, но по ошибке сожгли вместо последней... Демидову».

Так что тело наследника, ради которого мужика и позвали во дворец к «царям», познает и огонь, как и труп его целителя. Пули — вода — земля — огонь... И как символ присутствия «Нашего Друга» — на обнаженных телах великих княжон Юровский увидит ладанки *с его лицом и его молитвой*. Как удавки на девичьих шеях...

НЕВЕДОМОЕ

Кто же он — этот мужик, явившийся в огне первой революции и погибший накануне второй? Он, несомненно, искренне веровал в Бога — и при этом был великим грешником. С простодушием от века необразованного, темного русского крестьянства он попытался соединить тайные страсти с учением Христа. И закончил сектантством, хлыстовством, развратом... оставаясь при этом глубоко религиозным человеком.

Он был воплощением поразительной способности — жить внутренне праведно в оболочке непрестанного греха. Об этой способности русского человека писал великий поэт.

Грешить бесстыдно, непробудно,
Счет потерять ночам и дням,
И, с головой от хмеля трудной,
Пройти стороной в Божий храм.
Три раза преклониться долу,
Семь — осенить себя крестом,
Тайком к заплеванному полу
Горячим прикоснуться лбом.
Кладя в тарелку грошик медный,
Три, да еще семь раз подряд
Поцеловать столетний, бедный
И зацелованный оклад...

(А. Блок)

РАСПУТИН

э п и л о г

Счастлиное страдание от покаяния в грехе... и чем больше грех, тем больше страдание и счастье.

Христос давно покинул его, а он все молился, не понимая, что давно служит Антихристу.

Диктант для диктатора

Интервью Эдварда Радзинского «Российской газете», 2010 г.

Российская газета

История перестала быть наукой, все больше становится товаром, невольно думаешь об этом, глядя ТВ. История хорошо продается. Вы с этим согласны?

Эдвард Радзинский

Не только история, сама жизнь. Сегодня (14 октября. — *Прим. ред.*) все каналы мира показывали лица счастливых шахтеров, которых наконец-то чудесно спасли после аварии на шахте в Чили. И вот я смотрю по Euro News, как чилийский президент жарко обнимает спасенных. И тотчас за трогательной сценой раздается комментарий ведущего, сообщающего, что после этих событий “рейтинг чилийского президента сильно повысился”. Новости Euro News повторяются каждые полчаса, и каждые полчаса вы видите и слышите одно и то же: президент обнимает шахтеров, и “рейтинг президента сильно повысился”. И этот неудачный комментарий телеведущего удачно становится картинкой современного мира, “где все — политика, все — на продажу”.

Что же касается Истории, то четыре десятка лет назад я написал монолог историка в своей пьесе “Снимается

кино”, поставленной тогда в “Ленкоме”. Один из героев пьесы говорит: “Я начинал историком в 20-е годы. И моя первая работа была о Шамиле. Шамиль как вождь национально-освободительного движения. Но уже в конце тридцатых годов взгляды переменялись, и Шамиль стал считаться агентом империализма. И я признал свою ошибку. Потом, во время Отечественной войны, он вновь стал освободительным движением. И я признал ошибкой, что я признал свою ошибку. Потом, в сорок девятом, несчастного Шамиля снова объявили агентом, и я признал ошибкой, что я признал ошибкой, что признал свою ошибку”. Все прошедшие сорок лет этот монолог можно было бы продолжать...

Ибо История у нас была и есть “политика, обращенная в прошлое”. На самом деле История – карта для мореплавания. И если места, где потерпел кораблекрушение корабль, из самых патриотических побуждений объявляются местами наших побед, – горе стране! Ей придется еще раз наступить на те же грабли и повторить невыученный урок!

РГ

Что больше объединяет народ – беды и несчастья или победа?

Радзинский

С объединительными идеями у нас неважно. Я вспоминаю о печальной истории захоронения останков Романовых... Во времена СССР представители РПЦ за рубежом мечтали, какой это будет великий день всенародного покаяния, когда найдут и перезахоронят останки расстрелянной царской семьи. И это покаяние станет

днем великого единения народа! И вот наступил этот день... И тотчас началась какая-то странная, дикая борьба. Тотчас возникла версия, что останки, найденные в могиле, описанной главным царевницей Юровским, — не те... Хотя уже была генетическая экспертиза, и было доказано, что эти останки принадлежат родственникам английского принца Филиппа, который был в родстве с русской царской семьей... Представить, что много костей родственников принца Филиппа разбросаны по окрестностям Екатеринбурга, вообще, трудно. Хотя были сделаны один за другим несколько генетических тестов, подтвердивших, что это царская семья. Все равно — “не те”! У оппонентов были порой интереснейшие соображения. Например: если останки принадлежат невинно убиенным Романовым, которые причислены к лику святых, почему сии останки не совершают чудеса?

Хотя на их глазах творилось чудо из чудес: люди, еще недавно бывшие в руководстве партии, расстрелявшей Романовых, теперь занимались тем, чтобы их торжественно захоронить.

А потом наступил главный день — отпевание в Петропавловском соборе... От аэропорта, где приземлился самолет из Екатеринбурга с останками царской семьи, до Петропавловской крепости вдоль дороги выстроилась непрерывная цепь людей, и некоторые — на коленях. Президент страны Ельцин каялся в Петропавловском соборе, Ростропович и Вишневская стояли в соборе на коленях, но... Священник отпевал царскую семью как некие “невостребованные трупы”, не называя имен! И вместо единения за стенами собора разгорался яростный спор, наш традиционный спор — до ненависти!

РГ*Это национальная особенность?***Радзинский**

Это особенность граждан России, всех национальностей. Наша особенность в том, что у нас на двух людей часто приходится три мнения. Все это подогревается нашей традиционной “любовью” друг к другу, которая известна в мире.

Несколько слов об этой “любви”. Помню, в США вышла моя книга про Николая II. Великолепные рецензии были во всех американских газетах. Единственная статья, уничтожившая книгу, появилась в маленькой газете. И принадлежала перу русского автора. Я перевел эту статью своему редактору. Редактором моей книги была Жаклин Кеннеди. Она сказала: “Не огорчайтесь! Это такой жанр – русские о русских”. Профессор Альма Лоу, написавшая прекрасные работы по русскому театру и часто посещавшая нашу страну, как-то сказала: “Когда я приезжаю в вашу страну, я никогда не спрашиваю ваших людей мнения друг о друге”.

РГ

Но тогда получается, что единства страны достичь невозможно. Есть ли у нас какие-то способы решения конфликтов? Получается, что мы не умеем справляться с конфликтами. У нас любой конфликт кончается крайностью.

Радзинский

Полезный вопрос. Дело в том, что существует такое понятие: толерантность. Если у меня другое мнение, это

не значит, что я ваш враг или идиот. Это просто значит, что у меня другое мнение. Если, допустим, два шведа сидят на скамейке, у них абсолютно разные мнения, они не начинают ссориться или драться. У нас же все время надо быть храбрым и отчаянным, отстаивая свое мнение. Если сегодня ты против Солженицына, ты должен быть смелым сегодня. А если вчера ты был за него, ты должен был быть смелым вчера. И так во всем и всегда.

Я хочу напомнить господам раздражающимся, что в далеком XIX веке раздраженный столичный градоначальник Трепов велел высечь ни за что несчастного студента Боголюбова. И раздраженная этой расправой госпожа Засулич в ответ пальнула в градоначальника. Вот с этих раздражений, как пишут историки, и “пошли часы русской революции”.

Понимаете, нам надо привыкнуть к тому, что если человек говорит что-то отличное от вашего мнения, он не “замышляет”. Он только высказывает другое мнение. Всего лишь.

Пока не будет толерантности, ничего не будет.

РГ

Вы однажды сказали, что воображение бывает сильнее реальности. А может ли быть воображение сильнее правды? Ваши оппоненты говорят, что Радзинский придумывает свою историю. Хотя вашей истории больше веришь, чем настоящей.

Радзинский

На самом деле, когда я пишу свои исторические биографии, я всегда помню приказ заключенным в сталинских лагерях: шаг влево, шаг вправо – стреляю без предуп-

реждения. Я стараюсь ни шага от документов не делать. И если я предполагаю свою версию даже на основании документов, я пишу: “Версия”. В “Александре II” у меня есть версия о причине смерти Достоевского, я честно пишу: “Это версия”. И когда я рассказывал по телевидению версии биографии Сталина, этот цикл так и назывался “Загадки Сталина. Версии биографии”.

РГ

Например, версия о том, что Сталин был двойным агентом РСДРП и царской охранки и что Ленин это знал и это использовал. Откуда она возникла?

Радзинский

Когда я учился в Историко-архивном институте, то еще студентом проходил практику в архиве департамента полиции. Тогда рассматривались прошения старых большевиков о персональных пенсиях. И вот мы должны были проверять этих людей и по судебным делам, и... по картотеке провокаторов департамента полиции. И однажды у одного из старых большевиков они совпали. Он работал на департамент полиции, одновременно являясь членом партии большевиков. Он был заслан в ряды провокаторов... большевиками! Владимир Ильич это действительно использовал...

Но использование провокаторов – это очень опасно. Я недавно закончил роман, который называется “Стучач”. Это история царской тайной полиции и трагическая история Александра II. Смысл романа ужасен. Из лучших побуждений царская тайная полиция сделала очень много для того, чтобы империя рухнула. Провокаторы переплели тайную полицию и революционеров.

Багров по заданию тайной полиции был провокатором, он был агентом полиции. Но именно он по заданию революционеров убил Столыпина. Азеф был агентом тайной полиции, и он же организовал самые громкие убийства московского губернатора великого князя Сергея Александровича, министра, шефа корпуса жандармов Плеве и т.д. Всего Азеф организовал около 30 террористических актов. Этот агент царской полиции убил столько известных государственных мужей, сколько не снилось ни одному пламенному революционеру-террористу.

РГ

Как тогда изучать историю? Получается, что нельзя верить ни одному документу, ни одному свидетельству.

Радзинский

Надо понимать язык каждой эпохи. Царским документам можно верить, но нужно проверять, документам Сталинской эпохи — веры нет. Они написаны на особом языке. Я называю это “глубокий язык”. Вот Сталин, Мерецков, тогдашний командующий войсками Ленинградского военного округа, и член ЦК Куусинен обсуждают ситуацию с Финляндией. Сталин предупреждает, что Финляндия может на нас напасть и нужно разработать целый ряд мер защиты от этого нападения. При этом Мерецков знает, что на самом деле разговор идет о нашем нападении на Финляндию. И Куусинен это знает. И Иосиф Виссарионович знает, что они знают. Но так надо говорить, ибо не может социалистическое государство быть агрессором. Поэтому наряду с документами, написанными на “глубоком языке”, приходится пользоваться

рассказами современников. Ибо, как говорила госпожа де Сталь, “в России – все секрет, но ничего не тайна”.

Но это не значит, что я утверждаю: в этих рассказах – обязательно истина. Это лишь значит, что я не могу и не хочу обойти эти рассказы. К примеру, рассказы о вожде Петра Павленко, драматурга, любимца Сталина, автора самых знаменитых фильмов о вожде – “Клятва” и “Падение Берлина”, сценарии которых Сталин правил лично...

РГ

Вы коснулись темы Сталин и писатели. У Сталина был вкус? Он разбирался в литературе, в искусстве?

Радзинский

Сталин любил полезную литературу. Читая роман Льва Толстого “Воскресение”, где есть размышления о нравственности, он мог написать сбоку: “Ха-ха-ха”. Но не только не запрещал Толстого, а, наоборот, пропагандировал.

Сталин очень много читал, в том числе множество книг современных писателей. Симонов пишет, что порой во время обсуждения Сталинских премий Сталин всех изумлял. Вдруг говорил: “А вы читали такое-то произведение?” Никто не слышал даже имени автора. Сталин: “Это очень полезная книга. Можно дать ей третью премию”.

Потом оказывалось, что это чудовищное с литературной точки зрения произведение. Но Хозяину оно нравилось, потому что оно было “полезное”. Сталин любил историческую литературу, он был большой поклонник

Иоанна Мучителя (так современники звали Ивана Грозного) и опричнины. В 42-м году Сталин читал и трогательно правил пьесу “Иван Грозный”. Там, где Грозный говорит: “Ах-ах!” — он вычеркивал. Потому что Грозный должен выражаться, как он, Сталин, — кратко и немногословно. Нормальный вкус диктатора. Но ужас был в том, что вся страна должна жить по этому вкусу.

РГ

Он спас от злобы кинематографистов “Веселых ребят”.

Радзинский

Да, он был кинозритель. И у темноволосого грузина, как и положено кинозрителю, была своя любимая киноактриса — яркая блондинка Любовь Орлова... Именно Сталин сформулировал закон тогдашнего нашего кинематографа, кстати, схожий с главным законом Голливуда. Посмотрев фильм по сценарию Павленко “На Дальнем Востоке”, где в конце убивали главного героя, Сталин сказал, что фильм ему нравится, но... “Пусть умирают наши враги”. Героя быстро оживили, после чего все героини наших фильмов оставались живыми. Голливуд поступает так же. Там героиню могут пытаться, даже насиловать, но в конце фильма она победит всех врагов.

РГ

Почему мы плохо живем?

Радзинский

Смотря кто... Думаю, мы лучше жили бы, если бы власть ушла на отдых на какой-то период. Я предлагаю

не снимать мигалки с машин, а наоборот, оставить их, но пусть эти машины милиция все время тормозит. Ибо как только Дума перестанет думать, начнется расцвет. Полю, на котором так долго трудились, нужно дать отдохнуть. Это, конечно, шутка, но не совсем. Проблема у нас всегда была – в управлении. В России самой бездарной оказывалась элита.

РГ

Она сама себя воспроизводит?

Радзинский

Ее попытались поменять во время Февральской революции. Пришла вроде бы настоящая элита – образованнейшие люди. И тут же все до конца развалили и породили власть большевиков. Перед началом войны только три человека в России понимали, что воевать с немцами не нужно. Это были те, кого прогрессивные люди называли “темными силами”. Это – царица, весьма далекая от жизни насущной, ее полуграмотная подруга Вырубова и неграмотный мужик Распутин. Правда, был еще четвертый, который так же верил, что война разрушит империю. Но не боялся этого, а, наоборот, надеялся. Ленин! Но вся элита – Милюков и т.д., все эти светлые, благороднейшие люди – хотели войны.

РГ

Может, это просто вера нации в саму себя?

Радзинский

Нет, это была бездарность управления. Это незнание того, что у армии практически нет современного

вооружения, что во главе армии множество бездарных карьерных генералов. И что гвардейские полки, которые маршируют на Марсовом поле, это не та армия, которая будет воевать в окопах. И, наконец, кто сможет стать успешным главнокомандующим? В результате командовал великий князь Николай Николаевич, потому что огромным ростом был похож на Верховного. Но вскоре вместо великого князя Верховным стал маленький Николай II. И в армии сокрушались: какой же он маленький! И это было серьезно – высокий или маленький! Охранники, которые охраняли царскую семью в Ипатьевском доме, разочарованно говорили: “Николашка и на царя-то не похож, такой маленький!”

РГ

Что вы думаете о власти денег?

Радзинский

В нашей стране при большевиках деньги были довольно условной вещью. И вот впервые появились безусловные деньги. Деньги, на которые можно купить радости жизни. И, как бывает с никогда не пившими людьми, отведав опасного напитка, люди вмиг стали пьяными... Я никогда не забуду, статья в глянцевого журнале – и открытие: “Деньги решают все”.

Между тем мне припоминается еще одна история, о которой я прочел у одного американского проповедника...

В 1923 году в Чикаго собрались главные люди Америки. Это были те, кто решал все финансовые вопросы страны. Съезд тех, кто правил всей американской жизнью. Глава сталелитейной компании, глава продовольствен-

ной компании, председатель Нью-Йоркской фондовой биржи, знаменитый брокер, президент международного расчетного банка и еще глава одной из крупнейших компаний. Их имена знала вся Америка. Об этом великолепном гордом съезде писали все газеты. Но что с ними случилось потом? А потом был кризис и... Шваб, глава сталелитейной компании, умер нищим. Артур Каттен, главный спекулянт зерном, умер банкротом. Ричард Уитни, председатель Нью-Йоркской фондовой биржи, попал в тюрьму. Остальные – Джесси Ливермор, Леон Фрейзер, президент международного расчетного банка, Айвон Крюгер, глава крупнейшей монополии, – покончили с собой.

Этот список я собираюсь озвучивать постоянно.

РГ

По телевизору тоже будете читать?

Радзинский

Везде, куда будут звать. Я постараюсь внедрить в страну понимание того, что эти “штучки”, именуемые “деньги”, однажды могут оказаться бумажками, которые распространял Воланд в “Мастере и Маргарите”.

РГ

Мы слышали, что вы отправляетесь с гастролями по городам-миллионникам. Куда вы в первую очередь поедете?

Радзинский

Туда, куда меня зовут. Первым городом будет Казань, о дальнейшей очередности я еще думаю. Может быть, Новосибирск и Екатеринбург. Потом, возможно, Омск, а

из стран ближнего зарубежья — Одесса и Киев. Когда-то я хотел поехать в Одессу и там закончить свои выступления навсегда. Но, вернувшись в Москву, заболел и был вынужден слушать телевизор. Послушав некоторое время, я сказал себе: нет, я все-таки вернусь. Потому что многое из того, что я услышал, было мне крайне противно.

РГ

С чем вы думаете выступить на телевидении?

Радзинский

Название не скажу. Но скажу точно, что это будет взрывчатый цикл. Три или четыре серии передачи. Мне самому интересно, как к этому отнесутся.

РГ

Вы жаворонок или сова? Когда вы работаете?

Радзинский

Когда с утра, когда днем, когда вечером... Когда выступаю, выключаюсь из жизни... При этом я не готовлюсь специально к выступлению. Иначе это будет лекция, а должна быть импровизация... Я просто думаю на тему. Но у меня беда: я все помню. Это ужасная вещь. Мне хочется рассказать и это, и это, и это... И начинаешь умирать от столпотворения тем.

РГ

Вы себя чувствуете артистом?

Радзинский

Я ужасно наигрывающий артист и при этом... очень хороший артист! Потому что я верю в то, что говорю. И это заражает зал! Ведь что такое хороший джазист? Он выходит и хватается аудиторию в тиски, держит ее звуком. И я знаю, что выйду и тоже буду железно держать аудиторию. Эфрос, наверное, пришел бы в ужас от того, что делаю как артист. Но иначе делать не умею. Иначе не умею передать ярость и жестокость моих персонажей...

РГ

Это транс такой?

Радзинский

Должно быть... Но я не могу долго без выступлений. Я начинаю болеть. После трехчасового выступления в зале Чайковского я вернулся домой счастливым... и отдохнувший. В этот момент, если бы у меня было 10 выступлений, я бы выступал дальше и дальше.

РГ

Что вы думаете о современном театре?

Радзинский

Это особый театр, где множество актеров именуются “звездами”, потому что они снялись в каком-то сериале. И есть несчастный главреж, который не может им достойно платить и оттого не может нормально репетировать с вечно исчезающими на съемки актерами. Ибо на зарплату, которую платит им театр, жить нельзя, можно только существовать. При этом им говорят: живите для

искусства, и приводят в пример великих актеров советского театра.

Но они не великие, они, как правило, средние актеры или, попросту, “натурщики”. И они живут в другое время, в другой стране, где название “Единая Россия” очень условно. В нашей стране как минимум две России, очень разные по благосостоянию. И они хотят жить в той России, где живут, а не выживают... И поэтому должны много сниматься.

Короче, серьезная пьеса, где, не дай Бог, много действующих лиц, становится пыткой для театра.

РГ

Есть ли в истории персонажи, о которых вам хотелось бы написать?

Радзинский

Я с детства боготворил Наполеона. Вся его жизнь — это великое соревнование с историей. Но и этот самый просвещенный из диктаторов, в конце концов, сказал: “Мысль — вот враг царей”. И ревностно душил и печать, и театр, и литературу.

РГ

Судя по вашей последней книге, вас интересуют не только цари и диктаторы. “Железная маска и граф Сен-Жермен” написана о “куртуазном веке”, в который вы явно влюблены. Что вас заинтересовало в личности Сен-Жермена и почему вы начинаете книгу как самый настоящий роман, со встречи с вымышленным человеком в Париже?

Радзинский

Потому что это и есть роман, но роман исторический. Я писал его с восторгом, ибо у меня была возможность посещать... XVII век! Да, я посещал этот век – век мушкетеров, век интриг, мужской век, которым правили... женщины! Потому что они правили сердцами. Заставив мудрейшего человека века признаться: “Ум всегда в дураках у сердца”.

Литературно-художественное издание

Радзинский Эдвард Станиславович
Распутин

Ведущий редактор *М. П. Николаева*
Корректор *И.Н. Мокина*
Технический редактор *Е.П. Кудиярова*
Компьютерная верстка *В. Челядинова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов заказчика 11.04.11.

Формат 84×108¹/₃₂. Усл. печ. л. 30,24.

Бумага газетная. Печать высокая с ФПФ.

(ВСР) Тираж 5000 экз. Заказ 407.

Тираж 2000 экз. Заказ 406.

(Метропресс) Тираж 13 000 экз. Заказ 405.

Тираж 3000 экз. Заказ 408.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

ООО «Издательство Астрель»

129085, г. Москва, проезд Ольминского, д. 3а

ООО «Издательство АСТ»

141100, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96

Электронный адрес:

www.ast.ru

E-mail: astpub@aha.ru

Издано при участии ООО «Жарвест». ЛИ № 02330/0494377 от 16.03.2009.
Республика Беларусь, 220013, Минск, ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.
E-mail редакции: harvest@aniteх.by

ОАО «Полиграфкомбинат им. Я. Коласа».

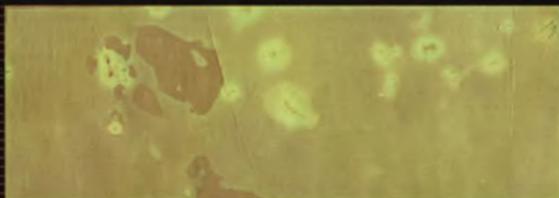
ЛП № 02330/0150496 от 11.03.2009.

Республика Беларусь, 220600, Минск, ул. Красная, 23.

И опять мерещится все та же ночь — финал истории трехсотлетней империи в грязном подвале. И опять падает навзничь царь, и две девочки стоят на коленях у стены, закрывшись руками от пуль, и комендант Юровский вбегает в пороховой дым дострелить ползающего по полу мальчика...

Только теперь в этом дыму я вижу еще и бородатого мужика, который столько сделал для того, чтобы случился этот подвал! И который знал, что он случится!

www.elkniga.ru

ISBN 978-5-17-069813-4

9 785170 698134

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ